

2026 / 2(88)

локальные культуры / local cultures

проект
байкал /
project
baikal

АРХИГЕШ-2026
АРХБУХТА-2026

12+

ФЕСТИВАЛЬ ПРО ГОРОД
И ЕГО БУДУЩЕЕ ДЛЯ ГОРОЖАН
РУКАМИ АРХИТЕКТОРОВ

<https://zvsiberia.ru/>

Межрегиональный архитектурный фестиваль
ЗОДЧЕСТВО В СИБИРИ XXVI
Омск 9–12 июля 2026

АРХИТЕКТУРА
УНИКАЛЬНОСТИ

Смотр-конкурс Деловая программа Экскурсионный трек Образование/практикум Детский трек Иммерсивная выставка

Культура представляет главный смысл и главную ценность существования как отдельных народов и малых этносов, так и государств. Вне культуры самостоятельное существование их лишается смысла.

Д. С. Лихачев

Я родился и вырос в балтийских болотах, подле серых цинковых волн, всегда набегавших по две, и отсюда – все рифмы, отсюда тот блеклый голос, выющийся между ними, как мокрый волос, если вьется вообще.

И. Бродский

Места, в которых каждый из нас родился и вырос, оставляют свой отпечаток. Характер каждого места, его *genius loci*, формирует свою локальную (от лат. *locus* – место) систему ценностей, свои понятия о красоте, привязанные к пейзажу, климату, истории, традициям, – все то, что, собственно, и называется культурой. В том числе – культурой архитектурной.

Поиски локальной идентичности – дело совсем непростое. Далеко не всегда удается выделить и осознать элементы культурного наследия, полезные и необходимые в настоящем и будущем. Жить так, как жили предки в незапамятные времена, сегодня невозможно. Какие проекты по поиску локальной культуры можно привести в качестве удачного примера? Какие ошибки уже случились и теперь нуждаются в обсуждении, чтобы не повторяться? Чем локальные культуры могут и должны поделиться между собой, чтобы обеспечить движение к «цветущему разнообразию», и какие препятствия нужно преодолеть на этом пути?

Тема локальных культур, как и сам термин, философична, однако и к нашей профессии имеет отношение, вот мы и попробовали прикоснуться и даже проиллюстрировать философский предмет в этом выпуске журнала «Проект Байкал».

Елена Григорьева

Culture represents the main meaning and main value of the existence, both of individual peoples and small ethnic groups, as well as states. Outside of culture, their independent existence loses its meaning.

D. S. Likhachev

I was born and grew up in the Baltic marshland by zinc-gray breakers that always marched on in twos. Hence all rhymes, hence that wan flat voice that ripples between them like hair still moist, if it ripples at all..

J. Brodsky

The places where each of us was born and raised leave their mark. The character of each place, its *genius loci*, forms its own local (from Latin '*locus*', meaning 'place') system of values, its own concepts of beauty, which are related to the landscape, climate, history, traditions – all that, in fact, is called culture, including architectural culture.

The search for a local identity is not an easy task. It is not always possible to identify and understand the elements of cultural heritage that are useful and necessary in the present and the future. Today, it is impossible to live the way our ancestors lived in ancient times. What projects on the search for local culture can be cited as a good example? What mistakes have already been made and now need discussing so as not to be repeated? What can and should local cultures share with each other in order to ensure the movement towards "flourishing diversity", and what obstacles must be overcome on this path?

The topic of local cultures, like the term itself, is philosophical, but it is also relevant to our profession, so we tried to touch and even illustrate the philosophical subject in this issue of the Project Baikal journal.

Elena Grigoryeva

Журнал зарегистрирован
Восточно-Сибирским
управлением Федеральной
службы по надзору
за соблюдением
законодательства в сфере
массовых коммуникаций
и охране культурного
наследия.
Свидетельство
ПИ №ФС13-0180 от
16.11.2007

**учредитель,
главный редактор**
Е. И. Григорьева
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а

12+

**корректоры,
литературные редакторы**
Марина Ткачева,
Инесса Бражникова

дизайн, верстка
Татьяна Анненкова

**заместитель главного
редактора по международной
деятельности**
Анна Григорьева

**редактор статей по Ближнему
Востоку** Константин Лидин

на первой обложке – проект
«Будущее искусства Дирии»

на последней обложке –
панорама с Башни Тысячелетия на
холме Гардош. Фото Андрея Иванова

адрес издателя, редакции
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
e-mail: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

адрес типографии
000 «Типография Принт Лайн»
Иркутск, ул. Сергеева, 5/5
Тираж 80 экз. Заказ 2947
Подписано в печать 03.06.2026
Журнал №2(88) от 12.06.2026

Использование текстовых и фотоматериалов,
опубликованных в настоящем издании,
допускается только с письменного
разрешения редакции. За содержание
рекламной информации редакция
ответственности не несет. Мнение редакции
не всегда совпадает с мнением авторов.

Периодичность 4 раза в год. Цена свободная

Золотая медаль Международной
академии архитектуры
«Интерарх-2009» в номинации
«Периодические издания» /
Golden medal of the International
Academy of Architecture
“Interarch-2009” in “Periodicals”
category

2 (88)
локальные культуры/
local cultures

проект байкал/
project baikal
ISSN 2309-3072
(электронное издание)
ISSN 2307-4485
(печатное издание)

Журнал зарегистрирован в следующих международных системах:

- директория электронных журналов со свободным доступом – **DOAJ** (Directory of Open Access Journals)
- индекс Эйвери для архитектурных изданий – **the Avery Index to Architectural Periodicals**
- индекс **Академии Google (Google Scholar)**
- **Ulrichsweb** – база данных Ulrich's Periodicals Directory
- **Open Archives** – Инициатива открытых архивов для сбора метаданных (OAI PMH)
- Интернет-ресурс **JournalTOCs**
- проект **SHERPA/RoMEO**

новости

Анна Григорьева
Дмитрий Буш
Анастасия Хоцанович
Роман Малинович
Сергей Демков
Ольга Железняк

Международные новости архитектуры..... 5
Выставка РААСН «Жилище-2026» 6
АрхБухта. Рекурсия 8
АРХИГЕШ–26. XXI+ 10
Креативный город – 2026 14
..... 17

ЛОКАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ

Александр Раппапорт
Игорь Бондаренко
Ольга Железняк
Валерия Топорова
Мария Федорова
Анастасия Гарнага
Ирина Гареева
Людмила Дьячкова
Юлия Грибер
Ирина Савченко
Злата Гаевская

К понятию места 18
Локальные анклав в общегородском пространстве..... 23
Местные ресурсы и материалы: потенциал идентичности региона 26
Сохранение локальных культур в проектах развития территорий 33
Эстетизация маргинальных городских пространств 38
Хроматический ландшафт города: локальный цвет в глобальном контексте 44
Правовая и градостроительная динамика локальных культур в России 50
Кибернотопический хронотоп 56

сибирь россия

Елена Григорьева
Константин Лидин
Елена Багина
Алексей Буйнов
Константин Лидин
Василий Лисицин
Козьма Кварталов
Елена Ситникова
Владимир Коренев
Анастасия Юстус
Николай Крадин
Валентина Курочкина

..... 63
Иркутск: очерк культуры места..... 64
Городская среда – носитель, хранитель и угроза для локальной культуры 70
Глазковский мост – памятник индустриальной эпохи 76
Мифы 130-го квартала 84
Реновация городских территорий с исторической деревянной застройкой..... 86
Хронотоп и трансформация места основания Тюмени 92
Спасо-Преображенский собор Хабаровска..... 100
Архитектурное наследие и историческая идентичность городов 106

The journal is registered by the East-Siberian Office of the Federal Service for the Monitoring of Compliance with Legislation in the Sphere of Mass Communications and the Protection of Cultural Heritage Certificate ПИ №ФС13-0180 as of November 16, 2007

founding editor-in-chief
E.I. Grigoryeva
664025, 1a Cheremkhovsky
Pereulok, Irkutsk, Russia

12+

**proofreaders,
literary editors**
Marina Tkacheva,
Inessa Brazhnikova

upmaking
Tatyana Annenkova
**associate editor-in-chief for
international activity**
Anna Grigorieva

**editor of articles on the Middle
East**

Konstantin Lidin

front cover image
Diriyah Art Futures

back cover image
Panorama from the Millennium
Tower on Gardo Hill. Photo by
Andrei Ivanov

address of the publisher and the editorial board
664025, 1a Cheremkhovsky Pereulok, Irkutsk,
Russia, tel. +7 3952 332839,
email: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

printed by
000 "Типография Print Line"
5/5 Sergeeva Street, Irkutsk
print run 80, order 2947
passed for printing: 03.06.2026
issue 2(88) of 12.06.2026

Reproduction of all texts or illustrations of the
issue without written permission from the editors
is prohibited. The editorial stuff is not responsi-
ble for the contents of advertising information.
The editorial opinion may not always accord with
the views of the authors

quarterly publication
free price

The journal is registered in the following
international databases:

- Directory of Open Access Journals (**DOAJ**)
- the **Avery Index to Architectural Periodicals**
- **Google Scholar**
- **Ulrichsweb** (Ulrich's Periodicals Directory)
- The Open Archives Initiative (**OAI**)
- **JournalTOCs**
- **SHERPA/RoMEO**
- **PKP index**
- Since 2016 the journal is included in the Russian Science Citation Index (**RSCI**) database
- Since 2019 the journal has been indexed in **SCOPUS**
- included in the List of Refereed Publications recommended by the State Commission for Academic Degrees and Titles

- база данных **PKP index**
- с 2016 года включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (**РИНЦ**)
- с 2019 года индексируется в **SCOPUS**
- входит в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных **ВАК**

**Журнал является медиа-партнером
международных конкурсов:**
Architecture MasterPrize, Inspireli Awards, ITSLIQID,
2ACAA и Kaira Looor, архитектурных фестивалей
«Зодчество в Сибири» и ряда российских
конкурсов. /

**The journal is a media partner of the
international competitions:** the Architecture
MasterPrize, Inspireli Awards, ITSLIQID,
2ACAA and Kaira Looor, Architectural Festival
"Zodchestvo" and a number of Russian
competitions.

зарубежная практика

Валерия Шеин
Мелания Древаль

Андрей Бодэ
Ольга Зинина

Елена Григорьева
Константин Лидин

Андрей Иванов

Анас Атеф Шамайлах
Фердоус Альнатшех

Улан Исмагулов
Сара Садыкова

Елена Хван
Айбике Бокачёва

Алия Толеген
Анара Амиржанова
Айнаш Наурызбаева

Марах Казур
Иван Халиль

Наджиб Абдулхалик
Мохсен Мохаммед Аль-Бадви
Иван Халиль

объект номера

Амедео Скиаттарелла
Андреа Скиаттарелла
Паола Скиаттарелла

Екатерина Глатоленкова
Михаил Базилевич

Екатерина Пугачева

Михаил Базилевич
Дмитрий Целуйко

Дмитрий Целуйко
Михаил Базилевич

авторы

Перспективы туристического развития «Большого Урала»	112
Владимирская церковь в Подпорожье	116
.....	121
Земун: город на земле.....	122
Клуатр Мон-Сен-Мишель: архитектурное и культурное исследование	132
Центры народных промыслов как выражение духа местности.....	142
Архитектурный облик современных зрелищных зданий Казахстана.....	150
Реставрация исторических зданий в Сирии: креативные решения	156
Современная архитектура Йемена: проблемы и решения	162
Будущее искусства Дирии.....	169
Музеефикация исторических зданий в Чжалантуне.....	180
Архитектурные контрасты привокзальной площади в Шэньяне	185
Диалог культур: китайское барокко	188
Архитектура модерна в исторической застройке района Даовай	193
.....	198

news	Anna Grigorieva	International Architecture News	5
	Dmitry Bush	The RAACS exhibition "Housing 2026"	6
	Anastasia Khotsanovich		
	Roman Malinovich	ArchBukhta. Recursion	8
	Sergey Demkov	ARCHIGESH 26. XXI+	10
	Olga Zheleznyak	Creative City 2026	14
local cultures			17
	Alexander Rappaport	To the concept of place	18
	Igor Bondarenko	Local enclaves in the citywide space.....	23
	Olga Zheleznyak	Local resources and materials: The potential of the region's identity	26
	Valeria Toporova		
	Maria Fedorova	Preserving local cultures in territorial development projects	33
	Anastasia Garnaga		
	Irina Gareeva		
	Lyudmila Dyachkova	Aesthetics of the marginalization of urban spaces.....	38
	Yulia Gribner	Chromatic landscape of the city: local color in a global context	44
	Irina Savchenko	Legal and urban planning dynamics of local cultures in Russia.....	50
	Zlata Gaevskaya	The Cybernotopic chronotope.....	56
siberia russia	Elena Grigoryeva		
	Konstantin Lidin		63
	Elena Bagina	Irkutsk: an essay on the culture of the place	64
	Alexey Buinov		
	Konstantin Lidin	The urban environment as a carrier, a guardian, and a threat to the local culture	70
	Vasily Lisitsin	The Glazkovsky Bridge: a monument of the industrial era	76
	Kozma Kvartalov	Myths of the 130 Quarter	84
	Elena Sitnikova		
	Vladimir Korenev	Renovation of urban areas with historical wooden buildings	86
	Anastasia Yustus	Chronotope and the transformation of the founding site of Tyumen	92
	Nikolai Kradin	The Transfiguration Cathedral in Khabarovsk	100
	Valentina Kurochkina	Architectural heritage and the historical identity of towns	106
	Valeria Shein		
	Melania Dreval	Prospects for the tourism development of the "Greater Urals"	112
	Andrey Bode		
	Olga Zinina	Church of the Vladimir Icon of the Mother of God in Podporozhye	116
foreign practice	Elena Grigoryeva		
	Konstantin Lidin		121
	Andrei Ivanov	Zemun: a town on earth.....	122
	Anas Atef Shamaileh		
	Ferdous Alnatsheh	Mont-Saint-Michel Cloister: architectural and cultural study	132
	Ulan Ismagulov		
	Sarah Sadykova		
	Yelena Khvan		
	Aibike Bokachyova	The centers of folk crafts as an expression of genius loci	142
	Aliya Tolegen		
	Anara Amirzhanova		
	Ainash Nauryzbayeva	Architectural image of contemporary spectacular buildings in Kazakhstan.....	150
	Marah Kazour		
	Ivan Khalil	Restoration of historical buildings in Syria: Creative solutions.....	156
	Najib Abdulkhaleq		
	Mohsen Mohammed AL-Badwi		
	Ivan Khalil	Modern architecture in Yemen: problems and solutions	162
object of the issue	Amedeo Schiattarella		
	Andrea Schiattarella		
	Paola Schiattarella	Diriyah Art Futures	169
	Ekaterina Glatolenkova		
	Michail Bazilevich	Museumification of the historical buildings in Zhalantun	180
	Ekaterina Pugacheva	Architectural contrasts in Shenyang's railway station square.....	185
	Mikhail Bazilevich		
	Dmitry Tceluiko	Dialogue of cultures: Chinese Baroque	188
	Dmitry Tceluiko		
	Mikhail Bazilevich	Art Nouveau architecture in the historical buildings of the Daowai district.....	193
authors			198

2026 UIA Gold Medal and Triennial Prizes

The International Union of Architects (UIA) has awarded the 2026 UIA Gold Medal to Portuguese architect Eduardo Souto de Moura, recognising an outstanding body of work defined by intelligence, restraint, and a profound sense of responsibility toward society.

The Patrick Abercrombie Prize for Urban Planning and Design was awarded to Paola Vigan (Italy) for a decisive contribution to contemporary urbanism, integrating ecological systems, infrastructure, and everyday life into a coherent territorial approach.

The Auguste Perret Prize for Technology in Architecture went to Fetederra (Spain) for a practice advancing low-impact construction systems, where tech-

nological innovation and sustainability enrich architectural expression.

The Jean Tschumi Prize for Architectural Writing was awarded to Jacques Gubler (Switzerland) for his distinguished contribution to architectural history and criticism, advancing critical thinking and the understanding of 20th-century architecture.

Song Yehao (China) received the Robert Matthew Prize for Sustainable and Humane Environments. His architecture is inclusive and contextually grounded, where sustainability and poetic creativity are seamlessly combined.

The Vassilis Sgoutas Prize for Implemented Architecture Serving the Impoverished was awarded to Caravatti Caravatti Architetti (Italy) for their approach grounded in participation, empowering communities and integrat-

ing social, environmental, and cultural sustainability.

The UIA Young Architects Prize for Architectural Excellence and Innovation went to Ciertto Estudio (Spain) for their collaborative practice advancing architecture as a tool to improve living conditions, with a particular focus on housing.

Winners of the 2026 International Innovative Design for Health Award

The UIA has announced the winners of the 2026 International Innovative Design for Health Award. Organised by the UIA Public Health Work Programme and sponsored by MillerKnoll, a global collective committed to sustainable, equitable, and innovative design, the award celebrates architects, design researchers, and academics whose work demonstrates a strong commitment to protecting,

developing, and restoring health in buildings, communities, and cities.

The award builds on the UIA General Assembly's 2021 declaration of 2022 as the "UIA Year of Design for Health", which called on architects worldwide to embrace evidence-based approaches to healthier built environments.

The award was open to architects and researchers worldwide, with entries submitted in two categories: Built Work and Research Work.

Two international juries, one for each category, evaluated the submissions based on innovation, health outcomes, architectural quality, sustainability, social and cultural responsiveness, methodological rigour.

More information: www.uia-architectes.org

Международные новости архитектуры / International Architecture News

Раздел новостей представляет лауреата Золотой медали МСА и лауреатов премий, присуждаемых раз в три года, а также результаты международного конкурса «Инновационный дизайн для здоровья» за 2026 год.

Ключевые слова: Международный союз архитекторов; Золотая медаль МСА; «Инновационный дизайн для здоровья».

The news section presents the laureate of the 2026 UIA Gold Medal and the laureates of the Triennial Prizes, as well as the results of the 2026 International Innovative Design for Health Award.

Keywords: International Union of Architects; UIA Gold Medal; Innovative Design for Health.

Золотая медаль МСА 2026 и награды, присуждаемые раз в три года

Международный союз архитекторов (МСА) присудил Золотую медаль МСА за 2026 год португальскому архитектору Эдуарду Соуту де Моура, признав его выдающуюся работу, в основе которой лежит интеллект, сдержанность и глубокое чувство ответственности перед обществом.

Премия Патрика Аберкромби в области градостроительного проектирования была присуждена Паоле Вигано (Италия) за решающий вклад в современный урбанизм, интеграцию экологических систем, инфраструктуры и повседневной жизни в рамках сбалансированного территориального подхода.

Премия Огюста Перре в области технологий в архитектуре присуждена фирме Fetederra (Испания) за практическое применение строительных систем с низким уровнем воздействия на окружающую среду, в которых технологические инновации и экологичность обогащают архитектурную выразительность.

Премия Жана Чуми за писательское мастерство в области архитектуры была присуждена Жаку Гублеру (Швейцария) за выдающийся вклад в историю архитектуры и критику, развитие критического мышления и понимания архитектуры XX века.

Сун Ехао (Китай) получил премию Роберта Мэтью за устойчивую и гуманную окружающую среду. Его архитектура инклюзивна и основана на контексте, в ней органично сочетаются экологичность и поэтическое творчество.

Премия Вассилиса Сгутаса за реализованные архитектурные проекты, предназначенные для помощи нуждающимся, была присуждена компании Caravatti (Италия) за подход, основанный на участии, расширении прав и возможностей сообществ и интеграции социаль-

ной, экологической и культурной устойчивости.

Премия МСА для молодых архитекторов за успехи и инновации в области архитектуры присуждена студии Ciertto Estudio (Испания) за совместную работу по продвижению архитектуры как инструмента улучшения условий жизни, где особое внимание было направлено на жилье.

Победители международной премии «Инновационный дизайн для здоровья» 2026 года

МСА объявил победителей международной премии «Инновационный дизайн для здоровья» за 2026 год. Премия, организованная Рабочей программой МСА по здравоохранению и спонсируемая компанией MillerKnoll – глобальным сообществом, приверженным устойчивому, справедливому и инновационному дизайну, присуждается архитекторам, исследователям в области проектирования и ученым, чья работа демонстрирует твердое стремление защищать, улучшать и восстанавли-

вать здоровье населения в зданиях, сообществах и городах.

Премия присуждается в соответствии с решением Генеральной Ассамблеи МСА от 2021 года, в котором 2022 год был объявлен «Годом проектирования в интересах здоровья», призывая архитекторов по всему миру использовать научно обоснованные подходы к созданию более здоровой застроенной среды.

В конкурсе могли принять участие архитекторы и исследователи со всего мира. Работы были представлены в двух категориях: постройки и исследовательские работы.

Два международных жюри, по одному в каждой категории, оценивали работы на основе инноваций, влияния на здоровье, качества архитектуры, устойчивости, социального и культурного соответствия, методологической точности.

Дополнительная информация: www.uia-architectes.org

Дается информация о состоявшейся в Центральном доме архитектора в Москве выставке РААСН «Жилище-2026», отражающей опыт проектирования и строительства жилых зданий в РФ за последние 20 лет.

Ключевые слова: жилищное строительство; градостроительная практика; городская среда; этажность жилой застройки; международный опыт. /

The article provides information about the RAACS exhibition "Housing 2026" held at the Central House of Architects in Moscow, reflecting the experience of designing and constructing residential buildings in the Russian Federation over the past 20 years.

Keywords: housing construction; urban planning practice; urban environment; number of floors of residential buildings; international experience.

Выставка РААСН «Жилище-2026» / The RAACS exhibition "Housing 2026"

текст
Дмитрий Буш
РААСН
text
Dmitry Bush
RAACS

22 апреля 2026 года в выставочном зале Центрального дома архитектора в Москве состоялось открытие выставки Российской академии архитектуры и строительных наук «Жилище-2026», приуроченной к общему собранию РААСН, темой которого было «Жилищное строительство в Российской Федерации».

На выставке был представлен опыт проектирования и строительства жилых зданий в РФ за последние 20 лет. Экспонировалось более 250 построек и проектов. Основное внимание уделено работам членов и советников РААСН. Кроме этого, представлены некоторые работы известных российских архитекторов. Были показаны фотографии, чертежи и основные показатели реализованных проектов односемейных, блокированных, террасных домов, домов переменной и средней этажности, многоэтажных, высотных домов, небоскребов, реконструируемых и реставрируемых зданий, а также апартаментов. Представлены основные

типы квартир. Экспонировались градостроительные проекты жилых районов, кварталов и поселков. Также в табличной форме приведена сравнительная статистика иностранного и российского жилищного строительства.

Выставка производила двойственное впечатление. С одной стороны, за эти годы реализован разносторонний опыт проектирования и строительства практически всех имеющихся типов жилых зданий. Представить такое разнообразие в конце 80-х годов прошлого века в СССР было просто невозможно. Строились в основном панельные и редко кирпичные секционные дома от 9 до 16 этажей и одноподъездные башни этажностью до 24. Архитектура и качество строительства этого жилья часто оставляли желать лучшего. Срок получения бесплатной отдельной квартиры по месту работы составлял, как правило, 15–20 лет в крупных городах. Срок покупки кооперативной квартиры достигал

5–7 лет, а стоимость ее приближалась в среднем к полному объему зарплаты всех работающих членов семьи за этот же срок. Более разнообразной была практика жилищного строительства в республиках Прибалтики. Однако в целом можно констатировать, что по сравнению с последним периодом развития жилищного строительства в СССР за последние 20 лет был совершен масштабный рывок в части многообразия, архитектуры и качества строительства жилья. Отдельно надо отметить доступность всех типов жилья, исключая, разумеется, стоимостные показатели.

Тем не менее большой вопрос вызывает сегодня другая проблема жилищного строительства – градостроительная. Несколько лет назад РААСН организовывала выставку «Восстановление разрушенных городов», основное внимание на которой было уделено восстановлению городов в СССР после Второй мировой войны. Подавляющий объем застройки

ки составляло тогда жилищное строительство. Просматривались жесткие основные правила этажности жилой застройки. В районных центрах она составляла 2–3 этажа, в областных – 3–4, на центральных улицах – 5. В столицах союзных республик этажность ограничивалась 5 этажами, на центральных улицах – 6–8. В Москве и Ленинграде количество этажей составляло 5, на центральных улицах – 9, на набережных – до 12. К тому же большинство градостроительных схем было построено на традиционных классических ансамблевых приемах с достаточным озеленением. Результатом применения этих правил стала в основном гармоничная городская среда, которая сохраняла свое качество до 1990-х годов.

Актуальная градостроительная практика показывает нам совсем другую картину. Исходя из существующего законодательства, она складывается следующим образом. Застройка односемейными, блокированными и малоэтажными

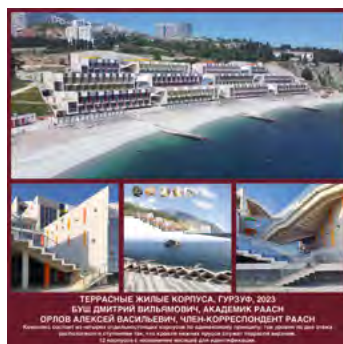
жилимыми домами, как правило, выглядит довольно гармонично, за исключением ряда переуплотненных примеров. Среди примеров среднеэтажной застройки и застройки переменной этажности найти непереуплотненные образцы с достаточной озелененностью участка уже очень сложно. Как правило, застройка производит впечатление затесненной. Что касается многоэтажных, высотных домов и небоскребов, то подавляющее большинство примеров разрушает окружающую градостроительную среду меньшей этажности. Об ансамблевой застройке в этом случае говорить уже не приходится. Сама архитектура жилых домов повышенной этажности может быть интересной, но потеря качества градостроительной среды, как правило, перевешивает все достоинства архитектуры здания. Надо отметить, что от архитектора в этом случае этажность практически не зависит, так как утвержденное техническое задание и градостро-

ительный план земельного участка (ГПЗУ) уже содержат соответствующую этажность и плотность застройки. Ответственность за эти показатели разделяют застройщик и городские власти. Результатом активного включения в сложившуюся городскую ткань большинства российских городов жилых зданий повышенной этажности является, увы, прогрессирующая деградация городской среды.

В части международного опыта наиболее применяемой этажности жилых зданий представляет интерес практика Канады и США. Если в Канаде наиболее часто строятся жилые здания от 2 до 6 этажей, то в США – от 3 до 8, т. е. максимальное количество жилья в этих странах имеет малую и среднюю этажность. В России наиболее распространены 10–20-этажные здания, что и предопределяет появление проблем, связанных с разрушением градостроительной среды наших городов. Другим

показательным примером является то, что около 88% квартир в строящемся у нас жилье – это однокомнатные площадью не более 33 м². Такая квартирография строящегося жилья, как мы все понимаем, совершенно не способствует решению имеющихся демографических проблем в нашей стране.

Резюмируя впечатления от материалов выставки, можно отметить, что в жилищном строительстве наша архитектура сделала за последние десятилетия большой шаг вперед, но, увы, градостроительная среда во многих наших городах сделала такой же шаг назад.

С 5 по 9 марта 2026 года на территории загородного парк-отеля «Азатай» (пос. Большое Голоустное, Иркутская область) прошел Всероссийский архитектурный фестиваль «АрхБухта. Рекурсия», который, благодаря Клубу Молодых Архитекторов, вот уже в 20-й раз проводится на берегу Байкала. В 2026 году участие приняли 136 студентов и молодых специалистов в составе 23 команд из 12 регионов России: Иркутска, Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Екатеринбурга, Омска, Самары, Барнаула, Томска, Нижнего Новгорода, Орск и Уфы.

Ключевые слова: АрхБухта; Байкал; арт-объекты; Большое Голоустное; творчество; Клуб Молодых Архитекторов. /

From March 5 to March 9, 2026, the All-Russian Architectural Festival "ArchBukhta. Recursion" was held on the territory of the Azatai Country Park Hotel (Bolshoe Goloustnoe village, Irkutsk region). It has been held for the 20th time on the shores of Lake Baikal under the auspices of the Club of Young Architects. In 2026, 136 students and young professionals represented 23 teams from 12 regions of Russia, from Irkutsk, Moscow, St. Petersburg, Novosibirsk, Yekaterinburg, Omsk, Samara, Barnaul, Tomsk, Nizhny Novgorod, Orsk and Ufa.

Keywords: ArchBukhta; Baikal; art objects; Bolshoe Goloustnoe; creativity; Club of Young Architects.

АрхБухта. Рекурсия / ArchBukhta. Recursion

текст

Анастасия Хоцанович

Иркутский национальный исследовательский технический университет

Роман Малинович

Клуб Молодых Архитекторов

фотограф **Евгений Потопов**

text

Anastasia Khotsanovich

Irkutsk National Research Technical University

Roman Malinovich

Club of Young Architects

Photos by **Evgeny Potapov**

«АрхБухта» – это Всероссийский архитектурный фестиваль по созданию малых архитектурных форм и арт-объектов. Ежегодно он собирает творческое сообщество в окрестностях озера Байкал со всей России: 19 лет фестиваля, от первого «БухАрта» в 2007 году до «АрхБухты». 24 часа, объединили более 2000 участников, создавших свыше 300 инсталляций.

Что такое **рекурсия**?

Можно выделить несколько основных определений:

1. Рекурсия как определение
2. Рекурсия как метод решения задачи
3. Рекурсия как самопорождение
4. Рекурсия как диалог
5. Рекурсия – вопрос
6. Рекурсия как цикл

Двадцатый фестиваль – это точка рекурсивного вызова самому себе. Мы не просто смотрим вперед,

мы оглядываемся на 19 предыдущих циклов, чтобы заново переосмыслить их ценности. Юбилей – это петля времени, где наше прошлое становится материалом и фундаментом для будущего.

20 лет – осязаемый рубеж. За время существования фестиваля сменилось не одно поколение организаторов, что так или иначе повлияло на него. За эти годы в АрхБухте приняли участие свыше 200 команд и более 2500 участников. АрхБухта, как и любой из нас, каждый раз проживает новый цикл, чтобы прийти к лучшему результату.

– Получилось ли завершить новый цикл с результатом, превосходящим предыдущие?

– Была ли это последняя попытка с наилучшим итогом или нужно попробовать снова?

На эти вопросы предстоит ответить нашим участникам уже после фестиваля.

Ежегодно «АрхБухта» проходит на берегу озера Байкал, что немаловажно: контекст становится соавтором арт-объектов, и только тот, кто сумеет грамотно сопоставить тему, контекст и идею, может рассчитывать на высокую оценку своего творчества. В этом году перед участниками стояла важная задача: создать проект, который не только визуально и эстетически впишется в окружение, но и будет устойчив на сложном рельефе и байкальских ветрах.

АрхБухта – это вызов себе, команде, физическим возможностям

< Гран-при. Футурум. Эхо

I место. АрхДоктора. Тессеракт

II место. GAFA. Самопорождение Байкала

III место. Кискотка x ЧерриПицца. Т.Ч.К.

и межличностным отношениям. Это не привычная всем работа над проектом в теплом комфортном офисе, но длительная подготовка: тщательная проработка чертежей, узлов, порядок работы на месте, сметы и другие детали. На площадке фестиваля, на мартовском байкальском ветру в сжатые сроки нужно собственными руками сотворить то, что было придумано заранее. Но, несмотря на непредвиденные ситуации и нехватку времени, на «АрхБухте» всегда царит теплая и дружелюбная атмосфера; если есть возможность, многие помогают другим командам. Ведь этот, на первый взгляд, «холодный» фестиваль на Байкале – очень теплая встреча старых друзей и знакомство с новыми людьми, которые также становятся частью общей истории.

За три дня участниками были реализованы 23 арт-объекта, которые по-разному раскрыли поставленную тему. Распространенным мотивом стало повторение и самоподобие. Победители и призеры были определены экспертным советом, состоящим из опытных архитекторов, преподавателей, представителей администрации пос. Большое Голоустное и ИРНИТУ. В процессе подготовки к фестивалю были проведены образовательные лекции об арт-объектах как способе воплощать сюжеты в архитектурную форму и экологических решений в городской среде от приглашенных экспертов Евгения Макаренко и Даниила Хлебникова.

Гран-при – команда «Футурум», арт-объект «Эхо» (Иркутск)

Это поле из 100 шестиметровых стеблей, сделанных из арматуры и увенчанных полыми алюминиевыми цилиндрами. Каждый проходящий мимо может прикоснуться к «колосьям» и привести их в движение, и они, в свою очередь, при столкновении издают тихий, едва уловимый звон и шелест, дополняющие звуки бескрайнего ледяного простора Байкала. Футурум – команда, которая из года в год продолжает удивлять экспертов и гостей фестиваля масштабом, нестандартными материалами и подходом к созданию объектов, – вновь забирает наивысшую награду и восхищение зрителей.

Объект «Эхо» – это физическое воплощение социальной рекурсии, перевод абстрактного понятия рекурсии в личный, тактильный опыт, превращающий зрителя в соавтора процесса. Объект моделирует общество как динамическую систему, где каждый человек, совершая действие, не просто вызывает цепную реакцию, а меняет саму конфигурацию среды, которая, в свою очередь, определяет условия для его последующих шагов. Это рекурсия – не линейная цепь, а живая петля обратной связи между индивидом и коллективом. Объект выступает интерактивным симулятором общества. Он предлагает физически испытать рекурсию: своими руками изменить систему и тут же ощутить, как измененная система диктует новые условия для твоих же действий.

I место – команда «АрхДоктора», арт-объект «Тессеракт» (Иркутск)

Объект – правильная объемная решетка из бревен, которые прочно соединены друг с другом и с грунтом; она органично вписывается в панораму берега Байкала. Тессеракт интересен не только как арт-объект, но и как функциональный элемент для детских игр.

Рекурсивный куб – это символ организованной бесконечности, попытка человеческого разума упорядочить бесконечность, разложить ее по полочкам, поместить одну истину внутрь другой.

II место – команда «GAFA», арт-объект «Самопорождение Байкала» (Москва)

Команда архитектурной дизайн-студии из Москвы, которая решила отправиться в экспедицию и переосмыслить Байкал глазами наблюдателя.

Арт-объект – манифестация рекурсивной природы Байкала, основанная на трех фундаментальных слоях его бытия: истории места, геометрии стихий и таинственной пульсации внутренней жизни. Семь вертикальных столбов повторяют силуэт Острова Семи Тополей, переводя миф в архитектурный каркас. Его треугольная форма дробится по законам рекурсии, создавая кристаллическую решетку. Внутри застыли зеркальные пузыри – остановленное мгновение вечного цикла льда: газ, рождаясь в глубине, рекурсивно порождает сам себя в ледяной матрице. Завершает идею рекурсия взгляда: зеркальные

пузыри поглощают в себе пейзаж, небо и самого наблюдателя, возвращая ему его же отражение как соавтора этого бесконечного цикла.

III место – команда «Кискотка x ЧерриПицца», арт-объект «Т.Ч.К.» (Новосибирск)

Сборная из двух довольно опытных команд-участниц, которые, несмотря на трудности, приехали на фестиваль и создали объект, который каждый увидит по-разному; возможно, это даже клубок для кота.

Точка – одновременно конец и начало, способ ориентации в непрерывном движении. Созданный арт-объект из повторяющихся пятиугольников открывается только с особой позиции. По мере приближения детали наполняют форму, пока зритель не достигает ключевой точки обзора. В ней он видит бесконечную рекурсию, где акцент смещается с самой формы на то, что скрывается за ней – будь то ландшафт или взгляд другого человека.

Организаторы: АНО «Клуб Молодых Архитекторов». Соорганизаторы: ИО СА России, ИРНИТУ. При поддержке Федерального агентства по делам молодежи «Росмолодежь», администрации Иркутского района, парк-отеля «Азатай», молодежного пространства «Точка». Генеральный спонсор: компания «АРХИТАЙЛ». Официальные спонсоры: СК «СтройПроектСервис», «ПК Деметра». Спонсор: группа АО «СК Восток Центр Иркутск». Официальный партнер: инновационный бренд аккумуляторной садовой техники и электроинструмента «Greenworks».

С 1 по 6 марта в Шерегеше проходил ежегодный, уже традиционный, фестиваль Лыжного клуба архитекторов АРХИГЕШ– 2026. Он стал значимым и весьма ожидаемым форумом российских архитекторов и проектировщиков. В этом году к уже традиционным «старожилам», командам из Новокузнецка, Барнаула, Екатеринбурга, Иркутска, Томска, Кемерово, Красноярска, Новосибирска, Омска, Санкт-Петербурга, Тюмени присоединилась дружная команда из Тулы, делегации из Тамбова, Казани и Челябинска. Организаторами мероприятия стали команды из Новокузнецка и Иркутска.

Ключевые слова: АРХИГЕШ–26; спорт; дискуссии; конкурсно-образовательная программа; квартирник; клаузура. /

From March 1-6, Sheregesh hosted the annual, already traditional, festival of the Ski Club of Architects ARCHIGESH 2026. It has become a significant and highly anticipated forum for Russian architects and designers. This year, the traditional "old-timers", teams from Novokuznetsk, Barnaul, Yekaterinburg, Irkutsk, Tomsk, Kemerovo, Krasnoyarsk, Novosibirsk, Omsk, St. Petersburg, Tyumen, were joined by a friendly team from Tula, delegations from Tambov, Kazan and Chelyabinsk. The event was organized by the teams from Novokuznetsk and Irkutsk.

Keywords: ARCHIGESH 26; sport; discussions; competitive educational program; home concert; clausura.

АРХИГЕШ–26. XXI+ / ARCHIGESH 26. XXI+

текст

Сергей Демков

Иркутский национальный
исследовательский технический
университет

text

Sergey Demkov

Irkutsk National Research Technical
University

Тема фестиваля, который открыл третий десяток своего существования звучала как «XXI+» (Двадцать один плюс). По замыслу организаторов, как раз с «плюса» начинается новый отсчет, открывается новая страница – интересная, познавательная, наполненная азартом состязаний, горячих дискуссий и незабываемых встреч. Фестиваль в полной мере оправдал ожидания. Открытие фестиваля проходило в «намоленном» месте – ДК «Горняк» поселка Шерегеш. Ведущими вечера стали Александр Бармин из Екатеринбурга и Алена Мочальникова из Иркутска, которую выбрали по результатам специального творческого конкурса на роль соведущей.

В торжественной части открытия фестиваля Президент ЛКА Валерий Цой вручил серебряные знаки, изготовленные архитектором-ювелиром Светланой Середёнкиной из Иркутска. За неоценимый вклад в развитие лыжного клуба архитекторов знаками под бур-

ные аплодисменты зала были отмечены Елена Григорьева (Иркутск), Владимир Кондратович (Новосибирск), Владимир Брусницын и Александр Бармин (Екатеринбург), Александр Седиков (Томск), Константин Крайний, Анатолий Зыков, Анастасия Митришкина (Новокузнецк), Антон Тен, проживающий ныне в Сочи и Президент Союза архитекторов РФ Николай Шумаков. Сам Валерий был награжден призом Олега Селянина «Первый во всем» от команды Екатеринбурга. Медалью Владимира Бородинкина от новосибирской команды «За вклад в развитие ЛКА и успехи в архитектуре» был награжден Александр Деринг из Барнаула.

Традиционные визитки-представления команд на сцене ДК в этом году были разнообразны, интересны, искрометны и вызвали у публики теплый прием.

Уже в третий раз деловая программа фестиваля идет по новым правилам. Докладчикам представ-

ляется лимитированное короткое время для мини-лекции, доклада, презентации. Такой формат однозначно нравится участникам. Это подтверждает заполненный конференц-зал во время мероприятия. Здесь можно узнать о новых материалах, технологиях, познакомиться с проектами и постройками сибирских архитекторов, которые персонально представляют плоды своего творчества. С мастер-классом в рамках деловой программы фестиваля выступил руководитель архитектурного бюро «Студия 44» (Санкт-Петербург) народный архитектор РФ Никита Явейн. Тимур Абдуллаев, руководитель бюро ARCHINFORM (Екатеринбург) прочитал лекцию «Мегапроекты как визитные карточки городов». В рамках форума состоялось заседание Совета организаций Союза архитекторов России Сибирского федерального округа, в котором принимали участие председатели и члены правлений сибирских организаций СА России. Речь

v Актеры пантомимы команды Кемерово

^ Лекция Никиты Явейна (Санкт-Петербург)

шла о подготовке к проведению межрегионального архитектурного фестиваля «Зодчество в Сибири», который пройдет в Омске.

Яркой страницей фестиваля был финал конкурсno-образовательной программы «Школа АРХИГЕШ–2026». Мероприятие организовал Фонд поддержки творческой и спортивной деятельности архитекторов и проектировщиков «ЛКА» (Новокузнецк) совместно с УрГАХУ (Екатеринбург). Конкурс проходил в два этапа. На первом, заочном этапе в нем приняло участие 17 команд из разных регионов России. Тема нынешнего архитектурного конкурса была обозначена как «Домашняя горка. Концепция развития ГЛК «Олха»» (Иркутская область). В результате работы жюри в финал вышло 9 команд, представители которых очно защищали свои концепции в рамках фестиваля. Победителями конкурса стали молодежные команды «Морковки» (Красноярск), «Фрирайд» (Красноярск) и «Иртыш

beach» (Омск). Договорились, что следующая тема конкурсno-образовательной программы будет определена в рамках летнего фестиваля «Зодчество в Сибири».

Как всегда, интересно прошел творческий конкурс клаузур от давнего партнера фестиваля компании «САРОС» на создание нового типа уличного светильника. Конкурс с последующей защитой работ перед членами авторитетного жюри проходил среди студентов и практикующих архитекторов. Среди будущих архитекторов победителем стала команда «Нити Сибири» (Новосибирск), 2 место у команды «Иртыш beach» (Омск), 3 место у команды «Тюлени из Тюмени». У профессионалов победил Роман Волошко (Красноярск), 2 место у Ольги Чемякиной из Екатеринбурга, 3 место у Анны Полявиной из Екатеринбурга.

Добавил эмоций фестивалю «квартирник» с хорошей музыкой, песнями и стихами. Как всегда здесь царила теплая, дружеская

атмосфера. Гвоздем программы были гости – музыкальная группа из Новокузнецка «Улу-Ааль». Удалась вечеринка от спонсоров – компаний «ВЕКА», «Ликолор» и «Салават стекло». Здесь было интересно, весело и музыкально. Участники решали квизы, демонстрировали свои костюмы, играли в музыкальное лото и получали достойные призы.

Погода на горе в этом году была крайне переменчива. Но легкий утренний морозец, снег и ветер не испортили настроения соревнующихся, а только добавили дополнительного драйва! В соревнованиях в этом году были новшества – был выделен параллельный слалом в горных лыжах. Тут соревновались лучшие из лучших по итогам последних лет. Надо отдать должное лидерам: они в большинстве своем подтвердили свой статус. Для любителей интеллектуальных баталий в программу впервые были включены соревнования по настольной игре «уголки».

Прошли традиционные соревнования по слалому-гиганту в горных лыжах и сноуборду, бильярду и настольному теннису.

В последний день состоялся традиционный карнавал с парадом и торжественное закрытие фестиваля с вручением медалей, кубков и чествованием победителей и призеров. Кстати, о наградах следует сказать особо. Медали, кубки, как и весь фирменный стиль, был разработан в сотрудничестве с иркутским дизайнером Юлией Маркеловой и получился весьма интересным. По итогам фестиваля АРХИГЕШ–26 командный кубок выиграла команда «Кузнечики» из Новокузнецка во главе с новым капитаном Анастасией Митришкиной. Эстафета по подготовке очередного фестиваля была торжественно передана команде из Красноярскa. Команды с нетерпением ждут новых встреч на АРХИГЕШЕ–27.

< Спикеры деловой программы

^ Традиционное фото на горе

v Команда «Кузнечики» (Новокузнецк). Абсолютные чемпионы АРХИГЕШ–2026

АБСОЛЮТНЫЕ ЧЕМПИОНЫ ЛЫЖИ

Болотских Ульяна (Красноярск)
Виинапуу Виталий (Красноярск)

СНОУБОРД

Нестеренко Юлия (Красноярск)
Узгоров Николай Николаевич
(Томск)

РЕЗУЛЬТАТЫ СОРЕВНОВАНИЙ ЛЫЖИ

1-е место

Дети

Дрогунов Николай (Новосибирск)
Саяпина Милана (Новокузнецк)
Маскаленко Илья (Новосибирск)

Женщины

Хныченкова Виктория
(Екатеринбург)
Ершова Елена (Екатеринбург)
Афанасьева Валентина
(Новокузнецк)

Дрогунова Наталья (Новосибирск)
Саяпина Дарья (Новокузнецк)
Болотских Ульяна (Красноярск)

Мужчины

Крайний Константин (Новокузнецк)
Бричев Александр (Новокузнецк)
Цой Валерий (Новокузнецк)
Бородич Владимир (Новокузнецк)
Виинапуу Виталий (Красноярск)
Новиков Павел (Иркутск)
Колодкин Константин
(Новокузнецк)

2-е место

Дети

Афанасьев Георгий (Новосибирск)
Шадрин Никита (Екатеринбург)

Женщины

Свитич Людмила (Новокузнецк)
Григорьева Елена (Иркутск)
Горенинская Татьяна (Новокузнецк)
Носова Наталья (Иркутск)

v Иркутская команда

Ударцева Юлия (Новосибирск)
Яценко Елена (Москва)

Мужчины

Зыков Анатолий (Новокузнецк)
Ершов Сергей (Екатеринбург)
Зыков Сергей (Кемерово)
Седачев Андрей (Омск)
Диндиенко Михаил (Барнаул)
Тагильцев Дмитрий (Новокузнецк)
Носов Павел (Томск)

3-е место

Дети

Диндиенко Василий (Барнаул)
Михайленко Максим (Новокузнецк)

Женщины

Казачкова Ирина (Екатеринбург)
Салосина Елена (Екатеринбург)
Леонова Елена (Екатеринбург)
Габидулина Рада (Новокузнецк)
Ребрик Ирина (Красноярск)

Мужчины

Кондратович Владимир
(Новосибирск)
Деринг Александр (Барнаул)
Власов Олег (Екатеринбург)
Десятов Леонид (Екатеринбург)
Вадим Водопьянов (Москва)
Узгоров Николай (Томск)
Козлов Константин (Красноярск)

Партнеры фестиваля

1 Сафронов Михаил (Сибгласс)
2 Шестера Данил (Сибгласс)
3 Трофимов Артем (Века Рус)

СНОУБОРД

1-е место

Дети

Маскаленко Илья (Новосибирск)

Женщины

Бушковская Татьяна (Екатеринбург)
Нестеренко Юлия (Красноярск)
Дроздова Марина (Красноярск)

v Традиционный чай и глинтвейн на финише

v Новый вид спортивной программы АРХИГЕША – «уголки»

Болотских Ульяна (Красноярск)

Мужчины

Казанцев Андрей (Екатеринбург)
Михайленко Сергей (Новокузнецк)
Узгоров Николай (Томск)
Тонких Михаил (Омск)
Скуратенко Сергей (Красноярск)

2-е место

Дети

Михайленко Александр
(Новокузнецк)

Женщины

Габидулина Рада (Новокузнецк)
Бежанова Анастасия (Барнаул)
Головченко Лидия (Красноярск)

Мужчины

Бежанов Павел (Барнаул)
Волошко Роман (Красноярск)
Саяпин Игорь (Новокузнецк)
Бричёв Алексей (Новокузнецк)
Буртасов Евгений (Красноярск)

3-е место

Женщины

Бричёва Алина (Новокузнецк)
Никифорова Софья (Красноярск)

Мужчины

Лобас Борис (Новосибирск)
Дубовщук Иван (Иркутск)
Афанасьев Александр
(Новосибирск)
Конышев Лев (Екатеринбург)

Партнеры

1 Дорохов Сергей (Века Рус)
2 Агарин Денис (Ликолор)
3 Овчинников Алексей (Сибглас)

НАСТОЛЬНЫЙ ТЕННИС

Женщины

1 Салосина Елена (Екатеринбург)
Свитич Людмила (Новокузнецк)
2 Григорьева Елена (Иркутск)
3 Капичникова Юлия (Тамбов)

Мужчины

1 Бежанов Павел (Барнаул)
2 Винников Артем (Новокузнецк)
3 Красильников Андрей (Иркутск)

БИЛЬЯРД

Женщины

1 Григорьева Елена (Иркутск)
2 Ильина Александра
(Екатеринбург)
3 Звездина Галина (Тамбов)

Мужчины

1 Брусницын Владимир
(Екатеринбург)
2 Слепухин Александр
(Екатеринбург)
3 Капичников Игорь (Тамбов)

УГОЛКИ

1 Григорьева Елена (Иркутск)
2 Красильников Андрей (Иркутск)
3 Костин Александр (Екатеринбург)
Леонова Елена (Екатеринбург)

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ СЛАЛОМ ЛЫЖИ

Женщины

1 Саяпина Дарья (Новокузнецк)
2 Вихарева Наталья (Томск)
3 Носова Наталья (Иркутск)

Мужчины

1 Крайний Константин
(Новокузнецк)
2 Цой Валерий (Новокузнецк)
3 Колодкин Константин
(Новокузнецк)

СНОУБОРД

Женщины

1 Нестеренко Юлия (Красноярск)
2 Зыкова Мелания (Екатеринбург)
3 Головченко Лидия (Красноярск)

Мужчины

1 Саяпин Игорь (Новокузнецк)
3 Казанцев Андрей (Екатеринбург)

«Креативный город» – это новый международный проект, который проводится на площадке ИРНТУ, представляет креативность как стратегический потенциал развития территории/места, восстановления и продвижения уникальности и инвестиционной привлекательности. Выставка-конкурс проводится по семи направлениям, среди участников студенты и практикующие специалисты, представители России, Белоруссии и Китая из 21 города. Итоги выставки показали высокое качество и креативность работ, глубину и системность обсуждаемых проблем, стратегические перспективы проекта.

Ключевые слова: креативный город; международная выставка-конкурс; потенциал развития территории; ИРНТУ. /

“Creative City” is a new international project that is carried out at the INRTU site, presenting creativity as a strategic potential for the development of a territory/ place, restoring and promoting uniqueness and investment attractiveness. The exhibition-competition is held in seven nominations, involving the students and practitioners, representatives of Russia, Belarus and China from 21 cities. The results of the exhibition showed the high quality and creativity of the works, the depth and consistency of the issues discussed, and the strategic prospects of the project.

Keywords: creative city; international exhibition-competition; potential for the development of the territory; INRTU.

Креативный город – 2026 / Creative City 2026

текст

Ольга Железняк

Иркутский национальный
исследовательский технический
университет

text

Olga Zheleznyak

Irkutsk National Research Technical
University

Креативность, будучи имманентным свойством современного мира, является важной частью развития городов, проявления их аутентичности, становления нового образа жизни. Креативные кластеры играют активную роль в процессах реновации и джентрификации деградирующей среды. Креативный город при этом представляется пространством развития, воспроизводящим инновационные практики и стратегии реализации существующего потенциала. Внедрение креативных индустрий, технологий и мышления превращается в своеобразные «точки роста» территорий, повышения качества жизни, потенциала места и инвестиционной привлекательности.

Этим и другим проблемам посвящена Международная выставка-конкурс «Креативный

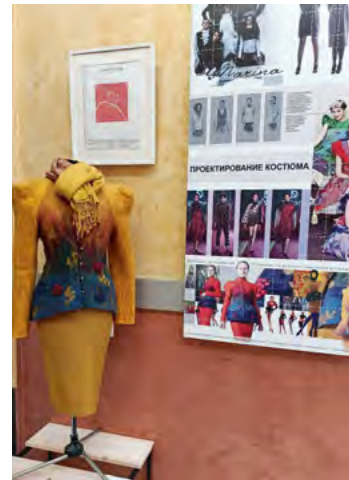
город – 2026», состоявшаяся на базе Иркутского национального исследовательского технического университета в марте – мае 2026 года. Учредителем и организатором выставки-конкурса является Институт архитектуры, строительства и дизайна (ИАСиД) ИРНТУ, традиционные партнеры – Белорусский национальный технический университет (кафедра дизайна архитектурной среды) и Ляонинский университет науки и технологий (КНР), ИРО ОТПОО «Союз архитекторов России», ИРО «Союз дизайнеров России». Также в этом проекте к нам присоединился престижный журнал «Проект Байкал», индексируемый в Scopus, E-library, ядре РИНЦ, ВАК.

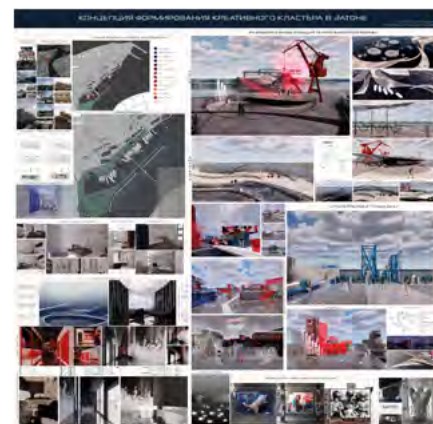
Для участия в выставке была подана 301 заявка. География участников включает Аньшань,

Минск, Харбин, Белгород, Благовещенск, Владивосток, Екатеринбург, Елец, Иркутск, Красноярск, Москву, Набережные Челны, Новосибирск, Пензу, Пермь, Самару, Санкт-Петербург, Тамбов, Тольятти, Тюмень, Хабаровск – всего 21 город.

Идеолог и куратор проекта «Креативный город» – О. Железняк; председатель оргкомитета – директор ИАСиД В. Пешков; фирменный стиль и экспозиция выставки созданы М. Корелиной, И. Дьяченко, А. Лукьяновой.

Проблематика выставки охватывала ключевые дискурсы креативности, креативного города, для чего были предложены следующие стратегические направления: «Креативный потенциал идентичности»; «Экологический ресурс

креативных систем»; «Креативные индустрии – точки роста города»; «Город как креативное пространство, творческий потенциал территории\среды»; «Имидж территории и городские бренды, бренд-билдинг как формирование креативного потенциала места»; «Креативные прогнозы, технологии и виртуальные миры»; «Креативное мышление: средства и методики развития». Каждое направление включало ряд номинаций, более детально и разносторонне раскрывающих содержание разделов. Это позволяло полноценно, с разных ракурсов и точек зрения рассмотреть тему «Креативный город».

К участию в выставке-конкурсе были приглашены студенты вузов, ссузов и самостоятельно работающие авторы, которые представлены в 23 номинациях.

Основную часть экспозиции составили работы студентов. Среди профессиональных участников – отечественные и зарубежные педагоги вузов и исследователи, а также практикующие специалисты. В частности, в категории «Профи» демонстрируется известная работа «Ледяной город» (Ice City) Хунвэй Ян (Hongwei Yang), выполненная для Харбинского международного фестиваля снежных и ледяных скульптур в провинции Хэйлунцзян в Китае. Интерес представляют концепция «Креативный город. Елань» Н. Жуковского (Иркутск), исследования В. Ворожейкиной и Д. Кошкина, проектные разработки М. Свалова (УРГАХА), Н. Азаренковой (МАРХИ), Е. Пуляевской (ИРНИТУ), Е. Дороховой (СамГТУ), Н. Козыренко (Хабаровск). Высоко

оценены работа А. Ушаровой «Манифест архитектора – арт-трансформация истории» (Иркутск); работа авторского коллектива из Минска (О. Тепленева, В. Тепленев, А. Кузьмич и др.) «Станция метрополитена «Ковальская слобода»».

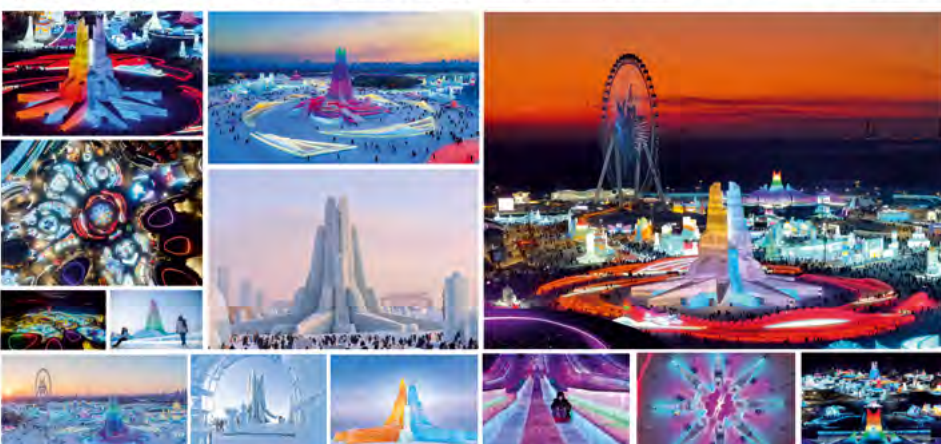
Интересные проекты прислааны из Ляонинского университета науки и технологий, среди которых следует отметить уникальный цикл проектно-исследовательских разработок, выполненных под руководством Чэнь Цзюньру (Chen Junru): «Дизайн-концепция гостевых домов в деревне Сунцзян Сунчжуан (симвиоз нового и старого)»; «Проект выставочного зала, посвященного культурному наследию провинции Шаньси Цзинь»; «Реконструкция улицы Яньчжао (район Шицзяхун)

на основе теории городского катализатора».

Наибольший интерес и внимание участников выставки из Белорусского национального технического университета (Минск) привлекли номинации «Идентичность и самобытность городской среды. Коды «места»»; «Малые городские пространства и общественные центры как территории творчества», «Художественные инновации в городе». Авторы продемонстрировали нестандартные подходы к решению актуальных проблем, примером чему служат проекты, посвященные поискам концепций устойчивого туризма на водно-болотных угодьях Беларуси, имиджа отеля в индустриальном парке «Великий камень», концептам экопарка в Минске и пр. (руково-

«Ice City» as a territorial brand.

Hongwei Yang. Ice and Snow Art Center, Harbin, China

дители А. Литвинова, О. Тепенева, Е. Козаков, А. Юровский и др.)

Традиционно креативные разработки представлены кафедрой графического дизайна Уральского государственного архитектурно-художественного университета (УРГАХУ, Екатеринбург). Проявление уникальности места через решение проблем создания фирменного стиля как системы креативной айдентики, имиджа городской среды и его продвижения, формирования брендов городов и общественных пространств служит важной идеей проектов, выполненных под руководством Т. Игошиной, М. Свалова, Н. Худяковой, П. Кузьмина, Н. Колбиной, З. Пестеревой (в том числе разработка визуальных концепций и продвижения Нижнетагильской филармонии, линейки пищевых продуктов «Пельменцы», концепции фестиваля пост-панк-культуры в Екатеринбурге, айдентики цифрового музея архитектуры и др.)

Исследованиям региональной идентичности посвящены проекты Национального института дизайна (Москва), в которых разрабатываются общественные интерьеры как пространства идентичности и креативности для отелей в Дагестане и Петрозаводске, гостиницы «Палехская шкатулка» в Иваново; ресторана «Калач» в Муроме и др. (руководители Н. Визель, А. Сойфер, М. Зимняя, Е. Аккуратова, И. Денискин и др.)

Разработки дизайнеров ИРНТУ охватывают широкий спектр

проектов и натуральных объектов в сфере создания креативных кластеров и центров как форм ревитализации и джентрификации городских пространств, формирования туристических и историко-культурных брендов территории, предметного дизайна, городского интерьера как нового образа жизни и системы коммуникации и др. Проектная часть представлена разработками по разным направлениям, например концепциями формирования Центра креативных индустрий на базе «Тюремного замка» в Знаменском предместье Иркутска, креативного кластера в Затоне, создании дизайн-кода туристического Наньтуня, Байкальского тренда «мини-дома»; проектами ребрендинга фирменного стиля Международного Байкальского Зимнего градостроительного университета, библиотеки им. И. И. Молчанова-Сибирского и др. (руководители О. Железняк, М. Корелина, Е. Курочкина, М. Захарчук, А. Шолохов). Также предложены уникальные концепты ювелирных украшений и одежды, разработанные под руководством М. Дагдановой. Оригинальные светильники и арт-объекты (руководители И. Дьяченко, А. Лукьянова, Е. Курочкина) отражают идеологию развития креативного мышления в рамках специальности «дизайн» ИРНТУ и тренды апсайклинга (upcycling). Целая серия исследований и методических разработок О. Железняк и М. Корелиной, а также студенческие работы, созданные под их руководством,

представлены в направлении «Креативное мышление: средства и методики развития».

По итогам выставки-конкурса представительным международным жюри определены победители – обладатели Гран-при в семи направлениях, лауреаты и дипломанты в отдельных номинациях. Работа жюри организована председателем доктором искусствоведения, профессором, зав. кафедрой графического дизайна УРГАХУ Е. Э. Павловской (Екатеринбург) и ее заместителями – академиком РААСН, академиком ИАА, заслуженным архитектором России, вице-президентом Союза архитекторов России Е. И. Григорьевой (Москва, Иркутск); кандидатом искусствоведения, председателем секции скульптуры Белорусского союза художников И. А. Артимовичем (Минск); профессором кафедры рисунка МАРХИ, членом СМА, членом Творческого союза художников России И. Н. Ашмаринной (Москва).

В состав экспертной комиссии вошли доцент архитектуры, инженер-исследователь, зав. кафедрой дизайна архитектурной среды БНТУ, член СА СССР, член Белорусского союза архитекторов, профессор МААМ А. А. Литвинова (Минск); доцент Школы архитектуры и дизайна Харбинского политехнического университета Тан Юэсин (Харбин, Китай); руководитель демонстрационной дизайн-студии «Сегмаг», директор Центра ледового и снежного искусства Школы городского планирования и дизайна Харбинского

политехнического университета Хунвэй Ян (Харбин, Китай); заведующий кафедрой дизайна Института дизайна Ляонинского университета науки и технологии Чэнь Цзюньжу (Ляонин, Китай); зам. директора ИАСиД ИРНТУ, член правления ИРО САР А. Ю. Ладейщиков (Иркутск); директор Центра детского творчества «Пирамида», член правления ИРО Союза дизайнеров России, член САР Н. В. Ремезова (Иркутск); профессор ВАК, профессор ИАСиД ИРНТУ, заслуженный архитектор России, советник РААСН, член СА России, СД России О. Е. Железняк (Иркутск); художник-иллюстратор Саяна Хомонова (Улан-Удэ).

Специальные награды предусмотрены соучредителями выставки-конкурса – дипломы Ляонинского университета науки и технологии и дипломы Союза архитекторов Республики Беларусь.

В целом члены жюри и организаторы Международной выставки-конкурса «Креативный город – 2026» отметили высокое качество работ, широкую географию, талант и креативное мышление участников; разносторонность и разнообразие представленных материалов; глубину и системность обсуждаемых проблем креативности как актуальных стимулов и потенциала развития территорий; плодотворность международного сотрудничества и стратегические перспективы этого проекта.

локальные культуры / local cultures

Понятие «место» в теории архитектуры оппозиционно категории «пространство». В отличие от последней, понятие «место» неоперационально, поскольку не имеет математического обеспечения. В то же время место – структурное понятие, отличное от элемента. В понятии «место» присутствуют феноменологические и символические значения («гений места», уместность, жест), которые во многом определяют характер формообразования в современной архитектуре. Понимание места как антропологической единицы пространственного переживания отсылает к понятию жеста, введенному в теорию архитектуры А. Габричевским. Жест и место связаны, но связь эта далеко не однозначна. Понятие «место» принадлежит определенному фрагменту территории или структуры сооружения, ограничивая возможность заполнения этого фрагмента иными структурами. Жест соответствует месту. Он осуществляется внутри места, но ориентирован вовне.

Ключевые слова: место; пространство; место места; «гений места»; жест. /

К понятию места / To the concept of place

текст

Александр Раппапорт
(Латвия)

text

Alexander Rappaport
(Latvia)

Мир есть все, что имеет место.

Л. Витгенштейн

Появление понятия «место» в теории архитектуры можно понимать как оппозиционное направление профессионального мышления, как начало борьбы со всеобщим и неподконтрольным распространением категории «пространство». В архитектуре и эстетике понятие места начинает трактоваться в противовес модернистскому пониманию пространства как чего-то, что имеет отнюдь не математические параметры, а феноменологическое и символическое значение. В таком ключе разворачиваются поздние работы Кристиана Норберга-Шульца [1].

Хитрость перехода от пространства к месту состоит в том, что место тоже пространство. В математике топология как раз и называется анализом места (от греч. τόπος – место). Одной из первых работ по топологии была книга Анри Пуанкаре «Исследования места» (Analysis Situs), написанная между 1895 и 1904 годом.

Архитектура оказалась близка к геометрии в своей конструктивной ипостаси как система прямых стержней и плоскостей и в своей перцептивной ипостаси (через перспективу). Законы перспективы, начертательной и проективной геометрии вместе с законами иррациональных отношений в соизмерении диагоналей и прямоугольников, круга и квадрата породили своего рода мистическую и эстетическую традицию в понимании архитектуры.

Все эти линии в конце концов соединились в понимании архитектуры как искусства организации пространства, и этот итог сделался одним из фундаментов модернизма и функционализма: с помощью схем стали фиксировать множество производственных и бытовых процессов деятельности.

В XX веке категория «пространство» в силу своей бесконечности и универсальности становится одной из главных онтологических категорий и основой для эпистемологии, т. е. описания всех явлений, вещей и процессов в единых математических терминах. В таком виде категория «пространство» проникает и в психологию зрительного восприятия, в социальную психологию и проксемику, достигая новых обобщенных форм в «топофилии» Туана И-Фу [2].

Иными словами, категория «пространство» обретает свою онтологическую значимость именно через посредничество математики как универсального языка теоретического описания. В этой истории очень важно понимать роль письменности и чертежа. Именно бумага и бумажный чертеж, с одной стороны, и фонетическая письменность – с другой, оперирующая понятиями и категориями, соединившись с математикой, вторглись в сферу профессионального мышления архитектора, поначалу покоившегося на ремесле ваятеля, плотника и камнереза.

С эпохи Ренессанса в архитектуру проникает проектирование как изготовление чертежей и макетов уменьшенного по сравнению с объектом проектирования масштаба и использующегося в работе с чертежом чертежного инструментария и математического расчета. Именно математизация пространства в декартовых координатах дает простор конструктивной операторике в инженерии и схематических моделях различных теорий. В том числе в психологии, эстетике и архитектуре.

В отличие от категории «пространство», понятие «место» не имеет операциональных перспектив. К тому же разрыв понятия «место» с пространством в основном связан с масштабом как последней операциональной категорией конструктивных преобразований. Место стало ассоциироваться с локальной ограниченностью пространства. Никаких конструктивных средств опознания такой локальности в самом понятии места нет, а его масштабное сокращение осталось мало привязанным к чему-либо. Само же содержание понятия осталось формально-пространственным. Тем разительнее становится использование этого понятия в мифологическом ключе. Норберг-Шульц связывает его с пониманием «гения». Но «гений места» никак не связан с математически определенным локусом.

Игра слов и использование понятия «место» в разных, не сводимых друг к другу контекстах создает своего рода креативную двусмысленность, возможно чреватую самыми неожиданными творческими последствиями. Однако, как мне кажется, это была заявка, за которой не последовало никаких результатов. Оперирование понятием «место» осталось на уровне сентиментальной мифологии

The concept of place in the theory of architecture is opposed to the category of space. Unlike the category of space, the concept of place is not operational, because it has no mathematical support. At the same time, a place is a structural concept distinct from an element. The concept of place contains phenomenological and symbolic meanings (genius of place, relevance, gesture), which largely determine the nature of form making in modern architecture. The understanding of place as an anthropological unit of spatial experience refers to the concept of gesture introduced in the theory of architecture by A. Gabrichevsky. The gesture and the place are connected, but this connection is far from clear. The concept of place belongs to a specific fragment of the territory or structure of a building, limiting the possibility of filling this fragment with other structures. The gesture corresponds to the place. It is carried out inside the place but is oriented externally.

Keywords: place; space; place of places; genius of place; gesture.

и феноменологии родных ландшафтов и мест детских воспоминаний.

К месту места

Приступая к размышлениям на тему «место места», нужно расшифровать эти два слова. В них второе «место» обозначает понятие – в данном случае понятие теории архитектуры, которое вот уже несколько десятилетий пытается войти в число актуальных, но без большого успеха. Это понятие близко к категории, завоевавшей за последние сто лет абсолютное доминирование в теории архитектуры, а именно к категории «пространство». Но в чем существенная разница между «местом» и «пространством», пока не слишком ясно. И непонятно, почему усилия ввести понятие места в аппарат проектного и архитектурного мышления все еще остаются в области надежд.

Что касается первого слова, то оно как раз и обозначает ту область теории архитектуры, в которой могли бы быть получены ответы на поставленные вопросы. Оно имеет более узкий смысл – означает какую-то область в рамках так или иначе понимаемой теории архитектуры, в которой, кроме проблематики, связанной с местом, есть масса других проблем.

Сопоставляя два смысла слова «место», уже на этом примере мы видим, что в первом случае оно обозначает нечто, где стоят дома и лежат просторы, и место в соответствующем профессиональном мышлении в целом. Эти два места практически ничего общего между собой не имеют. Первое может быть, например, лугом перед домом или зданием, огороженным забором. Второе же не имеет определенных границ. Но оно точно так же имеет локальный характер, т. е. не объемлет всего мышления архитектора.

Признавая это, мы можем различать два оттенка смысла понятия «место». С одной стороны, это просто область, внутри которой стоят проблемы места, а с другой – это слово может пониматься иерархически, т. е. отвечать на вопрос, насколько эти проблемы важны для всех прочих проблем теории архитектуры, каково не просто содержание, но и значение проблемы места в теории.

Так мы с самых первых шагов обозначили по крайней мере несколько разных смысловых оттенков слова

и понятия «место». Но это разъяснение, будучи необходимым для нашей предстоящей работы, никак не исчерпывает реальных мотивов, руководствуясь которыми мы начинаем это рассуждение, грозящее перерасти в фундаментальное теоретическое исследование. Чтобы теперь эскизно очертить подлинные масштабы этой работы, нам придется немного отступить от слова и попытаться осветить проблему места из некоторых общих соображений, уже не имеющих только словесного смысла. Впрочем, сам по себе словесный смысл никуда не денется и будет вновь появляться в качестве проблемы буквально на каждом шагу.

Прежде всего обратим внимание на выражение «иметь место». Мы употребляем его в двух отличающихся друг от друга смыслах. Например, думая о постройке дома, мы ищем для него место или, собираясь купить новую мебель, задумываемся, где (где – местоименное (!) слово, обозначающее место) ее поставить.

Но если вдуматься в само представление о вещи, которую мы собираемся строить или купить, то в самом представлении она (вещь) уже занимает какое-то место, точно совпадающее с ее границами. Это место, в отличие от места, в котором вещь должна оказаться, имеет иной смысл. Так, в том или ином месте, куда мы собираемся поставить новый шкаф, мы имеем возможность передвигать этот шкаф, не покидая этого места. А вот если понимать под местом объем, занимаемый в воздухе самим шкафом, то выдвинуть или сдвинуть шкаф с этого места логически невозможно. Место в таком смысле неразрывно связано с самой вещью и, соответственно, с представлением о ней, если это представление реалистично и иконично, т. е. наглядно. Если же, говоря «шкаф», мы не будем опираться ни на какое реальное представление о нем, т. е. о его размере и форме, то останемся не со шкафом, а только с понятием шкафа, которое ни в комнате, ни в мире никакого места не занимает, хотя возможно, что оно занимает место в языке и сознании.

В связи с этим само слово «помещение» возникает из того же корневого элемента – мест- (соответственно, возмещение и размещение), а корень слова «место» оказывается в неясном отношении к корню «мечь». Отмещение само по себе оказывается связано с воздействием

на некоторое потерпевшее при столкновении интересов место.

В ходе этого рассуждения мы можем спросить Витгенштейна: имеет ли место в мире само представление или слово, его обозначающее? Входят ли в мир слова и представления? (Федор Гиренок считает, что не входят [3].) И если нет, то не входит ли тогда сам мир в область воображения и представлений? Заметим, что, отвечая на этот вопрос, бесполезно ссылаться на психику и факты душевной жизни. Они точно так же окажутся под вопросом: входят они в мир или нет?

На некоторое время отвлечемся от этой схоластической пропедевтики и посмотрим на дело с точки зрения привычных профессиональных представлений об архитектуре. Это нужно для того, чтобы устранить обвинения в схоластике, которой я стал заниматься, как бы забыв о практических нуждах проектирования. Постараюсь приблизительно (о точном пока говорить рано) обозначить тот круг проблем, в котором понятие «место» может сыграть свою фундаментальную роль.

Для этого нужно отдавать себе отчет в том, что вот уже более ста лет в архитектуре ощущается неспособность к созданию пластических и пространственных форм. Архитектурное проектирование может делать только две вещи – модифицировать уже имеющиеся в арсенале профессиональной памяти (истории) формы и компоновать новые композиционные структуры либо из традиционных формальных типов (прототипов), либо из отвлеченных фигур, прежде всего геометрических. Есть и еще одна возможность – изображать какие-либо внешние по отношению к архитектуре формы и придавать им нормативное значение новых архитектурных форм. К таким вариантам следует отнести и приводимую Витрувием легенду о возникновении коринфской капители из рисунка аканфа.

Третий способ производства форм относится к математическим формулам, графики которых образуют те или иные формы или линии, или поверхностей. Иными словами, всякая конструкция форм создается сегодня извне по отношению к этой форме и воплощенной в ней вещи. Так что вопрос о формообразовании и формотворчестве оказывается тесно связан с категориальной оппозицией «внешнее – внутреннее». В концепции функционализма эта оппозиция играет центральную роль. Функция существует как сила, действующая вне вещи и вне ее формы, предопределяя ее форму чем-то вроде силового поля, расположенного в пространстве простирающегося за пределы занимаемого вещью места.

Это представление воплощается в моделировании сил, обозначаемых также факторами. К таким факторам могут относиться, например, силы тяготения, карты господствующих ветров и распределение светового режима по сезонам. Архитектурно-градостроительные формы в таком случае оказываются, как правило, геометрическими фигурами, координирующимися с направлением или схемами действия внешних факторов.

В какой-то степени такие внешние силы или поля факторов остаются действенными и, вероятно, не исчезнут из поля зрения проектировщика, но они ставят нас перед проблемами множественности таких сил, часто несовместимыми и нескоординированными факторами, приспособление к которым разрушает однозначное соответствие форм факторам. Еще более сложным оказывается действие «внутренних» сил.

Сами же «внутренние» силы должны в таком случае пониматься как не только вызывающие модификации внешних форм, но и вызываемые реакцией на эти внешние формы. До сих пор внутренние силы организмов, вызывающие в качестве результата внешнее формообразование (к их числу относятся почти все силы и процессы, связанные с обменом веществ, энергией и информа-

цией между организмом и его средой), могут пониматься как взаимодействие организмов разных масштабов, и более мелкие организменные структуры располагаются в сфере действия больших по размерам органических систем.

Но по характеру внутренние и внешние силы часто оказываются несопоставимыми в едином пространстве и не отвечающими общим масштабным категориям, определяющим границы внутреннего и внешнего. Например, вкусы людей, живущих в квартире, могут рассматриваться и как внутренние по отношению к дому, и как внешние, принадлежащие к культуре, охватывающей и сами помещения, и всю культурную среду, по аналогии с силами тяготения.

В связи с этим оперативная свобода манипулирования даже геометрическими формами исходит из предположения о пребывании вещи не в рамках места, а в рамках пространства как пустоты, т. е. среды, свободной от нормативных и директивных сил, определяющих формы. Таким образом, мы сталкиваемся с двумя родами сил, действующих на вещи и распределенных по местам, – как связанных с внешним миром, так и принадлежащих сознанию и его схемам, не лежащим в мире. К последним придется тогда отнести и знания о мире, а также вкусовые нормы, влияющие на выбор схем.

Что же касается вкусов и стилевых норм, к которым прибегает сам проектировщик, то они выступают и как лежащие внутри проектного акта, и как внешние по отношению к нему и расположенные в культурно-историческом пространстве.

Таковы первые самые общие предпосылки к пониманию функции понятия «место», которые могут быть развиты и продолжены. Хотя надеяться на скорое решение вырастающих из них проблем пока нет никаких оснований.

Жест и место

Понятие «место» относится к масштабной иерархии пространств. Это локальный масштаб, относительно близкий к антропометрии человека. В рамках места тем не менее протекают разномасштабные по времени процессы. В некотором сочетании фигуративно-телесных и пространственно-временных обстоятельств оказывается и жест, как понятие одновременно статическое и динамическое, пластическое и кинетическое. Понятие жеста принято относить к хореографии, эвритмии, этике и гимнастике. Но, видимо, оно имеет и более общий онтологический и эстетический смысл.

Мне кажется полезным продумать понятие «жест» именно в контексте понятия «место» не только в связи с их одномасштабностью, но и в связи с тем, что оценка жеста как нельзя более «кумestна». А само понятие уместности указывает не только на место, но и на жест.

Жест исходно коммуникативен, интенционален, направлен. Даже там, где его внешний оппонент не обозначен и как бы не подразумевается, жест сохраняет интенциональный смысл инициатора. Жест выразителен как намерение и как прорыв из статики размышления к динамике действия. Жест есть импульсивная точка программирования действия, и в нем это действие получает не только вектор своего приложения и цели, но и энергетический заряд, своего рода тонус.

Жест распределен в пространстве и времени своего движения и в то же время оставляет в пространстве что-то вроде следа как диаграммы этого движения. Жест реактивен и индуктивен. Жест вызывает встречный, ответный жест. В этом смысле жест всегда коммуникативен, диалогичен и попадает под философию диалога М. Бахтина [4], хотя в жесте можно различить и анонимную возможность быть исключительно экспрессивным, не учитывающим конкретного адресата.

Попытку ввести жест в номенклатуру архитектурно-художественных понятий в нашем архитектуроведении предпринял в 20 годах XX века А. Габричевский, образование которого не случайно включало в себя и хореографию. Но в 20 годы эта интенция к жесту была гораздо более популярна, чем сегодня. Эвритмия Эмиля Жак-Далькроза и Жана д'Удина [5] в Европе корреспондировала с ритуальными и священными танцами некоторых восточных обрядов и сект. Жестикуляция культивировалась и в теософии, и особенно в антропософии Р. Штайнера, и в школе «четверопутников» Г. Гурджиева [6]. Возможно, что через учеников Г. Гурджиева идеи жестикулятивной эстетики проникли и в архитектурный кружок Ф. Л. Райта.

В XX веке хореография жеста в балете и музыке сопровождалась эстетикой конструктивизма и техницизма. Изучение трудовых операций как жестов имело место в Центральном институте труда А. К. Гастева. Оно чувствуется в механическом балете Ф. Леже и в общей идеологии спортивной физкультуры и гимнастики как культуре коллективного действия. Оно захватывает балет и танцевальную культуру Айседоры Дункан, английский театр Гордона Крэга, отражается в культе механического театрального жеста у В. Э. Мейерхольда и увлечении японским театром С. М. Эйзенштейна, который вводит культуру жеста в свою поэтику киномота. Но и в других течениях театрального сценического действия мы видим обновляемый культ жеста – у А. Я. Таирова и К. С. Станиславского.

Все это увлечение жестом, сопровождавшее художественный авангард и в живописи, и в музыке, и в кино, и в архитектуре, впоследствии было несколько смято и затушевано, скорее всего в связи с изменением масштабов массовой культуры и нормативной символизацией экспрессивной жестикулятивной импровизации, нормативной азбукой популярных жестов в бытовых танцах. Но сильнее всего приглушил культуру жестов механический прогресс, с его скоростями, ритмами машин и разного рода движущихся агрегатов. Экспрессионизм, выдвинувший жест на сцену, оказался подавлен механическим футуризмом. Жест постепенно терял свои антропологические и антропометрические характеристики и сливался с механическим ритмом и метром движения машин.

В музыке ритмика как носитель жеста постепенно была заслонена эффектами тонально-гармонического звучания. Искусство уступило жест ритуалам восточных культов и новым видам физкультурных стандартов, в частности аэробике.

В архитектуре жестикулятивная эстетика была вытеснена новым градостроительством, с его масштабами и движением колесных экипажей и локомотивов, в которых катящееся равномерно колесо было выставлено наружу, а жестикулятивный ход коленчатого вала и поршней скрыт дизайнерским кожухом. Жесты наездника постепенно уступили место статичной позе велосипедиста и мотоциклиста, шофера и летчика. Жесты прыгунов остались в прошлом, а жесты парашютистов так и не вошли в повседневный обиход.

Но понятие «место» все еще хранит в себе память жеста, и само понимание места как антропологической единицы пространственного переживания невольно возвращает нас к жесту. Слабая тень жеста сохраняется и в курсах объемно-пространственной композиции, в которых жест глазодвигательного аппарата как тончайшего движения ориентации в пространстве улавливается построением композиции объемов и пространств.

Жест и место оказываются связанными, но связь эта далеко не очевидна. Место ограничивает вторжение в свое пространство, рождая феномен неуместности. Не случайно именно жест прежде всего опознается

по уместности или неуместности. Спрашивается, почему именно жест, а не объект? Или, точнее, почему неуместность объекта воспринимается как неуместность жеста?

Самый простой пример – контекстуальная неуместность. Контекстуальная неуместность реагирует не на само место, а на то, что в нем оказалось первичным. Но место не просто воспринимает ранее возникшие структуры как первородные, а только в том случае, когда эти структуры оказались адекватными какой-то внешней по отношению к месту среде.

Для того чтобы место полностью потеряло свой смысловой потенциал, необходимо стереть не только то, что в этом месте, но и то, что вокруг. Следовательно, место хранит в себе смысловые потенциалы как внутреннего, так и внешнего. Место, в отличие от границы, не столько разделяет внешнее и внутреннее, сколько удерживает их смысловую связь. Место оказывается структурным понятием, отличным от понятия элемента.

Понятие «место» принадлежит определенному фрагменту территории и даже структуры сооружения, ограничивая возможность заполнения этого фрагмента иными структурами. Поэтому жест оказывается структурно соответствующим месту, ибо он осуществляется внутри места, но ориентирован вовне.

Из этого рассуждения можно заключить, что жест и место – категории исторического порядка, и их смысл, скорее всего, связан с инертностью исторических процессов, в частности с инерцией самого развития той или иной исторической ситуации.

Разумеется, в таком случае было бы бессмысленно судить об уместности революционных событий, смысл которых состоит как раз в радикальном взрыве сложившейся в данном месте ситуации. Это наблюдение ориентирует нас на тщательный анализ масштабов, относительно которых рассматривается ситуативная потенция «гения места». Скажем, взрыв храма Христа Спасителя становится символически неуместным вне революционного контекста, т. е. контекста изменения политической системы всей страны, и, наоборот, окажется неуместным, если масштабом его оценки будет сохранение градостроительной ситуации в определенном районе Москвы. В этой логике можно рассмотреть, однако, не только взрыв, но и строительство этого храма в XIX веке.

Устойчивое мнение москвичей о каком-то неблагоприятном характере этого места, соответственно, определяется не его географическим положением, но его исторической судьбой как участка, примыкающего к Кремлю. Аналогична противоречивая судьба другого места, на котором была возведена и позднее разрушена гостиница «Россия». (Ранее там было намечено строительство высотного здания по проекту Д. Н. Чечулина, но его не построили.)

Вообще судьба гигантизма в сталинской культуре, воплотившаяся в семи высотных зданиях, еще не получила своего историософского и эстетического толкования. Они занимают примерно такое же монструозное место в культуре, как и гигантские портреты американских президентов, высеченные прямо в скале, и гигантская скульптура Туркменбаши в Ашхабаде.

Но существует и менее определенная сила места, уже менее связанная с его географией. Это место монументальной скульптуры как таковой в системе культуры. Отсутствие места для монументальной скульптуры едва ли можно всегда сводить к свойствам той или иной конкретной территории. Тут место меняет свои онтологические параметры и из пространственного превращается в смысловое или культурно-мифологическое понятие. Монументальная скульптура требует для себя не просто участка для постамента и условия его удачного зритель-

ного восприятия, но и смысловой контекст, в котором скульптурная фигура не выглядела бы неуместно.

Почему в христианской культуре не оказалось места для монументальной скульптуры? Едва ли это можно объяснить отсутствием места. И почему в СССР, как ни пытались, так и не смогли внедрить монументальную скульптуру? А там, где она все же возникала, она оказывалась в очень сложном и противоречивом отношении с господствующей идеологией. Почему, например, такие скульптурные ансамбли, как ансамбль Мамаева кургана, выглядят столь чужеродными? Более того, таковыми же монстрами отчасти стали статуя Свободы перед Нью-Йорком, гигантский Христос в Рио-де-Жанейро...

В авангардистской эпохе таковым монстром стала Башня Татлина с ее совершенно уникальным жанровым типом гигантской ювелирной брошки, чем-то средним между техническим перевоплощением Эйфелевой и Вавилонской башни. Пожалуй, близка к ним и идея Карла Фридриха Шинкеля с его Валгаллой, и проекты монстров Леду и Булле времен Великой французской революции. То же можно сказать и о лоосовском проекте здания редакции газеты «Чикаго трибюн».

А вот статуи Рамсеса в Египте, зиккураты и пирамиды монструозного впечатления не производят. Я склонен предполагать, что здесь мы имеем случай хтонического жеста с его поклонением чисто физической величине и массивности, который был как бы упразднен олимпийской космической мифологией, и все эти титаны и гиганты с множеством рук или голов ушли в темное прошлое человечества.

В разделении византийской и римской ветви христианства Византия пошла по пути пластического иконоборчества и не приняла пластических икон, которые сохраняются в византийском ареале в качестве исключения опять-таки архаического порядка, например знаменитые пермские деревянные скульптуры.

Гитлер и Сталин испытывали большую склонность к монументальной скульптуре, и, хотя ансамбль Мамаева кургана хронологически принадлежит уже послесталинской эпохе, Е. В. Вучетич остается носителем сталинского духа. Его знаменитый памятник Воину-Освободителю в берлинском Трептов-парке может считаться примером наименее безвкусного воплощения этой сталинской мании, в отличие от гигантских монументов С. Д. Меркурова с изображением Сталина, которые были чем-то совершенно чужеродным и русскому пейзажу, и русской культуре. Тем не менее в народе этот культ массивности и тератологического величия сохраняет свою силу, хотя в принципе противостоит христианскому пониманию духовности.

Мы уже настолько привыкли к «Рабочему и колхознице» В. И. Мухиной, что не отдаем себе отчета в том, что эти изваяния на крыше Иофановского советского павильона в Париже (1937) были своего рода ярчайшим воплощением ар-деко с его тягой к восточной архаике. В отличие от павильона СССР в Париже, монструозный проект Дворца Советов Бориса Иофана постигла историческая неудача, возможно связанная с «гением места», где был сначала взорван, а затем воссоздан храм Христа Спасителя.

Удивительны удачные варианты монументальной скульптуры в истории русского искусства. Это и Медный всадник Этьена Мориса Фальконе, и памятник Александру Третьему Паоло Трубецкого. Но в равной степени есть и неудачные, хотя и не столь гигантские, монументы М. Микешина. Интересны, но до сих пор мало понятны условия появления замечательных пластических шедевров барокко и классицизма, в том числе и в России. Условия уместности скульптуры в христианском мире все еще не ясны. Видимо, магия величия и величины,

массивности и экстраординарности все еще жива в каких-то слоях культурного сознания тысячелетий, прошедших со времен великой олимпийской революции.

Новейшие опусы «стархитекторов» и не влезающие под небо небоскребы «Охта-центра» и Дубая, «бигнесс» Рэма Колхаса и многое другое говорят о том, что хтонические тератологические инстинкты культуры еще не изжиты и имеют шанс воскреснуть в новых тоталитарных идеологиях.

Так что уместность, место и жест остаются не просто актуальными, но и тлеющими категориями современного архитектурного мышления.

Литература

1. Norberg-Schulz, Ch. *Genius Loci: Towards a Phenomenology of Architecture*. – Academy Editions, 1980. – 213 p.
2. Tuan, Yi-Fu. *Space and Place: The Perspective of Experience*. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 2001. – 235 p.
3. Гиренок, Ф. И. *Автография языка и сознания*. – Москва : Изд-во МГИУ, 2010. – 247 с.
4. Бахтин, М. М. *Вопросы литературы и эстетики*. – Москва : Худ. лит., 1975. – 504 с.
5. Уварова, Г. А. Эвритмика и танец: к истории взаимодействия хореографии и метода Эмиля Жак-Далькроза. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evritmika-i-tanets-k-istorii-vzaimodeystviya-horeografii-i-metoda-emilya-zhak-dalkroza/viewer> (дата обращения: 09.01.2025).
6. Гурджиев, Г. И. *Четвертый путь к сознанию*. – Москва : АСТ, 2022. – 448 с.

References

- Bakhtin, M. M. (1975). *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
- Girenok, F. I. (2010). *Autogrfia yazyka i soznaniya* [Autography of language and consciousness]. Moscow: MGIU.
- Gurdjieff, G.I. (2022). *Chetverty put k soznaniyu* [The fourth way to consciousness]. Moscow: AST.
- Norberg-Schulz, Ch. (1980). *Genius Loci: Towards a Phenomenology of Architecture*. Academy Editions.
- Tuan, Yi-Fu. (2001). *Space and Place: The Perspective of Experience*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Uvarova, G. A. (2021). Eurythmics and dance: To the history of Emile Jacques-Dalcroze method and choreography interaction. *Bulletin of the Vaganova Ballet Academy*, 5(76). Retrieved January 9, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/evritmika-i-tanets-k-istorii-vzaimodeystviya-horeografii-i-metoda-emilya-zhak-dalkroza/viewer>

В статье показано, что города на протяжении всей своей истории складывались из многих самодостаточных анклавов, между которыми возникала лишь относительная общность. Наступали моменты, когда во главу ставилась задача добиться композиционной и стилистической целостности города как ансамбля. Тогда становилась особенно заметной чужеродность некоторых городских объектов, с которой приходилось бороться. Современные разросшиеся города не могут претендовать на абсолютное единство: в них смешиваются весьма контрастные локализованные архитектурно-планировочные образования. Исходя из поставленной журналом «Проект Байкал» задачи сосредоточить внимание на «локальных культурах», автор обосновывает мысль о том, что гармонизация разнородных городских локусов требует повышения и выравнивания общего культурного уровня их формирования и функционирования.

Ключевые слова: город; пространство; архитектура; локус; анклав; свое; чужое; общее. /

The article shows that, throughout their history, cities have been formed from many self-sufficient enclaves, between which there was only a relative community. There were times when the main goal was to achieve the compositional and stylistic integrity of the city as an ensemble. Then the alienness of some urban objects became especially noticeable, and it had to be dealt with. Modern sprawling cities cannot claim absolute unity: they mix highly contrasting localized architectural and planning formations. According to the task set by Project Baikal journal to focus on "local cultures", the author substantiates the idea that the harmonization of heterogeneous urban loci requires an increase and alignment of the overall cultural level of their formation and functioning.

Keywords: city; space; architecture; locus; enclave; own; alien; common.

Локальные анклавы в общегородском пространстве / Local enclaves in the citywide space

Города изначально формировались как союзы родовых и соседских общин. Это значит, что в их пределах находились автономные земельные владения с соответствующими зданиями и сооружениями. Можно ли называть общегородским все пространство в черте традиционного города? Конечно, нет, коль скоро оно вмещало участки, принадлежавшие отдельным полноправным семьям. В общем пользовании оставались только межи с улицами, на перекрестках которых устраивались площади, подходящие для возведения общественных зданий. При этом каждая община контролировала свое общественное пространство, доступ в которое затруднялся для посторонних. Только самые главные площади и соборные храмы служили для сбора всех горожан. Впрочем, и на общие собрания допускались не все.

Наглядный пример возникновения великого города из нескольких патриархальных поселений являет собой Древний Рим. Семь холмов в его центре были заняты племенами разного происхождения, имевшими свои исконные культы и обычаи [1]. Свидетельством их объединения стало осушение и благоустройство оврагов между холмами, где на нейтральных полосах сформировался разветвленный общегородской центр. Ядром его послужил республиканский Римский форум (лат. Forum Romanum). В дальнейшем к нему добавились форумы императорские и крупнейшее общественное сооружение – Колизей. Два холма – Капитолий и Палатин – тоже превратились в центры общегородского и государственного значения.

Хорошо известно, что и древнерусский Новгород складывался из самоуправляющихся «концов», расположенных вокруг детинца с собором Святой Софии [2]. Не следует думать, что это уникальное явление: посадские «концы» и «слободы» существовали едва ли не во всех городах Руси [3, 4]. Средневековые города Западной Европы тоже обладали общинным устройством, позволявшим населению выстраивать приемлемые отношения с сеньорами и королями.

Нельзя забывать, что родовая наследственная собственность испокон веков была неприкосновенной. Недаром сложилась поговорка: «Мой дом – моя крепость». Врываться в чужой дом считалось святотатством.

Поэтому в нем могли находить надежное укрытие любые пришельцы, если их принимали как гостей. В своем доме, как говорится, «хозяин – барин». «Домострой» именует главных собственников жилища «государем» и «государыней» [5]. И он призывает жить своей замкнутой жизнью, не вынося сор из избы и не принося ничего дурного с улицы.

Ясно, что каждое дворовладение мыслилось как самодостаточный мирок – «город в городе», воспроизводящий в миниатюре целое царство-государство, а по идее и все мироздание, отчего застройка средневековых посадов не могла быть однородной, усредненно-обезличенной. Дома и дворы получались разными в зависимости от статуса, достатка и личных предпочтений владельцев. Другое дело, что яркой индивидуализации архитектурных форм не получалось в силу преобладания патриархально-общинных традиций, допускавших выделение на фоне относительно равных только самых значительных объектов.

Традиционная материальная и духовная культура сплачивала людей и порождала крупные этноконфессиональные объединения. Превращение племенных союзов в государства и великие монархии активизировало движение в данном направлении. В такой ситуации усиливалось ощущение общности всего того, что относилось людьми к своей Родине – не только малой, но и великой. Поэтому насыщение городов домами приезжих соотечественников, как и подворьями отдаленных монастырей, происходило довольно безболезненно.

Однако вкрапления поселений иноземцев заметно контрастировали с местным контекстом. Чужих опасались и примечали по малейшим деталям образа жизни и поведения. Так что в застройке более или менее целостных посадов возникали совершенно определенные инородные вставки. Порой они могли казаться зловещими, причастными к тайным силам и колдовству [6].

В меру необходимости власти отводили довольно обширные территории для «инородцев» и «иноверцев». Пример тому – Татарская слобода в Замоскворечье. Другой случай: возросшее число выходцев из Европы в Москве XVII века решено было разместить за городом – в Немецкой слободе. В общих чертах данная тема давно

текст

Игорь Бондаренко
НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства (Москва); Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет

text

Igor Bondarenko
Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning (Moscow); National Research Moscow State University of Civil Engineering

Работа выполнена в филиале ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ по Плану фундаментальных исследований РААСН и Минстроя России на 2026 год. Тема № 1.1.6.1 «Архитектурная организация городских пространств: целостность и дискретность» /

Acknowledgements: The study was carried out at the branch of the Federal State Budgetary Institution "TSNIIP of the Ministry of Construction of Russia" Research Institute of Theory and History of Russia and Urban Planning according to the Plan of Fundamental Research of the RAACS and the Ministry of Construction of Russia for 2026. Theme No. 1.1.6.1 "Architectural organization of urban spaces: integrity and discreteness"

известна. Различные этнические диаспоры издавна получали постоянные пристанища для жизни и торговли во множестве городов, особенно столичных. И они имели возможность сохранять там свою культурную самобытность. В этом отношении населенные ими анклавы были сродни поселениям колонистов вдаль от далеких, но никогда не забываемых метрополий.

Надо полагать, что изоляции пришлых поселенцев способствовала общепризнанная в древности неприкосновенность семейного жилища, о чем упоминалось выше. А еще – традиционная защищенность принятых хозяином в свой дом гостей [7]. В данном случае – принятых властями в свое государство иностранцев.

Наиболее яркими инородными вставками в посадскую ткань русских городов становились культовые объекты, возводившиеся для католиков, лютеран, армян, евреев, мусульман. Справедливости ради надо заметить, что и православные храмы в первое время после крещения Руси выделялись среди окружения необычностью, что понятно, ведь они были «не от мира сего». Однако укоренение христианства на Русской земле вело к тому, что церковное зодчество становилось все более своим, родным и общим для соплеменников. Храмы и монастыри продолжали выделяться среди рядовой застройки как доминанты, иногда очень контрастные, но уже вовсе не инородные по своему существу. Показателен в этом отношении тот факт, что элементы архитектурно-декоративного убранства средневековых церквей переносилось в жилищное строительство.

По мере приближения Нового времени контакты местного населения с представителями иных стран и народов становились все более интенсивными и все менее пугающими. Тому способствовали Великие географические открытия и далекие завоевательные походы. Европейский колониализм сопровождался расовой дискриминацией и насаждением по всему миру единообразной ордерной архитектуры, трактованной как высшее достижение всех времен и народов. Возникла европоцентристская картина мира, содержащая яркие вставки из экзотических культур аборигенов. Началось увлечение заморскими диковинками, которые предприимчивые люди стремились коллекционировать и выставлять напоказ.

Поначалу европейская архитектура вбирала в себя лишь некоторые экзотические мотивы, не разрушавшие ее типологическую и стилистическую цельность. Но довольно скоро пришла эпоха так называемой эклектики, для которой стала характерна живая игра с архитектурными образцами самого разного происхождения. Если в эпоху классицизма господствовала установка на планировочное и стилистическое единение города, поощрявшая в том числе перелицовку средневековых построек, отражавших якобы «варварские» вкусы «темных веков», то ее окончание ознаменовалось возрастанием прямо противоположных стремлений. Появление все большего числа инородных архитектурных элементов в городской среде радовало и заказчиков, и проектировщиков, получивших невиданную до того свободу субъективного творческого волеизъявления.

Можно сказать, что в XIX веке возник культ архитектурного разнообразия. И он породил новый тип «спекания» городской ткани в единый пластически изощренный, многосложный массив. Так нивелировался контраст между основным «телом» города и инородными по отношению к нему локальными включениями. Это происходило в русле демократизации общества, овеванной мечтами о скором единении всего прогрессивного человечества. Инородные включения, правда, получались чрезмерно крупными, шумными и грязными в случае разраставшихся фабрик и заводов.

Но вот пришло время отрицания историзма. Революционно настроенные футуристы начала XX века высказывались по поводу старых городов крайне негативно – из-за их перегруженности, пестроты и антисанитарного состояния [8]. Они ратовали за радикальное преобразование как городов, так и самого общества. При этом во главу угла ставились универсальные общечеловеческие ценности. Модернистская градостроительная концепция нацелилась на уничтожение всей той разнородности и мелкотравчатости, которая свойственна исторически сложившимся поселениям.

Этой концепции удалось надолго захватить лидирующие мировые позиции. Тем не менее при всем своем напористом технократическом рационализме и интернационализме «Современное движение» не смогло достичь абсолютного порядка, абсолютной целостности в архитектуре новых городов. А в городах старых оно породило вопиющие диссонансы.

Другим крупным явлением XX века стало создание монументальных городов-ансамблей в неоклассическом духе. Что можно сказать о них в отношении включения инородных архитектурных локусов? Конечно, такие локусы имели место, но не благодаря, а вопреки желаниям авторов. Речь идет главным образом о сохранении некоторых выдающихся памятников и уцелевших фрагментов старой застройки. Архитекторы были настроены против обособления этих памятников и фрагментов. Формируемые ими ансамбли могли получаться сложными, но обязательно хорошо скомпонованными, отрисованными, цельными.

Эта задача оставалась в приоритете и после отказа от архитектурных «излишеств», когда видные теоретики продолжали писать о том, что объекты наследия не должны музеефицироваться и выпадать из жизни современного города [9]. Понятно, что оставшиеся, например, на Варварке палаты и церкви с возведением модернистского объема гостиницы «Россия» оказались в совершенно чуждой им градостроительной ситуации. Однако считалось, что это дало импульс для их новой, актуальной жизни.

Последние полвека ознаменованы нарастанием забот о сохранении объектов историко-культурного наследия. Заметно увеличилось число отреставрированных и воссозданных памятников архитектуры, что поспособствовало зримому обособлению их в городском пространстве. Это свидетельствует об отказе от прямолинейного подхода к проблеме модернизации городской среды.

Одновременно активизировалось возведение новых крупногабаритных, высотных зданий и комплексов, беззастенчиво вырывающихся из окружения. Они явно инородны, хотя только некоторые из них выглядят как уникальные архитектурные произведения международного уровня, ярко обозначающие проникновение в исторические города транснациональных символов глобализации.

Таким образом, число инородных локальных вставок в общегородские пространства и панорамы стремительно нарастает. Не так давно в России с этим явлением стали бороться при помощи программы комплексного развития территорий, которая позволяет надеяться на улучшение качества жизненной среды.

Конечно, к комплексности архитектурно-градостроительных решений надо стремиться. Однако в достаточно полной мере это получается только в границах выделенных территорий, где достижима взаимосвязанность всех нужных объектов и законченность архитектурной композиции. В идеале хорошо спроектированный архитектурно-пространственный комплекс может стать прекрасным ансамблем. Но город от этого не станет более целостным,

поскольку получит лишь новый самодостаточный анклав, чуждый окружению, живущему иной жизнью.

Что же нам делать? Собрать все участки и все постройки большого города воедино практически невозможно. И с теоретической точки зрения заниматься этим бесполезно, так как стоит понять, что город по своей природе не является абсолютно целостным, завершенным в себе «организмом», сколько бы об этом ни говорили. Его единство иного – коллективного, общинного – типа. Это значит, что наши усилия должны направляться на устранение архитектурных конфликтов между разнокачественными градостроительными объектами и на создание условий для их «мирного сосуществования», добрососедства.

Как видно из вышеизложенного, города складываются из множества разнородных локусов. Другое дело, что взаимодействие таких локусов бывает умеренным, нейтральным или активным, вызывающим в одних случаях положительные, в других – отрицательные эмоции. Все зависит от степени доброжелательности или грубости создателей подобных эффектов, т. е. от уровня общей и профессиональной культуры. Вот почему представляется очень правильной и своевременной постановка журналом «Проект Байкал» вопроса о локальных культурах, проявляющих себя в архитектуре и градостроительстве.

Понятно, что можно говорить о специфической культурной атмосфере, царящей в каждой функциональной зоне города, в каждом архитектурном объекте. Одно дело – жилье, другое – церковь, офис, промышленное предприятие, торговый центр, спортивный комплекс, учебный кампус, больница, театр, музей, парк... Мало того, возникают пространственные анклавы, где концентрируются интересы людей разных этносов и конфессий, возрастов и профессий, вплоть до маргиналов и преступников. У каждой такой группы есть свои культурные особенности, ценность которых, однако, нельзя абсолютизировать.

Западный либерализм, одержимый идеей создания «открытого общества», довел право на самовыражение всех и вся до абсурда. На самом деле фундаментальное понятие культуры требует не уравнивать специфические проявления социальной активности, а ранжировать их по степени качества.

Часто говорят, что всякая вещь хороша по-своему. Эта мысль восходит к Н. В. Гоголю. Только она передается с искажением смысла. Писатель сформулировал ее так: «Все роды хороши, когда они хороши в своем роде» [10]. Хороши, когда хороши. А могут быть и плохи. Поэтому вредны рассуждения о том, какая культура выше и лучше: европейская, азиатская, американская, африканская... Они разнятся по формальным признакам, но по уровню воплощения бывают и одинаково прекрасны, и посредственны, и убоги. А некоторые проявления их носят явно негативный, антигуманный, «инфернальный» характер.

Нам надо стремиться к тому, чтобы все локальные, разнородные образования в городе можно было называть культурными в высоком смысле этого слова, т. е. доброкачественными, благопристойными, деликатными. Великая историческая миссия культуры состояла и продолжает состоять в том, чтобы возвышать и совершенствовать человека и общество [11]. Только при достаточно высоком уровне культуры, при наличии взаимопонимания и взаимоуважения, в тесном соседстве с местными жителями могут благополучно проживать иностранцы. Конфликты возникают не из-за этнических и конфессиональных отличий людей, а по причине несоответствия уровня их культурного развития.

Когда речь заходит о мигрантах, образующих опасные анклавы в европейских городах, возникает естественное

желание сократить и обособить места их компактного проживания. Конечно, надо требовать от них знания языка и местных законов, но стремиться к их полному отрыву от собственных родовых корней не следует. Этот путь казался привлекательным во времена господства идеологии абсолютизма и глобального интернационализма. Сейчас очевидно, что он неразумен и пагубен.

Сказанное вызывает желание привести выдержку из труда русского философа рубежа XIX–XX веков Н. О. Лосского. Он написал о том, что возведенные О. Шпенглером в ранг непреодолимого закона взаимная непроницаемость и чуждость друг другу различных культур «в действительности, однако <...> существуют лишь в той мере, поскольку нация не осуществляет своего идеального назначения, поскольку в ее творчестве есть искажения добра и воплощение отрицательных ценностей. <...> Совместно творить гармоническое единство жизни, сверкающей богатыми красками различных культур, можно лишь в том случае, если мы будем сочувственно вживаться в чужие культуры, постигать их, как свою собственную, и, таким образом, воспитывать в себе способность восполнять друг друга своим творчеством» [12, с. 323–324].

Городам несвойственна гомогенность. Следует по достоинству оценить их структурную многосложность с включением локусов самой разной формы и назначения. Не стоит заниматься укрупнением и собиранием воедино этих локусов, даже если они возникли стихийно. К чему обеднять исторически складывающийся, растущий и обогащающийся город? Другое дело, что надо бороться с губительным хаосом, устранять архитектурные бестактности, культивировать и гармонизировать среду, повышая общий уровень градостроительной культуры.

Литература

1. Федорова, Е. В. Знаменитые города Италии: Рим, Флоренция, Венеция. – Москва : Изд-во Моск. университета, 1985. – 480 с.
2. Янин, В. Л., Алешковский, М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. – 1971. – № 2. – С. 52–55.
3. Мурзаев, Э. М. Словарь народных географических терминов. – Москва : Мысль, 1984. – 466 с.
4. Лимонов, Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь: очерки социально-политической истории. – Ленинград : Наука, 1987. – 218 с.
5. Домострой / сост., вступ. статья, перевод с др.-рус. и комментарии В. В. Колесова. – Москва : Сов. Россия, 1990. – 304 с.
6. Максимов, С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. – Москва : Миф, 2024. – 480 с.
7. Фрезер, Дж. Золотая ветвь. – Москва : Политиздат, 1986. – 703 с.
8. Ле Корбюзье. Три формы расселения. Афинская хартия / пер. с франц. – Москва : Стройиздат, 1976. – 136 с.
9. Иконников, А. В. Старое и новое в системе города // Памятники архитектуры в структуре городов СССР. – Москва, 1978. – С. 7–44.
10. Гоголь, Н. В. Арабески : в 2 ч. – Санкт-Петербург, 1835.
11. Архитектура и культура России в историческом взаимодействии / отв. ред. И. А. Бондаренко. – Санкт-Петербург : Коло, 2019. – 432 с.
12. Лосский, Н. О. Условия абсолютного добра. – Москва : Политиздат, 1991. – 367 с.

References

- Bondarenko, I. A. (Ed.). (2019). *Arkhitektura i kultura Rossii v istoricheskom vzaimodeistvii* [Architecture and culture of Russia in historical interaction]. St. Petersburg: Kolo.
- Fedorova, E. V. (1985). *Znamenitye goroda Italii: Rim, Florentsiya, Venetsiya* [Famous Italian cities: Rome, Florence, Venice]. Moscow: Publishing House of Moscow University.
- Frazer, J. (1986). *The Golden Bough*. Moscow: Politizdat.
- Gogol, N. V. (1835). *Arabesques: in 2 parts*. St. Petersburg.
- Ikonnikov, A. V. (1978). *Staroe i novoe v sisteme goroda* [The old and new in the city system]. In *Architectural monuments in the structure of cities of the USSR* (pp. 7–44). Moscow.
- Kolesov, V. V. (Ed., Trans.). (1990). *Domostroy* [The household book]. Moscow: Soviet Russia.
- Le Corbusier. (1976). *Three forms of settlement. The Athens Charter*. Moscow: Stroyizdat.
- Limonov, Yu. A. (1987). *Vladimiro-Suzdalskaya Rus: ocherki sotsialno-politicheskoi istorii* [Vladimir-Suzdal Russia: Essays on socio-political history]. Leningrad: Nauka.
- Lossky, N. O. (1991). *Usloviya absol'yutnogo dobra* [Conditions of absolute goodness]. Moscow: Politizdat.
- Maximov, S. V. (2024). *Nechistaya, nevedomaya i krestnaya sila* [The unclean, unknown and Godly force]. Moscow: Mif.
- Murzaev, E. M. (1984). *Slovar narodnykh geograficheskikh terminov* [Dictionary of folk geographical terms]. Moscow: Mysl.
- Yanin, V. L., & Alekhovskiy, M. Kh. (1971). *Proiskhozhdenie Novgoroda (k postanovke problemy)* [The origin of Novgorod (to the formulation of the problem)]. *History of the USSR*, 2, 52–55.

Ледяные отели, песчаные скульптуры, соляные часовни, бамбуковые павильоны, созданные с применением базовых материалов и ресурсов региона, – все превращается в средство сохранения идентичности территории, в символический капитал, потенциал ее развития. Возрастающее разнообразие использования региональных ресурсов и природных материалов – от традиционных до нестандартных, порою эпатажных приемов и средств, – может играть важную роль в будущем многих регионов, в развитии туризма, локальных культур и экономик, креативных индустрий и др.

Ключевые слова: локальная идентичность; местные материалы; природные ресурсы региона; символический капитал; мегатренды. /

Ice hotels, sand sculptures, salt chapels, bamboo pavilions created using the basic materials and resources of the region – everything turns into a means of preserving the identity of the territory, into symbolic capital, and the potential for its development. The increasing diversity of the use of regional resources and natural materials – from traditional to non-standard, sometimes shocking techniques and means – can play an important role in the future of many regions, in the development of tourism, local cultures and economies, creative industries, etc.

Keywords: local identity; local materials; natural resources of the region; symbolic capital; megatrends.

Местные ресурсы и материалы: потенциал идентичности региона / Local resources and materials: The potential of the region's identity

текст

Ольга Железняк
Иркутский национальный
исследовательский
технический университет

text

Olga Zheleznyak
Irkutsk National Research
Technical University

Идеалы локальной идентичности чрезвычайно актуальны сегодня. Как новая экономика они представляются важной частью стратегий развития регионов. В поисках ресурсов и средств идентификации, а также для осмысления специфики представлений региональности и локальной идентичности особое значение приобретают возможности региональных ресурсов. Природные ресурсы, местные материалы, их освоение и использование превращаются в уникальное средство сохранения и проявления самобытности территории, в своеобразный потенциал ее развития. В истории и культуре они традиционно несут в себе культурный код места, его эйдос; служат оберегом, одновременно выступая формой идентификации; в них закреплены геномы локальных культур, символизируя род, его силу и связь с природой.

Так, традиция брать с собой в путешествие горсть родной земли или иной оберег, выполненный из аутентичного материала (например, из кости местного животного), во многих культурах считается своеобразным способом защиты и укоренения на новой территории, в новой культуре. Природные ресурсы территории, местные материалы и их использование становятся своеобразной формой сохранения и переноса кода «места», превращения чужого пространства в «свое» [7], интеграцией «магии» природных ресурсов и материалов территории с региональной идентичностью и традициями.

Поиски локальной идентичности трактуются как «отождествление» и «узнавание», актуальная форма новой экономики, способствующая развитию территорий, проявлению их идентичности и превращению в специфические «туристические магниты». Все это включает становление созидательного поведения в регионе проживания и позитивного отношения к нему [10], самоотождествление жителей с существующим на территории жизненным укладом, с культурными архетипами и традициями, осознание собственной принадлежности к ним. Важная роль отводится формированию позитивного образа «места»/региона (включая системы «брендинга») и продвижению территории [6, 10, 13, 14].

В связи с этим актуальными становятся интерпретация и использование природного ресурса как части символического капитала, «участника» его создания через проявление и формирование «символической продукции»

(ритуалов, мифов, традиций, легенд, знаков, символов, брендов, имиджей и пр.), достижение оптимального соотношения между традиционными ценностями места и нововведениями [1, 10].

Учитывая актуальность устойчивого развития как мегатенденцию, мейнстрим разных сфер жизнедеятельности, сегодня в поисках локальной идентичности, ее исследовании своевременно обсуждение специфики и возможностей «устойчивости» и «экологичности» как взаимосвязи природных и антропогенных ресурсов, их потенциала для сохранения идентичности и становления уникальных региональных мегатрендов, которые во многом обуславливают возобновляемое использование природных ресурсов [2, 3, 12], подчеркивая непосредственную зависимость всех процессов от взаимодействий антропогенных и природных систем и циклов «обратной связи» между ними. В свою очередь природные ресурсы, являясь частью этих систем, начинают эффективно применяться в поисках региональной идентичности, представляя региональное в качестве традиционного, присущего территории; национального, имманентного обычаям народа/нации; природно-климатической специфики территории, используя свойственные «месту» культурные архетипы и технологии, способы «проживания» и формы.

Т. о., выявление специфики территориальной/локальной идентичности, формирование концепций ее становления, будучи важным фактором продвижения территории, неизбежно опирается на потенциал территории, в т. ч. на ее природно-рекреационные ресурсы. При этом эксклюзивные природные материалы/ресурсы нередко превращаются в существенный актив региональной идентичности, в мегатренд территории и/или ее бренд.

Сегодня эта тенденция приобретает новые дискурсы исследования и формы освоения, когда модным/актуальным становится более разнообразное, порою эпатажное использование потенциала местных природных материалов и ресурсов. Нестандартное видение и интерпретация традиций, обычаев и местных ресурсов способствуют созданию уникальных сред и событий, соответствующих современным трендам развития территорий, превращая этот опыт в объект пристального внимания и изучения специалистов.

^ Рис. 1. Snowcastle в Кемпи. Финляндия (<https://clck.ru/3TB2bP>)

^ Рис. 2. Ice Hotel. Швеция (<https://clck.ru/3TB2ch>)

Ледяные отели и снежные хижины, снежные скульптуры и города как символический капитал и ресурс идентичности места

Поиск локальной идентичности как актуальный сюжет современной жизни территорий нередко сопровождается использованием природных ресурсов для создания аутентичных образов «места», что способствует превращению городских сред и территорий в источник культурного притяжения, увеличивая их конкурентоспособность и экономический потенциал.

Лед и спрессованный снег в качестве местного ресурса и строительного материала с незапамятных времен используются северными народами, в т. ч. для постройки жилища. Сегодня снежные дома становятся модой и эксклюзивом для северных территорий, т. к. собственный загородный дом из снега, будучи данью местной традиции, служит формой проявления самобытности и культурной идентичности. Кроме того, ледяные строения и объекты из снега возводятся порою с рекламными целями для повышения инвестиционной привлекательности территории, превращаясь в брендовые сооружения и\или явления, в особый символический капитал места.

Так, настоящий фурор произвел знаменитый «Ледяной дом» Анны Иоанновны (Петербург, 1740), созданный ко дню рождения императрицы и для маскарадных утех (авторы П. Еропкин и Г. Крафт). В соответствии с проектом вокруг основного здания располагаются диковинные объекты из льда, реально функционирующие. Два морских чудовища у ворот ночью извергают струи пылающей нефти, а днем – фонтаны воды; ледяные мортиры и пушки стреляют настоящими ядрами; ледяной слон демонстрирует «фокусы» и периодически «трубит». Деревья с фантастическими птицами на ветвях, статуи, ледяные вазоны с цветами создают захватывающую дух эксклюзивную атмосферу.

В настоящее время возведение уникальных резиденций и замков из снега и льда вновь обретает популярность. Так, жители города Кемпи (Лапландия) ежегодно возводят эффектный «Снежный дворец» с величественными башнями из льда, лабиринтами и экзотическими скульптурами, площадь которого составляет более 20 тыс. м². Восхитительное сказочное место притягивает к Кемпи сотни тысяч посетителей разного возраста со все-

го мира, превращая его в символ места и своеобразный «магнит» для туристов. На территории снежного царства располагаются часовня, ледяной ресторан и снежный отель, интерьеры которых также создаются из специального снега и льда (из морской воды): фантазмагорические фигуры, мебель и оборудование, волшебные подземелья, снежная галерея, аттракционы, «тропический лес» и зал с драконами. Причудливое освещение придает хрустальному замку еще большую загадочность и таинственность.

Одна из первых ледяных церквей появляется в городке Миттерфирмиансройте (Бавария, 1910), когда горную деревню из-за снегопада отрезает от окружающего мира и жители строят церковь из снега. С тех пор ежегодно это необычное для «снежной архитектуры» сооружение – «Иглу для Бога» – воздвигают из снега и льда в Миттерфирмиансройте.

К наиболее распространенным сегодня функциональным постройкам из льда и снега относятся отели. Такими необычными сооружениями могут похвалиться Япония («Ice Village» в Хоккайдо с гостевыми домиками, часовней и баром), Швеция (известный Ice Hotel), Финляндия (LumiLinn SnowCastle с гостиницей, баром и рестораном), Норвегия (Sorrisniva Iglo – целая деревня ледяных домиков), Канада (H tel de Glace – гостиничный комплекс с художественной галереей, кинотеатром, баром и даже часовней); в России популярность приобретает ледяной отель на Камчатке (иглу-отель «Горная территория»). Эти уникальные гостиницы, полностью созданные из снега и льда, чрезвычайно востребованы у экстремалов.

Главной достопримечательностью, одним из семи чудес Швеции и первым функционирующим ледяным отелем считается Icehotel в Юккасярви, который строится на берегу Торне каждую зиму. Здесь был открыт первый в мире ледяной бар с посудой из льда; проведена рекламная фотосессия с известными моделями Наоми Кэмпбелл, Кейт Мосс, Маркусом Шенкенбергом и Марком Финдли в окружении ледяного убранства от Джанни Версаче, что превратило этот объект в настоящий бренд «места». Самый популярный финский отель Snow Village на территории общины Киттиля, имеющий титул крупнейшего снежного комплекса, представляет собой поселение с пятнадцатью снежными домиками и восемью «люксами» из льда. Японский Alpha Resort Tomamu's Ice Hotel

^ Рис. 3, 4. Green Village. Бали, Индонезия (<https://clck.ru/3TB2c8>)

на острове Хоккайдо «для влюбленной пары» неизменно привлекает туристов изысканным ледяным сервисом «только для двоих».

Мода на снежно-ледяную архитектуру возрождается в последние годы и в России, предоставляя возможность отдохнуть в снежной гостинице (Архангельская область, Петропавловск-Камчатский и др.), зарегистрироваться в ледяном загсе (Мурманская область), посмотреть фильм и/или шоу в театре изо льда (Красноярск). В брендовый объект Якутии превращается туристический комплекс «Царство вечной мерзлоты», вырубленный в природном леднике внутри горы Чочур-Муран, где ранее располагался гигантский холодильник для хранения запасов. Сегодня этот объект олицетворяет уникальность Якутска, его образ крупнейшего города, построенного на вечной мерзлоте. Он пользуется огромной популярностью и имеет экспозиционные пространства на глубине 300 м с залом «повелителя холода Чысхаана», ледяными скульптурами и ледяным баром.

Огромную роль в продвижении территорий и сохранении их идентичности играют разнообразные снежные и ледовые карнавалы и фестивали, превращая лед и снег в своеобразные символы, имиджевые знаки «места», примером чему могут служить фестиваль льда и снега в Харбине (Китай), Снежный фестиваль в Саппоро (Япония); Ледяной музыкальный фестиваль в Гейло (Ice Music Geilo Festival, Норвегия), Зимний карнавал в Квебеке (Канада), сибирские фестивали снежной скульптуры в Новосибирске; «Волшебный лед Сибири» (Красноярск) и др. Нередко на таких фестивалях создаются копии известных памятников архитектуры и культуры. В частности, на фестивалях в Харбине были воссозданы Колизей, собор Василия Блаженного, Великая Китайская стена, Эмпайр-стейт-билдинг, скульптурная композиция «Ниагарский водопад» и пр. Волшебный город в парке «Мир снега и льда» (провинция Хэйлунцзян), состоящий из 100 феерических замков и копий знаменитых архитектурных сооружений и скульптур из сверкающего льда и ослепительно белого спрессованного снега, особенно эффектно выглядит в вечернее время, когда зажигаются сотни разноцветных подсветок. Это является своеобразной данью древней традиции создания необычных фонарей изо льда, существовавшей здесь ранее. Миллионы

туристов, традиционно посещая фестиваль, превращают его в бренд места и средство сохранения идентичности. Не менее масштабный фестиваль Winterlude в Канаде в последние годы также приносит стране огромную популярность, интегрируя архетипы места и универсальные тренды в «аутентичную универсальность», что делает «Winterlude» региональным мегатрендом, частью имиджа, репрезентирующего территорию [4].

Дерево и растительные материалы – потенциал развития уникальности региона. Бамбуковая деревня как ренессанс бамбука

Деревья и растения, будучи частью мировой культуры и окружающей среды, – одни из самых древних материалов, которые сопровождают человека на протяжении всей истории; они входят в состав ключевых парадигм в качестве базовых символов – «древа жизни» и «древа познания». Символизируя жизнь Космоса, его бессмертие, процессы зарождения, развития и/или возрождения, оставаясь центром мироздания, деревья и растения как архетипы в разных культурах приобретают свои уникальные смыслы и значения. В Индии – это «Космическое древо» Ашваттха (смоковница); китайское Древо жизни (Киен-Му) представляет собой лестницу для восхождения владык и мудрецов; в скандинавской мифологии – ясьень Иггдрасиль служит источником возрождения Вселенной; якутское Мировое Древо (Аал Луук Мас) соединяет три мира; малоазийские турки относят к священным деревьям можжевельник и сосну. Воплощение «Мирового древа» славяне видят в крупных деревьях, которые оберегают поселения, защищают от стихийных бедствий. При этом деревья и люди, как правило, обладают тесными связями [5, 8, 9].

Более 100 стран определяют «свое» дерево/растение в качестве символа государства и/или культурного архетипа, используя его в геральдике. С Россией традиционно отождествляется образ березы, а также лиственницы. Деревом-символом Канады считается клен сахарный; в Австралии эта роль отводится эвкалипту; для Шотландии священным символом служит сосна, для Перу – это хинное дерево. Лавр представляется официальным символом Греции. Самое почитаемое дерево японцев – сакура – считается воплощением эстетических идеалов

Японии, т. к. его цветок по утонченной красоте сравним с японской культурой [5, 8, 9]. Широко используется образ дерева в искусстве, дизайне и архитектуре, в литературе, традиционных обрядах и науке. Среди растительных материалов, используемых в художественно-проектной деятельности, можно выделить бамбук, ротанг, расщепленную иву, тростник, ситник, рафию и липовую кору [5, 8].

Особая роль отводится бамбуку, т. к. он, отличаясь максимально быстрым ростом, издавна используется в качестве поделочного и строительного материала и сегодня переживает истинное возрождение. Этот красивый, доступный и легко возобновляемый материал обладает эксклюзивными качествами, и «ренессанс» его использования является актуальным примером сохранения и модернизации старинных технологий, превращения традиционных материалов в «символический капитал» [11].

В настоящее время многие проектировщики обращаются к этому традиционному материалу и разрабатывают фантастические здания, мосты, целые поселения и даже космические колонии. Использование бамбука нередко способствует сохранению идентичности территории, ее развитию и продвижению. Например, по сей день сохраняется как культурный объект и популярная достопримечательность места, привлекая туристов и повышая значимость и доход территории, «Мост Тысячелетия» – 300-метровый сборно-разборный бамбуковый мост в Камбодже между г. Кампонгтам и островом Ко-Пен. А современная Государственная программа технологического использования бамбука («Бамбук вместо пластика»), принятая в Китае, способствует выходу страны на лидирующие позиции по экспорту композитных материалов, изделий и технологий из бамбука и обеспечивает оборот более 70 млрд. долларов. Рассматривая бамбук как «зеленую сталь XXI века» в рамках идеологии «экологичного дизайна», в бюро Vo Trong Nghia также применяют бамбуковые структуры, в частности, для кафе Nосенсо, расположенного на крыше отеля г. Винь (Вьетнам), превращая «Бамбуковое кафе» в главную достопримечательность города. «Бамбуковый отель» Кенго Кума для Китайской стены, органично встраиваясь в аутентичный ландшафт заповедной зоны, подчеркивает уникальный образ и характер места, разыгрывает сложные взаимосвязи природы, человека и архитектуры.

Показательным примером создания знаковой архитектуры из бамбука, которая становится своеобразным региональным мегатрендом, символом места, формой имиджевого использования природного материала и демонстрирует эксклюзивные возможности бамбука, является «Бамбуковая деревня/Green Village» (Бали, Индонезия), созданная Элорой и Джоном Харди с командой IBUKU. Расположенная в долине реки Ayung, Green Village представляет собой комплекс экологичных зданий из бамбука, разработанных с учетом локальных балийских строительных практик и вписанных в местный ландшафт. Конструктивная система зданий встраивается на основе радиально стоящих бамбуковых колонн, связанных с балками перекрытия из бамбука и навесом. Этот же материал применяется для работы с интерьером. Продольно разрезанные стволы бамбука позволяют создать конструкции для перегородок, элементов лестниц, мебели; тонкие пластины/ленты из бамбука образуют ограждения; изогнутые стебли-стволы дают возможность конструирования округлых проемов и форм, что в целом делает реальным воплощение в жизнь любых проектных идей.

Серия ошеломляющих домов из бамбука образует модель устойчивого поселения, оригинальный дизайн и экологичный материал которого обеспечивают превосходные условия для жизни. Каждая резиденция в поселении имеет уникальный образ. Наиболее эффектное здание Sharma Springs напоминает исполинское дерево, раски-

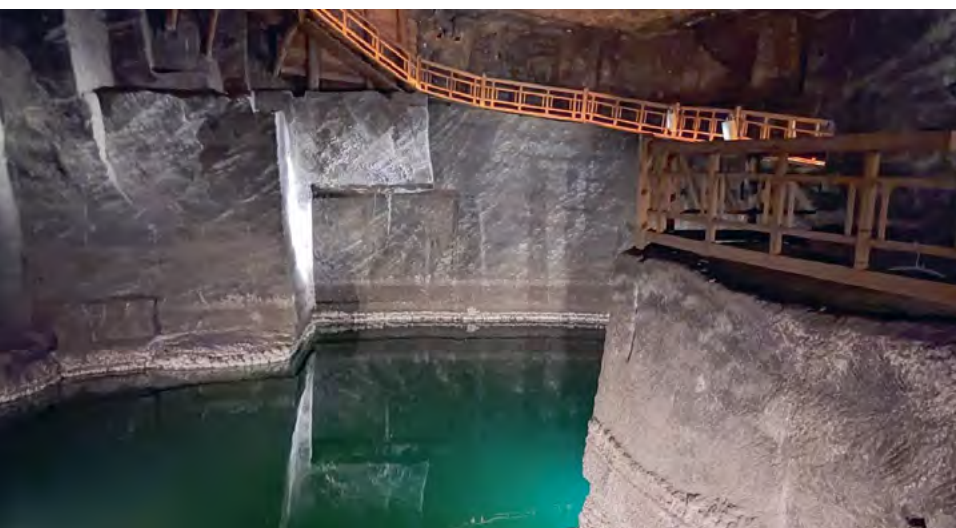
нувшееся на шести уровнях. Идея композиционно-планировочного решения порождена структурой местного цветка. В соответствии с ней вокруг винтовой лестницы на разных уровнях «раскрываются» три помещения-«лепестка». Для входа в дом используется мост-туннель; лестница в центре здания объединяет четыре спальни, игровую комнату и библиотеку. На шестом уровне размещается смотровая площадка с видом на долину Аюнг; крыша выполнена из инновационной «бамбуковой черепицы». Green School в «Бамбуковой деревне» знаменита не только инновационной «концепцией экологической жизнеспособности», но и потрясающей архитектурой из бамбука, в основу которой положена оригинальная трехкупольная конструкция, поддерживаемая эксклюзивными бамбуковыми интерьерами и оборудованием [5].

Команда Элоры Харди, признав универсальность бамбука, строит, по существу, «устойчивое будущее», формируя современное экопоселение. Все объекты демонстрируют органичное сочетание местных традиций с запросами цивилизации и принципами экостроительства, проявляя потенциал бамбука. «Бамбуковая революция» в строительстве, архитектуре и дизайне охватывает создание «кожи» зданий, экстраординарных интерьеров и мебели из бамбука. Изящество форм и красота бамбуковых строений превращают это место в одно из самых известных и популярных на Бали, практически сделав бамбук своеобразным символическим капиталом, воплощающим экоидеалы.

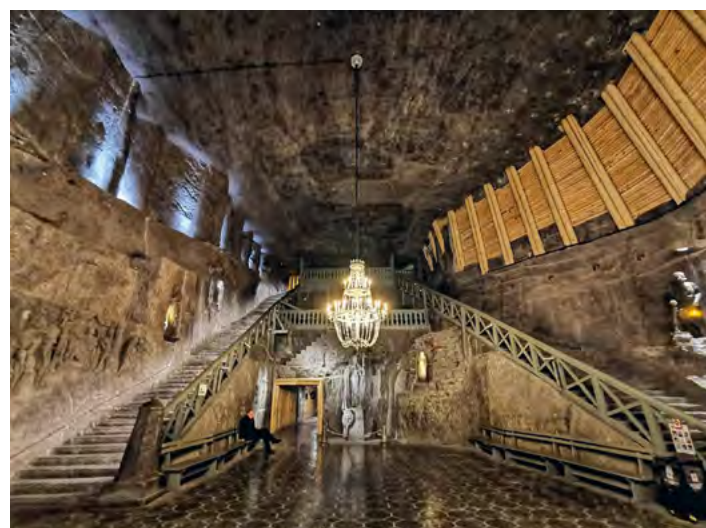
Соляные пещеры и отели – имиджевые объекты и часть местного бренда

Важным региональным ресурсом, обладающим мощным имиджевым и идентифицирующим потенциалом «места», оказываются сегодня соляные пещеры. Подземные выработки, оставшиеся после добычи каменной соли (соляные шахты), благодаря уникальной среде используются не только для спелеотерапии, но превращаются в популярные туристические и культурно-развлекательные объекты. Наиболее известные шахты и месторождения находятся в Польше (Величка, Бохня), Украине (Соледар), Беларуси (Солигорск), Австрии; в России известны Илецкое, Баскунчакское, Верхнекамское, Тыретское, Эльтонское месторождения. В отработанных шахтах нередко располагаются санатории, часовни, выставочные и концертные залы, музеи, купальни, санатории; имеются подземные реки и озера, что, в сочетании с оздоровительным воздействием, превращает их в эксклюзивный ресурс развития территории и сохранения ее идентичности, в часть региональных мегатрендов.

Соляные пещеры в Величке являются одной из главных достопримечательностей Польши, они включены в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО как самые крупные копи в Европе. Образованные почти 15 млн лет назад, пещеры Wieliczka разрабатываются с XIII века; с XV века их начинают показывать состоятельным особам, образовав сферу элитарного туризма, с XIX века они используются для спелеотерапии. В настоящее время шахта в Величке подобна подземному городу: девять уходящих в глубину этажей и почти 250 км коридоров и переходов. Начинаясь на глубине 64 м, лабиринты подземных галерей уводят вниз более чем на 300 м под землю в помещения музея, 40 религиозных объектов, ресторана, банкетных залов, кинотеатра, к необыкновенным подземным озерам под сводами из сталактитов. Здесь проводятся выставки, концерты; есть маршрут для экстремалов с bungee jumping, занятием виндсерфингом и полетами на парашюте. Кроме того, в шахтах устраиваются свадьбы, спектакли, корпоративы и выпускные балы. За 500 лет сложилась традиция создания подземных часовен, скульптурных памятников, крестов и пр., что превращает копи в значимый объект культурного наследия. Особое значение обретают старейшие

^ Рис. 5, 6. Соляная шахта в Величке (<https://clck.ru/3TB2c8>)

часовни св. Антония и св. Кинги. В нише главного алтаря часовни св. Антония находятся вырезанные из соляных глыб распятие, скульптура покровителя шахтеров св. Антония и Богоматерь с младенцем. Множество прекрасных скульптур и барельефов (апостола Петра, св. Доминика, св. Павла, двух молящихся монахов, скульптура короля Августа II Сильного и др.) украшают интерьеры часовни. Крупнейшая подземная часовня св. Кинги создана шахтерами-скульпторами на глубине 101 м. Она освещается уникальной люстрой из соляных кристаллов, декорируется скульптурными композициями, посвященными чудесам святой Кинги, Фоме неверующему, шахтеру с каганцем, Богоматери Лурдской, Иоанну Павлу II, выдолбленной в соляной стене «Тайной вечере», объемной композиции «Вертепа из Вифлеема».

Соляная шахта в Бохне, возраст месторождений которой насчитывает свыше 13 млн лет, – еще один знаковый объект и туристическая достопримечательность Польши. Несмотря на меньший размер, она позволяет совершать поездки на деревянных лодках, спускаться по горе длиной в сто сорок метров с одного уровня на другой, ездить по железной дороге внутри тоннелей. Здесь проводятся национальные состязания по моделированию летательных аппаратов, турниры по дзюдо и стрельбе и др. Первая из двух основных пещер отличается отсутствием опор; вторая превращена в полноценный отель с гостевыми номерами, возможностью посетить ресторан, провести время на детской площадке, поиграть в спортивные игры и пр.

Известным местом и старейшим соляным месторождением Украины являются шахты Соледа с проходами, залами и галереями на глубине 300 м. Гигантские размеры шахтных выработок позволили одну из пещер превратить в концертный зал, другую использовать в качестве футбольной арены, разместить здесь подземную церковь, кафе и соляные скульптуры. Главной достопримечательностью Соледа является «Камера 41-бис» – соляной зал, где был установлен рекорд Гиннеса по подземному путешествию на воздушном шаре. Часть помещений преобразуется в спелеосанаторий, который пользуется огромной популярностью.

Рассматривая соль в качестве особого местного ресурса не только как бюджетного стройматериала этого

региона, но и отражающего своеобразие места, необходимо также отметить гостиницу, полностью выполненную из соли в знаменитом Уюни, самом крупном солончаке в мире, около высохшего соляного озера Салар-де-Уюни в Боливии. Hotel de Sal Playa («Соленая гостиница») целиком выстроен из соляных блоков, включает 15 гостевых комнат, холл, просторную столовую и ресторан, мебель из соли и пол с ковром из соленых гранул.

Песок – ресурс идентичности и часть региональных мегатрендов. Традиции и нестандартные средства/методы использования

Песок – важный природный материал, предоставляющий неограниченную свободу для творчества, породивший целое направление в искусстве и успешно используемый как средство и ресурс для повышения узнаваемости «места», его привлекательности, а также как строительный материал, ставший частью региональных мегатрендов. Среди наиболее популярных сфер «Sand art» и видов объектов можно выделить песчаные замки, включающие создание дворцов, крепостей и башен; капельные сооружения из жидкого песка; скульптурные композиции; рельефы; «сметание песка» (Sand brushing); песчаную живопись и пр. Sand art в настоящее время приобретает все большую популярность: сотни состязаний и конкурсов ежегодно проводятся во всем мире, превращаются в рекламные или промоутерские акции.

Как нестандартный способ самовыражения и специфическая форма постмодернистского искусства Sand art получает развитие в разных странах и перерастает в брендовые мероприятия для отдельных территорий: конкурсы во Флориде, Южной Каролине, на Гавайях, в Богоре (Западная Ява), Франкстоне (Австралия), у Боденского озера (Швейцария), в Уэстон-сьюпер-Мэре (Великобритания), Схевенингене (Нидерланды), Пере (Португалия), Анталье (Турция) и Гоа. В России наиболее известные фестивали песчаной скульптуры проводятся в Санкт-Петербурге, Светлогорске, Москве, Петрозаводске, Анапе, Находке, Екатеринбурге, Владивостоке, Перми и других городах.

В некоторых странах работа с песком восходит к древнему ритуальному искусству, признанному ЮНЕСКО шедевром устного и нематериального наследия че-

^ Рис. 7. Международный фестиваль песчаных скульптур в Португалии (<https://clck.ru/3TB2d7>)

^ Рис. 8. Фестиваль Burning Man. США, штат Невада (<https://clck.ru/3TB2Zz>)

ловчества. Традиционно этим искусством, обрядами и ритуалами владели шаманы и целители; песчаный рисунок веками служил особым средством для трансляции знаний о религиозных и духовных архетипах и ритуалах локальной культуры, мифах, песнях и местной истории, родословных, ремеслах, сельском хозяйстве и даже танцах. Считается, что созданные из песка изображения позволяют общаться с духами и привлекают их; «сакральная эффективность» при этом зависит от точности рисунка и формы.

Своеобразной версией возвращения к традициям и одним из знаменитых и крупнейших «песчаных форумов» является Festa Internacional de Escultura em Areia (Пера, Португалия), давно превратившийся в главную достопримечательность Алгарве. Каждый год конкурс посвящается конкретной теме, отражающей местные традиции, мифы и героев, исторические события или персонажей кино. В ходе фестиваля мастера создают крупномасштабные, детально проработанные композиции, превращая обширную территорию в потрясающий песчаный город.

Немалый интерес также представляет ежегодный фестиваль Sand art на побережье Англии. Героями этих скульптурных спектаклей становятся персонажи известных голливудских фильмов («Звёздные войны», «Пираты Карибского моря», «Властелин колец», «История игрушек» и др.). Каждый год десятки высококлассных специалистов со всего мира съезжаются, чтобы продемонстрировать свое мастерство, трансформировав уголок пляжа в фантастическую песчаную феерию.

Среди популярных российских форумов особое место занимают фестивали песчаных скульптур в северной столице, превратившиеся в знаковое событие города и часть его бренда, форму проявления идентичности. Так, в фестивале 2025 года грандиозная песчаная экспозиция («Город песчаных скульптур») в Парке 300-летия представляет работы об уникальной истории города, его многовековой культуре, образах жителей Питера, их традициях и достижениях. Не менее знаковым событием Санкт-Петербурга является международный фестиваль песчаного искусства в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, посвященный достижениям России. Цикл «Величие России» (о деяниях Петра I, об архитектурных шедеврах, рассказах о русском театре

и кинематографе); «Солнце Земли Русской» (о выдающихся личностях России); «80-летие Великой Победы» (с оригинальными композициями «Поезд Победы», «Женское лицо Победы», «Дорога жизни», «Курская битва») – эти и другие сюжеты являются основными темами уникальных «песчаных историй» о российской идентичности. Превращая центр города одновременно в мастерскую и музей под открытым небом, фестиваль привлекает горожан и множество туристов, становится формой имиджевых событий, проявляющих идентичность места и повышающих его привлекательность.

Следующий довольно актуальный тренд – использование песка как строительного материала – позволяет создать эксклюзивные объекты, которые становятся брендами отдельных территорий, символами локальной идентичности. Единственный в своем роде отель, ставший достопримечательностью графства Дормут, построен из песка и является первой песчаной гостиницей. Созданная командой скульпторов огромная пластичная форма имеет четкую планировочную структуру со стенами и коридорами из песка, а также песчаную мебель. В Книгу рекордов Гиннесса включен датский замок из песка как самый высокий песочный замок, возведенный на пляже в г. Блохусе. Он считается главной достопримечательностью города.

Не менее актуальным способом регионального использования песка как местного ресурса и несомненной экономической выгодой, вкладом в продвижение территории является технология быстровозводимого строительства из песка, получившая развитие на Ближнем Востоке в рамках программы RE: BUILD и фактически ставшая брендом. Она базируется на использовании песка, позволяет создавать небольшие промздания, дома и целые временные городки. Так, сирийским беженцам эта технология поможет решить проблему быстровозводимого жилья из местных материалов (песка) силами самих беженцев, что значительно увеличит потенциал региона.

Еще одним эксклюзивным примером эффектного и нетрадиционного использования природных ресурсов является фестиваль Burning Man в песках Блэк Рока (США, штат Невада). Песчаная пустыня предстает идеальным местом для всемирного фестиваля «радикального

самовыражения», фоном и контекстом для гротескных, экстравагантных инсталляций и пространством внедрения идеалов экосознания. «Бернинг Мен» признан блестящим бизнес-проектом и региональным мегатрендом, идентифицирующим место и служащим удачной инвестицией: общий эффект «воздействия» фестиваля на экономику Невады сравнивают с доходом от рождественских праздников; взносы организаторов в казну штата составляет около 5 млн долларов за неделю «использования» Блэк Рок. Креативные люди, предприниматели и ведущие специалисты Кремниевой долины, знаменитые артисты и бизнес-элиты каждый год съезжаются в пустыню со всего мира. И штат Невада превращается в культовую площадку для экспериментов и экстремального самовыражения людей, которые на неделю преобразуют пески Блэк-Рока в величайший арт-полигон на планете, в место, где дизайн оказывается «вне этого мира».

Инсталляции на Burning Man создаются из экологичных материалов, сочетают индустриальные формы и конструкции с эзотерическими образами. Неотъемлемым свойством всех арт-объектов является их цветосветовая интерактивность, обеспечивающая видимость и доступность в ночное время. Решающим принципом Burning Man, продиктованным спецификой места и идеологией фестиваля, является тезис «Не оставляй следов», что не только подразумевает использование экологичных материалов и правил поведения, но и сохранение пустыни в первозданном виде после завершения фестиваля.

Трудно сказать, насколько все возрастающее разнообразие использования региональных ресурсов и природных материалов станут перспективой развития и существования территорий. Но совершенно ясно, что сегодня такая тенденция актуальна и может играть важную роль в будущем многих регионов, в становлении и развитии туризма, локальных экономик, креативных индустрий. Ледяные отели, песчаные скульптуры, соляные часовни, снежные хижины, бамбуковая и песчаная архитектура, созданные с применением базовых материалов и ресурсов региона, – все это превращается в уникальное средство сохранения и проявления самобытности территории, в своеобразный потенциал ее развития, в символический капитал и/или становится частью региональных мегатрендов, способствуя поискам локальной идентичности.

Литература

1. Britvin, A., Britvina, I., Starostova, L., Compte-Pujol, M. Symbolic capital as a resource of promotion of provincial cities: An analysis of place branding strategies of ural urban destinations // *Folklore (Estonia)*. – 2020. – Iss. 79. – P. 183–202.
2. Взаимосвязанные области по природным ресурсам в регионе ЕЭК. – Европейская экономическая комиссия Организации Объединенных Наций, 2021.
3. Егоров, В., Штоль, В. Глобальные мегатренды: актуальное прочтение // *Международная жизнь*. – 2023. – № 2. – С. 64–75.
4. Железняк, О., Корелина, М. «Аутентичная универсальность» праздников // *Проект Байкал*. – 2020. – № 63. – С. 37–42. – DOI: 10.7480/projectbaikal.63.1596
5. Железняк, О. Е., Дьяченко, В. И. Основы художественного моделирования и макетирования. – Иркутск: Иркутский национальный исследовательский технический университет, 2022. – 124 с. : ил.
6. Жердева, Ю. А. Чувство места как категория социальной памяти // *Международный журнал исследований культуры*. – 2015. – № 2. – С. 5–11.
7. Коржова, И. Н. Возвращение горсти земли: отражение и трансформация народного обычая в русской поэзии 1941–1945 гг. // *Мир русскоговорящих стран*. – 2020. – № 2 (4). – С. 97–106.
8. Куликова, М. Дерево как символ: от религии до политики. – URL: <https://givoyles.ru/articles/lyudi-i-derevy/derevo-kak-simvol-ot-religii-do-politiki/> (дата обращения: 25.11.2025).
9. Мартынова, Н. В. Симвоико-мифологический образ мирового древа в традиционной культуре народов Приамурья. – URL: <https://apni.ru/article/877-simvoliko-mifologicheskij-obraz-mirovogo-dreva> (дата обращения: 04.01.2026).

apni.ru/article/877-simvoliko-mifologicheskij-obraz-mirovogo-dreva (дата обращения: 04.01.2026).

10. Прокопенко, С. А., Липатова, Н. В., Качкина, Т. Б., Хасянов, О. Р., Егоров, В. Н., Баранникова, А. Б., Ошкин, В. В. Концепция сохранения и развития региональной и местных идентичностей населения Ульяновской области до 2030 г. – Ульяновск, 2017. – 25с.
11. Соланилья Медина, Й. М. Особенности традиционной архитектуры и строительства из бамбука в странах с жарким влажным климатом // *Architecture and Modern Information Technologies*. – 2019. – № 3 (48). – С. 175–184.
12. Титаренко, Л. Г. Мегатренды современного развития и их влияние на Россию и СНГ. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/megatrendy-sovremennogo-razvitiya-i-ih-vliyanie-na-rossiyu-i-sng> (дата обращения: 29.03.2026).
13. Туровский, Р. Ф. Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России // *Идентичность и география в современной России*. – Санкт-Петербург: Геликон Плюс, 2003. – С. 139–173.
14. Федотова, Н. Г. Городская идентичность: пространственные аспекты // *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*. – 2024. – № 4 (2). – С. 169–182.

References

- Britvin, A., Britvina, I., Starostova, L., & Compte-Pujol, M. (2020). Symbolic capital as a resource of promotion of provincial cities: An analysis of place branding strategies of ural urban destinations. *Folklore (Estonia)*, (79), 183-202.
- Egorov, V., & Shtol, V. (2023). Globalnye megatrendy: aktualnoe prochtenie [Global megatrends: An up-to-date reading]. *The International Affairs*, 2, 64-75.
- Fedotova, N. G. (2024). Urban identity: Spatial aspects. *Urbis et Orbis. Microhistory and semiotics of the city*, 4(2), 169-182.
- Korzhova, I. N. (2020). The return of a handful of earth: Reflection and transformation of folk custom in Russian poetry of 1941-1945. *World of Russian-Speaking Countries*, 2(4), 97-106.
- Kulikova, M. (n.d.). Derevo kak simbol: ot religii do politiki [The tree as a symbol: from religion to politics]. Retrieved November 25, 2025, from <https://givoyles.ru/articles/lyudi-i-derevy/derevo-kak-simvol-ot-religii-do-politiki/>
- Martynova, N. V. (2020, June 16). *Simvoliko-mifologicheskii obraz mirovogo dreva v traditsionnoi kulture narodov Priamurya* [The symbolic and mythological image of the world tree in the traditional culture of the peoples of the Amur region]. APNI. Retrieved January 4, 2026, from <https://apni.ru/article/877-simvoliko-mifologicheskij-obraz-mirovogo-dreva>
- Prokopenko, S. A., Lipatova, N. V., Kachkina, T. B., Khasyanov, O. R., Egorov, V. N., Barannikova, A. B., & Oshkin, V. V. (2017). *Kontseptsiya sokhraneniya i razvitiya regionalnoi i mestnykh identichnostei naseleniya Ulyanovskoi oblasti do 2030 g.* [The concept of preservation and development of regional and local identities of the population of the Ulyanovsk region until 2030]. Ulyanovsk.
- Solanilla Medina, J. M. (2019). Features of traditional architecture and construction from bamboo in countries with a hot humid climate. *Architecture and Modern Information Technologies*, 3(48), 175-184.
- Titarenko, L. G. (2019). Megatrendy sovremennofo razvitiya i ikh vliyanie na Rossiyu i SNG [Megatrends of modern development and their impact on Russia and the CIS]. *Greater Eurasia*, 2(1), 160-162. Retrieved March 29, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/megatrendy-sovremennogo-razvitiya-i-ih-vliyanie-na-rossiyu-i-sng>
- Turovsky, R. F. (2003). Sootnoshenie kulturnykh landshtaftov i regionalnoi identichnosti v sovremennoi Rossii [The relationship of cultural landscapes and regional identity in modern Russia]. In *Identity and geography in modern Russia* (pp. 139-173). Saint Petersburg: Helikon Plus.
- United Nations Economic Commission for Europe (2021). *Natural resource nexuses in the ECE region*.
- Zheleznyak, O. E., & Dyachenko, V. I. (2022). *Osnovy khudozhestvennogo modelirovaniya i maketirovaniya* [Fundamentals of artistic modeling and layout]. Irkutsk: Irkutsk National Research Technical University.
- Zheleznyak, O., & Korelina, M. (2020). "Authentic universality" of celebrations. *Project Baikal*, 17(63), 37-42. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.63.1596>
- Zherdeva, Yu. A. (2015). Sense of place as a concept of social memory. *International Journal of Cultural Research*, (2), 5-11.

В статье рассматривается, как объекты культурного наследия (ОКН) влияют на локальные культуры и результаты комплексного развития территорий (КРТ). На основе международных документов (UNESCO, Council of Europe) и российских источников предложена типология архитектурно-пространственной интеграции ОКН в КРТ: «ядро», «якорь», «вкрапления», «рама», «интерстиции». Показано, какие эффекты и риски связаны с каждым типом, и обозначены подходы к оценке влияния наследия на развитие.

Ключевые слова: локальные культуры; комплексное развитие территорий; объекты культурного наследия; локальная идентичность; genius loci; урбанистическая регенерация; джентрификация. /

This article examines how cultural heritage sites (CHS) shape local cultures and affect the outcomes of integrated territorial development (ITD) projects. Drawing on international policy documents (UNESCO, the Council of Europe) and Russian sources, it proposes a typology of the spatial integration of CHS within ITD projects: core, anchor, insertions, frame, and interstices. The paper identifies the effects and risks associated with each type and outlines approaches to assessing the contribution of heritage to territorial development.

Keywords: local cultures; integrated area development; cultural heritage sites; local identity; genius loci; urban regeneration; gentrification.

Сохранение локальных культур в проектах развития территорий / Preserving local cultures in territorial development projects

Введение. Локальные культуры и наследие в логике КРТ

Тема локальных культур в современной архитектурной теории связывается не только с языком формы, но и с пространственными практиками жителей, режимами использования исторической среды, сценариями повседневной жизни. Понятия локальной идентичности, genius loci, культуры места выходят за рамки исключительно эстетического дискурса и становятся важным ресурсом социального и экономического развития городов.

В российском градостроительном контексте эта проблематика входит в компетенцию Института комплексного развития территорий, закрепленной в Градостроительном кодексе и специальным федеральном законе. КРТ рассматривается как инструмент, призванный обеспечить не фрагментарную, а целостную реконфигурацию городской ткани: параллельно с жилищным строительством закладываются параметры транспортной и инженерной инфраструктуры, общественных пространств, социальной обеспеченности и механизмы стимулирования инвестиций [1, 2].

Когда КРТ реализуется в исторически сложившихся районах, становится очевидно, что локальные культуры и наследие – не побочный, а определяющий компонент. Объекты культурного наследия и фрагменты исторической застройки формируют каркас локальной идентичности, задают уникальность места, выступают носителями памяти и символического капитала территории. Международные документы прямо связывают устойчивое развитие городов с сохранением культурного и природного наследия (цель 11.4 Повестки ООН, Лейпцигская хартия устойчивого европейского города). Рекомендация UNESCO по Historic Urban Landscape (HUL) трактует город как многослойный ландшафт, в котором историческая ткань не изолируется, а интегрируется в современные функции и инфраструктуру [3].

В российском правовом поле связь КРТ и ОКН преимущественно задается пока через режим ограничений: закрепляется недопустимость сноса объектов, необходимость согласования включения земельных участков с ОКН в границы проектов с органами охраны. Одновременно Стандарт комплексного развития территорий

фиксирует культурное наследие как ресурс идентичности и качества городской среды. В научной литературе указывается на методологический разрыв: правовые механизмы и отдельные прецеденты уже есть, но отсутствует выработанный язык описания и оценки влияния наследия на результаты развития как в экономическом, так и в социально-культурном измерении [2, 4].

Задача статьи – показать на материале современной российской и международной практики, каким образом различные типы пространственной интеграции ОКН в КРТ соотносятся с локальными культурами, и предложить типологию этих моделей как исходную рамку для дальнейшей разработки методики оценки.

Наследие как ресурс локальной идентичности и развития

Современные исследования подчеркивают двойственную природу культурного наследия: с одной стороны, оно поддерживает коллективную память и идентичность, с другой – становится фактором социально-экономического развития.

Работы О. В. Сагиновой и соавторов показывают, что в представлениях жителей крупных российских городов наследие одновременно выступает и как символ города, и как практический ресурс: источник туристического потока, предпринимательской активности, повышения привлекательности территории для проживания. Выделяются ключевые группы акторов, заинтересованных в сохранении наследия: местные жители, бизнес, органы власти, профессиональное сообщество [6].

Зарубежная литература по урбанистической регенерации во многом подтверждает эти выводы. В обобщении П. Робертс культурное наследие рассматривается как один из базовых компонентов комплексных программ urban regeneration, особенно в депривированных районах: восстановленные исторические здания и ансамбли становятся ядром новых культурных и креативных кластеров, притягивающих инвестиции и туристов. Анализ Б. Франталя на материале индустриальных браунфилдов показывает, что успешные проекты регенерации опираются на переосмысление индустриального наследия (от заводских корпусов до складских комплексов)

текст

Валерия Топорова
Уральский федеральный университет им. первого президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Мария Федорова
Уральский федеральный университет им. первого президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

text

Valeria Toporova
Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

Maria Fedorova
Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

и на превращение этих структур в основу новой идентичности территории [9].

Эти интуиции зафиксированы и в нормативной международной рамке. Вашингтонская хартия Международного совета по охране памятников и достопримечательных мест (International Council on Monuments and Sites, ICOMOS) по историческим городам подчеркивает необходимость комплексного управления историческими городами и районами, где охрана наследия не существует параллельно, а вписана в общую градостроительную политику. Принципы Валлетты, принятые ICOMOS, вводят понятие многофункциональности исторических центров и подчеркивают значение духа места и участия местных сообществ. Фаро-конвенция Совета Европы вводит термин сообщества наследия – группы людей, которые придают значение определенному наследию и берут на себя ответственность за его сохранение [10].

В результате наследие перестает быть исключительно объектом охраны и становится рамкой, внутри которой артикулируются локальные культуры: через него происходит осмысление истории места, формируются практики участия, складывается чувство принадлежности. При этом остается вопрос, как именно эта рамка взаимодействует с инструментами КРТ и какие типы интеграции наследия оказываются продуктивными, а какие конфликтными.

Архитектурно-пространственная типология включения ОКН в КРТ

Работа с наследием в проектах КРТ охватывает весь спектр инструментов: консервацию, реставрацию, приспособление, регенерацию среды, но не снос. При этом дискуссия о выборе между сносом и реконструкцией, особенно применительно к массовой застройке советского периода, подробно рассмотрена М. Г. Мееровичем, показывающим градостроительные последствия ориентации на демонтаж вместо бережного приспособления. Чтобы выйти за пределы обобщенной формулы «учитывать наследие», важно описать, какую именно пространственную роль играет ОКН в структуре проекта. На основе анализа российской и международной практики предлагается архитектурно-пространственная типология включения объектов культурного наследия в проекты комплексного развития территорий. Можно выделить пять основных типов [2, 13].

ЯДРО

Первый тип – «ядро» (рис. 1). Памятник или исторический ансамбль располагается в композиционном центре новой застройки, вокруг него выстраивается пространственная структура квартала. ОКН задает *genius loci* проекта, формирует главный образ и адрес места, является основной точкой притяжения для жителей, туристов и бизнеса. Как правило, здесь реализуются культурные и многофункциональные программы: музеи, центры современной культуры, общественно-деловые кластеры, форматы совмещения культуры и коммерции, где историческая ткань становится основанием для новых активностей.

ЯКОРЬ

Второй тип – «якорь» (рис. 2). Крупный объект наследия находится на входе в территорию, у крупнейшего узла трафика или на визуально доминантной позиции. Он не обязательно совпадает с геометрическим центром, но работает как смысловой фокус. В этой модели ОКН выступает ориентиром и брендом территории, связывает новую застройку с историческим образом города, повышает узнаваемость и привлекательность района. Чаще всего

сюда выносятся знаковые функции: музей, галерея, общественное здание, а также престижные коммерческие форматы, опирающиеся на исторический образ.

РАМА

Третий тип – «рама» (рис. 3). Исторические здания по периметру участка или вдоль ключевых улиц образуют своеобразную «раму», внутри которой развивается новая застройка.

Сохраняется целостный исторический силуэт и фронты улиц, визуальный образ среды остается узнаваемым, а современная архитектура работает в глубине квартала. В этой модели используется сохранение и реставрация фасадов с частичной или полной перепланировкой интерьеров под новые функции. Локальная культура считает знакомые фронты, при этом внутренняя структура территории обновляется.

ВКРАПЛЕНИЯ

Четвертый тип – «вкрапления» (рис. 4). Несколько разномастных объектов наследия рассредоточены по территории проекта и сохраняют «зерно» исторической ткани. Они не образуют единого ядра, но задают сеть локальных доминант и микропонимов, поддерживая многослойность среды. Каждое такое вкрапление работает как центр микрообщности: усадебный или доходный дом, приспособленный под жилье, промышленный корпус, офисы, творческие пространства или общественные функции. Здесь особенно важны тонкие регламенты и работа с повседневными сценариями жителей.

ИНТЕРСТИЦИИ

Пятый тип – «интерстиции» (рис. 5). Отдельные ОКН оказываются островками в массиве новой застройки, не будучи включенными в целостную композиционную схему. Такие объекты могут сохранять значение для местного сообщества как артефакты памяти, но не структурируют среду и нередко воспринимаются как случайные остатки прошлой застройки. При недостаточном внимании к ним эта модель сопряжена с риском маргинализации памятников, превращения их в декоративный фон или точечные элементы на фоне агрессивного девелопмента. При грамотной работе с локальными сообществами возможен обратный сценарий – превращение интерстиционных объектов в узлы локальной идентичности и источники критического обсуждения политики развития.

Предлагаемая типология переводит абстрактный призыв учитывать наследие в язык архитектурной практики: фиксируется, каким образом ОКН работает в плане, разрезе и силуэте, какие сценарии повседневной и событийной жизни складываются вокруг него. Иллюстративные примеры того, как указанные типы интеграции проявляются в реальной городской среде, приведены на рисунках 6–12: «ядро» (рис. 6–7), «якорь» (рис. 8), «вкрапления» (рис. 9), «рама» (рис. 10), «интерстиции» (рис. 11–12).

Типы интеграции и локальные культуры: эффекты и конфликты. «Ядро» и «якорь»: наследие как драйвер локальной идентичности

В сценариях «ядра» и «якоря» объект наследия выступает центром локальной культурной динамики. Показательны крупные европейские проекты адаптивного использования индустриального наследия: конверсия заводских и инфраструктурных комплексов в культурно-общественные центры, где историческая архитектура формирует образ, а новые функции обеспечивают устойчивость эксплуатации [8, 9].

^ Рис. 6. Tate Modern, Лондон (Великобритания). Тип интеграции «ядро»

^ Рис. 7. Zollverein, Эссен (Германия). Тип интеграции «ядро»

В российской практике близкие модели реализуются, в частности, в проектах ревитализации исторических центров Татарстана по программе «Возрождение», где ансамбли Болгара и Свияжска рассматриваются как ключевые маркеры идентичности республики и одновременно включаются в стратегию ее социально-экономического развития. На уровне федеральной повестки на Петербургском экономическом форуме сформулирована цель: дать вторую жизнь значительному числу объектов, превратив их в музеи, образовательные площадки, гостиницы, встроенные в туристские и культурные маршруты.

С точки зрения локальных культур вокруг исторического ядра конструируется новый, но укорененный в наследии образ места. При последовательной управленческой политике это ведет к росту культурной активности, появлению устойчивых событийных практик (фестивали, выставки, образовательные программы), а также формированию сообществ постоянных пользователей наследия.

«Вкрапления» и «рама»: многослойность и бережное обновление

Модели «вкраплений» и «рамы» связаны с мягкими сценариями обновления, в которых КРТ не демонтирует исторический каркас, а наслаивается на него. Исследования урбанистической регенерации подчеркивают значение таких подходов для сохранения многослойной городской памяти и предотвращения эффекта музеефикации, когда фиксируется лишь один отредактированный исторический слой [8, 9].

В российских городах реализуются проекты, где часть исторической застройки сохраняется и интегрируется в новые кварталы. В Казани и Иркутске при комплексном развитии исторических центров акцент делается на обновление инфраструктуры, фасадный ремонт, расширение пешеходных пространств без тотального сноса ценных домов, что поддерживает локальный характер среды и жизнеспособность сложившихся сообществ.

С позиции локальных культур «вкрапления» и «рама» создают условия, при которых повседневные практики жителей переходят в обновленную среду без драматического разрыва: сохраняются маршруты, топонимия, привычные визуальные ориентиры. Это способствует

< Рис. 8. Drassanes Reials и Морской музей, Барселона (Испания). Тип интеграции «якорь»

< Рис. 9. Kulturbrauerei, Берлин (Германия). Тип интеграции «вкрапления»

< Рис. 10. Gasometers, Вена (Австрия). Тип интеграции «рама»

> Рис. 11. St. Paul's Chapel, Манхэттен, Нью-Йорк (США). Тип интеграции «интерстиции»

> Рис. 12. Сурб Хач, Ростов-на-Дону (Россия). Тип интеграции «интерстиции»

устойчивости «тонких» форм локальной идентичности, которые не сводятся к туристским репрезентациям.

«Интерстиции» и риск джентрификации

Модель «интерстиции» в большинстве случаев является следствием не продуманной политики, а последовательности несогласованных решений: памятник просто сохраняется в процессе застройки. Зарубежные исследования показывают, что подобные ситуации ведут либо к маргинализации исторического фрагмента, либо к его декоративному использованию в сценариях наследие-ориентированного развития (heritage-led development), сопряженных с джентрификацией [12].

На материале Китая Ю. Чжу и П. Гонсалес демонстрируют, что redevelopment исторических районов, игнорирующий интересы местных жителей, приводит к вытеснению сообществ и изменению ценностной структуры места: формальный статус исторической территории повышает капитализацию недвижимости, но локальная культура обедняется. Сходные риски фиксируются и в европейских примерах наследие-ориентированного развития (heritage-based development): рост туристической нагрузки и цен на жилье может разрушить социальную ткань районов [12].

Для российских городов это особенно актуально в условиях давления рынка недвижимости на исторические центры. Случаи, когда ради реализации КРТ смягчаются режимы охраны, увеличиваются плотность и этажность застройки, вызывают жесткую реакцию градозащитников и профессионального сообщества. Эта логика продолжает линию, критически описанную М. Г. Мееровичем, который показывает, как приоритет сноса и радикальных преобразований над реконструкцией ведет к утрате средовых ценностей и обеднению городской ткани. В терминах локальных культур это проявляется как разрыв между официальной риторикой возрождения и повседневным опытом жителей, сталкивающихся с вытеснением и утратой привычной среды [11, 13].

Сообщества наследия и инструменты участия

Международные документы подчеркивают, что устойчивое управление наследием невозможно без активного участия локальных сообществ. Фаро-конвенция вводит понятие heritage communities – людей, которые придают значение определенному наследию и стремятся обеспечить его передачу будущим поколениям [10].

Российские исследования показывают, что вовлечение жителей в проекты сохранения наследия затрудняется недостатком информации и мотивации, однако при выстроенной коммуникации они могут становиться полноправными участниками процессов КРТ. К. С. Семина и Н. Ю. Рунова, анализируя международный опыт, обращают внимание на роль некоммерческих организаций в системе охраны наследия и на использование опросов до и после проектов реставрации для фиксации измене-

ний в степени вовлеченности, восприятии безопасности и гордости за район [14].

На практике участие реализуется через общественные обсуждения проектов КРТ в исторической среде, попечительские советы при крупных реставрационных программах, краудфандинговые кампании, волонтерские акции, конкурсы («Волонтеры наследия» и др.). Опыт региональных программ (в частности, «Возрождение» в Татарстане) демонстрирует, что сочетание крупного государственно-частного проекта и постоянной общественной активности формирует вокруг объекта устойчивое сообщество, что напрямую влияет на дальнейшую эксплуатацию и эффективность результатов.

Если соотнести это с предложенной типологией, становится очевидно, что каждому типу интеграции ОКН соответствует своя социальная конфигурация участия:

- для «ядер» и «якорей» акцент смещен к публичным культурным событиям и туристским потокам;
- для «вкраплений» и «рам» – к повседневным сообществам жителей, живущих «внутри» исторической ткани;
- для «интерстиций» – к инициативам «снизу», направленным на защиту или новое осмысление одиночного фрагмента.

Подходы к оценке влияния наследия в КРТ

Ключевая методологическая задача – перевести культурные и социальные эффекты наследия в систему измеримых показателей. В экономическом измерении используются методы оценки добавленной стоимости недвижимости и налоговых поступлений: показано, что объекты, расположенные в исторических кварталах, после благоустройства и реставрации нередко демонстрируют более высокую динамику цен по сравнению со средними городскими трендами [6, 7].

Д. В. Завьялов с коллегами развивает подход мультикритериальной оценки, где учитываются степень сохранности и степень приспособленности ОКН, удовлетворенность жителей исторической средой, число культурных событий и пространств, связанных с наследием, а также показатели туристической активности. На основе этих параметров формируется интегральный индекс эффективности управления наследием, который сопоставляется с общими индикаторами развития территории [7].

В логике устойчивого развития показательным является подход UNESCO, рассматривающий культуру как четвертый столп наряду с экономикой, социальной сферой и экологией. Международные документы по культурной политике подчеркивают необходимость включения культурных индикаторов – от участия в культурной жизни до сохранения многообразия культурных выражений – в системы мониторинга городских стратегий [3].

В российской повестке важным шагом стало появление проектов типа «ПроНаследие», ориентированных

на создание индекса свободы инвестора для работы с наследием, фиксирующего барьеры и стимулы в разных регионах. Параллельно региональные программы (в том числе режимы поддержки и стимулирования инвестора при работе с исторической застройкой в границах проектов комплексного развития территории) демонстрируют, как финансово-организационные инструменты вовлекают частный бизнес в реставрацию ОКН [2, 5, 13].

Для анализа локальных культур принципиально, что оценка не может ограничиваться экономическими эффектами. Опираясь на исследования О. В. Сагиновой, К. С. Семиной, Д. В. Завьялова и других авторов, необходимо включать социально-культурные показатели: чувство гордости за район, степень вовлеченности сообществ, разнообразие культурных практик, устойчивость локальных сетей и идентичностей [6, 7, 14].

Предложенная типология «ядро – якорь – вкрапления – рама – интерстиции» может служить основанием для дифференцированной оценки: для каждого типа интеграции возможно выделить характерный набор культурных, социальных и экономических эффектов и соответствующие им индикаторы. Следующий шаг – формализация этих связей в методике.

Заключение

Комплексное развитие территорий в исторической среде неизбежно выводит на первый план вопросы локальных культур и наследия. Объекты культурного наследия уже не могут рассматриваться лишь как ограничение для деvelopeмента: они выступают носителями *genius loci*, источником локальной идентичности и ресурсом устойчивого развития [3, 6].

Предложенная архитектурно-пространственная типология включения ОКН в КРТ – «ядро», «якорь», «вкрапления», «рама», «интерстиции» – позволяет описать разнообразные сценарии взаимодействия наследия и развития на профессиональном языке архитектора и градостроителя. Каждый тип несет свой набор возможностей и рисков [12, 13]:

- «ядра» и «якоря» усиливают бренд места и туристическую привлекательность, но потенциально сопряжены с джентрификацией;
- «вкрапления» и «рамы» поддерживают многослойность и повседневную локальную культуру, но требуют точной настройки регламентов и проектных решений;
- «интерстиции» фиксируют фрагменты памяти, но одновременно свидетельствуют о недостатке стратегического планирования.

По сути, негативный сценарий «интерстиций» и конфликтной модели КРТ резонирует с критикой практики развития через снос, сформулированной М. Г. Мееровичем: игнорирование потенциала реконструкции и приспособления последовательно вытесняет историческую ткань даже при декларируемой повестке обновления, оставляя от нее лишь точечные фрагменты [11].

Для обсуждения локальных культур в профессиональной среде важно переходить от разрозненных кейсов к системному анализу влияния наследия в логике КРТ. Это предполагает:

- развитие оценочных методик, учитывающих культурные и социальные эффекты наряду с экономическими;
- совершенствование нормативных и финансовых инструментов, стимулирующих бережное включение ОКН;
- укрепление межсекторного партнерства: государство – бизнес – экспертное сообщество – жители;
- институционализацию сообществ наследия как постоянных участников управления.

Российский опыт 2020–2025 годов – обновление законодательства о КРТ, запуск программ льготной аренды, инициативы Агентства стратегических инициатив (АСИ), активизация ICOMOS России, региональные програм-

мы типа «Возрождение» – формирует насыщенное поле экспериментов и одновременно выявляет проблемные зоны. Их аналитическая проработка и перевод в инструментарий оценки влияния ОКН на эффективность комплексного развития территорий представляются одним из перспективных направлений дальнейших исследований.

Литература

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 29.12.2004 № 190-ФЗ (в ред. от 30.12.2020). Гл. 10. Комплексное развитие территории.
2. О внесении изменений в Градостроительный кодекс РФ в целях обеспечения комплексного развития территорий: Федер. закон от 30.12.2020 № 494-ФЗ.
3. UNESCO. Recommendation on the Historic Urban Landscape. – Paris: UNESCO, 2011.
4. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федер. закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (действ. ред.).
5. Стандарт комплексного развития территорий. Кн. 1: Свод принципов. – Москва: ДОМ.РФ, 2020.
6. Сагинова, О. В., Завьялова, Н. Б., Сагинов, Ю. Л. Потенциал культурного наследия для развития современного города // Экономика, предпринимательство и право. – 2025. – Том 15, № 2. – С. 813–826.
7. Завьялов, Д. В., Сагинова, О. В., Завьялова, Н. Б., Тиньков, С. А. Оценка эффективности управления объектами культурного наследия // Экономика, предпринимательство и право. – 2025. – Том 15, № 2. – С. 771–792.
8. Roberts, P., Sykes, H., Granger, R. Urban Regeneration. – London: SAGE Publications, 2017.
9. Frantál, B., Kunc, J., Klusáček, P. Exploring spatial patterns of urban brownfields regeneration: The case of Brno, Czech Republic // Cities. – 2015. – Vol. 44. – P. 28–36.
10. Council of Europe. Framework Convention on the Value of Cultural Heritage for Society (Faro Convention). – Faro, 27.X.2005.
11. Меерович, М. Сносить нельзя реконструировать // Проект Байкал. – 2017. – № 14 (53). – С. 78–84. – DOI 10.51461/projectbaikal.53.1221
12. Zhu, Y., González Martínez, P. Heritage, values and gentrification: the redevelopment of historic areas in China // International Journal of Heritage Studies. – 2022. – Vol. 28, No. 4. – P. 476–494. – URL: <https://doi.org/10.1080/13527258.2021.2010791> (дата обращения: 17.04.2026).
13. Твардовская, Е. В., Верховский, Д. В. Проекты КРТ в исторической среде: риски и потенциал // Хранители наследия. – 2025. – 31 марта.
14. Семина, К. С., Рунова, Н. Ю., Сагинова, О. В. Роль некоммерческих организаций в системе сохранения культурного наследия: сравнительный анализ международной практики // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14, № 3. – С. 843–858.

References

- Council of Europe. (2005, October 27). *Framework Convention on the Value of Cultural Heritage for Society (Faro Convention)*. Faro.
- DOM.RF. (2020). *Standart kompleksnogo razvitiya territorii. Kniga 1: Svod printsipov [Integrated territorial development standard. Book 1: Principles]*. DOM.RF.
- Frantál, B., Kunc, J., & Klusáček, P. (2015). Exploring spatial patterns of urban brownfields regeneration: The case of Brno, Czech Republic. *Cities*, 44, 28–36. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2014.12.007>
- Meerovich, M. (2017). Demolition impossible to restore. *Project Baikal*, 14(53), 78–84. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.53.1221>
- Roberts, P., Sykes, H., & Granger, R. (2017). *Urban regeneration* (2nd ed.). London: SAGE Publications.
- Russian Federation. (2002, June 25). *Federal Law No. 73-FZ "On Cultural Heritage Sites (Monuments of History and Culture) of the Peoples of the Russian Federation"*.
- Russian Federation. (2004, December 29). *Town-Planning Code of the Russian Federation (Federal Law No. 190-FZ), Chapter 10 "Integrated territorial development"* (as amended December 30, 2020).
- Russian Federation. (2020, December 30). *Federal Law No. 494-FZ "On Amendments to the Town-Planning Code of the Russian Federation to Ensure Integrated Territorial Development"*.
- Saginova, O. V., Zavyalova, N. B., & Saginov, Yu. L. (2025). The potential Cultural heritage for modern city development. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 15(2), 813–826. <https://doi.org/10.18334/epp.15.2.122633>
- Semina, K. S., Runova, N. Yu., & Saginova, O. V. (2024). The role of non-profit organisations in cultural heritage preservation: A comparative analysis of international practice. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 14(3), 843–858. <https://doi.org/10.18334/epp.14.3.120600>
- Tvardovskaya, E. V., & Verkhovsky, D. V. (2025, March 31). Proekty KRT v istoricheskoi srede: riski i potentsial [Integrated territorial development projects in historic environments: Risks and potential]. In *Khraniteli naslediya*.
- UNESCO. (2011). *Recommendation on the Historic Urban Landscape*. Paris: UNESCO.
- Zavyalov, D. V., Saginova, O. V., Zavyalova, N. B., & Tinkov, S. A. (2025). Assessing the effectiveness of cultural heritage management. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 15(2), 771–792. <https://doi.org/10.18334/epp.15.2.122636>
- Zhu, Y., & González Martínez, P. (2022). Heritage, values and gentrification: The redevelopment of historic areas in China. *International Journal of Heritage Studies*, 28(4), 476–494. <https://doi.org/10.1080/13527258.2021.2010791>

В статье представлен анализ актуальных особенностей «эстетики» маргинальных городских пространств, в частности размещенных и нашедших отражение в средствах массовой информации, мессенджерах, городских мифах и теориях. Продемонстрировано, как городские территории, ранее ассоциируемые с разрушением и упадком, вызывают заинтересованность у молодежи, людей творческих профессий, благодаря чему возникают новые эстетические ценности и нарративы. Современная реальность отражает важность общественного, эстетического, исторического значения маргинальных территорий города и вариантов преобразования этих территорий в будущем.

Ключевые слова: маргинальные городские пространства; эстетика; городская культура; репрезентация; урбанизация; мифологизация. /

This article presents an analysis of the current aesthetics of marginal urban spaces, particularly those reflected in the media, messaging apps, urban myths, and theories. This study demonstrates how urban spaces previously associated with decay and decline are attracting the interest of younger generations and creative professionals, giving rise to new aesthetic values and narratives. The authors conclude that contemporary reality reflects the exceptional social, aesthetic, and historical significance of marginal urban spaces, as well as options for their future transformation.

Keywords: marginal urban spaces; aesthetics; urban culture; representation; urbanization; mythologization.

Эстетизация маргинальных городских пространств / Aesthetics of the marginalization of urban spaces

текст

Анастасия Гарнага

Тихоокеанский
государственный
университет
(Хабаровск)

Ирина Гареева

Тихоокеанский
государственный
университет
(Хабаровск)

Людмила Дьячкова

Тихоокеанский
государственный
университет
(Хабаровск)

text

Anastasia Garnaga

Pacific National University
(Khabarovsk)

Irina Gareeva

Pacific National University
(Khabarovsk)

Lyudmila Dyachkova

Pacific National University
(Khabarovsk)

В социологии и урбанистике маргинальные городские территории уже давно стали объектом пристального наблюдения. В историческом контексте научные изыскания акцентировали внимание на социальных явлениях, отражающих отчуждение и депривацию городских пространств: гетто, лагерей для беженцев, неформальных поселений. Пространство и маргинальность имеют прочную корреляцию, что было обозначено еще в ранних исследованиях социологической школы Чикаго. По мнению специалистов, пространственность является ключевой характеристикой, воздействующей на социальное расслоение, тогда как современные исследователи акцентируют внимание на структурной деятельности. Именно она влечет за собой «развертывание» маргинальных территорий в современном исследовательском поле. Кроме того, в поле зрения находятся подходы к улучшению жизни населения в границах этих территорий. Проблема урбанизации и упаднического образа жизни находит отражение в трудах ученых Азии. В качестве примеров они используют печальный опыт Индии и Бангладеш. Объектом изучения российских экспертов становится концепция «другого», затрагивающая исследование жизни бездомных через призму философии [5]. В начале двадцатого века научный понятийный аппарат по проблеме маргинальности пополняется таким термином, как «перформативность» городских территорий. Маргинальные пространства начинают осваиваться средствами массовой информации, кино, литературой, что влечет за собой распространение интереса к путешествию по трущобам. В этот момент научное сообщество начинает исследовать актуальные социальные феномены — женские права, территориальную стигматизацию, аффективность и материальность, проявляющие себя в контексте трущоб. Так, в кинематографе изучению подлежат документальные, неореалистические приемы, которые используются при отражении подлинной жизни в трущобах. Такой подход мы можем увидеть в известном фильме XX века «Генералы песчаных карьеров».

Основной идеей представленной работы является исследование эстетической привлекательности заброшенных городских территорий для различных социальных слоев, не являющихся маргиналами. Как правило, в по-

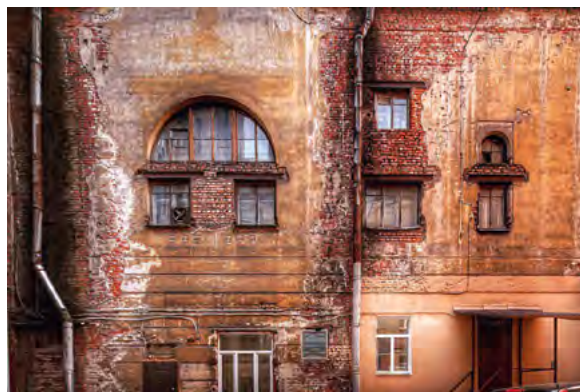
добных работах рассматриваются социально-экономические процессы и барьеры, порождающие заявленную проблему исследования и фиксируемые в таких районах. Однако в своей работе мы стремимся продемонстрировать, как заброшенные постройки и бывшие промышленные зоны превращаются в культурно-эстетические объекты, привлекающие внимание молодежи, представителей творческих профессий, сталкеров и других субкультур [5].

Содержание концепции новой маргинальности (публикации основателя Лоика Вакана служат теоретическим фундаментом данной работы) заключается в развертывании участков социальной депривации с неповторимой семиотикой [9]. В расширенной концепции, представленной работами российских исследователей А. Ю. Казаковой и Ю. В. Преображенского, раскрывается понимание того, что маргинальные территории представляют собой площадку для стихийных культурных мероприятий, отражающих ранее не исследуемые проблемы эстетики [3, 6]. В своем исследовании Д. О. Тимошкин приводит в качестве примера город Иркутск, где с помощью передовых цифровых медиа маргинальные пространства получают вторую жизнь. Современные инструменты способствуют развертыванию «карт невидимости» внутри контента, потребляемого юзерами [7].

Обширную информацию по исследованию, обусловленную как формой расселения жителей, так и обилием маргинальных пространств, предоставляют мегаполисы. Город расширяется за счет интегрируемых в него агломераций и поселений. Высокая плотность населения, разнообразие стилей жизни, раздробленность этнической и социально-профессиональной структуры, возможность выбора любой профессии или сферы занятости — все эти аспекты характеризуют мегаполис [1]. Поэтому в мегаполисах маргинальность — это нормальное явление для больших человеческих сообществ, даже если учесть их постоянную изменчивость и миграцию. Город представляет собой сложную социально-пространственную мозаику, где трансформации происходят неравномерно, в зависимости от специфики организации каждого района. Некоторые территории города меняются быстрее остальных и поэтому становятся непохожими на остальные города. Такие места называют пространственными

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-78-10186, <https://rscf.ru/project/26-78-10186/>

Acknowledgements: The research was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 26-78-10186, <https://rscf.ru/project/26-78-10186/>

< Рис. 1. Ирония над неудачными урбанистическими проектами. Барнаул

< Рис. 2. Романтизация изображений «потертых» поверхностей. Санкт-Петербург

окраинами. Пространственная маргинальность проявляется в пограничных зонах городской среды, где сосуществуют различные исторические и перспективные тенденции развития территорий [8].

Особенно в больших городах можно часто фиксировать, что реальность отличается от планов. Примером тому могут быть заброшенные здания, недостроенные жилые, общественные и промышленные объекты. В городах много зданий и сооружений, которые перестали использоваться по разным причинам: долгострои, заброшенные памятники архитектуры, заводы. Такие объекты создают проблемы для городской среды и вызывают у жителей негативные эмоции, чувство неустроенности и грусти. Эти объекты указывают на потерю интереса со стороны властей и застройщиков и создают проблемы для местных жителей [1].

Целостность архитектуры влияет на восприятие образа города, так как создает ощущение завершенности и узнаваемости среды, а также указывает на функциональность и назначение объектов. Негативное влияние на человека оказывают недостроенные и заброшенные территории, неубранный строительный мусор, свалки и бездомные, которые собираются вокруг них. Негативное воздействие оказывают не только реальные проблемы, но и общее впечатление от заброшенности и неухоженности места. Без должной организации городской среды человек испытывает трудности с восприятием архитектуры, что может вызвать чувство подавленности и отчужденности [4].

Исследование современных публикаций по заявленной проблеме позволило нам выйти на интернет-ресурсы об «эстетике» маргинальных пространств. В качестве информационных источников в январе-марте 2025 года были выбраны каналы «ВКонтакте» и Telegram и изучены 250 публикаций групп, обсуждающих городские окраины, объекты промышленной архитектуры, общественные здания и сооружения, жилые здания, по тем или иным причинам не выполняющие функции своего непосредственного назначения в настоящее время. В выборку были включены публикации, просмотр которых составлял 500 и более. В отобранных публикациях посредством ведения полевого дневника и составления Excel таблицы фиксировались ссылки, текстовые фрагменты и графические материалы, критерии оценки, что позволило

сформировать исследовательский массив. В качестве признаков фиксировались эмоциональные реакции посетителей канала (эмодзи – сердца, огоньки, аплодисменты, большой палец вниз, большой палец вверх и комментарии). Посредством контент-анализа исследовательский материал был обработан с целью выявления родственных характеристик объекта исследования, что позволило отметить комплементарный дискурс при характеристиках маргинальных пространств разных городских локаций.

Для описания полученных данных мы использовали нарративы, предложенные А. К. Бурмич. Так, романтизация городской деградации через изображение «потертых» поверхностей вполне объяснима (рис. 1). В период бурных перемен и трансформаций люди чаще обращаются к образам прошлого. Это способ справиться со стрессом от нестабильного настоящего: прошлое навеивает «теплые» мысли и воспоминания, прошлое успокаивает.

Ирония над неудачными урбанистическими проектами находит отражение в оценках и публикациях как профессионалов (архитекторов и экспертов), так и в оценках обывателей (рис. 2). Так, одна из экспертов городского планирования из Швеции дала интервью на условиях анонимности изданию BoreadPanda, в котором отметила, что общественные места должны соответствовать стандартам безопасности и доступности, эстетическим стандартам. Элементы застроенной среды должны находиться в гармонии друг с другом и с окружающей средой. В современной застройке городов можно наблюдать соседство деревянного купеческого дома (как исторической ценности, но не жилой и не востребованной) и многоэтажек из стекла и бетона.

Документация «исчезающей» архитектуры – это фиксация утраченных или маргинализированных пространств. В качестве примера мы использовали историю Москвы. Москвичи часто отмечают места навсегда утраченной Москвы: Красные ворота, символ победы в Полтавской битве; Крестовские водонапорные башни, которые выполняли важную функцию водоснабжения для города; Сухарева башня и дом Анненковых на Кузнецком мосту. Исчезнувшие шедевры российской архитектуры мы можем наблюдать только по оставшимся старым фотографиям или рисункам. Этот нарратив мы дополнили категорией «утраченные надежды» (рис. 3).

> Рис. 3. «Исчезающая архитектура»: фиксация утраченных или маргинализованных пространств. Балашиха

В нее представляется возможным включить исторически значимые объекты – Чудов и Вознесенский монастыри в Москве, Спас на Сенной в Санкт-Петербурге, Воскресенский собор в Кольском остроге, Крепость Ям в Кингисепе, разрушенные по невыясненным причинам [2].

Эстетика городских окраин, распространяемая через социальные сети и форумы, показывает, как важна окружающая среда для эмоционального состояния человека. Зброшенные промышленные зоны, ветхие жилые здания и городские объекты, которые раньше считались признаками упадка, сейчас привлекают внимание и становятся источником вдохновения благодаря цифровым платформам. Снимки обшарпанных стен с отшелушивающейся краской, зарослями бурьяна, проржавевшими сооружениями и граффити, распространяемые в интернете, меняют восприятие маргинальных зон, делая их визуально интересными.

Традиционный взгляд на городское пространство в урбанистике и социологии предполагает существование вертикальной структуры, в которой ключевые элементы – власть, экономика и культура – задают тон восприятию и оценке различных зон города. В рамках этой системы маргинальные зоны, отличающиеся физическим упадком, социальной изоляцией и чувством отчужденности от общественной жизни, часто остаются незамеченными широкой аудиторией и намеренно игнорируются в дискуссиях.

Однако в последние годы отмечается заметный сдвиг в восприятии городских окраин, связанный с ростом интереса к их эстетической составляющей. Этот процесс проявляется в различных формах медиаконтента, распространяемого через социальные сети, мессенджеры и специализированные онлайн-платформы, что придает ему современный оттенок.

Практика декорирования полуразрушенных зданий баннерами перед официальными мероприятиями подчеркивает противоречие между официальным подходом и действительностью. В то же время наблюдается противоположная тенденция: некоторые каналы представляют заброшенные территории как объекты визуального интереса. Изучение 250 публикаций групп, обсуждающих городские окраины в социальных сетях «ВКонтакте» и Telegram за январь–март 2025 года, показало, что чаще всего встречаются три основных нарратива:

- романтизация городской деградации через изображение «потертых» поверхностей;
- ирония над неудачными урбанистическими проектами;
- документация «исчезающей» архитектуры. Это явление связано с результатами исследования творческих пространств, где отмечается, что заброшенные здания становятся площадками для спонтанного самовыражения [2].

В современных СМИ маргинальные городские пространства часто изображаются как красивые и интересные места. Анализ контента, найденного на сайтах

Familio. Media, в группах «ВКонтакте», блогах LiveJournal и на платформе «Яндекс. Дзен», а также в материалах СМИ, позволяет определить основные аспекты этого явления.

Familio. Media акцентирует внимание на поэтике руин, представляя их как площадку для диалога с историей. Зброшенные локации рассматриваются как объекты визуального и повествовательного потребления. Эстетизация временной остановки достигается благодаря использованию ностальгических нарративов, визуальных метафор и интертекстуальных отсылок. Личные истории, связанные с забытыми местами, делают их «свидетелями прошлого». Разрушение становится красивым. Руины сравниваются с произведениями искусства; упоминается археология, что возводит обыденные вещи в ранг культурных ценностей. Таким образом, происходит романтизация городской деградации, где заброшенные места кажутся «застывшими во времени» и приобретают атмосферу «подлинности», служат источником творчества, объединяя сухие факты о заброшенных местах с личными переживаниями и впечатлениями. Familio. Media делает акцент на индивидуальном восприятии, не допуская превращения маргинальности в массовый миметический контент.

В статье «Эстетика заброшенного: почему эти места нас привлекают?» на платформе VK рассматривается не только эстетическая сторона заброшенных мест, но и психологические причины нашего влечения к ним, а также социокультурный феномен индустриального туризма. Когда заброшенные строения теряют свое практическое назначение, они обретают новую эстетическую значимость и становятся своего рода «машиной времени». В таких местах время становится осязаемым, а разрушение воспринимается как своего рода «творение наоборот», когда природа берет верх. Метафоры заброшенных мест – ржавая калитка, темнота, капающая вода – придают им загадочность и ощущение приключения. Людей привлекают заброшенные места из любопытства, желания ощутить подлинность, соприкоснуться с историей помимо музеев, а также из-за потребности разгадывать тайны и изучать «серые зоны» городов. Автор считает индустриальный туризм субкультурой со своими особенностями, ценностями и языком. Эта субкультура возникла под влиянием постапокалиптического жанра в видеоиграх и непосредственно игры S.T.A.L.K.E.R., что объясняет увлечение заброшенными местами. Для представления этой темы автор использует такие методы, как подробное описание деталей заброшенных мест, цитаты экспертов, обращение к личному опыту и анализ сленга и символики субкультур сталкеров и диггеров. Автор делает акцент на эстетической стороне, которая выражается в романтизации разрушений, уникальности заброшенных мест и сравнении их с произведениями искусства. В тексте говорится о том, что заброшенные здания представлены как «поэзия руин», где разрушение становится искусством, а природа превращает их в «свой материал».

Современная «эстетика» маргинальных городских пространств – это сложное явление, в котором соединяются историческая память, мифы, личные истории и визуальные образы. Изучение репрезентации маргинальных городских пространств в СМИ, социальных сетях и городском фольклоре позволяет определить их значимость в формировании городской культуры и самоидентификации. Рассмотренные примеры – пост в LiveJournal, статья о Ховринской больнице и публикация о сносе заброшенной больницы в Екатеринбурге – демонстрируют, как маргинальные пространства становятся объектами мифотворчества, эмоционального восприятия и культурного осмысления. Так, статья о Ховринской больнице содержит реальные факты о строительстве больницы и популярные мифы, создавая сложный образ,

где реальность сочетается с фантазией. История Ховринской больницы демонстрирует конфликт между идеалами советской эпохи и реальностью, который привел к тому, что больница стала символом упадка. Екатеринбургская больница привлекает внимание своей историей, связанной с военными и послевоенными событиями. Это делает ее значимой для коллективной памяти горожан.

История Ховринской больницы берет свое начало в 1970 годы. Нестандартный проект многопрофильной больницы на 1300 коек, разработанный группой архитекторов, был реализован в 1980 году. В 1990 годы больницы стали оснащать оборудованием, сантехникой, мебелью, но в 1992 году работы были прекращены и окончательно заморожены. Версии прекращения строительства и консервации стройки выдвигались различные – от нехватки финансирования до проектных просчетов и ошибок. Подвалы здания начали затопливаться грунтовыми водами, а само здание стало погружаться в грунт. Более 30 лет объект не охранялся, не было и решений по его дальнейшей эксплуатации или сносу. К 2012 году, по оценке экспертной комиссии Мосгорстройнадзора, готовность объекта составляла 42%, а износ 65%. Решение о сносе объекта было принято в 2016 году, однако демонтажные работы начались лишь в октябре 2018 года.

В советской России объекты социального назначения (больницы, поликлиники, женские консультации, детские сады, жилые дома) часто строились по типовым проектам. Проект Ховринской больницы отличался от привычных. Здание было выполнено в форме звезды с тремя лучами и разветвлениями на концах. В конструкциях использовался железобетон, поэтому форма здания была выполнена в стиле брутализма. Если смотреть на здание сверху, то его очертания напоминали знак биологической опасности. Впоследствии здание получало много вернакулярных названий, но из-за схожести со знаком опасности зданию было присвоено прозвище «Амбрелла». Ховринская больница получила художественное воплощение в фильме «Ховрино. Блог из преисподней», в повести «Кремль 2222. Ховрино», в книге «Край чудес».

Похожая судьба и у Свердловской (Екатеринбургской) больницы почти со столетней историей. Проектирование больницы было начато в 1920 годы, и через 18 лет строительство больницы было завершено. Здание включало элементы неоклассики. В 1943 году больница приобрела статус Центральной клинической больницы города Свердловска. Она работала до 1999 года, в 2000 году спецкомиссия города Екатеринбурга расформировала больницу с целью проведения капитального ремонта. Капитальный ремонт не начался, а в 2021 году здание больницы было исключено из Единого государственного реестра.

Эти два примера объединены несколькими факторами;

- отсутствие интереса собственников и городских властей к проблеме здания;
- повышенный интерес к посещению зданий у подростков, людей без определенного места жительства, криминогенных элементов;
- частые факты травматизации и гибели людей как случайно, так и по причине насильственных действий;
- высокий уровень мифологизации с негативным контекстом;
- высокий интерес к заброшенным зданиям среди сектантов, неформалов и пр.

В контексте исторической памяти маргинальные пространства могут рассматриваться как хранители следов прошлого, отражающие ключевые этапы развития города или страны. Например, один из пользователей LiveJournal отмечает связь между появлением заброшенных территорий и постсоветский периодом, акцентируя внимание на том, что они символизируют экономические и социальные изменения 1990 годов.

Мифологизация маргинальных пространств играет ключевую роль в их репрезентации. Городские легенды, например, рассказы о сатанистах в заброшенных домах, призраках в екатеринбургской больнице или кладях в забытых банях превращают эти места в объекты, овеянные тайной и страхом. Легенды не только создают определенное восприятие маргинальных зон, но и привлекают туда любителей приключений и острых ощущений. Мифы превращают заброшенные места в нечто большее, чем они были изначально.

Глубокая эмоциональная связь с непопулярными местами также определяет наше отношение к ним. Например, рассказ автора блога о посещении бани в детские годы показывает, как эти объекты становятся частью индивидуальной и коллективной памяти. Ностальгия по красоте старых построек пробуждает сильные эмоции, сочетающие меланхолию и восторг. «Эстетика» руин и упадка обращает внимание на красоту маргинальных пространств, даже если они находятся в плохом состоянии.

СМИ и мессенджеры представляют маргинальные пространства с помощью фактов, легенд, визуальных образов и драматического повествования, создавая уникальные образы и привлекая внимание аудитории. Заброшенные здания создают яркие и эмоциональные образы, которые надолго остаются в памяти. Вопросы о смысле и значении этих мест помогают задуматься о социальных и психологических проблемах, связанных с маргинальными пространствами.

«Эстетика» заброшенных мест завораживает и притягивает любителей экстрима и ценителей городской культуры. Ностальгия по ушедшей эпохе усиливает культурную ценность этих мест, даже если они находятся в упадке. Противоречие между прошлым блеском, красотой и нынешним упадком усиливает эмоциональное воздействие, делая заброшенные места объектами восхищения и сожаления.

Заброшенные места создают городскую мифологию, формируют историческую память и влияют на восприятие городской среды, так как они вызывают размышления о происхождении города, его знаменитых личностях и прошлом. Эти материалы обсуждают социальные и экономические факторы, которые влияют на заброшенные места, а также роль СМИ и соцсетей в создании их имиджа.

Таким образом, анализ отражения «эстетики» городских окраинных территорий (на основе Familio. Media, групп в социальной сети «ВКонтакте», LiveJournal, материалов о ХЗБ и екатеринбургской больнице) показывает специфику этого явления в России и позволяет выделить следующие подходы к исследованию маргинальных городских пространств: исследование их с точки зрения личного восприятия (например, поэтика руин, личные воспоминания) и через призму социокультурного контекста (индустриальный туризм, городской миф, коллективная память). Анализ литературных источников подтверждает, что одни исследователи изучают эстетику и ностальгию по отношению к маргинальным городским пространствам, другие – их роль в обществе и культуре.

Заброшенные места обладают неповторимым шармом благодаря визуальному контрасту с благоустроенной средой. Заброшенные места становятся интересными для созерцания благодаря метафорам, сравнениям с искусством и атмосфере тайны. Эти места словно переносят нас в другое время или становятся объектами искусства, вызывая восхищение и желание разгадать их секреты.

Исторические нарративы превращают заброшенные здания в «свидетелей эпохи», делая их важными элементами культурного наследия. Легенды и мифы придают заброшенным местам загадочность и привлекают любителей приключений. Личные воспоминания усиливают эмоциональную связь с этими местами. СМИ и соцсети

используют интересные факты, визуальные образы и истории для популяризации таких мест. Визуальные описания и риторические вопросы помогают передать атмосферу и вызвать эмоции у аудитории. Это делает информацию более запоминающейся и интересной.

Familio. Media акцентирует внимание на личном взгляде авторов и стремится избежать влияния массовой культуры, в то время как популярные социальные сети, такие как «ВКонтакте», подвержены воздействию поп-культуры. В материалах о конкретных зданиях Familio. Media рассказывает личные истории, приводит исторические факты и включает элементы мифологии в формирование уникальных образов, связанных с определенными местами. Здесь «эстетика» маргинальных пространств зависит от личного восприятия, культурных особенностей и того, как они представлены в медиа.

«Эстетика» маргинальных городских пространств возникает из-за стремления к аутентичности и подлинности, которое свойственно нашему обществу в эпоху усталости от глянцевого образа и искусственных стандартов красоты. Немалая роль отводится и тоске по прошлому, особенно по советскому времени с его индустриальным размахом и чувством общности. Маргинальные территории, в отличие от новых жилых комплексов и ухоженных парков, воспринимаются как более «подлинные», так как они не были подвергнуты искусственной обработке и сохраняют следы прошлого. Зброшенные заводы, бездействующие дома культуры и полуразрушенные пионерские лагеря становятся местами, где оживает память о прошлом и происходит переоценка его ценностей, а унификация и глобализация уничтожают особенности отдельных мест. Небольшие районы с уникальными чертами и атмосферой считаются островками сопротивления, сохраняющими индивидуальность города.

Следует подчеркнуть, что интерес к заброшенным строениям не сводится только к простому наблюдению визуальных объектов. Часто этот интерес включает в себя попытки понять социальную и историческую подоплеку этих мест, обнаружить скрытые истории и судьбы людей, связанных с ними. Так, в интернете можно обнаружить группы, где люди обмениваются своими исследованиями старых зданий и собирают сведения об их прошлом. Объединяясь, заинтересованные исследователи устраивают походы в эти места. Легенды и мифы, которые передаются из поколения в поколение, придают этим местам мистическую атмосферу и таинственность. Они становятся объектами культурного наследия, так как эти истории и легенды делают их уникальными и интересными для изучения. Маргинальные зоны становятся не только объектами интереса, но и участниками культурного роста, порождая новые идеи и особенности.

В современном мире маргинальные городские пространства могут вызывать негативные социокультурные последствия: разделение территорий, ухудшение социальной ситуации и влияние на выбор жизненных стратегий людей. Есть вероятность, что разруху и бедность будут использовать ради красивых фотографий и видео, чтобы создать впечатление экзотики. Это может привести к неправильному представлению о бедности и ухудшению ситуации. Бесконтрольное посещение заброшенных мест туристами может привести к их дальнейшему разрушению, вандализму и нарушению личной жизни местных жителей, а представление маргинальных мест в положительном свете может привести к романтизации бедности и игнорированию реальных проблем, с которыми сталкиваются люди в таких районах. Для создания более гармоничного образа маргинальных городских территорий следует учитывать их эстетическое обаяние и социальную роль в истории города. Необходимо поддерживать проекты по сохранению и обновлению этих территорий, привлекая местных жителей и специалистов

в области градостроительства, архитектуры и культурного наследия.

Превращение заброшенных мест в нечто эстетичное представляет собой немаловажную часть того, как видятся маргинальные зоны. Разрушенные строения и следы упадка, которые выделяются на фоне ухоженной городской среды, начинают выглядеть более привлекательно и начинают вызывать интерес. Метафорами и сравнениями с искусством дополняется атмосфера загадки. Она делает такие «скрытые» места важной частью города. Зброшенные территории приобретают интерес благодаря своим таинственным историям. В то же время исторические детали придают им значение «свидетелей времени», взаимосвязанных с историей города или государства. Такие локации притягивают всех, кто ищет острых ощущений, изучает паранормальные явления или желает получить новые впечатления.

В средствах массовой информации и мессенджерах предлагается информация о необычных местах. При этом факты дополняются вымыслами, яркими образами и интересными историями. Указанный формат помогает удерживать контакт с аудиторией. Он делает персонажей более близкими для читателей. Реальные факты и вымысел переплетаются, формируя интересный образ, который служит информацией и средством привлечения внимания. Визуальный образ, демонстрирующий разрушения и упадок, вызывает заметный эмоциональный отклик. При этом риторические вопросы, а также цитирование заставляют читателя задумываться в качестве участника обсуждения. Familio фокусируется на индивидуальности подхода, отсутствии шаблонов и акценте на уникальности каждого места. В то же время соцсети зачастую следуют массовым трендам, что влияет на их стилистические особенности и содержание. В статьях о зданиях присутствуют повествования очевидцев, факты исторического значения и городские легенды, что помогает получать уникальный контент, который становится составляющей городской культуры.

Анализируя возможности развития эстетического переосмысления городских окраин, можно предположить несколько вероятных вариантов развития событий. Каждый из них предполагает разные пути изменения (сценарии) этих территорий и их роли в социальном и культурном ландшафте города.

Первый сценарий заключается в том, чтобы превратить маргинальные территории в часть креативной экономики (например, как московский центр дизайна ARTPLAY). В рамках этого сценария индустриальный стиль, характерный для заброшенных заводов, складов и других объектов, становится востребованным и привлекательным для представителей креативных отраслей и бизнеса. Зброшенные фабрики и склады переделывают в стильные помещения: лофты, галереи, коворкинги и кафе. Эти пространства предназначены для художников, дизайнеров, бизнесменов, представителей различных творческих профессий. Кирпичные стены, высокие потолки и металлические конструкции, оставшиеся от старых заводов, не прячут, а используют для создания нового стиля помещений [2]. Реновация зданий включает создание новой идентичности места, основанной на его прошлом. Такой подход привлекает инвестиции и создает рабочие места. Риск заключается в том, что коммерциализация может вытеснить местные сообщества и лишить эти пространства их уникальности, превращая их в модные, но обезличенные районы, доступные лишь для определенных групп населения.

Второй сценарий предполагает, что маргинальные городские пространства становятся предметом политических споров и средством выражения недовольства властью. Оппозиционные СМИ и активисты используют фотографии и видео с разрухой, запустением и упадком для демонстрации неэффективного управления, корруп-

ции и социального неравенства. Заброшенные здания становятся символами проблем в обществе – коррупции и социального неравенства. Внимание акцентируется не на красоте этих мест, а на том, как они отражают состояние города и страны. Маргинальные зоны становятся площадкой для протестов, уличных представлений и создания агитационных материалов. Такой подход стимулирует общественное обсуждение, привлекает внимание к проблемам городского развития и оказывает давление на власть. Использование маргинальных территорий для акций и агитации может вызвать общественные споры и привлечь внимание к проблемам городов, но есть вероятность, что образы маргинальности будут применяться в корыстных целях. Это может исказить реальность и усилить социальную напряженность.

Третий сценарий предполагает, что маргинальные территории станут менее значимыми в обществе, так как «эстетика» маргинальности станет популярной и проникнет в массовую культуру. В результате эти пространства превратятся в обычное оформление, утратив свою социальную и политическую роль. Разрушение и заброшенность станут модными элементами в дизайне, фотографии, кино и других областях, но без первоначального глубокого значения. Здания и благоустроенные территории будут украшены имитациями грубых кирпичных стен, облупившейся краски и ржавых конструкций, чтобы создать ощущение «старинности». Маргинальность станет только внешним атрибутом, без связи с реальными проблемами и социальным контекстом. Это может привести к обесцениванию культурного наследия маргинальных территорий и неудовлетворению потребностей людей, живущих в этих районах. Чрезмерная популярность может снизить ценность «эстетики окраин», отвлекая от настоящих социальных и экономических трудностей.

Таким образом, целесообразно акцентировать внимание на двух основополагающих подходах к пониманию маргинальных пространств: в первом подходе – акцент на сугубо личном восприятии, который проявляется посредством поэтики руин и воспоминаний; во втором подходе – включении их в наиболее широкий социокультурный контекст, в рамках которого они играют роль в индустриальном туризме, городской мифологии и коллективной памяти. В представленных подходах наблюдается их взаимное дополнение, что демонстрирует маргинальные пространства в качестве интересных аспектов не только с эстетической стороны, но и с точки зрения их социального значения.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что современная реальность отражает исключительную важность общественного, эстетического, исторического значения маргинальных территорий города, а также вариантов преобразования этих территорий в будущем. В качестве вариантов развития событий следует рассматривать возможные решения. Немаловажным аспектом для принятия решений является понимание того, что любые изменения в маргинальных пространствах, включая глобальные обновления или улучшение только внешнего вида, в обязательном порядке должны не только учитывать интересы местных жителей, но также беречь историческую память и культурное наследие территорий.

Таким образом, занимающие определенное место в культурной жизни и эмоциях маргинальные пространства по-прежнему остаются основой для мифов, романтизации, иронии, ностальгии. «Эстетику» городских окраин и маргинальных пространств целесообразно рассматривать в качестве актуальной темы, зависящей от многочисленных факторов, как, например, восприятие места, описание того, что происходит в обществе и какое влияние на восприятие обществом маргинальных пространств оказывают средства массовой информации. Такие локации показывают, как именно формируется сама городская идентичность, как переосмысливается

история и ведется поиск новых способов для взаимодействия с городской средой. Используемый контекст для демонстрации в СМИ, социальных сетях и городских легендах открывает новые возможности для осознания и исследования их значения в современном городском мире, наделяет их важностью в историческом ракурсе городской идентичности.

Литература

1. Голышев, В. С., Косов, Н. А. Влияние заброшенных зданий на городские практики // Наука в мегаполисе. – 2021. – №. 1. – С. 8. – URL: mgpu – media.ru (дата обращения: 25.01.2026).
2. Бурмич, А. К., Бараненко, Д. Г. Креативное пространство как способ реабилитации заброшенных зданий // Весенние дни науки ИнЭУ: сборник докладов Международной конференции студентов и молодых ученых. – Екатеринбург : Издательский Дом «Ажур», 2024. – С. 243–248.
3. Казакова, А. Ю. Жилищная депривация и территориальная стигма как атрибуты маргинальности : дисс. ... доктора социол. наук. – Ставрополь, 2019. – 647 с.
4. Каледина, А. С. Эстетические факторы влияния заброшенных зданий на человека // Наука, образование и экспериментальное проектирование. – 2021. – №. 1. – С. 362–364.
5. Лавренова, О. А. «Изнанка города»: Маргинальные ландшафты и современная визуальная культура // Наука телевидения. – 2021. – №. 17.2. – С. 61–117.
6. Преображенский, Ю. В. Пространственная маргинализация: подходы и уровни исследования // Вестник ТвГУ. Серия: География и геоэкология. – 2020. – № 2. – С. 5–12.
7. Тимошкин, Д. О. Мигранты и пространственная маргинальность в городских цифровых медиа (на примере Иркутска) // Социологическое обозрение. – 2021. – Т. 20, №. 1. – С. 124–147.
8. Тимошкин, Д. О., Пчелкина, Д. С. Уязвимый архаизм: облик маргинальных пространств Красноярск // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2021. – №. 1 (56). – С. 56–66.
9. Туркулец, С. Е., Гареева, И. А., Слесарев, А. В., Гарнага, А. Ф. Маргинализация городского пространства (опыт социологического исследования на примере Хабаровска) // Социодинамика. – 2024. – № 12. – С. 17–37.

References

- Burmich, A. K., & Baranenko, D. G. (2024). Creative Space as a Way to Rehabilitate Abandoned Buildings. *Spring Science Days of InEU: Collection of Papers from the International Conference of Students and Young Scientists* (pp. 243-248). Yekaterinburg: Publishing House "Azhar".
- Golyshev, V. S., & Kosov, N. A. (2021). Abandoned buildings in a modern metropolis. *Science in a Megapolis*, (1), 8. Retrieved January 25, 2026, from <https://mgpu-media.ru>
- Kaledina, A. S. (2021). Aesthetic factors of influence of abandoned buildings on humans. *Science, Education and Experimental Design*, (1), 362-364.
- Kazakova, A. Yu. (2021). *Zhilishchnaya deprivatsiya i territorialnaya stigma kak atributy marginalnosti [Housing Deprivation and Territorial Stigma as Attributes of Marginality]* [Doctor of Sociological Sciences Dissertation (22.00.04)]. Stavropol.
- Lavrenova, O. A. (2021) "The seamy side of the city": Marginal landscapes and contemporary visual culture. *The Art and Science of Television*, 17(2), 61-117.
- Preobrazhensky, Yu. V. (2020). Spatial marginalization: Approaches and levels of research. *Herald of Tver State University. Series: Geography and Geoecology*, (2), 5-12.
- Timoshkin, D. O. (2021). Migrants and spatial marginality in urban digital media (the case of Irkutsk). *Russian Sociological Review*, 20(1), 124-147.
- Timoshkin, D. O., & Pchelkina, D. S. (2021). Vulnerable archaism: the visual nature of "frontier" urban spaces in Krasnoyarsk. *Ojkumena. Regional Researches*, 1(56), 56-66.
- Turkulets, S. E., Gareeva, I. A., Slesarev, A. V., & Garnaga, A. F. (2024). Marginalization of urban space: Eexperience of sociological research on the example of Khabarovsk. *Sociodynamics*, (12), 17-37.

Анализируются проекты по сохранению местного колорита в современном городском пространстве, предложенные для различных городов Европы, Азии и Америки. Обсуждается теоретическая и методологическая основа успешных цветовых решений. Оцениваются существенные для сохранения хроматического ландшафта факторы риска: экономические, политические, экологические. Определяется специфика понимания структуры и физической природы локального цвета. Важными для обсуждения являются также пространственность и подвижность локальной колористики, понятие световой идентичности места и концепция устойчивого цвета.

Ключевые слова: цвет; городская среда; колористика; культурный ландшафт; архитектура; градостроительство. /

The article analyzes projects for the preservation of local colour in modern urban space, which were proposed for various cities in Europe, Asia and America. The theoretical and methodological basis of successful color solutions is discussed. The author assesses the economic, political, and environmental risk factors essential for the preservation of the chromatic landscape. The author also determines the specifics of understanding the structure and physical nature of the local color. The spatiality and mobility of local coloristics, the concept of the light identity of a place, and the concept of sustainable color are also important for discussion.

Keywords: color; urban environment; coloristics; cultural landscape; architecture; urban planning.

Хроматический ландшафт города: локальный цвет в глобальном контексте / Chromatic landscape of the city: local color in a global context

текст
Юлия Грибер
Смоленский
государственный
университет
text
Yulia Griber
Smolensk State University

Хроматический ландшафт как визуальная кожа города

В современных исследованиях хроматический ландшафт города (англ. chromatic townscape) – воспринимаемый цвет совокупности всех городских объектов, включая естественные (реки, растительность, земная поверхность) и искусственные (здания, технические сооружения, уличную рекламу и городское искусство), – метафорически отождествляется с его «визуальной кожей» [1]. Подобно наружному покрову тела животных, цвет города понимается как массивное поле различных видов поверхностей, которые выполняют важные для организма функции, неизбежно реагируя на все изменения внешней среды и внутреннего состояния. Цвет города отражает региональную культуру, историческую память и особый дух места (*genius loci*).

В последние десятилетия в ответ на свойственные современной эпохе процессы экономической глобализации, технологического развития и культурной интеграции хроматический ландшафт города в значительной степени утрачивает связь с локальной цветовой культурой, приобретает все более сложную структуру и нехарактерные для него до этого свойства. Первоначальный симбиоз архитектуры и природы, традиционно составлявший основу материальных и технических характеристик каждого поселения, в современных городах постепенно разрушается [2]. Городские центры все больше заполняются «искусственным» цветом. Подстраиваясь под актуальные требования «экономики впечатлений», в рамках которой функционирует современная сфера туризма, даже исторические города, все еще обладающие сильным и легко узнаваемым характером, рискуют утратить свой уникальный хроматический образ [3].

В предлагаемой статье представлен анализ проектов по сохранению местного колорита в современном городском пространстве. Анализируются цветовые решения, предложенные для различных городов Европы, Азии и Америки. Особое внимание уделяется обсуждению теоретической и методологической основы успешных проектов, определению специфики понимания структуры и физической природы локального цвета.

Все проекты собраны в три кейса, каждый из которых имеет свою специфику.

Кейс 1 с условным названием «Исторические города» объединяет проекты по сохранению и реставрации колористики городских поселений, специфика которых заключается в высокой концентрации исторической архитектуры и наличии сформировавшихся исторических центров, представляющих высокую культурную ценность, – в частности Валенсии (Испания) [4], Тегерана (Иран) [5], итальянских городов (в том числе Турина, Рима, Генуи, Венеции, поселений Эгадских островов [2], городов коммуны Ледро [6]).

Кейс 2 «Быстрорастущие города» включает проекты поиска цветовой идентичности старых и новых городов, которые отличаются стремительным ростом территорий и увеличением численности населения, прежде всего это города Южной Кореи [7] и Китая (среди них города провинции Шаньдунь [8], старые городские поселения Сучжоу, Уси, Чанчжоу [9], прибрежные города [1]).

Кейс 3 «Глобальные города и мегаполисы» представляет собой цветовые решения, разработанные для поселений, объединяющих несколько соседствующих и взаимодействующих городских агломераций, которые, являясь ключевыми экономическими, политическими и культурными центрами в мире, отличаются развитой инфраструктурой, высокой плотностью застройки и интенсивными социальными связями (в частности, для Лондона (Соединенное Королевство), Токио (Япония), Чикаго (США), Парижа (Франция), Пекина (Китай) [10], Шанхая (Китай) [1], Сингапура [11]).

Микро-, мезо- и макроуровни цвета города: пятый фасад

Анализ собранных проектов показывает, что отправной точкой в поиске механизмов сохранения локальной идентичности является оценка текущего состояния цвета города и факторов, негативно влияющих на хроматический ландшафт. С точки зрения методологии изучение структуры локального цвета проводится сразу на трех уровнях.

На микроуровне цвет городских объектов исследуется с помощью естественно-научных методов, включающих отбор проб, их лабораторный, спектральный и стратиграфический анализ. На этой основе, в сочетании с историко-культурным анализом, выстраивается хронология

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00407-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00407/> в Смоленском государственном университете
Acknowledgements: The research was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 22-18-00407-P, <https://rscf.ru/project/22-18-00407/> at Smolensk State University

^ Рис. 1. Восприятие улицы наблюдателем

^ v Рис. 2. Аэрофотоснимок Рима (вверху) и репродукция картины Джексона Поллока «№ 5, 1948» (внизу)

формирования городской колористики и определяется ее материальная основа.

Однако гораздо большее значение в современных условиях приобретают два других уровня (мезо- и макро-), которые позволяют перейти от анализа отдельных городских объектов к изучению всей городской ткани в целом и построить две проекции восприятия цвета города в пространстве: вертикальную (с уровня глаз, с позиции человека, который непосредственно находится внутри ландшафта) и горизонтальную (сверху, с высоты птичьего полета, как на фотопланах и космических снимках).

Традиционная для повседневного восприятия вертикальная проекция выстраивается с помощью полевой фотосъемки и методологии этнографических полевых исследований, сформировавшейся в результате «мобильного поворота» современной городской культуры, для того чтобы исследовать феномены и практики, которые появляются в движении. Наблюдатель картографирует хроматические характеристики города, естественным образом перемещаясь в пространстве (рис. 1).

В дополнение к этому проводится пространственный анализ, получивший стимул к быстрому развитию с появлением геоинформационных технологий и дистанционного зондирования. В соответствии с традициями ландшафтной экологии и матричной концепции, предложенной в работах Ричарда Т. Т. Формана, ландшафт рассматривается как пространственно и хроматически неоднородная горизонтальная поверхность, отдаленно напоминающая произведение абстрактной живописи (рис. 2). Двухмерное представление ландшафта города с определенной высоты позволяет лучше понять его пространственный рисунок, определить состав и композицию составляющих его элементов, выделить края и границы.

Поскольку с развитием современных технических средств фото- и видеосъемки визуальный образ города все чаще воспринимается и транслируется с высоты птичьего полета, большое внимание уделяется также исследованию колористики «пятых фасадов» и анализу пространственной вариативности их хроматических характеристик – определению специфики доминирующих оттенков, преобладающих хроматических размерностей (тона, насыщенности, яркости), степени цветового разнообразия и гармоничности [1].

В сочетании с анализом хроматических свойств города на микро- и мезоуровне изменение масштаба и принципа наблюдения дает более глубокое понимание пространства и, как следствие, позволяет предложить более эффективное и успешное цветовое решение.

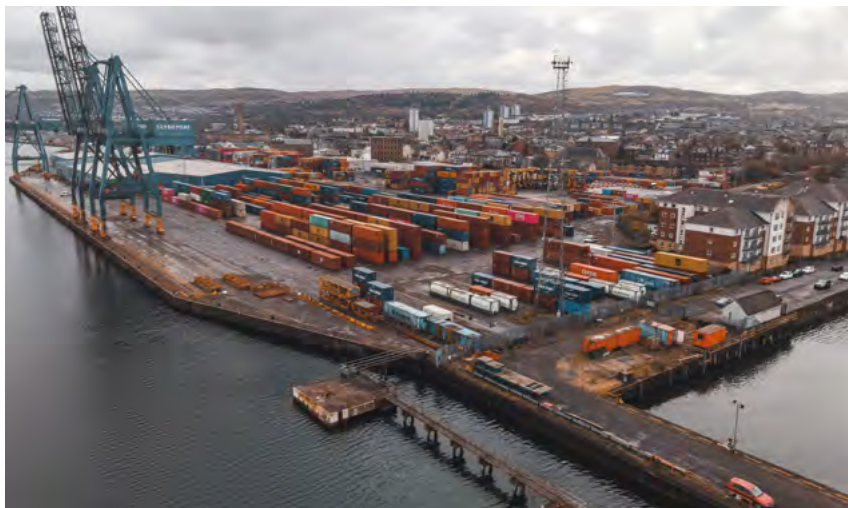

Рис. 3. Эрозия локального цвета вдоль водных объектов и транспортной инфраструктуры

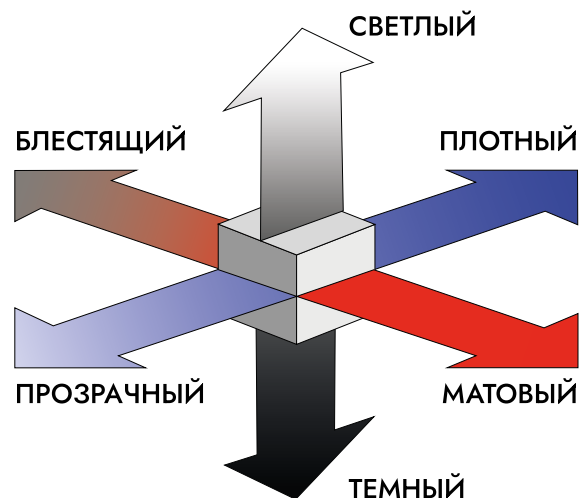

Рис. 4. Расширение традиционных хроматических характеристик цвета. Рисунок Владимира Устименко на основе схемы Луиса Кайвано

Факторы риска

Оценка текущего состояния хроматического ландшафта города позволяет определить наиболее существенные для сохранения локальной цветовой идентичности факторы риска: экономические, политические, экологические.

В качестве одного из главных факторов отмечается усложнение структуры современной цветовой коммуникации, в первую очередь связанное с тем, что в современном городском пространстве цвет в качестве важной составляющей научного дизайна (англ. evidence based design) выполняет множество несвойственных ему ранее утилитарных функций. Ахроматические и светлые оттенки с низкой насыщенностью используются для продвижения зеленой экономики, повышения визуального, эмоционального и физического (в частности, термального) комфорта (см. обзор исследований в [6]).

Наоборот, для привлечения туристов и инвестиций в городскую колористику внедряются яркие, интенсивные цвета, выбор которых основан на принципах брендинга и коммерциализации территорий. Такая стратегия, появившаяся под влиянием стремительного развития социальных медиа (соцсетей, блогов, форумов и других интерактивных интернет-платформ) и встроенных в телефон цифровых камер, позволяющих пользователям быстро публиковать собственный цветной фото- и видеоконтент, используется для производства уникального, интересного, быстро запоминающегося и легко узнаваемого образа территории, который способен стать «вирусным» [3]. Оттенки с высокой насыщенностью служат также для разработки удобной и понятной навигации, в подавляющем большинстве случаев социально мотивированной.

В результате этих и других обусловленных глобализацией процессов в городской колористике распространяются так называемые новые цвета [3], которые не подчиняются хорошо известным принципам географии цвета и по своим хроматическим характеристикам отличаются от привычных. Массовое производство цветных материалов и «тиражирование» успешных архитектурных и градостроительных проектов делает использование цвета в городском дизайне достаточно стандартизированным и единообразным в совершенно разных с точки зрения

климата и культуры регионах мира. Это негативно влияет на аутентичность и гармоничность цветовой палитры, наиболее существенно – в центрах городов и метрополий, индустриальных районах, вдоль водных объектов и транспортной инфраструктуры [10] (рис. 3).

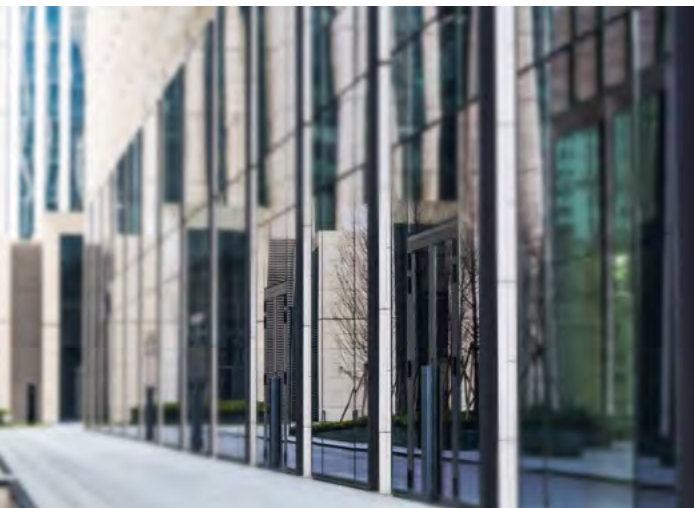
Экономически развитые города, как правило, страдают больше: они приобретают все более сложную и запутанную цветовую структуру, которая практически полностью утрачивает связь с локальной цветовой культурой [1]. Дополнительным фактором риска для них является экологический. Исследования показывают, что поверхность земли и водоемов в высокоурбанизированных городах со временем приобретает более темный по сравнению с менее урбанизированными общий цвет (подробнее см. [7]). Это связано с тем, что здесь в большей степени накапливаются темные синтетические волокна, преимущественно черные микропластики, которые влияют на отражательные свойства поверхностей. С ростом степени урбанизации уменьшается биофильное цветовое разнообразие. Яркость воспринимаемых оттенков снижается из-за содержащихся в воздухе примесей и пыли. И даже оперение голубей под воздействием более темных городских цветов в условиях высокой урбанизации становится более темным, демонстрируя усиление меланизма.

Теоретическая база современных проектов

Базой для интерпретации полученных данных, выработки ключевых положений и наглядного представления предлагаемых цветовых планов служит система теоретических положений, сформировавшаяся в рамках теорий цветового ландшафта М. Ланкастера, многомерного цвета Л. Свирнофф, географии цвета Ж.-Ф. Ланкло, теории реставрации Ч. Бранди. В соответствии с этой концептуальной основой особым образом понимается структура локального цвета и его физическая природа.

Объемный цвет

Принципиально важной становится идея о том, что цвет города в физической реальности имеет пространственное существование. Он представляет собой не характеристику плоской поверхности (как в живописи), а объемную трехмерную структуру, которую нельзя рассматривать отдельно от формы. Соответственно, локальный цвет,

^ Рис. 5. «Прозрачные» (слева) и ахроматические (справа) цвета мегаполиса

тоже понимаемый как пространственный, представляет собой не просто набор определенных хроматических характеристик, а специфический рисунок, своеобразный узор – уникальный результат сочетания красок, границ и теней. Подобно шкуре животного, оперению птиц или крыльям бабочек, идентичность города формируется не просто цветом, а определенной периодичностью в структуре, размерами и геометрией расположенных рядом объемных цветовых элементов. Распределение цвета в пространстве определяет дополнительные хроматические свойства.

В результате переноса поиска локального цвета из плоскости в пространство определяющим моментом при разработке цветовых планов, направленных на укрепление духа места, его *genius loci*, становится анализ структурной специфики городского ландшафта. В основе этого подхода лежит идея о том, что восприятие цвета города в разных масштабах (от города в целом до городских кварталов, улиц, зданий и отдельных деталей) должно быть организовано в соответствии с определенными принципами, которые дают наблюдателю возможность легко упорядочивать разрозненные части и группировать их в единое целое.

Одним из базовых принципов подобного рода является разделение переднего и заднего плана, определение фигуры и фона [5]. Важный для достоверной реконструкции исторической локальной колористики, этот принцип позволяет с помощью сочетания цвета и формы обозначить логические отношения внутри архитектурной среды и тем самым подчеркнуть неповторимую пространственную идентичность городов с похожей цветовой палитрой. Эта проблема напрямую касается стремительно растущих городов Юго-Восточной Азии и Китая, которые сформировались практически в одно и то же время и без учета пространственной композиции должны, по сути, иметь совершенно одинаковый цветовой план [8].

«Свето-цвет»: световая идентичность места

«Трехмерное» понимание локального цвета, большой вклад в обсуждение которого вносят работы Луис Свирнофф (см., например, [12]), предполагает, что он непосредственно взаимосвязан со светом, представляет собой своего рода «свето-цвет» – феномен, о котором

еще в двадцатые годы прошлого века размышлял один из основоположников и лидеров конструктивизма Моисей Гинзбург. Восприятие хроматического ландшафта города напрямую зависит от локальных особенностей пространственного распределения света, который падает на объекты и вызывает ощущения прозрачности, плотности, блеска, матовости, зеркальности и других аналогичных свойств поверхности (все эти напрямую не связанные с цветом свойства в современных исследованиях обозначают термином «сесия» (англ. *cesia*)) [13]. Расширение традиционных хроматических характеристик в этом направлении делает обсуждение локального цвета более объемным, поскольку предполагает включение в анализ еще двух измерений, которые формируются в результате пространственного распределения света (прозрачный vs плотный, блестящий vs матовый) (рис. 4). Каждое свойство имеет широкий диапазон градаций вдоль осей: восприятие цвета меняется в зависимости от разной степени прозрачности, блеска, рассеяния или матовости. Между осями формируются гибридные ощущения, также влияющие на восприятие хроматических характеристик.

Особое место в проектах поиска локальной специфики цвета города отводится и анализу световой идентичности места. Этот активно развивающийся в современных исследованиях локальной цветовой культуры термин непосредственно связан с наполняющими культурные ландшафты ахроматическими, нейтральными оттенками, прежде всего – белым. Исследования показывают, что на первый взгляд совершенно нейтральный белый цвет в архитектуре обладает удивительной динамичностью и топической уникальностью. Взаимодействуя с естественным светом, природными и искусственными оттенками окружающей среды, геометрической структурой и материалом фасадов, окон и других архитектурных элементов, этот цвет превращается из белого в характерный локальный. С точки зрения психологии восприятия, белая поверхность особым образом отражает, преломляет и рассеивает естественный свет и в результате приобретает узнаваемую яркость и наполненность хроматическими нюансами. Все эти качества делают ахроматический цвет удобным инструментом

^ Рис. 6. Цветение
жакаранды в Буэнос-
Айресе (Аргентина)

в стратегиях проектирования и консервации локальной цветовой палитры, направленных на создание устойчивых, адаптивных пространств в гармонии с окружающим ландшафтом и культурным контекстом (рис. 5). Световая идентичность оказывается также напрямую связанной с не визуальными свойствами цвета, влияющими на визуальный комфорт и циркадные ритмы.

Структура локального цвета: бесконечный список и ризом

По-прежнему актуальной остается идея о том, что каждый город потенциально имеет узнаваемый цветовой образ, специфическое «цветовое звучание», которое складывается под влиянием географических, исторических и культурных факторов. Этот образ в первую очередь образуют фасады зданий и технические сооружения (мосты, эстакады), неподвижные природные объекты: земля, растительный покров (деревья, трава), формы рельефа (холмы, горы), которые тоже рассматриваются как элемент управления (см., например, [5]) (рис. 6). Важную роль играют и особые цвета атмосферы (прежде всего – неба и воздуха) и меняющейся от сезона к сезону природы, а также скопления людей и машин, которые в определенные периоды «соприсутствуют в пространстве», составляя специфический дух места, закрепленный в коллективной памяти.

Вместе с тем происходит пересмотр того, что именно считать характерным цветом места (лат. *color loci* – цвет места) [14]. Теперь это уже не просто сложившаяся палитра оттенков, которые традиционно укладывались в понятие географии цвета. Скорее это целые хроматические размерности: определенная характерная для региона светлота, насыщенность, повторяющиеся тона и формирующие визуальное восприятие цвета в пространстве нехроматические свойства материальных поверхностей (специфическая матовость, прозрачность, рассеяние). Например, напоминающий монохромные рисунки тушью на рисовой бумаге «чернильный» цвет водных городов исторической области Цзяннань в Китае создается сотнями традиционных для них серых оттенков каменных арок мостов, белых стен и темных черепичных крыш построек и их отражений в воде. Аналогично небесно-голубой цвет города Шавен (Шефшауэн) в Марокко, который на протяжении столетий формируется и поддерживается на основе связанной с легендами и верованиями культурной традиции, тоже объединяет разные по качеству плотные синие и голубые оттенки, которые вместе образуют размытое множество.

С точки зрения структуры локальные цвета не образуют систему. Если собрать вместе отдельные элементы локального цвета, получится особый тип списка, который Умберто Эко в книге «Бесконечность списков» называет

«списком et cetera» (и так далее). Этот тип списка обычно не дает возможности понять, где проходят границы того, что мы описываем. Неясно также, сколько всего элементов, но видно, что их количество, если не бесконечно, то по крайней мере астрономически велико. Более того, отдельные составляющие локальный цвет элементы связаны между собой нелинейно, через свои свойства. Они скорее представляют собой ризому и, как правило, не имеют выраженного центра и структуры, начала и конца.

Подвижность цвета

Важной в поиске локальной идентичности является идея о том, что градостроитель работает на трехмерном холсте огромных размеров, используя материал, который находится в непрерывном процессе роста и распада. Цвет, который играет важную роль в формировании городской среды и служит ярким выражением культуры ее жителей, в современном городе представляет собой живую, текучую структуру. Он обладает особой подвижностью, связанной с растущим разнообразием и миграцией населения. Оставаясь в определенных рамках, он постоянно развивается и наполняется новыми культурными смыслами. Принципиально по-новому – в условиях урбанизации и глобализации, которые размывают контуры локального цвета, меняют сложность и гармоничность привычной городской колористики.

В такой ситуации городской идентичности способствует цветное зонирование, которое позволяет разделить городские территории на визуальные зоны, тем самым сохраняя локальный характер и повышая визуальную целостность, «опознаваемость» и «вообразимость» города. В проектах такого рода, успешно реализованных в Сингапуре [11], крупных городах Китая [9] и Южной Кореи [7], предлагается морфогенетический подход к городскому дизайну как к непрерывному адаптивному процессу, способному найти баланс между инертностью городской ткани и неизбежной социальной эволюцией. Основанное на положениях социокультурной экологии и социальной теории архитектуры (см. обзор исследований в [2]), зонирование позволяет гибко адаптировать локальную колористику мегаполисов и быстро растущих городов к состоянию современного общества, учитывая этническую специфику нынешнего населения, его вкусы и культурные привычки.

Концепция устойчивого цвета: понятный цвет

Особое место в современных проектах по поиску локальной цветовой культуры занимает обсуждение новой концепции устойчивого цвета, в которой «устойчивость» понимается не только как результат более стабильных и надежных технологий окрашивания различных поверхностей, но (и это качество как раз является определяющим) и как перцептивный и символический атрибут самого цвета.

Объединяя идеи химии, физики и психологии цвета, этот термин, который все чаще встречается в исследованиях цвета, позиционирует его как нечто большее, чем просто качество поверхности. Он обозначает цветовые палитры, которые воспринимаются как позитивно заряженные, вызывают ощущение гармонии с окружающей средой, характеризуются низкой визуальной стимуляцией, связаны с природной эстетикой (подробнее см. [2]). Понимаемый таким образом устойчивый цвет становится в современном дизайне важным средством выражения экологической ответственности, создания эмоционального резонанса между пользователем и пространством. Он используется в качестве инструмента достижения баланса между функциональностью, комфортом и эстетикой.

Концепция устойчивого цвета предполагает, что колористика должна быть понятной и близкой зрителям. Для этого нужно выстроить соответствующий нарратив,

рассказать, что именно зритель видит и как ему нужно воспринимать увиденное.

Подобно запахам, непонятные цвета могут пугать и отталкивать. Представьте себе, что вы входите в пространство, в котором странно пахнет козьей шерстью, молоком, смолой и еще чем-то, что вы совершенно не можете распознать. Сначала этот запах кажется неприятным. Но тут вы видите кожаное кресло и понимаете, что источник этого запаха именно оно. Это понимание совершенно все меняет. Теперь запах кажется изысканным и даже начинает нравиться.

Примерно то же самое происходит и с цветом. Как правило, нам нравятся цвета, которые мы понимаем. И чтобы это произошло, нужна серьезная работа по продвижению и обсуждению стратегии цветового проекта и его ключевых принципов, не только визуальных, но и (что гораздо важнее) духовных (подробнее см. [2]).

Заключение

Проведенный анализ практических кейсов показывает, что проблема сохранения местного колорита приобретает многогранность в современном городском пространстве. Цветовые решения, предложенные для различных городов Европы, Азии и Америки, имеют выраженную специфику, связанную со сложившимися культурными традициями, структурой поселений, плотностью застройки, темпами роста городских территорий и численности населения, состоянием инфраструктуры и интенсивностью социальных связей.

Тем не менее все успешные проекты имеют схожую теоретическую и методологическую основу, которая задает особенный ракурс понимания структуры и физической природы локального цвета. Локальный колорит рассматривается в них как свойство социально-пространственной системы. С физической точки зрения он понимается как объемная категория, которая непосредственно связана с формой и светом, а с культурно-антропологической – как важный медиатор между материальной средой и коллективной памятью.

Осознание непрерывности изменений локального колорита, его неоднородности и особой связи с материальностью имеет важные последствия для современного градостроительства и развития теории хроматического ландшафта. В конечном счете локальный цвет понимается не как фиксированная палитра, а как живой культурный процесс. Он рассматривается как подвижная, эволюционирующая категория, сохранение которой предполагает постоянный диалог между научным анализом и художественной интуицией.

Литература

- Liu, Y., Ye, R., Jing, W., Yin, X., Sun, J., Yang, Q., Hou, Z., Hu, H., Shu, S., Yang, J. Perceiving fifth facade colors in China's coastal cities from a remote sensing perspective: a new understanding of urban image // *Remote Sensing*. – 2025. – № 17 (12). – Article № 2075.
- Badami, A. A. Management of the image of the city in urban planning: experimental methodologies in the colour plan of the Egadi Islands // *Urban Design International*. – 2025. – № 30. – P. 21–36.
- Yu, B. Understanding new colors in urban environments: deciphering colors as semiotic resources // *Color Research & Application*. – 2023. – № 48 (5). – P. 567–577.
- Llopis, J., Torres, A., Serra, J., García, Á. The preservation of the chromatic image of historical cities as a cultural value. The old city of Valencia (Spain) // *Journal of Cultural Heritage*. – 2015. – № 16 (5). – P. 611–622.
- Asarzadeh, K., Ghazanfari, P., Gholinejad Pirbazari, A. Recovering figure-ground perception in Tehran's color plan // *Color Research & Application*. – 2020. – № 45(6). – P. 1179–1189.
- Gasparini, K. Urban color plan: the case study of the Ledro Valley (Italy) // *Color Research & Application*. – 2024. – № 49 (6). – P. 618–634.
- Yu, H., Liu, R., Kumar, R., Singh, S., Kumar, R. Urban color in public design: a review of spatial aesthetics and behavioral impact in Chinese

and South Korean cities using structural equation modelling approaches // *Frontiers in Psychology*. – 2026. – № 17. – Article № 1692740.

- Gou, A. P. Method of urban color plan based on spatial configuration // *Color Research & Application*. – 2013. – № 38 (1). – P. 65–72.
- Xing, Z., Guo, W. Addressing cities' color issues and planning urban colors with regional features to preserve the history and culture of cities: the case of Suzhou, Wuxi, and Changzhou (China) // *Journal of Asian Architecture and Building Engineering*. – 2025. – № 24 (5). – P. 4504–4516.
- Chen, N., Xu, X., Tan, M., Wang, X. A spatial analysis of urban color harmony in five global metropolises // *Journal of Resources and Ecology*. – 2022. – № 13 (2). – P. 238–246.
- Xue, X., Tian, Z., Yang, Y., Wang, J., Cao, S.-J. Sustaining the local color of a global city // *Nature Cities*. – 2025. – № 2. – P. 400–412.
- Swirloff, L. *Dimensional Color*. – New York: W. W. Norton & Company, 2003. – 176 p.
- Грибер, Ю. Цвет, удобный для жизни // *Проект Байкал*. – 2021. – Т. 18, № 67. – С. 82–87.
- Boeri, C. Color loci placemaking: the urban color between needs of continuity and renewal // *Color Research & Application*. – 2017. – № 42 (5). – P. 641–649.

References

- Asarzadeh, K., Ghazanfari, P., & Gholinejad Pirbazari, A. (2020). Recovering figure-ground perception in Tehran's color plan. *Color Research & Application*, 45(6), 1179–1189. <https://doi.org/10.1002/col.22542>
- Badami, A. A. (2025). Management of the image of the city in urban planning: experimental methodologies in the colour plan of the Egadi Islands. *Urban Design International*, 30, 21–36. <https://doi.org/10.1057/s41289-022-00200-1>
- Boeri, C. (2017). Color loci placemaking: the urban color between needs of continuity and renewal. *Color Research & Application*, 42(5), 641–649. <https://doi.org/10.1002/col.22128>
- Chen, N., Xu, X., Tan, M., & Wang, X. (2022). A spatial analysis of urban color harmony in five global metropolises. *Journal of Resources and Ecology*, 13(2): 238–246. <https://doi.org/10.5814/j.issn.1674-764x.2022.02.007>
- Gasparini, K. (2024). Urban color plan: the case study of the Ledro Valley (Italy). *Color Research & Application*, 49(6), 618–634. <https://doi.org/10.1002/col.22947>
- Gou, A. P. (2013). Method of urban color plan based on spatial configuration. *Color Research & Application*, 38(1), 65–72. <https://doi.org/10.1002/col.20728>
- Griber, Y. A. (2021). A livable colour. *Project Baikal*, 18(67), 82–87. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.67.1759>
- Liu, Y., Ye, R., Jing, W., Yin, X., Sun, J., Yang, Q., Hou, Z., Hu, H., Shu, S., & Yang, J. (2025). Perceiving fifth facade colors in China's coastal cities from a remote sensing perspective: a new understanding of urban image. *Remote Sensing*, 17(12), 2075. <https://doi.org/10.3390/rs17122075>
- Llopis, J., Torres, A., Serra, J., & García, Á. (2015). The preservation of the chromatic image of historical cities as a cultural value. The old city of Valencia (Spain). *Journal of Cultural Heritage*, 16(5), 611–622. <https://doi.org/10.1016/j.culher.2015.01.005>
- Swirloff, L. (2003). *Dimensional Color*. New York: W. W. Norton & Company.
- Xing, Z., & Guo, W. (2025). Addressing cities' color issues and planning urban colors with regional features to preserve the history and culture of cities: the case of Suzhou, Wuxi, and Changzhou (China). *Journal of Asian Architecture and Building Engineering*, 24(5), 4504–4516. <https://doi.org/10.1080/13467581.2024.2399686>
- Xue, X., Tian, Z., Yang, Y., Wang, J., & Cao, S.-J. (2025). Sustaining the local color of a global city. *Nature Cities*, 2, 400–412. <https://doi.org/10.1038/s44284-025-00225-x>
- Yu, B. (2023). Understanding new colors in urban environments: deciphering colors as semiotic resources. *Color Research & Application*, 48(5), 567–577. <https://doi.org/10.1002/col.22871>
- Yu, H., Liu, R., Kumar, R., Singh, S., & Kumar, R. (2026). Urban color in public design: a review of spatial aesthetics and behavioral impact in Chinese and South Korean cities using structural equation modelling approaches. *Frontiers in Psychology*, 17, 1692740. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2026.1692740>

text

Ирина СавченкоИнститут государства
и права РАН (Москва)

text

Irina SavchenkoInstitute of State and Law
of the Russian Academy of
Sciences (Moscow)

В развитии Российского государства-цивилизации локальные культуры традиционно – в области права, литературы, в обществе в целом – идентифицировались и получали осмысление в этнорелигиозном контексте. Сегодня эта тенденция сохраняется и наглядно проявляет себя в градостроительных практиках. В этих практиках тенденция обретает особую иллюстративность и убедительность при создании и восприятии культовых сооружений, презентующих в архитектуре современного города локальные культуры, которые нередко – посредством реализации творческого и эстетического потенциала – преодолевают барьеры локальности.

Ключевые слова: государство-цивилизация; право и закон; архитектура города; культурная политика; этноконфессиональная динамика. /

In the development of the Russian civilization state, local cultures have traditionally been identified and interpreted in an ethno-religious context – in the field of law, literature, and society as a whole. Today, this trend continues and is clearly evident in urban planning practices. In these practices, the trend becomes particularly illustrative and convincing when creating and perceiving religious buildings that present local cultures in the architecture of a modern city. Such cultures often overcome the barriers of locality through the realization of their creative and aesthetic potential.

Keywords: local cultures; civilization state; urban architecture; cultural policy; ethno-confessional dynamics.

Правовая и градостроительная динамика локальных культур в России / Legal and urban planning dynamics of local cultures in Russia

Статья подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России» (Соглашение с Министерством науки и высшего образования РФ о предоставлении из федерального бюджета гранта на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технического развития от 12 июля 2024 г. № 75-15-2024-639)

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the scientific project (grant) "Creation of the Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application for the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia" (Agreement with the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation on the provision of a grant from the federal budget for major research projects on priority directions of scientific and technical development dated July 12, 2024, No. 075-15-2024-639)

Введение

Рефлексия роли и места локальных культур в развитии российского государства-цивилизации [1] делает возможным формирование целостной картины социально-исторического развития России [2]. И в данной статье делается шаг в этом направлении. В контексте теории цивилизационного развития нам необходимо иметь в виду два обстоятельства.

Во-первых, цивилизация всегда культурно-гетерогенна. Переставая быть таковым, государство становится нацией-государством, стремясь к культурной гомогенности. Однако любая гомогенность препятствует развитию, поскольку сложность и разнородность являются главным условием эволюции и того, что в теории систем принято называть «нелинейной динамикой» [3]. Во-вторых, ядром цивилизации являются города. Об этом свидетельствует и происхождение слова. В европейских языках – от латинского *civitas*, что значит «город». Или, например, в турецкой научной литературе цивилизацию обозначают словом *medeniyet*, некогда заимствованным османами из трудов арабского философа XIV–XV веков Ибн Хальдуна и этимологически связанным с понятием «город» [4]. И даже отвлечись от деталей словарного генезиса, несложно понять, что без Мемфиса, Карфагена, Рима, Константинополя, а также Теночтитлана или Куско не было бы и великих цивилизаций. И об этих цивилизациях мы узнаем во многом через архитектурные артефакты, коими являются в первую очередь фрагменты культовых сооружений древних городов.

В данной статье будет показано, что в России на протяжении столетий динамика локальных культур в контексте цивилизационного развития государства, как правило, рассматривалась (и продолжает рассматриваться) в этноконфессиональном ключе – в научно-исследовательском, нормативно-правовом, литературно-художественном и в обыденном дискурсах. Такую ситуацию не стоит рассматривать в категориях правильного и неправильного; она скорее является имманентной составляющей того, что принято называть цивилизационным кодом. В наши дни этноконфессиональные контексты локальных культур в пространствах современных городов ярко проявляются в архитектурных практиках.

Аспекты культурной идентификации в философии, праве и поэзии

Понятие «культура» в российском научном дискурсе появилось благодаря академику Д. М. Велланскому в 1836 году [5, с. 293], который, однако, употреблял понятие лишь в одном из известных нам сегодня смыслов, противопоставляя его «натуре» (природе). И даже в этом значении в России долгие годы термин «культура» воспринимался как инородный, иностранный; вместо него использовались более понятные слова, которые можно было противопоставить «натуре»: «образованность», «просвещение», «разум», «воспитанность» (см.: История слова «культура» // Библиотека «Культурология». URL: <https://culturolog.ru/content/view/2028/>).

Использовать термин во множественном числе – «культуры» – примерно в одно время с Ф. Боасом, общепризнанным родоначальником культурного релятивизма, стали представители русского космизма П. А. Флоренский и Н. А. Бердяев. Сегодня все мы уверены, что слово *cultura* происходит от латинского *colere* – «профессионально возделывать почву». Эта точка зрения, вероятно мигрировавшая из Европы, была зафиксирована уже в «Карманном словаре иностранных слов», изданном Н. Кирилловым в 1845 году, на что, в частности, указывает Р. А. Будагов в книге «История слов в истории общества» (1971). Между тем представители русского космизма были убеждены, что понятие производно от слова «культ» (религиозный), и аргументировали свое мнение тем, что ни одна культура в мире не возникла вне религии: «Так, большинство культур, сообразно своей этимологии (*cultura* есть то, что имеет развиваться из *cultus*), было именно прорастанием зерна религии, горчичным деревом, разросшимся из семени веры» [6, с. 172]. Такой подход объясняет отчасти, почему, например, в русском дореволюционном социально-правовом дискурсе принадлежность к локальной культуре приравнивалась к вероисповеданию. Это, в частности, отражалось в паспортах.

В русском дореволюционном обыденном дискурсе отнесенность к локальной культуре также сводилась прежде всего к религиозной принадлежности. Указания на этнокультурную принадлежность если и встречались, то были неточными и/или поверхностными: «немец» –

применительно чуть ли не ко всем неправославным христианам, «татарин» – по отношению к людям нехристианской веры, в первую очередь к исповедующим ислам. Именно по такому принципу татарами называли коренных жителей Крыма (крымских татар) и горцев Северного Кавказа.

В среде русской интеллектуальной элиты были, вероятно, точные представления о локальных культурах Российской империи, однако и здесь были нюансы. Кейс «кавказского пленника» может быть достаточно показателен применительно к обозначению представителей локальных культур в среде русских интеллектуалов XIX века. Так, в русской литературе произведения с названием «Кавказский пленник» принадлежат трем разным авторам: А. С. Пушкину, М. Ю. Лермонтову и Л. Н. Толстому. Пушкин в этом произведении упоминает черкесов и чеченцев, Лермонтов – черкесов, а Толстой – татар. Именно так Лев Толстой называл северокавказских горцев, к которым Жилин и Костылин попадают в плен.

Лермонтов, который служил на Кавказе дважды, с перерывами, в 1838-м и 1840–1841 годах, хорошо ориентировался в этнокультурной картине региона. В его произведениях упоминаются черкесы («Черкесы», «Кавказский пленник», «Каллы», «Измаил-Бей», «Аул Бастунджи», «Хаджи Абрек», «Беглец», «Кинжал», «Дары Терека»), чеченцы («Колыбельная», «Герой нашего времени»), осетины («Демон», «Спор») и лезгины («Дары Терека», «Измаил-Бей»).

Пушкин бывал на Кавказе дважды, но сравнительно недолго (в 1820 и 1830 годах). В пушкинском «Кавказском пленнике» упоминаются черкесы и чеченцы, в других его стихотворениях есть указания на финнов, тунгусов и калмыков («Памятник»), цыган и армян («Черная шаль»).

Что касается Л. Толстого, нет оснований подозревать его в «социокультурной неосведомленности». Более того, из всех трех литераторов именно Толстой дольше пробыл на Кавказе – с мая 1851 по январь 1854 года. «Этническое упрощение», по-видимому, объяснялось тем, что Толстой таким образом демонстрировал близость к народу и «говорил на понятном языке»: ведь для среднего жителя Российской империи «татарин» – это прежде всего «неверный», мусульманин.

В течение первых 15 лет существования СССР его граждане обходились без внутренних паспортов, которые начали выдавать (всем, кроме колхозников) только в 1932 году. В паспортах «вероисповедание» сменилось «национальностью» – графой, которая формировалась с опорой на «Перечень народностей для разработки материалов Всесоюзной переписи населения 1926 г.» (см.: Бюллетень «Население и общество». № 267–268. 27 ноября – 10 декабря 2006. С. 106).

В переписи (и впоследствии в паспортах) фигурировали 188 народностей. Сопоставление результатов переписи и дальнейшего государственно-территориального планирования показывает, насколько культурная политика является важной для развития этнокультурной идентичности и в целом для динамики локальных культур. Так, в п. 190 («народность не указана или указана неточно») фигурировали тавлинцы, кряшены, тептяри, уйгуры, ойраты, хакасы. И именно государственно-правовая политика во многом определила дальнейший путь их этнического самоопределения. Если в современных официальных источниках и научной литературе, например, тавлинцы и тептяри уже не фигурируют в качестве этнических групп и/или локальных культур, то для хакаского этнического самосознания решающую роль сыграло образование в 1930 году Хакаской автономной области (в составе Красноярского края), население которой в 1939 году было 132533, а в 1989-м – уже 568605 чел. (см.: Итоги переписей: statmuseum.ru/ru/results/1939/; statmuseum.ru/ru/results/1989/).

При проведении переписи 1926, а также 1937 (была признана «вредительской») и 1939 годов как переписчики, так и респонденты нередко испытывали значительные сложности. Многие народности (ассирийцы, сарты) в переписном перечне не фигурировали, поэтому их представителей чаще обозначали принадлежащими к этническому большинству той или иной местности. Так, например, ассирийцы становились грузинами или азербайджанцами, а сарты – узбеками или киргизами. Однако главной причиной сложностей в (само)определении национальной принадлежности была «привычка» многих граждан Советского Союза по-прежнему идентифицировать себя в первую очередь по линии вероисповедания и не рефлексировать по поводу своей этнической принадлежности.

Конечно, XX и XXI века – причем в масштабах всего мира – внесли свои «коррективы» в формирование идентичностей представителей локальных культур. Секуляризация, модернизация, индустриализация, урбанизация и бесконечные миграции способствовали формированию некоего универсального социокультурного образца или того, что с легкой руки Г. Алмонда и С. Вербы уже более 60 лет принято называть гражданской культурой. И здесь уместно говорить уже о другой, чрезвычайно животрепещущей проблеме – сохранения культурного многообразия во всем мире и в каждом отдельном регионе.

Фокус же настоящей статьи сосредоточен на вопросах культурной идентификации и самопрезентации локальных культур. А эти процессы и сегодня не утрачивают своей связи с религиозными культами, которым традиционно следуют представители тех и или иных локальных культур. Не случайно (уже в современной литературе) прочно закрепился термин «этноконфессиональный». Однако чтобы усилить данный тезис, нам необходимо снова окунуться в историю.

Культурная политика как дихотомный феномен

В Российской империи политика государства в отношении локальных культур имела две важнейшие черты. Во-первых, как мы уже указывали, она практически полностью определялась религиозными параметрами. Во-вторых, демонстрировала неодинаковое отношение к разным этнокультурным общностям. Так, черта оседлости, просуществовавшая без малого 250 лет, распространялась исключительно на иудеев и не затрагивала евреев, принявших, например, православие [7, с. 215]. При этом, будучи обозначенным в паспорте как лютеранин, ашкенази мог восприниматься широким социумом как «немец».

В целом культурная политика Российской империи поощряла православие и была направлена на этнорелигиозную унификацию [8]. Однако при этом действовали правовые механизмы, которые могли косвенно или прямо влиять на сохранение и развитие (с ограничениями) локальных культур. Так, различные «положения о евреях» (в редакциях 1804, 1835, 1891 годов) вводили множество ограничений, но при этом в какой-то степени регулировали их внутреннюю религиозную жизнь, позволяя существование синагог, раввинов, хедеров (религиозных школ) и кагалов (общинных органов). Будучи дискриминационными, эти акты в какой-то степени гарантировали сохранение иудейской религиозной и общинной структуры.

Правовая вертикаль была выстроена таким образом, что нормативные документы, ориентированные вроде бы на всю страну, чтобы стать легитимными, должны были конкретизироваться дополнительными правовыми, также утверждаемыми монаршей властью актами, действие которых распространялось уже на регионы локализации тех или иных этнических культур. В результате, например, многочисленные законы о веротерпимости начинали действовать в отношении одних локальных

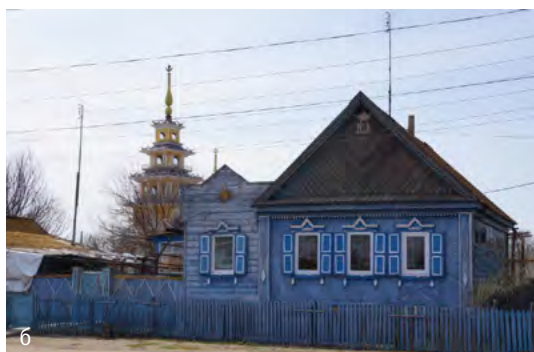

Рис. 1. Хошеутовский хурул: а) хурул в первой четверти XIX века (vetert.ru/rossiya/astrahanskaya-oblast); б, в) отреставрированный Хошеутовский хурул в наши дни. Село Речное Харабалинского района Астраханской области (фото слева – <https://otzovik.com/>, справа – <https://astkraeved.livejournal.com>)

культур и не действовать – в отношении других, например распространялись не на всех мусульман, а только на их часть, не на всех буддистов, а лишь на некоторые буддистские культуры. И здесь мы уже видим обратную закономерность – от религии к этносу, а не наоборот.

Так, Синодский указ от 1773 года «О терпимости всех вероисповеданий» [9, т. 19, № 13996, с. 775–776] в практическом поле реализовал себя в документе 1788 года: императрицей было учреждено Оренбургское магометанское духовное собрание [9, т. 22, № 16672, с. 611]. Повеление императрицы предусматривало создание централизованного органа управления мусульманским духовенством в Верхнем Поволжье и Приуралье. Таким образом, его действие не распространялось, например, на Астраханскую губернию или Крым, присоединенный к Российской империи императорским повелением от 1783 года [9, т. 22, с. 1784–1788].

В научной литературе периодически упоминается еще более ранний документ – ратифицированный императрицей Елизаветой Петровной указ 1741 года о государственном признании буддизма в Российской империи. Профессор Прингстонского университета Н. В. Цыремпиллов указывает, что, несмотря на то что подлинник указа до сих пор не найден, судя по многочисленным свидетельствам, он все же существовал и давал определенные гарантии уважительного отношения к буддистам-ламам [10]. Основной функцией указа было признание бурят-ламаитов, проживавших вблизи восточных границ государства, подданными Российской империи. На калмыков, которые в большинстве своем следуют буддизму тибетской школы Гелуг, указ практически не распространялся. Более поздние указы и положения (например, «Положение о ламайском духовенстве» 1853 года) определяли структуру сангхи, порядок избрания лам, строительство дацанов и по-прежнему были ориентированы преимущественно на государственное регулирование бурятского буддизма («ламайской веры»). При этом, однако, несмотря на подобное положение вещей, именно в Калмыкии в 1814–1817 годах в стиле русского классицизма строится красивейший хурул как мемориальный комплекс в честь погибших в Отечественной войне 1812 года калмыков – по инициативе и на средства

Серебджаба Тюменя, калмыцкого князя и героя войны (рис. 1).

Подобные указы, с одной стороны, давали этноконфессиональным общностям определенные гарантии, но, с другой – устанавливали над ними же контроль. Поэтому то обстоятельство, что различные положения о веротерпимости по-разному проявляли себя в жизни локальных культур, для самобытного развития этих культур также имело неоднозначный, дихотомный эффект.

Манифест Николая II от 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости» [11] действительно имел универсальный для всей России характер и стал важнейшим законодательным актом, значительно расширившим права локальных – неправославных – культур. Манифест отменял многие ограничения, разрешил свободный переход из православия в другие вероисповедания, признавал право на свободное отправление культа для всех неправославных христиан и иноверцев. Манифест провозглашал значительное расширение религиозных свобод, легализацию многих этноконфессиональных объединений, возможность более свободного строительства храмов и ведения религиозной деятельности...

В СССР, как известно, несмотря на провозглашенную Конституцией свободу совести (например, Конституция РСФСР 1918 года, статья 13; Конституция СССР 1936 года, статья 124; Конституция СССР 1977 года, статья 52), государственная политика была направлена на атеизацию и подавление религии. Однако, как и в царской России, культурная политика была избирательной: одни народы переживали драматические периоды своей истории, другие (особенно после Великой Отечественной войны) получали новые возможности развития этнического самосознания, что опять-таки зачастую было связано с легализацией отдельных религиозных культов. Например, в 1946 году началось становление Центрального духовного управления буддистов СССР (вместо упраздненного в конце 1930-х Центрального духовного совета буддистов СССР) с резиденцией в Иволгинском дацане (Бурятская АССР), в то время как до реабилитации и возвращения калмыков на родину и создания Калмыцкой АССР оставалось еще более 10 лет, а до учреждения в Элисте первой буддистской общины – более 40 [12].

< Рис. 2. Буддистский храм в Отрадном, Москва (<https://moscowbuddhatemple.ru>)

< Рис. 3. Соборная мечеть в Глазове (<https://historical-baggage.ru>)

Анализ этноконфессиональной политики в СССР обнаруживает и другие противоречия. Например, уже упоминавшийся «Перечень народностей для разработки материалов Всесоюзной переписи населения 1926 г.» предусматривал юридическое «упразднение» нескольких картвельских этносов — собственно картвелов, аджарцев, мегрелов, лазов и сванов, обозначив их всех как грузин (см.: Бюллетень «Население и общество». № 267–268. 27 ноября – 10 декабря 2006. С. 106). При этом в составе Грузинской ССР была создана Аджарская Автономная Республика с центром в Батуми. Аджария была создана как бы не по этническому (аджарский этнос был упразднен), а по регионально-религиозному признаку. Аджарцы отличались от остальных грузин исключительно вероисповеданием — они были мусульманами. Задачей советской власти было сделать из мусульманской республики полностью атеистическую, однако в результате определенного стечения обстоятельств сегодня большинство аджарцев причисляют себя к Грузинской православной церкви.

После 1991 года многое изменилось — как в политико-правовом контексте, так и в цивилизационном поле межкультурных коммуникаций [13]. Однако тенденция ассоциировать локальные культуры с этнорелигиозными общностями, а социокультурную динамику осмысливать во многом как историю этноконфессиональных взаимодействий [14, с. 257] осталась. И у этого есть причины, проявляющие себя «с поправкой на современность».

Локальные культуры в современных архитектурных ландшафтах

Постараемся ответить на вопрос: как в пространстве современного большого города (или даже небольшого населенного пункта) индивид (или группа) может наглядно обозначить себя как представителя определенной локальной культуры? Может быть, через национальный костюм? Вряд ли это актуально в наши дни, если уже в 1926 году, например, большинство татар-мусульман у соборной мечети Ленинграда были одеты по-европейски (<https://euspr.org/news/>).

В какой-то степени серьезным социокультурным идентификатором остается язык. Однако в городском массовом обществе период лингвистической ассимиля-

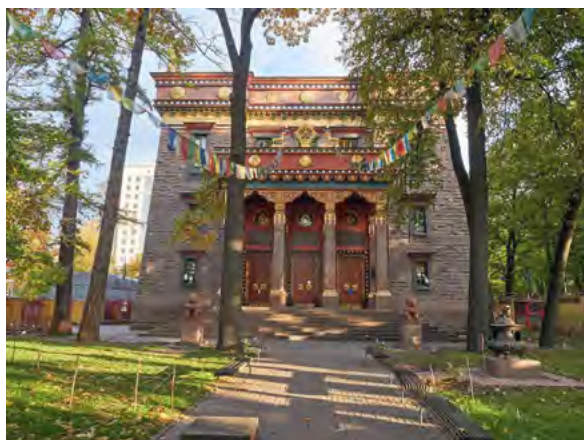
ции становится короче срока жизни одного поколения. Но при этом религиозная сторона развития локальных культур проявляет себя, и в ряде случаев не менее явно, чем сто лет назад.

Пусть в современной Йошкар-Оле мы почти не услышим марийской речи, народ мари возрождает в наши дни языческие культы. И если национальный костюм и входит снова в моду, то благодаря подобным практикам. В то время как идиш и джуури (горско-еврейский язык) становятся менее и менее распространенными, синагоги строятся все активнее. Возводятся, помимо прочих, и специализированные синагоги, предназначенные, например, для горских евреев (<https://moskvichmag.ru/>).

Ауто- и гетероидентификация этнических общностей в этноконфессиональном контексте проявляет себя через культовые сооружения, вписанные в градостроительную палитру городов, для которых эти локальные культуры исторически воспринимались как «иные». Так, мы можем наблюдать, как в архитектурный ансамбль московского Отрадного в 2014 году был интегрирован буддистский храм (рис. 2), а на севере Удмуртии, в центре Глазова, в 2019-м была возведена соборная мечеть (рис. 3).

Закономерно задаться вопросом: как вписываются мечети, синагоги, хурулы, протестантские храмы в ландшафты современных городов, где прихожане этих храмов составляют этноконфессиональное меньшинство? Резонно предположить, что культовые сооружения находятся здесь в изолированном положении по отношению к общему архитектурному ансамблю. Однако действительность свидетельствует об обратном. Соборная мечеть в удмуртском Глазове построена в непосредственной близости к центру города, на набережной, и инкорпорируется в ландшафт небольшого города.

Хошеутовский хурул в Астраханской области после реставрации в 2015 году утратил ряд элементов, включая забор. Сегодня хурул является органичной частью поселка, где за почти 220 лет этноконфессиональная ситуация кардинально изменилась: здесь в настоящее время численно преобладают русские и казахи, а калмыки-буддисты (прихожане хурула), некогда формировавшие местное культурное большинство, составляют 2,5% (рис. 1). Буддистские храмы строились, как правило, в некотором удалении от жилых массивов. В период,

< Рис. 4. Дацан Гунзэчойнэй в Санкт-Петербурге (<https://spbcult.ru>)

v Рис. 5. Большая хоральная синагога в Санкт-Петербурге (<https://78.ru/amp>)

> Рис. 6. Римско-католические храмы Иркутска: а) Польский костел – римско-католический костел Успения Девы Марии (<https://35photo.pro>); б) кафедральный собор Непорочного Сердца Божьей Матери (<https://38irk.online>)

когда воздвигался Хошеутовский хурул, село Речное Харабалинского района Астраханской области в современном виде еще не было выстроено. Русские и казахские домовладения начали «приближаться» к хурулу спустя многие десятилетия.

В российской столице буддистский храм построен в Отрадном – это, действительно, не центр города. Это не противоречит традициям размещения буддистских культовых сооружений. Храм находится вблизи жилого массива, но в некотором удалении от него. Так и знаменитый дацан Гунзэчойнэй в Санкт-Петербурге (освящен в 1915 году, в 1990-м отреставрирован и открыт повторно) (рис. 4), являющий одним из ярких образцов архитектуры модерна, расположен в районе метро «Старая Деревня», примерно в семи километрах от центра города.

Иная концепция – в размещении синагог. Их чаще можно видеть в центре больших городов. Например, в Санкт-Петербурге Большая хоральная синагога находится на Лермонтовском проспекте (рис. 5) и, в отличие от других храмовых сооружений, построенных до 1917 года и упоминаемых в этой статье, закрывалась лишь однажды – в 1930-м на полгода.

Культовые сооружения неправославных христианских конфессий занимают важное место в городских ландшафтах. Так, в Иркутске (как и в Москве) – два католических храма (рис. 6). Польский костел, расположенный в центре города, построенный в 1881 году в неоготическом стиле и восстановленный в середине 1970-х, ныне находится в юрисдикции Иркутской филармонии, оставаясь с 1991 года и по сей день местом ежедневных богослужений. Новый кафедральный собор, построенный в 2000 году в конструктивистском стиле (находится в юрисдикции Местной Римско-католической религиозной организации), расположен в районе иркутского Студгородка и окружен общежитиями госуниверситета и политеха. Оба храма играют существенную роль в культурной жизни города.

Англиканская (единственная в Москве) церковь имени Св. Андрея Первозванного (рис. 7) была построена в 1884 году в стиле викторианской неоготики. После долгого перерыва и реставрации (с 1990 года) в ней ведутся регулярные службы на английском языке. Церковь находится в семи минутах ходьбы от метро «Тверская».

Невысокий забор не изолирует церковь от внешнего мира, но выполняет важную функцию: прихожанин или посетитель концерта (таковые проводятся здесь регулярно) может оставить на территории храма личный автомобиль.

Примечательно, что действующие христианские неправославные храмы активно выполняют роль творческих площадок. Это относится и к московской церкви Святого Андрея, и к обоим иркутским католическим храмам, и ко многим другим. Как правило, в таких культовых сооружениях великолепная акустика – не случайно в здании церкви Святого Андрея с 1960 по 1990 год размещалась студия грамзаписи фирмы «Мелодия», где многие советские певцы и музыканты записывали свои композиции. Сегодня здесь звучат орган, клavierин и скрипка (не только духовная музыка, но и Бах, Вивальди, Лист и современные композиторы) и голоса солистов, исполняющих романсы и оперные партии. Множество людей разных национальностей и конфессий приходят сюда, чтобы реализовать свою эстетическую потребность. Локальное и универсальное создают контекст, в котором гармония оказывается выше предубеждений.

Сегодня локальные культуры презентуют себя в цивилизационной палитре российских городов через градостроительный контекст в форме новых и отреставрированных культовых сооружений. В развитии России как государства-цивилизации этническая динамика по своей природе всегда выступала и, что важно, нередко легально оформлялась как динамика этноконфессиональная. К сожалению, периодически культовые сооружения становятся мишенью для фанатиков. Мы не можем не упомянуть об этом, настаивая тем не менее на том, что в большинстве случаев храм, презентующий локальную культуру в более широкой инокультурной среде, выполняет роль транскультурного амбассадора, стимулируя социальную эмпатию, основанную на эстетическом чувстве, имманентно свойственном большинству людей.

Литература

1. Савенков, А. Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации. – Москва : Наука, 2024. – 739 с.
2. Горбань, В. С., Маликов, С. В. Формирование целостной картины российской истории: синтез археологии, историографии и гуманитарной мысли // Государство и право. – 2025. – № 12. – С. 203–206.
3. Николис, Г., Пригожин, И. Познание сложного. Введение / пер. с англ. – Москва : URSS, Ленанд, 2014. – 342 с.
4. Савченко, И. А. Дихотомия культуры и цивилизации в турецкой социологии // Цифровой ученый: лаборатория философа. – 2024. – Т. 7, № 3. – С. 137–148.
5. Велланский, Д. М. Основное начертание общей и частной физиологии, или физики органического мира. – Санкт-Петербург : Гуттенбергова тип., 1836. – 502 с.
6. Флоренский, П. А. Записка о христианстве и культуре // Сочинения : в 4 т. Москва : Мысль. – Т. 2. – 1996. – С. 547–559.
7. Ильин, С. А. Русская православная церковь и «еврейский вопрос» в оссийской империи // Вестник Томского гос. университета. – 2009. – № 3. – С. 215–220.
8. Дякин, В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.). – Санкт-Петербург : Лисс, 1998. – 1000 с.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. – Санкт-Петербург : Типография 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1830. Коллекция БЗС. – URL: <https://bigenc.ru/b/o-terpimosti-vsekh-veroispo-518e70> (дата обращения: 05.03.2026).
10. Цыремпилов, Н. В. Когда Россия признала буддизм? В поисках указа 1741 г. императрицы Елизаветы Петровны об официальном признании буддизма российскими властями // Гуманитарный вектор. Сер. История, политология. – 2014. – № 3 (39). – С. 96–109.
11. «Об укреплении начал веротерпимости» : Указ от 17 апреля 1905 года // Собрание узаконений и распоряжений Правительства (№ 63. Отд. 1. Ст. 526). – Санкт-Петербург, 1905. – С. 710–712. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_02000000765/?ysclid=mlr6p0t3ad5507014 (дата обращения: 10.03.2026).

< Рис. 7. Англиканская церковь им. Святого Андрея Первозванного в Москве (mycruises. livejournal.com)

12. Кукеев, А. Г. К вопросу о современном состоянии буддизма в Калмыкии // Научная мысль Кавказа. – 2011. – № 1–2 (65). – С. 123–126.

13. Мясков, А. П. Распад СССР и создание новой системы межэтнических отношений в Российской Федерации в 1990-е годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. – 2020. – № 1. – С. 27–33.

14. Жуков, В. И. Цивилизация: от гипотез, сказаний и былин к правовой определенности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. – 2025. – Т. 24. – № 2. – С. 249–263.

References

- Dyakin, V. S. (1998). *Nacional'nyj vopros vo vnutrennej politike carizma (XIX – nachalo XX vv.) [The national question in the internal policy of tsarism (XIX – early XX centuries)]*. St. Petersburg: Liss.
- Florensky, P. A. (1996). *Zapiska o hristianstve i kul'ture [A note on Christianity and culture]*. In *Sochineniya v 4-h tt. [Essays in 4 volumes]* (Vol. 2, pp. 547–559). Moscow: Mysl'.
- Gorban, V. S., & Malikov, S. V. (2025). Formation of a holistic picture of Russian history: Synthesis of archeology, historiography and humanitarian thought. *Gosudarstvo i pravo*, (12), 203–206.
- Ilyin, S. A. (2009). Russian Orthodox Church and “Jewish question” in Russian Empire. *Tomsk State University Journal*, (3), 215–220.
- Kukeev, A. G. (2011). Towards a problem of revival of the Kalmyk Buddhism at the present stage. *Nauchnaya mysl' Kavkaza [Scientific thought of the Caucasus]*, (1–2(65)), 123–126.
- Myakshchev, A. P. (2020). The collapse of the USSR and the creation of a new system of interethnic relations in the Russian Federation in the 1990s. *Izvestiya of Saratov University. History International relations*, 20(1), 27–33.
- Nicolis, G., & Prigogine, I. (2014). *Exploring Complexity. An Introduction* (V. F. Pastushenko, Trans.) (2nd ed.). Moscow: URSS, Lenand.
- “Ob ukreplenii nachal veroterpimosti”. Ukaz ot 17 aprelya 1905 goda [“On strengthening the principles of religious tolerance”. Decree of April 17, 1905]. (1905, April 17). *Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Pravitel'stva [Collection of laws and orders of the Government]*, (63(1)), article 526, 710–712). St. Petersburg. Retrieved March 10, 2026, from https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_02000000765/?ysclid=mlr6p0t3ad5507014
- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sbranie 1-e [The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Meeting 1]*. (1830). St. Petersburg: Printing House of the 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. Retrieved March 5, 2026, from <https://bigenc.ru/b/o-terpimosti-vsekh-veroispo-518e70>
- Savchenko, I. A. (2024). The dichotomy of culture and civilization in Turkish sociology. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 7(3), 137–148.
- Savenkov, A. N. (2024). *Filosofiya prava i stanovlenie rossijskogo gosudarstva-civilizacii [Philosophy of law and the formation of the Russian civilization state]*. Moscow: Nauka.
- Tsyrempilov, N. V. (2014). When did Russia recognize Buddhism? In pursuit of 1741 Decree by Empress Elizaveta Petrovna officially recognizing of Buddhism by the Russian authorities]. *Humanitarian Vector. Series History, Political Sciences*, 3(39), 96–109.
- Vellansky, D. M. (1836). *Osnovnoe nachertanie obshchej i chastnoj fiziologii, ili fiziki organicheskogo mira [The basic outline of general and private physiology, or physics of the organic world]*. St. Petersburg: Guttenbergova tipografiya. Retrieved from https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003571121/
- Zhukov, V. I. (2025). Civilization: From hypotheses, legends and epics to legal certainty. *RUDN Journal of Russian History*, 24(2), 249–263.

В рамках третьей научной картины мира начинается активное формирование новой синтетической планетарно-цивилизационной реальности на основе взаимодействия природного, социального и духовного. В глубинных ментальных и художественных особенностях народного искусства закодирована сущностная информация о миропонимании человека. Кибернотопический хронотоп подразумевает поиск спайки пространства и времени, в которой художественный образ создает единую знаковую символическую систему, отражающую сеть образующих ее региональных взаимодействий в триаде «природа-население-хозяйство» в мировом равновесии-паутине, связанной с прошлым и будущим.

Ключевые слова: теория; кибернотопика; паутина; нелинейность; паттерн; хронотоп; симбиоз; метаболо. /

Within the framework of the third scientific picture of the world, there is a beginning of the active formation of a new synthetic planetary and civilizational reality based on the interaction of the natural, social and spiritual. The essential information about a person's worldview is encoded in the deep mental and artistic features of folk art. The cybernotopic chronotope implies the search for a junction of space and time, in which the artistic image creates a single symbolic system of signs reflecting the network of regional interactions that form it in the "nature-population-economy" triad in a global equilibrium-web connected with the past and the future.

Keywords: theory; cybernotopics; web; nonlinearity; pattern; chronotope; symbiosis; metabola.

Кибернотопический хронотоп / The Cybernotopic chronotope

текст

Злата Гаевская

Санкт-Петербургский
политехнический
университет Петра
Великого

text

Zlata Gaevskaya

Peter the Great
St. Petersburg Polytechnic
University

Введение

Мир сегодня переживает невиданные глобальные преобразования. Наука сейчас еще не может полностью освободиться от первой ньютоновской научно-механической картины мира, диктующей однозначность и единство решений (классическая наука XVII – начала XX века – Г. Галилей, И. Кеплер, И. Ньютон, Р. Декарт, Л. Эйлер, Г. В. Лейбниц, И. Кант и другие выдающиеся ученые). Вторая научная картина мира с ее вероятностными представлениями и приматом случайности и неопределенности в биологических, технических и социальных мирах (неклассическая наука 1-й половины XX века – Н. Бор, А. Эйнштейн, Г. Мендель и другие выдающиеся ученые) не привела к полному отказу от картезианского мышления, заложенного Рене Декартом.

Во второй научной картине мира природа и общество – квазинезависимые объекты, так как изучалась связь между объектом и прибором. «Если метаболизм – это не обмен между квазинезависимыми объектами (Природа/Общество), а скорее процесс создания жизни в сети жизни, появляются новые возможности. Концепция единственного, внутренне разнообразного, исторически разнообразного и географически неравномерного метаболизма человечества в природе могла бы позволить нам наметить путь за пределы дуализма» [1].

В архитектуре сегодня становится методологически важным целостное рассмотрение культурного прошлого на основе метаболического сетевого обмена между человеком, обществом и природой в конкретном месторазвитии. Научные положения такого поиска характера местности развиваются в кибернотопике, выявляющей творческие акты мироздания в паутине жизни [2]. Представляется, что кибернотопика как прикладная наука может стать основой трансдисциплинарного системного подхода, изучающего в целом экологические, социальные, экономические и культурные проблемы взаимодействия между человеком и его природной средой. Ведь она базируется на теоретической базе русского космизма, заложившего базу третьей научной картины мира с ее центральными понятиями – ноосферы, междисциплинарности, самоорганизации, динамического равновесия и сложности (постнеклассическая наука с середины XX в. – В. И. Вернадский, А. А. Ухтомский, Л. Н. Гумилев,

Н. Д. Кондратьев, Р. О. Бартини, Н. Н. Моисеев и другие выдающиеся ученые).

Для выдающего мыслителя и ученого-физиолога А. А. Ухтомского важна не просто спайка пространства и времени (греч. *chronos* – «время» и *topos* – «место»), а ее понимание как меры события, включенного в «ткань» прошлого и будущего: «С точки зрения хронотопа существуют уже не отвлеченные точки, но живые и неизгладимые из бытия события; те зависимости (функции), в которых мы выражаем законы бытия, уже не отвлеченные кривые линии в пространстве, а «мировые линии», которыми связываются давно прошедшие события с событиями данного мгновения, а через них – с событиями исчезающего вдали будущего» [3, с. 52–53].

Для формирующейся сейчас третьей научной картины мира важно понимание культурного пространства именно как матрицы системы отношений. Пространственная архитектура накладывает отпечаток на связь человека с природой, его производственную деятельность и характерный образ жизни во временных срезах. Кибернотопический хронотоп подразумевает не просто материализацию времени в пространстве, но и исследование регионального художественного образа как единой знаковой символической системы, отражающей топологический пространственно-временной континуум. «Если подходить к сущности пространства с позиции топоса, то пространство есть некая ситуационная остановка, передышка, временная стабильность в формирующейся и сформировавшейся порядка-хаотической структуре бытия. Граница пространства – это относительные пределы «жизни» и «смерти» объекта, начала и конца ситуационной данной спонтанности и переход в другую спонтанность с иной мерой изменчивости (темпоральности) и мерой, и формой протяженности (топоральности) <...>» [4, с. 80].

Время всегда транслирует себя в традициях на основе передачи опыта предыдущих поколений. Крестьяне больше связаны с Природой, чем городские жители в силу специфики своей производственной деятельности и образа жизни. В статье кибернотопический хронотоп рассматривается на примере регионального традиционного крестьянского народного искусства.

^ Рис. 1. П. Филонов. Формула весны. 1922–1923. Русский музей

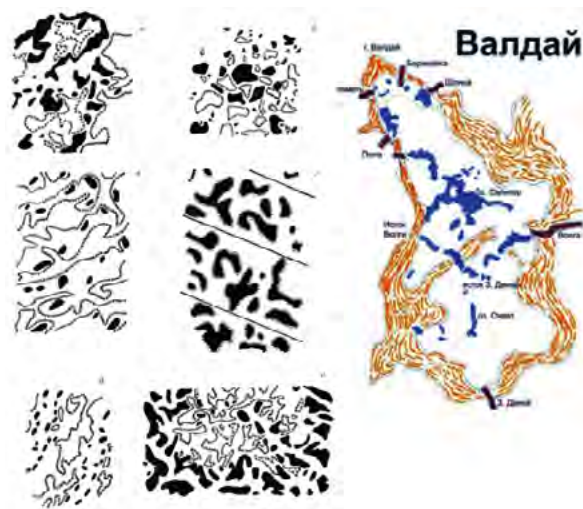
Метод

Третья картина мира еще находится в стадии формирования, но многие особенности этой картины и общий контекст ее формирования убеждают нас в том, что она связана с современным универсализмом и общепланетарными сетями. «Взаимодействие различных элементов неживой, живой природы, связанных с человеком, обществом, окружающей средой должно быть тщательно сбалансировано в пределах устойчивых структурных ячеек этой синтетической реальности. Равновесие-паутина представляет собой дальнейший этап в развитии концепции фундаментальных динамических равновесий и образуется за счет хаотических процессов (обменных процессов различных типов) на всех иерархических уровнях природы, преобразовывая системы и структуры в пределах этого уровня. В равновесии-паутине сама сеть взаимодействий оказывается важнее их источников, а основные ресурсы энергии, информации, духовности содержатся в самой сети образующих ее взаимодействий. Сетевая картина обладает огромным эвристическим потенциалом и имеет безграничные практические приложения» [5, с. 45].

Исходя из вышеизложенного, для архитектурной «генетики» становится важным поиск устойчивых признаков, определенного действия в архитектурном пространстве на основе духовных переживаний, выраженном в метаболическом образе. Архитектура выступает в качестве ментальной сети, промежуточного члена в метаболической сети, где исходным является Природа, а результирующим – Хозяйство [2]. Национальный ландшафт и национальный архитектурный контекст должны выражать партию культурного единства.

«С помощью хронотопа художнику удастся художественно «структурировать», сгустить пространство-время, чтобы выявить самое существенное, не дать пропустить основное, главное. Хронотоп делает онтологически зримым «время-движение», «пространство-движение», очарование «переходных состояний» пространства-времени» [4, с. 91].

Художники очень тонко чувствуют пространство и время. Знаменитый российский и советский художник П. Филонов (1883–1941) еще в 1928 году в стиле анали-

^ Рис. 2. Примеры архитектуры земель (геокультурного наследия) [9] и архитектура Валдая (по А. Г. Желамскому) [10]: а) грядово-котловинный тип, Псковская область; б) холмисто-котловинный тип, Вологодская область; в) ритмично организованные речной сетью равнины, чередование всхолмленных междуречий и по-разному выраженных, часто переувлажненных долин, Краснохолмское ополье, Тверская область; г) тип Амурской поймы – выпуклые, осушающиеся участки замкнутых микроводоразделов среди вогнутых и переувлажненных земель, Хабаровский край; д) полосчатое чередование глубоко врезанных современных долин и водораздельных переувлажненных низин (древних долин), Старорусский район, Новгородская область; е) рельеф эрозионных долин и балок в сочетании с остаточными замкнутыми микропонижениями на водораздельном плато, Духовщинская возвышенность, Смоленская область

тического реализма написал картину «Формула весны» (рис. 1). На картине мы видим гармоничный «мозаичный ковер», в котором пространство и время показаны как симфоническая мелодия с высоким звучанием хора. Для него важна не поверхность явлений, а передача их сути как соединения живых и неживых миров на основе процессов, на которых они формируются. Каждое маленькое пятно на картине для него – единица действия, выявляющая невидимый мир явлений и взаимодействия. Масса цветочных точек (единиц действия) преобразуются в органическую дышащую материю на основе ритма как энергетического рычага.

Единицы действия производят «энергетику» картины за счет точек, линий, структур, выражающих результат их непосредственного взаимодействия. Пространство картины предстает как динамический феномен движений и потоков, хореографии пространства отношений на основе идеи связности. Возникающие ассоциации образуют семантический язык картины, в котором предметом предложений являются не вещи, а динамика места в семантическом целом.

Своими картинами Павел Филонов доказал, что можно мыслить иначе – на основе паттерна как конфигурации взаимоотношений, характерной для их определенной системы. Причем это такой паттерн, который нельзя разбить на части без его разрушения. Такое мышление было характерно для традиционалистских культур. «На классическом и неклассическом этапе своего развития наука находила опору только в ценностях техногенной цивилизации и отвергала как противоречащие ей ценности традиционалистских культур» [6, с. 378].

Теоретической основой постнеклассической науки является нелинейное мышление. Это мышление, являясь синергетическим, делает важными ценностно-целевые структуры и не отвергает ценности традиционалистской культуры. Рассмотрим на примере архитектуры различие в концептуальной сетке мышления на двух подходах (линейном и нелинейном) (таблица 1).

Новая картина мира, понимаемая как паутина жизни, состоящая из сетей внутри сетей, требует сосредоточения исследователя на самих явлениях и процессах, а не их отражениях. В предлагаемом новом научном направлении – кибернотопике исследователь сосредоточивает

Таблица 1. Концептуальная сетка мышления и архитектура

Концептуальная сетка мышления (линейная архитектура)	Концептуальная сетка мышления (нелинейная архитектура)
Линейный ментальный процесс	Ментальный процесс требует круговых (или еще более сложных) цепей, которые и определяют его как таковой (Капра Фритьоф)
Картезинская модель: реальность понимается как данность, состоящая из частей и их свойств	Паутина жизни как обширная и сложная сеть взаимоотношений
Примат содержания и идеологических ценностей. Изучение материи (структуры) с приматом количества. Информация не заложена в системе и не определяется ею	Примат сетевого паттерна и качества. Изучение не материи (структуры), а формы (паттерна). Структура включает количества, тогда как паттерн включает качества (Капра Фритьоф). Информационное поле содержит в свернутом виде данные о прошлом, настоящем и будущем как совокупность многовариантного сценария развития событий в реальности (Н. Н. Плужникова)
Метафора Архитектурный интернационализм	Образ метабола на основе поиска скрытых подобий, умножения ассоциативных связей в триаде: природа, население, хозяйство. Поиск глубоко скрытых закономерностей и их сочетаний. Внутренняя связь всего (всеединство) и отображение его в образе метаболе. Идея «связности», обозначающая связи между предками, людьми, местами, и хозяйственной деятельностью, устанавливающей пространственно-временную сеть традиций с настоящим
Универсализация архитектурного языка и приемов. Архитектурный нигилизм	Общее и универсальное в конкретном образе. Калейдоскоп точек резонанса. Культурная матрица
Существование. Культура как механическая конструкция с мозаикой сочетаний	Становление. Культура как связанная единым смыслом духовная ценность (У. Эко). Культура как деятельность по организации пространства (П. Флоренский)
Бытие. Пространство как готовое вместилище	Со-бытие. Пространство как динамический феномен движений и потоков
Эволюция	Козволюция и когерентность

свое внимание на процессах и явлениях, а не на отдельных объектах. Значимость этого подчеркивает Ю. Г. Марков: «Функциональная замкнутость или, если угодно, функциональное единство объекта и среды, конечно же, несовместимо с традиционным представлением о среде как индифферентном внешнем окружении. В особенностях связи объекта и среды заключаются качественные особенности самого объекта, его свойства» [7, с. 8].

Рассмотрим на примере крестьянской традиционной культуры возможность выявления художественного образа как спайки пространства и времени (кибернотопический хронотоп) в равновесии-паутине, связанной с прошлым и будущим в культурном континууме.

Результаты и обсуждение

В настоящее время процесс глобализации привел к кризису идентичности. Но ведь понятие идентичности тесно связано с понятием «малой Родины» человека. Региональные особенности природной среды диктуют прямое и косвенное влияние на ритмику, лексику и структуру речи. Языковые особенности отражаются в песне, инструментальной музыке, обрядовой кинетике. Семантика движения рук в танцах повторяла кинетику местных птиц и животных. Определенные движения рук, пластических телодвижений при сельскохозяйственных работах также могли служить элементами местных народных танцев. Связь танца с трудовыми процессами можно увидеть не только в действиях, но и в общем его построении, архитектонике (ткацкий хоровод и т. п.). Производственные, утилитарные движения могли являться основой орнаментальной обработки.

Представляется, что изучать взаимодействие человека с окружающей средой на основе культуры необходимо в масштабе глубокого прошлого. Традиционное народное искусство оттачивалось во времени. Крестьяне жили в определенной природной и социальной среде и в окружении патриархальной традиционной культуры. Народное творчество являлось одной из подсистем этноса. Фольклор был тесно связан с традиционным народным бытом, производственными и социально-бытовыми отношениями. Только в народном искусстве, отражающем мировосприятие народа, можно почувствовать единство материального и духовного.

В изучении дошедших до нас осколков прошлого (жилище и предметы его убранства, народные костюмы, песни и танцы, музыкальные инструменты и т. д.) возникает проблема выявления содержащейся в них информации. Региональный изобразительный язык сложен в расшифровке и нуждается еще в рассмотрении его связи с местными вербальными текстами мифопоэтической, обрядовой, сказочной или иной природы. Жесткие рамки традиций ограничивали индивидуальную творческую свободу народных мастеров и мастериц. Изучение региональных художественных традиций на протяжении веков является важной научной задачей и состоит в выявлении единой изобразительной системы со своей внутренней логикой и законами. Нужно увидеть целостный феномен, единство комплекса явлений в дошедших до нас осколках прошлого в региональных культурах.

В древности культура не являлась сферой обособленной человеческой деятельностью. В древности вещь была осмысленная и «живая», ведь смысл вещи дополнялся смыслом изображения, и он не был случайным. Мифология отражала бытующую в обществе модель мира. Но непосредственные впечатления от характера местной живой местной природы были также важны.

Известная исследовательница русской вышивки доктор искусствоведения И. Я. Богуславская отмечает: «В любом районе, где занимались шитьем, растительный орнамент отличается своим собственным характером. Какую-то роль в нем, вероятно, играл характер местной природы. Тонкое чутье народных мастеров улавливало особенности местной флоры, и они невольно, неосознанно отражались в искусстве. Может быть, именно в этом нужно искать причины своеобразия вышивки Заонежья с ее ломкими стеблями, резким изгибами, острыми колкими очертаниями растений, белым, чистым как снег цветом на белом же или кумачовом фоне. Эти красивые, но холодноватые узоры по-своему отражали суровый «край тысячи озер» [8].

Климат диктовал для русского Севера стремление к обострению силуэтных характеристик за счет излома силуэтообразующего контура (постройки, предметы быта, народная одежда, вышивка и т. п.).

Региональное искусство всегда ведет диалог с окружающими изобразительными традициями и отбирает

необходимые изобразительные средства, но не принципы. В народной художественной традиции важна система эстетических знаков, несущих этническую информацию. Народное искусство, являясь стройной системой, отражает этнопсихический склад и являет «спрессованную» вековую духовную сущность народа. Предметы народного искусства, орудия труда были обточены веками, и в них запечатлевались восприятие жизнедающей силы природы.

Трудовое и бытовое пространство было тесно связано с природной средой. Географические пределы задавали очертания и культурного континуума. Для каждого ландшафта характерен свой образ (таежный, озерный, болотный и т. д.). Этот образ обладает определенной архитектурной землей (рис. 2) [9, с. 566]. Формы рельефа (вершины, уступы, скалы и т. п.) могут быть объектами чувственного восприятия. Грамматика пейзажа, выраженная в архитектонике земли, это прежде всего природная культура. Сети речных долин и озерные котловины являются выразительной и динамичной частью рельефа.

Формы рельефа задаются глубиной и рисунком эрозионной сети, формой долин, балок и оврагов. В топообразях земной поверхности раскрывается пространство, полное смыслов, красоты и ритма полей, холмов, лесов и задается канва для местных региональных художественных образов. «Из сказанного, полагаю, очевидно, что подобно ямам, дактилям, гексаметрам в поэзии существует и земной ритм чередования форм земной поверхности, который нам предстоит увидеть и использовать при формировании культурных ландшафтов» [10, с. 108]. Видится, что ритм чередования земной поверхности мог быть основой местного опознания действительности.

Рассмотрим архитектуру земли на примере исторических губерний России. Для Онежского уезда был характерен в основном равнинный рельеф с небольшими перепадами высот, покрытый лесами и болотами. Тверская губерния была расположена на равнинном рельефе с чередованием низменностей и холмисто-увалистых возвышенностей. Для Тверской губернии была характерна густая гидрографическая сеть (реки, озера, болота), сформированная особенностями рельефа и избыточностью увлажнения. Водораздельный тип (моренный подтип) расселения характерен был для Торопецкого уезда Псковской губернии. Особенности моренного типа расселения задали наличие здесь сплошь деревень-малодворок и хуторов.

«По дороге из Пустошки на Великие Луки через Невель идет череда ритмов – чаша вверх – чаша вниз. На вершинах холмов ритмически расположились деревни... В промежутках между ними – плоские чаши бывших озер и болота. По горизонту идут черные острые гребни ближних и дальних лесов» [10]. Для Псковской губернии было характерно большое количество мелких озер. Смоленская губерния располагалась на Смоленско-Московской возвышенности. Для Смоленско-Московской возвышенности характерен типичный холмистый ледниковый ландшафт (цепи и гряды, вытянутые преимущественно с юго-запада на северо-восток). Костромская губерния характеризовалась районами с развитой холмистостью и с низинами, в большинстве сильно заболоченными, особенно по поймам рек. На Костромских землях насчитывается более 300 рек и речушек, а лесные массивы занимают более 60% площади. Поверхность Ярославской губернии представляла в основном плоскую равнину с обширными низинами (Молого-Шекнинская, Ярославско-Костромская, Ростовская), где между ними местность имела невысокий слегка волнообразный рельеф (моренные возвышенности), вытянутые с юго-запада на северо-восток.

«Восстановившая по топографическим картам архитектуру (соразмерное положение частей, соединенных в единое целое) Валдая, Желамский А. Г. пришел

к выводу о том, что здесь обширное внутреннее плато со знаменитыми озерами (“нарочито высокая плоскость” по определению С. Плещеева), с зелеными мхами болот окружено, ограждено со всех сторон более высокими холмистыми грядами. Поднимаясь над внутренним плато на 25–50 метров это гористое обрамление “удержало” и еще продолжает “держат” водные богатства Валдая. В этом видится главное своеобразие природного наследия Валдая. Оно не является вечным, так как это гористое обрамление со всех сторон уже “прорезано” Волгой, Западной Двиной, Полом, Полой. Примерно такая же ситуация на других возвышенностях Северо-запада. В окружении холмов и сосновых боров еще сохраняются вдохновляющие поозерные пейзажи Псковской, Новгородской, Тверской, Вологодской областей – это типичный Валдайский тип местностей (по-народному – “Бабыи горы”» (рис. 2) [10, с. 106].

Представляется, что морфолито-генные матрицы могут формировать «рамки», задающие метроритмические закономерности и пропорциональный строй в народной культуре конкретной местности (таблица 2). Ведь у каждого ландшафта есть своя красота, которую можно увидеть, услышать и почувствовать.

Думается, что характер пластики в образах народной культуры может отражать местные особенности климата, флоры, гидрографии и ту или иную степень дробности и расчлененности территории. При этом важна эстетическая сила образа месторазвития на основе пластических средств выражения, а не прямая имитация. Месторазвитие задавало определенное чувство меры и порядка, передаваемое и шлифуемое на протяжении многих поколений.

В таблице 2 мы видим извечные образы и мотивы, сохраняющие древние предания. Орнамент имеет фризное построение. Богиня с прибогами пришла из древних

Таблица 2. Региональные образцы традиционной народной вышивки

	
Онежский уезд, Архангельская губерния. 1820-е. Русский музей	Деревня Новинки, Никольская волость (Торжокский район). 1886
	
Псковская губерния. XIX в. Русский музей	Смоленская губерния. XIX в. Смоленский государственный музей-заповедник
	
Ярославская губерния. XIX в. Русский музей (по В. Я. Яковлевой)	Костромская губерния. Костромской историко-архитектурный музей-заповедник (по Г. В. Масловой)

времен. Лвы-барсы не столько отражали феодальную мощь государства, сколько представление крестьян о силе природы. Лесное и водное пространство в мифологическом мировоззрении одушевляется и олицетворяется. Крестьянский интеллектуальный образ мира – это, прежде всего, уважение природы, природных процессов и их поэтическое слушание. В древних мотивах отражалось поклонение жизнедающей силе природы. Духовная крестьянская культура раскрывала древнюю связь человека и природы на основе единства природного мира и человека. Единое символическо-метафорическое сообщение имеет четко выраженные региональные черты.

Северная вышивка (Обонежье) монументальна, в ней прочитывается стремление к обострению силуэтных характеристик за счет излома силуэтообразующего контура. Псковские вышивки менее монументальны, чем северные, и в них часто присутствует мотив Древа (нередко в виде стебля с листьями и цветками). В псковских вышивках лирично отражается ритм и пластика архитектоники земли, местные особенности природы. Для смоленской вышивки, ткачества характерен мотив геометрического орнамента, и ведущей фигурой является ромб. Для изображенных на смоленской вышивке богини и прибогов характерны резкие движения (таблица 2), роднящие их с движениями в смоленском народном танце. Водно-болотную тему Тверской губернии можно увидеть в вышивке: в деталях декора одежды богини и прибогов читается священное дерево-ель; детали во фризе вышивки напоминают лягушкообразный элемент (таблица 2). Этот мотив поддерживается образом ели и в очертаниях мезонинов (двух–трехступенчатые скаты), и в декоре фронтона крыш (очертание огромной ели) (по С. А. Ситниковой).

Еще во времена Новгородской Руси вышивка обогатилась мотивом льва-барса. Для льва-барса, изображенного на полотенце из Ярославской губернии характерно добродушное спокойствие, подчеркнутое горизонтальными прямоугольными вставками и вытянутой формой птицы в композиции. Лев-барс, изображенный на полотенце из Костромской губернии, имеет энергичный, выразительный силуэт, что подчеркивается введением ромбовидных вставок и ромбовидной формой птиц в композиции.

«Экспедиционные материалы последних лет позволили выявить очень интересные сюжеты тверской вышивки из разных уголков Торжокского района, в которой образ лягушки как бы облегчен и обнаруживает объединение только с образом дерева» [11]. Водно-болотную тему Тверской земли раскрывает и змеиная тема. «Змеиная тема в традиционной культуре Тверской земли в скрытом или проявленном виде дает о себе знать буквально повсюду. Мифопоэтический образ змеи обильно зафиксирован во внешнем декоре домов, построенных до 50–60 гг. XX в.; змеиные образы часто встречаются в тверских народных сказках; великолепно богат орнаментальным изображением змей и тверской, так называемый “полотняный” фольклор (вышитые полотенца, кружева на полотенцах и подзорах); змеиная тема рельефно читается в тверской календарной обрядности (ранневесенняя выпечка, масленичная игра, украшение новогоднего дерева)» [12].

На рис. 3 мы можем увидеть стилизованные змеиные орнаментальные элементы (в виде S-образных завитков и змеек-ужиков). Ужики-господарики охраняли жилище. Постройки древности углубляли гармонию в природе и воспринимались как живые существа; они могли иметь зоо- (в том числе орнито-), фито- и антропоморфные черты. Коллективное бессознательное, выраженное в устойчивых образах и символах, зиждется на обозначении основополагающих элементов бытия человека. Процесс метаморфозы воображаемого нестабильного в некоторый материальный объект немислим без понимания того,

что память и восприятие – звенья одной цепи. Ведь восприятие неразрывно связано с прошлым опытом из памяти. Память и восприятие образуют цикл. Представление предков о тайнах бытия формировало образы и символы и отражало повседневный быт. В народном искусстве можно увидеть выражение единой концепции жизни на основе соотношения микрокосма с макрокосмом.

Образы пластического искусства создавали декор русской народной избы и по закону всеединства отражались во всех сферах народной культуры. «Архетипы не просто первообразы. Это универсальный язык человечества, представленного всеми поколениями, которые когда-то жили, ныне живут и которые будут жить в новом тысячелетии. В самом становлении и бытовании архетипов, с неизбежной закономерностью осуществляющих идею преемственности, варьирующуюся лишь в определенных пределах, есть нечто мистическое. Это язык вне времени и пространства <...>. Географические, социально-экономические, исторические условия, этнокультурные традиции лишь привносят в конкретные воплощения стереотипов соответствующие реалии, которыми и определяется национальный или локальный колорит данного фольклорного произведения. Структура же и семантика сюжетообразующих мотивов остается, в сущности, неизменной, хотя в силу господства тех или иных реалий и может подвергаться некоторой корректировке» [13].

Зооморфные (включая орнитоморфные), фитоморфные и антропоморфные фигуры архитектурного декора хорально повторялись в очертаниях домашней утвари, семантически значимых головных уборах (к примеру – сорока, кокошник), отражались в орнаментике одежды, предметах обихода, в декоративной резьбе избы, оформлении очелья печи, печном столбе и т. д. Преобладание того или иного вида декора (зооморфные, включая орнитоморфные, фитоморфные и антропоморфные) позволяло выражать региональную специфику и усиливать закодированный местный образ (рис. 3). Видится, что преобладание того или иного типа декора составляет неотъемлемую часть контекста местных верований, обрядов и отражает идущее из глубины веков почитание того или иного животного, птицы, земноводного, растения и т. п. в местной художественной локальной традиции.

Представляется, что ментальную сеть тоже можно представить в виде процесса, отражающего целостный пространственно-временной континуум и являющийся отпечатком с природной среды, в которую они помещены. Ведь культура – прежде всего целостная совокупность всего жизненного уклада, закреплённая в материальных и нематериальных носителях.

Консерватизм орнаментальной народной культуры позволяет обнаружить в ней глубинные истоки. Традиционное деревянное зодчество – «золотой» генофонд русской культуры. Домовая резьба опозитивировала действительность, национальные обычаи и взгляды. Так, к примеру, наличие ярко выраженных драконов в наличниках – следствие жизни на воде и с воды новгородских словен и племени мери (рис. 4, 5). Увидеть драконов в наличниках можно на домах Тверской, Московской (север), Ярославской, Костромской и Ивановской области. Пояс «дракона» в общем совпадает, во-первых, с распространением словенской новгородской колонизации по рекам Волге и Медведице и, во-вторых, проходит по историческим мерянским землям [14].

Рассмотрение наличников приводит к мысли, что в народном зодчестве важны не вещи, а вплетенность в древнюю целостную ментальную ткань жизнеустройства, выраженную через повторяющиеся паттерны, отражающие традиционную картину мира – процессы бытия, которые позволяли создавать неповторимый индивидуальный облик каждого дома. Символы на наличниках передают пространственную «душу», энергетику этого места на основе метроритмических закономерностей и чутко

^ Рис. 3. Деревня Семенковщина, Осташковский район, Тверская область

^ Рис. 5. Фрагмент традиционного оконного наличника. Нерехта, Костромская область

отражают особенности этого места (рис. 4, 5). Дом был родовым микрокосмом. Так, сюжет с драконами один, но для каждого места есть свой собственный дракон (рис. 4, 5).

В изучаемой традиционной картине мире все построено на образах-знаках как свидетелях русской жизни и демонстрации миропорядка. В наличниках реальность одухотворялась, передавалось то, что прочувствовано другим человеком в явлении внешнем или внутреннем: верхняя часть символизировала небо, нижняя землю, а боковые части выражали связь между небом и землей – мир людской, явь.

В традиционной культуре, существующей в рамках самоорганизующихся систем, было важно сохранение внутреннего системного баланса. Оперирование символами было нужно для восприятия и анализа реальности, где детали означали просьбы и пожелания, обращенные к силам природы. На представленных рисунках за счет этого знака-паттерна мы видим динамический процесс, отражающий жизнь на воде и с воды, в котором, как в симфонии, в тесной связи по замкнутому кругу драконы (ящеры) как преобразователи пространства и хозяева подземно-земного мира с солнцем, конями, птицами, рекой, матерью прародительницей и т. д.

Представляется, что очертания природного объекта есть следствие отражения динамического процесса, застывшего в физической форме. И в народном зодчестве на примере анализа деревянных наличников мы видим также динамический процесс, выраженный в физической форме. Декоративные элементы были узорами обережными – конструктами мировоззрения, отражающими сложные кооперационные и симбиотические отношения между космическими силами (свет, вода, тепло), природой (почвой), животными, растениями, человеком и его техническими средствами. Традиционный архитектурный деревянный орнамент – своеобразная метаболическая паутина, в которой отражен процесс создания жизни в сети жизни.

Можно заметить тесную связь между архитектурным орнаментом и вышивкой в конкретном месторазвитии (таблица 2, рис. 4, 5). Так, добродушность барса в ярославской вышивке коррелируется с добродушностью драконов в ярославском архитектурном декоре за счет

< Рис. 4. Фрагмент оконного наличника. Деревня Петряевка, Ярославская область

активного преобладания горизонтального элемента. Спокойствие можно почувствовать и в народном танце Ярославской губернии. Барс в Костромской губернии имеет энергичный, выразительный силуэт, и он также коррелируется с энергичным силуэтом дракона в костромском архитектурном декоре на основе наличия ромбовидных элементов. Сложный узорчатый рисунок можно увидеть и в костромском танце (повалихинская козуля), услышать энергичность в «кричании» при исполнении напряженным тембром обрядовых песен (по А. Л. Марченкову). Мы можем почувствовать силу отношений в триаде «природа-население-хозяйство» и общую «ниточку» местной традиции, передающую первообразный и своеобразный жизненный ритм, задаваемый архитектурной земли, характером природы на примере Ярославского и Костромского края.

Важно подчеркнуть следующее: в архитектурных орнаментах как символах и понятиях отношения к миру, переданному предками, симфонически выявлялась объединенная сила природных и социальных закономерностей. В традиционном деревянном архитектурном орнаменте символически связаны единой метаболической цепью прошлое, настоящее и будущее в паттерне «природа-население-хозяйство». Каждый объект в паттерне как конфигурации взаимоотношений является сетью взаимоотношений, включенных в более обширные сети по замкнутому кругу причинной целесообразности. Мы не понимаем симбиотический «танец» в триаде «природа-население-хозяйство» и его культурное отражение в равновесии-паутине жизни.

Выводы

Кибернотопический хронотоп подразумевает поиск в национальной культуре конкретных мест такой плеяды свойств, которые сопряженно присутствуют в пространстве и времени (на протяжении тысячелетий и с учетом вхождения микрокосма в макрокосм). В крестьянском искусстве можно почувствовать медленные следы своего места и времени. Каждый архитектурный и градостроительный объект должен быть встроен в ментальную культурную паутину, созданную на протяжении веков и в природные паттерны творения.

В кибернотопике является важным:

- контекстуальное нелинейное мышление в рамках третьей научной картины мира;
- отражение характера местной природы и архитектуры земли в паттернах материальной культуры;
- синкретизм материального и духовного на основе встраивания микрокосма в макрокосм;
- поиск таких смыслов в памяти культуры, которые смогут быть генераторами новых информационных потоков.

В ситуации бифуркации и величайших трансформаций планетарного масштаба резко возрастает роль науки и практики в формировании жизненной среды человека во времени и пространстве. Сформировавшееся в XX веке как форма господства и экспансии универсальное клочковатое западное глобалистское мышление зашло в тупик, так как оно отказалось от культурных и цивилизационных ценностей. Новый способ рассуждения в художественной парадигме немыслим без понимания того, что утрата коллективной памяти – это утрата паттернов знания и способов мышления. Видится, что кибернотопика может ответить на вызовы времени, так как в ее научные основы заложены идеи культурной и цивилизационной ценности, третьей научной картины мира и планетарного мышления.

Литература

1. Moore, Jason. History as if Nature Matters: Introduction to Capitalism in the Web of Life // *Capitalism in the Web of Life: Ecology and the Accumulation of Capitalism* Publisher: Verso. – URL: https://www.researchgate.net/publication/284166191_History_as_if_Nature_Matters_Introduction_to_Capitalism_in_the_Web_of_Life (дата обращения: 15.10.2025).
2. Гаевская, З. Градостроительная кибернотопика: образ-метабола // Проект Байкал. – 2024. – № 79. – С. 45–51. – DOI 10.51461/issn.2309-3072/77.2283
3. Политов, А. В. Онтологический смысл понятия хронотопа в философских идеях А. Ухтомского и М. Бахтина // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2014. – Том 14, вып. 4. – С. 50–62.
4. Меньчиков, Г. П. О «переоткрытии» пространства и времени и их специфике в социально-гуманитарном знании // Ученые записки КГУ. Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 157, кн. 1. – С. 76–93.
5. Кожевников, Н. Н., Данилова, В. С. Философские и научные аспекты постнеклассической онтологии // *Międzynarodowe Studia Humanistyczne*. – 2012. – № 2. – С. 39–49.
6. Стёпин, В. С. Теоретическое знание : Структура, ист. эволюция. – Москва : Прогресс-Традиция, 2003 – 743 с. : ил.
7. Марков, Ю. Г. Экология и информация: новые идеи : аналитический обзор. – Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2008. – 163 с. (Серия «Экология»). Вып. 87.
8. Богуславская, И. Я. Русская народная вышивка. – Москва : Искусство, 1972. – 48 с.

9. Устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий : зарубеж. опыт и проблемы России / отв. ред.: Н. Ф. Глазовский, А. В. Гордеев, Г. В. Сдасюк. – Москва : Т-во науч. изд. КМК, 2005 (Москва : Галлея-Принт). – 615 с. : ил., табл.
10. Желамский, А. Г. Неугасимая Родина: к теме образного восприятия ландшафтов // *Наследие и современность*. – 2018. – № 1 (4). – С. 95–110.
11. Ситникова, С. А. Мифологические образы в вышивке на традиционных тверских полотенцах // *Вестник славянских культур*. – 2011. – № 1 (19). – С. 87–94.
12. Ситникова, С. А. Реликты змеиногo культа в Тверской традиционной культуре // *Вестник славянских культур*. – 2018. – № 49. – С. 94–106.
13. Криничная, Н. А. Русская мифология: мир образов фольклора. – Москва : Акад. проект : Гаудеамус, 2004. – 1008 с. : ил.
14. Тень Дракона над Россией. – URL: <https://www.gumilev-center.ru/ten-drakona-nad-rossiej/?ysclid=lpshkd6b6t789125742> (дата обращения: 14.10.2025).

References

- Boguslavskaya, I. Ya. (1972). *Russkaya narodnaya vyshivka* [Russian folk embroidery]. Moscow: Iskusstvo.
- Gayevskaya, Z. (2024). Urban cybernetopics: The metabola image. *Project Baikal*, 21(79), 45–51. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/77.2283>
- Glazovsky, N. F., Gordeev, A. V., Sdasyuk, G. V. (Eds.). (2005). *Ustoichivoe razvitie selskogo khozyaistva i selskikh territorii: Zarubezhnyi opyt i problemy Rossii* [Sustainable development of agriculture and rural areas: foreign experience and issues of Russia]. Moscow: KMK publishing house. (Moscow: Halley-Print).
- Kozhevnikov, N. N., & Danilova, V. S. (2012). Philosophical and scientific aspects of postnonclassical ontology. *Mi dzynarodowe Studia Humanistyczne*, (2), 39–49.
- Krinichnaya, N. A. (2004). *Russkaya mifologiya: mir obrazov folklore* [Russian Mythology: The World of Folklore Images]. Moscow: Acad. Project: Gaudeamus.
- Markov, Yu. G. (2008). *Ekologiya i informatsiya: Novye idei: Analiticheskii obzor* [Ecology and information: New ideas: An analytical review]. Series “Ecology”, Issue 87. Novosibirsk: GPSTB SB RAS.
- Menchikov, G. P. (2015). On the question of “rediscovery” of space and time and their specific features in social sciences and humanities. *Scientific notes of KSU. Humanities*, 157(1), 76–93.
- Moore, J. (2015). History as if Nature Matters: Introduction to Capitalism in the Web of Life. In *Capitalism in the Web of Life: Ecology and the Accumulation of Capitalism*. Publisher: Verso. Retrieved October 15, 2025, from https://www.researchgate.net/publication/284166191_History_as_if_Nature_Matters_Introduction_to_Capitalism_in_the_Web_of_Life
- Politov, A. V. (2014). Ontological meaning of concept of chronotope in the philosophical ideas of Alexei Ukhomsky and Mikhail Bakhtin. *Research Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 14(4), 50–62.
- Sitnikova, S. A. (2011). Mythological images in embroidery on traditional Tver's towels. *Bulletin of Slavic cultures*, 1(19), 87–94.
- Sitnikova, S. A. (2018). Relicts of the snake's cult in Tver folk culture. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*, (49), 94–106.
- Stepin, V. S. (2003). *Teoreticheskoe znanie: Struktura, ist. evolyutsiya* [Theoretical knowledge: Structure, historical evolution]. Moscow: Progress-Tradition.
- Ten Drakona nad Rossiei [The shadow of the Dragon over Russia]. (2011). Retrieved October 14, 2025, from <https://www.gumilev-center.ru/ten-drakona-nad-rossiej/?ysclid=lpshkd6b6t789125742>
- Zhelamsky, A. G. (2018). Perpetual motherland: To the theme of metaphoric perception of landscapes.

...умение поставить строение так, чтобы оно гармонично вписалось в пейзаж. Это делало такие постройки, наряду с церковными строениями и колокольнями, организующими точками того русского пейзажа, к которому привыкли Пушкин и Гоголь в своих дорожных странствиях.

**Юрий Лотман. Роман А. С. Пушкина
«Евгений Онегин». Комментарий**

*А там – Сибирь – лафа для брадобреев:
Скопление народов и нестриженных бичей, –
Где место есть для зеков, для евреев
И недоистребленных басмачей.*

Владимир Высоцкий. Летела жизнь

У Сибири есть свой устойчивый образ – сурового края, где немногочисленные города, как маяки, светят путникам среди тысячекилометровых заснеженных просторов. Как и большинство расхожих представлений, этот образ имеет отношение к реальности. Но реальность, разумеется, много сложнее. Среди сибирских городов есть такие, которые имеют статус исторического города. И это не случайно.

Исторические города потому и получили этот статус, что сам образ этих городов отражает историю нашей страны, этапы развития в соответствии с возрастом города, его приоритеты и традиционные ценности. Таков Иркутск в год своего 365-летия. Удастся ли нам сохранить то, что достойно, и передавать лучшее будущим поколениям? Увы, не всегда. Но и «за попытку спасибо»...

Кроме любимого Иркутска, в этом блоке Томск, Тюмень, Хабаровск, Светлогорск и Кыштым, Урал и Архангельская область.

ЕГ, КЛ

сибирь россия / siberia russia

...The ability to put a building in such a way that it harmoniously blends into the landscape. This made such buildings, along with church buildings and bell towers, organizing points of the Russian landscape, to which Pushkin and Gogol were accustomed in their travels.

**Yuri Lotman. Comment on
A. S. Pushkin's novel "Eugene Onegin"**

*Siberia's sweet for the barbers,
Piles of nations and unshaven bums,
Space for Jew or for convict regardless,
Basmach rebels whose day's never done.*

**Vladimir Vysotsky. Life Flew.
Translation by Brigit McCone**

Siberia has its own stable image – a harsh land where few cities, like lighthouses, shine to travelers across thousands of kilometers of snow-covered expanse. Like most popular beliefs, this image has to do with reality. But the reality, of course, is much more complicated. There are some Siberian cities that have the status of a historical city. And this is not accidental.

Historical cities have received this status because the very image of these cities reflects the history of our country, the stages of development in accordance with the age of the city, its priorities and traditional values. Such is Irkutsk in the year of its 365th anniversary. Do we manage to preserve what is worthy and pass on the best to future generations? Unfortunately, not always. But also, "thanks for trying" ...

In addition to beloved Irkutsk, there are Tomsk, Tyumen, Khabarovsk, Svetlogorsk and Kyshtym, the Urals and the Arkhangelsk region in this section.

ЕГ, КЛ

Локальная культура Иркутска развивалась в контексте русской, польской, украинской, бурятской культур и – шире – европейской и азиатской. Влияние крупных личностей в истории Иркутска больше, чем в центральной России, поскольку не все аспекты жизни определяла Центральная власть. Город и его культура сформировались в результате нескольких пассионарных толчков, последовательно происходивших в XVII, XVIII, XIX и XX веках. Казаки Якова Похабова, предприимчивые купцы, старообрядцы, ссыльные декабристы, «поляки-сибираки», ссыльные 1930-х годов, архитекторы-шестидесятники – инициаторы пассионарных толчков, в результате которых Иркутск получал импульс к развитию.

Ключевые слова: Иркутск; локальная культура; взаимовлияние культур; пассионарии; пассионарный толчок. /

The local culture of Irkutsk developed in the context of the Russian, Polish, Ukrainian, Buryat and, more broadly, European and Asian cultures. The influence of major personalities in the history of Irkutsk is greater than in central Russia, since not all aspects of life were determined by the central government. The city and its culture were formed as a result of several passionate impulses that occurred successively in the 17th, 18th, 19th and 20th centuries. Yakov Pokhabov's Cossacks, enterprising merchants, Old Believers, exiled Decembrists, the Polish "Sybiraks", exiles of the 1930s, architects of the sixties initiated the phenomenon of passionate impulses, as a result of which Irkutsk received an impulse to development.

Keywords: Irkutsk; local culture; cultural interaction; passionaries; passionate impulse.

Иркутск: очерк культуры места / Irkutsk: an essay on the culture of the place

текст

Елена Багина
Уральский федеральный
университет
им. Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург)

text

Elena Bagina
Ural Federal University
named after B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg)

*Из края в край, из града в град
Судьба, как вихрь, людей метет.*

Федор Тютчев

Судьбы скрещенья...

Борис Пастернак

Locus – место. Как географическое понятие – это территория, имеющая границы, характерный климат, ландшафт, животный мир. Местом может быть названа и огромная территория, и очень маленькая. В этой «матрёшке» самая маленькая «фигурка» может быть, к примеру, площадью города или даже отдельным сооружением (Собор, святое место).

В разных языках «место» означает город, поселение. Вероятно, местом называют город потому, что именно это значение представляется людям самым важным. В Праге есть Старе-Место (Старый город) и Нове-Место (Новый город). Miasteczko (пол.), мястечко – городок.

Понятие локальной культуры, как и понятие места, зависит от масштаба. Так, в планетарном масштабе европейская культура может рассматриваться как локальная. В европейском масштабе – русская, немецкая, французская, итальянская культуры будут локальными, и так далее.

Когда речь идет о культуре города, описываются особенности ландшафта, история, архитектура, достопримечательности, обычаи и привычки людей, достижения и пр. У каждого места своя история и судьба. События прошлого – один из ключей к пониманию своеобразия местной культуры.

Место, о котором пойдет речь в этом очерке, расположено в Сибири, на берегу Ангары, в 70 километрах от Байкала по трассе. Здесь суровая природа и резко континентальный климат (до –45° зимой и до +40° летом). Человеческие поселения на этой территории существовали уже 40–50 тысяч лет назад, о чем свидетельствуют археологические находки в витринах краеведческого музея и научные публикации археологов. Изменился ли ландшафт и животный мир в результате деятельности бурят, эвенков и других народов, населявших эти места с незапамятных времен? Если изменения и были, то незначительные. Со второй половины

XVII века место на берегу Ангары стало меняться стремительно.

В 1661 году отряд казаков Якова Похабова основал на правом берегу Ангары, напротив устья реки Иркут, государев деревянный острог, получивший в 1686 году официальный статус города; это стало началом Иркутска. Русские поселения на Великом чайном пути из Китая в Европу были необходимы для успешной торговли, освоения новых земель и сбора дани с коренного населения. Место на берегу Ангары было выбрано удачно. Через русский форпост шли караваны с чаем, шелком, пушниной и другими товарами. Население росло, купцы богатели. Строились добротные дома и храмы.

С 1764 года город стал центром огромной Иркутской губернии, а затем столицей Восточно-Сибирского генерал-губернаторства. XVIII век – время стремительного развития города и начало становления его специфической локальной культуры [1].

Можно проследить, как культура этого места развивалась в контексте русской, польской, украинской, бурятской культур и – шире, – европейской и азиатской.

Типичные жители Иркутска выглядят и по-европейски, и по-азиатски. Крови здесь намешаны щедро. Если вы полетите в Иркутск самолетом, то уже в очереди на посадку увидите смуглых узкоглазых людей, которые одеты так же, как и прочие, говорят по-русски без акцента... Это коренные жители Сибири – буряты. В Иркутске их немного – всего 3,3% из 600000 населения города. Но их присутствие создает особую атмосферу. Буряты в Иркутске подобны специям в блюдах высокой кухни.

Кстати, о кулинарии... Когда вы едете из аэропорта в центр города, вы постоянно видите вывески с надписью «Позы», «Буузы». Для человека из Центральной России названия непривычные. Для иркутян – естественные. Позы (буузы) – традиционное блюдо бурятской, тувинской и монгольской кухни. Внешне напоминают манты или грузинские хинкали, но есть особенность – отверстие в верхней части «мешочка» из воздушного теста, внутри которого крученое или рубленое мясо. Буузы – бурятский вариант монгольского названия этого блюда. Буузы готовят и в Китае. Там это блюдо называется баоцзы. Но не только блюда по китайским рецептам издавна готовят буряты. Влияние китайской культуры гораздо глубже.

^ Рис. 1. Деревянный дом XIX века в Иркутске

^ Рис. 2. Вид на город Иркутск. Открытка XIX века

Буддизм, пришедший из Китая, трансформировал все стороны жизни коренного населения Сибири. Религия, зародившаяся в Индии, легко пересекла российско-китайскую границу: этносы, разделенные этой границей, были родственными. Конец XVII – начало XVIII века – время широкого распространения буддизма среди бурят. Но первоначальные следы этой религии (философии) в бурятской культуре ученые датируют пятым веком нашей эры. По данным 2019 года, среди бурят 39% буддистов. Некоторые исповедуют шаманизм, есть и христиане.

Когда буряты были кочевым народом, дацаны располагались в войлочных юртах. Потом стали строить стационарные моельни, похожие по архитектуре на монгольские и китайские [2]. Дацан в Иркутске есть (Гунга чойлин дацан). Построен он уже в XXI веке. Его архитектура небогата, но традиционная форма крыши и ступа присутствуют.

Существенную роль в становлении культуры Иркутска сыграли ссыльные. Все они – и поляки, и декабристы, и те, кто попал в Сибирь не по своей воле в 1930 годы, – несли в себе черты пассионарности. И архитекторы, поехавшие работать в Иркутск в 1960 годы по своей воле, тоже были пассионариями. Несколько пассионарных толчков формировали этот город в XVII, XVIII, XIX и XX веках. Энергии каждого пассионарного толчка хватало примерно на 100 лет. Так, спустя век с момента основания Иркутск стал значимым местом на карте Российской империи, и ему присвоили статус города. Второй пассионарный толчок – заслуга предприимчивых купцов. В результате через 80 лет это место стало уже центром огромной губернии.

Третий пассионарный толчок Иркутск испытал в середине XIX века. Ссылая в Сибирь бунтовщиков, декабристов и поляков, Николай I стремился погасить их пассионарную энергию. Но погасить не удалось: своей деятельностью эти люди способствовали развитию неосвоенного края: «... в Российской империи немного таких городов просто потому, что это уровень цивилизации, которого мало где удавалось достичь. Петербург, Москва, Киев, Варшава, Одесса – больше и не вспомнишь. Это уже не про колониальную торговлю, это про европейский расцвет перед Первой мировой войной. И что совсем уж необычно для России – это не город власти. Не дво-

рец генерал-губернатора, не присутственные места, не казармы – не офисы государства определяют облик города. Нет, он построен уверенным в себе, мощным, образованным, может быть, несколько аффектированно патристичным (по сравнению с европейской Россией – тут две трети домов в «русском стиле») частным капиталом. В этот момент идентичность города однозначна – это европейская буржуазная столица» [3].

Расстояние от Иркутска до Петербурга и Москвы огромно. Эффективно управлять из единого центра всегда было невозможно, поэтому не все аспекты жизни определяла в Сибири центральная власть. Влияние выдающихся личностей здесь гораздо больше, чем в Центральной России.

Со второй половины XIX века существенную роль в становлении культуры Иркутска играли «поляки-сыбираки» (именно так в польском языке произносится русское слово «сибиряк»). Некоторые приехали в Сибирь добровольно, но в большинстве они были ссыльными: сторонники Барской конфедерации (конец XVIII века), участники польских восстаний 1830, 1863, 1905–1907 годов. В 1939 году в Сибирь были депортированы поляки из Западной Украины и Белоруссии, но их жизнь в этих краях была недолгой: большая часть погибла.

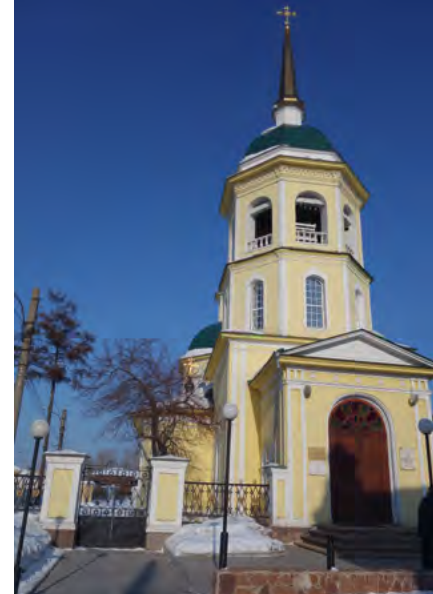
В 1860-е годы в Сибири проживало около 20 тысяч поляков. В Иркутске в это время их было 150, а все население города составляло примерно 17 тыс. человек. Большинство «поляков-сыбираков» появилось в городе в 1865 году после подавления польского восстания 1863 года. Это были ученые, врачи, художники, писатели, ремесленники. 150 образованных людей, носителей европейской культуры, для Иркутска второй половины XIX века – много. Некоторые из них в 1880-е годы вернулись на родину, но часть осталась в Сибири. В Иркутском областном художественном музее есть картины польского художника С. Вроньского (Stanislaw Wronski). Известны труды геологов А. Чекановского и И. Черского... Поляк Б. Шостакович стал даже городским головой в 1902–1903 годах. Одна из улиц города по сей день носит название Польских Повстанцев. Можно было эту улицу переименовать, но такое решение было бы несправедливо по отношению к истории места.

^ Рис. 3. Дом С. П. Трубецкого в Иркутске

^ Рис. 4. Дом-музей Волконских в Иркутске

^ Рис. 5. Иркутск. Спасо-Преображенская церковь. 1795

«Поляки-сыбириаки» строили на берегах Ангары римско-католические церкви, похожие на храмы их родины. Мотивы европейского барокко в украшениях деревянных домов Иркутска XIX века, как считают многие исследователи, – тоже вклад поляков. Но декоративные элементы на домах поляков имели не только польские барочные прототипы. Местные мастера создавали деревянные кружева, не особенно заботясь о чистоте стиля. Главное – чтобы заказчик был доволен.

Сегодня в Иркутске живет примерно 600 поляков. Их предки молились в деревянной римско-католической церкви Успения Пресвятой Девы Марии, сгоревшей в 1879 году. На ее месте в 1884 году была построена неоготическая каменная церковь (архитектор Иосиф Тамулевич). Она сохранилась [4]. Сейчас в ней орган зал, а для католической общины Иркутска в 2000 году был построен собор Непорочного Сердца Пресвятой Девы Марии (архитекторы А. И. Хвалибог и В. Б. Стегайло) [5]. В нем присутствуют неявные цитаты готики. Но, вероятно, авторы проекта больше вдохновлялись ледяными торосами Байкала, чем готической архитектурой, свойственной польским католическим храмам.

Едва ли не большее влияние, чем ссыльные поляки, на культуру Иркутска оказали декабристы, сосланные в Сибирь после восстания 14 декабря 1825 года. «Одновременное появление в небольшом и разнокалиберном обществе двадцатитысячного городка пятнадцати или двадцати высокообразованных личностей не могло не оставить глубокого следа, они скоро завоевали себе общую любовь и уважение в Иркутске. <...> Каждый из них в отдельности и все вместе взятые – они были такими живыми, превосходными образцами культуры, что естественным образом поднимали значение и достоинство ее в глазах всякого, кто с ними приходил в соприкосновение» [6].

Дома Волконских и Трубецких не были похожи на типичные иркутские деревянные особняки XIX века. Они как будто перенесены на берега Ангары из другого мира. И сегодня уже не настолько важно, воссозданы ли эти дома или их отстававировали, есть ли там подлинные вещи или только подобные тем, которыми некогда пользовались Трубецкие и Волконские. Жил ли Сергей Трубецкой в деревянном доме, что стоит ныне на ул.

Дзержинского, № 64, или там жила одна из трех его дочерей. Так или иначе, эти дома хранят память о декабристах. Памятник женам декабристов, что стоит напротив дома Волконских, воссоздает образ его жены Марии, дочери генерала Николая Николаевича Раевского, героя Отечественной войны 1812 года, и внучки Михаила Ломоносова Софьи Алексеевны Раевской (урожденной Константиновой) [7].

Обыкновенно речная панорама очень много говорит о городе и религии его жителей. В речной панораме Иркутска конца XIX века преобладали православные храмы, была и старообрядческая церковь. Костел, мечеть, и синагоги тоже были заметны.

О старообрядцах в Сибири написано немало. Мощный поток «семейских» достиг Прибайкалья во второй половине XVIII века, причем некоторые в этот край переселялись из Польши, куда первоначально бежали от преследований. Старообрядцы сохранили свою веру, язык, обряды, песни и хранят до сих пор. Их влияние на культуру Сибири неоспоримо [8].

В конце XVIII века в Сибири, и в частности в Иркутске, появились евреи. К началу XX века их в городе было 10 %. Еврейский квартал располагался в районе Саломатовской улицы (ныне Карла Либкнехта). Действовало 6 синагог. Одна из них сохранилась. Это старейшая в России действующая синагога. Построена она по проекту иркутского архитектора В. А. Кудельского на пожертвования прихожан еврейской общины. Двухэтажное Т-образное здание действующей и ныне синагоги – памятник истории и культуры конца XIX века.

Есть в Иркутске и мечеть. Она тоже находится на ул. К. Либкнехта. Случайно ли в русском городе на одной из центральных улиц и мечеть, и синагога, и стоящая неподалеку римско-католическая церковь, и православные храмы?

Крестовоздвиженскую церковь, что стоит на взгорке в центре Иркутска, строили долго, с 1747 по 1760 год, во времена правления Елизаветы Петровны (1741–1761). Искусствоведы считают ее шедевром «сибирского барокко». Это красивое название для колоритных сибирских домов и храмов XVIII–XIX веков придумал в 1924 году иркутский краевед Д. А. Болдырев-Казарин. «Оргиа-

^ Рис. 6. Крестовоздвиженская церковь в Иркутске. 1747–1760. Фрагмент

^ Рис. 7. Крестовоздвиженская церковь. Буддийские мотивы

^ Рис. 8. Крестовоздвиженская церковь. Колесо Дхармы

стическое безумство» – так он характеризовал обильно декорированные нарядные строения [10].

Разномасштабных архитектурных ответвлений большого европейского стиля в России много: нарышкинское барокко, строгановское барокко, голицынское барокко, петровское барокко, елизаветинское барокко, екатерининское барокко... Почему бы не быть и «сибирскому барокко»? Но это все же скорее красивая метафора, даже если понимать определение стиля по И. И. Винкельману как набор характерных форм. Слишком отличаются в разных строениях «сибирского барокко» соотношения масс, силуэтные характеристики, орнаментальные мотивы... Стиль все-таки предполагает некое единство. В Сибири же наблюдалось «перекрестное опыление» стилей. Особенно хорошо это заметно в архитектуре сибирских православных храмов. Где-то больше украинского влияния, где-то польского, где-то бурятского... Можно согласиться с Григорием Ревзиным, что две трети домов XIX века в Иркутске построены в «русском стиле». Но если учесть, что искусственных «русских стилей» во второй половине XIX века было создано множество, то «русский стиль» иркутских деревянных домов – еще одна его модификация – иркутская, с включением польских, украинских, бурятских мотивов. Есть и еще одна особенность сибирского «русского стиля» – парадоксальная сопряженность нежности и мощи.

О мастерах, построивших Крестовоздвиженский храм в Иркутске, ничего не известно. Скорее всего, среди них были и крещеные буряты, привнесшие в отделку православного храма буддийские мотивы. Историки архитектуры видят в Крестовоздвиженской церкви и мотивы русских допетровских строений, и украинские влияния, и бурятские. Главным церковным иерархом в Сибири, когда строился этот храм, был митрополит Сибирский и Тобольский Филофей (Лещинский) родом с Украины. За время его архипастырства в Сибири было построено 288 церквей и 37 монастырей. Известно, что Филофей приглашал на работу каменщиков с Украины, благодаря чему в сибирской архитектуре появились элементы украинского барокко (в то же время в украинском барокко сильны польские влияния, а в польском барокко французские, а во французском барокко итальянские...).

Интересный факт: в 1974 году в Иркутский художественный музей из Крестовоздвиженской церкви поступила деревянная скульптура распятого Христа. У Иисуса умиротворенное, спокойное лицо с монголоидными чертами, характерное для буддийских культовых изображений... Скульптура была создана в конце XVIII века и делал ее, видимо, мастер-бурят.

В Крестовоздвиженской церкви основу дала русская православная традиция храмовой архитектуры нарышкинского барокко. Но, поскольку церковь строилась там, где локальную культуру формировало еще и бурятское влияние, то удивляться не приходится ни «колесу дхармы», ни орнаментам, напоминающим силуэт буддийских ступ [8].

Иркутск уже к середине XVIII столетия стали называть сибирской столицей. Но город и в XIX веке оставался в основном деревянным, что не мешало ему быть нарядным и богатым. Деревянные дворцы купцов и крепкие одно-двухэтажные дома мещан украшало деревянное кружево. Особенной гордостью домовладельцев были резные наличники. В мотивах этой резьбы, как и в облике Крестовоздвиженской церкви, слились представления о прекрасном у людей нескольких культур.

Иркутские наличники, как говорил архитектор Марк Меерович, много сделавший для того, чтобы уникальные деревянные дома в Иркутске сохранились и обрели новую жизнь, – «обережная молитва, воплощенная в дереве». Языческие символы переплетаются в них с классическими листьями аканта, виноградными лозами, волютами. В нежных деревянных кружевах зашифрованы тайны людских судеб. Вряд ли местные мастера, вырезая деревянные орнаменты, задумывались о барокко и классицизме, о тоске поляков по родине, о магических языческих оберегах и философии буддизма, хотя...

Размеры иркутских наличников впечатляют. Только надоконная часть некоторых из них в высоту достигает метра, и выступают они вперед из плоскости фасада сантиметров на тридцать. Сами же окна по-сибирски небольшие: сбережение тепла было важно. Интересно, что буряты по примеру русских тоже стали строить деревянные дома. Перенимали они и многое другое. Часто добровольно принимали крещение, освобождавшее их от дани (ясака) и ряда повинностей. Крестившись,

^ Рис. 12. В. А. Павлов. Дом Восточно-Сибирской железной дороги

^ Рис. 13. Иркутск. 130-й квартал

буряты изучали русский язык и получали ответственные должности, а их дети – возможность учиться. Новокрещенные становились Пирожковыми, Баторовыми, Протасовыми, Винтовкиными, но не забывали и свои исконные бурятские имена, и своих родственников, ведущих кочевой образ жизни и живущих в традиционных войлочных и, по-новому, – в деревянных юртах [9].

Сближение типов традиционного деревянного жилища бурят и русских происходило на протяжении долгого времени. Об этом со знанием дела могут рассказать в архитектурно-этнографическом музее Тальцы, где собраны образцы местных деревянных строений.

Если планировка и внешний вид бурятских и русских деревянных домов со временем сближалась, то наполнение интерьеров разнилось. Впрочем, и в русских избах появлялись коврики из конского волоса – таары, и в бурятских жилищах предметы, созданные русским умельцами. Орнаменты и цветовые предпочтения у русских и бурят со временем тоже сблизились.

В конце XIX века ускорилась европеизация крупных городов Сибири, в том числе и Иркутска. Так, у богатого бурятского купца Михаила Бичаханова, занимавшегося переправой грузов по Лене и поставками хлеба на север Иркутской губернии, в Иркутске был большой деревянный дом с садом. Вряд ли его прототипом, как свидетельствует местная легенда, был дворец Тюильри. Тем не менее в доме Бичаханова был роскошный камин, зеркала, майсенский фарфор и прочие чудеса европейской цивилизации. Говорят, Бичаханов бывал в Париже и любил щеголять во фраке и цилиндре. Сейчас дом Бичаханова то ли музей, то ли дешевая гостиница, хозяйка которой каждому гостю рассказывает легенду о любви Бичаханова к французской балерине Пенелопе Мо.

Местные легенды – тоже элемент локальной культуры. Тайные подземные ходы, сбывшиеся пророчества святых старцев, насильно выданные замуж красавицы, бросившиеся в Ангару – неизбывные темы.

Есть и непонятные приезжим местные фразеологизмы, например, «черти в кулачки не били»: это значит, рано еще, солнце не взошло. Поднимая рюмку водки на чистейшей байкальской воде, иркутяне вам могут сказать: «Аредовы веки вам». Так сибиряки, у которых в роду были поляки, желают долголетия: библейский патриарх

Иаред (Аред), по преданию, прожил 962 года. «Мочить коры» значит «прикалываться». «Чо каво» – выражение, которое может означать все что угодно: от «что выпить есть?» до «куда пойдём?». «Большеводье» – подъем уровня воды. «Там, рядом с декабристами» – в историческом центре города.

В Иркутске русские, поляки, украинцы, буряты, евреи, татары приносили свою культуру и изменяли место на берегу сибирской реки. Неизменной оставалась редко замерзающая Ангара и близость Байкала. В XIX веке строили деревянные дома, жили в них как умели, как могли. Основывали монастыри и возводили церкви. Но умирают не только люди, но и их дома. Иркутские архитекторы сражаются сегодня за каждый старинный дом.

Деревянный Иркутск XIX века уникален, а Иркутск XX века, на первый взгляд, мало чем отличается от других городов. Модернизм по-советски, как считают консерваторы, дорого стоил большинству исторических городов. И во многом они были правы.

В хрущевский период в Иркутске начали строить панельные четырех-пятиэтажные дома. Сначала «как везде», а потом – «не как везде», особенно когда в городе появились выпускники Киевского инженерно-строительного института – Владимир Бух и его коллеги, выпускники МАРХИ, и Владимир Павлов, выпускник Репинского института живописи, скульптуры и архитектуры. Кто-то, хлебнув сибирской романтики, вернулся. Те, кто остался, изменили город: они, как декабристы и «поляки-сыбиряки», были пассионариями. Эти архитекторы инициировали новый пассионарный толчок в истории Иркутска.

Когда сегодня говорят о наследии, о том, что его нужно охранять и сохранять, почему-то редко вспоминают о шедеврах модернизма. В Иркутске такие шедевры есть. Но, вероятно, нужно, чтобы прошло время, – «большое видится на расстоянии». И тогда будут реставрировать, охранять и сохранять.

Десять лет, пока Владимир Бух был главным архитектором города (1977–1987), называют «иркутским ренессансом». Количество уникальных зданий, построенных в это время, удивляет.

Уже первый иркутский опыт Владимира Павлова 1964 года – жилые дома Иргиредмета – несомненная удача. Блокированные со сдвижкой две жилые секции

необычны. Выходящая на красную линию улицы Горького часть поднята над землей, 4 этажа... А рядом Харлампиевская церковь, и жилые дома, спроектированные Павловым, уживаются с ней, более того – соответствуют ее масштабу и подчеркивают значимость по-петербургски элегантного храма XVIII века. Ровно через 20 лет Павлов создаст проект жилого дома Восточно-Сибирской железной дороги. Мощный разноразмерный кирпичный дом с арками, выходящими на Ангара, в 1987 году был признан лучшей постройкой года. А для Иркутска этот дом стал новой доминантой, «собравшей» композицию речной панорамы.

Главная площадь города, лишившаяся в 1932 году грандиозного Казанского собора, могла бы украситься постройкой Павлова, но не случилось. Видимо, «Дом власти» или «Дом на ногах», как его прозвали горожане, был неугоден гению места, грустившему о Казанском соборе. Сначала строительство этого уникального сооружения было заморожено из-за нехватки средств (страна готовилась к Олимпиаде-80), потом не стало и той власти, для которой это здание строилось. В 2008 году большая, новаторская его часть была снесена [11].

1990–2000 годы – период острого кризиса в стране. В это время консервативные тенденции очень ярко проявились в культуре Иркутска, что тоже было проявлением пассионарности местной культуры. Талантливый писатель-почвенник Валентин Распутин возглавил «крестьянский поход» против модернизма. Владимир Павлов, его коллеги и ученики вряд ли могли доказать консерваторам, что новая архитектура тоже может соответствовать месту и быть национальной по духу. Трагедия «Прощания с Матёрой» была примерена к Иркутску. Город стали спасать от Павлова. Архитектор вынужден был уехать. Но пассионарная культура этого места оказалась устойчивее, чем можно было ожидать. Только вектор этой культуры повернулся на 180 градусов.

К 350-летию Иркутска, в 2008 году, появился 130-й квартал. На входе посетители видят скульптуру бобра. Этот фантастический зверь – геральдический символ. В нем есть черты бобра и тигра. Случайность, ошибка чиновника, не понявшего смысл сибирского слова, озаначающего тигра, породила местный феномен. О концепции 130 квартала спорят до сих пор, а он уже давно живет своей жизнью и стал достопримечательностью города, его гордостью. Деревянные дома по периметру квартала реставрировали, восстановили 16 утраченных зданий, 8 перевезли из других районов Иркутска и восстановили взамен утраченных по реставрационным чертежам. Ранее дома, которые сейчас составляют 130 квартал, были жилыми. Сейчас в них кузнечные и гончарные мастерские, кафе, рестораны, магазины. Ставший консерватором, гений места доволен: образ деревянного Иркутска воссоздан. Горожане и туристы любят отдыхать в 130 квартале. Город получил наполненное жизнью пространство.

Спасать деревянное архитектурное богатство города необходимо. Вряд ли кто будет с этим спорить. Но, вероятно, будет новый пассионарный толчок, питающийся энергией молодых пассионариев, и гений места в Иркутске обратит свой взгляд в будущее. Как город будет выглядеть через несколько десятилетий – непонятно. Может быть, «иркутский ренессанс» продолжится и будет еще один взлет.

Литература

1. Географическая энциклопедия Иркутской области. От А до Я / Ред. Л. М. Корытный. – Иркутск : Издательство Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2019. – 199 с.
2. Намаев, Д. Д. Буряты. Этногенез и этническая история. – URL: <https://www.dissercat.com/content/buryaty-etnogenez-i-etnicheskaya-istoriya> (дата обращения: 15.03.2026).
3. Григорий Ревзин. Город большого мифа и большой обиды. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6836394> (дата обращения: 12.02.2026).

4. Авимская, М. А. Польская диаспора в Западной Сибири в конце XIX – середине XX вв. – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/polskaya-diaspora-v-zapadnoy-sibiri-v-kontse-hih-seredine-hh-vv/viewer> (дата обращения: 10.03.2026).

5. Собор Непорочного Сердца Божией Матери. – URL: <https://xn--h1ajim.xn--p1ai/> (дата обращения: 14.03.2026).

6. Николай Белоголовый. Воспоминание сибиряка о декабристах. – URL: <https://www.litres.ru/book/NIKOLAY-BELOGOLOVYU/iz-vozpominaniy-sibiryaka-o-dekabristah-3022625/chitat-onlayn/> (дата обращения: 11.02.2026).

7. Каменская, Е. Декабристы в Иркутске (К истории вопроса). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dekabristy-v-irkutske-k-istorii-voprosa> (дата обращения: 10.02.2026).

8. Рябцева, В. А. Миграционные потоки старообрядцев в Западную Сибирь. – URL: [file:///C:/Users/user/Downloads/migratsionnye-potoki-staroobryadtsev-v-zapadnuyu-sibir%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/user/Downloads/migratsionnye-potoki-staroobryadtsev-v-zapadnuyu-sibir%20(1).pdf) (дата обращения: 10.02.2026).

9. Валерия Пикункина. Коренное население Иркутской области. – URL: <https://vc.ru/id2482453/886625-korennoe-naselenie-irkutskoi-oblasti> (дата обращения: 05.02.2026).

10. Кружалина, А. А. Христианизация аборигенного населения Сибири (вторая половина XIX в.) // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 7. – С. 93–99.

11. Болдырев-Казарин, Д. А. Народное искусство в Сибири : (Из очерков по истории рус. искусства в Сибири). – Иркутск : Вост.-Сибирск. отд. Рус. географич. о-ва, 1924. – 18 с.

12. Владимир Павлов (ред.-сост. В. Бух, Е. Григорьева). – Екатеринбург : Tatlin, 2013. – 133 с. : ил. – (Архитектура советского модернизма. Мастер).

References

Avimskaya, M. A. (2021). The Polish diaspora in Western Siberia at the end of the XIX – mid XX century. *Postsovet sky materik*, 1(29). Retrieved March 10, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/polskaya-diaspora-v-zapadnoy-sibiri-v-kontse-hih-seredine-hh-vv/viewer>

Belogoloviy, N. (1890). *Vospominanie sibiriyaka o dekabristakh [A Siberian's memory of the Decembrists]*. Retrieved February 11, 2026, from <https://www.litres.ru/book/NIKOLAY-BELOGOLOVYU/iz-vozpominaniy-sibiryaka-o-dekabristah-3022625/chitat-onlayn/>

Boldyrev-Kazarin, D. A. (1924). *Narodnoe iskusstvo v Sibiri: (Iz ocherkov po istorii rus. iskusstva v Sibiri) [Folk art in Siberia (From essays on the history of Russian art in Siberia)]*. Irkutsk: East-Siberian Branch of Russian Geographical Society.

Bukh, V., & Grigoryeva, E. (Eds.). (2013). Vladimir Pavlov. Yekaterinburg: Tatlin.

Kamenskaya, E. (2007). Dekabristy v Irkutsk (K istorii voprosa) [Decembrists in Irkutsk (To the history of the issue)]. *Scientific and Technical Journal of Information Technologies, Mechanics and Optics*, (36), 72–77. Retrieved February 10, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/dekabristy-v-irkutske-k-istorii-voprosa>

Korytny, L. M. (2019). Geographical encyclopedia of the Irkutsk region. From A to Z. Irkutsk: Publishing House of the V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS.

Kruzhalina, A. A. (2014). Christianization of native population of Siberia (the second half of the XIX-th century). *Bulletin of the Buryat State University*, (7), 93–99.

Namaev, D. D. (2000). Buryaty. Etnogenez i etnicheskaya istoriya [Buryats. Ethnogenesis and ethnic history] [Doctoral dissertation]. Retrieved March 15, 2026, from <https://www.dissercat.com/content/buryaty-etnogenez-i-etnicheskaya-istoriya>

Pikunova, V. (2023). *Korennoe naselenie Irkutskoi oblasti [The indigenous population of the Irkutsk region]*. Retrieved February 5, 2026, from <https://vc.ru/id2482453/886625-korennoe-naselenie-irkutskoi-oblasti>

Revzin, G. (2024). Gorod bolshogo mifa i bolshoi obidy [A city of great myth and great resentment]. *Kommersant*. Retrieved February 12, 2026, from <https://www.kommersant.ru/doc/6836394>

Ryabtseva, V. A. (2013). Migratory flows of Old Believers to Western Siberia. *Vestnik KemGU*, (24). Retrieved February 10, 2026, from [file:///C:/Users/user/Downloads/migratsionnye-potoki-staroobryadtsev-v-zapadnuyu-sibir%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/user/Downloads/migratsionnye-potoki-staroobryadtsev-v-zapadnuyu-sibir%20(1).pdf)

Sobor Neporochnogo Serdtsa Bozhiei Materi [Cathedral of the Immaculate Heart of the Mother of God]. (n.d.). Retrieved March 14, 2026, from <https://xn--h1ajim.xn--p1ai/>

Понятие городской среды – одно из самых обсуждаемых и в то же время самых многозначных понятий в современной урбанистике. Большинство моделей городской среды рассматривают ее как статичный объект, в котором любые кардинальные изменения носят нежелательный и даже катастрофичный характер. В статье показано, что подобное отношение к динамике городской среды глубоко укоренено в методологических основах философии Платона и Аристотеля. Предложено использовать для исследования динамической городской среды методологическую базу метамодернизма. Рассмотрены практические кейсы успешных архитектурных проектов, использующих данный подход.

Ключевые слова: архитектура; урбанистика; городская среда; динамика; метамодернизм; культурное наследие. /

The concept of urban environment is one of the most discussed and, at the same time, the most ambiguous concepts in modern urban studies. Most models of the urban environment consider it as a static object in which any cardinal changes are undesirable and even catastrophic. The article shows that this attitude to the dynamics of the urban environment is deeply rooted in the methodological foundations of the philosophy of Plato and Aristotle. It is proposed to use the methodological base of metamodernism for the study of the dynamic urban environment. Practical cases of successful architectural projects using this approach are considered.

Keywords: architecture; urbanism; urban environment; dynamics; metamodernism; cultural heritage.

Городская среда – носитель, хранитель и угроза для локальной культуры / The urban environment as a carrier, a guardian, and a threat to the local culture

текст

Алексей Буйнов

Национальный
исследовательский
Московский

государственный
строительный университет

Константин Лидин

Республиканский институт
высшей школы (Минск,
Беларусь)

text

Alexey Buinov

National Research Moscow
State University of Civil
Engineering

Konstantin Lidin

National Institute for
Higher Education (Minsk,
Belarus)

Понятие городской среды и основанный на нем «средовой подход» в теории и практике урбанизма остаются одной из самых частых тем в соответствующих публикациях. Количество исследований настолько выросло, что библиометрический анализ уже не пытается охватить весь массив выходящих публикаций, а производится по более узким темам и аспектам. Анализируются работы, посвященные влиянию городской среды на здоровье горожан [1], связи параметров городской среды с экологией [2] и социологией города [3], с восприятием среды горожанами [4]; статьи, обсуждающие отдельные технологии и методы исследования городской среды [5] и т. д. Попытки дать универсальное определение понятию городской среды происходят постоянно на протяжении многих лет [6], но все еще не дают удовлетворительного результата.

В рамках данной статьи мы хотели бы сосредоточиться на одном, на наш взгляд, важнейшем качестве городской среды, которое редко попадает в поле зрения исследователей – при всем разнообразии трактовок и подходов. Мы имеем в виду динамичность городской среды, ее текучесть и изменчивость. При любом понимании самой городской среды текучесть остается свойством, имманентным любому ее параметру или аспекту.

Наиболее компактно эту мысль выразил А. Э. Гутнов [7], разделив городскую среду на «каркас» и динамическую часть. Однако и «каркас», который может показаться неподвижным, если оставаться во временном масштабе повседневной жизни, на самом деле тоже движется, меняется – только гораздо медленнее. А. Э. Гутнов назвал эти процессы «эволюционными». Для иллюстрации этого тезиса можно привести метафору реки, в которой непрерывно течет вода, а русло выглядит постоянным, но в ином масштабе времени становится заметно, что и русло движется, меняется ширина и полноводность реки и т. д.

Надо заметить, что теория А. Э. Гутнова возникла не на пустом месте. Ее основанием послужили эксперименты по использованию в архитектуре идей тектологии – науки об общих принципах управления. Теоретическую и методологическую базу тектологии заложил, как известно, А. А. Богданов, а ее применение в архитек-

туре и градостроительстве связано с именем А. В. Розенберга [8]. В 1923 году, в период мощного подъема теории и практики конструктивизма, вышла небольшая книга этого автора «Философия архитектуры. Общие основания теории проектирования архитектурных сооружений». В 1930 году, уже после поворота к сталинскому ампиру, расширенный вариант этой книги был опубликован под менее амбициозным заголовком «Общая теория проектирования архитектурных сооружений». В трудах А. В. Розенберга не только архитектурное проектирование, но и каждый архитектурный объект, и ансамбль, и город в целом рассматриваются как динамичные системы, как процессы.

К сожалению, в последующие десятилетия XX века модели динамичной городской среды не получили должного развития. В большинстве разработок изменения в среде города выглядят как необязательные, а зачастую – нежелательные и даже катастрофичные явления, требующие специальных мер противодействия. Оптимальная городская среда – это среда неизменная, в которой параметры основных потоков (экономических, экологических, демографических и т. д.) сохраняются неизменными, а под словом «развитие» понимается в лучшем случае не-принципиальный количественный рост этих показателей. Немногочисленные работы, претендующие на динамичный подход к городской среде (например, книга Жилья Делёза «Следуя за потоком»), не вызывают широкого резонанса ни в академической, ни в профессиональной среде архитекторов [9].

В большей мере это обусловлено преобладанием статичного подхода в традиции Платона и Аристотеля, характерного для модернизма, доминировавшего в архитектуре и урбанистике на протяжении почти всего XX века [10].

Динамичные модели городской среды, на наш взгляд, могут успешно развиваться с опорой на философию метамодернизма, которая основана на образе непрерывно меняющейся, но не хаотичной реальности. Продолжая аналогию с рекой, можно сказать, что при всей текучести данная конкретная река остается собой. Она может менять параметры течения, русло, название, но сохраняется что-то, позволяющее считать этот природный объект все

той же рекой. Такой элемент, сохраняющийся при изменениях и составляющий сущность (идентичность) динамического объекта, в философии познания называется инвариантом [11].

Выделение инварианта динамичной городской среды крайне важно, в первую очередь – для сохранения идентичности города, его историко-культурного смысла, его индивидуальности. Если этого не делать, поток изменений может легко смыть именно то, что делает город узнаваемым и уникальным, а утрата идентичности, в свою очередь, грозит развитием депрессивных тенденций.

Инварианты сибирских городов

Анализ градостроительства и архитектурной практики создания сибирских городов России позволяет с некоторой долей уверенности утверждать, что в последовательном и непрерывном процессе развития городской среды существуют вневременные закономерности, не связанные с определенными архитектурными стилистическими направлениями. Именно в этих закономерностях, которые могут быть приняты в качестве базовых единиц или, если хотите, принципов, – содержится основная часть системных признаков образа городской среды. Эти критерии – место, масштабность, структура и материал.

При всех изменениях общественного устройства и морали, строительной техники и механизмов, архитектурных форм и стилистических направлений эти категории, оставаясь практически неизменными, неуклонно гармонизировали внутренние связи и продолжают это делать внутри системного (а зачастую и внесистемного) образования, именуемого городской средой. Очевидно, что для организации гармоничного сосуществования старого и нового в едином пространстве эти факторы имеют преобладающее значение.

Эти критерии можно применять как к городу или его фрагментам и участкам, включая кварталы, так и к отдельным зданиям и сооружениям. Разумеется, существование таких неизменных категорий не является «панацеей от всех бед». Но то, что создаваемая на их основе база будет способствовать процессу гуманизации среды, – это очевидно, что подтверждается использованием этих принципов в реальном архитектурном проектировании. Рассмотрим эти понятия.

Место в архитектуре и градостроительстве имеет двойную природу. С одной стороны, понятие места включает объективные характеристики, присущие данному участку земной поверхности: ландшафт, типичная флора и фауна, особенности геологического строения, климат и т. д. Отдельно хотелось бы подчеркнуть параметр, который редко попадает в поле зрения архитекторов, а именно небо. Цветовая динамика неба зачастую обладает значительными особенностями. Так, в городах, расположенных на высоте 500 м над уровнем моря и более (например, Иркутск), небо может иметь гораздо более интенсивный оттенок голубого, а цветовые эффекты закатов и восходов бывают гораздо более яркими и драматичными, чем у равнинных городов.

Вторая сторона понятия места связана с субъективными факторами – историей, мифологией, локальной культурой и глобальной репутацией данного места.

Масштабность – это ритмическое соотношение частей и целого в градостроительной и архитектурной композиции, фиксация которого позволяет гармонично включать в существующую ситуацию, как в систему, новые здания и сооружения, с пониманием их высоты, объема и членений, с определенными допусками.

С другой стороны, масштабность – важнейшая качественная характеристика архитектурной и городской среды, одна из главных категорий архитектурной композиции. Масштабным называется то городское пространство,

находясь в котором человек воспринимает и ощущает его, оценивая как соразмерное себе.

Структура – взаимное расположение частей внутри целого. Важно обратить внимание на то, что, в отличие от бытового понимания структуры, философский взгляд сосредоточен не на элементах, входящих в структуру и образующих ее. Философское понимание структуры включает в первую очередь рисунок связей, систему отношений между элементами. Следствием из такого понимания является то, что структура может сохраняться при замене входящих в нее элементов. Так, чертеж, карта или схема состоят из нарисованных значков, но узор связей между ними совпадает с рисунком связей между элементами объекта, изображенного на схеме, т. е. схема адекватно передает структуру исходного объекта.

Структура, являясь, в сущности, основной характеристикой градостроительной системы или архитектурного сооружения, определяет их суть и характер. Она, как ничто другое, диктует преемственность решений, что совсем не обозначает слепого повтора или имитации старых форм. Так, Москва упорно сохраняет свою концентрическую структуру, несмотря на ее анахроничность. И по той же причине столь сомнительно выглядит практика реставрации исторических зданий, когда сохраняется только фасад, а внутренняя структура здания полностью перестраивается.

Материал, а точнее, набор материалов, типичный для данного объекта (строения, квартала, города, агломерации). Инвариант в аспекте материалов определяется в первую очередь набором традиционных строительных технологий, привязанных к особенностям места. Традиционные материалы, в свою очередь, определяют и традиционный, узнаваемый облик городской среды – ее цветовую палитру, включая особенности взаимодействия поверхностей со светом в разное время суток и года, характерную форму и пропорции зданий и т. д. Так, облик армянского Ани в значительной степени определяется особенностями местного строительного камня, а облик многих наиболее типичных кварталов сибирских городов связан с традициями деревянного домостроения.

Правильный выбор материалов воздействует на городскую и архитектурную среду, ее структуру и масштабность не только своим цветом и характером фактуры, но и качеством. Заметим отдельно, что геометрические параметры зданий и планировки должны быть связаны с характером материалов. Попытки имитации традиционной среды в новых материалах (например, воспроизводство «традиционного стиля» в технологии сборного железобетона) вызывают острое чувство дискомфорта даже у неискушенного горожанина.

Пример 1: церковь у дороги. Один из примеров удачного прочтения и организации фрагмента городской среды – воссоздание Николо-Иннокентьевской церкви в Свердловском районе Иркутска. Возведенный всего за год в конце 1850-х годов и через сорок лет ставший постройкой, в обязательном порядке входившей в каждый вокзальный комплекс, храм увенчал собой одну из самых высоких точек природного ландшафта, окружавшего территорию железнодорожного узла. Градостроительно точка местоположения объекта была определена безукоризненно.

Для возведения культового здания был выбран не самый дорогой каменно-деревянный вариант образцового проекта, который, правда, очень быстро был заменен на каменный. Первоначальный облик храма показан на рис. 1. В советское время храм обезглавили, лишили колокольни и, частично перестроив, превратили в кинотеатр. В начале 1970-х здание признали аварийным и забросили. В течение следующих 27 лет храм последовательно разрушался. Сделанный в конце восьмидесятых

^ Рис. 1. Николо-Иннокентьевская церковь в Иркутске. Фото начала XX века

^ Рис. 2. Николо-Иннокентьевская церковь. Проект воссоздания. Перспектива. Авторский коллектив: А. Буйнов (главный архитектор), М. Гурьева, Н. Носова, И. Смирнов (архитекторы), В. Жук (главный конструктор). Строительство: 2001–2003

проект реставрации по ряду понятных причин реализован не был и к началу двухтысячных актуальность свою во многом утратил, а именно в 2003 году было принято решение о воссоздании храма. Вот тогда-то перед авторами проекта и встал вопрос: а что же, собственно, воссоздавать? Техническое и противогрибковое обследование доказало невозможность даже частичного использования не только останков стен, но и фундаментов существовавшей постройки. Здание очевидно становилось новоделом, и в связи с этим аппетиты эксплуатирующей организации, более не сдерживаемые реставрационными ограничениями, стали заметно расти. А органы охраны памятников истории и культуры отделались тогда многозначительной фразой о том, что «облик храма и его планировочное решение должны быть сохранены...».

Исходя из невозможности увеличения в плане, новый храм увеличивался в высоту и становился двухэтажным. Несмотря на то что нижний этаж был существенно «спрятан» в землю, здание заметно подросло. Кроме этого, были настоятельные пожелания сделать барабан главки над храмом световым, что существенно увеличило габариты и его, и купола, и, как следствие, креста, этот купол завершающего. В результате изменились пропорции колокольни, что напрямую было связано с необходимостью пропорционального увеличения ее вертикальных размеров, и это, в свою очередь, привело к изменению формы шатра, завершающего эту колокольню. Нулевая отметка церкви существенно поднималась над землей – и крыльца главных входов автоматически превращались в весьма значимые градостроительные элементы, которых до этого, естественно, не было... А еще весьма подросший храм не должен был «задавить» своей массой сохранившийся подлинный деревянный дом священника... И многое, многое другое (проект восстановленного здания – см. рис. 2).

Авторы проекта попытались проанализировать ситуацию во всех ее аспектах и просчитать результат с учетом всех пожеланий и требований, чтобы он сохранил все то положительное, что было достигнуто коллегами-предшественниками. И авторскому коллективу это удалось. Один из основных факторов – гениально выбранное место. Второе – рельеф со времени постройки храма

сохранился в практически неизменном виде, а новые постройки частично перекрывали видовые точки на здание только со стороны привокзальной площади. Объем зданий вокзального комплекса значительно увеличился, что позволило практически незаметно увеличить вертикальный размер возводимого объекта с тактичным сохранением его пропорций. Третье – наличие подробнейшей и всесторонней информации, графической и библиографической, не только об объекте воссоздания, но и о среде, его окружавшей, равно как и об изменениях этой среды в разные периоды ее развития. Стилистика провинциального классицизма, в которой был создан оригинал, гораздо более свободна в трактовках, чем собственно классицизм, но основные принципы ее сохранить было нужно, точно так же как и цветовое решение, этой стилистике присущее, и аутентичные местные строительные и отделочные материалы. Параллельно этому рассматривались вопросы благоустройства, малых архитектурных форм, элементов озеленения и видов зеленых насаждений, свойственных тому времени и многое другое.

Словосочетание «средовой подход» при этом звучало в аналитических рассуждениях неоднократно, но, поскольку тогда оно напрямую было связано с попытками скопировать городскую среду образца конца XIX – начала XX века, логике проектирования новодела оно явно противоречило и, соответственно, популярностью не пользовалось.

В результате возникла идея свести все эти мысли, идеи, нюансы и даже отдельные элементы во что-то живое, неординарное, полезное и функционально наполненное, являющееся логичной, современной трактовкой того, что можно было увидеть на старых открытках. Авторы проекта попытались создать фрагмент насыщенной современной городской среды, который в процессе своего развития смог сохранить лучшее старое, органично соединив его с необходимым новым. И сделать это нужно было максимально тактично, в соответствии с современными нуждами, без лишнего и зачастую банальных реверансов в адрес давно ушедшего прошлого.

Существовало несколько принципиальных так называемых видовых или ключевых точек зрения на объект – то-

чек восприятия, сохранить и восстановить которые было принципиально важно, так как именно они во многом формировали те самые образы объекта. Их было три, и две из них удалось отработать в полной мере. Это – раскрытие храма на улицу Профсоюзную и вид церкви с противоположного берега Ангары. Во втором случае храм принимает активное участие в формировании силуэта застройки левого берега реки: абрис его буквально парит над вокзальным комплексом, что, видимо, задумано было ещё нашими предками в середине XIX века. Восстановленное здание показано на рис. 3. А вот раскрыть культовое сооружение на вокзальную площадь так и не удалось, хотя для этого сохранились блестящие ландшафтные условия. Логика и жадность собственников победили логику градостроительную.

В целом расширение проектной задачи – от воссоздания локального культового сооружения к осознанному комплексному подходу формирования фрагмента городской среды со зданием-доминантой, даже выполненное примерно на 75%, оказалось оправданным. Городу был возвращен не просто культовый объект, а смысловой фрагмент его ткани, что и было отмечено в 2004 году Премией губернатора Иркутской области.

Храм (вернее его новая трактовка) органично «врос» в спроектированную для него среду, и интересно то, что самое большое стилистическое противоречие между подлинным бревенчатым домом священника и стоящим практически впритык к нему храмом в стилистике провинциального классицизма со времени превратилось в некую архитектурную достопримечательность, свойственную городу с середины XIX века и потому сохраненную.

Пример 2: круглая площадь внутри квартала.

Территория исторического центра Иркутска, несмотря на сложности и обременения различного характера, всегда вызывала большой интерес для застройщиков, представлявших как власть и бизнес, так и различные общественные и учебные заведения. В связи с этим изменения в этой части города происходят постоянно. По большей части этот процесс имеет характер скорее несистемный, если не сказать – хаотический. Сложности

добавляет большое количество различных ограничений, включая требования Проекта зон охраны.

Лишь изредка и на короткий срок архитектурные и градостроительные изменения городской среды носили вполне системный характер. Побудительными причинами для подобного рода новаций служили события трагического характера, такие как Большой иркутский пожар 22 и 24 июня 1879 года. Следствием его, кроме негативных результатов, стали откорректированный градостроительный каркас центра города и запрет на строительство деревянных зданий и сооружений вдоль главной улицы города – Большой.

Центр города в этот момент получил отчетливо выраженную квартальную систему – сетку улиц с несколькими общественными пространствами преимущественно торгового и культового характера. Еще одним естественным следствием данного решения стала утрата общественной функции внутренних пространств подавляющего количества кварталов. Таким образом, около 60% земельных площадей центра города превратилось в замкнутые территории, используемые в утилитарных и вспомогательных целях. И до сих пор подобным образом «эксплуатируемые» участки различных габаритов и размеров можно легко обнаружить сразу за первой линией домов и зданий, выходящих своими фасадами на красные линии главной улицы города.

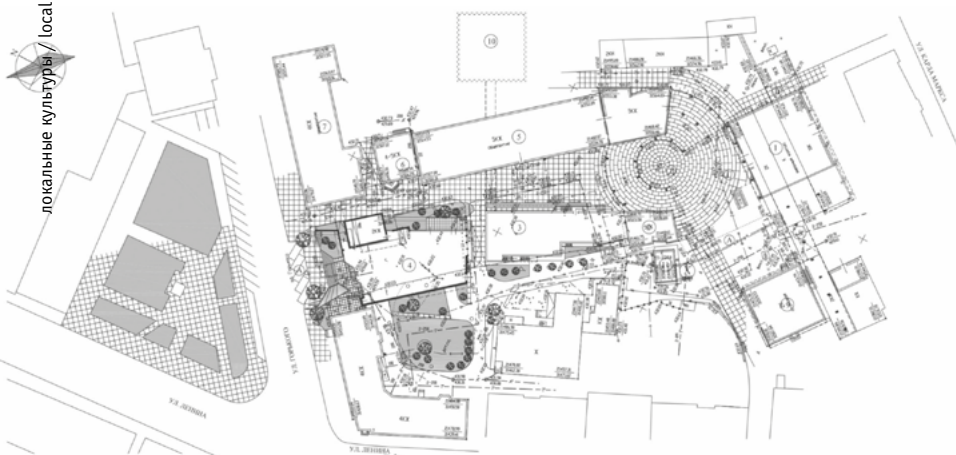
Свою часть территорий в центральной части Иркутска получили и пять крупнейших вузов города – государственный университет, медицинский, сельскохозяйственный, педагогический институты и институт народного хозяйства (нархоз). И вот, в начале 2000-х, у руководства последнего из перечисленных заведений, занимавшего существенную часть квартала, с трех сторон ограниченного главными улицами города, появилось желание как-то ее использовать.

Справедливости ради нужно сказать, что эта попытка не была первой: в 1970-е годы за первой линией застройки квартала был выстроен из сборного железобетона новый многоэтажный корпус нархоза. Но своей задачи – объединения всех зданий института в единый комплекс – он по ряду причин не выполнил и всех вопросов с необходимыми потребными площадями не решил. И тогда руководство института народного хозяйства (к тому моменту неоднократно переименованного), прежде всего в лице его ректора М. А. Винокурова, решилось на новую внутриквартальную строительную экспансию, которая должна была выразиться в последовательном строительстве нескольких новых блоков университета и реконструкции старых.

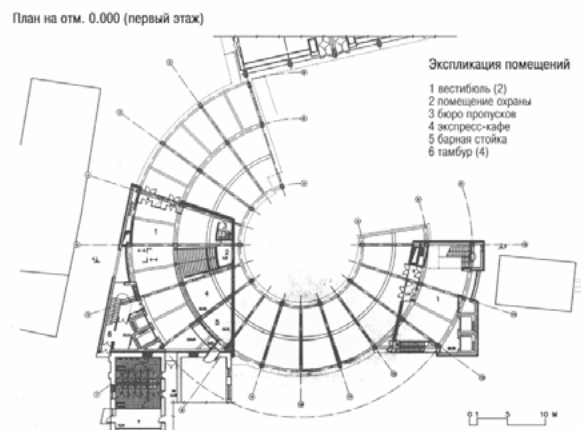
Грамотно и профессионально выполняя свою работу, руководство нархоза, возможно, и не подозревало, что стоит в авангарде нового качественного этапа развития городской среды – этапа, которому свойственно насыщение внутриквартальных пространств новыми функциями и транзитными потоками, создание новых локальных площадей и точек притяжения. Непременной составляющей этих пространств должны были стать не только озеленение и благоустройство качественно нового уровня, но и формирование некой уникальной ауры, присущей только этому месту.

Основой выбора проекта послужил конкурс, результаты которого рассматривались дважды. И вот, во второй раз, победила концепция пространственного развития квартала с организацией внутренней улицы, рассекающей квартал от улицы Карла Маркса до улицы Горького, которая становилась главной планировочной осью этого пространства. Круглая площадь, которая была «надета» на эту ось, свободно растекалась в пространстве на уровне земли и первого этажа, а выше обрамлялась стеклян-

< Рис. 3. Воссозданное здание Николо-Иннокентьевской церкви

^ Рис. 4. Фрагмент генплана комплекса Иркутской государственной экономической академии (сейчас Байкальский государственный университет). Авторский коллектив: А. Буйнов, Е. Григорьева, С. Муллаяров, А. Этингов (конструктор). Строительство: 2001–2003

^ Рис. 5. План этажа аудиторного блока Байкальского государственного университета на отметке $\pm 0,0$ (1-й этаж)

ной стеной аудиторного блока. Общий план проекта показан на рис. 4.

По словам одного из иркутских архитектурных критиков, «...здание получилось экстравагантно-элегантным, имеющим яркий художественный образ, основанный на пространственной трансформации круглого плана амфитеатра, реагирующего на сложившуюся разновременную архитектурную среду, в которую он вписывается [12]. <...> В отделке здания были использованы <...> ультрасовременные материалы, позволившие реализовать концептуальные идеи авторов: здание стало объединительным элементом градостроительного образования, не довлея над окружением и не нарушая облик пересечения главных исторических улиц, где оно расположено, при этом вбирая своей формой и зеркальным экраном стилистику архитектуры прошлых лет, происходящие вокруг жизненные процессы и отражая нужное». Сочетание современных элементов с проницаемой средой показано на рис. 5.

Кроме того, в рамках решения сложной пространственно-функциональной задачи объединения разрозненных корпусов университета в единый организм появилось то самое ядро, которое взяло на себя незаурядную роль центра композиции и стало основой последующего развития объемно-планировочной системы вуза. Оно стало некой смысловой доминантой всей композиции, в хорошем смысле провоцирующей дальнейшее развитие среды, что и произошло буквально через несколько лет.

В этом проекте тема внутриквартальной улицы появилась не на пустом месте. В виде некоего неорганизованного сквозного транзита она существовала с незапамятных времен, и на нее была ориентирована часть построек, в разное время здесь возникших. Такая проницаемая среда, в которой кривые и узкие «капилляры» связывают крупные улицы внутри кварталов, типична для традиционной застройки сибирских городов. Но именно в результате переосмысления в рамках данной разработки эта «натопанная тропа» превратилась даже не в улицу, а в осевое микространство, одним из главных элементов которого стала круглая площадь. «Круглость» этого элемента лишней раз подчеркивает его главенство в композиции. Ведь именно он работает неким шарни-

ром, местом, где сходятся транзиты, связывающие его с тремя главными улицами центра города – Карла Маркса, Ленина и Горького. Важно отметить и то, что пространство, соединившее бетон и стекло новых корпусов с историческими зданиями, выходящими на улицу Ленина, сразу стало любимым местом для молодежных «тусовок». Уютное, закрытое со всех сторон и все же проходное место превратилось в читаемый образ дома, окруженного чужеродными пространствами крупных улиц, – точно так же, как традиционный сибирский дом был окружен безбрежным и равнодушным к человеку космосом северной природы. Атмосферу, эмоциональный фон объекта хорошо передает черно-белая фотография (рис. 6).

Работа была высоко оценена: она стала лауреатом фестивалей «Зодчество Восточной Сибири» и «Зодчество», награждена дипломом РААСН.

Основным результатом этого проекта стала не столько собственно реализация (хотя работа, очевидно, удалась), сколько достигнутая степень проектной культуры и ощущение того, что ты чувствуешь городскую среду практически на подсознательном уровне, понимание необходимости высокого профессионального такта в работе с ней. Причем эта среда должна в обязательном порядке оставаться живой, за исключением редчайших случаев музеефикации.

А тема внутренних улиц как знакового элемента городской структуры, столь характерного для Иркутска, даже не проработанная, а прочувствованная проектировщиками, дала конечный результат и незабываемый опыт.

Заключение

Приведенные примеры призваны показать часть тех возможностей, которые дает использование принципов метамодернизма в качестве философского основания для архитектурного проектирования в динамичной городской среде. В целом данный подход позволяет решать не только и не столько локальные архитектурные и градостроительные задачи – вписывать современные объекты в среду, но и, анализируя и моделируя, способствовать движению развития самой среды, хранящей историческую и культурную память города с ярко выраженной идентичностью и столь же выраженной динамикой

^ Рис. 6. Внутренняя площадь Байкальского государственного университета

< Рис. 7. Внутренняя улица Байкальского государственного университета

развития. Стоит еще раз подчеркнуть: метамодернизм – это не набор рецептов, а метод. Его суть – в настоящей необходимости каждый раз решать ситуацию так, словно она возникла впервые. Это максимально творческий подход, как раз такой, который необходим для адекватного ответа на сложнейшие и многогранные вызовы сегодняшнего и завтрашнего дня.

Справедливости ради следует сказать, что вышеприведенные примеры относятся к периоду 2000-х годов, когда теоретические основы метамодернизма практически никак не пересекались с архитектурной практикой. Но в человеческой деятельности, особенно в ее творческой составляющей, часто видны примеры того, как внутренне осознанное практическое действие опережает его теоретическое обоснование. А один из постулатов нового стиля утверждает соподчиненность объекта среде как некоей системе, выраженную в непосредственном взаимодействии, что и является одной из составляющих процессов гуманизации и развития этой самой среды.

Литература

1. Hang, T. T. T., Diep, N. B., Khuc, Q. V. Global Evolution of Research in urban environment and human health: A Bibliometric Study. – OSF Preprints, 2023. – URL: <https://osf.io/preprints/osf/mk3wf> (дата обращения: 08.03.2026).
2. Zhu C, Ling G. H. T. Bibliometric analysis of urban ecological spaces: research trajectories and future outlook // Proceedings of the Institution of Civil Engineers - Urban Design and Planning. – 2026. – Vol. 179, N 1. – P. 21–40. – DOI: 10.1680/jurdp.25.00035
3. Yekeen, A. Y., Misnan, S. H. A Bibliometric Review of Urban Liveability and Social Exclusion // International Journal of Research and Innovation in Applied Science. – 2025. – Vol. 10, N 2. – P. 516–531.
4. Wu, T., Wu, J., Yang, Y., Dong, W. A bibliometric review of perceptions of the built environment supported by multi-source data // Journal of Asian Architecture and Building Engineering. – 2025. – Vol. 24, N 3. – P. 2098–2113. – DOI: 10.1080/13467581.2024.2349746
5. Sari, N. M., Kushardono, D., Manessa, M. D. M., Kustiyo, Mukhoriyah, Indradjad, A., Arifin, S., Maryanto, A. A Bibliometric Analysis of Urban Environment Quality Studies Based on Satellite Remote Sensing Data // AIP Conference Proceedings. – 2023. – Vol. 2941, N 1. – Article 030025. – DOI: 10.1063/5.0183687
6. Лидин, К. Горожанство: в поисках универсального определения городской среды // Проект Байкал. – 2015. – Т. 12, № 45. – С. 84–89. – DOI: 10.7480/projectbaikal.45.896

7. Гутнов, А. Э. Эволюция градостроительства. – Москва : Стройиздат, 1984. – 268 с.
8. Розенберг, А. В. Общая теория проектирования архитектурных сооружений. – Москва : Планхозгиз, 1930. – 210 с. : илл.
9. Delalex, G. Go with the Flow: Architecture, Infrastructure and the Everyday experience of Mobility. – Helsinki : University of Art and Design, 2006. – 284 p.
10. Лидин, К., Буйнов, А. Прошлое и будущее философии города // Проект Байкал. – 2025. – Т. 22, N 83. – С. 74–79. – DOI: 10.51461/issn.2309-3072/83.2484
11. Шульга, Е. Н. Философия сознания: методологические инварианты исследования // Философия науки. – 2006. – Вып. 12. – С. 196–213.
12. Ашихмин, А. Расширение Иркутской государственной экономической академии // Проект Байкал. – 2004. – № 1. – С. XLII–XLIII. – DOI: 10.7480/projectbaikal.1.308

References

- Ashihmin, A. (2004). Rasshirenije Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii [Expansion of the Irkutsk State Academy of Economics]. *Project Baik*, 1(1), XLII–XLIII. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.1.308>
- Delalex, G. (2006). *Go with the Flow: Architecture, Infrastructure and the Everyday Experience of Mobility*. Helsinki: University of Art and Design.
- Gutnov, A. E. (1984). *Evolutsiya gradostroitelstva [The evolution of urban planning]*. Moscow: Stroyizdat.
- Hang, T. T. T. & Diep, N. B., & Khuc, Q. V. (2023). *Global Evolution of Research in urban environment and human health: A Bibliometric Study*. OSF Preprints mk3wf, Center for Open Science. Retrieved March 8, 2026, from <https://osf.io/preprints/osf/mk3wf>
- Lidin, K. (2015). Urbanship: In search for a comprehensive definition of urban environment. *Project Baik*, 12(45), 84–89. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.45.896>
- Lidin, K., & Buinov, A. (2025). The past and future of urban philosophy. *Project Baik*, 22(83), 74–79. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/83.2484>
- Rosenberg, A. V. (1930). *Obshchaya teoriya proektirovaniya arkhitekturnykh sooruzhenii [The general theory of designing architectural structures]*. Moscow: Plankhozgiz.
- Sari, N. M., Kushardono, D., Manessa, M. D. M., Kustiyo, Mukhoriyah, Indradjad, A., Arifin, S., & Maryanto, A. (2023). A Bibliometric Analysis of Urban Environment Quality Studies Based on Satellite Remote Sensing Data. In H. Septanto, M. I. Adhynugraha, Y. Vetrira, C. E. Santosa, P. P. Sitompul, E. Yulihastin, J. Muhamad, Mardianis, E. Fitrianiingsih, M. Batubara, P. Abadi, & A. Restasari (Eds.), *AIP Conference Proceedings (1 ed.)*, 2941 (1), Article 030025. American Institute of Physics Inc. <https://doi.org/10.1063/5.0183687>
- Shulga, E. N. (2006). Filosofiya soznaniya: metodologicheskie invarianty issledovaniya [Philosophy of consciousness: methodological invariants of research]. In *Philosophy of Science* (Vol. 12: The Phenomenon of Consciousness, pp. 196–213). Moscow: IF RAS.
- Wu, T., Wu, J., Yang, Y., & Dong, W. (2025). A bibliometric review of perceptions of the built environment supported by multi-source data. *Journal of Asian Architecture and Building Engineering*, 24(3), 2098–2113. <https://doi.org/10.1080/13467581.2024.2349746>
- Yekeen, A. Y., & Misnan, S. H. (2025). A Bibliometric Review of Urban Liveability and Social Exclusion. *International Journal of Research and Innovation in Applied Science (IJRIAS)*, 10(2), 516–531.
- Zhu, C., & Ling, G. H. T. (2026). Bibliometric analysis of urban ecological spaces: research trajectories and future outlook. *Proceedings of the Institution of Civil Engineers – Urban Design and Planning*, 179(1), 21–40. DOI: <https://doi.org/10.1680/jurdp.25.00035>

В статье рассматривается Глазковский мост (Иркутск) как ключевой инфраструктурный и градостроительный проект эпохи индустриализации 1930-х годов. На основе архивных источников анализируется процесс проектирования и строительства монолитного железобетонного арочного моста в сложных гидрологических и климатических условиях Восточной Сибири. Особое внимание уделяется сравнительному анализу иркутского сооружения с подобными европейскими образцами начала XX века. Глазковский мост является значительным достижением советской инженерной школы и важным элементом формирования новой пространственной структуры Иркутска.

Ключевые слова: Иркутск; Глазковский мост; железобетонные арочные мосты; советская инженерная школа; инфраструктурная модернизация 1930-х годов. /

The article features the Glazkovsky Bridge (Irkutsk) as a key infrastructure and urban development project of the industrial era of the 1930s. Drawing on archival sources, the author analyzes the process of designing and building a monolithic reinforced concrete arch bridge in difficult hydrological and climatic conditions of Eastern Siberia. Special attention is paid to the comparative analysis of the Irkutsk bridge and the similar European models of the early 20th century. The Glazkovsky Bridge is a significant achievement of the Soviet engineering school and an important element in the formation of a new spatial structure of Irkutsk.

Keywords: Irkutsk; Glazkovsky Bridge; reinforced concrete arch bridges; Soviet engineering school; infrastructural modernization of the 1930s.

Глазковский мост – памятник индустриальной эпохи / The Glazkovsky Bridge: a monument of the industrial era

текст

Василий Лисицин

Иркутский национальный исследовательский технический университет

text

Vasily Lisitsin

Irkutsk National Research Technical University

*А город встал в огромный рост
И здесь, и за рекой.
Его в погоне спелых звёзд
Соединил Ангарский мост
Гигантскою рукой.*

М. Рыбаков, 1939

Появление постоянного моста через Ангару в 1936 году, призванного обеспечить бесперебойное движение транспортных потоков между историческим центром города и железнодорожным вокзалом, стало для Иркутска важным этапом пространственной трансформации городской структуры. Сооружение капитальной переправы фактически изменило направление территориального развития города, сформировав устойчивую транспортную связь между историческим центром и левобережными районами. До середины 1930-х годов связь между берегами обеспечивалась понтонной переправой, зависимой от сезонных колебаний уровня воды и ледовой обстановки. В связи с индустриализацией и энергичным развитием железнодорожного транспорта стремительно растущий город нуждался в устойчивом инфраструктурном каркасе. Строительство Ангарского моста означало переход от временной переправы к капитальной конструкции, рассчитанной на десятилетия эксплуатации. Этот шаг совпал с масштабной программой модернизации региона и стал ее пространственным выражением.

До сооружения постоянного моста связь берегов обеспечивалась плашкоутной переправой и понтонным мостом, построенным в 1891 году архитектором В. А. Расушиным, но с развитием железнодорожного сообщения и ростом населения пропускная способность перестала удовлетворять потребности города. Первый проект постоянного моста для трамвайного, экипажного, железнодорожного и пешеходного сообщения в Иркутске представили городской думе инженеры Н. А. Белелюбский, Н. Н. Соколов, А. И. Верблюнер в 1909 году [1, с. 218]. Размещение планировалось ниже понтона, с выходом створа на ул. Троицкая (с 1920 – ул. Пятой Армии). Предполагалось, что он будет металлическим в пять пролетов, с ездой понизу. В 1913 году проект моста городская Дума пересмотрела и забраковала и в 1914 году поручила разработать новый проект профессору Г. Кривошеину¹. Он

представил три эскиза металлического моста: арочный, консольный, арочно-консольный. Городская дума остановилась на трехпролетном арочно-консольном типе. Проект был доработан автором и в 1916 году утвержден техническим комитетом Министерства внутренних дел. Однако Первая мировая война и последующие революционные события прервали реализацию проекта.

К вопросу о возведении моста вернулись в период индустриализации Восточной Сибири в начале 1930 годов, когда необходимость капитальной переправы приобрела стратегическое значение. Ключевую роль в формировании концепции моста сыграл главный инженер строительства М. Я. Райхбаум², курировавший согласование проектных решений в Москве и осуществлявший взаимодействие с Научно-техническим советом ГУКХа³. Благодаря его усилиям региональная стройка приобрела статус стройки всесоюзного значения, что повлияло на его финансирование и распределение сырья и дефицитных материалов.

Проектирование и возведение Глазковского моста в период с 1931 по 1936 год представляет собой сложнейший научно-технический и социально-инженерный прецедент, в котором теоретические изыскания советской мостостроительной школы столкнулись с экстремальными вызовами восточносибирской гидрологии. Начало подготовительных работ в 1931 году ознаменовало переход от сезонной переправы к созданию капитального транспортного узла. Этот проект – не плод индивидуального творчества, а результат масштабной коллективной работы инженеров, гидрологов и проектировщиков, действовавших в рамках централизованной системы государственного планирования.

На протяжении 1930–1931 годов обсуждались различные типы сооружения: деревянный, металлический, железобетонный арочный, а также вид разводной схемы, причем дискуссия носила не только технический, но и стратегический характер. От деревянного типа отказались сразу в связи с недолговечностью и пожароопасностью. Проект разводного моста имел определенные перспективы, так как его идейные сторонники, например, профессор И. Г. Александров, обладали опытом создания Финляндского железнодорожного моста через Неву в Санкт-Петербурге, одного из самых технически

¹ Григорий Кривошеин (1868–1945) – генерал-майор, инженер путей сообщений, мостостроитель, преподаватель. Соавтор моста им. Императора Петра Великого (Большеохотинский мост, Санкт-Петербург, 1911).

² Матвей Яковлевич Райхбаум – заведующий производственно-техническим отделом Краевого Восточно-Сибирского строительного объединения (Востсибстрой), официальный представитель Иркутского городского Совета по вопросу строительства Ангарского моста.

³ В 1930 годы НТС ГУКХ (Научно-технический совет Главного управления коммунального хозяйства при Наркомхозе РСФСР) играл ключевую роль в экспертизе и утверждении всех крупных гражданских инженерных сооружений, включая мосты.

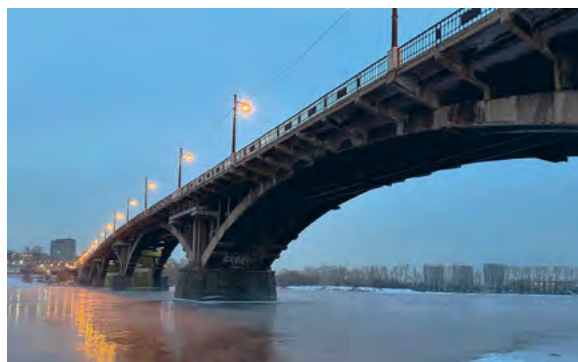

^ Рис. 1. Глазковский мост с высоты птичьего полета, 2010-е [5]

сложных сооружений начала XX века. Александрова поддерживал его коллега по Госплану СССР инженер В. М. Малышев. Однако от этого варианта решили отказаться, так как эксплуатация крупнотоннажных судов по Ангаре в будущем не планировалась.

Остался выбор между металлическим и железобетонным вариантами. Велась бурная дискуссия, в ходе которых мнения порой менялись на противоположные. Вначале участники предлагали отказаться от железобетона, исходя из того, что по предварительным расчетам в условиях судоходства пролет арки должен был достигать 120 метров, а это в тогдашней практике считалось невыполнимым. Металлические конструкции обладали явными преимуществами, в том числе меньшей массой, высокой скоростью монтажа и возможностью сборки готовых узлов (ферм) на берегу. Также утверждалось, что «в условиях Иркутска несомненно нужно остановиться на езде по низу, т. к. каждый лишний метр высоты моста связан с подсыпкой городской территории на подходах к мосту, что вызовет излишние расходы и создаст неудобства для городского транспорта» [2, л. 71]. В последующих дискуссиях чаша весов склонилась в пользу железобетонного проекта. В условиях дефицита стали и приоритетов распределения ресурсов для нужд оборонной промышленности реализация металлического варианта была затруднительна. Кроме того, железобетон стоил значительно дешевле и демонстрировал преимущества новой индустриальной технологии.

Процесс окончательного утверждения был непростым. Иркутский горсовет в связи с затянувшимися сроками предоставления готовых эскизов и согласования с соответствующими инстанциями предложил остановиться на металлическом варианте 1916 года инженера Кривошеина [3, л. 18об]. После многочисленных споров и технических расчетов был утвержден проект четырехпролетного монолитного железобетонного арочного моста с проезжей частью наверху. Это решение отражало переход к иной инженерной логике – от сборных металлических ферм к массивной, пластичной, монолитной конструкции. Таким образом, выбор железобетонной арочной схемы стал результатом не только экономических обстоятельств, но и профессионального консенсуса ведущих инженеров и архитекторов.

Составление эскизов в двух вариантах – железобетонном и металлическом – было поручено двум организациям: «Гипротранс» (Государственный институт по проектированию объектов транспорта) и «Коммунстрой» (Государственное акционерное общество коммунального строительства). Эскизы стоимостью 12 тыс. руб. с перечнем основных материалов должны были быть готовы к 1 февраля 1931 года. Всего на предварительном согласовании в коммунальном секторе НТС ГУКХа в присутствии авторитетного специалиста Евграфова⁴ было рассмотрено десять вариантов проектируемого моста, семь из которых представил «Гипротранс», три – «Коммунстрой». Выбор пал на варианты № 5 («Гипротранс») и № 2 («Коммунстрой»). При рассмотрении проектных предложений моста звучали следующие соображения:

«В экономическом отношении оба варианта примерно одинаковы.

В эстетическом отношении – преимущество в пользу варианта № 5 «Гипротранс».

В отношении смелости принятых основных размеров по сравнению с существующими мостами – вариант «Гипротранс» является очень смелым, вариант «Коммунстрой», дает обычное решение.

В отношении судоходных требований – оба варианта одинаковы.

В отношении техническом – вариант «Гипротранс» лучше, как имеющий массивные простые сечения арок,

^ Рис. 2, 3. Глазковский мост с правого берега, 2026. Фото В. Лисицина

⁴ Георгий Константинович Евграфов (1895–1967) – выдающийся советский ученый, доктор технических наук и действительный член Академии строительства и архитектуры СССР.

^ Рис. 4. Опоры Глазковского моста (правый берег), 2026. Фото В. Лисицина

Проект стального моста через Ангару. Инженеры Н.А. Белелюбский, Н.Н. Соколов, А.И. Верблюнер

^ Рис. 5. Проект стального моста через Ангару [1]

не имеющий разреза проезжей части в пролетах и растянутых железобетонных подвесок.

В отношении эксплуатационном – преимущества на стороне «Коммунстрой», как имеющего отметку на 1,6 м ниже» [2, л. 64].

Подводя итог прениям, Евграфов сказал: «...принимая во внимание все вышеперечисленное (варианты проектов), я беру на себя смелость рекомендовать вариант № 5 «Гипротранс» с железобетонными арками-пролетами $70 \times 80 \times 80 \times 70$ и с ездой по верху, но при неперменном условии:

1. Предварительно тщательного обслуживания способов производства работ с составлением эскизного проекта кружал.

2. Выяснения целесообразности замены бесшарнирных арок трехшарнирными, хотя бы на действие одной постоянной нагрузки с последующим закрытием шарниров.

3. Учета влияния деформации опор на напряжение в арках.

4. Подробного геологического обследования места перехода.

5. Увеличение стрелы подъема арок на 0.7 м за счет снижения отметки судоходного горизонта» [2, л. 65].

При сопоставлении проектных решений железобетонных арок эксперты ориентировались на европейские образцы: мосты через Рону (1916), Тибр (1911), реку Элорн (1931) и др. По смелости и уровню инженерных решений эти проекты не уступали мировым аналогам. Помимо эстетических качеств вышеназванных мостов приводились их технические характеристики, а именно: «...в качестве измерителя смелости сооружения, кроме величины пролета L , пологости свода F/L , приведены величины $L^2/F < \dots \rangle$ » [2, л. 60].

На заседании НТС ГУКХа 24 марта 1931 года присутствовали представители различных организаций с правом голоса, в том числе: Наркомпути (Народный комиссариат путей сообщения, НКПС) – ключевое сверхведомство 1930 годов, которое управляло всей транспортной системой СССР; Наркомвода (Народный комиссариат водного транспорта СССР) – центральный орган управления речным и морским флотом, а также портами и водными путями в 1930 годы; «Главдортранс» (Главное

управление дорожного и автомобильного транспорта), «Цудотранс» (Центральное управление шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта); «Ангарострой» (Управление по изысканиям и проектированию Ангарского гидроузла); «Фундаментстрой» – в 1930 годы специализированная организация (трест), созданная для решения сложнейших инженерных задач по закладке оснований под гигантские объекты индустриализации; «Коммунстрой»; «Гипротранс»; Иргорсовет (Иркутский городской Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, был высшим органом государственной власти на территории Иркутска, включая председателя НТС инженера Лаговского и профессора Стрелецкого⁵) [2, л. 158].

В результате прений был окончательно утвержден и по докладу профессора Щусева, члена НТС, принят к детальной проработке вариант № 5 «Гипротранс»: проект четырехпролетного железобетонного арочного моста как наиболее целесообразного с экономической, эстетической и конструктивной точек зрения [2, л. 158]. Договор на проектирование иркутский горсовет заключил 18 апреля 1931 года, поставив срок исполнения 1 августа 1931 года. Автором проекта выступил специалист проектного института «Гипротранс» инженер-мостовик П. Н. Поликарпов. В экспертном обсуждении принимали участие профессор Стрелецкий, Кобылкин, Николаи, а также инженеры Райхбаум, Павлов и другие специалисты. В. Е. Николаи – профессор Московского института инженеров транспорта (МИИТ), один из лучших учеников школы Николая Стрелецкого, был ключевым проектировщиком железобетонного моста через Ангару. Если Поликарпов отвечал за общую концепцию, то Николаи – за сложнейшие инженерные расчеты конструкций. Его теоретические работы по расчету железобетонных арок легли в основу советского мостостроения 1930 годов.

Для обеспечения авторитетного надзора за разработкой проекта в «Гипротранс» и во избежание волокиты при согласовании чертежей в научном совете к работе приглашен профессор Евграфов, с которым тоже заключили договор. Кроме этого, с «Фундаментстроем» был заключен отдельный договор на проектирование опор и быков с увязкой эстакад со сроком исполнения 1 декабря 1932 года, причем первая часть проекта для установ-

⁵ Николай Станиславович Стрелецкий (1885–1967) – основоположник советской школы металлостроительства и мостостроения. В 1930–1935 возглавлял кафедру мостов в МИИТе (Московский институт инженеров транспорта) и преподавал в Военно-инженерной академии.

196. Железобетонный мост на р. Твид в Беринге, Англия. Инженеры Вудгау и Лорн, 1928 г. Пролеты: 51 + 75,6 + 87 + 110 м, стрелка 1:7,9, ширина 17 м

195. Двухъярусный арочный мост на р. Элорн под ж. д. из железобетона. Инж. Фрейссина, арт. Перри, 1928–1929 г. Пролеты: 8 × 186 м, стрелка 1:5,4. Высота коробчатого сечения в замке 5 м, в пятах — 9 м, ширина 9 м, раскружались гидродомкратами

^ Рис. 6. Железобетонный мост на р. Тибр (Италия) [7]

< Рис. 7. Железобетонный мост на р. Твид (Англия) [6]

< Рис. 8. Железобетонный мост на р. Элорн (Франция) [8]

ки опор должна была быть исполнена к 25 мая 1931 года. Выбор арочной схемы определил не только конструктивный, но и художественный образ моста. Арка в данном случае выступает и как конструктивная необходимость, и как пластический жест. Масштабные железобетонные своды, лишенные декоративной перегруженности, формируют лаконичный и монументальный силуэт.

Пролеты (70 × 80 × 80 × 70 м) выводят иркутское сооружение в контекст крупнейших европейских железобетонных мостов начала XX века. В 1910–1920 годы в Европе активно экспериментировали с большепролетными арками: мост через Рону (1916) с пролетом около 84 м, мост через Тибр в Риме (1911) с пролетом 100 м, а также ряд французских и германских сооружений с пролетами свыше 80 м демонстрировали потенциал монолитного железобетона как материала крупной формы. Особенно показателен опыт французской школы железобетонного мостостроения 1920–1930 годов, связанной прежде всего с именем Эжена Фрейссина, разработавшего принципы рациональных тонкостенных арок и преднапряженного бетона. Его работы оказали значительное влияние на европейскую инженерную мысль и задали вектор развития большепролетных железобетонных конструкций. В германской практике важную роль сыграли инженеры школы Мёллера и Дишингера, экспериментировавшие с уменьшением стрелы подъема и оптимизацией сечений в бесшарнирных железобетонных арках. Если обратиться к принятому в инженерной практике показателю относительной «смелости» арки – соотношению L^2/F (где L – пролет, F – стрела подъема), то европейские мосты начала века демонстрировали значения порядка 800–1000. Эти параметры свидетельствовали о стремлении к уменьшению массивности и повышению пластической выразительности конструкции. Иркутский мост с пролетами до 80 м и стрелой подъема, равной 10,7 м, находился в сопоставимом диапазоне, что позволяет говорить о его включенности в передовые инженерные тенденции своего времени.

Иркутский проект демонстрирует встроенность советской инженерной школы в общеевропейский профессиональный дискурс. Несмотря на то что прямые заимствования не фиксируются, сама постановка задачи – достижение крупных пролетов при рациональном

расходе материала – совпадает с тенденциями, сформированными ведущими европейскими инженерами. В европейских условиях такие мосты становились частью уже сложившихся урбанизированных ландшафтов, часто работая как изящные акценты в исторической среде. В Иркутске же арочная схема не дополняла существующую композицию, а фактически формировала новую панораму города. Здесь арка не только перекрывает реку, но и задает масштаб будущей застройки, выступая опорным элементом пространственной структуры. Таким образом, Ангарский мост можно рассматривать не как периферийный региональный объект, а как звено общеевропейской эволюции железобетонных арочных конструкций.

Сооружение ж/б	Год	Пролет (м)	Ориентировочная стрела подъема (м)	L^2/F (прибл.)	Конструктивная схема
Мост через Тибр (Рим)	1911	100	~10	~1000	бесшарнирная арка
Мост через Твид (Англия)	1928	110	~8	~1512	арочная система
Мост через Элорн (Франция)	1931	187	~22	~1590	арочная система
Глазковский мост	1936	80	~10	~640	монолитная ж/б арка, езда поверху

Приведенные показатели носят ориентировочный характер и демонстрируют связь иркутского сооружения с международной тенденцией увеличения пролетов при относительном снижении массивности арочных конструкций. При меньшем пролете по сравнению с рядом западноевропейских образцов Ангарский мост свидетельствует о сопоставимой инженерной амбиции, реализованной в значительно более сложных гидрогеологических и климатических условиях. Это сопоставление позволяет говорить о том, что в 1930 годы сибирская инженерная практика находилась в непосредственном диалоге с передовыми европейскими поисками в области железобетонного мостостроения. Подобная схема позволяет выявить не только инженерные параметры, но и пластическую логику сооружения: степень напряженности формы, соотношение массы и пролета, характер восприятия его силуэта в городской панораме.

^ Сравнительные параметры железобетонных арочных мостов первой трети XX века

> Рис. 11. Компрессор «Чикаго» [10]

> Рис. 12. Бетономешалка системы Кайзера [10]

⁶ Исидор Аронович Француз (1896–1991) известен как автор некрополя у Кремлевской стены и трибун на Красной площади (мастерская А. В. Щусева).

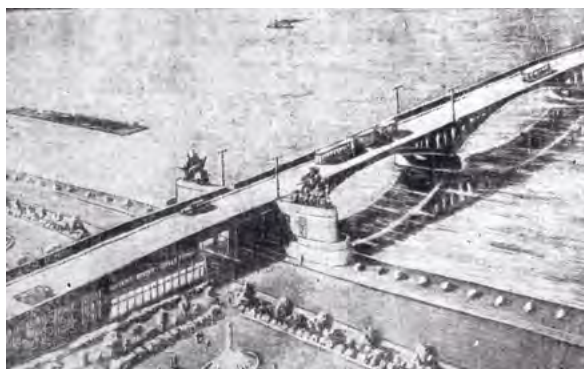
Архитектурное решение моста было предложено разработать архитектору И. А. Французу – представителю мастерской А. В. Щусева, одной из наиболее известных и авторитетных в стране⁶. Сам факт экспертного участия мастерской А. В. Щусева, одной из ведущих архитектурных мастерских страны, придавал проекту дополнительный профессиональный вес. Привлечение столичной архитектурной экспертизы свидетельствовало о значении моста как репрезентативного элемента городской среды, формирующего образ современного Иркутска. Архитектурная составляющая, разработанная И. А. Французом, интегрировала утилитарное сооружение в исторический контекст Иркутска, наделив его чертами монументального классицизма, что выражалось в массивной облицовке

опор природным камнем, очерченной четким ритмом ребер несущих конструкций. Целостность ансамбля дополняют художественное чугунное литье ограждений с советской символикой и стилизованные под советский классицизм опоры освещения.

Производственный цикл возведения объекта с 1931 по 1936 год проходил в условиях предельного напряжения трудовых ресурсов. Ключевой технической сложностью стала установка опорных быков на скальное основание русла реки, которое исключало применение традиционных свайных подмостей. Для устройства фундаментов использовался кессонный метод, который состоял в следующем: огромный сруб с двойными стенками площадью основания 300 м², наполненный бутовым камнем, опускают в воду, постепенно увеличивая стенки и заполняя камнем. Сами срубы удерживали против течения тросами, прикрепленными к якорям – бетонным сооружениям, располагавшимся на островах против пристани «Звездочка». Когда сруб ложился на дно, в колодцы засыпали гравий, после чего образовывались искусственные гравийные островки, возвышающиеся над поверхностью. На островках установили железобетонные кессоны со шлюзовыми камерами, и начинался обратный процесс: выемка засыпанного в рязь гравия. В кессоне под давлением 2,5 атм. работали по два часа добровольцы с крепким здоровьем. По мере выемки гравия из рязей кессоны опускались все ниже и ниже, их верхняя часть наращивалась. Так продолжалось до тех пор, пока кессоны не достигали дна Ангары. Постепенно они входили на глубину шести метров в грунт, достигая твердой скалистой породы. Только после этого были закончены все железобетонные работы, и над поверхностью Ангары поднялись монолитные опоры моста – «быки», облицованные специально вырубленными на Байкале гранитными плитами. Сам гранит прошел «аттестацию» на прочность в лаборатории ВАСИ (Высший архитектурно-строительный институт, ныне МАРХИ).

Кессонные работы велись в круглосуточном режиме, что было обусловлено необходимостью соблюдения жестких технологических регламентов заливки бетонных массивов. Социально-бытовые условия строительства отличались крайним аскетизмом, характеризующим и общую ситуацию в стране в период форсированной

> Рис. 9. Проект моста через Ангару [9]

> Рис. 10. Макет Глазковского моста [10]

> Рис. 13. Барак для рабочих-мостостроителей [10]

^ Рис. 14. Опускание кессона № 2, 1934 [11]

^ Рис. 16. Разгрузка щебня, 1934 [11]

^ Рис. 15. Выемка грунта в кессоне [12]

индустриализации. Многотысячный коллектив рабочих размещался в каркасно-засыпных бараках, возведенных в непосредственной близости от стройплощадки. Быт мостостроителей, в условиях строгого нормирования продуктов питания и отсутствия элементарных санитарно-гигиенических удобств, компенсировался высокой идеологической мотивацией и дисциплиной. В зимние периоды, когда температуры опускались до -45°C , применялась уникальная технология «тепляков»: временных ограждающих конструкций с паровым подогревом, создававших необходимый микроклимат для прочности бетона, что позволяло избежать деструктивной кристаллизации влаги в монолите. Возведение объекта шло в сложнейших условиях: работе препятствовали экстремальные перепады температур – от изнуряющей летней жары до суровых зимних морозов, а также стремительное течение реки. Особую опасность представляли периоды ледостава и мощные весенние паводки с бурным ледоходом, испытывавшие стройку на прочность. Тем не менее она неуклонно продвигалась: 12 июня 1932 года был готов первый кессон, к середине октября следующий, а во второй половине 1934 года кессонные работы были полностью завершены.

Для возведения железобетонных арок применялись деревянные кружала – временные опалубочные конструкции полуциркулярной формы, разработанные инженером Ю. С. Знаменским, который исполнял обязанности старшего инженера технического отдела. На правом берегу, выше моста на земле сделали деревянный настил, на котором в натуральную величину выполнили чертеж 80×10 м. По этому шаблону и изготавливали кружала. Опалубку для гладкости с внутренней стороны обивали фанерой, внутри устанавливали арматуру, перевязанную проволокой. Две части кружал с противоположных опор опускали навстречу друг другу. Сомкнувшись, они образовывали формы будущих арок, после чего заливался бетон.

На всю конструкцию с эстакадами по обе стороны планировалось уложить 46 тыс. м^3 бетона и железобетона. Кроме этого, для стройки требовалось доставить и переработать 46 тыс. м^3 камня, 23 тыс. м^3 песка, около 18 тыс. м^3 леса, около 3 тыс. тонн металла, 16 тыс. тонн цемента. Только для перевозки этих материалов было

необходимо около 9 тыс. вагонов, или 225 поездов по 40 вагонов; и это без учета перевозки оборудования и прочих материалов! Полная стоимость сооружения моста по утвержденной смете составляла около 44 млн рублей.

Изначально Глазковский мост планировали возвести за два года, однако сроки сдачи неоднократно переносились, и в итоге строительство растянулось на пять лет. Одной из причин задержки стало затянувшееся проектирование: окончательное утверждение в научно-техническом совете Народного комиссариата коммунального хозяйства РСФСР состоялось лишь 13 августа 1933 года [2, л. 159]. Долгострой был вызван целым комплексом факторов: от экстремального климата до нехватки квалифицированных кадров и преобладания ручного труда. Стройка сопровождалась хроническим дефицитом цемента, арматуры и леса, а также перебоями с электроэнергией и финансированием. Лишь эпизодическое использование импортной техники позволяло частично модернизировать процессы.

В 1934 году строительство моста было передано в ведение Мостотреста НКПС (Народного комиссариата путей сообщения), который возглавлял Л. М. Каганович. С этого момента темпы работ значительно возросли, так как Каганович лично распоряжался о выделении необходимых ресурсов и ускорении строительства. Значительную роль в реализации проекта сыграл инженер Н. А. Холин, назначенный начальником объекта лично наркомом. Благодаря

< Рис. 17. Расчистка жилого квартала под строительство моста [11]

^ Рис. 18. Сборка кружал на берегу [12]

^ Рис. 19. Соединение кружал [12]

^ Рис. 20. Общий вид постройки, 1935 [11]

профессионализму Холина стройка, зашедшая в тупик, ожила. Под его руководством была внедрена технология непрерывного бетонирования с электроподогревом, что позволило не прерывать работы в суровых условиях сибирской зимы. Чтобы обеспечить монолитность и прочность гигантских железобетонных арок, бетон заливали круглосуточно. Холин лично контролировал логику, чтобы подвоз смеси не прерывался ни на минуту. Особое внимание уделили усилению опалубки: из-за мощного течения Ангары и давления льда стандартные методы не подходили. Под руководством Холина были сконструированы усиленные кружала, которые выдержали колоссальный вес незастывшего бетона и напор реки. Кроме того, инженер реорганизовал работу строителей, разбив их на специализированные бригады. В сочетании с жестким контролем со стороны НКПС это дало взрывной рост производительности и позволило успешно завершить сборку арок моста. Несмотря на все трудности, объект был достроен и сдан в эксплуатацию к ноябрю 1936 года.

Строительство Глазковского моста повлекло за собой масштабные градостроительные преобразования на правом берегу Ангары. В связи с тем, что съезд с моста попадал в границы сложившейся жилой застройки (85 квартал), иркутским горсоветом было принято решение о создании специального планировочного бюро, занимавшегося исключительно вопросами перепланировки территории, включенной в мостовую зону – главного съезда и въездных рукавов. Предусматривалось освобождение участка под формирование новой городской площади. Архитектор Б. Головченко подчеркивал особое градостроительное значение будущего пространства: «...площадь должна была стать своеобразными “город-

скими воротами”, встречающими въезжающих в Иркутск. При этом она не должна была отвлекать внимание чрезмерной декоративностью, а формировать цельное эмоциональное впечатление и обеспечивать свободное движение транспортных потоков» [4, с. 4]. Особое значение придавалось восприятию площади с высшей точки моста и при въезде на нее, что позволяло организовать панорамное обозрение городского пейзажа. Проект предусматривал расширение пространства, перемещение линии жилых кварталов вглубь застройки, снос ветхих строений и возведение капитальных зданий с выразительными фасадами. Планировалось также гранитное оформление набережной и строительство защитной дамбы, предохранявшей территорию от колебаний уровня воды в Ангаре.

Экономические трудности строительства, перебои с поставками материалов, ограниченность энергетических ресурсов и высокая доля ручного труда не остановили реализацию проекта. Напротив, преодоление этих ограничений стало живым воплощением идеи индустриального рывка. Мост оказался символом инженерной мобилизации и коллективного усилия, направленного на преобразование городской среды. Иркутск к 1936 году получил не просто транспортную артерию, а новую пространственную структуру. Мост устранил сезонную фрагментацию, закрепил территориальную целостность и заложил основу дальнейшего градостроительного развития. Он сформировал устойчивый транспортный каркас, обеспечивший интеграцию центра с левобережными районами и железнодорожной инфраструктурой.

Длина моста – около 830 м, со съездами 1245 м, ширина проезжей части 13,8 м, что в три раза шире понтона. Ширина тротуара 2,25 м. Проектную ширину проезжей части меняли два раза: изначально она составляла 11 м, затем 12 м, в настоящее время – 13,8 м (увеличение было сделано по требованию Дорожно-транспортного управления). Мост стоит на 5 речных и 32 береговых опорах. По своим техническим особенностям и, главным образом, по форме четырех арок, мост являлся практически единственным на тот момент в Сибири арочным монолитным железобетонным мостом. Кроме того, величина пролетов (80 метров) определила значительные размеры основных железобетонных арок.

v Рис. 21. Общий вид постройки моста, 1935 [11]

^ Рис. 22. Установка ограждения моста, 1936 [12]

^ Рис. 23. Глазковский мост. Общий вид с правого берега [13]

^ Рис. 24. Мемориальная доска на Глазковском мосту, 2026. Фото В. Лисицина

С точки зрения инфраструктурного урбанизма мост стал структурообразующим элементом городской ткани. Поскольку его строительство сопровождалось перепланировкой прилегающих территорий, формированием новой площади на правом берегу, корректировкой уличной сети и укреплением набережной, инфраструктурный объект перестал быть исключительно инженерным сооружением и превратился в инструмент пространственного переустройства. Он обеспечил устойчивую связь исторического центра с железнодорожным вокзалом и промышленными зонами, перераспределил транспортные потоки и сформировал новую ось движения. Визуально мост интегрировал природный ландшафт и индустриальную конструкцию. Горизонтальная линия пролетного строения пересекает водную гладь Ангары, создавая напряженный диалог между природной стихией и инженерной формой. Арки, отражаясь в воде, создают удвоенную ритмику, усиливающую пространственный эффект. Таким образом, сооружение стало частью городской панорамы, определив новый масштаб восприятия Иркутска.

Мост сменил несколько названий. Первоначально планировали его назвать «Имени Декабрьских событий», но по окончании строительства в 1936 году дали имя В. И. Ленина, и он стал памятником вождю пролетариата, о чем свидетельствует мемориальная гранитная табличка. После постройки в 1978 году «Нового» – ныне Иннокентьевского моста, в обиходе Ангарский мост стали называть «Старым». В июле 2011 года в рамках упорядочивания названий городских переправ мост был переименован в «Глазковский». В настоящее время он является объектом культурного наследия регионального значения.

Глазковский мост – сложный технический и исторический артефакт, в котором соединились инженерная технология, экономическая стратегия и подходы к архитектурному формированию городской среды индустриальной эпохи. Он является важным элементом историко-градостроительного наследия Иркутска и отражает уровень развития советской мостостроительной школы. И до сих пор Глазковский мост остается одним из ключевых инфраструктурных объектов города, свидетелем масштабного преобразования Иркутска в 1930 годы.

Литература

1. Иркутская летопись, 1661–1940 гг. / Сост. Ю. П. Колмаков. – Иркутск : Оттиск, 2003. – 847 с. : ил.
2. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. р-608. Оп. 3. Ед. хр. 4.
3. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Ед. хр. 26.
4. Головченко, Б. Площадь у Ангарского моста // Восточно-Сибирская правда. – 1935. – № 212.
5. Виды Иркутска. 15 августа 2010. – URL: <https://gelio.livejournal.com/106126.html> (дата обращения: 09.03.26).
6. Железобетонный мост на р. Твид в Бервике. – URL: <http://arhplan.ru/history/bridge/drawing/854/11> (дата обращения: 10.03.26).
7. Мост Виктора Эммануила II в Риме. – URL: <https://rometm.com/viktora-emmanuila-ii-v-rime/> (дата обращения: 10.03.26).
8. Мосты западноевропейских государств. – URL: <https://www.arhplan.ru/history/bridge/western-european-countries> (дата обращения: 10.03.26).
9. Проект моста через Ангару // Восточно-Сибирская правда. – 1934. – № 30. – С. 4.
10. ГАИО. Ф. р-608. Оп. 3. Ед. хр. 33. Макет Глазковского моста.
11. Строительство Ангарского моста в Иркутске. Часть 1. 30 июля 2013. – URL: <https://humus.livejournal.com/3336598.html> (дата обращения: 10.03.26).
12. ГАИО. Фотофонд. Оп. 1. Ед. хр. А-82.
13. Восточно-Сибирская правда. – 1936. – № 268.

References

- GAIO (*State Archive of the Irkutsk Region*). Fund 600. Inv. 1. File 26.
- GAIO. Fund r-608. Inv. 3. File 4.
- GAIO. Fund r-608. Inv. 3. File 33. Maket Glazkovskogo mosta [Layout of Glazkovsky bridge].
- GAIO. The photo fund. Inv. 1. File A-82.
- Golovchenko, B. (1935). Ploshchad u Angarskogo mosta [The square near the Angara bridge]. *Vostochno-Sibirskaya Pravda*, 212.
- Kolmakov, Yu. P. (2003). *Irkutskaya letopis, 1661-1940* [Irkutsk Chronicle, 1661-1940]. Irkutsk: Ottisk.
- Mosty zapadnoevropeiskikh gosudarstv [Bridges of Western European states]. (2015, September). Arhplan. Retrieved March 10, 2026, from <https://www.arhplan.ru/history/bridge/western-european-countries>.
- Panin, A. (2021, November 15). *Most Viktora Emmanuila II v Rime* [The Victor Emmanuel II Bridge in Rome]. Putevoditel Rim TM. Retrieved March 10, 2026, from <https://rometm.com/viktora-emmanuila-ii-v-rime/>.
- Proekt mosta cherez Angaru [The project of the bridge across the Angara River]. (1934). *Vostochno-Sibirskaya Pravda*, 30, 4.
- Stroitelstvo Angarskogo mosta v Irkutске. Chast 1 [Construction of the Angara Bridge in Irkutsk. Part 1.]. (2013, July 30). Livejournal. Retrieved March 10, 2026, from <https://humus.livejournal.com/3336598.html>.
- Vidy Irkutsk [Views of Irkutsk]. (2010, August 15). Livejournal. Retrieved March 9, 2026, from <https://gelio.livejournal.com/106126.html>.
- Vostochno-Sibirskaya Pravda, 268. (1936).
- Zhelezobetonnyi most na r. Tvid v Bervike [Reinforced concrete bridge on the Tweed River in Berwick]. (2015, November 18). Arhplan. Retrieved March 10, 2026, from <http://arhplan.ru/history/bridge/drawing/854/11>.

«Проект Байкал» продолжает публикацию кварталных мифов, созданных на иркутском материале. Заслуженный баюн и собиратель городского фольклора Козьма Кварталов обратился к прошлому купцов и староверов.

Ключевые слова: 130 квартал; купцы; бодхисатвы; староверы; скоморохи. /

Project Baikal continues to publish myths of the Quarter based on Irkutsk material. Kozma Kvartalov, an honored story-teller and collector of urban folklore, turns to the past of merchants and Old Believers.

Keywords: 130 Quarter; merchants; Bodhisattvas; Old Believers; buffoons.

^ Танец. Белое

Мифы 130-го квартала / Myths of the 130 Quarter

текст
Козьма Кварталов
графика
Яна Лисицина
text
Kozma Kvartalov
graphics
Yana Lisitsina

Бодхисатва по торговой части

В старые времена Иркутск был городом купеческим. Купцы в Иркутске всякие водились. Были богатые, смелые, предприимчивые: путешествовали в дикие страны на севере, до самой Камчатки, в пустыни Монгольские, в горы Гималайские. Технической смекалкой превосходили и немцев скрупулезных, и англичан хитроумных, и французских фантазеров.

Но было и другое купечество – помельче, второго да третьего разбору. Те больших проектов не строили, промышляли, чем Бог пошлет, со дня на день да от случая к случаю. В мелких купцах по большей части ходили люди жадные да скупые, над копеечкой тряслись, а крупной выгоды зачастую и не соображали. Экономили на спичках или, как говорят в Туркестане, наклонясь за мелкой монеткой, роняли из-за пазухи слиток золота.

Вот с одним из таких купцов случилась история. Человек он был обычный, с виду – типичный купец: живот сытый, руки пухлые, пальцы ловкие, глаза бегучие. Звали его по отчеству, Палыч, а по имени, кроме жены, никто не звал. Была у Палыча одна особенность: очень он любил встречаться с путешественниками, которые ходили в диких стран – в Индию, в Китай, а то даже в Тибет. Особенно ему нравилось, что в тамошней буддийской вере каждое дело, в том числе торговое, ведет к святости, если с душой к нему подходить. Уважал Палыч восточных людей за такое отношение к торговле. Даже целую коллекцию священных сувениров собрал: тут тебе и бронзовые индийские бодхисатвы, и тибетские свитки с изображением джанг-чуб-сем-па, и китайская жаба с монеткой во рту.

Вот скопил он толику денег, да и решил открыть лавочку модных товаров в парижском стиле. Одна-то лавочка, продуктовая, у него уже была недалеко от Крестовоздвиженской церкви. Храм знаменитый, старинный, и место выгодное, рядом с торговым трактом, а все-таки окраина. Это сейчас Крестовоздвиженская в центре, возле модного квартала, а тогда, считай, была она чуть не за городской чертой.

В общем, приобрел наш Палыч домик в самом бойком месте, подновил, обстроил, навез платьев, сюртуков, лент, вееров и всякого прочего модного товара. Назначил день открытия лавки. А для того, чтобы дело пошло успешнее, решил попросить помощи у своих любимых торговых

бодхисатв. Купцы-то, известное дело, народ суеверный. В красном углу иконы, на шее крест, а в душе – во всякую чертовщину верят, всякому божку поклониться готовы, лишь бы удачу приманить.

На приманки для покупателя Палыч не поспешил. Даму парижскую во всей красе ему художники нарисовали, плакаты по городу развесили и объявления тоже, и в газете «Губернские ведомости» заметочку напечатали про его новую лавку да про него самого, какой он надежный и честный продавец, да какие шикарные товары из самого Парижа в его лавке найти можно.

Поздно вечером накануне открытия наш купец обратился к своим индийским-буддийским фигуркам с чем-то вроде молитвы. На удачу.

А ночью приснилось ему, что явились на сходку все его торговые бодхисатвы, и спрашивают на чистом русском языке: «Чего ты, Палыч, хочешь, какой удачи от нас просишь? Говори чисто конкретно, а то мы сущности хоть и потусторонние, но рыночные, абстракций не понимаем».

Купец растерялся, да и брякни: «Хочу, мол, чтобы завтра на открытие лавки ко мне весь город пришел!»

Бодхисатвы переглянулись и говорят: «Быть по сему!»

Наутро, чуть свет, Палыч уже в новой лавке хлопочет, товары раскладывает, добрый товар на прилавок, поплоче – под прилавок. Вот и первые покупатели появились. Смотрят товар, щупают, обсуждают. И все новые, новые посетители идут. Уже полным-полно людей, в дверях толкотня, давка. А народ все прибывает. Важные гости визит нанесли – крупное купечество, чиновники. Ну, а когда сам генерал-губернатор пожаловал, тут и впрямь весь город повалил. Пока генерал-губернатор лавку осматривал (потом он и сам не мог понять, что ему там понадобилось, в этой лавчонке), полиция более-менее порядок удерживала. А как его превосходительство соизволили отбыть и полиция с ним, так народ вовсе обезумел. Всяк в лавку рвется, локтями толкается, ругаются люди, кричат, глядь, и оплеухи полетели...

В общем, развалил народ новую лавку. Окна вышибли, дверь вынесли, прилавки в щепки разломали. Товар расхитили, а больше потоптали, сам купец едва ноги унес. В большом убытке оказался, спасибо, хоть не покалеченный.

^ Танец. Красное

С тех пор немало торгованов по жадности да скудоумию о том же удачу свою просили – чтобы привела им в покупатели весь город. Да только, хвала сувенирам, больше такого ни разу не получалось.

Перевоспитание шишиморы

А вот еще рассказывают про иркутское купечество такую историю. Когда Никон-патриарх взялся православную церковь реформировать, многие староверы не согласились с прежним укладом расставаться и подались в Сибирь. Тут их никто особо не притеснял, наоборот, уважали. И то сказать – староверы слыли людьми честными да совестливыми. На деньги особой жадности не показывали, а полагали торговлю делом богоугодным. Правила купеческие соблюдали свято, ростовщицеством не марались, если и давали в долг – так без процентов, а бывало, что и прощали долги честному знакомцу.

Один из таких староверов поселился возле Крестовоздвиженской церкви, построил себе дом и зажил бобылем. Ни семьи, ни детей. Из близких – одни такие же, как он, староверы. У себя в доме он и комнатку особую выделил, чтобы молиться всем вместе. В церковь, понятное дело, не ходили, иконы хранили, старинные, книги с «правильным писанием». Звали того человека Кузьмой Иннокентьевичем, и было ему на ту пору лет примерно пятьдесят.

Церковь у нас, как обычно, на пригорке стоит. А внизу, ближе к реке, было тогда небольшое болотце. Правый-то берег пологий – до самого треугольного квартала на косогоре под Иерусалимской горой. Так оно обычно и бывает, когда река с юга на север течет. В болоте жили черти. Жили семьями, женились на чертовках, чертенят плодили, но людей сильно не любили и очень старались людям как-нибудь напакостить. Вот однажды болотные черти между собой заспорили, можно ли такого старовера, каков есть Кузьма Иннокентьевич, с пути праведного соблазнить. Черти, известное дело, существа азартные, в споре разум теряют, под горячую голову любой заклад принять готовы. Вот один черт и взялся на спор ввести купца в искушение. Пускай, дескать, Кузьма Иннокентич в гнев войдет, да скверными словами рот испачкает, а то и богохульство какое изрыгнет – то-то всей чертовской братии будет радость!

Черт за дело взялся с огоньком. Пугал купца, оборачивался то черной кошкой, то пыльным смерчем, то велика-

ном с добрую сосну ростом... В потемках стучал в окна, в кабаки зазывал под видом соседа, чтобы водкой-пивом опить чертовским способом. И морок знатный наводил: казалось людям, что в молельне у староверов вместо ладана дрянным табаком воняет.

Только ничего не помогало. Крепок Кузьма Иннокентич. Смотрит на чертовские проделки да посмеивается. Я, говорит, покуда с родной Смоленщины до Иркутска пешком дошел, такое повидал, чего тебе, чертяка, и в голыш твою рогатенькую ни в жись не взойдет.

Тогда помаленьку остальные черти болотные в игру включились. Всех азарт обуял. Стараются что есть мочи. Только никак не строятся у них пакости. На все выходи чертовские усмехнется купец да крест на себя кладет по старому обычаю, двоеперстно. Еще норовит и чертей закрестить, а им это хуже, чем батоном по рылу.

Разобиделись черти, сильно осерчали. И придумали самую-самую гадкую гадость. Выбрали молодую, злую да вредящую шишимору со своего болота и послали ее в дом к этому купцу, чтобы она ему жизнь испортила по полному, по-шишиморски.

Ну, шишимора споренько за дело принялась. То вдруг среди ночи примется куделю прясть, да так, что веретено у нее свистит пуще паровозу. То давай глиняные горшки в темной кухне мыть, перебирать, да половину и расколотит. А то кур перепугает до того, что они сами себе все перья повыдергают. На конях купцовых по ночам каталась так, что они к утру все в мыле оказывались. В общем, безобразничала в полную, сколько хотела, сколько могла.

Так бы, наверное, и разорила все хозяйство, а то и вообще со свету сжила неподатливого Кузьму Иннокентича, но вышла тут особая история.

Проходили через Иркутск бродячие скоморохи. Цыгане – не цыгане, китайцы – не китайцы, люди непонятные, но ловкие и веселые. И был у них крепкий большой медведь, такой воспитанный, послушный, прямо диво. Однако ж ночевать да с медведем их никто пускать не хотел. Один только Кузьма Иннокентьевич Христа ради на свой двор пустил. Чего уж там, не на улице же им спать. Люди трудовые, крещеные. Пусть себе ночуют.

Как заснули все, шишимора из дому вышла, глядь – незнайные люди на купеческом дворе под телегами спят. Шишимора обрадовалась и решила их напугать.

Забралась между артистами, и давай щекотаться, как ее русалки научили. Только на радостях не разобралась, что щекочет-то она медведя. Люди его между собой положили, чтобы спалось теплее. А медведь даром что ученый, спросонок облапил шишимору и давай мять. Захрустели у шишиморы косточки. Заверещала нечисть дурным голосом, едва вырвалась и за печку в избе спряталась.

Что уж тогда с шишиморой приключилось – Бог весть! То ли медведь ей какую важную косточку на место вправил, то ли вся жизнь ее некрасивая в тот момент перед глазами пронеслась, но только с тех пор нрав у шишиморы совсем переменялся.

Вместо пакостей взялась она хозяину помогать всячески, а потом и вовсе вышла замуж за домового, остепенилась и много пользы по хозяйству творила.

А когда в квартале пожар случился, то люди рассказывают, многие видали, как во дворе у Кузьмы Иннокентича домовиха шишиморским чудесным платком махала, огонь отгоняла. Так дом и не загорелся, миновал его пожар.

Черти же болотные искушать купца бросили, на двор к нему заходить боялись – ну как и для них медвежьих объятий припасены!

А бродячим артистам в квартале с той поры отказу нету. Приходи, песни пой, на чем хочешь музыку играй, даже можно и медведя приводить – никто не прогонит, не обидит, может, и денег дадут. Немного, конечно, зато с почетом и уважением.

На примере территорий с исторической деревянной застройкой рассматриваются вопросы сохранения идентичности исторических городов России. Проведен анализ пространственного сложения историко-архитектурной среды Томска. Показано, что научное обоснование принципов развития городских территорий с усадебной застройкой позволит перейти от точечного восстановления зданий к комплексному управлению идентичностью городской среды.

Ключевые слова: историческая застройка Томска; историко-культурное наследие; реконструкция; сохранение наследия. /

Using the example of areas with historical wooden buildings, the article considers preservation of the identity of historical cities in Russia. It gives an analysis of the spatial composition of the historical and architectural environment of Tomsk. It is shown that scientifically substantiating the principles of developing urban areas with estate buildings will enable a shift from targeted restoration of buildings to comprehensive management of the identity of urban environment.

Keywords: historical development of Tomsk; historical and cultural heritage; reconstruction; heritage preservation.

> в Рис. 3. Усадьба по ул. Кузнецова, 4–6 (ранее 8), в 2006 году и современный дом на ул. Кузнецова, 6

Реновация городских территорий с исторической деревянной застройкой / Renovation of urban areas with historical wooden buildings

текст

Елена Ситникова

Томский государственный архитектурно-строительный университет
Владимир Корнев

Томский государственный архитектурно-строительный университет

text

Elena Sitnikova

Tomsk State University of Architecture and Building

Vladimir Korenev

Tomsk State University of Architecture and Building

Вопросы сохранения идентичности исторических городов России, и Томска в том числе, в настоящее время особенно актуальны. Значительная часть территорий с деревянной усадебной застройкой представляет собой деградирующую среду, в которой точечные объекты ценной деревянной застройки находятся либо в окружении расселенных, часто руинированных исторических объектов, либо на фоне диссонирующей современной застройки. В связи с этим необходим поиск подходов к реновации исторических территорий в контексте практики градостроительного развития исторического города.

Изучением деревянной архитектуры Сибири, и Томска в частности, занимались многие исследователи: С. Баландин, О. Богданова, В. Горбачев, Н. Жулин, В. Залесов, Е. Кириченко, Е. Козлова-Афанасьева, И. Куликова, А. Клименко, В. Кочедамов, А. Попов, А. Прибыткова-Фролова, Л. Романова, Е. Ситникова, Ю. Ушаков, Ю. Шепелев, Н. Шагов и др. Проблемы сохранения историко-культурного наследия сибирских городов рассмотрены в научных трудах Е. Борисовой, Л. Вольской, В. Горбачева, Е. Григорьевой, А. Иконникова, А. Каптиева, Е. Каталевской, Н. Лисовской, М. Мееровича, Л. Романовой, Е. Ситниковой, Ю. Стояк и др.

Можно отметить работы Е. Каталевской и Е. Ситниковой, посвященные формированию городской усадебной застройки Томска и проблемам ее сохранения [1–5]. Внедрение современной застройки в историческую среду Томска рассмотрено в научных публикациях Ю. Стояк, Я. Степанюка, Е. Ситниковой [6–8] и др. Вопросы реновации исторических территорий поднимались в публикациях Е. Вагнера, Е. Григорьевой, А. Лисицыной, М. Маркуша, М. Мееровича, Н. Орловой и др. Отдельные публикации посвящены решению вопросов реновации исторических кварталов, например [9–12] и др.

В результате изученного опыта можно отметить, что российские исследователи выделяют следующие подходы к реорганизации исторических городских территорий.

Комплексный подход представляет собой совокупность видов градостроительного анализа: ретроспективный анализ (изучение истории местности, выявление объектов культурного наследия); ландшафтно-визуальный анализ (изучение месторасположения, географических

характеристик, рельефа, ландшафтных особенностей).

При акценте на сохранении исторической и культурной идентичности среды при комплексном подходе главной задачей становится формирование комфортной среды для пешеходов, в связи с чем повышенное внимание уделяется созданию единого дизайн-кода территории [10].

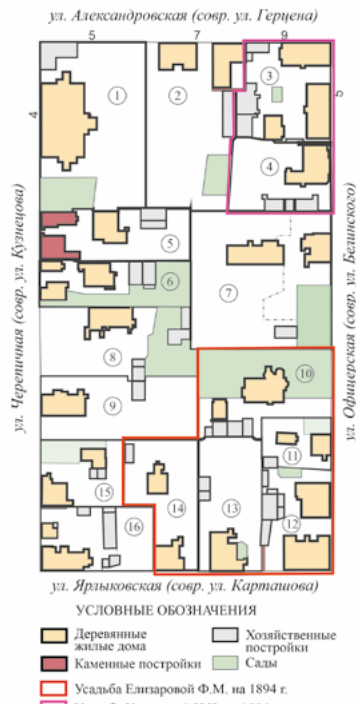
Средовой подход отражает взаимодействие человека с окружающей его средой. Здесь особое внимание уделяется элементам архитектурно-пространственной среды: улицам, фасадам, кварталам, перекресткам, ориентирам. При данном подходе внимание фокусируется на панорамности улиц, малых архитектурных формах, деталях, способствующих выявлению архитектурных акцентов и сохранению духа места.

Контекстный подход направлен на сохранение исторически сложившейся структуры улично-дорожной сети; воспроизведение архитектурного морфотипа, включая пропорциональность, масштаб, цвет, фактуру; создание модернизированной застройки; использование первых этажей под коммерческие цели; приоритет пешеходного движения. Новая застройка должна быть соподчинена исторической. Для контекстного подхода характерно уделять особое внимание функциональному наполнению среды. Здесь наблюдается смещение внимания с формы на функциональность, а также на экономическую эффективность и инвестиционную привлекательность территории [10].

В настоящем исследовании сделана попытка научно обосновать приемы ревитализации территорий с деревянной усадебной застройкой на основе анализа объемно-пространственного формирования историко-архитектурной среды исторического города. Данное исследование проводится на примере Томска – одного из немногих исторических городов, сохранивших массивы деревянной усадебной застройки. Однако все возрастающие проблемы сохранения этого ценного материального наследия заставляют в очередной раз обратиться к этому вопросу.

Авторами были проанализированы томские исторические кварталы 301 и 304, расположенные в центральной части Томска – в районе Верхняя Елань.

Квартал 301 исторически ограничивался улицами Александровской (ныне Герцена), Офицерской (Белинского),

Ярыковской (Карташова) и Черепичной (Кузнецова) (рис. 1, 2). Большая часть квартала находится в зоне регулирования застройки и хозяйственной деятельности объектов культурного наследия (ОКН) регионального значения ЗРР 1–41. По ул. Белинского выделены локальные охранные зоны: ОЗР 3–45 (ОКН регионального значения – ул. Белинского, 23 и 27); ОЗФ 3–24 (ОКН федерального значения – ул. Белинского, 19).

Квартал 304 исторически ограничивался улицами Торговой (ныне Вершинина), Александровской (Герцена), Ярыковской (Карташова) и Солдатской (Красноармейская). В нем также большая часть территории находится в зоне регулирования застройки и хозяйственной деятельности ОКН регионального значения ЗРР 4–34. По ул. Красноармейской выделены локальные охранные зоны ОКН федерального значения – ОЗФ 3–23 (усадыба по ул. Красноармейской, 71), ОЗФ 3–21 (усадыба по ул. Красноармейской, 67). На углу улиц Герцена и Вершинина выделена зона ОЗФ 3–22, в которую входит усадыба по ул. Герцена, 21.

Несмотря на то что исследованные кварталы имеют в своем составе объекты культурного наследия регионального и федерального значения, происходит дисгармоничное внедрение современных построек, нарушающих объемно-пространственную композицию исторических районов Томска [1]. На основе проведенного анализа центральных кварталов с деревянной усадебной застройкой (кварталы 301 и 304) выделены градостроительные, эксплуатационные и административные проблемы.

Градостроительные проблемы связаны с изменениями планировочной структуры кварталов. Этот процесс начался уже в середине XX века, после того как в 1920-е годы частные усадыбы были национализированы и значительно уплотнены. Территории исторических усадеб сокращаются; на месте расположения хозяйственных построек, огородов, садов появляются объекты нового строительства. Происходит хаотичное межевание территории кварталов, что приводит к появлению малоразмерных участков и неразмежеванным «пустотам». Застройка на «новоделных» участках не соответствует масштабу, ритму и структуре исторической градостроительной среды (рис. 1, 2).

На рубеже XX–XXI веков эта ситуация еще более усугубляется. В центральной части кварталов появляется

новое высотное дисгармоничное строительство, которое нарушает как планировочную структуру, так и объемно-пространственную композицию исторической усадебной застройки. В большинстве случаев такое внедрение не соответствует нормам современного оснащения зданий необходимым набором элементов инфраструктуры, благоустройства и противопожарным требованиям (рис. 2, 3).

Эксплуатационные проблемы связаны с негативным воздействием неправильной эксплуатации на историческую деревянную застройку: стихийная прокладка инженерных сетей, нарушение исторической вентиляции, демонтаж печей, замена исторических оконных заполнений пластиковыми и пр. Длительное отсутствие ремонтных работ также ведет к постепенному разрушению деревянной застройки. Отмечается вольное изменение объемно-пространственной композиции исторического здания за счет пристроек, перестроек, большинство из которых не только нарушает визуальное восприятие объектов, но и способствует ухудшению технического состояния зданий. Территории усадеб застраиваются дисгармоничными постройками – сараями, гаражами, происходит утрата исторических малых архитектурных форм – оградений, ворот, беседок и пр.

Значительный рост культурного слоя в связи с поднятием дорожного полотна по периметру кварталов приводит к негативному влиянию на историческую застройку. Например, дома на пересечении улиц Карташова и Белинского оказались в яме относительно проезжей части. Дисгармоничное озеленение мешает визуальному восприятию исторической застройки и негативно влияет на их техническое состояние. Борьба за ценные земельные участки в историческом центре города приводит к регулярным поджогам и варварскому отношению к исторической застройке.

Административные проблемы связаны с локальным подходом к реставрации объектов деревянного зодчества и низкой активностью власти в сохранении массивов деревянной усадебной застройки. Отсутствие финансирования мероприятий, направленных на осуществление контроля за эксплуатацией исторической застройки для поддержания ее в удовлетворительном техническом состоянии, привело к тому, что большая часть деревянной застройки признана аварийным жильем и расселена,

^ Рис. 1. Схема застройки квартала 301 в 1930-е годы. Составлена по материалам ГАТО

^ Рис. 2. Схема застройки квартала 301 по состоянию на 2024 год

Рис. 4. Вид на дом-флигель в усадьбе по ул. Красноармейской, 78. Проектное предложение компании ООО «Архифотометр», 2024

вследствие чего по всему городу стоят неэксплуатируемые дома с забитыми окнами. Городские власти придерживаются курса на ликвидацию ветхого жилого фонда, в том числе исторического. Иногда сотрудники жилищно-коммунальных служб районных администраций ведут агитацию о признании домов аварийными среди жителей исторических домов, не желая ремонтировать и обслуживать старые дома как нерентабельные. Это приводит к прекращению финансирования работ по ремонту этого фонда и к еще большей его деградации.

В данном аспекте интересен опыт Иркутска по реализации проекта «Иркутские кварталы», в котором авторы попытались комплексно подойти к сохранению исторических территорий. Данный проект наглядно показал, что с ростом привлекательности городской среды резко поднимется доходность и расположенного в ней бизнеса [11, 12]

В Томске с 2014 года реализуется муниципальная программа «Дом за рубль», обеспечивающая восстановление исторических деревянных зданий за счет средств инвестора, что является важным шагом в вопросе сохранения исторического наследия, но лишь частично снимает проблему и фактически не обеспечивает комплексную реновацию исторической застройки. Для сохранения территорий с деревянной усадебной застройкой восстановления одного дома из состава усадьбы недостаточно. Исторически городские усадьбы представляли собой комплексы построек различного назначения, включающие, помимо основного жилого дома, дома-флигели, хозяйственные постройки-службы, навесы, сады с беседками и пр. В настоящее время от многих усадеб сохранился только основной жилой дом, а остальная территория усадеб если не утрачена, то представляет собой захламленный поздними дисгармоничными постройками и гаражами участок.

Вопрос о том, как в дальнейшем реконструировать застройку на таких участках, по-прежнему остается дискуссионным. По нашему мнению, к восстановлению всех элементов исторических усадеб с хозяйственными постройками в полном объеме и в том виде, в котором они существовали в начале XX века, надо подходить выборочно. В ряде случаев это делать нецелесообразно. Важно максимально сохранить еще оставшиеся подлинные исто-

рические хозяйственные постройки (службы) в комплексе с историческими усадебными домами, а также наиболее ценные объекты усадеб в полном объеме. А для формирования полноценной историко-архитектурной среды районов с деревянной усадебной застройкой необходимо разрабатывать и реализовывать предложения, позволяющие использовать ценную городскую территорию наиболее эффективно. Нужно предложить приемы ревitalизации усадебной застройки для создания целостных архитектурно-выразительных ансамблей, отвечающих потребностям современного общества, и формирования привлекательной среды на основе изучения пространственного сложения историко-архитектурной среды города. Примеры такого подхода в Томске – проектные решения, выполненные компанией ООО «Архифотометр» в 2024 году на усадебных участках домов, восстановленных по программе «Дом за рубль».

Усадьба на ул. Красноармейской, 78 (бывшая ул. Солдатская, 78), находится в центре Томска в историческом районе Юрточная гора. Здесь сосредоточено наибольшее количество памятников деревянного зодчества, принесших славу историческому Томску: особняк купца Г. М. Голованова (ул. Красноармейская, 71); дом-флигель с жар-птицами из усадьбы отставного фельдфебеля, а позднее купца 2-й гильдии Леонтия Желябо (ул. Красноармейская, 69), расположенные в квартале напротив исследуемой усадьбы.

Территория усадьбы по ул. Красноармейской, 78, представляет собой участок, протяженный вглубь квартала, на котором располагается восстановленный в 2023 году деревянный двухэтажный дом, используемый под офисные помещения. Главный вход в дом осуществляется с уличного фасада, служебный вход расположен со стороны двора. За домом традиционно находился хозяйственный двор с надворными постройками – службами.

По материалам историко-архитектурных исследований установлено, что на территориях усадеб Томска часто строили дополнительные жилые дома-флигели, особенно это было актуально в районах, приближенных к административно-культурному или общественному центру города, где спрос на жилье был особенно высок.

В результате проведенного анализа усадебной застройки районов Юрточная гора и Верхняя Елань установ-

^ Рис. 5. Вид усадьбы по ул. Красноармейской, 78. Проектное предложение компании ООО «Архифотометр», 2024

^ Рис. 6. Вид усадьбы по ул. Красноармейской, 78, после ревитализации. Фото Е. Ситниковой. Декабрь 2025 года

лено, что многие усадьбы там имели деревянные двухэтажные дома-флигели, при этом основные жилые дома, также двухэтажные деревянные, располагались по красной линии застройки улиц. Например, расположенная напротив, в соседнем квартале, усадьба Леонтия Желябо (ул. Красноармейская, 69) состоит из четырех домов, два из которых являются двухэтажными домами-флигелями.

Архитектурно-планировочные решения домов-флигелей часто выполняли в стилистике классицизма, несмотря на то что основной дом усадьбы мог иметь довольно богатое декоративное убранство. Исключение составляет один из домов флигелей из усадьбы Л. Желябо, построенный в качестве свадебного подарка дочери и в связи с этим превращенный в сказочный терем с жар-птицами.

Типичными примерами архитектурного решения домов-флигелей в Томске являются флигель усадьбы купца С. Ф. Хромова и его наследников по ул. Крылова, 26а; флигель из усадьбы купца К. А. Андреева по ул. Иркутской (ныне ул. Пушкина, 18) и др.

Учитывая то, что территория усадьбы на ул. Красноармейской, 78, довольно просторная и используется только как парковка для служебного транспорта, необходимо было придать ей большую функциональную и архитектурно-эстетическую значимость. Бывшие на территории хозяйственные постройки в настоящее время не востребованы для современного функционального использования. Поэтому, чтобы более эффективно использовать ценную территорию в историческом центре города, предложено возвести на участке усадьбы дом-флигель, повысив тем самым количество арендных площадей. Поскольку территория усадьбы относится к выданному в аренду на 49 лет историческому дому, проектируемый объект предложено выполнить в виде некапитального каркасного строения на существующем бетонном основании, во избежание конфликта интересов собственника и арендатора.

Объект нового строительства, дом-флигель, предложено выполнить небольшим, двухэтажным, обшитым широкой профильной доской в стилистике классицизма (площадь застройки 103 м², общая площадь 173 м²). Для создания целостной усадебной среды на территории объекта также предложено выполнить навес для машин и деревянную беседку в зоне озеленения и благоустрой-

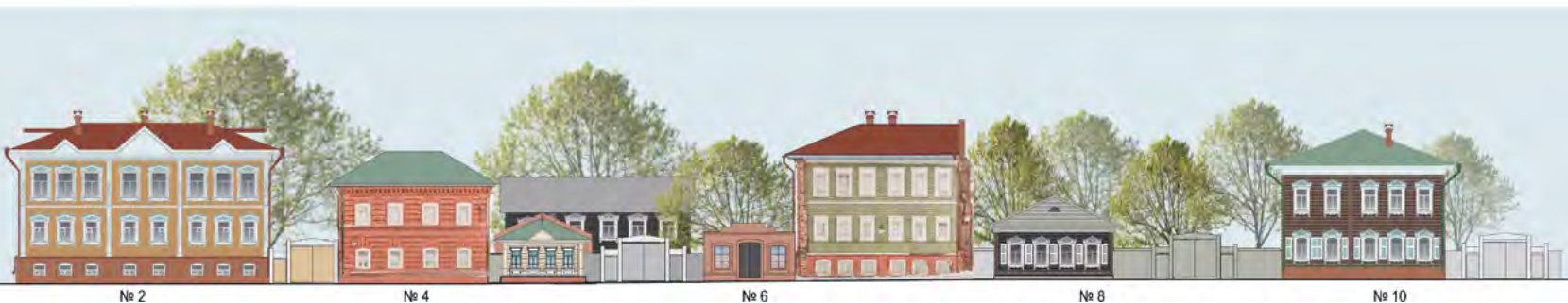
ства территории. Таким образом, попадая на территорию усадьбы через деревянные ворота, можно будет ощутить комфортный для человека масштаб застройки и камерность усадебного пространства (рис. 4–6).

Другим примером ревитализации усадебной застройки в Томске является проектное предложение компании ООО «Архифотометр» в Кустарном переулке, 6. Исследуемая территория (историческое название Кузнечный ряд) расположена в историческом районе Томска Воскресенская гора. В результате проведенных историко-архивных исследований в архиве ГАТО удалось установить границы усадеб по Кустарному переулку и выполнить графическую реконструкцию застройки улицы на начало XX века (рис. 7).

Застройка бывшего Старо-Кузнечного ряда представляла собой разнообразную каменно-деревянную застройку, представленную одно- и двухэтажными домами. Особенно выделялись по объемно-планировочным характеристикам деревянные двухэтажные на кирпичных цокольных этажах доходные дома под № 2 (в восемь осей окон) и 6 (в шесть осей окон по уличному фасаду). Значительная часть усадеб Старо-Кузнечного ряда принадлежала томскому мещанину Николаю Никифоровичу Сваровскому (№ 3, 4, 6, 8), у которого на участках, помимо жилых и доходных домов, были кузница (в усадьбе № 6) и ряд хозяйственных помещений.

Современные границы усадьбы по Кустарному переулку, 6, включают территорию исторических усадеб 6 и 8, а из многочисленной усадебной застройки Н. Н. Сваровского остался только восстановленный дом по Кустарному переулку, 6. Также выполнены ремонтно-реставрационные работы на кирпичном доме под номером 4 и ведется восстановление дома под номером 2. Таким образом, застройку по Кустарному переулку еще возможно привести к аутентичному облику. Для этого необходимо восстановить сохранившийся дом под номером 10 и дополнить застройку по красной линии улицы новыми деревянными домами в соответствии с разрешенными градостроительными регламентами.

Согласно архивным исследованиям, между домами усадеб 6 и 10 находилась усадьба под номером 8 с одноэтажным деревянным домом, который до настоящего времени не сохранился, поэтому между зданиями сейчас довольно

^ Рис. 7. Графическая реконструкция застройки Кустарного переулка начала XX века. Выполнила Е. Ситникова по материалам ГАТО

большой промежуток, что нарушает целостность восприятия застройки улицы. Восстановление утраченного дома на историческом месте не проходит по современным нормам проектирования, так как он находился на расстоянии 11 м от дома № 10 (рис. 8).

По материалам ГАТО установлено, что исторически к дому № 6 по Кустарному переулку с левой стороны была пристроена кирпичная кузница, а во дворе находился двухэтажный деревянный дом (рис. 7). В настоящее время эта территория занята парковкой офисного здания, восстановленного по программе «Дом за рубль», которое в настоящее время заключено в брандмауэрные стены с двух сторон и смотрится недостроенным, так как такое решение подразумевает сплошную фасадную застройку. Поэтому в проекте предлагается новый объект пристроить с правой стороны к брандмауэрной стене дома № 6, что будет способствовать формированию целостности историко-архитектурной среды Кустарного переулка, и при этом будет обеспечено нормативное противопожарное расстояние от дома № 10 (рис. 8, 9). Так же как и в предыдущем примере, объект нового строительства предлагается выполнить в виде некапитального каркасного строения на существующем бетонном основании, так как он проектируется на территории дома № 6, выданного в аренду на 49 лет.

В представленных решениях нашли отражение все вышечисленные подходы к ревитализации и реорганизации исторических городских территорий, выделенные российскими исследователями. В плане комплексного подхода предложены решения, отвечающие сохранению историко-культурной идентичности и формированию комфортной среды для населения. В рамках средового подхода уделено особое внимание элементам архитектурно-пространственной среды – панорамности улиц, малым архитектурным формам, деталям, способствующим выявлению архитектурных акцентов и сохранению духа места. Контекстный подход прослеживается в сохранении исторически сложившейся структуры улично-дорожной сети, воспроизведении архитектурного морфотипа улиц – пропорциональности, масштаба, цвета, фактуры; создании модернизированной застройки, соподчиненной исторической; использовании объектов под коммерческие цели и пр.

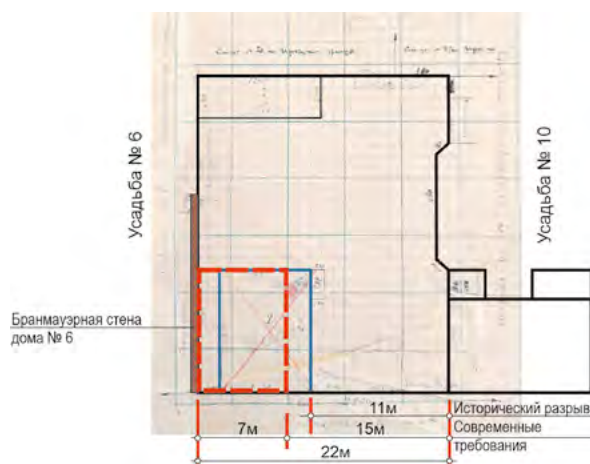
Таким образом, можно сделать следующие выводы.

В российской науке и практике наблюдается критическое переосмысление опыта реконструкции территорий, богатых сохранившимися массивами исторической деревянной застройки, ведется поиск работоспособных моделей сохранения такой застройки, формирование методологии, учитывающей локальную архитектурную специфику, особенности правового поля и социокультурные запросы местного сообщества.

Предложенные приемы ревитализации исторических усадеб с деревянной застройкой значительно повышают функциональное наполнение исторической архитектурной среды, ее экономическую эффективность и инвестиционную привлекательность. Конечно, подобные подходы применимы к усадьбам, утратившим дворовую усадебную застройку, но с сохранившейся свободной территорией. Для кварталов со значительным внедрением поздней дисгармоничной застройки нужно искать решения, рассматривая более широкое окружение.

Литература

1. Каталевская, Е. С., Ситникова, Е. В. Формирование усадебной застройки исторического района Верхняя Елань в г. Томске на примере кварталов № 301 и № 304 // Архитектура и архитектурная среда: вопросы исторического и современного развития : материалы Международной научно-практической конференции и научно-образовательной студенческой конференции по архитектуре и дизайну (Тюмень, 26–27 апреля 2023 года) : в 2 т. – Тюмень : Изд-во Тюменского индустриального университета, 2023. – Т. 1. – С. 262–269.
2. Каталевская, Е. С., Ситникова, Е. В. Малые архитектурные формы в деревянной усадебной застройке города Томска конца XIX – начала XX века // Вестник Томского гос. архитектурно-строительного университета. – 2024. – Т. 26, № 5. – С. 84–98. – DOI: 10.31675/1607-1859-2024-26-5-84-98
3. Каталевская, Е. С. Проблемы сохранения планировочной структуры исторических кварталов в городе Томске // Город, пригодный для жизни : материалы VI Международной научно-практической конференции, Красноярск, 14–16 ноября 2023 года. – Красноярск : Изд-во Сибирского федерального университета, 2024. – С. 362–367.
4. Ситникова, Е. В. Проблемы сохранения исторической застройки в современном городе (на примере Томска) // Реконструкция и реставрация архитектурного наследия : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 20–23 марта 2019 года. – Санкт-Петербург : Изд-во

▲ Рис. 8. Анализ расположения дома в усадьбе по Кустарному переулку, 6–8, согласно противопожарным требованиям

▲ Рис. 9. Объект нового строительства по Кустарному переулку, 6–8. Проектное предложение компании ООО «Архифотометр», 2024

Санкт-Петербургский гос. архитектурно-строительного университета, 2020. – С. 138–143.

5. Рубанов, И. В., Ситникова, Е. В. Проблемы сохранения историко-архитектурной среды в г. Томске (на примере квартала № 224) // Избранные доклады 66-й Университетской научно-технической конференции студентов и молодых ученых, Томск, 21–25 сентября 2020 года. – Томск : Изд-во Томского гос. архитектурно-строительного университета, 2020. – С. 368–372.

6. Стояк, Ю. А. Внедрение новой архитектуры в исторический контекст на примере города Томска // Вестник Томского гос. архитектурно-строительного университета. – 2023. – Т. 25, № 5. – С. 9–22. – DOI: 10.31675/1607-1859-2023-25-5-9-22

7. Степанюк, Я. Г., Ситникова, Е. В. Объекты нового строительства в исторической среде городов // Творчество и современность. – 2018. – № 1 (5). – С. 85–89.

8. Степанюк, Я. Г., Ситникова, Е. В. Новое строительство в исторической среде г. Томска // Региональные архитектурно-художественные школы. – 2017. – № 1. – С. 10–17.

9. Орлова, Н. А., Орлов, Д. Н., Гаршина, А. А. Ревитализация исторического квартала. Опыт применения контекстуального подхода // Градостроительство и архитектура. – 2020. – Т. 10, № 4 (41). – С. 108–118. – DOI: 10.17673/Vestnik.2020.04.14

10. Коробейникова, А. Е., Данилина, Н. В., Теплова, И. Д., Юзянь, Л., Гуаньюй, В., Гаджиева, П. Э. Принципы и особенности подходов к реорганизации исторических кварталов России и Китая // Урбанистика. – 2025. – № 2. – С. 1–19. – DOI: 10.7256/2310-8673.2025.2.73778

11. Меерович, М. Г. Комплексная регенерация квартала средовой исторической застройки в Иркутске // Academia. Архитектура и строительство. – 2016. – № 1. – С. 72–78.

12. Маркуша, М. «Иркутская слобода» / 130 квартал. Пятый год эксплуатации. Подведение итогов: мнения профессионалов, интеллигенции, обывателей // Архитектура и строительство России. – 2015. – № 11–12 (215–216). – С. 24–33.

References

Katalevskaya, E. S. (2024). Problems of preservation of the planning structure of historical quarters in the city of Tomsk. *A city fit for living: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference, Krasnoyarsk, November 14–16, 2023* (pp. 362–367). Krasnoyarsk: Siberian Federal University. EDN ZMFISE.

Katalevskaya, E. S., & Sitnikova, E. V. (2023). Formation of estate development in the historical district of Verkhnyaya Elan in Tomsk on the example of quarters No. 301 and No. 304. In M. Yu. Gaiduk (Ed.), *Architecture and architectural environment: issues of historical and modern development: Proceedings of the international scientific-practical*

conference and scientific-educational student conference on architecture and design. In 2 volumes, Tyumen, April 26–27, 2023 (Vol. 1, pp. 262–269). Tyumen: Tyumen Industrial University. EDN DPBSBB.

Katalevskaya, E. S., & Sitnikova, E. V. (2024). Small architectural forms in Tomsk wooden buildings in 19–20th centuries. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Arkhitekturno-Stroitel'nogo Universiteta. Journal of Construction and Architecture*, 26(5), 84–98. DOI 10.31675/1607-1859-2024-26-5-84-98. EDN ESVZDN.

Korobaynikova, A. E., Danilina, N. V., Teplova, I. D., Yueyan, L., Guanyu, V., & Gadzhieva, P. E. (2025). Principles and Features of Approaches to the Reorganization of Historical Districts in Russia and China. *Urban Studies*, (2), 1–19. DOI 10.7256/2310-8673.2025.2.73778. EDN PBACTF.

Markuscha, M. (2015). “Irkutsk Sloboda”. 130 Quarter fifth year of operation. Conclusions: According to professionals, intellectuals, inhabitants. *Architecture and Construction of Russia*, 11–12 (215–216), 24–33. EDN VLMCWV.

Meerovich, M. G. (2016). Complex regeneration of the quarter of environmental historical buildings in Irkutsk. *Academia. Architecture and Construction*, (1), 72–78. EDN VNRSCD.

Orlova, N. A., Orlov, D. N., & Garshina, A. A. (2020). Revitalization of the Historical Quarter. Experience in Applying the Contextual Approach. *Urban Construction and Architecture*, 10(4(41)), 108–118. DOI 10.17673/Vestnik.2020.04.14. EDN GJWMQX.

Rubanov, I. V., & Sitnikova, E. V. (2020). Problems of preserving the historical and architectural environment in Tomsk (using quarter No. 224 as an example). *Selected papers of the 66th University Scientific and Technical Conference of Students and Young Scientists, Tomsk, September 21–25, 2020* (pp. 368–372). Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering. EDN CLQQAB.

Sitnikova, E. V. (2020). Problems of preserving the historical building in a modern city (for example, Tomsk). In S. V. Semenov et al. (Ed.), *Reconstruction and restoration of architectural heritage: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, St. Petersburg, March 20–23, 2019* (pp. 138–143). St. Petersburg: St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering. EDN IEYXEV.

Stepanyuk, Ya. G., & Sitnikova, E. V. (2017). New Construction in the Historical Environment of Tomsk. *Regional Architectural and Art Schools*, (1), 10–17. EDN XYEDME.

Stepanyuk, Ya. G., & Sitnikova, E. V. (2018). Objects of New Construction in the Historical Environment of Cities. *Creativity and Modernity*, 1(5), 85–89. EDN XNZCUP.

Stoyak, Yu. A. (2023). Implementation of New Architecture in Historical Environment of Tomsk. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Arkhitekturno-Stroitel'nogo Universiteta. Journal of Construction and Architecture*, 25(5), pp. 9–22. DOI 10.31675/1607-1859-2023-25-5-9-22. EDN TICMBP.

В рамках концепции хронотопа (пространственно-временного единства) показано, как время и место закладки города определяют его судьбу. Тюмень – старейший город юга Тюменской области, который динамично развивается. Сегодня территория места основания города утратила свою привлекательность, став транзитной зоной; ряд исторических и современных объектов, символов общественного сознания, не связаны друг с другом по смыслу, утрачена эмоциональная связь между жителями и местом. Изучена динамика трансформации места основания города, отражающая эволюцию социально-экономических и культурных структур. На основе исторических данных предложена логическая структура современного наполнения данного места в качестве целостного культурного ландшафта. Рассмотрены этапы изменения смыслового наполнения места основания Тюмени, что позволило глубже понять механизмы урбанизации и идентичность города.

Ключевые слова: хронотоп; трансформация; место основания города; смысловое наполнение; целостный культурный ландшафт; градостроительная концепция. /

Within the framework of the concept of chronotope (spatial and temporal unity), it is shown how the time and place of the city's foundation determine its fate. Tyumen is the oldest city in the south of the Tyumen region, which is developing dynamically. Today, the territory of the city's founding site has lost its attractiveness, becoming a transit zone. A number of historical and modern objects, symbols of public consciousness, are not semantically related. The emotional connection between residents and the place has been lost. The article studies the dynamics of the transformation of the city's founding site, reflecting the evolution of socio-economic and cultural structures. On the basis of historical data, the author proposes a logical structure of the modern content of this place as an integral cultural landscape. The author also considers the stages of changing the semantic content of the founding site of Tyumen, which allows for a deeper understanding of the mechanisms of urbanization and the identity of the city.

Keywords: chronotope; transformation; founding site of the city; semantic content; integral cultural landscape; urban planning concept.

Хронотоп и трансформация места основания Тюмени / Chronotope and the transformation of the founding site of Tyumen

текст
Анастасия Юстус
Тюменский
индустриальный
университет
text
Anastasia Yustus
Industrial University of
Tyumen

Введение

Место основания города является ключевым элементом городского пространства и определяет не только время зарождения поселения, но и его развитие, отвечает за структурную целостность и городскую идентичность. Оно выступает как исходный пункт, вокруг которого формируется городская среда, связано с природными, функциональными или символическими факторами, задающими вектор развития поселения. Современные ученые в области философии утверждают, что «для исследования городской идентичности важны образы, связанные с конкретным пространством, так происходит «пространственная привязка» целого перечня ценностных значений», и, несомненно, что место рождения города изобилует подобными символами [1, с. 25]. Использование в качестве базовой категории понятия «место основания города» в градостроительном и социокультурном контексте, а также сопряженных с ней концептов «культурный ландшафт», «привязанность к месту», «репрезентация места» и т. п. обусловили обращение к подходам, сформировавшимся в русле географии города, локальной истории, социологии пространства, культурологии и урбанистики. Традиция рассматривать город «как эстетически оформленный комплекс архитектурных объектов, инженерных сооружений и устройств, а не как среду для жизни людей, у которых имеются свои духовные потребности, стремления, желания» уходит в прошлое [2, с. 3]. Направленность на «всемерную поддержку структурных характеристик старого города и лишь потом – на реставрацию и сохранение отдельных, наиболее ценных зданий» обозначена доктором архитектуры А. Э. Гутновым [3, с. 326]. Принципы планирования городского пространства, формируемого под влиянием «социального субъекта», понятия, включающего различные социальные группы и территориальные сообщества, предложены теоретиком-урбанистом К. Линчем [4].

Для прикладного изучения трансформации места основания города был применен метод натурных исследований, а для теоретических аспектов возникла необходимость в использовании инструментария социально-гуманитарных и исторических наук, «описывающего сопряжение смыслов городской культуры и городского

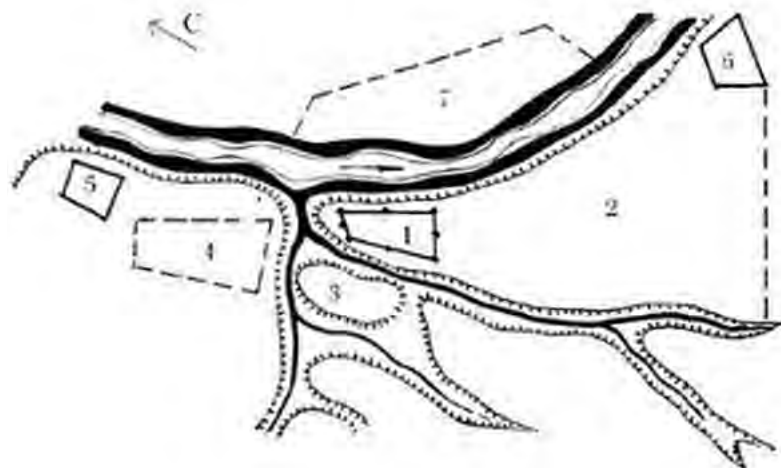
пространства: маркеры, локусы, хронотопы» [1, с. 25]. Понятие хронотопа, восходящее к работам М. М. Бахтина, А. А. Ухтомского, Ю. М. Лотмана [5, 6], переосмысленное культурологами и социологами в духе современных теорий, позволяет рассматривать пространство и время не как нейтральный фон, а как семиотически нагруженную структуру, определяющую типы событийности и способы присутствия человека в мире. В отношении города это означает, что каждый исторический период задает специфический режим пространственно-временной организации: военный форпост, торговый узел, индустриальный центр, пространство памяти и т. д. Хронотоп связывает в единую структуру темпорально-топосные и смысловые критерии. Это позволяет зафиксировать в движении города темпорально-топосные единицы, в которых находят отражение различные состояния его существования [7]. В исследовании Е. Я. Бурлиной, Л. Г. Илвицкой, Н. В. Барабошиной, посвященном пространственно-временной диагностике города, показана возможность использования хронотопа для систематизации общих представлений о месте и времени города, диагностике его дальнейшего развития. В частности, говорится о важности времени и места рождения города как «универсальных точек пересечения исторического и глобального в судьбе города», которые обуславливают его предназначение и роль в истории [8, с. 65].

Исследователи предлагают три типа городских хронотопов: историко-бытийный, как комплекс исторических символов, знаков, смыслов, связанных со временем и местом становления города; профанный, который характеризуется преобладанием настоящего, житейского, наделенного повседневными потребностями и личными смыслами времени-пространства; глобальный, отражающий пространство и время интенсивной коммуникации отдельного города и мира, трансфера цивилизационных инноваций в локальную темпоральность и топос [9].

Необходимость применения культурологического подхода к исследованию места основания Тюмени обоснована создавшейся ситуацией: с одной стороны, большое количество архитектурных, исторических и современных объектов, являющихся символами общественного сознания, с другой – утрата значимым районом города

> Рис. 1. Структура Тюмени в XVII веке:

- 1 – крепость;
- 2 – посад;
- 3 – Чинги-Тура;
- 4 – Ямская слобода;
- 5 – Троицкий мужской монастырь;
- 6 – Ильинский женский монастырь;
- 7 – татаро-бухарская слобода [10]

привлекательности для жителей, приобретение функции транзита. Архитектурные объекты культурного наследия требуют реставрации; организации, располагающиеся в них, не имеют финансовой возможности сделать качественный ремонт, а инвесторы не видят в них экономического потенциала. Кроме того, несмотря на ландшафтный, рекреационный и экологический потенциал лога, данная территория в Тюмени не только не благоустроена и используется нерационально, но и является естественным барьером, который препятствует развитию города и усложняет связь между структурными элементами городского центра. Становится очевидным, что архитектурно-градостроительных показателей данного места недостаточно для создания условий с целью привлечения инвесторов, жителей, туристических потоков. В данной статье внимание сосредоточено на исследовании изменений места основания города в различных вариантах хронотопа, что позволило зафиксировать репрезентацию исторического времени в культурном пространстве города и порождаемые смыслы, закрепленные в городской ментальности. Событийный хронотоп позволил проследить современное состояние района и его наполняемость, значимость для жителей, туристов и бизнеса. Изучение трансформации хронотопа места основания города зафиксировало доминирующие городские смыслы. Подобное исследование о локализации значимых смыслов важно для градостроительной политики в Тюмени, так как может помочь сократить количество и интенсивность конфликтов, неизбежных при градостроительных изменениях территории.

Методы

Междисциплинарный характер исследования обуславливает применение различных методов в изучении трансформации места основания Тюмени: опора на исторический метод (с анализом архивных и других письменных инструментов) и качественный (с анализом визуальных документов). Поскольку данное исследование направлено на выявление структурных компонентов «места основания» Тюмени и его временных и пространственных изменений, использовался аналитический метод

в сочетании с общелогическими методами и принципами, а также метод натурных исследований.

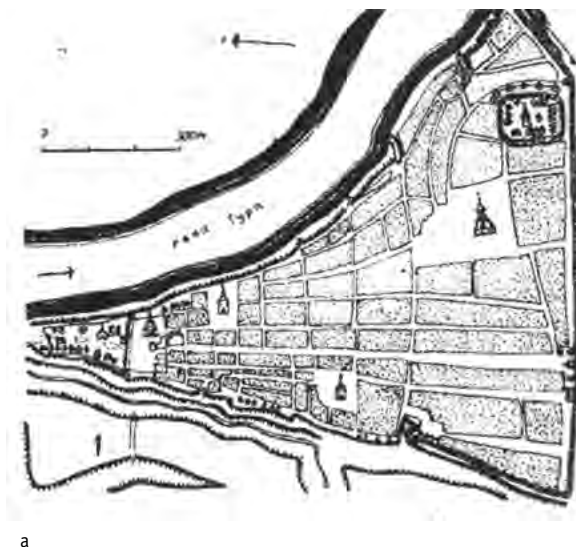
Результаты и обсуждение

Основание Тюмени традиционно рассматривается в историографии как ключевой момент начала русской колонизации Сибири и формирования новой системы расселения на восточных окраинах государства. Тюмень была основана на берегу реки Туры – левого притока Тобола, относящегося к бассейну Иртыша. При выборе места для основания города учитывались геоморфологические особенности местности. Город был заложен на узком высоком мысу, образованном берегами рек Туры и Тюменки. Как свидетельствуют крупные архитекторы – исследователи Тюмени С. П. Заварихин и Б. А. Жученко, «кроме глубокого оврага – долины Тюменки – к западу от мыса расположились еще два больших оврага – Вишневым и Дедилов, а также несколько мелких, что еще более укрепляло безопасность города с этой стороны» [10, с. 13]. Но это не просто природные овраги в центре Тюмени, а фундамент городской идентичности, сформированного веками ландшафта. С момента основания города на мысу между двумя реками этот рельеф определял его облик, улицы, оборону и зеленый каркас, делая уникальным среди сибирских городов. Место основания – тюменский мыс и лог – входит в состав исторической части города, но является особенным и отличающимся от других районов Тюмени. Из исторических документов известно, что «русский город был заложен невдалеке от татарского городка» и что «удачные ландшафтные условия оценили еще древние татары, построившие здесь свою первую столицу» [10, с. 13].

Историко-культурный хронотоп (этапы развития места основания Тюмени)

Дотюменский этап (до основания города). Бывшая сибирская столица носила название Чинги-Тура. Сведения о первой дате рождения, по утверждению доктора исторических наук А. Яркова, относится к упоминаниям в «Катала (о) нском атласе (1375) А. и И. Кресков (Кресковесов), где указано на каталанском языке: Los munts de Sebur on neix lo gran flum Edil («Горы Себур, где большая река Эдиль берет начало») и помечено поселение Singui.

> Рис. 2. План места основания Тюмени к концу XVII века:
а – план основной части города [14];
б – Тюмень в конце XVII века. Гравюра из книги Н. В. Витсена «Северная и Восточная Татария» (1785) [15]

Итак, первая дата нам известна – 1375 год!» [11, с. 12]. Поход Ермака в Сибирь дал возможность для основания нового города. Вторая дата рождения города относится к 29 июня 1586 года, в эту дату письменный голова Д. Чулков, пришедший с трехсотенным отрядом, руководимым двумя воеводами – В. Сукиным и М. Мясным, сделал запись об основании русского города Тюмени.

Вышеперечисленные факты позволяют сделать вывод, что до появления русского города территория в излучине Туры уже являлась значимым узлом путей сообщения и хозяйственной активности. Здесь локализуются тюркско-сибирские поселения, функционировавшие в системе степных и таежных ландшафтов и торговых маршрутов.

С точки зрения хронотопа речь идет о пространстве с ярко выраженной транзитной и пограничной функцией, но еще без устоявшейся городской идентичности. Этот «дооснованный» слой впоследствии практически исчезает из официальных нарративов, однако продолжает косвенно присутствовать в археологических данных и отдельных фрагментах локальной памяти. На рис. 1 представлена структура Тюменского мыса – места основания Тюмени.

Военно-острожный хронотоп (XVI–XVII века).

Тюмень, как и многие другие сибирские города, начиналась с крепости: «300 ратников-строителей за один сезон выкопали ров с южной стороны, возвели земляной вал, на тесном пятачке мыса поставили необходимейшие постройки – съезжую избу, воеводский двор, жилые дома, амбары и, конечно, церковь. Эта небольшая деревянная церковь – Николая Чудотворца и Федора Стратилата – стала первой русской церковью в Сибири» [10, с. 13–14]. В течение следующих нескольких лет от даты рождения строительство города и освоение окрестностей продолжалось, к 1595 году «городовое и башенное строение» было уже полностью обновлено [12]. Социальные слои состояли из военных, служилых людей и пашенных крестьян, пахавших свои участки для нужд гарнизона.

Структура городской планировки Тюмени имеет интересную особенность – она очень близка к прямоугольной. Это связано с тем, что город начинался как военная крепость и тяготел к регулярной структуре. Главная

дорога и вторящие ей второстепенные располагались параллельно, перпендикулярно им находились кратчайшие пути между берегами Туры и Тюменки. Но с продвижением на юг от крепости улицы шли от береговой линии и уже не были параллельны главным магистралям, планировка приобретает сходство с трехлучевой. План места основания Тюмени к концу XVII века представлен на рис. 2.

Пространство этого района приобретает отчетливо выраженный военно административный характер: здесь сосредотачиваются гарнизон, органы власти, склады, места сбора ясака. Город воспринимается как форпост, обеспечивающий контроль над окрестным пространством и путями вглубь Сибири.

Военно острожный хронотоп задает жесткую иерархию пространства: внутренняя территория острога как центр власти и безопасности противопоставляется внешнему, потенциально враждебному окружению. Временной режим этого этапа – напряженное «пограничное» настоящее, связанное с борьбой, освоением и утверждением новых порядков. В дальнейшем именно этот слой становится основой мифа о Тюмени как «первом бастионе» русской Сибири.

Торгово-ремесленный хронотоп (XVII–XVIII века).

Освоение края происходило в основном мирным путем, однако часто приходилось отбивать нападения казахов, джунгар и пр. Поэтому стали появляться остроги вдоль границ присоединенных земель, что позволяло набирать силу двум важнейшим сибирским городам – Тюмени и Тобольску: «Последний стал административным центром края, а Тюмень вторым по значению торгово-ремесленным городом» [10, с. 19]. Заселение края происходило выходцами из Поморья и Устюга, что помогает объяснить прижившиеся в Тюмени многие формы культурной жизни, вышедшие из северорусских земель: типы зданий, обычаи, обряды, декоративно-прикладное искусство. «На формирование сибирской культуры, а значит, и архитектуры не могли не повлиять трудные условия освоения новых земель, сформировавшие «сибирский» характер. Постоянный прилив энергичного, а часто и самого развитого населения и отсутствие крепостного права – вот два

< v Рис. 3. Вид на Благовещенскую церковь с разных видовых точек

важнейших фактора, которыми Н. Г. Чернышевский объяснял высокий культурный уровень Сибири» [10, с. 20].

Своеобразная линейность структуры городского пространства: городское ядро (кремль), посад, слобода, монастыри – до конца XIX века будет определять характер и силуэт города. В первой половине XVIII столетия отмечено начало каменного строительства в городе, и первыми были возведены каменные амбары для казны с церковью над ними. Тюменская церковь Благовещения оказалась первым в Сибири храмом, построенным «кораблем», и имела цветные керамические изразцы зелено-фиолетовой гаммы, наложенные на гладкие, окрашенные в темно-красный цвет стены. Для этой первой каменной постройки был выбран участок крепости около самого берега Туры, на тюменском мысу. Внушительная и нарядная церковь «стала центром не только кремля, но и всего города, связав воедино все силуэтные вертикали Тюмени. [10, с. 33] (рис. 3).

В этот период была заложена сакральная структура города – «образцом для города земного был град небесный Иерусалим» [13, с. 5]. Строящиеся храмы были частью сакрального пространства и составляли духовный каркас города, «на протяжении XVI–XVIII веков в городе шло постоянное строительство новых церквей, в результате которого Тюмень приобрела уникальную панораму с четким ритмом доминант куполов и колоколен, которая восхищала многих путешественников» [13, с. 5].

К концу XVIII века в Тюмени было 490 купцов и 813 ремесленников. Появляются крупные мануфактуры, получившие названия фабрик и заводов. По уровню развития промышленности Тюмень превзошла Тобольск.

Согласно генплану Тюмени конца XVIII столетия площади вокруг церквей были вовлечены в квартальную застройку, а на месте бывшего кремля, как свидетельство переродившейся функциональной структуры города, был построен деревянный гостиный двор, расположившийся прямо по центру стрелки тюменского мыса.

По мере стабилизации ситуации и развития хозяйственных связей военный форпост постепенно трансформируется в торгово-ремесленный центр. Острог обрастает посадом, формируются торговые площади, пристани, ремесленные слободы. Место основания города расши-

ряется от укрепленного ядра к прилегающим пространствам экономической активности, где сосредоточиваются купеческие дома, лавки, склады.

Хронотоп этого периода характеризуется переходом от пограничной напряженности к более размеренному, циклическому времени торговли и ремесел. Пространство воспринимается уже не только как оборонительное, но и как точка притяжения купцов, ремесленников, путешественников. В городском образе усиливается мотив «перекрестка путей», а речная набережная и торговые площади становятся важнейшими элементами города.

Транспортно-промышленный хронотоп (XIX – первая половина XX века). В первой четверти XIX века с укреплением торгово-экономического положения Тюмени встал вопрос о строительстве гостиного двора из красного кирпича вместо деревянного. К 1844 году протяженный корпус из 38 лавок, обращенный к реке, был завершен, а к 1848-му достроены боковые корпуса. «Гостиный двор занимает очень важное в градостроительном отношении место, замыкает стрелку Тюменского мыса и играет роль своеобразного указателя централь-

^ Рис. 4. Изменение визуального силуэта места основания Тюмени. Фотография и монтаж выполнены Е. Изюмовой

ной оси всего массива городского центра» [10, с. 20]. Важность этого сооружения соответствует значению здания Биржи на стрелке Васильевского острова. Кроме градостроительной, объект играл роль центра социального притяжения: во время ярмарок во дворе собиралось до двух тысяч человек из Тюмени и других городов для торговли и общения. Рядом с гостиным двором было возведено еще одно здание (на средства купца Трусова) для деловых встреч и отдыха «верхушки тюменского общества» – дом Благородного собрания, относящийся к раннеклассическому стилю, обогативший прибрежную панораму и городскую застройку. Так место основания города – тюменский мыс – обрело законченный силуэт и социально значимый статус центра притяжения для различных слоев населения. В XIX веке, в том числе с появлением железной дороги и новых промышленных зон, в Тюмени получили развитие транспорт и промышленность. Городское развитие начинает смещаться от первоначального ядра к районам, связанным с железнодорожной инфраструктурой и промышленными предприятиями. При этом место основания сохраняет статус «старого города», но постепенно теряет часть своих прежних утилитарных функций.

В пространственно-временном отношении формируется двойной режим: реальное деловое и транспортное ядро города сдвигается, тогда как историческая часть остается символическим центром, концентрирующим память о «первых временах». В городской ткани возникают контрасты между старым и новым, которые фиксируются как в архитектуре, так и в повседневных практиках горожан.

Советский хронотоп модернизации и централизации. В первом десятилетии советского периода в Тюмени значительная застройка территорий не велась. Только к концу 20 годов продолжилось каменное строительство. В локации места рождения города произошли двойственные перемены. В 1930 году за зданием Гостиного двора, в юго-восточном направлении, по проекту архитектора А. С. Никольского из красного кирпича была построена Круглая баня, являющаяся в настоящее время памятником архитектуры и единственным представителем конструктивизма в Тюмени. В то же время Благовещен-

ская церковь была взорвана, район лишился архитектурного памятника и визуальной доминанты, а позднее была снесена пожарная каланча, возвышавшаяся возле здания Благородного собрания. Место основания города, лишившись двух доминант, приобрело линейный ровный и довольно скучный силуэт. В Тюмени происходит масштабное строительство промышленных предприятий, историческая часть города расширяется, а место основания Тюмени теряет свою значимость и меняет облик. Ослабляется значение реки, так как основной товаро- и пассажирооборот перемещается на железную дорогу. Отсутствие набережной исключает реку из жизни города. В здании Благородного собрания размещается исторический музей, рядом с ним, вдоль оврага, строится мемориальный комплекс, посвященный Победе в Великой Отечественной войне, зажигается Вечный огонь. Лог частично застраивается бетонными гаражами, возводится большой спортивный комплекс. Проведение археологических раскопок становится невозможным, место утрачивает часть исторического культурного ландшафта. На самом краю мыса заложили камень, обозначающий место основания Тюмени. Перед зданием Гостиного двора на площади в 1995 году установлен памятный крест Ермаку. В Гостином дворе размещается военкомат и призывной пункт. Изменение визуального силуэта места основания Тюмени можно проследить на рис. 4.

Советский период связан с масштабной модернизацией и перепланировкой городского пространства. Формируются новые административные площади, магистрали, жилые районы, появляются характерные для эпохи архитектурные доминанты. Историческое ядро частично утрачивает функциональную значимость, подвергается перестройкам, нередко испытывает давление стандартной застройки. Однако параллельно нарастает идеологическое осмысление прошлого как «прелюдии» к социалистической модернизации.

Место основания Тюмени переосмысливается как один из этапов великого пути «освоения Сибири», включается в линейный нарратив прогресса и индустриализации. В этот период Тюмень приобретает статус «столицы нефтяного края», количество жителей увеличивается. Временной режим этого хронотопа устремлен в будущее, а прошлое оказывается «подчиненным» перспективе строительства нового общества.

Постсоветский и современный хронотоп памяти и брендинга. Концептуальной задачей генплана начала нового тысячелетия стало сохранение компактности ядра города и в то же время обеспечение динамики его развития. Одной из важных задач стало условие – вернуть реке Туре утраченное значение яркой составляющей городского ландшафта. Место основания города получает связь с заречной частью города путем строительства красивого инженерного сооружения вантового пешеходного моста, получившего название «мост Влюбленных» (рис. 5). Мост стал визуальной и смысловой доминантой, но не смог в полной мере исправить силуэт места основания города. В дальнейшем государством были выделены средства на строительство самой протяженной набережной в России. Высокий берег Туры «оделся» в гранит, там располагаются пешеходные и беговые дорожки, кафе, чугунные скульптуры. К сожалению, из-за сильного обмеления и загрязнения реки она перестала быть привлекательной для малых судов и лодок, в летнее время по ней ходит один-два туристических катера. Зимой она замерзает. А вот река Тюменка, которая питается подземными ключами, не замерзает и зимой, но из-за работ по возведению земляного вала и организации моста, связывающего берега двух логов, она также сильно обмелела. Когда-то вдоль нее строились бани и круглый год был доступ к воде.

^ Рис. 5. Вид на мост влюбленных (слева) и площадь с памятным крестом атаману Ермаку на площади перед Гостиным двором. Фото Е. Изюмовой

В постсоветский период усиливаются процессы локальной идентификации и интерес к региональному наследию. Происходит активная музеефикация и ревитализация исторического ядра: реставрация зданий, благоустройство набережной Туры, создание туристических маршрутов, установка памятников и мемориальных знаков. Место основания все более явно позиционируется как «историческое сердце» города.

Современный хронотоп характеризуется доминированием практик памяти и городского брендинга. Место основания интерпретируется через нарративы о Тюмени как «первом русском городе Сибири», «месте начала пути», «старейшем форпосте». Время здесь переживается как многослойное: прошлые эпохи актуализируются в праздниках, фестивалях, экскурсиях, визуальных и текстовых репрезентациях. Осознанные представления о «времени и месте» поселения укрепляют процесс идентификации его жителей. Таким образом, место превращается в ключевой ресурс конструирования городской идентичности и туристической привлекательности.

Профанный (событийный) хронотоп. Событийный хронотоп акцентирует внимание на настоящем города. Он отражает пространственно-временные основания, в границах которых осуществляется жизнь и деятельность человека как потребителя городского пространства-времени. В этом хронотопе находят отражение смыслы города, порождаемые его пространственно-временными параметрами, в которых происходит непосредственное воспроизведение жизни горожанина, реализация его потребностей и интересов.

Исследование позволило установить, что место основания Тюмени претерпело трансформацию, естественную для развивающегося города с быстро растущим населением. В настоящее время данное место включает следующие символы общественного сознания:

- Гостиный двор (утратил функцию точки социального притяжения, характерную для расцвета тюменской экономики эпохи купечества);

- каменное наследие купечества в виде памятников архитектуры (в двух из них, находящихся напротив Гостиного двора, располагается отделение тюменского кожно-венерологического диспансера);

- мост Влюбленных (привлекает большое количество людей всех возрастов, особенно молодежь);

- мемориал Победы (сакральное место памяти);

- камень в честь основания Тюмени (непримечательный, к нему мало кто ходит);

- крест атаману Ермаку, покорителю Сибири (расположен в центре площади, не привлекает к себе внимания; находится в центре транзитного пути, людские потоки перемещаются по ним не задерживаясь);

- исторический музей (в нем представлены кости мамонта и другие экспонаты, но отсутствуют современные интерактивные пространства);

- здание Круглой бани (в настоящее время закрыто, имеет запущенный вид, ожидает реставрации).

К этому перечню необходимо добавить три жилых пятиэтажных здания, примыкающих к месту основания города, относящихся к застройке 1960 годов. За этим пространством начинаются жилые кварталы исторической части города, с большим количеством высших учебных заведений и пешеходной улицей Дзержинского, с отреставрированными зданиями деревянного зодчества, которые активно посещаются жителями города и туристами. Место основания Тюмени, как показал опрос различных по возрасту и социальному статусу слоев населения, не является привлекательным для прогулок и не вызывает желания там задержаться. Таким образом, значимое городское пространство утратило смысл целостного культурного ландшафта. Присвоение Гостиному двору статуса бывшего на его месте военного острога (военное присутствие, закрытые территории), размещение в памятниках культуры, купеческих особняках медицинской организации (напоминание о болезни), а также заброшенное здание Круглой бани (частично обнесенное забором с большой автомобильной парковкой вокруг) создает отрицательную динамику популярности района.

Выход из данной ситуации возможен с изменением структуры смыслового объединения значимых объектов. Необходимо создание масштабного кластера, объединяющего в себе различные направления: культуру, спорт, торговлю, туризм. Это поможет привлечь бизнес для возможности реструктуризации пространства и реставрации исторических архитектурных объектов. Мэром города

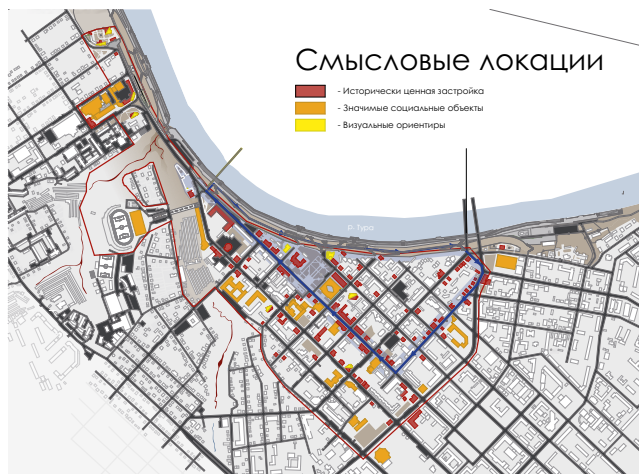

Рис. 6. Схемы смысловых локаций и предлагаемые связи туристических маршрутов с другими локациями города. Схемы выполнены архитекторами Е. Изюмовой и А. Колесниковой

Тюмени М. Афанасьевым, реализующим в настоящее время политику комплексного развития территорий города, принята к рассмотрению возможность переезда военкомата и призывного пункта, а также медицинской организации в другую локацию.

Предложение по смысловому наполнению территорий и освободившихся зданий, основанное на анализе исторической, бытийной и урбанистической трансформации места основания Тюмени, в соавторстве с архитектурным бюро Центра архитектурной подготовки при Институте архитектуры и дизайна Тюменского индустриального университета (АРХИД ТИУ) представлено на конкурс «Городские смыслы». Предложено вернуть Гостиному двору функцию места социального притяжения (торговый дом), накрыть его стеклянным куполом, чтобы он мог функционировать в зимнее время. Отреставрировать купеческое архитектурное наследие за счет привлечения бизнеса (кафе, рестораны), спроектировать лог как ландшафтно-рекреационную зону с созданием интерпретации старинных домиков (хостелы или мини-гостиницы), возвести две высотные доминанты, расширить спортивный комплекс в логу и пр. В результате сегодня заброшенную территорию лога планируют превратить в полноценную зону отдыха. Проложенные маршруты и дорожки, мостики помогут соединить разрозненные территории Тюменского и Затюменского мысов. Специалистами Института Генплана Москвы разрабатывается мастер-план масштабного преобразования территории от Затюменки до улицы Мориса Тереза и от вокзала до Туры. Схемы смысловых локаций и предлагаемые связи туристических маршрутов с другими локациями города представлены на рис. 6.

Механизмы слоения и «перечитывания» хронотопа

Анализ показал, что развитие места основания Тюмени не сводится к линейной смене функций. Скорее речь идет о слоистом хронотопе, в котором старые режимы пространства и времени не исчезают полностью, а продолжают существовать как подземные пласты, периодически актуализируемые в новых контекстах. Механизм «перечитывания» заключается в том, что каждая новая эпоха отбирает и переосмысливает отдельные элементы наследия, подстраивая их под собственные идеологические

и культурные потребности. Так, острое прошлое превращается в символ первенства и колонизаторской миссии, торговый этап – в образ деловой активности и открытости, советский период – в свидетельство модернизационного прорыва. Современный город, опираясь на эти интерпретации, выстраивает комплексный образ места основания как сцены, на которой разворачивается «долгая история» Тюмени. Распределение структуры смыслового пространства города показано на рис. 7.

Заключение

Хронотоп развития места основания Тюмени демонстрирует, как городское пространство превращается в носителя исторической памяти и инструмент конструирования идентичности. От военного острога до туристического и мемориального ядра прослеживается сложная траектория трансформации функций, образов и практик, связанных с одним и тем же пространственным фрагментом.

Место основания города предстает не только как географическая точка, но и как динамическая культурная конструкция, в которой переплетаются разные временные пласты и символические коды. Понимание этого многослойного хронотопа позволяет по-новому взглянуть на процессы урбанизации, региональной идентификации и политики памяти в современной России. Перспективы дальнейших исследований связаны с более детальной реконструкцией визуальных, текстовых и повседневных практик, формирующих образ места основания Тюмени в сознании горожан и гостей города.

Литература

1. Горнова, Г. В., Воронин, Д. В. Рецензия на монографию «Трансформация идентичности в информационном обществе: цифровые кочевники» // Вестник Омского гос. педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2024. – № 1 (42). – С. 24–28.
2. Назарова, Н. П. Архитектурное пространство как социокультурный феномен : дис. ... доктора философских наук. – Волгоград, 2013. – 320 с.
3. Гутнов, А. Э. Мир архитектуры: язык архитектуры. – Москва : Мол. гвардия, 1985. – 351 с.
4. Линч, К. Образ города / перевод с англ. В. Л. Глазьева – Москва : Стройиздат, 1982. – 328 с.

< Рис. 7. Смысловое пространство города. Схема выполнена А. Колесниковой

5. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе : очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. – Москва : Художественная литература, 1975. – С. 234–407.

6. Лотман, Ю. М. Семиотика пространства // Избранные статьи : в 3 т. Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн : Александра, 1992. – С. 386–471.

7. Иливицкая, Л. Г. Город и его событийный хронотоп: диагностический аспект // Верхневолжский филологический вестник. – 2021. – № 1 (24). – С. 178–184. – DOI: 10.20323/2499-9679-2021-1-24-178-184

8. Бурлина, Е. Я., Иливицкая, Л. Г., Барабошина, Н. В. «Ключи от города»: хронотопия и хронотипы // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2017. – Т. 19, № 4. – С. 65.

9. Барабошина, Н. В., Иливицкая, Л. Г. Диагностика города и хронотоп // Аспирантский вестник Поволжья. – 2015. – Т. 15, № 7–8. – С. 8–10. – DOI: 10.17816/2072-2354.2015.0.7-8.8-10

10. Заварихин, С. П., Жученко, Б. А. Архитектура Тюмени. – Тюмень : Радуга-Т, 2004. – 295 с.

11. Ярков, А. От Тюмени до Тюмени: сколько ей лет? // Лик : литературно-краеведческий альманах. – 2016. – № 11. – С. 12.

12. Абрамов, Н. Город Тюмень // Вестник Императорского Русского географического общества. – 1858. – Т. 22. – С. 24.

13. Семенова, В. Сакральная Тюмень: смысловое пространство города как наследие // Лик : литературно-краеведческий альманах. – 2016. – № 11. – С. 5.

14. Тюмень в XVII столетии. – Москва : Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1903. – 166 с. : илл., схем.

15. Витсен Н. Северная и Восточная Татария, включающая описание различных татарских и соседних областей в северных и восточных частях Азии и Европы : в 2 т. – Амстердам : M. Schalekamp, 1785. – Т. 2.

References

Abramov, N. (1858). Gorod Tyumen [The city of Tyumen]. *Bulletin of the Imperial Russian Geographical Society*, 22, 24.

Bakhtin, M. M. (1975). Formy vremeni i khronotopa v romane: ocherki po istoricheskoi poetike [The forms of time and chronotope in the novel: essays on historical poetics]. In *Questions of literature and aesthetics* (pp. 234-407). Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Baraboshina, N. V., & Ilivitskaya, L. G. (2015). Diagnostika seti I khronotop [Diagnostics of the city and chronotope]. *Postgraduate*

Bulletin of the Volga region, 15(7-8), 8-10. DOI: 10.17816/2072-2354.2015.0.7-8.8-10

Burlina, E. Ya., Ilivitskaya, L. G., & Baraboshina, N. V. (2017). "Key to the city": chronotop and chronotyp. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social sciences, humanities, medical and biological sciences*, 19(4), 65.

Gornova, G. V., & Voronin, D. V. (2024). Retseziya na monografiyu "Transformatsiya identichnosti v informatsionnom obshchestve: tsifrovye kochevniki [Review of the monograph "Identity transformation in the information society: digital nomads"]. *Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies*, 1(42), 24-28.

Gutnov, A. E. (1985). *Mir arkhitektury: Yazyk arkhitektury [The world of architecture: the language of architecture]*. Moscow: Mol. Gvardiya.

Ilivitskaya, L. G. (2021). The city and its co-existential chronotope: a diagnostic aspect. *Verkhnevolzhsky Philological Bulletin*, 1(24), 178-184. DOI: 10.20323/2499-9679-2021-1-24-178-184

Lotman, Yu. M. (1992). Semiotika prostranstva [Semiotics of space]. In *Selected articles: in 3 volumes* (Vol. 1: Articles on semiotics and typology of culture, pp. 386-471). Tallinn: Alexandra.

Lynch, K. (1982). *The image of the city* (V. L. Glazychev, Trans.). Moscow: Stroyizdat.

Nazarova, N. P. (2013). *Arkhiturnoe prostranstvo kak sotsiokulturnyi fenomen [Architectural space as a sociocultural phenomenon]* [Doctor of Philosophy dissertation]. Volgograd.

Semenova, V. (2016). Sakralnaya Tyumen: smyslovoye prostranstvo goroda kak nasledie [Sacred Tyumen: the semantic space of the city as heritage]. *Lik : literary and local history almanac*, (11), 5.

Tyumen v XVII stoletii [Tyumen in the XVII century]. (1903). Moscow: Tipo-litogr. T-va I. N. Kushnerev and Co.

Witsen, N. (1785). *Severnaya i Vostochnaya Tatariya, vkluchayushchaya opisaniye razlichnykh tatarskikh i sosednykh oblastei v severnykh i vostochnykh chastyakh Azii i Evropy: v 2 t. [Northern and Eastern Tartary, including a description of various Tatar and neighboring regions in the northern and eastern parts of Asia and Europe: in 2 volumes]*. Amsterdam: M. Schalekamp.

Yarkov, A. (2016). Ot Tyumeni do Tyumeni: skolko ei let? [From Tyumen to Tyumen: how old is it?]. *Lik : literary and local history almanac*, (11), 12.

Zavarikhin, S. P., & Zhuchenko, B. A. (2004). *Arkhitectura Tyumeni [Architecture of Tyumen]*. Tyumen: Raduga-T.

Анализируются конструктивные особенности самого крупного по своим размерам культового сооружения на Дальнем Востоке, его внутреннее убранство. Автор обращает внимание на декоративное оформление интерьеров основного и нижнего храмов, на композиционные особенности всех четырех фасадов собора. Проведен сравнительный анализ Спасо-Преображенского собора с культовыми сооружениями Москвы, Санкт-Петербурга, Южно-Сахалинска и Магадана, а также Спасо-Преображенского собора во Владивостоке.

Ключевые слова: конструкции; авторство; декор иконостаса; пятиглавие; убранство интерьеров; мозаичные изображения. /

The article examines the architectural, stylistic and compositional features of the largest religious building in the Far East. Its design features and interior decoration are analyzed. Attention is paid to the decorative design of the interiors of the main and lower churches, as well as the composition of all four facades of the cathedral. The author carries out a comparative analysis of the Transfiguration Cathedral with other large religious buildings: cathedrals in Moscow, St. Petersburg, Yuzhno-Sakhalinsk and Magadan, as well as the cathedral of the same name in Vladivostok.

Keywords: designs; authorship; décor of the iconostasis; five-domed; interior decoration; mosaic images.

Спасо-Преображенский собор Хабаровска / The Transfiguration Cathedral in Khabarovsk

текст
Николай Крадин
Тихоокеанский
государственный
университет (Хабаровск)
text
Nikolai Kradin
Pacific National University
(Khabarovsk)

Первые православные храмы на Дальнем Востоке стали появляться практически вместе с основанием здесь поселений разного типа (военные городки, станицы, деревни, а затем и города). В храмах для населения крестили родившихся детей, венчали супружеские пары, отпевали усопших и т. д. По мере развития городов в поселениях стали строиться крупные по размерам и вместимости соборные храмы с роскошными интерьерами, богатыми своей внутренней отделкой и иконостасами. Храмы подобного типа стали возводить в центрах территорий, составляющих Дальневосточный федеральный округ (ДФО). В округе таких территорий в настоящее

время 11: Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Забайкальский, Камчатский, Приморский, Хабаровский края, Магаданская, Амурская и Сахалинская области, Еврейская автономная область и Чукотский автономный округ. На территории ДВФО насчитывается не более десяти наиболее крупных православных храмов соборного типа. Каждый из них имеет свои отличительные композиционные и стилевые особенности, декоративные элементы и архитектурные детали, роскошные интерьеры с иконостасами, придающими храмам яркое своеобразие и выразительные черты. Отличительной особенностью большинства храмов является то, что их авторами являются, как правило, местные архитекторы и инженеры. Среди них немало воспитанников дальневосточных вузов. Новые храмы по размерам, архитектурной стилистике, композиционной выразительности и внутреннему убранству могут соперничать даже с самыми крупными культовыми православными сооружениями во всей России, включая Москву и Санкт-Петербург, территории Урала и Сибири.

Анализ развития культовой архитектуры и градостроительства на Дальнем Востоке показывает, что наиболее крупные и довольно оригинальные по своей архитектурной стилистике православные храмы (соборы) на восточных окраинах России стали строить преимущественно на протяжении последних 25 лет, в основном с 2001 года. В настоящее время стали постоянно действующими соборные храмы, расположенные в наиболее крупных городах восточных регионов России. Как правило, новые храмы соборного типа находятся в столицах краев и областей: в Магадане (Свято-Троицкий собор), Хабаровске (Спасо-Преображенский и Успенский соборы), Южно-Сахалинске (кафедральный собор Рождества Христова), Петропавловске-Камчатском (Свято-Троицкий собор).

Отметим, что крупных храмов нет и во многих других, менее значительных по размерам городах восточных окраин, также представляющих собой центры краев, областей и районов России: Николаевск-на-Амуре, Биробиджан, Благовещенск, Улан-Удэ и Якутск. Численность населения в этих городах, отсутствие финансовых средств не дает возможности для возведения в них крупных православных храмов.

> Рис. 1

Далеко не случайно появление значительного по своим размерам Спасо-Преображенского собора в Хабаровске (615,6 тыс. человек; 23-й город в России). Этот храм входит в группу самых крупных по высоте в России среди православных культовых сооружений. Высота его вместе с куполом и крестом составляет около 96 метров. Лишь Исаакиевский собор в Санкт-Петербурге (102 м), а также храм Христа Спасителя в Москве (103,5 м) по своим высотным параметрам превосходят Спасо-Преображенский собор. Главный храм Вооруженных Сил России, расположенный в Кубинке (Подмосковье, по Минскому шоссе), имеет те же 95 м, что и собор в Хабаровске. Однако практически на всей территории Дальневосточного Федерального округа Спасо-Преображенский собор – самый крупный по своим размерам, причем не только по высоте, но и по вместимости (порядка трех тысяч посетителей одновременно).

Воздвигнутый с восточной стороны площади Славы, собор стал главной высотной доминантой не только на самой этой площади, но и во всей центральной части Хабаровска, располагаясь на пересечении улиц Ленина и Тургенева. Монументальный Спасо-Преображенский собор, зрительно поставленный непосредственно в створе улицы Тургенева, великолепно просматривается даже из многих мест центральной части города, а также непосредственно с Комсомольской площади. Она расположена на высоком берегу Амура, при выходе из нее улицы Муравьева-Амурского – главной, интересной в градостроительном отношении исторической городской магистрали Хабаровска (рис. 1).

Спасо-Преображенский собор – это обиходное название целого ряда православных храмов Преображения Господня, которые имеют статус собора. Строительство Спасо-Преображенского собора в Хабаровске стало возможным после благословения лично самим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II. Первый камень в основание храма строители заложили в 2001 году, а в середине октября 2003 года епископ Хабаровский и Приамурский Марк отслужил благодарственный молебен по случаю завершения первоочередных строительных работ по возведению этого уникального во многих отношениях собора. На одном из многочисленных осветительных металлических столбов, расположенных на площади непосредственно перед западным фасадом собора, на лицевой грани его основания сделана надпись: «Преображенский кафедральный собор начало строительства освящено в октябре 2001 г., начато в мае 2002 г., завершено в октябре 2004 г.».

Этот собор строители возводили на добровольные пожертвования жителей Хабаровска и края и на спонсорские взносы от различных предприятий и организаций.

Собор включает два самостоятельных придела: основной с центральным входом с западной стороны и малый (нижний храм), расположенный под основным, со входом, который находится с северной стороны собора. Купола Спасо-Преображенского собора расположены на высоте 83 метра. Но вся его высота вместе с крестами составляет чуть менее ста метров. Для сравнения: высота заново восстановленного собора Благовещения в Воронеже – 85 метров, а верх крестов звонницы – на отметке 97 м.

Спасо-Преображенский собор в Хабаровске стал своеобразной визитной карточкой не только самого города и края, но и всего Дальневосточного региона.

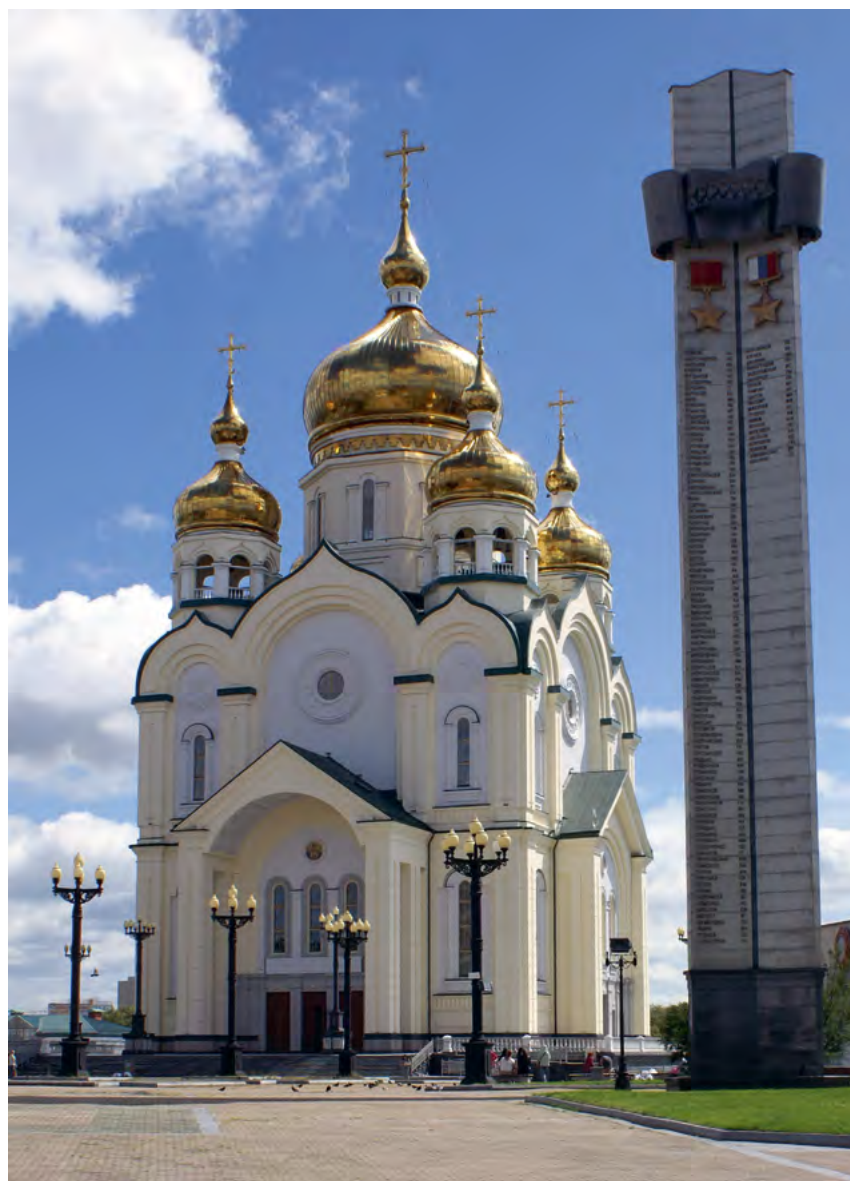
Храм, располагаясь на довольно просторной территории, не затеснен окружающей застройкой. Буквально со всех сторон собор можно внимательно и детально рассматривать и фиксировать его виды в самых различных ракурсах и деталях фотоаппаратом, смартфоном или кинокамерой. Всему этому не мешает транспортный поток, находящийся на относительно большом расстоянии. Для стоянки легкового автотранспорта организована специальная территория, расположенная с западной сто-

роны от храма непосредственно перед самой Соборной площадью, на углу улиц Ленина и Тургенева. Расстояние от необходимой здесь автостоянки до Спасо-Преображенского собора составляет порядка ста метров.

Авторами проекта являются бывший главный архитектор края Живетьев Ю. А. (1943–2014), бывший директор проектного института «Хабаровскгражданпроект» Семенов Е. Н. (умер в 2022), главный архитектор этого же проектного института Прокудин Н. Н., опытная проектировщица Дворецкая Е. В., принимавшая непосредственное участие в разработке рабочих чертежей собора, инженеры Н. А. Рыбак, Г. В. Чернецова, Н. П. Фомина, В. Т. Храпак, главный инженер проекта В. В. Васягина.

Общая площадь собора немногим более 3,5 тыс. м², в том числе верхнего (главного) зала 708 м, нижнего – 593 м². Подготовительные работы к его строительству: в основание храма на глубину до 19 м вбиты 309 буровых свай диаметром около полутора метров. Место, выбранное и отведенное для расположения собора, – в цен-

в Рис. 2

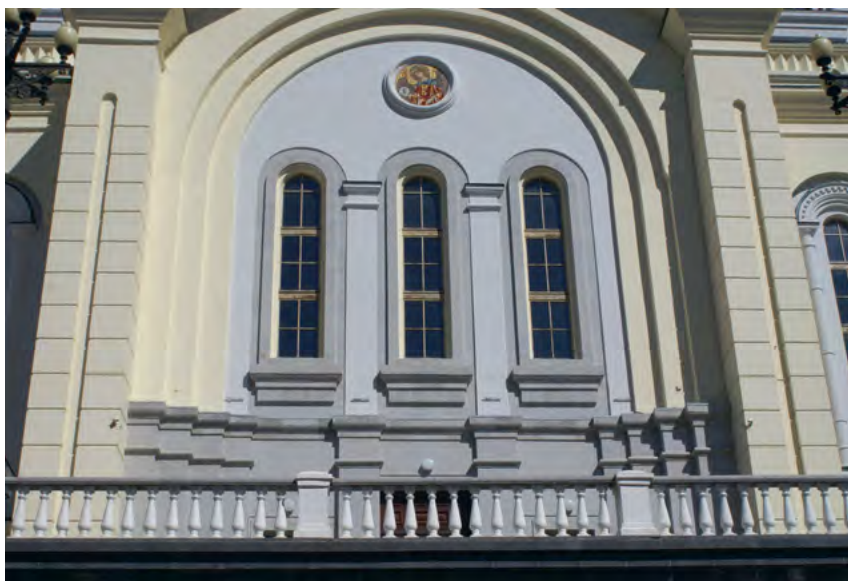

Рис. 6

Рис. 5

тральной части города, на высоком открытом месте, на площади Славы. С южной стороны небольшую часть площади занимает Дом радио, рядом с которым возвышается стройная вертикаль монумента «Боевая и трудовая слава дальневосточников» (рис.2). Собор великолепно просматривается с разных сторон, даже из дальних районов города; особенно хорошо его видно с Комсомольской площади, расположенной на высоком берегу Амура, в самом центре города. Некоторые знатоки уверенно говорят, что белую вертикаль собора видно даже и с южной, китайской стороны Амура – из поселка Фуюань на расстоянии 65 км от Хабаровска. Поскольку китайских туристов в городе бывает довольно много (особенно в весенне-осенний период), можно сказать, что собор – это международная достопримечательность.

Непосредственно сам собор на площади ориентирован строго по сторонам света, так что по утрам его восточный фасад освещается ранним восходящим солнцем, а противоположный, западный – ярким закатным. Располагаясь

непосредственно на площади Славы, Спасо-Преображенский собор доминирует над ней своими размерами.

Неоспоримая привлекательность Спасо-Преображенского собора не только в его размерах и величии, но и в богатом внутреннем убранстве, а также в отделке наружных стен. Его стены и колонны внутри украшают фрески, выполненные группой специально приглашенных московских художников.

На всех несущих колоннах в интерьере главного зала собора изображены святые русской православной церкви (рис. 3, 4) в полный рост. Важная и ответственная работа по выполнению росписей продолжалась еще и в начале 2025 года, что видел автор в процессе написания статьи.

Объемную композицию собора завершает пятиглавие (рис. 5); главный купол в диаметре составляет 18 метров, а четыре малых (по углам) – по девять метров каждый. Основной четверик храма квадратной формы 30 × 30 м. Со всех четырех сторон основного объема собора устроены выступы-порттики шириной по 14,5 м, в одном из которых (восточном) размещается алтарная часть. Все внутреннее пространство главного верхнего храма наполнено светом. В интерьере главного зала хорошо просматриваются все его основные конструктивные элементы: устройство опорных конструкций в углах непосредственно под малыми барабанами и главами, а также оконных витражей, иконостаса и других элементов интерьерного пространства. Естественное освещение всего внутреннего пространства храма в основном зале происходит не только через 12 окон в главном куполе, но также и через окна барабанов под малыми куполами во всех четырех углах основного зала. Однако главными источниками естественного света служат высокие трехчастные окна, расположенные на всех четырех фасадах собора (рис. 6). На восточном фасаде в интерьере они прикрыты многоярусным иконостасом, занимающем все пространство стены от пола и до самого верха. Однако с улицы тройное окно на этом восточном фасаде просматривается так же, как и на трех остальных. Окна на всех малых барабанах также можно увидеть и в самом интерьере собора, и снаружи, осматривая храм при обходе его со всех сторон. Именно круговой обход, внимательный осмотр и подробный аналитический обзор

Рис. 3, 4

^ Рис. 7

^ Рис. 8

< Рис. 9. Ночное пасхальное богослужение в соборе

< Рис. 10. Патриарх Кирилл в Хабаровске

храма со всех его сторон позволяют получить о соборе наиболее полную и детальную информацию.

Сразу после завершения всех строительных работ, примерно на протяжении месяца, в алтарной части Спасо-Преображенского кафедрального собора велись подготовительные работы перед выполнением росписей. Клирик Спасо-Преображенского собора иерей Евгений Зябликов рассказал, что к этим работам стало возможным приступить при финансовой поддержке Правительства Хабаровского края. Художественный руководитель московской мастерской «Благоукрачитель» Александр Чалдин вместе с коллегами-дизайнерами подготовил проект и непосредственно в соборе выполнили первоочередные художественные работы. Над выполнением росписей поначалу трудились шесть человек; а вскоре их стало восемь – пять женщин и трое мужчин. Эта группа московских художников и дизайнеров была специально приглашена в Хабаровск Марком – епископом Хабаровским и Приамурским.

Высота сводов до основания в алтаре собора порядка 24 метров, поэтому выполнение росписей происходило на специальных лесах, что представляло большую сложность: отойти на какое-то расстояние и посмотреть, что получается, было практически невозможно (рис. 7). Непосредственно на лесах художники делали угольным карандашом прорисовку, кроки, после этого выполняли начисто непосредственно саму композицию (рис. 8). Выполнение росписей являлось трудоемким делом: сам художник вскоре оказывался в краске, от запаха самой краски и растворителей начинала побаливать голова. После окончания работ, связанных с выполнением росписей, художники делились впечатлениями. Так, иконописец Елена Маллер делилась следующей информацией: «У женщин-иконописцев есть особая привилегия – нам разрешается во время работы заходить в алтарь. Изначально в алтаре была простая белая стена, которую мы покрыли грунтовкой. Получилась некая прозрачная белая картина. Потом, как по волшебству, начинают проявляться орнаменты, фигуры, медальоны – и все это на твоих глазах. Технология росписи очень сложная и трудоемкая. Сначала мы делаем шаблоны, подгоняем их под стены и только позже начинаем писать красками. Иконопись – это не простая, обычная классическая

живопись. Здесь нужен совершенно иной, молитвенный подход».

Чалдин рассказывал: «Вся тематика, все цветовые пятна было решено сделать в пастельной гамме, не нагружать композиции темными тонами. Храм большой и очень торжественный. Особым образом хотелось бы подчеркнуть это через роспись, дать ему эту воздушность, подчеркнуть его архитектурное величие. <...> Многие сюжеты в крупных храмах России повторяются, но есть задел их видоизменения и дополнения, что и реализуется. <...> мы творим свои работы в рамках строгих канонов, которые создавались на протяжении веков. Выход

< Рис. 11

^ Рис. 12

^ Рис. 13

^ Рис. 14

за их пределы строго запрещен. <...> Мы перенимаем традиции старых мастеров, переносим их опыт и жизнь в современный мир».

Иконостас в православном храме является наиболее ярким явлением восточно-христианской культуры. Пятирусный иконостас Спасо-Преображенского собора – уникальное явление (рис. 11). Подобного рода иконостасы можно видеть только в крупных храмах соборного типа.

Кроме иконостаса, в Спасо-Преображенском соборе имеется немало и одиночных икон. Они размещены со всех четырех сторон у основания каждой из четырех несущих колонн в интерьере собора (рис. 12).

В нескольких десятках метров от собора располагается комплекс Хабаровской духовной семинарии. Он развит не только со стороны Соборной площади, но и в глубину своего участка, где находятся, кроме учебных и вспомогательных зданий, также различные помещения и постройки хозяйственного назначения, всевозможные малые архитектурные формы, различные элементы благоустройства. Все это в совокупности с главными зданиями и составляет полноценный комплекс.

v Рис. 17

Строительство комплекса зданий семинарии происходило на протяжении более двух лет. Само строительство осуществлялось в два этапа: вначале построили и ввели в эксплуатацию в октябре 2006 года учебно-административный корпус и здание домового храма. В середине октября 2007 года было введено в эксплуатацию общежитие для семинаристов вместимостью до 150 человек. В этом учебно-административном корпусе и здании домового храма целый этаж отведен для проживания преподавателей семинарии.

Семинария является основным поставщиком подготовки кадров специалистов не только для главного в Хабаровске современного собора, но и собственных нужд. В комплексе самых разных по назначению зданий семинарии, занимая угловую часть территории, доминирующую функцию выполняет шатровый домовый храм, увенчанный золочеными главой и крестом. Вся высотная часть этого комплекса как бы повторяет объемную композицию самого главного объекта площади Славы – Спасо-Преображенского собора. Оба названных объекта в своей совокупности создают довольно выразительную объемно-пространственную градостроительную композицию, уже давно ставшую главным украшением не только самой площади Славы, но и всего города Хабаровска. Не случайно к храму часто приходят жители Хабаровска, а всех гостей города экскурсоводы привозят сюда на автобусах и знакомят с этим ярким и уникальным архитектурным и градостроительным комплексом. Однако особенно многолюдно в храме бывает в дни православных служб и праздников, а также в дни поминовения (рис. 9, 10). Хабаровский Спасо-Преображенский собор стал настоящей визитной карточкой этого города. О храме и его уникальности знают во многих городах России, в том числе и столичных.

Пока выполнялись строительные и отделочные работы, семинаристы жили и учились на территории Хабаровского Христорождественского собора. Построенный еще в 1898–1901 годы, этот первый в городе православный собор уже более 120 лет находится на своем прежнем месте, на ул. Ленинградской, которая расположена в непосредственной близости от железной дороги и вокзального комплекса.

^ Рис. 15

^ Рис. 16

Христорождественский кафедральный собор построен на средства Фонда имени Александра III. За многие годы он претерпел немало изменений, особенно в 1930 годы, когда началась активная борьба с религией. Само церковное деревянное здание Христорождественского собора было передано Дальневосточной железной дороге для устройства в бывшем храме детского сада для детей работников и сотрудников этой железной дороги. Лишь в 1944 году Христорождественский храм удалось вернуть своим прежним владельцам,

После проведения в храме необходимых ремонтных работ в нем были возобновлены богослужения; самое первое из них состоялось на праздник Преображения Господня в 1945 году. По архивным данным при храме было организовано свечное производство, а также налажено изготовление крестиков, ладана и других предметов. Через год, в 1946 году, был освящен придел в честь Святого Иннокентия Иркутского. В том же году решением Священного Синода Русской Православной Церкви была учреждена Хабаровская и Владивостокская епархия. Таким образом, бывшая Вокзальная церковь стала кафедральным собором епархии, огромная территория которой была соизмерима с двумя Европами. Статус кафедрального собора, утраченный после 1950 года, был возвращен храму в 1989 году в связи с возрождением Хабаровской и Владивостокской епархии.

Между первым и последним соборами имеется огромная разница по самой архитектуре, размерам и стилистике. Небольшой по размерам, этот храм обладает уникальными по своей красоте реликвиями: роспись купола и иконостас; иконостас храма, расположенный непосредственно на земле (на полу у восточной стены (рис. 19).

Я вижу связь между самым первым в Хабаровске православным храмом Рождества Христова и последним, получившим известность в России Спасо-Преображенским собором. За длительный, почти в полтора столетия отрезок времени между строительством двух храмов, в архитектуре происходили довольно кардинальные стилистические изменения, которые находили отражение и в культовой архитектуре.

Исследователи, как правило, отмечают не только крупные размеры Спасо-Преображенского собора, но и уникальность его архитектуры, композицию, постановку

в пространстве площади Славы, а также великолепное внутреннее убранство, в том числе и роскошный иконостас. По стенам храма, на южной и северной стороны, напротив друг друга, в резных деревянных рамах помещены лики наиболее известных церковных деятелей, пострадавших за веру в разные времена, особенно в Гражданскую войну, – священников Леонида Серебrenникова и Филиппа Распопова, принявших мученическую смерть в 1919 году (рис. 13, 14).

Спасо-Преображенский собор по праву стал едва ли не главной не только архитектурной, но и знаменательной достопримечательностью исторической части города Хабаровска. Он привлекает внимание не только самих горожан, но и многочисленных гостей, приезжающих сюда из самых разных окрестностей, даже удаленных от столицы Хабаровского края.

Фотографии к статье выполнены автором, кроме нескольких иллюстраций, заимствованных из Интернета.

Литература

1. Спасо-Преображенский кафедральный собор // Образ и подобие : Газета о православной жизни. – 2019. – 1 авг. (№ 10 (52)). – С. 10, 11.
2. Спасо-Преображенский кафедральный собор // Образ и подобие. Газета о православной жизни. – 2024. – Янв.–июль (№ 1 (76)). – С. 2–19.

References

- Spaso-Preobrazhensky kafedralnyi sobor [Spaso-Preobrazhensky Cathedral]. (2019, August 1). *Image and likeness: A newspaper about Orthodox life*, 10(52), 10, 11.
- Spaso-Preobrazhensky kafedralnyi sobor [Spaso-Preobrazhensky Cathedral]. (2024, Jan.–July). *Image and likeness: A newspaper about Orthodox life*, 1(76), 2-19.

Во многих малых городах стагнация экономики обостряет деградацию городских территорий, особенно околотоводных. Цель исследования – анализ градостроительной ситуации в Светлогорске и Кыштыме для выявления возможностей их ревитализации. Использовался метод качественного сравнительного анализа «полярных случаев», натурные обследования, изучение документации. В Светлогорске архитектурное наследие, историческая идентичность и водные пространства стали драйверами возрождения; в Кыштыме аналогичный потенциал не реализован. Показано, что эффективная ревитализация требует превращения архитектурного наследия в функциональный актив и благоустройства водных зон.

Ключевые слова: ревитализация; малый город; историческая идентичность; устойчивое развитие; околотоводные пространства. /

In many small towns, economic development is stagnating, which exacerbates the problem of urban degradation, especially of near-water areas. This study is devoted to the analysis of the urban development situation in the small towns of Svetlogorsk and Kyshtym in order to identify the possibilities of their revitalization. The author used the method of qualitative comparative analysis of “polar cases”, field surveys, and the study of documentation. In Svetlogorsk, architectural heritage, historical identity and water spaces have become drivers of the revival; in Kyshtym, a similar potential has not been realized. It is shown that effective revitalization requires the transformation of architectural heritage into a functional asset and the improvement of water areas.

Keywords: revitalization; a small town; historical identity; sustainable development; near-water areas.

Архитектурное наследие и историческая идентичность городов / Architectural heritage and the historical identity of towns

текст

Валентина Курочкина

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Москва)

text

Valentina Kurochkina

National Research Moscow State University of Civil Engineering; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (Moscow)

Введение

Проблема возрождения малых городов актуальна для многих стран с развитой и развивающейся экономикой. В условиях глобализации и урбанизации малые города часто сталкиваются с оттоком населения, упадком промышленности, разрушением инфраструктуры и утратой культурной и исторической идентичности. Сохранение идентичности территорий остается одной из наиболее важных задач современного градостроительного развития.

Многие малые города являются моногородами, жизнь которых тесно связана с одним предприятием или узкой сферой деятельности. Однако все они обладают значительным потенциалом для роста и развития, особенно при наличии уникальных ресурсов, таких как историческое наследие, природные ландшафты и околотоводные пространства [1, 2]. Ревитализация (оживление) таких территорий имеет большой потенциал и выступает перспективным инструментом их возрождения. Этот процесс предполагает комплексное переосмысление функционального наполнения объектов с учетом современных потребностей жителей, превращение городских территорий в многофункциональные общественные пространства. Такой подход не только восстанавливает социальную активность и повышает привлекательность территории, но и способствует формированию устойчивой городской среды. Однако реализация этого потенциала требует комплексного подхода и эффективных управленческих решений [3, 4].

Цель исследования – анализ градостроительной ситуации в малых городах Светлогорске и Кыштыме для выявления направлений их развития и оценки возможностей применения ревитализации как инструмента преобразования городского пространства.

В статье применяется метод качественного сравнительного анализа двух городов. Светлогорск (Калининградская область) – пример успешной ревитализации, опирающейся на сохранение исторической идентичности, использование ландшафтных преимуществ и развитие околотоводных прибрежных территорий. Кыштым в Челябинской области – малый промышленный город с обширной системой водных объектов и уникальными географическими характеристиками, богатый образцами

индустриальной архитектуры разных эпох, которые определили его неповторимый облик, культурную и историческую идентичность. Эти особенности могли бы стать, как и в Светлогорске, «точками роста».

Выбор именно этих городов обусловлен тремя факторами:

- 1) наличием сходных «точек роста» (историческая застройка и развитые околотоводные пространства: Балтийское море – в Светлогорске, система прудов – в Кыштыме);
- 2) противоположными траекториями развития при изначально сходных данных, что позволяет выявить ключевые факторы успеха или его отсутствие;
- 3) возможностью распространения выявленных закономерностей на другие малые города России.

Такое обоснование требует детального историко-архитектурного описания каждого города, поскольку без понимания специфики их наследия, особенностей формирования идентичности и современного состояния не получится выявить основные причины различий. Поэтому в работе представлены развернутые исторические справки, позволяющие перейти от общих принципов к конкретным управленческим и проектным решениям, адаптированным для Кыштыма, позволяющим превратить архитектурное наследие и историческую идентичность в ресурсы для его ревитализации.

Материалы и методы

Методология исследования основана на качественном сравнительном анализе двух малых городов, отобранных по принципу «полярных случаев». Этот подход позволяет при сопоставимых исходных условиях выявить решающие факторы успешной и неуспешной ревитализации. Светлогорск выбран как признанный пример успешного преобразования малого города в России, в котором историческая идентичность и прибрежная зона стали ключевыми факторами социально-экономического и культурного возрождения. Выбор Кыштыма обусловлен наличием сходных «точек роста» (историческая застройка, водные объекты и околотоводные пространства), потенциал которых по ряду причин, рассмотренных в статье, сегодня не реализован в полной мере, что негативно отражается на экономическом и социальном благополучии города.

^ Рис. 1. Светлогорск. Водонапорная башня
(<https://inlnk.ru/emJmDm>)

^ Рис. 2. Светлогорск. Вид на город (<https://inlnk.ru/emJmDm>)

^ Рис. 3. Светлогорск. Органный зал (<https://inlnk.ru/n0V0jZ>,
<https://inlnk.ru/lod0Zn>)

Источниками послужили натурные обследования городских территорий, данные официальной статистики, градостроительная документация и научные публикации.

Исследование проводилось в несколько этапов.

На первом этапе для каждого города были составлены развернутые историко-архитектурные справки, что позволило выявить особенности социального и исторического развития города, характерные черты наследия и формирования местной идентичности. В дальнейшем эти данные сопоставлялись с современным состоянием городов. На втором этапе проведен сравнительный анализ текущего состояния городов по таким параметрам:

- особенности архитектурного облика города, выявление основных достопримечательностей (объектов-маркеров) с целью выделения знаковых культурно-географических точек, которые формируют уникальный образ города и его идентичность. Эти маркеры служат визитными карточками, символизируя место, ориентируют жителей и туристов, а также фиксируются в культурном сознании, в том числе и через архитектуру;

- особенности ландшафта, географического расположения и водных объектов;

- состояние водных объектов и околотоводных территорий, экологическая ситуация в городе;

- сохранность исторических зданий, уровень их интеграции в городскую среду как активных ее элементов, уровень развития городской инфраструктуры;

- влияние изменений уровня социального, экологического и экономического благополучия в городе на динамику численности населения за последние десятилетия.

На третьем этапе выделены факторы, способствующие успешной ревитализации Светлогорска, и проблемы, сдерживающие развитие Кыштыма. И, наконец, на заключительном этапе сформулированы рекомендации для Кыштыма, адаптированные к его условиям и учитывающие опыт реализации в Светлогорске конкретных решений.

Результаты

Характеристика объектов исследования

Светлогорск (до 1946 – Раушен) – приморский город в Калининградской области с богатой историей, восходящей к XIII веку. История города насчитывает более

700 лет, его архитектурный облик сохранил элементы восточно-прусской культуры. Расположенный на берегу Балтийского моря, Светлогорск всегда был ориентирован на рекреацию, туризм и сферу услуг.

После вхождения в состав СССР Светлогорск продолжал развиваться как курорт, однако в постсоветский период столкнулся с рядом проблем, связанных с экономическим спадом и недостаточным вниманием к развитию туристической инфраструктуры, что сказалось на численности населения. В последние десятилетия Светлогорск демонстрирует быстрые темпы развития, превратившись в современный, привлекательный для туристов и комфортный для проживания город. Ставка была сделана на сохранение и восстановление исторического наследия города, обладающего особым архитектурным стилем, с учетом географического расположения (связь с водной средой) как ключевого фактора повышения его туристической привлекательности [5, 6]. Реализованы проекты по реставрации исторических зданий, поддержанию аутентичного архитектурного облика и популяризации истории города [7]. Старинные виллы, церкви и другие здания отреставрированы, при строительстве новых объектов архитектуры стремятся сохранить стилистическое единство с исторической застройкой [8].

Основные достопримечательности Светлогорска:

- водонапорная башня и водолечебница – главная архитектурная доминанта и символ города в стиле национального романтизма (рис. 1, 2);

- променад и солнечные часы «Зодиак» – популярная набережная для прогулок. В 2026 году продолжается масштабная реконструкция старой части променада;

- органнй зал «Макаров», расположенный в здании бывшей католической капеллы, известный своей уникальной акустикой (рис. 3);

- виллы, чья история неразрывно связана с развитием города как элитного прусского курорта. Застройка виллами началась с официального открытия курорта, которое состоялось 24 июня 1820 года. Однако настоящий строительный бум начался после визита короля Пруссии Фридриха-Вильгельма IV в 1840 году. Очарованный пейзажами, он распорядился обустроить спуски к морю и начать озеленение дюн. Большинство сохранившихся вилл возведено в конце XIX – начале XX века

> Рис. 4. Кыштым. Остров Бышний (<https://74.ru/text/world/2024/09/18/74093582/>)

> Рис. 5. Река Кыштым-ка (<https://74.ru/text/world/2024/09/18/74093582/>)

в стилях историзм, югендстиль (модерн) с элементами скандинавской и швейцарской архитектуры. Типичные черты таких зданий – фахверковые конструкции, башенки, резные деревянные веранды и высокие черепичные крыши. Застройка в городе велась местными артелями с использованием единых образцов, что создавало единый сказочный облик города. Многие исторические виллы признаны объектами культурного наследия. Сегодня продолжают активные работы по их реставрации (например, восстанавливается вила «Горный замок» для перепрофилирования в отель), однако часть наследия утрачена; в частности, весной 2024 года была снесена вила художника Геринга.

В городе регулярно проводятся фестивали, концерты и другие культурные мероприятия, привлекающие большое количество зрителей. Светлогорск считается одним из наиболее дорогих курортов региона, что компенсируется высоким уровнем сервиса.

Его главными преимуществами служат соблюдение баланса между историческим наследием и современными требованиями комфорта; приоритет пешехода (центр города практически полностью отдан пешеходам; извилистые улицы, отсутствие заборов и интеграция архитектуры в ландшафт – сохранение соснового бора – создают ощущение города-сада); многоуровневый променад – набережная, реконструкция которой, завершенная к середине 2020-х, превратила береговую линию в сложную систему террас с зонами отдыха, активного спорта и торговыми галереями, не перекрывающими вид на море.

Светлогорск – первый в России город, вступивший в международное движение «медленных городов» Cittaslow, декларирующее отказ от шума, фастфуда и гигантомании в пользу локальных продуктов, ремесел и сохранения экологии.

Развитие общественных пространств дало импульс малому предпринимательству: сформировалась гастрономическая идентичность (локальные кофейни и рестораны балтийской кухни с такими популярными блюдами, как клопсы, строганина из пеламиды); в исторических зданиях и на территории «Янтарь-холла» работают мастерские по обработке янтаря, перешедшие от формата «сувенирных лавок» к авторскому дизайну; благоустроенная среда стимулирует владельцев старых вилл восстанавливать их и превращать в аутентичные

объекты инфраструктуры (микроотели), сохраняя облик города [9–14].

Кыштым – город в Челябинской области, основанный в 1757 году Никитой Никитичем Демидовым, который приобрел земли у башкир. Экономика Кыштыма основывается на промышленном производстве, это типичный старопромышленный город Урала. Верхне-Кыштымский чугуноплавильный и Нижне-Кыштымский железоделательный заводы Демидовых, ставшие ядром будущего города, превратили Кыштым в один из крупнейших центров металлургии на Урале. Для обеспечения заводов энергией были построены плотины, создавшие систему прудов. Кыштымское железо отличалось высоким качеством и пользовалось спросом не только в России, но и за рубежом.

В XIX веке Кыштым перешел во владение дворянского рода Расторгуевых-Харитоновых. Продолжалось развитие промышленности, строились новые предприятия, в том числе золотодобывающие прииски. Кыштым стал одним из центров старообрядчества, что наложило отпечаток на культурную жизнь города. В советский период город сохранил промышленную специализацию: были построены новые заводы, жилые районы, объекты социальной инфраструктуры. В постсоветский период Кыштым так же, как и Светлогорск, столкнулся с экономическими трудностями.

Особенностью Кыштыма является наличие уникальных образцов уральской архитектуры, большого числа объектов, являющихся примерами промышленной архитектуры разных эпох, а также развитая система прудов, каналов, водоемов, рек и озер: около 40% территории города занимает вода (рис. 4). Река Кыштым, или Кыштымка, пересекает город и делит его на две части, образуя каскад прудов, включая Верхне-Кыштымский и Нижне-Кыштымский (рис. 5). Исторически город развивался вокруг двух заводов – Верхнего и Нижнего, расположенных традиционно для Урала в низинах у прудов. Городская планировка с пересекающимися под прямым углом улицами отличается строгостью. Из-за сложной системы каналов, рек и многочисленных озер (более 30 в окрестностях) Кыштым часто называют Уральской Венецией.

Основные достопримечательности Кыштыма:

– усадьба Демидовых «Белый Дом» – главная архитектурная доминанта, памятник архитектуры федерального значения (рис. 6);

> Рис. 6. Кыштым. Усадьба «Белый Дом» (<https://inlnk.ru/NDdDL2/>)

> Рис. 7. Кыштым. Церковь Сошествия Святого Духа на апостолов (<https://inlnk.ru/DB3BAV>)

– здания гражданского назначения (гимназии, купеческие дома), выполненные в кирпичном стиле или с элементами эклектики конца XIX – начала XX века;

– кыштымские пруды – система прудов, уникальное гидротехническое сооружение XVIII века, формирующее живописный ландшафт;

– церковь Сошествия Святого Духа на апостолов (1847 год) – одно из старейших каменных зданий (рис. 7);

– музей истории Кыштыма;

– гора Сугомак и Сугомакская пещера, образованная в мраморных породах, – уникальные природные объекты, популярные у туристов и любителей активного отдыха.

В постсоветское время в Кыштыме, как и во многих других городах, металлургические предприятия, являвшиеся основой его экономики, пришли в упадок, что привело к оттоку населения, снижению уровня жизни и социальной напряженности.

Сравнительный анализ

Одним из ключевых факторов успеха Светлогорска является сохранение и грамотное использование исторической идентичности. Архитектурное наследие старого Раушена, представленное виллами в стиле модерн, церквями и другими историческими зданиями, было бережно восстановлено и интегрировано в современную городскую среду. В городе приняты меры по сохранению и реставрации исторических зданий, созданию новых парков и скверов, проведению культурных мероприятий. Особое внимание уделяется стилизации новых построек под историческую архитектуру, что позволяет сохранить уникальную атмосферу города и привлекает не только туристов, но и инвесторов, заинтересованных в развитии туристической инфраструктуры.

Расположение Светлогорска на берегу Балтийского моря играет огромную роль в его развитии. Приоритетными направлениями развития города стали укрепление береговой линии, благоустройство набережной, пляжей и прилегающих территорий, создание пляжной инфраструктуры, развитие водных видов спорта. Построен современный променад протяженностью более 2 км – визитная карточка города. Он оборудован удобными скамейками, фонарями, кафе и магазинами, что создает комфортные условия для прогулок и отдыха. Регулярно проводятся экологические акции по очистке пляжей и прибрежной зоны, что способствует сохранению чистоты и привлекательности города.

Благоприятный инвестиционный климат и активная поддержка туристического бизнеса способствовали привлечению вложений в гостиничный и ресторанный бизнес и другие сферы экономики. Были построены новые отели, рестораны, кафе и объекты развлечений. Развитие туристического сектора привело к созданию новых рабочих мест и увеличению доходов городского бюджета. Светлогорск стал популярным направлением для туристов из различных регионов России и зарубежных стран. Однако с расширением строительства и привлечением недобросовестных инвесторов повышаются

риски массовой застройки, что может негативно сказаться на образе города.

Основные принципы ревитализации, реализованные в Светлогорске.

1. Принцип многофункциональности – создание трансформируемых пространств, способных адаптироваться под различные форматы мероприятий, что обеспечивает непрерывную занятость в течение дня независимо от времени года.

2. Принцип проницаемости – обеспечение транспортной доступности, развитие системы пешеходных связей, создание открытых общественных пространств, благоустройство территорий и формирование безбарьерной среды для всех групп населения.

3. Принцип идентичности – учет историко-культурных, планировочных и ландшафтных особенностей территории, интеграция новых решений в существующую застройку с учетом современных требований.

4. Принцип социального взаимодействия – ориентация в первую очередь на потребности местных жителей, сохранение демографического потенциала города и формирование дальнейших точек притяжения для соседних городов.

В Кыштыме, несмотря на многочисленные пруды и озера, околотовные пространства не используются в полной мере для развития туризма и рекреации. Пруды в большинстве своем имеют высокий уровень загрязнения, что негативно сказывается на их экологическом состоянии и препятствует их использованию для отдыха и водных видов спорта. Сохранившиеся исторические здания и памятники находятся в неудовлетворительном состоянии и не являются объектами активного туристического интереса. Состояние городской среды неоднородно: наряду с благоустроенными территориями присутствуют зоны запустения (рис. 8, 9). Город не имеет четкого туристического имиджа, отсутствует концепция сохранения и развития исторического наследия, что отражается на туристическом потоке.

Тем не менее Кыштым, как и многие моногорода, обладает потенциалом для развития. Уникальная идентичность города включает:

– индустриальное наследие – уникальные памятники индустриальной архитектуры;

– уникальные объекты уральской архитектуры;

– водные ресурсы – обилие прудов, рек, каналов и озер, создающих благоприятные условия для развития различных видов туризма и рекреации;

– природные достопримечательности – уникальные природные объекты в непосредственной близости от города, представляющие интерес для туристов: горы Сугомак и Егоза, скальный массив Аракульский шихан, Сугомакские пещеры, каолиновый карьер («Уральское Бали»), рукотворная пустыня в Тайгинке, горнолыжный комплекс «Егоза», пос. Слюдорудник с шахтами.

Динамика численности населения Кыштыма за последние восемьдесят лет отражает изменения в промышленной и социальной сферах города. Послевоенная

Рис. 9. Кыштым. Троицкая церковь
(<https://74.ru/text/world/2024/09/18/74093582/>)

^ Рис. 8. Набережная у Народного дома (культурный центр Кыштыма) (<https://74.ru/text/world/2024/09/18/74093582/>)

индустриализация и активная застройка способствовали росту населения, но после распада СССР наблюдается значительный спад, диктующий необходимость трансформации. Кыштым примерно в два раза крупнее Светлогорска по численности населения, однако разрыв между ними постепенно сокращается: в Светлогорске наблюдается уверенный рост населения (около 2–3% в год), обусловленный статусом одного из самых комфортных малых городов России и активным притоком жителей из других регионов. А в Кыштыме численность населения плавно снижается из-за миграционного оттока жителей, особенно молодежи, в мегаполисы, недостаточно развитой социальной инфраструктуры, проблем с благоустройством, экологической обстановки (значительный уровень загрязнения водных объектов) и низкой реализации рекреационного потенциала.

В ходе сравнительного анализа опыта Светлогорска и Кыштыма выявлены основные условия эффективной ревитализации малых городов:

- ставка на уникальность – выявление и использование уникальных ресурсов города: исторического наследия, природных ландшафтов, культурных традиций;
- разработка стратегии развития – создание комплексной стратегии развития города, учитывающей его особенности и потенциал;
- создание благоприятного инвестиционного климата – привлечение инвестиций в развитие инфраструктуры и предпринимательства;
- благоустройство территории – формирование комфортной и привлекательной городской среды для жителей и туристов;
- экологическая безопасность – улучшение экологической ситуации и обеспечение благоприятной экологической среды;
- активное участие населения – вовлечение местных жителей в принятие решений и реализацию проектов городского развития.

Сравнительный анализ Светлогорска и Кыштыма, проведенный в рамках метода «полярных случаев», позволяет не просто констатировать различия, но и выявить конкретные механизмы, с помощью которых архитектурное наследие и историческая идентичность становятся главными направлениями ревитализации.

В Светлогорске ключевым фактором успеха стало превращение исторической идентичности в актив, способствующий процветанию города. Архитектурное наследие города (виллы в стиле модерн, церкви, водонапорная башня) не просто отреставрировано, но и функционально интегрировано в современную городскую среду: виллы стали дорогими отелями и культурными центрами, янтарные мастерские – частью креативного кластера, местная кухня – гастрономическим брендом. Околоводные территории превращены в главное общественное пространство – променады, пляжи, террасы создают «место силы», генерирующее пешеходные маршруты, экономическую активность и социальные взаимодействия. Философия Cittaslow обеспечила аутентичность, которая привлекает туристов и инвесторов.

Основные особенности такого подхода:

- функциональная адаптация (ревитализация): исторические здания не консервируются, а адаптируются под современные нужды, создавая уникальную атмосферу для проживания или творчества (отели, лофты, креативные кластеры);
- туристический бренд и идентичность: историческая уникальность места становится основой для маркетинга, выделяя локацию на фоне типовой застройки;
- экономический эффект: промышленный туризм и адаптация памятников приносят доход, привлекают инвестиции и создают рабочие места;
- объекты-примеры: достопримечательности могут стать частью туристических маршрутов, а также частью

проектов, где историческая еда или объект используются для проведения культурных мероприятий.

В Кыштыме, напротив, историческая идентичность остается невостребованным ресурсом: усадьба Демидова («Белый дом») находится в запустении, оторвана от туристических маршрутов; пруды, созданные в XVIII веке, воспринимаются только как инженерные сооружения, водные объекты имеют значительный уровень загрязнения, доступ к воде ограничен заборами, почти отсутствуют благоустроенные ооловодные пространства.

На основе сравнительного анализа можно сформулировать конкретные механизмы для развития Кыштыма, вытекающие из опыта Светлогорска:

- смена парадигмы использования воды – от промышленного ресурса к главному общественному пространству. Пилотным проектом должно стать благоустройство небольшого участка набережной Верхне-Кыштымского пруда у «Белого дома» с очисткой прибрежной полосы, созданием пешеходного маршрута и точек сервиса (по образу променада Светлогорска, но в миниатюре);
- редевелопмент индустриального наследия – превращение заброшенных цехов в музейно-выставочный кластер «Кыштымский завод» с мастерскими ремесел, кафе, лофтами (аналогично тому, как виллы Раушена стали отелями и культурными центрами);
- экологическая реабилитация водных объектов – обязательное условие для создания рекреационных зон. В Светлогорске она выполнена на начальном этапе – укрепление берегов, очистка пляжей;
- разработка идентичности города – позиционирование Кыштыма как центра индустриального туризма и экстремального отдыха (горы, пещеры, карьеры), опирающееся на те же принципы аутентичности и качества среды, что и в Светлогорске. Индустриальные объекты Урала могут стать частью туристических маршрутов, а также могут быть реализованы проекты, где историческая среда или объекты используются для проведения культурно-массовых мероприятий.

Заключение

Проведенный сравнительный анализ Светлогорска и Кыштыма подтверждает, что архитектурное наследие и историческая идентичность играют ключевую роль в ревитализации малых городов, но только в том случае, если они становятся не пассивным фоном, а активно используемым ресурсом для формирования новых городских функций. Светлогорск демонстрирует успешный пример возрождения малого города, опирающегося на сохранение исторической идентичности и развитие околоводных пространств. В отличие от Светлогорска Кыштым, несмотря на наличие сходного потенциала, до сих пор не смог его реализовать в полной мере.

Для преодоления депрессивного состояния Кыштыма необходимы долгосрочные проекты по рекултивации загрязненных земель и водных объектов с целью повышения экологической безопасности и создания рекреационных зон с акцентом на уникальную городскую историю. Трансформация Кыштыма возможна, но требует комплексной переоценки стратегии развития, существенных инвестиций в экологию и инфраструктуру, а также активного вовлечения местного сообщества в процесс преобразования города.

В результате проведенного анализа выявлены ключевые факторы ревитализации малых городов, с учетом которых предложены рекомендации для разработки эффективных стратегий городского развития на основе концепции «гения места», представляющей собой интегральную категорию, объединяющую материальные характеристики среды и нематериальные ценности местного сообщества.

Именно опора на архитектурное наследие (не как на музейный экспонат, а как на функциональ-

ную основу для отелей, культурных центров, мастерских) и на историческую идентичность (как туристический бренд) отличает успешную ревитализацию от неуспешной.

Водные ресурсы, являющиеся, по мнению автора, ключевым потенциалом, в Светлогорске превращены в главное общественное пространство, а в Кыштыме остаются неиспользованными.

Разработанный на основе сравнительного анализа подход (пилотное благоустройство набережной, реабилитация прудов, создание музейно-выставочного кластера на базе заводских территорий, событийный календарь) может быть использован для других депрессивных малых городов России.

Для дальнейших комплексных исследований в данной области представляет интерес анализ влияния социокультурных факторов, а также изучение и обобщение опыта ревитализации других малых городов, обладающих историческим наследием и околотовскими пространствами, не только в России, но и в других странах.

Литература

1. Курочкина, В. А. Водные объекты как основа организации открытых общественных пространств и инструмент трансформации урбосистем // Вестник Евразийской науки. – 2020. – Т. 12, № 5. – 24 с. – URL: <https://esj.today/PDF/63SAVN520.pdf> (дата обращения: 12.04.2026).
2. Курочкина, В. А. Влияние объектов незавершенного строительства и промышленных территорий на геоэкологию городов и развитие депрессивных пространств // Вестник Евразийской науки. – 2020. – Т. 12, № 6. – 23 с. – URL: <https://esj.today/PDF/36NZVN620.pdf> (дата обращения: 12.04.2026).
3. Малая, Е. В. Проблемы восстановления и развития городской среды старых промышленных центров // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. – 2021. – Т. 23, № 6. – С. 42–55.
4. Демидова, Е. В. Реабилитация промышленных территорий как части городского пространства // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. – 2013. – № 1. – С. 8–13.
5. Козырева, М. А., Распутина, Е. В., Гранстрем, М. А., Кефала, О. В. Экологические подходы решения проблемных территорий // Системные технологии. – 2023. – № 4 (49). – С. 181–191.
6. Гранстрем, М. А. Уникальная среда Ивангорода: почувствовать и сохранить «дух места» // Архитектурный альманах. – Вып. 5. – Санкт-Петербург : НП-Принт, 2020. – С. 92–105.
7. Гранстрем, М. А., Лишманова, Ю. С. Сохранение исторической среды в контексте современной застройки // Современные проблемы истории и теории архитектуры : Сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 09 ноября 2021 года. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, 2021. – С. 20–24.
8. Золотарева, М. В., Гранстрем, М. А. Организация музеефицированных зон как элемент политики «экологии культуры» // Наука, образование и экспериментальное проектирование : тезисы докладов международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов, Москва, 3–7 апреля 2017 года. – Москва : МАРХИ, 2017. – С. 48–50.
9. Филиппчук, С. В., Павлухин, А. И. Ревитализация общественных пространств как фактор формирования социокультурной среды города // Культура и образование : научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. – 2024. – № 1 (52). – С. 161–171.
10. Suzdaleva, A., Kurochkina, V., Jargalsaihan, B., Kuchkina, M. Renovation of depressed areas using methods of transpersonal socionics // E3S Web of Conferences. – 2020. – No. 2003. – 11 p.
11. Ефимова, А. А. Нейминг в системе продвижения бренда ревитализированных промышленных пространств в развитии креативных индустрий // Государственная культурная политика России: традиции и новации : Сборник статей Международной научно-практической конференции, Москва, 28–29 мая 2025 года. – Москва : Московский государственный институт культуры, 2026. – С. 122–130.
12. Иванова, Д. В., Школьников, И. Г. Актуальность и проблематика ревитализации прибрежных промышленных территорий портовых городов на примере г. Владивостока // Инновации и инвестиции. – 2024. – № 8. – С. 565–569.
13. Курочкина, В. А., Калининченко, Е. К., Ратченкова, М. В. Пути использования и реорганизации бывших промышленных территорий

на примере завода «Богемия» в Великом Новгороде // Вестник Евразийской науки. – 2024. – Т. 16, № 1. – 13 с. – URL: <https://esj.today/PDF/77NZVN124.pdf> (дата обращения: 12.04.2026).

14. Курочкина, В. А., Богунова, М. В., Калининченко, Е. К. Ревитализация заброшенных прибрежных территорий: от промышленного наследия к общественному пространству // Вестник евразийской науки. – 2025. – Т. 17, № 5. – 17 с. – URL: <https://esj.today/PDF/73SAVN525.pdf> (дата обращения: 12.04.2026).

References

- Demidova, E. V. (2013). The rehabilitation of industrial territories as parts of the city space. *Academicheskie Vestnik UralNIIProekt RAASN*, (1), 8-13.
- Efimova, A. A. (2026). Neiming v sisteme prodvizheniya Brenda revitalizirovannykh promyshlennykh prostranstv v razvitiy kreativnykh industrii [Naming in the brand promotion system of revitalized industrial spaces in the development of creative industries]. *State cultural policy of Russia: traditions and innovations: Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, May 28-29, 2025* (pp. 122-130). Moscow: Moscow State Institute of Culture.
- Filipchuk, S. V., & Pavlukhin, A. I. (2024). Revitalization of Public Spaces as a Factor in Shaping the City's Sociocultural Environment of. *Culture and Education: Scientific and Information Journal of Universities of Culture and Arts*, 1 (52), 161-171. DOI 10.2441/2310-1679-2024-152-161-171
- Granstrom, M. A. (2020). The unique environment of Ivangorod: To feel and preserve the “spirit of the place”. In *Architectural Almanac* (Issue 5, pp. 92-105). Saint Petersburg: NP-Print.
- Granstrom, M. A., & Lishmanova, Yu. S. (2021). Sokhranenie istoricheskoi sredy v kontekste sovremennoi zastroiki [Preservation of the historical environment in the context of modern development. *Modern problems of the history and theory of architecture: Collection of materials from the VI All-Russian scientific and practical conference, Saint Petersburg, November 9, 2021* (pp. 20-24). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering.
- Ivanova, D. V., & Shkolnikova, I. G., (2024). Aktualnost i problematika revitalizatsii pribrezhnykh promyshlennykh territorii portovykh gorodov na primere g. Vladivostoka [The relevance and problems of the revitalization of coastal industrial territories of port cities on the example of Vladivostok]. *Innovations and investments*, (8), 565-569.
- Kozyreva, M. A., Rasputina, E. V., Granstrom, M. A., & Kefala, O. V. (2023). Ecological approaches to solving problem territories. *System Technologies*, 4 (49), 181-191. DOI 10.55287/22275398_2023_4_181
- Kurochkina, V. A. (2020a). The impact of long-term construction subjects and industrial areas on the geoecology of cities and development of depressed urban spaces. *The Eurasian Scientific Journal*, 6(12). DOI 10.15862/36NZVN620. Retrieved April 12, 2024, from <https://esj.today/PDF/36NZVN620.pdf>
- Kurochkina, V. A. (2020b). Water bodies as the basis by open public spaces planning and an instrument of urban transformation. *The Eurasian Scientific Journal*, 5(12). DOI 10.15862/63SAVN520. Retrieved April 12, 2024, from <https://esj.today/PDF/63SAVN520.pdf>
- Kurochkina, V. A., Bogunova, M. V., & Kalinichenko, E. K. (2025). Revitalizing abandoned coastal areas: from industrial heritage to public space. *The Eurasian Scientific Journal*, 17(5), 73SAVN525. DOI 10.15862/73SAVN525. Retrieved April 12, 2024, from <https://esj.today/PDF/73SAVN525.pdf>
- Kurochkina, V. A., Kalinichenko, E. K., & Ratchenkova, M. V. (2024). Ways of using and reorganizing of former industrial territories: industrial zone “Bohemia” in Veliky Novgorod. *The Eurasian Scientific Journal*, 16(1), 77NZVN124. DOI 10.15862/77NZVN124. Retrieved April 12, 2024, from <https://esj.today/PDF/77NZVN124.pdf>
- Malaya, E. V. (2021). Problems of restoration and development of urban environment of old industrial centers]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. JOURNAL of Construction and Architecture*, 23(6), 42-55. <https://doi.org/10.31675/1607-1859-2021-23-6-42-55>
- Suzdaleva, A., Kurochkina, V., Jargalsaihan, B., & Kuchkina, M. (2020). Renovation of depressed areas using methods of transpersonal socionics. *E3S Web of Conferences*, (217), 02003, 1-11. DOI 10.1051/e3sconf/202021702003
- Zolotareva, M. V., & Granstrom, M. A. (2017). Organizatsiya muzeefitsirovannykh zon kak element politiki “ekologii kultury” [Organization of Museumified Zones as an Element of the “Ecology of Culture” Policy]. *Science, Education, and Experimental Design: Abstracts of the Reports of the International Scientific and Practical Conference of Faculty Members, Young Scientists, and Students, Moscow, April 3-7, 2017* (pp. 48-50). Moscow: Moscow Architectural Institute (State Academy).

Формирование туристического маршрута по территории «Большого Урала», включающего Пермскую и Свердловскую области, является многокомпонентной задачей. Для создания такого маршрута необходимо исследовать историко-культурный потенциал ключевых точек маршрута, включающих как гражданские, так и исторические промышленные объекты. Маршрут может быть интересным и познавательным, если будут решены проблемы ревитализации исторических промышленных предприятий, расположенных на территории Пермской и Свердловской областей, выстроена система кемпингов, гостиниц, организованы туристские аттракционы. Необходимо учесть также природные особенности и климат тех мест, по которым будет пролегать маршрут.

Ключевые слова: «Большой Урал»; туристический маршрут; туристская инфраструктура; историко-культурный потенциал. /

The formation of a tourist route through the territory of the “Greater Urals”, including the Perm and Sverdlovsk regions, is a multi-component task. To create such a route, it is necessary to explore the historical and cultural potential of the key points of the route, including both civil and historical industrial facilities. The route can be interesting and informative if the problems of revitalizing historical industrial enterprises located in the Perm and Sverdlovsk regions are solved, a system of campsites and hotels is developed, and tourist attractions are organized. It is also necessary to take into account the natural features and climate of the places where the route will run.

Keywords: “Greater Urals”; tourist route; tourist infrastructure; historical and cultural potential.

Перспективы туристического развития «Большого Урала» / Prospects for the tourism development of the “Greater Urals”

текст

Валерия Шеин

Донской государственный
технический университет
(Ростов-на-Дону)

Мелания Древаль

Донской государственный
технический университет
(Ростов-на-Дону)

text

Valeria Shein

Don State Technical
University (Rostov-on-Don)

Melania Dreval

Don State Technical
University (Rostov-on-Don)

Введение

Развитие северных территорий остается актуальной задачей в градостроительной практике. На основе анализа литературных источников о пространственно-туристическом потенциале макрорегиона [1, 2] делается вывод: Пермская и Свердловская области обладают уникальными климатическими, социокультурными и архитектурно-градостроительными особенностями, сложившимися под влиянием географических и исторических факторов.

Оценка туристического потенциала осуществлена на основе регионоведческих и индустриальных истоков территории.

В рамках предпроектного анализа проводится исследование исторического контекста, включающего периодизацию развития обоих регионов. В результате проведенного анализа историографии Пермского края выделяются следующие этапы: дославянский период с его мифологизированным отношением к природе; русская колонизация и эпоха «Перми Великой»; горнозаводской этап; эпоха гражданских потрясений; советский романтизм освоения тайги и постсоветский период, характеризующийся закрытием предприятий и поиском новой идентичности. Свердловская область и в особенности Екатеринбург демонстрируют иную логику, согласно которой периодизация проходит путь от индустриального планирования петровского времени через статус горнозаводской столицы, «золотую лихорадку», советскую индустриализацию, эпоху закрытого оборонного города до современной трансформации идентичности.

Социологический и культурологический анализ выявляют феномен адаптации к экстремальным условиям через усиление социальных связей и создание уникальной культурной среды. В социологическом плане это выражается в формировании крепких локальных сообществ с высоким уровнем доверия внутри группы и горизонтальными связями, что усиливает роль местного самоуправления и неформальных лидеров. Одновременно фиксируется демографический кризис, связанный с миграцией молодежи в крупные агломерации, что ведет к старению населения и утрате традиций. Культурологический анализ подчеркивает присутствие элементов мифологического сознания, выраженного в богатом фольклоре и «оживлении» ландшафта. Они присутствуют

также в особой культуре гостеприимства, где путник воспринимается как событие и источник новостей, и культуре ремесленного труда, изначально связанной с выживанием, а впоследствии ставшей фактором культурного кода и основой индустриальной системы регионов.

Социально-экономический анализ показывает, что исследуемая территория находится в состоянии ресурсной зависимости и периферийности. Экономика исторически базируется на добыче полезных ископаемых и лесозаготовках, что ведет к экологическим проблемам и отсутствию стимулов для диверсификации. Логистика, энергетика и содержание дорог в условиях уральского климата значительно дороже, чем в центральной России, что создает дополнительные барьеры для развития туризма.

Градостроительная позиция с учетом развития территории определяется тем, что среда представляет собой «кархипелаг очагов освоения» в море дикой природы, что порождает хаотичность и отсутствие взаимной интеграции населенных пунктов в системе расселения. Исторически сложившаяся линейная структура расселения вдоль рек, где индустриальные объекты носят градообразующий характер, сегодня частично находится в состоянии стагнации из-за хаотичной застройки, запустения территорий и отсутствия надлежащего обслуживания. Крупные инфраструктурные объекты советского времени диссонируют с историческим масштабом центров и ландшафтом, а социальные центры развития утратили свои визуально-градостроительные параметры. В рамках исследования рассматриваются территории городов Пермь, Кунгур, Суксун, Ачит, Бисерть, Ревда, Первоуральск и Екатеринбург. Выявлены три ключевые проблемы: бессистемность функционального зонирования в черте населенных пунктов, наличие туристических точек притяжения при полном отсутствии туристической инфраструктуры и устойчивая утечка кадрового капитала. Для повышения инвестиционного потенциала регионов предлагается создание туристического маршрута, который способен решить эти проблемы, а также стимулировать рядовое благоустройство территорий и ревитализацию небольших населенных пунктов.

Формирование индустриальных кластеров в конечных точках маршрута базируется на понятии каркаса

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

- Индустриальный кластер, формирующийся в границах исторического центра города, в котором сохраняется производственная функция.
- Индустриальный кластер, формирующийся в границах исторического центра города, в котором сохраняется производственная функция.
- Индустриальный кластер, формирующийся в границах исторического центра города, в котором сохраняется производственная функция.
- Индустриальный кластер, формирующийся в границах исторического центра города, в котором сохраняется производственная функция.
- Индустриальный кластер, формирующийся в границах исторического центра города, в котором сохраняется производственная функция.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

- Индустриальный кластер, формирующийся в границах исторического центра города, в котором сохраняется производственная функция.
- Индустриальный кластер, формирующийся в границах исторического центра города, в котором сохраняется производственная функция.
- Индустриальный кластер, формирующийся в границах исторического центра города, в котором сохраняется производственная функция.
- Индустриальный кластер, формирующийся в границах исторического центра города, в котором сохраняется производственная функция.
- Индустриальный кластер, формирующийся в границах исторического центра города, в котором сохраняется производственная функция.

< Рис. 1. Схема формирования промышленных кластеров в Перми

< Рис. 2. Условные обозначения схемы формирования промышленных кластеров в Перми

< Рис. 3. Схема формирования промышленных кластеров в Екатеринбурге

< Рис. 4. Условные обозначения схемы формирования промышленных кластеров в Екатеринбурге

урбанизированных структур. Ландшафтно-географические и ресурсные условия напрямую влияют на процесс урбанизации, а исторически сложившаяся ткань вокруг крупных промышленных объектов естественным образом тяготеет к использованию сложившейся градостроительной ситуации. Предлагаются три типизированные модели преобразования промышленных зон: создание промышленного парка с сохранением производственной функции и внедрением научно-исследовательской составляющей; сохранение производства с добавлением коммуникационной, демонстрационной и рекреационной зон; сохранение производства с возможностью диверсификации и упором на выпуск строительных материалов с учетом класса вредности. Для городов Пермь и Екатеринбург разработаны соответствующие схемы кластеризации и коллажные визуализации каждой модели.

Заключение

В ходе настоящего исследования выявлены исторические, социокультурные и экономические особенности Пермского и Свердловского регионов, иллюстрирующие разнообразие векторов формирования территории «Большого Урала». Этот вектор включает специфику социально-экономических и культурологических компонентов развития, а также вытекающую из этих особенностей мощную промышленную ориентацию региона, которая сохраняется в историческом культурном коде по сей день. Организация территориальной общности требует комплексного подхода на основе формирования единой системы локальных объектов разного масштаба с учетом их культурного и природного потенциала. Основным тезисом исследования заключается в выявлении узловых точек притяжения в агломерации «Большого Урала» для формирования туристического маршрута, который позволит, в первую очередь, укрепить экономику рассматриваемой территории, способствовать развитию региона в целом и сформировать более рациональное использование территориальных ресурсов. В статье предлагаются принципиальные модели организации маршрута на основе градостроительного анализа территорий, их существующего природного и антропогенного потенциала, что может служить основой для последующих проектных и управленческих решений.

< Рис. 5. Коллажная визуализация 1-й типизированной модели

в Рис. 6. Коллажная визуализация 2-й типизированной модели

в Рис. 7. Коллажная визуализация 3-й типизированной модели

Рис. 8. Карта основных туристических точек

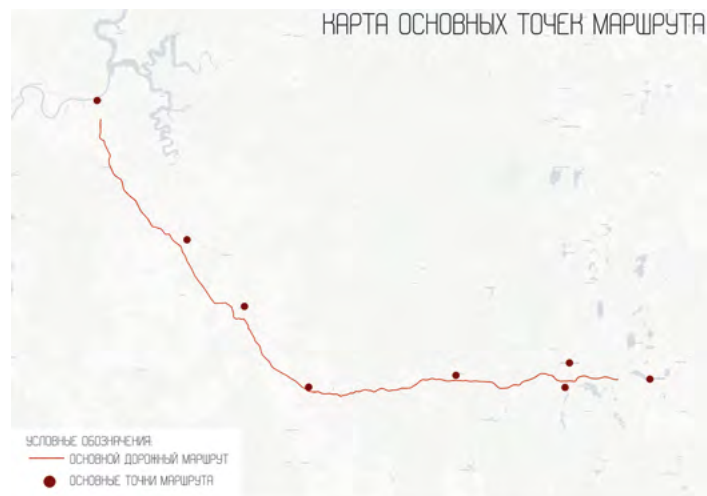

Рис. 9. Карта основных точек маршрута

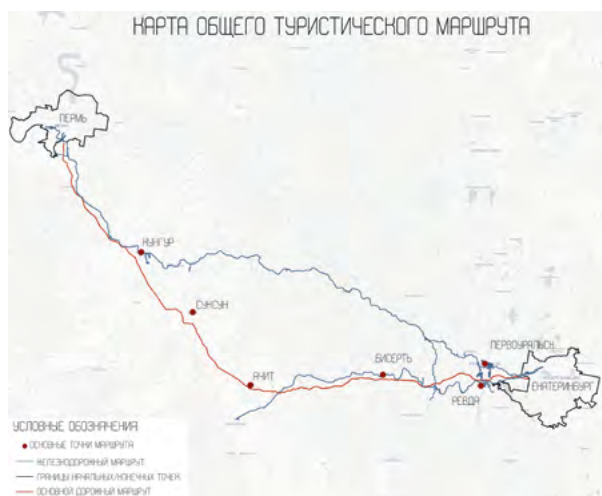
Рис. 10. Визуализация объектов придорожного сервиса

Рис. 11. Визуализация объектов придорожного сервиса

Литература

1. Разработка федеральной туристической схемы территориально-пространственного планирования макротерритории «Большой Урал». Этап 1 : Комплексный анализ развития сферы туризма / разраб. ООО «Прогород» (ВЭБ.РФ), Strategy Partners. – <https://вэб.рф/turisticheskie-skhemu/> (дата обращения: 11.03.2026).
2. Большой Урал: социально-экономические и пространственные изменения в первые десятилетия XXI века / под ред. д-ра экон. наук Лавриковой Ю. Г. – Екатеринбург : УрО РАН, 2024. – 607 с. : ил.
3. Виноградов, М. Ю., Сулова, А. А. Феномен социальной апатии и его актуальность в современной России // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2022. – № 4 (107). – С. 123–145.
4. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа / пер. с нем. Г. Г. Шпета. – Санкт Петербург : Наука, 2006. – 490 с.
5. Tully, G. E. Resituating cultural landscapes: pan-European strategies for sustainable management // Heritage 2016 : 5th International Conference on Heritage and Sustainable Development : book of abstracts / ed. by R. Amoêda, S. Lira, C. Pinheiro. – Barcelos : Green Lines Institute for Sustainable Development, 2016. – P. 347–359. – URL: <http://heritage.greenlines-institute.org/en/topics/heritage-2016-book-of-abstracts> (дата обращения: 10.05.2026).
6. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. Официальные статистические публикации. – URL: <https://59.rosstat.gov.ru/folder/33461> (дата обращения: 11.01.2026).
7. Министерство финансов Пермского края. – URL: <https://mfin.permkrai.ru/> (дата обращения: 11.01.2026).
8. Свердловская область в 2020–2024 годах : статистический сборник / Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. – Екатеринбург, 2025. – 195 с. – URL: <https://66.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/04001-2024-%D1%81%D0%B0%B9%D1%82.pdf> (дата обращения: 11.01.2026).
9. Генеральный план // Институт территориального планирования «Пермский генплан». – URL: <https://permgenplan.ru/portfolio/general-plan/> (дата обращения: 11.01.2026).
10. Генеральный план города Екатеринбурга // Администрация города Екатеринбурга. – URL: <https://xn--80acgfbsl1azdqr.xn--p1ai/дляработы/гиз/градостроительство/документация/гп> (дата обращения: 11.01.2026).

< Рис. 12. Карта общего туристического маршрута

11. Kowalewski, S., Łach, J., Knera, K. Landscape policy and governance in Europe: a review of the last twenty years of implementation of the European Landscape Convention // *Landscape governance : collaboration and integrated management in Europe* / ed. by M. G. Reed, S. Soares da Silva. – Cham : Springer, 2023. – P. 361–382. – (Landscape Series ; vol. 35). – URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-25713-1_21 (дата обращения: 11.01.2026).

12. Simonato, Citron, R. Urban Regeneration of Industrial Sites: Between Heritage Preservation and Gentrification // *WIT Transactions on The Built Environment*. – 2021. – Vol. 203. – P. 263–272.

13. Nepravshka, F. Industrial Heritage preservation and adaptive Reuse: Kombinat case study // *ReUSO 2024 : материалы Международной конф., Бергамо, 29–31 окт. 2024 г.*

14. RESCUE – Regeneration of disused industrial sites through creativity in Europe / ed. by Irena Borić, Simone Venturini. – La Spezia : Gli Scarti, 2021. – 176 p. : ill.

References

Administratsiya goroda Yekaterinburga [Administration of the City of Yekaterinburg]. (n.d.). General'nyy plan goroda Yekaterinburga [General Plan of the City of Yekaterinburg]. Retrieved January 11, 2026, from <https://xn--80acgfbsl1azdqr.xn--p1ai/дляработы/гиз/градоостроительство/документация/гп>

Borić, I., & Venturini, S. (Eds.). (2021). RESCUE — Regeneration of disused industrial sites through creativity in Europe. Gli Scarti.

Citron, R. S. (2021). Urban regeneration of industrial sites: Between heritage preservation and gentrification. *WIT Transactions on The Built Environment*, 203, 263–272. <https://doi.org/10.2495/STR210221>

Hegel, G. W. F. (2006). *Fenomenologiya dukha* [Phenomenology of Spirit] (G. G. Shpet, Trans.). Saint Petersburg: Nauka.

Institut territorial'nogo planirovaniya «Permskiy genplan» [Institute of Territorial Planning «Perm General Plan»]. (n.d.). General'nyy plan [General Plan]. Retrieved January 11, 2026, from <https://permgenplan.ru/portfolio/general-plan/>

Kowalewski, S., Łach, J., & Knera, K. (2023). Landscape policy and governance in Europe: A review of the last twenty years of implementation of the European Landscape Convention. In M. G. Reed & S. Soares da Silva (Eds.), *Landscape governance: Collaboration and integrated management in Europe* (pp. 361–382). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-031-25713-1_21

Lavrikova, Yu. G. (Ed.). (2024). *Bol'shoy Ural: sotsial'no-ekonomicheskiye i prostranstvennyye izmeneniya v pervyye desyatiletia XXI veka* [The Greater Urals: Socio-economic and spatial changes in the first decades of the 21st century]. UrO RAN.

Ministerstvo finansov Permskogo kraia [Ministry of Finance of the Perm Krai]. (n.d.). Retrieved January 11, 2026, from <https://mfin.permkrai.ru/>

Nepravshka, F. (2024). Industrial Heritage preservation and adaptive Reuse: Kombinat case study. In *ReUSO 2024: Proceedings of the International Conference, Bergamo, 29–31 October 2024*.

Progorod LLC (VEB.RF) & Strategy Partners. (2024). *Razrabotka federal'noy turisticheckoy skhemy territorial'no-prostranstvennogo planirovaniya makroterritorii «Bol'shoy Ural»*. Etap 1: Kompleksnyy analiz razvitiya sfery turizma [Development of the federal tourism scheme for territorial and spatial planning of the macro-territory «Greater Urals». Stage 1: Comprehensive analysis of tourism development]. VEB.RF. Retrieved March 11, 2026, from <https://v36.pф/turisticheskie-skhemy/>

Territorial'nyy organ Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Permskomu krayu [Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Perm Krai]. (n.d.). *Ofitsial'nye statisticheskie publikatsii* [Official statistical publications]. Retrieved January 11, 2026, from <https://59.rosstat.gov.ru/folder/33461>

Tully, G. E. (2016). Resituating cultural landscapes: Pan-European strategies for sustainable management. In R. Amoêda, S. Lira, & C. Pinheiro (Eds.), *Heritage 2016: 5th International Conference on Heritage and Sustainable Development: Book of abstracts* (pp. 347–359). Barcelos: Green Lines Institute for Sustainable Development. Retrieved May 10, 2025, from <http://heritage.greenlines-institute.org/en/topics/heritage-2016-book-of-abstracts>

Upravleniye Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Sverdlovskoy oblasti i Kurganskoy oblasti [Office of the Federal State Statistics Service for the Sverdlovsk Region and Kurgan Region]. (2025). *Sverdlovskaya oblast' v 2020-2024 godakh: statisticheskiy sbornik* [Sverdlovsk region in 2020-2024: Statistical compilation]. Retrieved January 11, 2026, from <https://66.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/04001-2024-%D1%81%D0%B0%B9%D1%82.pdf>

Vinogradov, M. Yu., & Suslova, A. A. (2022). Fenomen sotsial'noy apatii i ego aktual'nost' v sovremennoy Rossii [The phenomenon of social apathy and its relevance in modern Russia]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz* [Politia: Analysis. Chronicle. Forecast], 4(107), 123–145.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01625 «Деревянные храмы нижней Онеги XVII–XIX веков. Архитектура, типология, традиции», <https://rscf.ru/project/24-28-01625/>

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-01625 “Wooden temples of Nizhny Onega of the XVII–XIX centuries. Architecture, typology, traditions”, <https://rscf.ru/project/24-28-01625/>

Статья посвящена выдающемуся памятнику деревянного зодчества XVIII века – церкви Владимирской иконы Божией Матери в селе Подпорожье Архангельской области. Церковь входила в состав храмового комплекса. На основании исторических источников раскрыта история всех построек комплекса в период с середины XVII до конца XIX века. Выявлены сведения о предшествующих церквях. Определено, что первоначальный архитектурный облик объекта сохранился до нашего времени с минимальными изменениями. Архитектура Владимирской церкви проанализирована в контексте развития местных традиций. Раскрыты истоки архитектурных особенностей объекта, рассмотрены аналоги. Охарактеризовано существующее состояние Владимирской церкви, заострено внимание на ее высокой историко-культурной ценности.

Ключевые слова: Архангельская область; деревянное зодчество; деревянные церкви; традиции; Поонежье. /

The article is devoted to an outstanding monument of wooden architecture of the 18th century – the Church of the Vladimir Icon of the Mother of God in the village of Podporozhye, Arkhangelsk region. The church was part of the temple complex. Based on historical sources, the history of all the facilities of the complex in the period from the middle of the 17th to the end of the 19th centuries is revealed. The authors also present the information about the previous churches. It is determined that the original architectural appearance of the object has been preserved to our time with minimal changes. The architecture of the Church of the Vladimir Icon of the Mother of God is analyzed in the context of the development of local traditions. The article reveals the origins of architectural features of the object and considers their analogues. The current state of the Church of the Vladimir Icon of the Mother of God is characterized, and attention is focused on its high historical and cultural value.

Keywords: Arkhangelsk region; wooden architecture; wooden churches; traditions; Poonezhye.

Владимирская церковь в Подпорожье / Church of the Vladimir Icon of the Mother of God in Podporozhye

текст

Андрей Бодэ

АНО «Традиция»; Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет; НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства – филиал ЦНИИП Минстроя России

Ольга Зинина

АНО «Традиция»; Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет; НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства – филиал ЦНИИП Минстроя России

text

Andrey Bode

ANO “Tradition”; National Research Moscow State University of Civil Engineering; Scientific Research Institute of the Theory and History of Architecture and Urban Planning, Branch of the Central Scientific-Research and Project Institute of the Construction Ministry of Russia

Olga Zinina

ANO “Tradition”; National Research Moscow State University of Civil Engineering; Scientific Research Institute of the Theory and History of Architecture and Urban Planning, Branch of the Central Scientific-Research and Project Institute of the Construction Ministry of Russia

Река Онега исторически была важной дорогой, связывающей северные земли Вологодчины и Беломорье. Наибольшая торговая активность онежского пути приходится на XVI–XVII века. В этот период быстро растет и развивается уездный город Каргополь, строятся остроги в subordinированных административных центрах – в Турчасово, Усть-Моше [1]. Онега на подступах к своему устью после последних порогов затихает и широко разливается. Завершается долгий сплав по реке, и впереди открывается морской простор – новая среда и новые пути-дороги, в том числе в иные страны. Это ключевое, древнее место, отмеченное еще в новгородской летописи 1137 года.

Погост Подпорожье находился на левом берегу Онеги, на возвышенном месте с названием Жеребцова гора, где и располагался деревянный храмовый комплекс, состоявший из двух церквей и колокольни. Ландшафтные особенности обеспечивали церквям композиционную выразительность и хороший обзор с разных точек зрения, как отмечал Ю. С. Ушаков [2, с. 65]. Сейчас на Жеребцовой горе осталась одна церковь – Владимирской иконы Божией Матери.

«Волостка Подпорожье» впервые упоминается в «Сотной на Турчасовский стан Каргопольского уезда с книг письма Я. И. Сабурова и И. А. Кутузова, 1556 г.» [3, с. 121]. В XVI в. Подпорожье входило во владения Соловецкого монастыря, но после основания Крестного монастыря на Кий-острове в 1657 году стало его вотчиной, как и многие онежские поселения. Согласно сведениям 1648 года, на погосте стояла церковь Живоначальной Троицы с приделом Николая Чудотворца [4, л. 772об.]. Имеются данные о постройке в последней четверти XVII века Троицкой церкви с приделами Николая Чудотворца, Параскевы Пятницы и Богоявления, видимо вместо утраченной церкви, упомянутой в 1648 году [5, с. 45]. Похоже, что в XVII столетии в Подпорожье была одна церковь, но не исключено, что здесь было и два храма, в пользу чего свидетельствуют храмовые комплексы, стоявшие во многих поселениях на нижней Онеге. Во всяком случае, однозначных данных об этом не имеется.

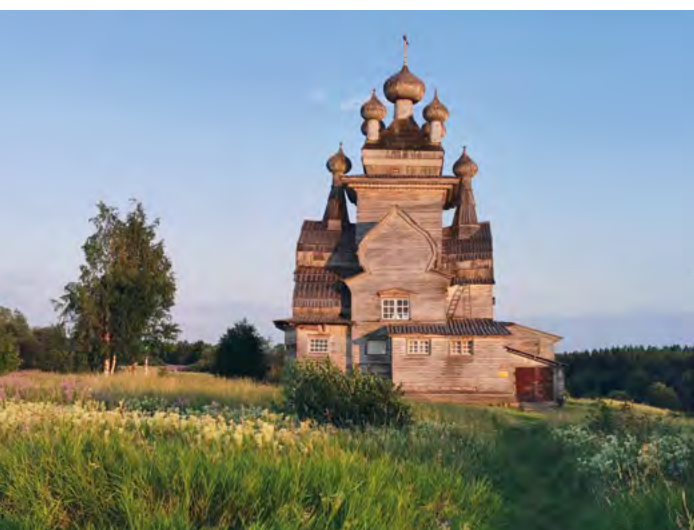
В 1718 году определенно упоминаются уже две церкви – Троицкая с Никольским приделом и Богоявленская с пределом Великомученицы Параскевы с трапезной [6, л. 517]. Церковь Живоначальной Троицы сгорела

в 1724 году, после чего вышел указ Священного синода на имя наместника Крестного монастыря иеромонаха Сергия о постройке новой Троицкой церкви «с единым престолом, а четырех приделов не строить». Она была возведена в 1725 году [5, с. 45]. Несмотря на указание «приделов не строить», новая Троицкая церковь с южной стороны получила теплый Богоявленский придел. С западной стороны к обеим церквям примыкала общая трапезная. Богоявленский придел был освящен в мае 1725-го, антиминс на главном Троицком престоле – 15 мая 1727 года. Правда, есть упоминание, что в церкви хранились антиминсы 7200 (1692) года [7, л. 379, 380об.]. Это свидетельствуют о строительстве или реконструкции в 1692 году. Возможно, в это время и были построены две церкви, упоминавшиеся в 1718-м.

Более поздние источники говорят, что рядом с возведенной в 1725 году Троицкой церковью была вторая церковь – Николая Чудотворца с приделом Великомученицы Параскевы [8, л. 1-10б.]. Напомним, что ранее, в 1718-м, упоминается другой порядок посвящений храмов – Троицкая с Никольским приделом и Богоявленская с пределом Великомученицы Параскевы с трапезной. Скорее всего, в описаниях допущены ошибки.

Сохранившаяся церковь Владимирской иконы Божией Матери с приделами Николая Чудотворца и Параскевы Пятницы датируется с некоторыми расхождениями. Метрика Владимирской церкви, составленная священником Михаилом Васильевским, обозначает дату постройки как 1741 год [9, л. 1]. «Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии» за 1896 год указывает на период от 1745 по 1757 год [5, с. 46]. В страховой оценке храма 1910 года зафиксирован 1747-й [10, л. 77].

Анализ собранных документов о строительстве Владимирской церкви и вывод о наиболее правдоподобной дате представлен в статье Т. С. Ковалевской, из которой почерпнуты и многие приводимые нами исторические сведения [11, с. 71–97]. Есть данные о том, что антиминс на престол Николая Чудотворца был освящен 19 июля 1744 года, на престолы Владимирской иконы Божией Матери и Параскевы Пятницы – 23 октября 1744-го [7, л. 381об., 382об.; 12, л. 248об.]. Ходаатаство об освящении и выдаче новых антиминсов относится к 1757 году

^ Владимирская церковь в Подпорожье. Фото А. Бодз. 2021

^ Вид храмового комплекса в Подпорожье с северо-запада. Фото В. Суслова. 1886

[8, л. 1-10б.]. Это событие подтверждается указом Новгородской духовной консистории об освящении нового храма в Подпорожье в октябре 1757 года [8, л. 4]. Итак, строительство Владимирской церкви в Подпорожье можно отнести к первой половине 1740-х, а полное завершение – к 1757 году. По каким-то причинам обустройство церкви продолжалось достаточно долго. Судя по описанию, строительство велось на месте прежней сгоревшей церкви Святого Николая Чудотворца с приделом Святой Великомученицы Параскевы, а «предел Пресвятыя Богородицы Владимирския» был добавлен [8, л. 1-10б.].

Колокольня впервые упоминается в описях начала XIX века [13, л. 287об.; 14, л. 339об.], но, несомненно, она существовала и ранее: комплекс, состоящий из двух церквей, не мог не иметь колокольни. Отмечается, что она завершалась шатром. В середине XIX столетия была построена новая колокольня по причине того, что старая была признана ветхой и не вмещала новый 83-пудовый колокол [15, л. 190]. Из этого можно заключить, что старая колокольня была меньших размеров, чем новая, известная нам по фотографиям. Дату ее постройки мы точно не знаем, но приблизительно ее строительство можно отнести к XVIII веку. Не исключено, что она была возведена вместе с постройкой двух новых церквей в 1690 годах.

Таким образом, в XVII–XVIII веках в Подпорожье сложился выдающийся храмовый комплекс. Его архитектурный облик середины XVIII века нам уже определенно понятен. Троицкая церковь в своей основе имела высокий четверик, завершенный кубом с пятиглавием. Пятистенный алтарь покрывала бочка с главкой. С северо-восточной стороны примыкал Богоявленский придел, представлявший собой таких же размеров, но низкий четверик с граненым алтарем. Четверик придела был также покрыт кубом, но имевшим только одну главу. На старых фотографиях видно, что алтарь придела был покрыт простой односкатной крышей. Однако маловероятно, что строители XVIII века применили столь примитивное решение. Наверняка первоначально алтарь придела был покрыт бочкой, о чем свидетельствует и повал, но позже в связи с нерациональным водостоком в пространство между двумя бочками крыша была сделана утилитарно. С западной стороны основной храм и придел были

объединены широкой трапезной с внутренним притвором перед входом в Троицкий храм. В трапезной была печь и потолок поддерживали два столба.

Архитектурно-пространственная композиция церкви Владимирской иконы Божией Матери развита на крещатой основе. Северная, западная и южная выступающие части основания в плане прямоугольны и покрыты бочками. Восточная часть образована тремя смежными пятистенными алтарными прирубками, объединенными большой трехлопастной бочкой. Над средней частью основания возвышается четверик, завершающийся кубом с пятью главами. Центральное пятиглавие и приподнятые на небольшие стройные шатры боковые главы образуют очень выразительную пирамидальную девятиглавую структуру завершения. Паперть огибает основной сруб с запада и севера. В интерьере сохранился потолок-«небо» конца XVIII – начала XIX века, расписанный артелью И. И. Богданова-Карбатовского [16, с. 260–262]. Потолок с живописью – позднейший, подведенный снизу. Над ним просматриваются конструкции первоначального потолка-«неба» без живописи, но с расписными тяблами.

Колокольня имела форму высокого четверика, над которым возвышается небольшой восьмерик с повалом. Подобные пропорции характерны для колоколен Нижнего Поонежья и Поморья. Завершалось сооружение куполом с высоким шпилем. Колокольня отличалась очень большими размерами, ее высота вместе со шпилем составляла около 30 м.

Все здания храмового комплекса в Подпорожье за свою историю перестраивались [11, с. 71–97]. В церквях в начале XIX века были увеличены окна. Отмечается, что в растесанных окнах были рамы с остеклением, а в алтарях и в паперти еще сохранялись старые слюдяные оконницы. Стены церквей во второй половине XIX века снаружи получили дощатую обшивку, окрашенную в белый цвет. Кровли также были окрашены, в нижних частях красно-коричневой краской – «чернетью», купола и верхи – зеленой краской – «медяной».

Со временем изменилась и внутренняя отделка. Стены уже в начале XIX века были оклеены обоями, позже – обшиты вертикально тонкой узкой доской и окрашены. Иконостас во Владимирской церкви, как и во всех холодных храмах с высокими потолками, был многоярусным.

^ Храмовый комплекс в Подпорожье в XVIII веке. Графическая реконструкция А. Бодэ

^ Потолок-«небо» в интерьере основного молитвенного помещения. Фото А. Бодэ. 2016

Его создание в середине XVIII века совпало со временем расцвета иконостасного искусства в Северном Поонежье. Ныне иконостасы храма в Подпорожье утрачены, и, к сожалению, известна только одна историческая фотография резных царских врат [16, с. 261].

Позднейшие ремонт и поновления церковных построек Подпорожья изменяли преимущественно поверхности, но сами архитектурные формы XVIII века в целом оставались неизменными [17, с. 25–35]. Колокольня, построенная заново в середине XIX века, тоже принципиально не изменила свои формы, только – масштаб. Первоначально шатровые завершения поонежских колоколен в XIX веке массово переделали на купольные со шпилем, и эта новая форма, будучи схожей по силуэту с кубоватым верхом церквей, достаточно органично влилась в архитектурную палитру местных традиций.

Объемно-плановая структура церкви Владимирской иконы Божией Матери достаточно четко вписывается в местную эволюцию архитектурных форм. Крещатые церкви XVII века, например Вознесенская (1654) в Пияле, Успенская (1674) в Варзуге, имели правильную форму основания в виде равноконечного креста, сочетающуюся с ярусным высотным завершением. В архитектурном решении чуть более поздних построек – Преображенской церкви в Чекуево (1687) и Успенского собора (1695) в Онеге (до 1780 года Устьенская волость) [18, с. 208–228] – заметны отход от строгой симметрии и видоизменение верха в сторону упрощения и понижения. В следующем столетии в Нижнем Поонежье на крещатой основе развиваются трехпрестольные и двухпрестольные композиции. При этом форма плана усложняется, теряя первоначальную лаконичность. Владимирская церковь в Подпорожье и ее ближайший аналог – Преображенская церковь (1786) в Турчасово – продолжают наметившуюся тенденцию к развитию многопрестольности. Восточная алтарная часть дробится, понижается и разрастается почти до полной ширины здания. Крещатая структура в основании видоизменяется, но, благодаря четырем равным конькам бочек, остается выраженной во внешнем облике здания, и на ней строится структура завершения.

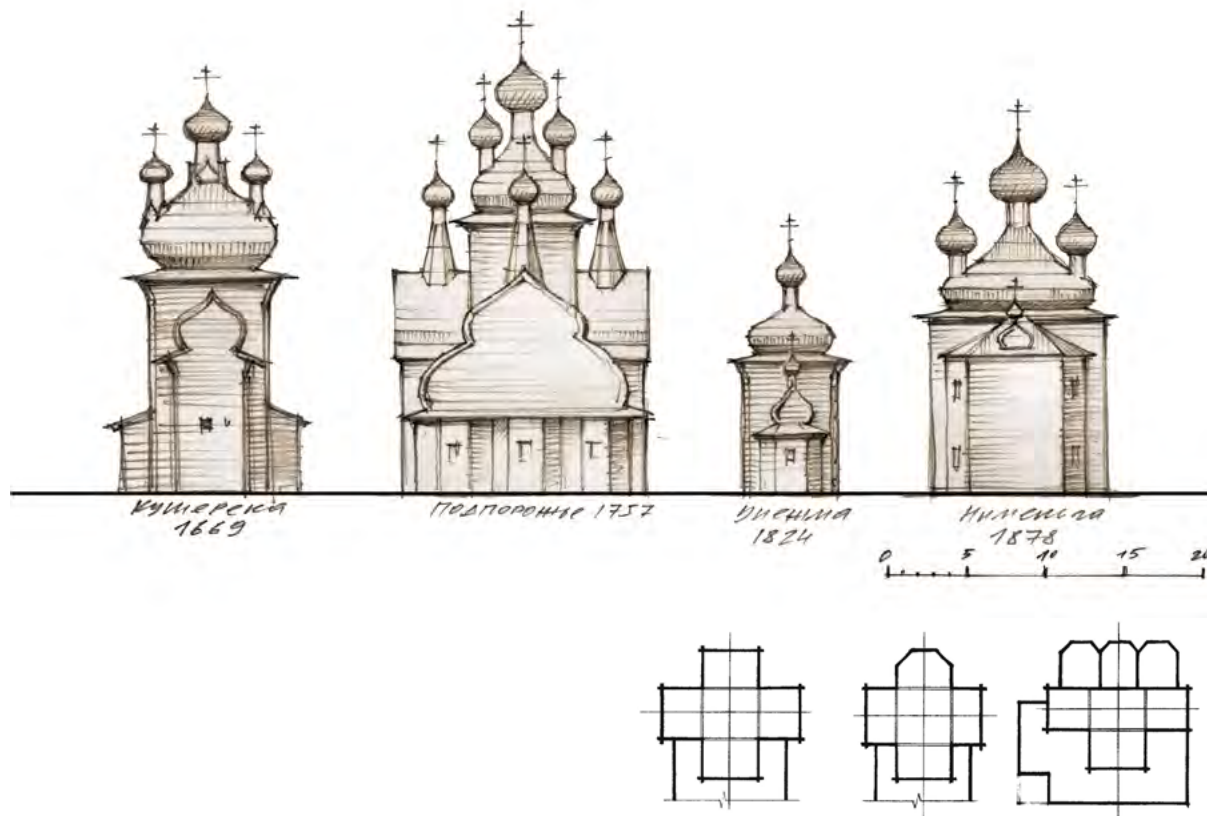
Квадратный в плане верхний ярус несет кубоватое покрытие и пятиглавие. Форма куба относится к местным

архитектурным особенностям, распространившимся в деревянном церковном зодчестве Нижнего Поонежья и Поморья примерно с последней трети XVII века. Форма куба имеет, вероятно, центрально-русское происхождение, но в соответствии с общим ходом развития местных традиций в деревянном зодчестве Севера в XVII веке составила одну из региональных особенностей [19, с. 52–62].

Если сравнить Владимирскую церковь с Успенским собором в Устьенской волости, то становится очевидным, что она строилась примерно по его образу, но в уменьшенном масштабе. Успенский собор был крещатым в плане, трехпрестольным. На бочках, покрывавших крылья креста, стояли небольшие восьмерики с шатриками и главками. Боковые главы церкви в Подпорожье, приподнятые на шатрики, в упрощенном виде повторяют аналогичные формы собора.

Яркой характерной особенностью Владимирского храма является покрытие трех смежных алтарей трехлопастной бочкой. Эта форма также относится к архитектурным традициям Нижнего Поонежья и Поморья. В более простом варианте трехлопастные бочки были на утраченных двухпрестольных церквях XVIII века – Ильинской в Вазенцах, Входеоерусалимской в Верховье и, вероятно, на Преображенской в Нименьге (предшественнице нынешнего храма). Покрытие трех алтарей трехлопастной бочкой мы встречаем только на Владимирской церкви в Подпорожье и на Преображенской в Турчасово. Эта форма достаточно самобытна и распространение ее локально, но она стилистически органично сочетается с обычными бочками и кубоватыми верхами, составляя вместе с ними архитектурные особенности региона.

Архитектурные ансамбли, подобные храмовому комплексу в Подпорожье, были очень распространены в XVII–XVIII веках в Нижнем Поонежье. Их насчитывается одиннадцать, и они располагались на берегах Онеги на расстоянии примерно 120 км. Всех их объединяет стилистическая цельность, определяемая сочетанием построек с кубоватыми и шатровыми завершениями, ставшим местной архитектурной традицией [20]. Некоторые из них состояли даже из четырех построек [21]. К сожалению, ни один из храмовых комплексов нижней Онеги полностью не сохранился. Единичные церкви остались

< Примеры архитектурного решения церквей с кубоватыми завершениями. Вознесенская церковь (1669) из Кушерецкого, Владимирская церковь (1744–1757) в Подпорожье, Никольская церковь (1824) в Унеже, Преображенская церковь (1878) в Нименьге. Рисунок А. Бодэ

< Схема преобразования крещатого плана церквей Поонежья в XVII–XVIII веках. Слева направо: Вознесенская церковь (1654) в Пияле, Преображенская церковь (1687) в Чекуево, Владимирская церковь (1744–1757) в Подпорожье. Рисунок А. Бодэ

в Подпорожье, Мондино, Сырье, Чекуево. Церкви в сочетании с колокольнями сохранились в Пияле и Турчасово.

Церковь Владимирской иконы Божией Матери в Подпорожье без преувеличения можно назвать хрестоматийным памятником деревянного зодчества. Впервые на нее обратил внимание В. В. Суслов в 1886 году. Он сделал ее обмеры, нарисовал и опубликовал реконструкцию первоначального облика, высоко оценив ее архитектурно-художественные достоинства. Позже церковь стала объектом изучения А. А. Каретникова, М. В. Красовского, П. Д. Барановского, Ю. С. Ушакова и других архитекторов и историков архитектуры. В начале XX века Императорской археологической комиссией было предпринято немало усилий для сохранения храмового комплекса в Подпорожье. К сожалению, Троицкая церковь и колокольня были утрачены в 1940 годах.

Церковь Владимирской иконы Божией Матери дошла до нашего времени со значительными повреждениями. Имея сложный крещатый план с нагруженной центральной частью, она получила деформации. Произошло это явно давно, на что указывает обшивка, сделанная уже по искривленному срубу. Но благодаря надежному основанию, срубленному из мелких ячеек, и общей сложной структуре, здание даже в деформированном виде стоит достаточно прочно.

По инициативе проекта «Общее дело. Возрождение деревянных храмов Севера» на Владимирской церкви с 2018 года проводились противоаварийные работы. В Подпорожье побывали десятки экспедиций добровольцев. Силами профессиональных реставраторов, местных жителей и добровольцев удалось провести большой объем противоаварийных работ. Много усилий для сохранения Владимирской церкви сделал житель Онеги А. П. Степанов. С 2022 года Министерством культуры Российской Федерации реализуется программа консервации аварийных объектов культурного наследия, у которых в ближайшее время нет шансов на полноценную реставрацию. В эту программу вошла и церковь в Подпорожье. В 2022 году здесь по государственному контракту были проведены консервационные работы, которые, по сути, подытожили многолетние общественные усилия.

Внутри церкви наведен минимальный порядок и периодически совершаются богослужения. Объект привлекает

внимание туристов. Конечно, такой выдающийся памятник, как церковь Владимирской иконы Божией Матери, в перспективе заслуживает полноценной реставрации.

Литература

1. Бодэ, А. Б. Города-крепости на Онеге в XVII веке // Проект Байкал. – 2019. – № 61. – С. 106–111. – DOI : 10.7480/projectbaikal.61.1511
2. Ушаков, Ю. С. Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера (пространственная организация, композиционные приемы, восприятие). – Ленинград : Стройиздат, 1982. – 168 с.
3. Сотная на Турчасовский стан Каргопольского уезда с книг письма Я. И. Сабурова и И. А. Кутузова. 1556 г. / публ. Ю. С. Васильева // Социально-правовое положение северного крестьянства: досоветский период / под ред. П. А. Колесникова. – Вологда, 1981. – С. 95–136.
4. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 168. Переписная книга г. Турчасова и Турчасовского уезда, переписи В. И. Жукова, 1648 г.
5. Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 3 : Уезды Онежский, Кемский и Кольский. – Архангельск : Типолитогрфия наследников Д. Горайнова, 1896. – с. 267.
6. Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 177. Оп. 1. Д. 35. Ч. 2. Описная книга поселений по реке Онеге и в Каргопольском уезде. 1718 г.
7. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 29. Оп. 31. Д. 193. Описи церковного имущества Онежской округи за 1819 г.

< Интерьер Владимирской церкви. Фото А. Бодэ. 2016

> Владимирская церковь
в Подпорожье. Вид со
стороны устья Онеги.
Фото А. Бодэ. 2016

8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 38. Д. 339. Об освящении церкви, построенной в Подпорожской волости, Архангельской губернии, вотчине Крестного монастыря. 1757 г.
9. Институт истории материальной культуры РАН. Рукописный отдел научного архива. Разряд III. Д. 134.
10. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 6. Страховые документы на церковное имущество по 3-му округу Онежского уезда Архангельской епархии. Л. 77.
11. Деревянные храмы Онежского Поморья XVII–XIX вв. Коллектив авторов / ред. А. Б. Бодэ. – М.: Прогресс-традиция, 2023. – 466 с.
12. ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 258. Описи церковного имущества Онежской округи. 1829 г.
13. ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 124. Описи церковного имущества по Онежской округе за 1803 г.
14. ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 148. Описи церковного имущества по Онежской округе за 1808 г.
15. ГААО. Ф. 29. Оп. 40. Д. 2. Клировые ведомости о церквях 1-го, 2-го, 3-го и 4-го Благочиний Онежского уезда и г. Архангельска. 1847 г.
16. Кольцова, Т. М. Иконы Северного Поонежья. – Москва : Северный паломник, 2005. – 352 с.
17. Ходаковский, Е. В. «Под фасад каменного строения»: обшивка деревянных церквей Русского Севера в конце XVIII – начале XX в. // Academia. Архитектура и строительство. – 2021. – № 3. – С. 25–33.
18. Терентьева, А. А. Собор Воскресения Христа. К вопросу о реконструкции архитектурного облика // Деревянное зодчество. Новые материалы и открытия. – Москва ; Санкт-Петербург : Коло, 2015. – Вып. 4. – С. 208–228.
19. Шургин, И. Н. О возможных путях образования кубоватой формы завершения деревянных храмов // Ильинский Водлозерский погост : материалы научной конференции «Водлозерские чтения: Ильинский погост» (6–9 авг. 2007 г.). – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2009. – С. 52–62.
20. Ходаковский, Е. В. Деревянное храмовое зодчество Каргополья и Поонежья XVII–XVIII веков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. – 2024. – № 14 (3). – С. 561–580.
21. Бодэ, А. Б., Ходаковский, Е. В. Деревянное храмовое строительство нижнего Поонежья XIX – начала XX века // Academia. Архитектура и строительство. – 2020. – № 2. – С. 31–39.

References

- Bode, A. B. (2019). The fortress cities on the Onega in the XVII century. *Project Baikal*, 16(61), 106–111. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.61.1511>
- Bode, A. B. (Ed.). (2023). *Derevyannyye khramy Oonezhskogo Pomorya XVII–XIX vv. Kollektiv avtorov [Wooden temples of the Onega Pomorye of the XVII–XIX centuries. Team of authors]*. Moscow: Progress-Tradition.
- Bode, A. B., & Khodakovskiy, E. V. (2020). Wooden temple construction of the lower Poonezhye of the XIX – early XX century. *Academia. Architecture and Construction*, (2), 31–39.
- GAAO (State Archive of the Arkhangelsk Region). Fund 29. Inv. 31. File 124. *Inventory of church property in the Onega district for 1803*.
- GAAO. Fund 29. Inv. 31. File 148. *Inventory of church property in the Onega district for 1808*.
- GAAO. Fund 29. Inv. 31. File 193. *Inventory of church property of the Onega district for 1819*.
- GAAO. Fund 29. Inv. 31. File 258. *Inventory of church property in the Onega district. 1829*.
- GAAO. Fund 29. Inv. 40. File 2. *Clerical bulletin of the churches of the 1st, 2nd, 3rd and 4th Deaneries of Onega district and Arkhangelsk. 1847*.
- Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. The manuscript department of the scientific archive. Category III. File 134.

- Khodakovskiy, E. V. (2021). “Under the facade of a stone building”: The cladding of wooden churches of the Russian North in the 19th century]. *Academia. Architecture and Construction*, (3), 25–33.
- Khodakovskiy, E. V. (2024). Wooden church architecture of Kargopol and the River Onega areas in 17th–18th centuries. *Vestnik of Saint Petersburg University. Arts*, 14(3), 561–580.
- Koltsova, T. M. (2005). *Icons of the Northern Poonezhye region*. Moscow: Northern Pilgrim.
- Kratkoe istoricheskoe opisanie prikhodov i tserkvei Arkhangel'skoi eparkhii. Vyp. 3: Uezdy Oonezhskiy, Kemskiy i Kolskiy [Brief historical description of parishes and churches of the Arkhangelsk Diocese. Issue 3 : Onega, Kemskiy and Kolskiy counties]. (1896). Arkhangelsk: Typolithography of the heirs of D. Goryainov.
- RGIA (Russian State Historical Archive). Fund 796. Inv. 38. File 339. *About the consecration of the church built in Podporozhskiy parish, Arkhangelsk province, the patrimony of the Monastery of the Cross. 1757*.
- RGIA. Fund 799. Inv. 33. File 6. *Insurance documents for church property in the 3rd district of the Onega district of the Arkhangelsk diocese*. L. 77.
- Russian State Archive of the Navy. Fund 177. Inv. 1. File 35. Part 2. *Inventory book of settlements along the Onega River and in the Kargopol district. 1718*.
- Russian State Archives of Ancient Acts. Fund 1209. Inv. 1. File 168. *Census book of Turchasov and Turchasov district, V. I. Zhukov census, 1648*.
- Shurgin, I. N. (2009). O vozmozhnykh putyakh obrazovaniya kubovatoi formy zaversheniya derevyannykh khramov [On possible ways of forming a cuboid form of completion of wooden temples]. *Ilyinsky Vodlozerskiy pogost: Proceedings of the scientific conference “Vodlozerskiy readings: Ilyinsky Pogost” (6–9 Aug. 2007)* (pp. 52–62). Petrozavodsk: PetrSU Publishing House.
- Terentyeva, A. A. (2015). Sobor Voskreseniya Khrista. K voprosu o rekonstruktsii arkhitekturnogo oblika [Cathedral of the Resurrection of Christ. On the issue of architectural reconstruction]. *Wooden architecture. New materials and discoveries*, (4), 208–22. Moscow; St. Petersburg: Kolo.
- Ushakov, Yu. S. (1982). *Ansambly narodnogo zодchestva Russkogo Severa (prostranstvennaya organizatsiya, kompozitsionnye priemy, vospriyatie) [Ensemble in the folk architecture of the Russian North (spatial organization, compositional techniques, perception)]*. Leningrad: Stroyizdat.
- Vasilyev, Yu. S. (1981). Sotnaya na Turchasovskiy stan Kargopolskogo uyezda s knig pisma Ya. I. Saburova and I. A. Kutuzova. 1556 g. [Sotnaya on the Turchasovsky camp of the Kargopol district from the books by Ya. I. Saburov and I. A. Kutuzov. 1556]. In P. A. Kolesnikov (Ed.), *Socio-legal state of the Northern peasantry: the pre-Soviet period* (pp. 95–136). Volodga.

В этом разделе номера мы собрали примеры того, как локальные культуры взаимодействуют с культурами «большими», государственными и международными.

Маленький Земун в Сербии, несмотря на близость к Белграду, не был поглощен столицей, а сохранил свою идентичность и неповторимое очарование.

Средневековое аббатство на затерянном в северных водах острове в Нормандии становится мировой достопримечательностью, воплощая в себе полузабытую мудрость Высокого Средневековья.

Прекрасные современные иконические объекты демонстрирует Казахстан в Алматы при активном участии в их создании зарубежных архитекторов. А рядом вырастают центры традиционных искусств и ремесел.

И разбитая войной Сирия, и относительно благополучный Йемен прилагают усилия к сохранению и восстановлению удивительной арабской архитектуры.

Мы продолжаем традиционный цикл наших постоянных авторов об архитектуре на евроазиатских перекрестках Северного Китая.

А объектом номера выбран победитель международного конкурса в Баку – проект европейского коллектива архитекторов, великолепно понявших, прочувствовавших и воплотивших культуру Саудовской Аравии.

ЕГ, КЛ

In this section of the issue, we have collected examples of how local cultures interact with “big”, national and international cultures.

The small town of Zemun in Serbia, despite its proximity to Belgrade, was not absorbed by the capital, but retained its identity and unique charm.

A medieval abbey on an island in Normandy lost in the northern waters is becoming a world landmark, embodying the half-forgotten wisdom of the High Middle Ages.

Kazakhstan demonstrates beautiful modern iconic objects in Almaty with the active participation of foreign architects in their creation. And centers of traditional arts and crafts are growing nearby.

Both war-torn Syria and relatively prosperous Yemen are making efforts to preserve and restore the amazing Arab architecture.

We continue the traditional collection of our regular authors writing about architecture at the Eurasian crossroads of Northern China.

And the winner of the international competition in Baku was chosen as the object of the issue – a project by a European team of architects who perfectly understood, felt and embodied the culture of Saudi Arabia.

EG, KL

зарубежная практика / foreign practice

Земун: город на земле / Zemun: a town on earth

текст
Андрей Иванов
МААМ
text
Andrei Ivanov
IAAM

В статье описан культурно-средовой феномен исторического города Земун, в 1934 году инкорпорированного в состав столицы Югославии Белграда, но сумевшего сберечь свою самость – остаться городом, прочно стоящим на земле. Многовековая синергия мультикультурных вернакулярных практик средоформирования создала здесь самобытное устойчивое единство земли, реки, жителей, зданий – результатов их труда и творчества. Земун доказывает, что «хороший город» может не только создаваться почти без участия профессиональных архитекторов, но и сохраняться при общественном признании ценности подобной среды, даже оказавшись внутри современного, быстро развивающегося мегаполиса.

Ключевые слова: земля; вернакуляр; паттерн-бук; каталожные дома; гетероглоссия; симпозиис./

The article describes a cultural and environmental phenomenon of the historical town of Zemun, which was incorporated into Belgrade, the capital of Yugoslavia, in 1934, but managed to preserve its identity – to remain a town firmly established on earth. The centuries-old synergy of multicultural vernacular environmental practices has created here an original stable unity of land, river, inhabitants, and buildings – the results of their work and creativity. Zemun proves that a “good town” can not only be created almost without the participation of professional architects, but also be preserved with public recognition of the value of such an environment, even once inside a modern, rapidly developing metropolis.

Keywords: earth; vernacular; pattern book; catalog houses; heteroglossia; symposium.

Нам должна быть предоставлена власть самостоятельно создавать места нашего обитания, наши города, большие и малые, нашу архитектуру. Только тогда мы по-настоящему почувствуем привязанность, принадлежность земле под нашими ногами...

Том Дайкхофф [1]

Наконец, Белград – лучшее место на Земле, чтобы сесть в автобус до Земунa.

Момо Капор [2]

Земун расположен на правом, южном берегу Дуная, вверх по течению от Белграда, примерно в 3 км (по прямой) от белградской крепости Калемегдан. Римляне пришли сюда в I веке до н. э. и на месте неолитического, а потом кельтского селения основали город Таурунум, разрушенный гуннами в V веке. В IX столетии пришли болгары и назвали это поселение Землин (сделанный из земли)¹. В XII веке город упоминается в византийских исторических документах. Приходят венгры и переименовывают его в Зимиони (Zimóni). Византийцы, а затем монголы захватывают его, но ненадолго, и не успевают дать своего имени. В 1268 году приходят сербы, и город наконец становится Земун. Покорившие его в 1521 году османы нового имени не дают, при них город превращается в захолустную деревушку. А вот при австрийцах, с 1717 года,

город – теперь уже Семлин (Semlin) – становится важным военным форпостом и таможенным пунктом империи Габсбургов на границе с Османской империей, а позже с Сербией, и развивается как европейский мультикультурный центр.

Здесь появляются порт на Дунае, в 1751 году – магистрат и мэр. Проживают быстро прибывшие в точку экономической активности сербы, составлявшие около половины жителей, а также немцы, венгры, евреи, греки, армяне. Растет население – 3829 человек в 1772 году, 7089 в 1801-м. Открываются старейшие на сегодняшний день в Сербии госпиталь и библиотека. Появляются телеграф (1853), городской парк в 8 га на месте бывшего карантина, защищавшего дунайскую империю от южных эпидемий (1880-е), железная дорога (1883) – и тут теперь останавливается знаменитый Восточный экспресс Париж – Константинополь. В 1918 году Земун включен в границы Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 года – Королевство Югославия), в 1934-м теряет городскую независимость и становится одним из районов Белграда. Во время Второй мировой войны попадает под власть Хорватии (с 1941 по 1944), затем возвращается в Югославию, а после ее упразднения в 2006 году остается в Сербии. В 1921 году здесь проживало 18,5 тысяч жителей, а в 2022 – уже 166 тысяч, 88% которых – сербы, около 3% – цыгане. Исторический центр Земунa пережил все эти пертурбации сравнительно спокойно, продолжая жить своей жизнью (рис. 1).

Вспомним: мы живем на Земле. Она рождает холмы, реки, деревья, своих жителей и места их обитания. Земля – опора города, он стоит на ней, строится из нее, вбирает и хранит ее силу. «...Только поверхность, только тонкий слой оказывается местом жизни, творчества, мышления и самой философии. Это показывает география, а затем будет показывать и геофилософия: мысль осуществляется на поверхности земли. Приземление –

¹ Есть и альтернативная версия, согласно которой город назван в честь древнеславянского божества – священной коровы Земун, матери бога Велеса, богини плодородия, покровительницы пастухов и заблудших путников, которым она помогала найти верную дорогу. Впрочем, первоисточник сведений о «Небесной Короле Земун» – «Велесова книга» – большинством современных историков и лингвистов рассматривается как фальсификация.

< Рис. 1. а – Земун (внизу) и Белград (вверху) периода Османской империи на «Оттендорфовом» плане Земунa 1663 года [14]; б – Земун и Белград на Австро-Венгерской карте 1914 года. Красная линия – граница «Старого ядра Земунa»

^ Рис. 2. Панорама с Башни Тысячелетия на холме Гардош. На переднем плане – круглая башня Земунской крепости (конец XIV – начало XV века) – самое старое сохранившееся сооружение Земуна. На заднем плане – старый Белград. Фото автора. 2023

^ Рис. 3. «Главна» улица – пример «сплошного» морфотипа застройки – делит Старое ядро Земуна примерно пополам: на более коммерческую северо-восточную придунайскую и более жилую юго-западную части. Фото автора. 2023

вот что нужно философии» [3, с. 58]. И архитектуре – добавлю я от себя к словам геофилософа Максимилиана Неаполитанского.

Если город растет слишком быстро, на дрожжах эко-номики или химии урбанизации, он может потерять свою «земность». Есть, впрочем, города, или места в городах, которые как-то сберегают ее: прямо, будучи построенными в земле (например, удивительная пещерная Матера в итальянской Апулии) или из земли (глиняные Шибам в Йемене, Йезд в Иране); и метафизически – благодаря своим названиям (тут конкурент нашему герою, возможно, только один – маленький городок Earth (Земля) в Техасе с населением 900 человек). Побывав в них, можно вспомнить о первородных связях земля – город, город – земля. Постоять на земле.

В конце 2022 года я сдал в издательство рукопись книги про вернакулярные районы городов мира, над которой работал несколько лет. И вот 1 января 2023 года. Новый год. Новая земля. Новый захватывающий вид с высокой Башни Тысячелетия на вершине холма Гардош, вбирающий остатки средневековой крепости, живой город из маленьких домиков с красочерепичными крышами, высокие шпили храмов, большую реку и вдали – пока еще неведомый, необъятный Белград. Настоящий подорок. За что, зачем (рис. 2)?

Иосиф Бродский написал о своих ощущениях после «смены империи» («Колыбельная Трескового Мыса», 1975):

*...Я увидел новые небеса
и такую же землю. Она лежала,
как это делает отродясь
плоская вещь: пылась.*

Я увидел с Гардоша патину времени, гумусовый слой малой простой застройки, вернакулярную кожу Земли. И если, по определению Бернарда Рудовски, вернакуляр – это «архитектура без архитекторов», то здесь это еще и архитектура, построенная именно на земле, а иногда – и из нее.

О Земуне говорят: «Второй центр Белграда». Думаю, это не так. Еще говорят: «Город в городе». И это не так.

Он сам по себе. Да, его включили в границы югославской столицы в 1934 году – ну и что? До этого сотни лет он был отдельным, самостоятельным городом – такая субъектность легко не заканчивается.

Менялись правители. Менялись и жители, соответственно политическим переменам. Но что-то свое, прочное нарастало и оставалось... Имя города восходит к славянскому корню «зем» – земля. В нем – укорененность и возделанность. Не мрачная хтонь, но плодородная для культуры почва. Сначала тонкая, потом толще и толще. Одно из правил земунцев – стараться эту почву не срывать, не транжирить, а наращивать². «Городское» и «земское» обычно противопоставляют. А тут они сошлись – и взаимоусилились.

Земун довольно велик: население общины составляет около десятой части Белградской агломерации. Но все же, говоря о Земуне, все имеют в виду прежде всего его старый центр. Его собственный центр – а не «второй центр Белграда». Это важно.

Тут есть все, что городу нужно. Главный архитектурный символ – доставшаяся от венгров³ Башня Тысячелетия. Главная улица, что так и называется – Главна. Несколько небольших площадей – тротуаров. Храмы разных конфессий. Обширный любимый жителями Городской парк. Набережная – и не чего-нибудь – Дуная! – любимое место прогулок горожан и гостей. А когда-то здесь были и крупный порт, и таможня – факторы торгового процветания города на границе империй (рис. 3).

Старинное кладбище с миксом славянских, немецких и еврейских (в отдельном углу) памятников, и смесь языков тут – на каждом камне. Надгробьям дедушки и бабушки идеолога возвращения евреев на Землю обетованную Теодора Герцля добавили еще и английские пояснения – глобальное признание, что делать (рис. 4).

И есть слав домиков, построенных горожанами, – от простеньких, возможно глинобитных, хаток паннонского типа⁴ на склонах Гардоша – до «каталожных»⁵ одно- и двухэтажных соседей-собратьев на ровных участках центрального ядра, барочных особняков и эстетских щеголей ар-нуво начала XX века на главных улицах... А вот построек межвоенного и социалистического периода тут не так много – не они формируют среду и образ.

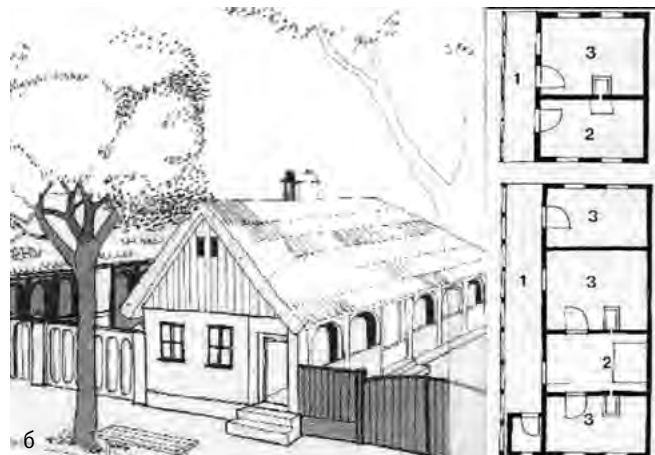
² Пожалуй, единственный альтернативный опыт – почти полное стирание памяти об османах. В Земуне сохранилось только одно здание османского периода – бывшая таверна «Белый медведь» (первая половина XVII века).

³ С 1867 по 1918 год Земун находился в границах Трансильвании – земель венгерской короны в составе двуединой Австро-Венгрии. Но венгры и ранее неоднократно владели этим краем, о чем свидетельствует имя главного городского холма (Гардош = славянский «град» + венгерский суффикс «-ош»).

⁴ Это характерные для области Воеводина, куда исторически входил Земун, дома типа «набиаче» (*nabijače* – дом из утрамбованной земли), с деревянным каркасом «бондрук», двумя окнами на фасаде и крытой продольной галереей – тремом, вытянутые вдоль длинного, перпендикулярного улице земельного участка. Воеводина – ныне автономный край Сербии, до 1918 года – в составе Габсбургской и затем Австро-Венгерской империй. Географически занимает часть Паннонской равнины (Среднедунайской низменности).

⁵ Дома, строившиеся бригадами мастеров-строителей по образцам из распространенных во второй половине XIX – начале XX века альбомов-каталогов «базовых» архитектурных проектов.

> Рис. 5. а – первый «росток» Земуна. Один из самых старых домов города типа «набияче» на улице Высокой. Фото автора, 2023; б – характерный традиционный дом паннонского (воеводинского) типа. Аксонометрия и планы. Вверху – малый дом; внизу – расширенный дом. 1 – трем; 2 – кухня; 3 – комната [4]

> Рис. 4. Еврейское кладбище. Надгробие Ривки-Ребекки Герцль, бабушки основателя политического сионизма Теодора Герцля. Надписи на иврите, немецком, сербском и английском языках. Фото автора. 2026

Разве что мощное здание командования югославских ВВС (архитектор Драгиша Брашован, 1935, ар-деко) прочно впечатывается в память (рис. 16).

И все это слито в разнообразное, вибрирующее историческими смыслами и деталями плотное живое средовое единство, и, кажется, именно поэтому сюда так хочется возвращаться и возвращаться, хоть город исхожен и сфотографирован не раз. Видимо, здесь есть что-то очень нужное мне. Земун притягивает. Притяжение земли, воистину.

Историк архитектуры Александра Дабичич в брошюре «Ар-нуво в историческом городском ядре Земуна» отмечает: «Понятие традиции – общая черта построек Земуна, означающая, что переход на более высокий уровень был медленным, и, следовательно, свойства старых зданий всегда сохранялись при их строительном развитии. <...> Архитектурное наследие исторического центра города Земуна характеризуется использованием традиционных строительных материалов, малым количеством типов домов, простотой пространственной организации, умеренным декорированием и общей культурной идентичностью <...> конструктивные решения и архитектурные композиции переносились из одного периода в другой с минимальными модификациями» [5].

Для Земуна характерно некоторое отставание во времени появления модных стилей по сравнению с более

экономически развитыми городами и регионами, одно-временное использование в пластическом оформлении одного и того же здания элементов стилей, принадлежащих различным архитектурным периодам. Так, «стиль ар-нуво преобладает редко – его элементы чаще встречаются в скрещении с элементами других стилей» [5].

Эти особенности земунского сецессиона (так называют здесь ар-нуво) унаследованы от практик прошлых эпох и связаны с периферийным положением Земуна, его удаленностью от крупных культурных центров, относительно скромными финансово-экономическими возможностями инвесторов, преемственностью мастерства местных строителей, традициями и духом преобладавшего здесь среднего класса. Поэтому такие качества можно отнести и к постройкам предшествующих, более vernacularных периодов.

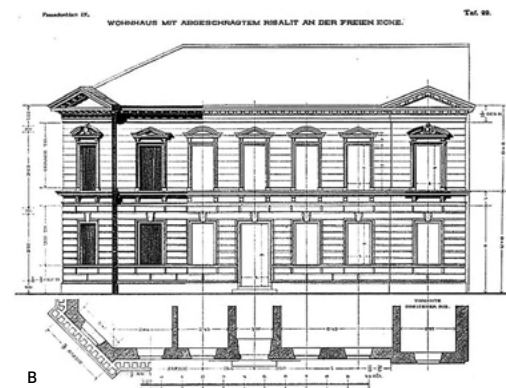
Размеренное, преемственное развитие характерно и в целом для «мягкой», по словам Андрея Шарого и Ярослава Шимова, Габсбургской, а потом Австро-Венгерской империи: «Неспешность и умеренность, особенно если судить мерками сегодняшнего дня, значились среди главных добродетелей габсбургского государства» [6, с. 236].

Старый Земун – урбанистическое отражение этой «неспешности и умеренности». Но вот о том, кто именно и каким образом построил такой «неспешный», «медленный» город, известно немного. Да, историки города пишут: «В конце XVIII века богатые жители Земуна строят свои дома по образцам европейской городской архитектуры, используя надежные материалы – кирпич, частично камень, и здания щедро украшаются балконами и декоративными фасадами» [7, с. 24], но где они берут эти образцы?

Изучая связанные с Земуном научные публикации, мне не удалось найти прямых ответов на важный для меня вопрос: кто и как создал земунскую среду?

Попробую предложить свои гипотезы.

Гипотеза первая: колонизированность. Забытая османская деревушка под руинами старой крепости в течение XVIII века становится вполне цивилизованным европейским городком. Габсбургская империя целенаправленно заселяла вновь обретенные земли своими

^ Рис. 6. а, б – вид из парадного бывшего дома сербской религиозной школы при Николаевской церкви (1902, Негошева улица, 41) на вернакулярный дом на противоположной стороне улицы. Фото автора (2023) с вмонтированным фрагментом таблицы 29 «Жилой дом со срезанным ризалитом на свободном углу» (Wohnhaus mit abgesträngtem Risalit an der freien Ecke) [11]. Авторская гипотеза; в – таблица 29 [11]

людьми. В случае Земуна, в 1746 году вошедшего в состав так называемой Военной границы, но уже в 1749 году получившего статус военной коммуны (свободного военного поселения), это были немцы-колонисты из Германии, занимавшиеся в основном торговлей и привлекавшие семей графов Шёнборн [8]. Они приносили с собой правила и практики привычной им городской жизни – и архитектуру.

И тут появляется **гипотеза вторая**: паттернизированность. Приемлемые образцы застройки прибывали сюда в головах поселенцев как образы (образцы, паттерны) «правильного дома» (например, тот же отдельно стоящий в дисперсном уличном фронте паннонский дом или примыкающий боковыми стенами к соседям условный домик из городка на юго-западе Германии, откуда происходит род Шёнборн), в гравюрах, увражах с видами родных мест и – позднее – в альбомах, каталогах готовых «пред-проектов» гражданских зданий.

Важность подобных книг архитектурных образцов (Pattern или Plan Books) для колонизируемых территорий Северной Америки отмечали многие исследователи. Так, Клодетт Стейджер пишет про архитектуру одного из американских штатов: «Большинство жилых домов в Теннесси <...> подпадают под категорию "вернакулярной архитектуры". Этот термин используется в широком смысле для описания форм жилищного строительства, включая "настоящие" или "народные" вернакулярные дома (*true or folk vernacular houses*), дома, имитирующие академические стили, и дома, возникшие в результате индустриализации и культурной стандартизации. <...> Зарождающийся средний класс мог полагаться на проекты, опубликованные в популярной прессе, журналах или книгах планов (*plan books*). Вместо элементов ручной работы их дома строились с использованием штампованного металла или литейных гипсовых форм. К началу XX века стандартизация размеров пиломатериалов, доступность каталогов стандартных столярных изделий и публикация каталогов планов домов облегчили вернакулярную интерпретацию традиционных академических стилей» [9]. А Джанет Фостер прямо вынесла этот тезис в название одной из своих работ: «Американская архитектура создана паттерн-буками» [10].

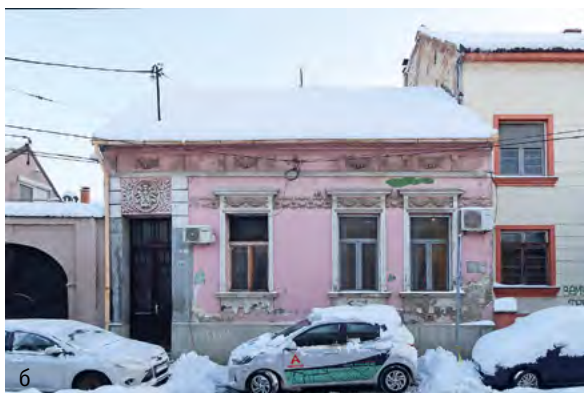
Скорее всего, так происходило и на окраинах Австро-Венгрии во второй половине XIX – начале XX века. Своих профессиональных архитекторов там тоже было немного (а поначалу не было вовсе), услуги далеких столичных зодчих – дороги. Так что предложить местной строительной бригаде выполненные по последней моде готовые несложные чертежи из каталога было вполне рациональным и эффективным решением.

Так, альбом «образцовых» проектов архитектора профессора Немецкой государственной торговой школы в Брюнне (Брно) Артура Браузеветтера «Книга строительных форм: строительные формы гражданских жилых домов», впервые изданный в Лейпциге 1895 году, был призван, согласно предисловию автора, «стать для начинающего практика, малоподготовленного строителя (*Bautechniker*), еще не разбирающегося во внешних формах строений, подспорьем при составлении рабочих чертежей, а также при самостоятельном проектировании. <...> Конечная цель – создать морфологию форм для практического применения <...> продемонстрировать начинающему строителю (*Baumeister*) процесс и решение тех или иных задач на нескольких примерах, в которых традиционные правила и законы формальной красоты настолько облегчат его работу, что он сможет выполнить ее без серьезных ошибок» [11]. Книга быстро стала бестселлером, неоднократно переиздавалась, в том числе и в России в 1904 году под названием «Архитектурные формы гражданских построек», и оказала немалое влияние на вернакулярную застройку такого города, как Гюмри [12, с. 288–290]. Хождение именно этого альбома в Земуне и других городах нынешней Воеводины мною пока не подтверждено, но подобные ему (и более ранние) альбомы просто должны были существовать и быть популярными. Более или менее состоятельный горожанин мог легко выбрать себе оттуда картинку/образ дома по средствам и по душе. Мастера-строители и городские архитекторы-чиновники «привязывали» эти эскизы к местным условиям, материалам и модным предпочтениям, добавляя любимые детали, а совокупность появившихся таким образом зданий составляла в итоге достаточно целостную построенную городскую среду (рис. 6).

Рис. 7. а – план пространственного культурно-исторического объекта «Старое ядро Земуна», признанного культурным достоянием высокой важности в 1966 году [13]; б – аксонометрия «Старого ядра Земуна» с показом наиболее ценных исторических гражданских зданий [13]

Рис. 8. а – «Каталожные» дома на набережной Освобождения, 25. На первом плане – памятник земунскому хроникеру Бранко Найхольду (1947–2016). Фото автора. 2025; б – Улица Караматина, 18. Нужен ли был архитектор для строительства такого дома при наличии «базовых» альбомных чертежей? Фото автора. 2026

Для показанных на аксонометрии пяти общественных зданий соотношение иное. Дело в том, что четыре из них (детский дом, здание Водного общества, Дом и школа Сербской православной общины, парходная пассажирская станция) были построены по проектам в 1907–1919 годы, когда привлечение архитекторов к выполнению социальных заказов стало делом обыденным. В этом ряду автор проекта не указан лишь для одного здания – Царинарницы (таможни) – постройки 1781 года.

Интересную информацию дает «Карта недвижимых культурных ценностей общины Земун», размещенная на сайте Института защиты памятников культуры города Белграда [13] (рис. 7). На ней выделено Старое ядро Земуна – историческая часть города площадью около 85 га, которая как «культурное и историческое целое

исключительного значения» в 1966 году была объявлена «охраняемой пространственной культурно-исторической единицей» и помещена под правовую защиту государства. На карте показано двенадцать самых ценных гражданских (в основном жилых, только одно производственное) зданий, в том числе десять в пределах ядра (одно из них утрачено) и два за его пределами. Из них только один дом в пределах ядра Земуна постройки 1911 года (дом Биндера) имеет указанного автора проекта (архитектор Франья Йенч). За пределами ядра один дом (1905, дом доктора Савы Недельковича) построен «по проекту неизвестного автора» и еще один (1910) – тоже по некоему проекту, ибо приведены его чертежи, но в аннотации этого не указано (сказано лишь, что дом «принадлежал инженеру Павле Хорвату, который в 1911 году составил новый план регулирования Земуна»).

Таким образом, большинство наиболее значимых гражданских исторических зданий Старого ядра Земуна не имеют установленных авторов-архитекторов. Этот вывод с большой вероятностью можно распространить и на остальную застройку ядра, которую по данному критерию вполне можно считать вернакулярной⁶ (рис. 8).

Анализ серии исторических планов Земуна, предложенный Александрой Дабижич, показывает: «Городское состояние Земуна конца XVIII века, зафиксированное в тогдашних планах, является результатом исторических социально-экономических условий, приведших к внезапному подъему города, превратившему его из деревни в ремесленный центр местного значения, а затем в город более широкого международного значения. Положение Земуна на полпути между Веной и Константинополем, в центре зерновых районов и в непосредственной близости от скотоводческих хозяйств Сербии, способствовало развитию торговли. <...> Земун был узлом развитой сети речного и сухопутного сообщения, посредством которого велась обширная торговля. Крупные судоходные реки Сава, Дунай, Тиса и Драва связывали его с Центральной Европой и Черным морем, а <...> приграничное положение с Сербией и связи с богатым Банатом позволяли ему напрямую контактировать с внутренними районами. Политика меркантилизма, проводившаяся в империи, шла на пользу земунской торговле, а развитые ремесла

^ Рис. 9. Планы Земуна 1780-го и «после 1909» года [14]. Красная линия – граница Старого ядра Земуна

^ Рис. 10. Синджеличева улица – одна из «рядовых» улочек старого города, сохранивших характерный для XVIII – первой половины XIX века дисперсный морфотип застройки. Фото автора. 2023

и торговля постоянно привлекали новое население. Экономические показатели того периода показывают устойчивый рост города и обогащение среднего класса. В конце XVIII века городская застройка Земуна, которая сегодня представляет собой старое ядро города, в основном была завершена и сформировалась как единое целое» [14] (рис. 9).

А затем, за век с небольшим, к началу XX века, произошла важная для облика города смена морфотипа застройки – от преимущественно дисперсного, с единственным зданием на парцелле, обращенным к улице узким фронтоном фасадом, – к преимущественно «сплошному», с главным домом, развернутым к улице длинной стороной, обращенным к ней скатом кровли, и периметральной застройкой двора, – такие здания формируют непрерывный, без промежутков фасад улицы (рис. 10, 11).

При этом на самых центральных и старых улицах (Главной, Господской, частично на нынешней улице Змай Йовина и Магистратской площади) второй морфотип сложился уже в конце XVIII века, но тогда они все же были исключениями. За следующий век к ним добавились такие центральные улицы, как Караматина, Бежанийска, Дубровачка и др.

Первые этажи зданий на них часто использовались и используются под общественные функции: кафаны-таверны, пекары-булочные, мясары – мясные лавочки, рестораны, бакалейные лавки, магазины книг и деликатесов. Но и преимущественно жилые улицы (Гундуличева, Орачка, Негошева) можно отнести к тому же пространственному типу – признаку развитого европейского города.

Впрочем, процесс смены дисперсных фронтов улиц сплошными не завершился и до сих пор, и на окраинах исторического ядра довольно часто можно встретить паннонские дома. Но появлялись и яркие спроектированные «взрывы». Кирпичным сталактитом высится над холмом Гардош 36-метровая Башня Тысячелетия, некогда – оптимистичный для венгров символ господства над территорией, сегодня – напоминание о ее сложном прошлом. Башня построена в 1896 году в ходе помпезного празднования тысячелетия венгерской государ-

< Рис. 11. а – Главная улица. Фото конца XIX века [7]; б – Господская улица. Фото конца XIX века [7]

ственности⁷, когда были возведены четыре «монумента тысячелетия» по четырем краям Паннонской равнины, заселенной венгерскими племенами в конце IX века. Три из них – памятные знаки на западе, севере и востоке (колонна Арпада в Девене, обелиск Тысячелетия в Нитре – оба в сегодняшней Словакии – и монумент Тысячелетия в ныне украинском Мукачево) – после окончания Первой мировой войны оказались на территории Чехословакии и были снесены. И только рачительные земунцы не стали ломать свою башню, отмечавшую самую южную точку «Великой Венгрии», и нивелировать символический ландшафт своего города ни в новом Королевстве сербов, хорватов и словенцев, ни в социалистической Югосла-

⁷ В рамках той же программы в Будапеште проложили первую в континентальной Европе линию метрополитена, выстроили в Буде Рыбацкий бастион, площадь Героев, громадный королевский дворец и многое другое [6].

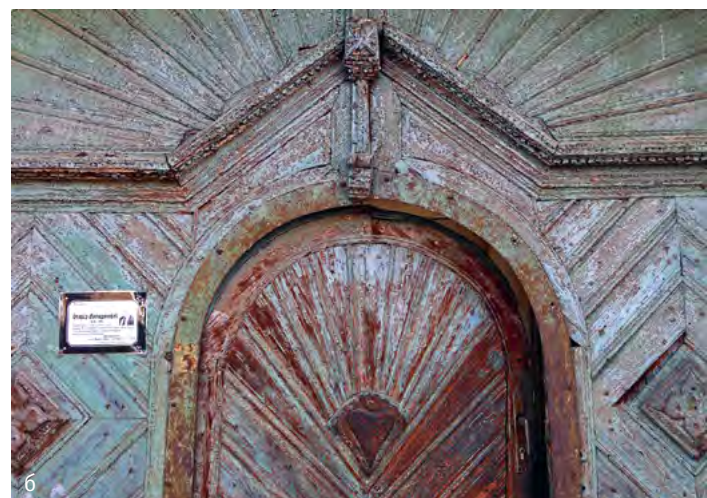
^ Рис. 13. Характерные детали. а – деревянные филенчатые ворота и двери. Здание на улице Караматина. Фото автора. 2024; б – деревянные ворота с накладным узором из реек в здании на Светосавской улице, 9, и объявление о кончине. Фото автора. 2025

> Рис. 12. Башня Тысячелетия (Кула Гардош). Вид с севера. Фото автора. 2026

вии. Как же они были правы! Это единственное здание среди «монументов», прекрасно видимое из белградского Калемегдана, стало символом не только Земуна, но и всего Белграда – вот уж о чем не мечтали придумавшие его венгерские националисты. Немаловажно, что земунцы его одомашнили, назвав «Кулой (башней) Гардош» и одновременно «Башней Янко Сибинянина» в честь национального сербского героя XV века, борца против турок, умершего в той самой крепости, на руинах которой башня была построена⁸ (рис. 12).

⁸ Впрочем, в Венгрии этого человека называют Яношем Хуньяди и считают значимым венгерским военным и политическим деятелем. История Земуна поистине мультикультурна.

И все же интересней для меня повседневная, обыденная городская среда. Важны характерные детали, на которые постепенно настраивается глаз при неспешных прогулках и которые напоминают: ты в Земуне (и в Воеводине – это общерегиональные паттерны). Таковы деревянные ворота арок-проездов во внутренние дворы: победнее – с фигурной раскладкой облицовочных планок, побогаче – резные филенчатые. Или – остекленные входные двери с коваными железными решетками и фрамугами, и лучше всего они выглядят на просвет, изнутри парадных, а в парадные в Земуне можно заходить (рис. 13). Или – так называемые кибицфенстеры (от немецких *kiebitz* – «наблюдать, с любопытством смотреть, поглядывать на чужие карты» и *Fenster* – «окно»), большие эркеры и маленькие окошки-эркерочки, выступающее из здания так, чтобы через них можно было видеть больше, чем через обычные окна. Считается, что в давние времена, когда девушкам без сопровождения не разрешалось выходить на улицу, это был способ увидеть многое, оставаясь незамеченным. Перекрестки улиц часто отмечены большими эркерами на вторых этажах скошенных углов зданий – таков, например, деревянный балкончик на одинокой колонне в доме на углу Дубровачкой и Светосавской улиц (рис. 14б).

И если с именованьем больших эркером кибицфенстерами согласны не все местные эксперты, то уж для маленьких оконных выступов этот термин используется без вопросов. Они – безошибочный маркер любого исторического города Воеводины (рис. 14а).

А есть и детали совсем земные, природные, как поставленный на охрану памятник природы 3-й категории «Виноградная лоза в Земуне» (возраст не менее 130 лет) – куст винограда во дворе на Господской, 4. И еще – город до сих пор разговаривает на многих языках. Литовский поэт Томас Венцлова, вспоминая русского философа Михаила Бахтина, так описывал родной город: «...Вильнюс времен юности Бахтина был живым примером гетероглоссии, а этот феномен стал краеугольным камнем его теории. Гетероглоссия, или скрещивание различных языков, культур и сословий, для Бахтина была идеальным состоянием, которое обеспечивает постоянную интеллектуальную и культурную революцию,

а

б

Рис. 14. а – малый кибицфенстер (средство горизонтальной коммуникации жителей) и характерная филенчатая дверь на Масариковом тргу. Фото автора. 2023;
б – угловой кибицфенстер на углу улиц Дубровачка и Светосавска. Два средовых акцента – локальный и городской. Фото автора. 2025

защищающую то или иное общество от "единственного верного языка" или "официального языка", от застоя и оцепенелости мысли» [15, с. 18].

В центре Земун в двух шагах друг от друга мы видим немецкую надпись на доме по ул. Главной, 18, извещающую о проживании в нем высочайших особ («Здесь остановились Их Милостивейшие Величества Император Франц I и Императрица Каролина по случаю своего радостного прибытия 17 октября 1817 года»); надпись на латыни над входом в дом по ул. Господской, 6, маркированный 1792 годом (ее можно расшифровать как «Это здание, обращенное в пепел, с Божьей помощью и стараниями его владельца вновь воздвигнуто»); сербскую надпись Kod riža («Под улиткой») над пекарней «Петрович» на Большой площади (Велики трг) и много-много других; эпитафии на иврите на еврейском кладбище. И надписи на тайном языке-сленге, еще одном атрибуте живого вернакулярного города. Это «шатровацкий говор», построенный на перестановке слогов. Так, граффити Мунзе хоће конза означает «Земун хочет закон», а название ресторана MOON. ZE обыгрывает не только луну, но и имя города.

Томас Венцлова глубоко сожалел, что в его Вильнюсе эта гетероглоссия утрачена. Кажется, что в Земуне, при всех трагедиях Второй мировой войны⁹, она, хотя бы на уровне урботекста, сохраняется.

И еще есть спокойная собственная городская жизнь. Новогоднее гуляние вокруг временного катка на главной площади, бурлящий рынок на соседней площади Масарика (Масариков трг) (помимо «глобальных» фруктов и овощей – дунайско-савская рыба, народная вышивка, традиционные сухие дубовые ветки к Рождеству...). Замечательный ресторанчик «Претоп» с совершенно вернакулярным набором земных блюд: томленая поросятина, острая маринованная капуста, свежий домашний хлеб, сербское игристое – и ничего больше, да и не нужно. Дружественная людям и собакам кофейня «Фука» неподалеку... (рис. 15).

Земунцы, выходящие на Главной из автобуса из Белграда, выпивающие рюмочку ракии у уличных киосков, неспешно беседующие в кафе, дарящие в Новый год женам мимозы на Великом тргу. Сонмы лебедей на Дунае («Кормить салатом и ни в коем случае хлебом!»).

Наконец, сам Дунай, могучий, неспешный, отметившийся на берегу старым круглым швартовочным камнем...

И дунайский ветер. Такой-то пару раз в год всякую пыль сдувает. Не запылишься.

И вот тут, наконец, при всей метафоричности и ненаучности этого выражения, мне хочется сказать, что у этого города есть душа, и назвать эту статью по-английски Zemun. Soil and soul («Земун. Земля и душа»).

А на исходный вопрос «зачем?» ответить словами словами одной российской поэтессы из стихотворения о человеке, подводящем невеселые итоги жизни: «...но все это неважно, ибо мной бог прикасался к нежности земной, исследовал поверхность мирозданья и хохотал, поскольку тут чудно. Я все воспею, что было мне дано: одно вот это дали мне заданье».

Для само-идентичности города важно и то, что вернакулярный Земун отделен от уже почти невернакулярного старого Белграда совершенно невернакулярной средой – «стеной» огромных кварталов-«блоков» Белграда Нового, возникшего, по словам архитектора Радмилы Симонович, из «смеси модернистского видения и социалистического планирования». Этот контраст малого рукотворного и гигантского «машинного-для-жилья» придает старому Земуну особую трепетность (рис. 16).

Итак, Земун – результат долговременного горизонтального, ризоматического взаимодействия-сотворчества,

⁹ Во время немецко-хорватской оккупации 1941–1944 годов были уничтожены почти все евреи. После освобождения проводились жестокие репрессии уже против немецкого населения. «Некоторые были расстреляны просто потому, что они были немцами», – пишет в своем блоге журналистка Наташа Илич под ником Sultanija в материале «Голгофа одного города» (2018). Затем большинство немцев безвозвратно покинули Земун.

Рис. 15. Мирная беседа земунцев в кофейне «Фука» близ Масарикова трга. Фото автора. 2025

> Рис. 16. Земун и Белград: четыре эпохи. Главная улица, башня здания командования югославских ВВС (архитектор Драгиша Брашован, 1935), бетонные высотки блока 9 Нового Белграда. На заднем плане – небоскребы района Белград на воде на набережной реки Савы в Старом Белграде. Фото Ильи Иванова. 2024

или, как называет подобные явления американский философ Донна Харауэй, «симпозиса» [3, с. 145].

У живого вернакулярного города, ценность которого к тому же признана обществом, есть время на такую козволюцию, когда в медленном последовательном развитии успевают взаимоприиспособиться, как бы прорасти друг в друга, здания, земля, люди-жители, их дела и творчество...

Реальный Земун с его множеством обычных проблем небогатого постсоциалистического города, конечно, далек от утопического Терраполиса той же Харауэй, в концепте которого объединены «забота, симбиоз и устойчивое существование в гармонии с землей и ее обитателями» [3, с. 147]. Но об идее Терраполиса уместно вспомнить именно здесь.

Мою догадку о важности местной земли подтверждает Магрис Клаудио: «История, прошлое Белграда [вспомним, что Земун – его часть. – А. И.] живут не столько в немногочисленных сохранившихся памятниках, сколько в невидимом глазу субстрате, образованном эпохами и цивилизациями, подобными упавшим на землю и сгнившим листьям, питательной почве, у которой много составляющих, много слоев, – в эту почву уходит корнями многоликий, непрерывно обновляющийся город, который местная литература нередко рисовала как место постоянных метаморфоз.

В Белграде внук дунайской империи должен чувствовать себя внутри границ собственной души, чувствовать себя как дома» [16, с. 511].

Я – внук другой империи, чужеземец, но в Земуне, как и в некоторых местах старого Белграда (по крайней мере об одном из них, загадочной Савамале, я хотел бы еще рассказать на страницах ПБ), мне почти как дома... (рис. 17).

А этот рассказ закончу печальной аналогией. В интернете легко найдется фильм «Земун»¹⁰ (2022). Он не о Сербии – о России, и назван по имени упомянутой в начале мистической Небесной Коровы. У гроба пастуха – хозяина коровьего стада, мешавшего пришлому бизнесменам «осваивать территорию», – старушка-знахарка вспоминает: «Раньше пастухи долго жили. А когда умирали, за ними корова приходила. Земун – так ее

звали». Сыну же пастуха, приехавшему из города на его похороны – все продать и никогда больше сюда не возвращаться, почти ничего хорошего о своей земле не вспоминается. В борьбу с ее врагами он все же ввязывается, но, скорее всего, лишь во сне. И вот вроде бы давно покорена и освоена эта плодородная черная земля, люди веками кормятся с нее, обустривают... Но наступает век XXI, появляется анти-гений места, ушлый предприниматель, местные жители отдают ему все ради сиюминутной выгоды – и нет уже у них никакой «своей» земли, ибо почти ни у кого нет к ней причастности. Все по новой – кровь, огонь, подавление, пыль... Ре-колонизация старой земли новыми чуждыми ей хозяевами.

В настоящем Зему́не все не так, к счастью.

Литература

1. Дайкхофф, Т. Эпоха зрелища. Приключения архитектуры и город XXI века. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2023. – 356 с.
2. Капор, М. Магия Белграда / Пер. с серб. В. Мартыновой, А. Ростокиной. – Белград : Књига Комерц, 2025. – 348 с.
3. Неаполитанский, М. Кто придумал землю? Путеводитель по геофилософии от Делёза и Деррида до Агамбена и Латура. – Москва : АСТ, 2025. – 320 с.
4. Seoska narodna kuća u Vojvodini // Naš dom. – 1981. – N 6 (June '81), vol. 15. – URL: <https://www.calameo.com/books/00038177694afc5a704eb> (дата обращения: 05.03.2026).
5. Dabižić, A. Art Nouveau in the Historic Urban Core of Zemun : Exhibition Brochure. – Belgrade : Cultural Heritage Preservation Institute of Belgrade, 2017. – 26 p.
6. Шарый, А., Шимов, Я. Корни и корона. Очерки об Австро-Венгрии: судьба империи. – Москва : Колибри, 2011. – 448 с.
7. Вицић, С. Земун: водич кроз епохе. – Београд : Атеље Вицић, 2018. – 55 с.
8. Живот у старом Земуну // Политика. – 08.02.1935. – С. 11. – URL: https://digitalna.nb.rs/wb/NBS/Periodika/SD_2F6F6602455A67B1B521D786232CBF4A/1935/02/08?pageIndex=00011 (дата обращения: 05.03.2026).
9. Stager, C. Vernacular Domestic Architecture // Tennessee Encyclopedia. – URL: <https://tennesseencyclopedia.net/entries/vernacular-domestic-architecture/> (дата обращения: 05.03.2026).
10. Foster, J. W. Pattern Books Create an American Architecture // Garden State Legacy 9. September 2010. – URL: <https://www.yumpu.com>

¹⁰ «Мистический неове-стерн» (по определению его создателей – режиссера Эдуарда Жолнина, продюсера Алексея Учителя) посвящен конфликту слабеющей местной традиции и агрессивного «внутреннего неокolonизма» в условном российском Черноземье.

com/en/document/view/33007924/pattern-books-create-an-american-architecture-garden-state-legacy (дата обращения: 05.03.2026).

11. Brausewetter, A. Das Bauformenbuch: Die Bauformen des bürgerlichen Wohnhauses. – Zweite vermehrte Auflage. – Leipzig : Seemann, 1898.

12. Иванов, А. Архитектура без архитектора. Вернакулярные районы городов мира. – Москва : Слово, 2023. – 320 с.

13. Staro jezgro Zemuna. – URL: <https://beogradskonasledje.rs/мапа-земун> (дата обращения: 06.02.2026).

14. Дабижић, А. М. Значај картографских извора за проучавање развоја Земунa // Грађа за проучавање споменика културе Војводине. – Нови Сад, 2014. – С. 125–141. – URL: https://www.academia.edu/90389347/Просторна_културно_историјска_целина_Стари_центар_Врањева_у_Новом_Бечеју (дата обращения: 05.03.2026).

15. Венцлова, Т. Вильнюс: город в Европе / Пер. с лит. М. Чепайтите. – Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха, 2012. – 264 с.

16. Клаудио, М. Дунай. – Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха, 2016. – 632 с.

References

Brausewetter, A. (1898). *Das Bauformenbuch: Die Bauformen des bürgerlichen Wohnhauses*. Zweite vermehrte Auflage. Leipzig: Seemann.

Dabizhich, A. M. (2014). Znachay kartografskich izvora za prouchavanje razvoja Zemuna [The importance of cartographic sources for studying the development of Zemun]. *Gradzha za prouchavanje spomenika culture Vovvodine*. XXVII. Novi Sad, 125–141. Retrieved March 05, 2026, from https://www.academia.edu/90389347/Просторна_културно_историјска_целина_Стари_центар_Врањева_у_Новом_Бечеју

Dabizic, A. (2017). *Art Nouveau in the Historic Urban Core of Zemun: Exhibition Brochure*. Belgrade: Cultural Heritage Preservation Institute of Belgrade.

Daykchoff, T. (2023). *Epocha zrelischa. Priklyucheniya architektury i gorod XXI veka [The Age of Spectacle: Adventures of Architecture and the 21st-Century City]*. M.: Ad Marginem Press.

Foster, J. W. (2010). *Pattern Books Create an American Architecture. Garden State Legacy*. YUMPU. Retrieved March 05, 2026, from <https://www.yumpu.com/en/document/view/33007924/pattern-books-create-an-american-architecture-garden-state-legacy>

Ivanov, A. (2025). *Arhitektura bez arhitekтора. Vernacularnye rayony gorodov mira [Architecture without an Architect: Vernacular Districts of Cities Around the World]*. M.: Slovo.

Kapor, M. (2025). *Magiya Belgrada [The Magic of Belgrade]* (V. Martynova, A. Rostokina, Trans.). Belgrad: Kniga Komerz.

Klaudio, M. (2016). *Dunay [Danube]*. Spb.: Izdatelstvo Ivana Limbacha.

Neapolitanskiy, M. (2025). *Kto pridumal zemlu? Putevoditel po geofilosofii ot Deleza i Derrida do Agambena i Latura [Who Invented the Earth? A Guide to Geological Philosophy from Deleuze and Derrida to Agamben and Latour]*. M.: Izdatelstvo AST.

Seoska narodna kuća u Vojvodini (1981). *Naš dom, XV(6)*. ČGP. Večer, Maribor. Retrieved March 05, 2026, from <https://www.calameo.com/books/00038177694afc5a704eb>

Sharyy, A., & Shimov, Ya. (2011). *Korni i korona. Ocherki ob Avstro-Vengrii: sudba imperii [Roots and Crown. Essays on Austria-Hungary: The Fate of an Empire]*. M.: KoLibri.

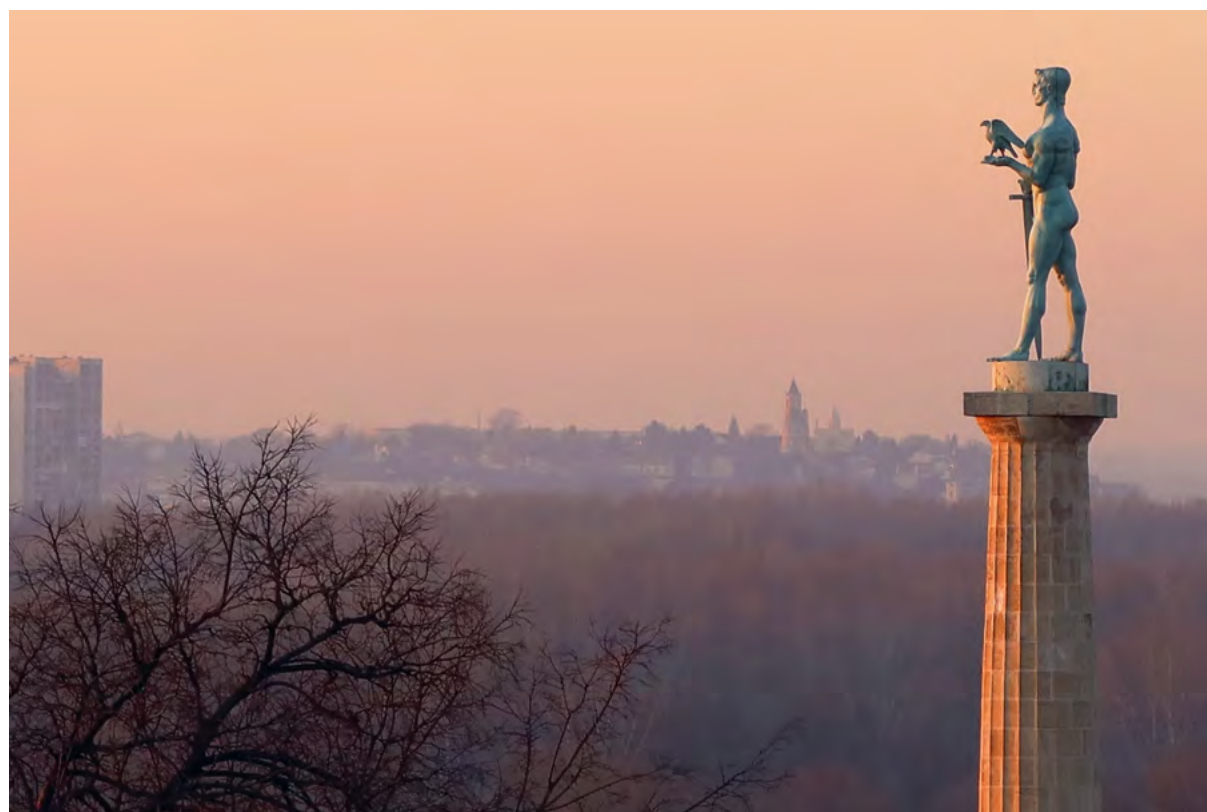
Stager, C. (n.d.). Vernacular Domestic Architecture. *Tennessee Encyclopedia*. Retrieved March 05, 2026, from <https://tennesseencyclopedia.net/entries/vernacular-domestic-architecture/>

Staro jezgro Zemuna. (n.d.). Retrieved February 06, 2026, from <https://beogradskonasledje.rs/мапа-земун>

Venzlova, T. (2012). *Vilnyus: gorod v Evrope [Vilnius: A City in Europe]* (M. Chepaytite, Trans.). Spb.: Izdatelstvo Ivana Limbacha.

Vitsich, S. (2018). *Zemun: vodich kroz epoche [Zemun: a guide through the ages]*. Beograd: Atelie Vitsich.

Zhivot u starom Zemunu [Life in old Zemun] (1935, February 8). *Politika*, 11. Retrieved March 05, 2026, from https://digitalna.nb.rs/wb/NBS/Periodika/SD_2F6F6602455A67B1B521D786232CB-F4A/1935/02/08?pageIndex=00011

< Рис. 17. Вид на Земун и Башню Тысячелетия от памятника Победителю в белградской крепости Калемегдан. Фото автора. 2023

В статье рассматривается клуатр аббатства Мон-Сен-Мишель как средневековое архитектурное пространство, в котором геометрия, символизм и материальность создают мощный образ наследия. С помощью исторического обзора и пространственного анализа объясняется, как архитектурная форма выражает религиозную идеологию и культурную идентичность. В исследовании утверждается, что эти многослойные значения выходят за рамки религиозной функции, формируя восприятие посетителей и укрепляя неизменную туристическую привлекательность аббатства как мировой культурной достопримечательности.

Ключевые слова: клуатр; Мон-Сен-Мишель; готическая архитектура; пространственная символика; культурная идентичность; культурный туризм. /

This article examines the cloister of Mont-Saint-Michel Abbey as a medieval architectural space in which geometry, symbolism, and materiality construct a powerful heritage image. Through historical review and spatial analysis, the study interprets how architectural form expresses monastic ideology and cultural identity. The research argues that these layered meanings extend beyond religious function, shaping visitors' perception and reinforcing the abbey's enduring touristic appeal as a global cultural landmark.

Keywords: cloister; Mont-Saint-Michel; Gothic architecture; spatial symbolism; cultural identity; heritage tourism.

Клуатр Мон-Сен-Мишель: архитектурное и культурное исследование / Mont-Saint-Michel Cloister: architectural and cultural study

text

Анас Атеф Шамайлех
Частный университет
прикладных наук
(Иордания)

Фердоус Альнатшех
Частный университет
прикладных наук
(Иордания)

text

Anas Atef Shamaileh
Applied Science Private
University (Jordan)

Ferdous Alnatsheh
Applied Science Private
University (Jordan)

Вступление

Аббатство Мон-Сен-Мишель, расположенное на небольшом скалистом острове в Нормандии (Франция), является объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО и одним из самых посещаемых памятников страны.

Основанный в XII веке и завершённый в XVI веке комплекс аббатства включает в себя монастырь, который исторически служил местом для богослужений, медитации и общения. Сегодня и аббатство, и его монастырь представляют собой важную культурную, историческую и туристическую достопримечательность.

В исследовании дается интерпретация исторического развития клуатра, его архитектурных особенностей, символических ценностей и культурной роли. Клуатр – это не просто функциональное монастырское пространство, но и символическая культурная конструкция, пространственное расположение, эстетический порядок и экологический контекст которой в совокупности формируют

образ наследия, укрепляющий идентичность аббатства как глобального туристического объекта.

Помимо своего исторического значения, Мон-Сен-Мишель функционирует как пространственный нарратив, где архитектура является посредником между средневековыми системами верований и современным культурным потреблением. Расположенный на границе внутренней монашеской жизни и окружающего морского ландшафта, клуатр дает возможность понять эту трансформацию.

Задачи исследования

В задачи исследования входит архитектурное описание клуатра аббатства Мон-Сен-Мишель в настоящее время, анализ климата и геометрических планов, эстетических и символических ценностей монастыря, функциональный и описательный анализ колонн, арок, украшений, полов, крыши, окон, цвета, монастырского сада, а также целей строительства монастыря в аббатстве.

Методология

В исследовании используется аналитико-интерпретативная методология для изучения клуатра аббатства Мон-Сен-Мишель как культурного и архитектурного феномена. Вместо простого описания места в исследовании рассматривается пространственная организация, структурные элементы и композиционные узоры как выражение монашеской идеологии, символического значения и культурной идентичности.

Анализ включает три взаимосвязанных уровня:

1. Архитектурно-пространственный анализ: исследуются планировка, циркуляция, колоннады, арки и световые дорожки; объясняется, каким образом форма, ритм и пропорции передают символические и функциональные послания.
2. Историко-культурная контекстуализация: учитывая, что клуатр построен в XII–XVI веках, прослеживается переход от средневековых теологических к гуманисти-

< Рис. 1. Аббатство Мон-Сен-Мишель. Фото Сильвиан Верлейн, Wikimedia Commons / Fig. 1. Mont-Saint-Michel. Source: Photograph by Sylvain Verlain, via Wikimedia Commons (https://commons.wikimedia.org/wiki/File:L'Abbaye_du_Mont-Saint-Michel_vue_du_ciel.JPG)

Introduction

Mont-Saint-Michel Abbey, located on a small rocky island in Normandy, France, is a UNESCO World Heritage Site and one of the country's most visited monuments.

Established in the 12th century and completed in the 16th century, the abbey complex includes a cloister, historically serving as a monastic space for worship, meditation, and circulation. Today, both the abbey and its cloister constitute a significant cultural, historical, and touristic landmark.

This study interprets the cloister's historical development, architectural features, symbolic values, and cultural role. The cloister is not merely a functional monastic space but a symbolic cultural construct whose spatial arrangement, aesthetic order, and environmental context collectively form a heritage image that reinforces the abbey's identity as a global tourist destination.

Beyond its historical importance, Mont-Saint-Michel functions as a spatial narrative where architecture mediates between medieval belief systems and contemporary cultural consumption. Positioned at the threshold between interior monastic life and the surrounding maritime landscape, the cloister offers a lens to understand this transformation.

Objectives of the Study

Providing an architectural description of the abbey cloister at the present time, an analysis of its climate and geometric plans of the

cloister, an analysis of the columns, the aesthetic and symbolic values of the cloister of Mont-Saint-Michel Abbey, and a functional and descriptive analysis of: columns, arches, decorations, floors, roofs, windows, colors, cloister garden, and the objectives of building the cloister in the abbey.

Methodology

This study adopts an analytical-interpretive methodology to investigate the cloister of Mont-Saint-Michel Abbey as a cultural and architectural phenomenon. Rather than purely describing the site, the research examines the spatial organization, structural elements, and compositional patterns as expressions of monastic ideology, symbolic meaning, and cultural identity.

The analysis integrates three interconnected layers:

1. Architectural–Spatial Analysis: Examines the layout, circulation, colonnades, arches, and light paths, interpreting how form, rhythm, and proportion convey symbolic and functional messages.

2. Historical–Cultural Contextualization: Situates the cloister within its 12th–16th century construction, tracing the transition from medieval theological centrality to early modern humanistic perspectives, and highlighting its architectural manifestation of these cultural shifts.

ческим взглядам раннего Нового времени и то, как его архитектура отражает эти культурные сдвиги.

3. Туристическая и символическая интерпретация: исследуется, как эстетические, геометрические и символические качества клуатра способствуют его непреходящей привлекательности в качестве туристического направления и объекта живого наследия, увязывая физический дизайн с восприятием посетителей и актуальностью в современной культуре.

Источники данных включают архивные записи, научную литературу, документацию ЮНЕСКО, архитектурные планы и визуальную документацию, что позволяет всесторонне интерпретировать монастырь как многослойный культурный текст.

Пространственный анализ

Аббатство находится в регионе Нормандия, в 10 километрах от побережья Франции, а гора расположена у северо-западного побережья Франции в устье реки округа Авранш, откуда на остров можно попасть по мосту длиной 3000 футов (Architects, 2015) (как показано на рис. 2).

Климатический анализ

1. Климат.

Климат в Сен-Мишеле умеренный, дневные температуры колеблются от 9°C в январе до 23°C в августе. Самые высокие ночные температуры наблюдаются в августе (14°C), а самые низкие – в феврале (3°C). Самым засушливым месяцем является июль, где дожди в среднем идут всего 8 дней; напротив, месяцем с наибольшим количеством осадков является ноябрь с 14 дождевыми днями (Climate, 2022).

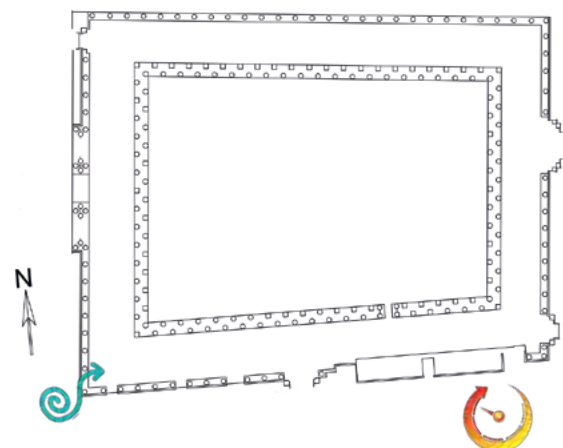
2. Движение солнца и ветра в монастыре.

А) движение ветра.

Преобладающие ветры дуют с запада, их скорость колеблется от 2,2 до 15,6 миль в час, а порывы достигают 24,5 миль в час. Украшение монастыря подвергается влиянию ветров, дующих с моря: есть группа декоративных элементов, которые были стерты из-за воздействия на них ветров (WINDY. APP, 2024).

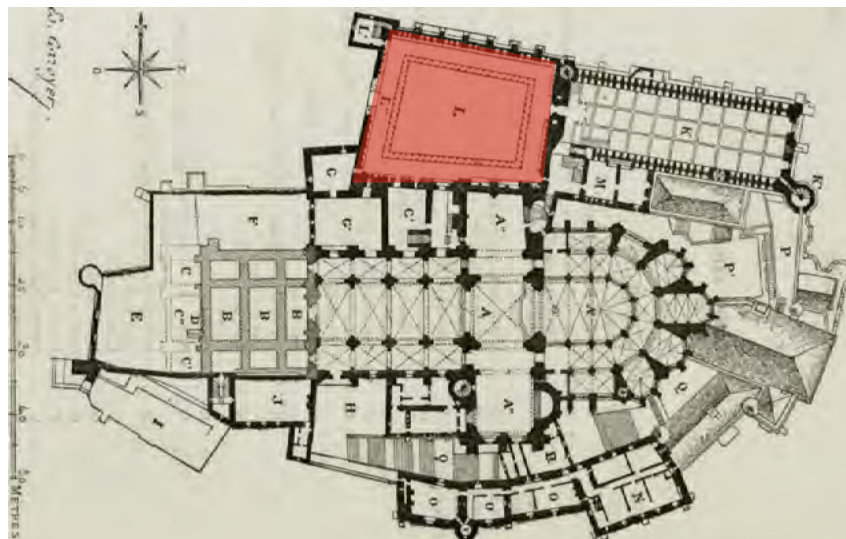
Б) движение солнца.

Движение солнца определяется в направлении на север: поднимаясь, оно освещает обеденные залы или спальни монахов. В дневное время освещение

< Рис. 2. Траектория движения солнца и направление ветра на плане. Перерисовано авторами на основе официального сайта Мон-Сен-Мишеля / Fig. 2. Sun path and wind direction on the plan. Redrawn by the author based on Le Mont-Saint-Michel Official Website (<https://www.le-mont-saint-michel.org/cloitre04.htm>)

v Рис. 3. План аббатства и клуатра. Красный прямоугольник – расположение плана клуатра / Fig. 3. The plan of the abbey and the cloister. The red box is the location of the cloister plan (https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Description_de_l%27abbaye_du_Mont_Saint-Michel_et_de_ses_abords_-_pr%C3%A9sent%C3%A9_d'une_notice_historique_%281877%29_%2814803901963%29.jpg)

3. Touristic and Symbolic Interpretation: Explores how the cloister's aesthetic, geometric, and symbolic qualities contribute to its enduring appeal as a tourist destination and a living heritage site, linking physical design with visitor perception and contemporary cultural relevance.

Data sources include archival records, scholarly literature, UNESCO documentation, architectural plans, and visual documentation, enabling a comprehensive interpretation of the cloister as a layered cultural text.

Spatial Analysis

The abbey is located in the Normandy region, 10 kilometers from the coast of France, and the mountain is located from the northwestern coast of France at the mouth of the queen Aphranch River, where the island can be reached by a bridge with a length of 3000 feet (Architects, 2015) (as shown in figures 2).

Climatic Analysis

1. The Climate:

The climate in Saint-Michel is moderate, with daytime temperatures ranging from 9°C in January to 23°C in August. The highest night temperatures can be experienced in August with 14°C, and the lowest temperatures in February with 3°C. The driest month is July, with

only 8 days of rain; on the contrary, the month with the most rain is November, with 14 days of rain (Climate, 2022).

2. Movement of the Sun and Wind in the Cloister:

a. Wind Movement:

The prevailing winds are from the west, with speeds ranging between 2.2 and 15.6 miles per hour, with gusts reaching 24.5 miles per hour. The decorations in the cloister were affected by the movement of the winds coming from the sea, as there is a group of decorations that were erased due to their influence by the winds (WINDY. APP, 2024).

b. Sun Movement:

The movement of the sun is determined based on the direction to the north, as it rises towards the dining halls or the monks' dormitories. It passes through the cloister during daylight hours, and it reaches its peak when it reaches the southern side of the cloister; it sets towards the large window in the west, so its sunset can be seen from the sea through the window.

Sun path and wind direction can be seen in figure 2.

Analysis of Plans

The abbey consists of three floors, and the cloister is on the third floor, which is a passage between the internal voids of the abbey, such as: the kitchen, the dormitory, the library, and the workshops. The

проходит через клуатр и достигает своего пика в южной стороне. Заход солнца виден из большого окна на западе (траекторию солнца и направление ветра можно увидеть на рис. 2).

Анализ планов

Аббатство состоит из трех этажей. На третьем находится клуатр, который представляет собой проход между внутренними помещениями аббатства: кухней, спальней, библиотекой и мастерскими. Клуатр расположен на северной стороне аббатства; он считается одним из старейших зданий в аббатстве и состоит из внутреннего двора без крыши, окруженного стройными мраморными колоннами, расположенными в два ряда (Muhammad, 2012) (это показано на рис. 3).

1. План клуатра

В плане клуатр представляет собой неправильный четырехугольник, его общая площадь составляет приблизительно 588 м², он состоит из четырех коридоров. Южный коридор соединен с аббатством старыми дверями,

которые были восстановлены в XII веке. Коридор на восточной стороне соединен со спальней, а северный коридор выходит на море маленькими низкими окнами; клуатр состоит из небольших узких перекрывающихся арок и колонн (Cloister, 2012).

2. Фасады клуатра

На рис. 4 показан северный фасад клуатра с окнами.

3. Размеры для планов клуатра и портиков

Площадь клуатра приблизительно 335,6 м².

Площадь четырех портиков: площадь всего плана минус площадь клуатра, $588 \text{ м}^2 - 335,6 \text{ м}^2 = 252,4 \text{ м}^2$.

Каждая сторона клуатра отличается по размерам из-за неправильной формы основного плана. В дополнение к портикам:

А) длина в плане:

Северная сторона 26,8 м, южная сторона 26,7 м, восточная сторона 21,4 м и западная сторона 22,5 м, как показано на рис. 16.

Б) длина клуатра со стороны портика:

Северная сторона 21 м, южная сторона 20,9 м, восточная сторона 15,6 м, западная сторона 16,6 м (это показано на рис. 7 и 8).

В) площадь портика от стены аббатства до края клуатра:

Северная сторона 2,9 м, южная сторона и правая сторона 3 м / левая сторона 2,8 м, восточная сторона 2,9 м, западная сторона 2,9 м (это показано на рисунке 19).

4. Анализ колонн

Гениальность архитекторов аббатства проявляется в том, что они расположили колонны ступенчато; они образуют серию тройных элементов, которые легче выдерживают вес свода. Эти колонны были отреставрированы в конце XIX века архитектором Эдвардом Курье (Cloister, 2023).

А) количество колонн:

В клуатре 137 колонн. Количество колонн указывает на символические коннотации, а именно (Michel, 2023):

цифра 1 – символизирует гору Сен-Мишель, которая, согласно верованиям монахов и архитекторов той эпохи, была первой землей, созданной Богом, и была она создана на третий день, а на седьмой день Бог отдыхал;

в Рис. 4. Клуатр аббатства Мон-Сен-Мишель. Фото Зайрон, Wikimedia Commons / Fig. 4. Cloister of Mont-Saint-Michel Abbey. Source: Photograph by Zairon, via Wikimedia Commons (https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Le_Mont-Saint-Michel_Abbaye_de_Mont-Saint-Michel_Clo%C3%A9tre_05.jpg)

cloister is located on the northern side of the abbey; it is considered one of the oldest buildings in the abbey, and it consists of an unroofed courtyard surrounded by slender marble columns distributed in two rows (Muhammad, 2012) (Figure 3 shows this).

1. Cloister Plan:

The plan of the cloister is an irregular quadrilateral, and its total area is approximately 588 square meters, and it consists of 4 corridors surrounding the cloister. The southern corridor is connected to the abbey and the old doors that were restored in the twelfth century. The eastern side of the corridor is connected to the dormitory, and the northern side of the corridor overlooks the sea through small, low windows; the cloister consists of small, narrow, overlapping arches and columns (Cloister, 2012).

2. Cloister Facades:

Figure 4 shows the northern facade of the cloister, which contains windows.

3. Measurements for the Cloister and Portico Plans:

Cloister area = approximately 335.6 square meters.

The area of the four porticos: the area of the entire plan - the area of the cloister

$588 - 335.6 = 252.4$ square meters

Each side of the cloister differs in measurements due to the of the main plan. In addition to the porticoes.

a. Plan Lengths:

The northern side = 26.8 m, the southern side = 26.7 m, the eastern side = 21.4 m, and the western side = 22.5 m, and figure 16 shows this.

b. Lengths of the cloister from the side of the portico:

The northern side = 21 m, the southern side = 20.9 m, the eastern side = 15.6 m, the western side = 16.6 m; figures 7 and 8 show this.

c. The area of the portico from the abbey wall to the edge of the cloister:

The northern side = 2.9 m, the southern side = the right side = 3 m / the left side = 2.8 m, the eastern side = 2.9 m, the western side = 2.9 m; figure 19 shows this.

4. Column Analysis:

The genius of the abbey's designers is apparent in arranging the placed columns in a stepped pattern, thus, forming a series of tripartites, thus supporting the weight of the vault more easily. These columns were restored at the end of the nineteenth century by architect Edward Courrier (Cloister, 2023).

a. Number of Columns:

There are 137 columns in the cloister. The number of columns indicates symbolic connotations, namely (Michel, 2023):

No. 1: It symbolizes the Mount of St. Michel, which according to the beliefs of the monks and architects in that era that the first land

цифра 3 – символизирует Святую Троицу: Отца, Сына и Святого Духа;

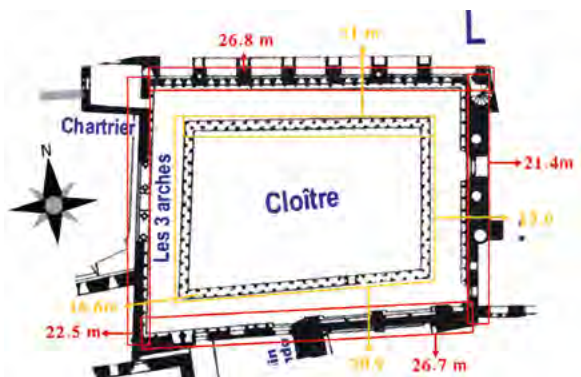
цифра 7 – символизирует семь дней недели.

В клуатре также есть 21 арка; таким образом, когда мы складываем $2 + 1$, что равно 3, и умножаем число 21 на 4 (количество стен клуатра), что равно 84, мы складываем $4 + 8$, что равно 12, затем снова складываем $2 + 1$, и результат снова равен 3. Мы приходим к выводу, что выполнение любой математической операции с этими числами приводит к числу 3, которое в аббатстве считают священным.

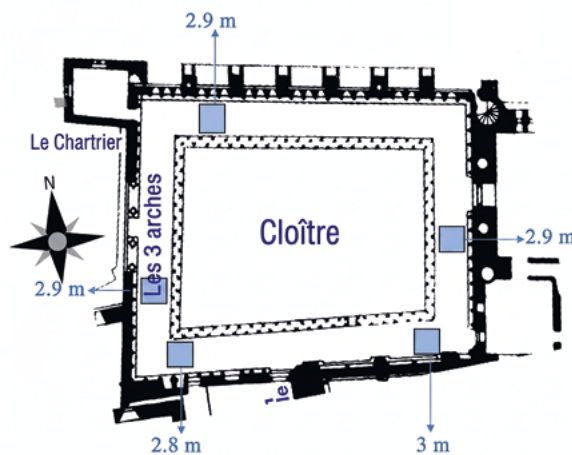
Б) распределение колонн в плане:

На рис. 10 показан способ распределения колонн в клуатре и портике. Метод распределения был следующим: от угла А у внешней колонны клуатра была проведена линия, которая проходила через заднюю колонну до точки D, расположенной сбоку портика, и далее до последнего угла стены портика. Таким образом, были выделены 3 параллельные колонны: две для клуатра и одна для портика. У колонны D были проведены две линии с углом 90° с западной и северной сторон, чтобы стать продолжением двух колонн в стене портика, как показано на рис. 7, с двумя разными углами: угол наклона с восточной стороны составляет 46 градусов, с западной – 44 градуса (Corroyer, 2014). Следовательно, колонны портика были расположены бок о бок. Расстояние между колоннами составило приблизительно 70 см.

Что касается клуатра, то ряд его арок состоит из двух рядов узких небольших перекрывающихся колонн, которые опираются на небольшие колонны, как показано на рис. 8 – от А до В, от В до С снаружи, от D до F и от E

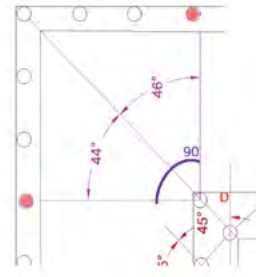
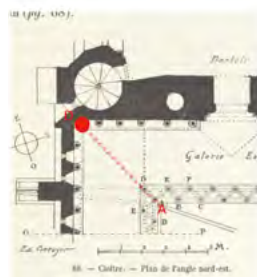

< Рис. 5. Замеры стен и длины внутри клуатра со стороны портика клуатра (обрезанные и адаптированные) / Fig. 5. Measurements of the walls and the lengths within the cloister from the side of the portico of the cloister of the Mont-Saint-Michel Abbey (cropped and adapted) (<https://commons.wikimedia.org/wiki/File:MtStMichel-PlanNiveau03-Eglise.png>)

< Рис. 6. Расстояние до портика клуатра аббатства Мон-Сен-Мишель (обрезано и адаптировано) / Fig. 6. The distance of the portico in the cloister of Mont-Saint-Michel Abbey (cropped and adapted)

> Рис. 7. План, показывающий расположение колонн в портике и клуатре аббатства Мон-Сен-Мишель с выделением расположения двух колонн красным цветом. Источник: (a) Коруайе, Wikimedia Commons; (b) Нарисовано автором / Fig. 7. A plan showing the distribution of columns in the portico and cloister of Mont-Saint-Michel Abbey, highlighting the position of the two columns in red. Source: (a) Corroyer, via Wikimedia Commons; (b) Drawn by the author ([https://commons.wikimedia.org/wiki/File:209_of_%27Description_de_l%27abbaye_du_Mont_Saint-Michel_et_de_ses_abords,_pr%C3%A9sent%C3%A9e_d%27une_notice_historique._\(With_plates.\)%27_\(11267059973\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:209_of_%27Description_de_l%27abbaye_du_Mont_Saint-Michel_et_de_ses_abords,_pr%C3%A9sent%C3%A9e_d%27une_notice_historique._(With_plates.)%27_(11267059973).jpg))

created by God is the mountain, and it was created on the third day, and God rested on the seventh day.

No. 3: Symbolizes the Holy Trinity: the Father, the Son, and the Holy Spirit.

No. 7: Symbolizes the seven days of the week.

There are also 21 arches in the cloister, so when we add 2+1, which equals 3, and we multiply the number 21 by 4, relative to the four walls of the cloister, which equals 84; we add 4+8, which equals 12, then we add 2+1 again, and the result is 3. We conclude that performing any mathematical operation on these numbers of results in 3, which is the sacred number in the abbey.

b. Distribution of Columns in the Plan:

In Figure 10, the plan shows the method of distributing columns in the cloister and in the portico. The distribution method was as follows:

A line was extended from corner A at the outer column of the cloister, passing through the column behind it, until it reaches D, which is located on the side of the portico, extending to the last corner in the wall of the portico. In this way, 3 parallel columns were identified, two for the cloister and one for the portico. At a column D, two existing lines of the angle 90 were drawn from the western side and the northern side to be an extension of the two columns in the wall of the portico as in figure -7- with two different angles; the angle

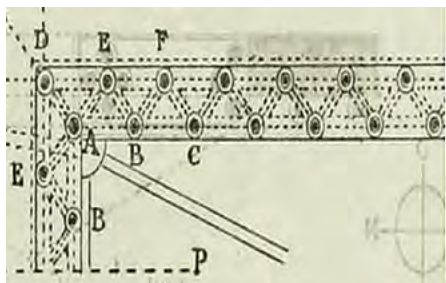
on the eastern side is 46 degrees, and it is 44 degrees on the western side (Corroyer, 2014). Consequently, the columns of the portico were distributed side by side. The distance between each column was approximately 70 cm.

As for the cloister, a series of cloister arches consist of two rows of small, narrow, overlapping columns, resting on small columns as in figure 8 from A to B, from B to C on the outside, from D to F, and from E to F on the inside, and so on. The triangle is formed by connecting the beginning of the arc with the center of the first column and the end of the arc with the center of the second column. Thus, the connecting movement forms the letter Z, thus forming a pointed, diagonal arc (Cloister, 2021). We conclude that the distance between the two columns next to each other is approximately 80 cm, and the distance between the two parallel columns is approximately 30 cm. The distances can be seen in figure 8.

This style of small columns forms a structure that resists pressure and movement of woodwork greater than the pressure resistance provided by the double column pattern of the diagonal arches AD, AE, EB, as they support the building and make two rows of columns mutually supportive; the weight resting on three columns is stronger than the weight which rests on two or four legs (Cloister, 2021).

5. The Aesthetic and Symbolic Values of the Cloister of Mont-Saint-Michel Abbey:

в Рис. 8. Диаграмма, показывающая расположение колонн в клуатре аббатства Мон-Сен-Мишель, треугольники между колоннами и форму колонн. Источник: (а) Коруйе, Wikimedia Commons; (б) фото Хорхе Ласкара, Wikimedia Commons. / Fig. 8. A diagram showing the distribution of columns in the cloister of Mont-Saint-Michel Abbey, the triangles between the columns, and the shape of the columns. Source: (a) Corroyer, via Wikimedia Commons; (b) Photography by Jorge Láscar, via Wikimedia Commons (<https://archive.org/details/descriptiondelab00corr/page/179/mode/1up>; [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:The_cloister_-_Mont_St_Michel_\(32079526424\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:The_cloister_-_Mont_St_Michel_(32079526424).jpg))

до F внутри и так далее. Треугольник образуется путем соединения начала арки с центром первой колонны и конца арки с центром второй колонны. Таким образом, соединение образует букву Z, формируя заостренную диагональную дугу (Cloister, 2021). Мы пришли к выводу, что расстояние между двумя колоннами, расположенными рядом друг с другом, составляет приблизительно 80 см, а расстояние между двумя параллельными колоннами приблизительно 30 см. Расстояния показаны на рис. 8.

Этот стиль небольших колонн образует конструкцию, которая противостоит давлению и перемещению деревянных элементов в большей степени, чем когда такое сопротивление обеспечивается двухколонным рисунком диагональных арок AD, AE, EB, поскольку они поддерживают здание и способствуют взаимному поддержанию между двумя рядами колонн; вес опирается на три колонны надежнее, чем вес, приходящийся на две или четыре опоры (Cloister, 2021).

5. Эстетические и символические ценности клуатра аббатства Мон-Сен-Мишель

– Визуальные элементы, формирующие дизайн:

А). Форма: план выполнен в форме неправильного четырехугольника. Анализируя план, мы приходим к выводу, что есть две основные формы, от которых он зависит: круг и прямоугольник.

Б). Цвет: использование светлого известняка в арках и надписях и темного порфира в колоннах для создания контрастного соотношения между ними.

В). Материалы: в гравюрах и украшениях применяется натуральный камень, поскольку он широко распространен в регионе и его легко использовать для лепки и резьбы на арках. Что касается колонн, то, поскольку они находятся на территории клуатра, они изготовлены из гранита, который хорошо выдерживает погодные условия.

– Основы и правила проектирования:

А). Ритм: он был достигнут при повторении форм колонн и венцов в галерее, а также при повторении украшений на четырех сторонах портика.

Б). Баланс: дизайн передает ощущение равновесия посредством симметрии. В каждой части портика имеется определенное количество колонн, аналогичное количеству колонн на другой стороне.

В). Суверенитет: доминирующей идеей, которой была подчинена работа, является идея Святой Троицы. Святость числа 3 для монахов, священников и даже архитекторов была ориентиром при проектировании и расположении элементов, поэтому она послужила основой для распределения колонн; более того, готический стиль играет важную роль в суверенитете, поскольку в эпоху распространения готического стиля аббатство управляло страной.

Г). Пропорции и соотношения: внимание было уделено также размерам колонн: они были приближены к человеческому росту. Для достижения баланса колонны в портике и клуатре были расположены в соответствии с определенным соотношением углов и специально разработанными линиями.

– Символизм: во всех аспектах дизайна монастырь наполнен религиозными символами. Например, каждый тип украшений на арках имеет значение, историю, символику и причину размещения на северной или южной стороне. Есть еще один пример символизма с наличием 12 кресел в одном из четырех портиков, которые указывают на 12 монахов, а наличие 3 больших окон в портике указывает на святость числа 3, которое обозначает Святую Троицу в религиозных верованиях. Кроме того, открытая обитель, обращенная к небу, указывает на близость к Богу, и это путь между Господом и людьми, позволяющий услышать их и внять их молитвам и молебнам.

– The Visual Elements That Form the Design:

a. Shape: The plan is designed in the form of an irregular quadrilateral. When we analyze the plan, we conclude that there are two main shapes on which it depends: the circle and the rectangle.

b. Color: The use of light limestone in the arches and inscriptions, and the use of dark porphyry in the columns to form a contrasting relationship between them.

c. Materials: The use of object stone in engravings and decorations because of its abundant availability in the region and its ease of use in molding and carving on arches; as for the columns, they are made of granite because it withstands weather conditions as the columns are in the cloister area.

– Design Foundations and Rules:

a. Rhythm: Rhythm was achieved in the repetition of the shapes of columns and crowns in the cloister, and the repetition of decorations on the four sides of the portico.

b. Balance: The design transmits the feeling of balance through symmetry. In each aspect of the portico, there is a specific number of columns similar to counting on the other side.

c. Sovereignty: The dominant idea to which the work was subjected is the idea of the Holy Trinity. The sanctity of No. 3 for monks, priests, and even architects was a reference for design and division, so it was the basis on which the columns were distributed; moreover, the Gothic

style plays a role in sovereignty, as the abbey – in the era in which it spread Gothic style – ruled the country.

d. Proportion and ratios: The sizes of the columns were taken into account by making them closer to human height. The columns in the portico and in the cloister were arranged according to specific angle ratios and specific, well-studied lines to achieve balance.

– Symbolism: The cloister is filled with religious symbolic connotations from all design aspects. For example: each type of the decorations on the arches has: a meaning, a story, symbolism, and a reason for placing it on the northern side or the southern side. There is another example of symbolism with the presence of 12 seats in one of the four porticoes, which indicate 12 monks, and the presence of 3 large windows in the portico indicates the holiness of the number 3, which is: The Holy Trinity in religious beliefs. In addition, the open cloister to the sky indicates closeness to God, and it is a path between the Lord and human beings to hear them and hear their prayers and their supplications.

Functional Analysis

1. Zoning and bubble diagram:

You can enter the cloister from the southern entrance. The southern portico is connected from the eastern side to the abbey and the old residence. When heading north of the portico on the western side,

Функциональный анализ

1. Зонирование и пузырьковая диаграмма

Вы можете войти в клуатр через южный вход. Южный портик с восточной стороны соединен с аббатством и старой резиденцией. Если пройти к северу от портика, расположенного с западной стороны, то вы увидите дверь, соединенную с портиком, которая ведет в комнату для собраний монахов. Если пройти через северный портик, то можно увидеть небольшие окна, выходящие на море. Что касается восточного портика, то здесь есть два входа: первый ведет в столовую, перед входом в которую размещены раковины для мытья рук, а также библиотека. Библиотека имеет два входа: один из портика и один из столовой, соединяя их с портиком, который ведет к монастырю на западе и к аббатству на юге. Пространственное распределение можно увидеть на рис. 9.

2. Схема движения

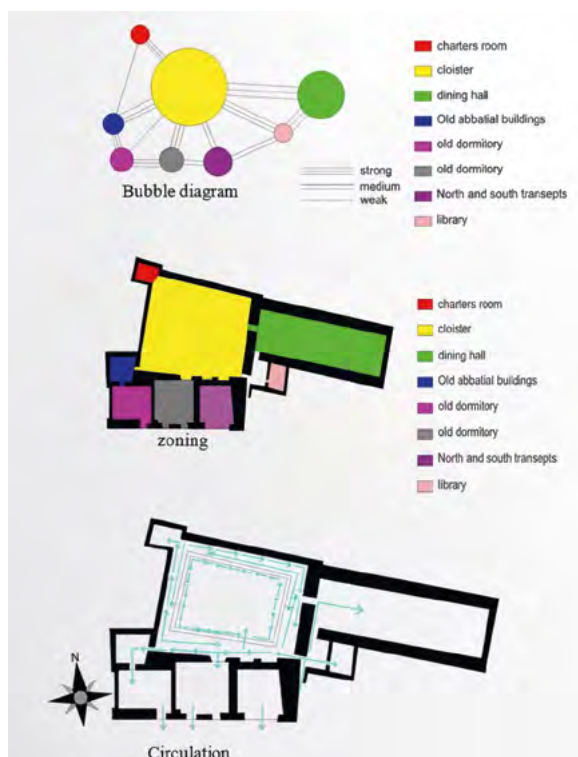
На рис. 9 показано, как попасть в клуатр, обойти портик, как передвигаться внутри клуатра и как попасть в окружающие его помещения.

Описательный анализ

1. Колонны

Это вертикальные конструктивные элементы, предназначенные для поддержки и передачи нагрузок от верхних компонентов здания к его фундаменту. Колонны клуатра выполнены в простом стиле нормандской готики без листов и арок (Cloister, 2021). Они состоят из основания, колонны и простого венца. На рис. 10 показан гранит, который характеризуется прочностью, твердостью и малым весом. Длина колонны составляет 146 см, диаметр 20 см, а основание, на которое опираются все колонны, находится примерно в 23 см от земли.

> Рис. 10. Форма гранитных колонн и колонн портика: (а) фото Петрус, Wikimedia Commons; (b) фото Джон Самуэль, Wikimedia Commons / Fig. 10. The shape of the granite columns and the columns in the portico. Source: (a) Photography by Pethrus, via Wikimedia Commons; (b) Photography by John Samuel, via Wikimedia Commons (https://commons.wikimedia.org/wiki/File%3AFr_Mont-Saint-Michel_Cloister_center_of_columns_2.JPG?utm_source=chatgpt.com; https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Cloister_of_Mont-Saint-Michel_03.jpg)

< Рис. 9. Иллюстрация распределения помещений для плана клуатра Мон-Сен-Мишель, показывающая взаимосвязь помещений друг с другом, взаимосвязь между клуатром и пространствами, расположенными вокруг него, а также циркуляцию. Адаптировано автором / Fig. 9. An illustration of the distribution of spaces for the cloister plan of Mont-Saint-Michel, showing the relationships of the spaces to each other, the relationship between the cloister and the spaces distributed around it is strong and the circulation. Adapted by the author

there is a door connected to the portico that leads to a meeting room for the monks. When passing through the northern portico, there are small windows overlooking the sea. As for the eastern portico, there are two entrances: the first leads to the dining room, and there are sinks for washing hands before entering next to the dining room, as well as a library. The library has two entrances: one from the portico, and one from the dining room, connecting them with a portico that heads toward the cloister to the west and toward the abbey to the south. The spatial distributions can be observed in figure 9.

2. Circulation:

Figure 9 shows the circulation of how to enter the cloister, walk around the portico, the movement of the cloister from within it, and the way to enter the spaces surrounding it.

Descriptive Analysis

1. Columns:

They are vertical structural elements designed to support and transfer loads from the upper components of a building to its foundation. The cloister's columns are simple, designed in the Norman Gothic style without foliage or arches (Cloister, 2021). It consists of a base, a column, and a simple crown. Granite material, which is characterized by: strength, hardness, and light weight, was used in figures 10. The

length of the column is 146 cm, with a diameter of 20 cm, and the base on which all the columns rest is approximately 23 cm above ground.

As for the columns in the portico leaning against the wall, they were also distinguished by their simple design, as their crowns were decorated with hooks which are 144 cm high and 25 cm in diameter. It consists of stone and not granite because the portico is less vulnerable to natural factors.

2. Arches:

The Gothic arch, also known as: "pointed arch or three-pointed arch", is an architectural element characterized by its pointed crown. The two curved sides of the arch meet at a relatively sharp angle at the top, allowing for greater structural strength than needed for taller roofs. Gothic arches were first used in: Eastern Christian architecture, Byzantine architecture, and Sassanian architecture, but they became especially important in Gothic architecture in the 12th century. The use of Gothic arches has led to the development of the pointed ribs and flying supports, which allowed the construction of longer and more decoration buildings (Dimension, 2020).

a. Gothic arches consist of the merging of two circles, as in figure 11.

b. The shape of the arches in the cloister is of two types:
– The first type is in the cloister, which is the pointed diagonal arch,

Что касается колонн в портике, прислоненных к стене, то они также отличались простотой конструкции, поскольку их венцы были украшены крючками высотой 144 см и диаметром 25 см. Они выполнены из камня, а не гранита, поскольку портик менее подвержен воздействию природных факторов.

2. Арки

Готическая арка, также известная как «стрельчатая арка» или «трехконечная арка», представляет собой архитектурный элемент, отличающийся заостренной вершиной. Две изогнутые стороны арки сходятся вверх под относительно острым углом, что обеспечивает большую прочность конструкции, чем требуется для более высоких крыш. Готические арки впервые были использованы в восточно-христианской архитектуре, византийской архитектуре и архитектуре Сасанидов, но особое значение они приобрели в готической архитектуре XII века. Использование готических арок привело к появлению заостренных ребер и пролетных опор, что позволило возводить более длинные здания с большим количеством декоративных элементов (Dimension, 2020).

А). Готические арки состоят из слияния двух окружностей, как показано на рис. 11.

Б). Форма арок в клуатре бывает двух типов:

– первый тип находится в клуатре и представляет собой заостренную диагональную арку;
– второй тип, если смотреть сбоку, между колоннами, – это двойные арки, как показано на рис. 11.

В). Арки сделаны из известняка – материала, который подходит для изготовления резьбы и легко используется в архитектуре и строительстве (как показано на рисунке 11).

3. Декоративные элементы

Клуатр украшен множеством разнообразных декоративных элементов, большинство из которых состоят из листьев деревьев или имеют религиозный подтекст. У каждого вида украшений есть свое значение и своя история.

Согласно монастырским обычаям, напротив дверей комнат, окружающих аббатство, помещается крест или что-либо, имеющее отношение к нему (Saint-Michel, 2023). Четыре стороны аббатства – это четыре символические стены: презрение к себе, презрение к миру, любовь к ближнему и любовь к Богу (Cloister, 2023).

На южной стороне портика, напротив главной двери обеденного зала Христос восседает на троне. Трон состоит из небольшой и очень тонкой колонны. Голова Христа украшена цветами, и его сопровождают два человека. Верхняя часть угловой ниши украшена тремя очень красивыми резными фронтонами, образующими навес над Христом и его сопровождающими. На каждой стороне голов написаны имена, которые, несомненно, принадлежат архитекторам или скульпторам аббатства: месье Роже, дон Жан и мэтр Жеан (Cloister, 2021).

Ягненок, посох старика и закрытый город являются символами города Руан в Нормандии, расположенного к югу от горы Сен-Мишель по направлению к Парижу. Город Руан пожертвовал много камней аббатству, в том числе обеспечил хрупким, легким белым известняком из долины Сены. Так показана важность Руана для Нормандии (Du, 2023).

Здесь также присутствует дракон, указывающий на то, что, хотя вино и опьяняющие вещества в небольших количествах полезны для тела и разума, они могут привести к злу, если превысят это количество. «Добродетель

в Рис. 11. Классическая заостренная диагональная арка и двойная заостренная арка. Фото Эдгар Андре Оршо и Джон Самуэль, Wikimedia Commons / Fig. 11. Classic pointed diagonal arch and double pointed arch. Source: Photography by Edgar Andrés Ochoa and John Samuel, via Wikimedia Commons (https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Cloister_of_Mont-Saint-Michel_24.jpg; https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Abbaye_du_Mont-Saint-Michel_inside.JPG)

–The second type from the side, when looking between the columns, is double arches, as in figure 11.

c. The arches are composed of limestone to make carvings, as it is one of the stones that are easy to use in architecture and construction (Figure 11 shows it).

3. Decoration

The cloister is surrounded by many diverse decorations, most of which consist of tree leaves or religious connotations. Each type of decoration has a meaning and a story.

According to monastic customs, a cross or any religious connotation is placed opposite the doors of the rooms surrounding the abbey (Saint-Michel, 2023). The four sides of the abbey are four symbolic walls: contempt for self, contempt for the world, love of neighbor, and love of God (Cloister, 2023).

It is located on the southern side of the portico opposite the main door of the dining room. Christ sits on the throne. The throne consists of a small and very thin column. Christ's head is decorated with flowers and two people accompany him. The upper part of the corner recess is decorated with three very beautifully carved gables, forming a canopy over Christ and the profiles. There are names inscribed on each side of the heads, which are undoubtedly those of the architects or sculptors of the abbey: Monsieur Roger, Don Jean, and Maître Jehan (Cloister, 2021).

The lamb, the old man's stick, and a closed city appear the symbol of the city of Rouen in Normandy, south of Mount Saint-Michel towards Paris. The city of Rouen donated many stones to the abbey, and sent many building stones to cut the fragile, light white limestone of the Seine Valley. This was the way to show the importance of Rouen to Normandy (Du, 2023).

Also there is the dragon that indicates that although wine and intoxicants are beneficial to the body and mind in small quantities, they can lead to evil when they exceed this quantity. "Virtue in moderation", as the monks at Mont Saint Michel used to say (Du, 2023).

They were famous for growing and picking grapes in their time. And there is a carved on the eastern side of the portico, there is a girl surrounded by grape branches as she picks them to prepare wine. There are many meanings and symbols distributed in more than 200 shapes around the four porticoes.

4. Floors:

The cloister area located between the four porticoes is completely covered with lead to protect the vault below the cloister. There is also a pebble mosaic around the cloister in the corners, and natural stones were used in the porticoes. They relied on the use of materials available in and around the area. (Cloister, 2023). (Shown in figure 12.)

5. The Ceiling:

в Рис. 12. Композиция пола в клуатре аббатства Мон-Сен-Мишель, представляющая собой дорожку, выложенную мозаикой из гальки, и мощение портика натуральным камнем. Фото G069, Wikimedia Commons / Fig. 12. Floor composition of the cloister at Mont-Saint-Michel Abbey illustrating the pebble mosaic path and natural stone paving in the portico. Source: Photography by G069, via Wikimedia Commons ([https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Mont-Saint-Michel_\(50\)_Abbaye_Clo%C3%Aetre_02.JPG](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Mont-Saint-Michel_(50)_Abbaye_Clo%C3%Aetre_02.JPG))

в умеренности», как говорили монахи Мон-Сен-Мишеля (Du, 2023). В свое время они славились тем, что выращивали и собирали виноград. Так, на восточной стороне портика изображена девушка в окружении виноградных ветвей, собирающая виноград для приготовления вина. Существует еще множество значений и символов, которые можно увидеть в более чем 200 декоративных элементах вокруг четырех портиков.

4. Полы

Пространство клуатра, расположенное между четырьмя портиками, полностью покрыто свинцом, чтобы защитить свод под клуатром. По углам клуатра также выложена мозаика из гальки, а в портиках использовались натуральные камни. Применялись материалы, доступные в этом районе и поблизости от него (Cloister, 2023) (показано на рис. 12).

5. Потолок

Портики покрыты простыми деревянными панелями. Высота портика составляет примерно 3,8 метра, а его ширина примерно 2,5 метра. Крыша портика не плоская, а скорее изогнутая, как показано на рис. 13 (Cloister, 2021).

6. Окна

В клуатре нет окон, потому что он открыт, но есть несколько окон с простым декором в портике. Причина, по которой декор на окна не был добавлен, заключается в том, что монастырь был местом поклонения и медитации для монахов; для них украшенные окна были источником искушения и могли отвлекать их во время совершения своего богослужения. Выбор монахов – жить вдали от мира, в изоляции, посвящая себя только богослужению (Du, 2023).

На рис. 14 окна расположены на северной стороне галереи, то есть в северном портике, где имеется 17 окон. Окна такого типа называются «окнами-бойницами». Они состоят из цветных стеклянных панелей с дизайном, вдохновленным готической архитектурой с простыми украшениями в виде вертикальных и горизонтальных кругов и линий, с готическим орнаментом в форме трилистника над ними.

В западной части клуатра есть три больших окна, которые должны были стать дверью в новое здание, но здание обрушилось, и теперь это окна с видом на море.

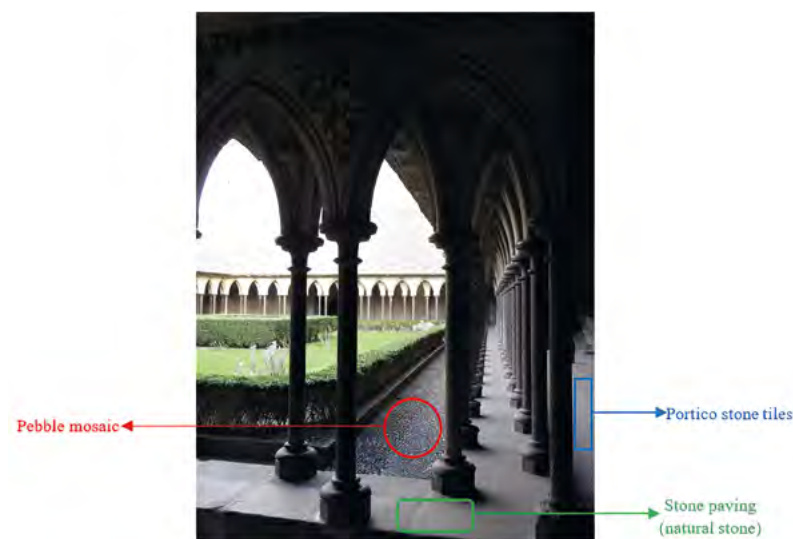
7. Цвета

Для аббатства характерны темные порфиновые колонны, светло-бежевый цвет декоративных арок и темно-коричневые тона потолков (Dulac, 2006).

Цели строительства клуатра в аббатстве

Цели строительства клуатра (House, 2023; Heritage, 2017) заключаются в следующем.

1. Монахи обычно медитировали, учились и занимались физическими упражнениями в клуатре.
2. Он служил средством сообщения между зданиями. Аббатство располагалось на одной стороне монастыря, в то время как обеденный зал занимал другую сторону, так что монахи могли быть защищены от шума и запахов кухни.
3. Иногда монахи обмывали тела умерших в бассейне, расположенном в портике.
4. Здесь они выращивали лекарственные растения.

The porticoes are primitively covered with woodwork with planks, as in figure 13. The height of the portico is approximately 3.8 meters, and its width is approximately 2.5 in figure 13. The roof of the portico is not flat, but rather a curved surface, as in figure 13 (Cloister, 2021).

6. Windows:

There are no windows in the cloister because it is open, but there are a few of them in the portico with simple decorations, the reason why many decorated windows were not added is that the cloister was a place of worship and meditation for the monks; for them, the decorated windows were a source of temptation and distraction while performing their worship, and they should not fall into temptation. The monks chose to live a life outside the world, an isolated life dedicated only to worship (Du, 2023).

In figure 14, the windows are located on the northern side of the cloister, that is: in the northern portico, where there are 17 windows. This type of window is called: "arrow slit window." It is composed of colored glass panels with designs inspired by Gothic architecture with simple decorations of vertical and horizontal circles and lines, with a three-leaves Gothic decoration above them.

There are three large windows towards the west of the cloister that were supposed to be the door to a new building, but the building collapsed, becoming a window overlooking the sea.

Colors

The abbey is distinguished by the dark porphyry columns, the light beige color of the decorative arches, and the dark brown tones of the ceilings (Dulac, 2006).

Objectives for Building the Cloister in the Abbey

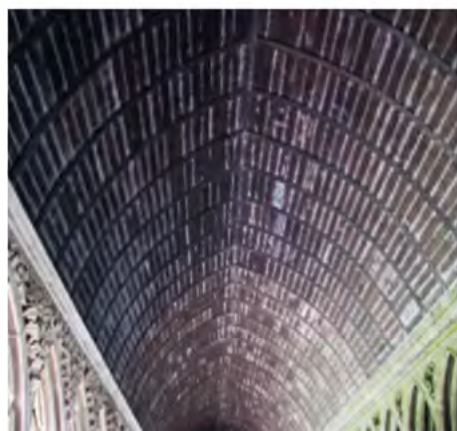
Each of us talked about the goals of the cloister (House, 2023; Heritage, 2017), which are:

1. The monks used to meditate, study, and exercise in the cloister.
2. It provided a means of communication between buildings. The abbey was located on one side of the monastery, while the dining hall occupied the other side, so that worshipers could be kept away from the noise and smells of the kitchen.
3. Sometimes they were washing the dead from the monks in a basin located in the portico.
4. They grew medicinal plants and herbs to benefit from them.
5. It was a fortress against enemies during the Middle Ages.
6. A natural source of ventilation and sun.
7. It was an isolated area from the world for purposes of worship.

Results

1. The cloister is located on the third floor of the abbey, overlooking the sea, and is distinguished by its Gothic and Norman architectural styles.

в Рис. 13. Деревянный потолок портика клуатра в аббатстве Мон-Сен-Мишель со схематическим изображением, показывающим размеры и пропорции. Фото Ипполит де Сен-Рамбер, Wikimedia Commons / Fig. 13. Wooden ceiling of the cloister portico at Mont-Saint-Michel Abbey with a schematic diagram indicating the dimensions and proportions. Source: Photography by Hyppolyte de Saint-Rambert, via Wikimedia Commons (https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Abbatiale_de_Mont_Saint_Michel_hdsr_IMG_3836.jpg)

5. В средние века это была крепость, защищавшая от врагов.

6. Клуатр служил естественным источником вентиляции и солнца.

7. Это была изолированная от мира территория, предназначенная для богослужений.

Результаты

1. Клуатр расположен на третьем этаже аббатства с видом на море и отличается своим готическим и нормандским архитектурными стилями.

2. Умеренный климат и преобладающее движение ветра и солнца повлияли на материалы и убранство клуатра.

3. Геометрическая форма клуатра представляет собой неправильный четырехугольник площадью около 588 м² с четырьмя окружающими его портиками.

4. В монастыре 137 колонн, расположенных тройками, что символизирует религиозные верования: Святая Троица и дни Сотворения Мира.

5. Эстетические ценности отражены в повторяемости, ритме, симметрии и священной символике, заложенных в элементах дизайна.

6. Клуатр служит переходным пространством, соединяющим основные помещения аббатства – спальню, библиотеку и столовую.

7. Описательный анализ выделяет структурные и стилистические детали колонн, арок, полов, потолков, украшений и окон.

8. Контраст цветов и материалов – темный порфир для колонн и светлый известняк для арок – подчеркивает визуальный баланс и долговечность.

9. Монастырский сад, созданный в 1966 году, включает лекарственные и ароматические растения, самшит и дамасские розы, что отражает монастырские традиции.

10. Первоначальное назначение клуатра – богослужение, созерцание, функциональная циркуляция, выращивание трав, вентиляция и защита.

Пространственная и символическая конфигурация клуатра выходит за рамки монастырской функциональности, создавая многослойное представление о наследии, с которым знакомятся посетители. Ритмичное расположение гранитных колонн, диагональные готические арки и возвышенное расположение в морском окружении в совокупности превращают монастырь одновременно в святилище для медитаций и визуального созерцания. Эта двойственность вовлекает посетителей в интерпретацию, превращая архитектурную символику в живой культурный опыт, который усиливает туристический магнетизм аббатства.

С более широкой цивилизационной точки зрения архитектурная композиция аббатства Мон-Сен-Мишель отражает нечто большее, чем просто пространственную организацию монастыря: она воплощает исторический переход, материализованный в форме здания. Построенный между XII и XVI веками, комплекс находится на пороге между средневековым теологическим центром и формирующимся рациональным и гуманистическим мировоззрением, связанным с эпохой Возрождения и раннего Просвещения. Благодаря своей упорядоченной геометрии, ритмичным колоннадам и символической артикуляции клуатр становится архитектурным нарративом, свидетельствующим об этой трансформации. В современном контексте, отмеченном дискуссиями о культурной идентичности в западных обществах, это многоуровневое историческое значение усиливает восприятие аббатства

2. The moderate climate and prevailing wind and sun movement have affected the materials and decorations of the cloister.
3. The geometric layout of the cloister is an irregular quadrilateral covering approximately 588 square meters, with four surrounding porticoes.
4. The cloister contains 137 columns arranged in triplets, symbolizing religious beliefs such as the Holy Trinity and the days of creation.
5. Aesthetic values are reflected in the repetition, rhythm, symmetry, and sacred symbolism embedded in the design elements.
6. The cloister serves as a transitional space connecting essential abbey areas like the dormitory, library, and dining hall.
7. Descriptive analysis highlights the structural and stylistic details of columns, arches, floors, ceilings, decorations, and windows.
8. A contrast in colors and materials – dark porphyry for columns and light limestone for arches – emphasizes visual balance and durability.
9. The cloister garden, established in 1966, includes medicinal and aromatic plants, boxwood, and Damask roses, reflecting monastic traditions.
10. The original purpose of the cloister includes worship, contemplation, physical circulation, herbal cultivation, ventilation, and protection.

The spatial and symbolic configuration of the cloister extends beyond monastic functionality to produce a layered heritage narrative experienced by visitors. The rhythmic alignment of granite columns, the diagonal Gothic arches, and the elevated maritime setting collectively frame the cloister as both contemplative sanctuary and visual spectacle. This duality enhances visitors' interpretive engagement, transforming architectural symbolism into a lived cultural experience that strengthens the abbey's touristic magnetism.

From a broader civilizational perspective, the architectural composition of Mont-Saint-Michel Abbey reflects more than monastic spatial organization; it embodies a historical transition materialized in built form. Constructed between the 12th and 16th centuries, the complex stands at the threshold between medieval theological centrality and the emerging rational and humanistic outlook associated with the Renaissance and early Enlightenment. The cloister, through its ordered geometry, rhythmic colonnades, and symbolic articulation, becomes an architectural narrative of this transformation. In a contemporary context marked by cultural identity debates in Western societies, this layered historical meaning enhances the abbey's perception as a cultural landmark and convincingly explains its enduring power as a global tourist magnet.

Results and Conclusion

The study concludes that the cloister of Mont-Saint-Michel Abbey represents a unique synthesis of architectural functionality, religious symbolism, and cultural identity. Its geometric layout, material choices, and decorative program reflect both practical monastic needs and theological concepts. Today, it stands not only as a monument of medieval Gothic architecture but also as a cultural heritage site of great touristic value. The cloister continues to embody the dual roles of sacred space and public attraction, linking past traditions with present-day cultural appreciation.

как культурной достопримечательности и убедительно объясняет его непреходящую привлекательность для туристов во всем мире.

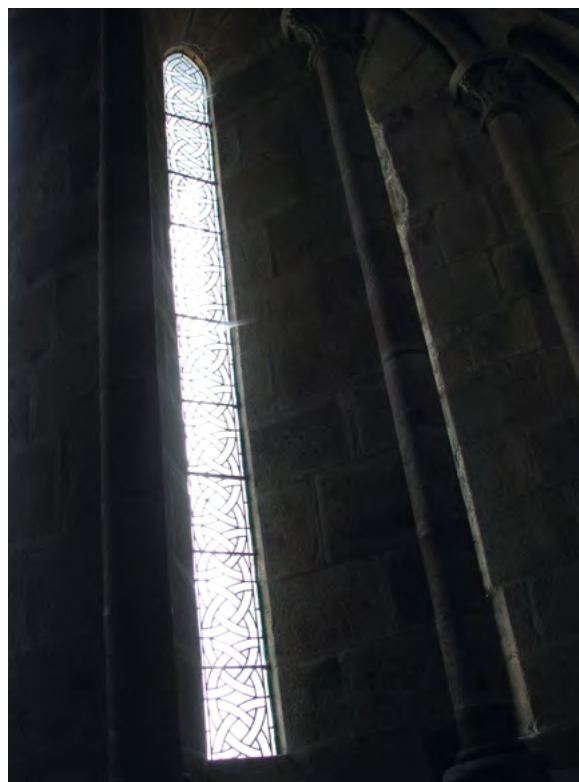
Результаты и заключение

В исследовании делается вывод, что клуатр аббатства Мон-Сен-Мишель представляет собой уникальный синтез архитектурной функциональности, религиозной символики и культурной самобытности. Его геометрическая планировка, выбор материалов и декоративные элементы отражают как практические монастырские потребности, так и богословские концепции. Сегодня он является не только памятником средневековой готической архитектуры, но и объектом культурного наследия, представляющим большую туристическую ценность. Монастырь продолжает выполнять двойную роль священного пространства и общественного притяжения, соединяя традиции прошлого с современными культурными ценностями.

Литература / References

- Architectes, T. (2015). ArchDaily. Retrieved from <https://www.archdaily.com>
- Cloister, T. (2021). The Cloister. What is Mont Saint Michel. Retrieved from <https://whatismontsaintmichel.com>
- Cloître. (2023). Visit the abbey cloister at Mont Saint Michel. Paris City Vision. Retrieved from <https://www.pariscityvision.com>
- Climate, M. (2022). SUNHERON. Retrieved from <https://www.sunheron.com>
- Corroyer, E. (2014). Description de l'abbaye Mont Saint Michel. Paris. Dimension. (2020). Dimensions.com. Retrieved from <https://www.dimensions.com>
- Dulac, M. (2006). Le cloître du Mont Saint-Michel. Retrieved from lieuxsacres.canalblog.com
- Du, A. G. (2023). VoiceMap. Retrieved from <https://voicemap.me>
- Heritage, D. (2017). The function of cloister. Durham World Heritage Site. Retrieved from <https://www.durhamworldheritagesite.com>
- House, C. (2023). Cloister. Britannica. Retrieved from <https://www.britannica.com/topic/chapter-house>
- Michel, T. M. (2023). The Mont Saint Michel. Retrieved from <http://www.le-mont-saint-michel.org/cloitre04.htm>
- Mont-Saint-Michel. (2023). UNESCO World Heritage. Britannica. Retrieved from <https://www.britannica.com>

в Рис. 14. Окна-бойницы в портике клуатра аббатства Мон-Сен Мишель с их узкой вертикальной формой, простым дизайном и расположением вдоль стен портика. Фото Ипполит де Сен-Рамбер, Wikimedia Commons / Fig. 14. Arrow slit windows in the cloister portico of Mont-Saint-Michel Abbey, showing their narrow vertical form, simple design, and their placement along the portico wall. Source: Photography by Hyppolyte de Saint-Rambert, via Wikimedia Commons (https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Abbatiale_de_Mont_Saint-Michel_hdr_IMG_3853.jpg)

- Muhammad, M. (2012). French Mont Michel Castle: isolation on the Normandy coast. Traveler's Encyclopedia. Retrieved from <https://news.travelerpedia.net>
- Saint-Michel, M. (2023). The abbey of Mont Saint-Michel: The cloister. Retrieved from <https://www.le-mont-saint-michel.org>
- WINDY.APP. (2024). Le Mont-Saint-Michel Wind forecast. Retrieved from <https://windy.app/forecast2>

Статья посвящена анализу архитектуры центров народных промыслов как пространственного выражения характеристик гения места (*genius loci*). Рассматривается роль ремесленных практик в формировании локальной культурной идентичности и их влияние на архитектурные решения. На основе зарубежных и казахстанских кейсов показано, что центры народных промыслов могут выступать интеграционными моделями культуры, образования и экономики. Особое внимание уделено реализованным и проектным объектам в Казахстане, демонстрирующим потенциал контекстно-ориентированной архитектуры в устойчивом развитии территорий.

Ключевые слова: *genius loci*; локальная культура; народные промыслы; архитектура; культурная идентичность; устойчивое развитие. /

This article analyses the architecture of folk craft centres as a spatial expression of *genius loci*. It examines the role of craft practices in shaping local cultural identity and their influence on architectural decisions. Based on foreign and Kazakhstani case studies, it is shown that folk craft centers can serve as models for the integration of culture, education and the economy. Particular attention is paid to completed and planned projects in Kazakhstan that demonstrate the potential of context-oriented architecture in sustainable regional development.

Keywords: *genius loci*; local culture; folk crafts; architecture; cultural identity; sustainable development.

Центры народных промыслов как выражение духа местности / The centers of folk crafts as an expression of *genius loci*

текст

Улан Исмагулов

Евразийский
национальный университет
им. Л. Н. Гумилева (Астана,
Казахстан)

Сара Садыкова

Евразийский
национальный университет
им. Л. Н. Гумилева (Астана,
Казахстан)

Елена Хван

Евразийский
национальный университет
им. Л. Н. Гумилева (Астана,
Казахстан)

Айбике Бокачёва

Евразийский
национальный университет
им. Л. Н. Гумилева (Астана,
Казахстан)

text

Ulan Ismagulov

L. N. Gumilyov Eurasian
National University (Astana,
Kazakhstan)

Sarah Sadykova

L. N. Gumilyov Eurasian
National University (Astana,
Kazakhstan)

Yelena Khvan

L. N. Gumilyov Eurasian
National University (Astana,
Kazakhstan)

Aibike Bokachyova

L. N. Gumilyov Eurasian
National University (Astana,
Kazakhstan)

На протяжении большей части XX века архитектура развивалась под влиянием интернациональных стилей, ориентированных на универсальные формальные и типологические решения. Модернизм, несмотря на свою прогрессивную роль в условиях индустриализации, во многом отрывал архитектуру от конкретного культурного и пространственного контекста. Это приводило к утрате локальных особенностей и формированию стандартизированной среды. В современной архитектурной теории данный процесс рассматривается как одна из причин «обезличивания» архитектурного пространства [1].

В начале XXI века в архитектуре обозначился устойчивый интерес к контекстно-ориентированному проектированию. В этом случае архитектура понимается как результат взаимодействия природных условий, исторического развития и культурных практик. Контекст рассматривается не только как физическое окружение, но и как способы использования пространства, закрепленные в культуре конкретного места. В таком понимании архитектура выступает связующим звеном между пространством и культурной идентичностью локального сообщества.

В современной архитектурной теории все большее внимание уделяется контекстно-ориентированным подходам к проектированию, в рамках которых архитектура рассматривается как результат взаимодействия пространственных, социально-культурных и исторических факторов. Понятие «контекста» интерпретируется не только как физическое окружение, но и как совокупность культурных, символических и поведенческих характеристик места.

Одним из ключевых теоретических инструментов, позволяющих осмыслить архитектуру в связи с конкретной территорией, является концепция *genius loci*, понимаемая как совокупность устойчивых характеристик места, формируемых природным ландшафтом, климатом, историческим развитием и культурной памятью [2]. Особое значение в осмыслении *genius loci* приобретают народные промыслы как форма нематериального культурного наследия, непосредственно связанная с территорией и традиционными способами хозяйственной деятельности. Ремесленные практики сохраняют устойчивые формы взаимодействия человека с материалом, ландшафтом и сообществом, что позволяет рассматривать их как важный источник формирования архитектурных

решений, укорененных в локальной культуре. В исследованиях подчеркивается, что ремесла также выступают ресурсом развития локальных сообществ и креативных индустрий [3].

В современной архитектурной теории отмечается, что утрата связи с *genius loci* является одной из ключевых проблем, особенно в условиях глобализации и распространения универсальных проектных решений [3]. В этой ситуации обращение к локальным культурам рассматривается не как возврат к архаике, а как способ формирования устойчивой архитектурной среды, связанной с конкретным местом. В российской архитектурной критике данная позиция также получила развитие: *genius loci* противопоставляется не только интернациональным стилям, но и абстрактному «духу времени» (*Zeitgeist*), не связанному с конкретной территорией [4].

Для Казахстана, характеризующегося разнообразием природных условий и культурных традиций, проблема формирования архитектуры, основанной на принципах *genius loci*, приобретает особую актуальность. Центры народных промыслов в данном контексте могут рассматриваться как пространственные модели локальной культуры, интегрирующие образовательные, производственные и экономические процессы.

Целью настоящей статьи является анализ архитектуры центров народных промыслов Казахстана как формы архитектурной интерпретации характеристик *genius loci*, а также выявление их потенциала в формировании устойчивых моделей развития локальных сообществ.

Народные промыслы как культурный код места

В современной архитектурной теории концепция *genius loci* рассматривается как один из ключевых инструментов анализа взаимосвязи пространства, культуры и идентичности. В отличие от формальных подходов к регионализму, ориентированных преимущественно на визуальные признаки традиционной архитектуры, *genius loci* интерпретируется как комплекс нематериальных и материальных характеристик места, формирующихся под воздействием природного ландшафта, исторического развития и социокультурных практик [5]. Такой подход позволяет рассматривать архитектуру не как изолированный объект, а как форму пространственного выражения культурных,

исторических и социальных характеристик территории, включая устойчивые культурные коды, сценарии использования пространства и особенности восприятия среды локальными сообществами.

Особую роль в формировании *genius loci* играют народные промыслы, рассматриваемые как устойчивые носители локально специфических культурных характеристик, воспроизводимых в практиках взаимодействия сообщества с территорией. Исследования в области нематериального культурного наследия подчеркивают, что традиционные ремесленные практики аккумулируют и транслируют знания о свойствах материалов, технологиях их обработки и особенностях природной среды, передаваемые из поколения в поколение и укорененные в конкретном месте [6]. В этом смысле ремесло выступает не только формой культурного выражения, но и способом пространственного освоения территории, проявляющимся в специфике размещения производственных процессов, использовании локальных ресурсов и формировании характерных типов пространственной организации среды, отражающих адаптацию сообщества к природным и климатическим условиям.

Систематические обзоры современных исследований показывают, что взаимосвязь концепции *genius loci*, вернакулярной архитектуры и ремесленных традиций формирует основу для контекстно-ориентированного проектирования, поскольку объединяет пространственные, культурные и практические аспекты взаимодействия человека с территорией. В данном контексте народные промыслы рассматриваются как элемент «живого наследия», т. е. совокупность воспроизводимых знаний и навыков, закрепленных в повседневной деятельности и обеспечивающих сохранение и актуализацию локальной идентичности в условиях современных трансформаций [5]. Такой подход принципиально отличается ремесленные практики от декоративной стилизации традиционных мотивов, поскольку в первом случае речь идет о сохранении функциональных, технологических и социальных оснований традиции, тогда как во втором – лишь о формальном воспроизведении ее внешних признаков без связи с реальными культурными и пространственными процессами.

Международные исследования в области сохранения нематериального культурного наследия подчеркивают, что ремесленные традиции выступают значимым фактором, связывающим культурные практики с процессами устойчивого развития локальных сообществ, поскольку они выполняют совокупность взаимосвязанных функций. В культурном измерении ремесла обеспечивают воспроизводство и передачу локальной идентичности и традиционных знаний, в экономическом – способствуют формированию устойчивых форм занятости и поддержке локальных хозяйственных систем, в социальном – укрепляют горизонтальные связи внутри сообществ и способствуют межпоколенческой трансляции опыта. В докладах Международного исследовательского центра по нематериальному культурному наследию (IRCI) указывается, что традиционные промыслы играют важную роль в формировании социальной сплоченности, развитии локальной экономики и поддержании идентичности, особенно в регионах с выраженной территориальной спецификой [7].

В данном контексте *genius loci* проявляется не только через физические характеристики среды, но и через социальные практики, закрепленные в ремесленной деятельности, которые обеспечивают укорененность культурных смыслов в повседневной жизни территории. Нормативно-культурное осмысление народных промыслов также закреплено в документах ЮНЕСКО, где нематериальное культурное наследие определяется как совокупность практик, знаний и навыков, признанных сообществами частью их культурной идентичности [8]. В рамках данного подхода народные промыслы рассматриваются не просто

как формы хозяйственной деятельности, а как значимый компонент культурной среды, формирующий локальную идентичность и связанный с конкретной территорией. Такой подход акцентирует внимание на процессуальном характере ремесла, его укорененности в повседневных практиках и неразрывной связи с пространственным контекстом, что имеет принципиальное значение для архитектурной интерпретации локальной культуры.

В российской архитектурной теории подчеркивается, что утрата связи с *genius loci* нередко приводит к формированию пространств, в которых ослаблена выраженность культурной идентичности и утрачены устойчивые символические и функциональные связи с контекстом территории. Анализ современных градостроительных и архитектурных практик показывает, что обращение к «духу места» предполагает не внешнее воспроизведение традиционных форм, а выявление и интерпретацию локальных характеристик, сформированных исторически сложившимися видами деятельности, включая народные промыслы [9]. В данном случае речь идет о таких характеристиках, как типы хозяйственного освоения территории, укорененные социальные практики и связанные с ними способы пространственной организации среды. Данный тезис особенно актуален для объектов, ориентированных на репрезентацию локальной культуры, где требуется не формальное цитирование традиции, а ее содержательная интерпретация.

Таким образом, народные промыслы рассматриваются как один из ключевых носителей характеристик *genius loci*, поскольку в них концентрируются устойчивые формы взаимодействия сообщества с территорией, закрепленные в традиционных видах деятельности. В этом смысле они формируют культурный код места, понимаемый как совокупность типичных форм деятельности, символических значений и способов освоения пространства, воспроизводимых в локальном контексте. Учет ремесленных практик в архитектурном проектировании позволяет использовать их как основу для формирования пространственных решений, в частности при организации функциональной структуры, выборе образных и материальных характеристик среды, а также сценариев ее использования. Осмысление ремесленных практик как пространственно значимого культурного феномена позволяет перейти от абстрактного понимания *genius loci* к его интерпретации через конкретные пространственные, функциональные и социальные характеристики среды.

Архитектура центров народных промыслов как пространственное выражение *genius loci*

Зачастую архитектуру трактуют как форму пространственной интерпретации контекста, включающего культурные, исторические и социальные параметры места. Контекстно-ориентированная архитектура формируется не столько через визуальное цитирование традиционных форм, сколько через выявление и интерпретацию устойчивых характеристик территории, определяющих ее идентичность. В этом смысле центры народных промыслов представляют собой показательный архитектурный тип, в котором дух местности может быть выражен через функциональную структуру, материальные решения и сценарии использования пространства.

Одним из показательных примеров интерпретации *genius loci* в архитектуре ремесленных центров является Деревня бамбуковых ремесленников (Чэнду, Китай) (рис. 1), сформированная на основе традиций бамбукового плетения, характерных для региона Сычуань.

Проект представляет собой не единичное здание, а комплекс пространств, включающий мастерские, выставочные зоны, общественные пространства и жилые структуры, интегрированные в существующую сельскую среду (рис. 2, 3). Архитектурное решение основано на использовании локальных материалов, прежде всего бамбука,

^ Рис. 1. Деревня бамбуковых ремесленников в Чэнду (КНР). Фото Бянь Лин. 2018

> Рис. 2. Деревня бамбуковых ремесленников в Чэнду. Схема функционального зонирования и пространственной структуры. Archi-Union Architects. 2018

> Рис. 3. Деревня бамбуковых ремесленников в Чэнду. Планы основных зданий комплекса, демонстрирующие типологическое разнообразие и функциональную структуру ремесленного центра. Archi-Union Architects. 2018

и традиционных приемов строительства, адаптированных к современным требованиям. Пространственная организация ориентирована на открытость и проницаемость: производственные и выставочные функции не изолированы, а связаны между собой и с общественными маршрутами, что позволяет посетителям наблюдать процесс ремесленного производства.

Исследования, посвященные трансформации «бамбуковой деревни» в Чэнду, подтверждают, что данный комплекс функционирует не как изолированный объект, а как элемент более широкой системы сельского развития и культурного туризма, в которой ремесленные практики интегрированы в современные экономические и социальные процессы [10].

Связь с локальной культурой проявляется не только в образных характеристиках, но и в функциональной структуре: ремесленная деятельность составляет основу организации пространства и повседневной жизни комплекса, включая производство, обучение и демонстрацию ремесла. В отличие от объектов, ограничивающихся декоративным воспроизведением традиционных форм, данный пример демонстрирует содержательную интеграцию ремесленных практик в архитектурную и пространственную организацию.

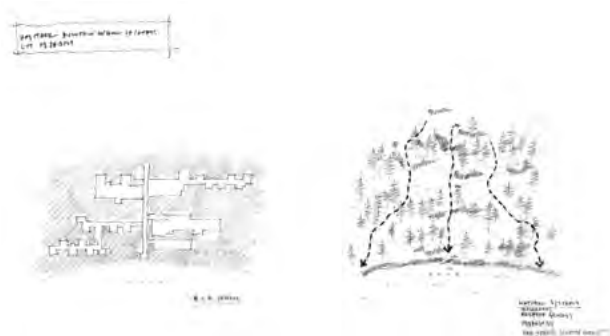
Архитектура «бамбуковой деревни» выступает не как стилизация, а как инфраструктура, обеспечивающая воспроизводство ремесленных практик и их адаптацию к современным условиям. Это позволяет рассматривать данный объект как пример интерпретации характеристик духа местности, проявляющихся через

организацию ремесленных процессов, использование локальных материалов и формирование пространственной структуры, связанной с традиционными видами деятельности.

Школа ремесел Хейстак-Маунтин (Haystack Mountain, США) (рис. 4) представляет собой пример образовательного ремесленного центра, в котором архитектура кампуса играет ключевую роль в формировании профессионального сообщества. Комплекс расположен в природном ландшафте на побережье и включает ансамбль деревянных зданий, спроектированных Эдвардом Ларраби Барнсом.

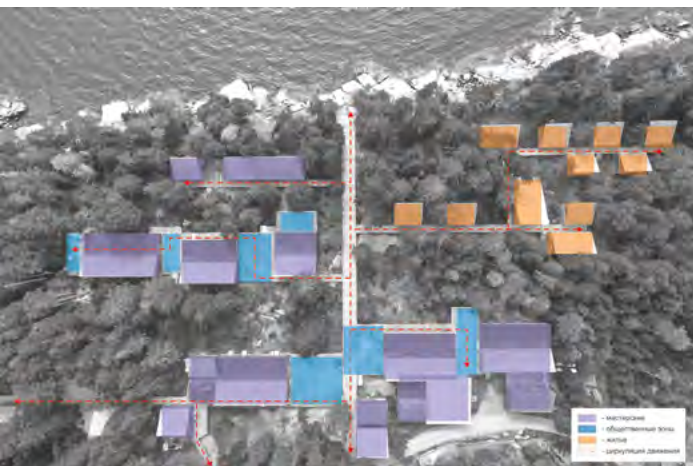
Архитектурное решение основано на адаптации к рельефу и ориентации на виды океана: здания размещены террасно и связаны системой открытых переходов, лестниц и площадок. В состав кампуса входят мастерские, жилые корпуса и общественные пространства, объединенные в единую пространственную структуру (рис. 5). Использование дерева как основного материала и простота конструктивных решений обеспечивают визуальную и тактильную связь с природной средой.

Особенностью проекта является то, что взаимодействие между обучением, проживанием и повседневной деятельностью организовано через пространственные связи: мастерские открыты к пешеходным маршрутам, а общественные пространства формируются как места пересечения потоков участников (рис. 6). Природное окружение при этом становится частью образовательного процесса, постоянно присутствуя в визуальном и физическом опыте пользователей.

v Рис. 4. Школа ремесел Хейстак-Маунтин (США). Пространственная структура кампуса, интегрированного в природный ландшафт. Архитектор Edward Larrabee Barnes. 1960-е годы

v Рис. 5. Схемы по материалам Школы ремесел Хейстак-Маунтин, демонстрирующие связь пространственной структуры кампуса с природной средой и ландшафтными характеристиками территории. 2021

^ Рис. 6. Школа ремесел Хейстак-Маунтин. Схема функционального зонирования и циркуляции. Выполнена авторами на основе материалов Haystack Mountain School of Crafts

^ Рис. 7. Ресурсный центр ремесел Хамир в регионе Катч (Индия). Публикуется с разрешения профессора Нилканта Чхая. 2019

Как отмечается в исследованиях, посвященных ремесленному образованию и архитектуре кампусов, подобная пространственная организация способствует формированию устойчивого профессионального сообщества, основанного на обмене опытом и совместной практике [11]. В данном примере характеристики *genius loci* проявляются через организацию взаимодействия между людьми, деятельностью и ландшафтом, формируя устойчивую пространственную модель ремесленного сообщества.

Ресурсный центр ремесел Хамир в регионе Катч (Индия) (рис. 7) представляет собой пример ремесленного комплекса, в котором архитектура формируется в тесной связи с природными условиями, локальными строительными традициями и структурой ремесленной деятельности. Центр расположен в аридной зоне и был создан в контексте восстановления региона после землетрясения 2001 года.

Комплекс включает мастерские, учебные пространства, зоны для демонстрации и реализации продукции, а также общественные площадки, объединенные в единую систему (рис. 8). Архитектурное решение основано на использовании местных материалов (глина, камень, дерево) и традиционных строительных техник, адаптированных к климатическим условиям региона. Здания имеют низкую этажность, компактные объемы и формируют полузакрытые дворовые пространства, обеспечивающие защиту от жары и ветра (рис. 9). Пространственная организация центра ориентирована на взаимодействие между участниками ремесленного процесса: производство, обучение и обмен опытом не разделены, а интегрированы

в повседневную деятельность. Важную роль играют переходные пространства – дворы, навесы, галереи, которые используются как места общения и совместной работы.

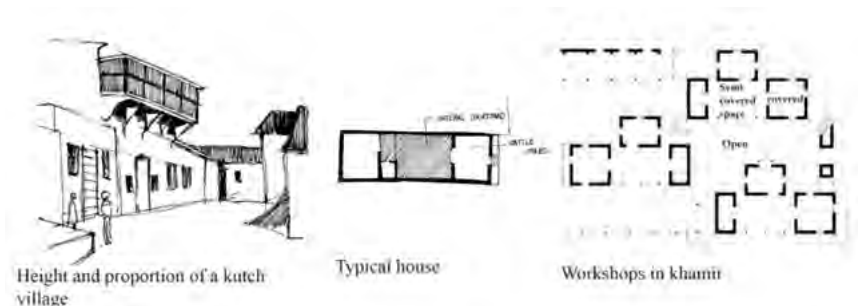
Проект Хамир демонстрирует подход, при котором новые здания опираются на устойчивые локальные типологии и социальные сценарии, адаптируясь к экологическим ограничениям региона [12]. В данном случае характеристики *genius loci* проявляются через согласование архитектурных решений с природной средой, традиционными способами строительства и организацией ремесленного труда. Это позволяет рассматривать центр Хамир не как стилизованный объект, а как пример инфраструктуры «живого наследия», в которой локальные знания и практики становятся основой устойчивого развития.

Сопоставление рассмотренных зарубежных примеров с теоретическими исследованиями архитектуры центров народных промыслов позволяет выявить общую закономерность: устойчивыми и культурно значимыми оказываются те объекты, в которых архитектурные решения формируются на основе ремесленных процессов и локального контекста, а не задаются извне универсальными типологическими схемами [13]. Аналогичный вывод подтверждается исследованиями, посвященными интерпретации культурного наследия в архитектуре, где подчеркивается необходимость перехода от стилизации к работе с функциональными, пространственными и социальными основаниями традиции [10].

Анализ представленных кейсов показывает, что архитектура центров народных промыслов может выступать

v Рис. 8. Ресурсный центр ремесел Хамир. Аналитическая схема функциональной структуры комплекса. Выполнено авторами на основе материалов проекта

v Рис. 9. Традиционная архитектура региона Катч и ее интерпретация в ремесленных пространствах центра Хамир. По материалам исследования

^ Рис. 10. «Город мастеров» в Туркестане (Казахстан). Вид с высоты птичьего полета. Министерство туризма и спорта. 2019

^ Рис. 11. «Город мастеров» в Туркестане. Аналитическая схема планировочной структуры комплекса. Выполнено автором на основе спутниковых данных – комплекса

как форма пространственного выражения *genius loci* при условии интеграции ремесленных практик, особенностей природной среды и локальных моделей взаимодействия. Выявленные принципы: ориентация на процессы ремесленного производства, использование локальных материалов и включение общественных сценариев – формируют основу для проектирования подобных объектов.

Полученные результаты создают методологическую базу для анализа и разработки центров народных промыслов в Казахстане, позволяя рассматривать их как элементы, объединяющие культурные, образовательные и экономические функции в структуре территории.

Архитектурные приемы репрезентации ремесленного процесса

Одной из ключевых особенностей архитектуры центров народных промыслов, ориентированных на выражение духа местности, является включение ремесленного процесса в структуру общественного пространства. В отличие от музейных форм экспонирования, где результат труда отделен от процесса его создания, современные ремесленные центры проектируются как среды, в которых производство становится видимой и неотъемлемой частью повседневной жизни. Такая организация способствует формированию устойчивой связи между архитектурой, локальной культурой и сообществом.

Одним из распространенных архитектурных приемов является визуальная и пространственная открытость мастерских. Использование открытых планировочных структур, остекленных перегородок, внутренних дворов и полупубличных производственных зон позволяет включить ремесленный процесс в маршрут посетителя. В результате формируется среда, в которой производство, обучение и общественные функции взаимосвязаны и не изолированы друг от друга, что соответствует пониманию *genius loci* как совокупности культурных практик, а не статичного образа места [10].

Другим важным приемом является пространственная последовательность, отражающая логику ремесленного труда. Архитектура центров нередко организуется как система взаимосвязанных пространств – от обучения и подготовки материала к производству, демонстрации и реализации изделий. Такая структура не только

функционально обоснована, но и позволяет архитектурно фиксировать сценарии ремесленной деятельности, делая их понятными и доступными для восприятия. Исследования, посвященные архитектуре нематериального культурного наследия, подчеркивают, что именно организация процесса является одним из ключевых факторов устойчивости подобных пространств [11].

Особое значение имеет включение ремесленного процесса в общественные и коммуникативные зоны. Площади, внутренние улицы, галереи и дворы становятся пространствами взаимодействия мастеров, учащихся и посетителей. За счет этого архитектура центров народных промыслов приобретает характер открытой социокультурной среды, а не замкнутого производственного комплекса. В российской архитектурной теории отмечается, что подобные решения позволяют таким объектам функционировать как общественные центры, интегрированные в жизнь территории [13].

Архитектурные приемы, направленные на включение и демонстрацию ремесленного процесса, не только обеспечивают его визуализацию, но и создают условия для его воспроизводства в повседневной практике, что является ключевым условием реализации *genius loci* в архитектуре.

Центры народных промыслов Казахстана как модель интеграции культуры, образования и экономики

В Казахстане в последние годы формируется тенденция к созданию центров народных промыслов нового типа, ориентированных на интеграцию культурных, образовательных и экономических функций. В отличие от традиционных домов ремесел, выполнявших преимущественно репрезентативную или музейную роль, современные объекты все чаще проектируются как учебно-производственные комплексы, направленные на развитие локальных сообществ и территорий [14].

Одним из наиболее показательных реализованных примеров является «Город мастеров» в Туркестане (рис. 10). Комплекс представляет собой систему взаимосвязанных пространств, включающую ремесленные мастерские, учебные помещения, выставочные и торговые зоны, объединенные в пешеходную среду. Застройка имеет фрагментированную структуру и формирует сеть внутренних

^ Рис. 12. Этнодеревня «Гунны» (Алматинская область, Казахстан). MyGuide Kazakhstan. 2022

^ Рис. 13. Этнодеревня «Гунны». Аналитическая схема планировочной организации. Выполнено автором на основе спутниковых данных

улиц и дворов, обеспечивающих непрерывное движение посетителей между различными функциями.

Пространственная организация ориентирована на демонстрацию ремесленного процесса: мастерские открыты, что позволяет наблюдать производство, обучение и реализацию изделий в рамках единого сценария (рис. 11). Это сближает объект с моделями, рассмотренными на зарубежных примерах, где ремесленная деятельность интегрирована в архитектурную структуру. Вместе с тем интерпретация характеристик *genius loci* осуществляется преимущественно через типологию общественных пространств и масштаб застройки, отсылающие к традиционной городской среде Туркестана. При этом степень вовлеченности реальных ремесленных практик и их влияние на формирование архитектурных решений требует дополнительного анализа, поскольку в ряде случаев подобные комплексы могут функционировать как туристически ориентированные пространства.

«Город мастеров» в Туркестане можно рассматривать как пример переходной модели, в которой предпринимается попытка интеграции ремесленного производства в архитектурную среду, однако баланс между подлинной ремесленной деятельностью и ее репрезентацией остается открытым вопросом.

Региональный уровень интеграции культуры и экономики демонстрирует кейс **этнодеревни «Гунны»** (рис. 12), в котором архитектура формируется как интерпретация традиционного кочевого и сельского уклада. В отличие от городского контекста Туркестана, данный объект ориентирован на ландшафтную и этнокультурную обусловленность пространства.

Архитектурная среда представляет собой ансамбль отдельных построек, размещенных в природном ландшафте и организованных по принципу свободной планировки. В состав комплекса входят мастерские, демонстрационные зоны, жилые элементы и объекты туристической инфраструктуры, объединенные системой пешеходных маршрутов (рис. 13). Пространственная организация ориентирована на создание среды, имитирующей традиционный образ жизни, с включением ремесленных и культурных практик в сценарии посещения. Ремесленная деятельность в данном случае интегрирована в туристический опыт: мастерские функционируют как пространства

демонстрации и взаимодействия с посетителями, обеспечивая связь между культурным наследием и экономикой территории. При этом архитектурные решения в большей степени направлены на создание образа традиционной среды, чем на формирование производственной инфраструктуры.

В сравнении с рассмотренными ранее примерами, где ремесленные процессы определяют пространственную структуру, в данном случае доминирует репрезентативный и туристический аспект. Это позволяет рассматривать этнодеревню как модель, в которой характеристики *genius loci* интерпретируются преимущественно через реконструкцию образа и сценариев традиционной жизни, а не через воспроизводство устойчивых ремесленных практик. Данный объект демонстрирует иной подход к работе с локальным контекстом, в котором акцент смещен с производственной и образовательной функции на культурно-туристическую репрезентацию.

В Казахстане формируется многоуровневая система центров народных промыслов, различающихся по масштабу, функциям и способам интеграции ремесленных практик в архитектурную среду. Одним из типов являются ремесленные кластеры, формируемые в рамках туристических программ при участии национальной компании Kazakh Tourism. Эти объекты характеризуются модульной архитектурной структурой, обеспечивающей гибкое размещение мастерских, учебных пространств и зон взаимодействия с посетителями. Подобная организация позволяет адаптировать архитектуру к различным региональным условиям и типам промыслов, однако в ряде случаев доминирующей становится туристическая функция, что влияет на степень включенности реального производства.

Городской уровень представлен проектами интеграции ремесленных функций в существующую культурно-производственную среду, в частности на территории «Казахфильма» в Алматы, рассматриваемой как потенциальная площадка формирования креативно-производственного кластера. В данном случае речь идет о создании гибридных пространств, объединяющих обучение, экспериментальное производство и предпринимательскую деятельность. Такой подход позволяет включить ремесло

Сравнительная характеристика архитектурных моделей центров народных промыслов

Пример	Тип модели	Пространственная структура	Интеграция ремесла	Характер среды	Интерпретация <i>genius loci</i>
Деревня бамбуковых ремесленников (Чэнду, КНР)	Кластерная	Рассредоточенная, связанная маршрутами	Полная (производство интегрировано в среду)	Жилая и производственная	Высокая (ремесло формирует структуру)
Школа ремесел Хей-стак-Маунтин (США)	Кампусная	Ансамбль в ландшафте	Полная (обучение и практика)	Образовательная	Высокая (пространство формирует сообщество)
Центр ремесел Хамир (Индия)	Дворово-кластерная	Система дворов	Полная (производство и обучение)	Локальная, климатическая	Высокая (основана на традиционных типологиях)
«Город мастеров» в Туркестане (Казахстан)	Квартальная	Замкнутый квартал	Частичная (ориентация на демонстрацию)	Туристическая	Средняя (пространство задает образ)
Этнодеревня «Гуны» (Казахстан)	Ландшафтная	Свободная, кластерная	Ограниченная (демонстрационная)	Этнокультурная, туристическая	Низкая (преобладает реконструкция образа)

в современный городской контекст, соотнося его с культурной и образовательной ролью Алматы.

Отдельную группу составляют проектные модели учебно-производственных центров ремесел, разрабатываемые в рамках научных и учебных исследований. Для них характерна четкая функциональная структура с интеграцией учебных мастерских, производственных зон и общественных пространств. В отличие от туристических моделей, такие проекты в большей степени ориентированы на воспроизводство ремесленных практик и формирование профессиональной среды.

Дополняющим типом являются региональные дома ремесел при музеях и этнокультурных комплексах, где архитектура ориентирована преимущественно на образовательную и просветительскую функцию. Несмотря на менее выраженную экономическую составляющую, данные объекты играют важную роль в сохранении и передаче ремесленных традиций, особенно в малых городах и сельских территориях.

Казахстанский опыт демонстрирует разнообразие моделей центров народных промыслов – от туристически ориентированных кластеров до образовательных и производственных структур. Наиболее реализованным примером интеграции культуры, образования и экономики при этом остается «Город мастеров» в Туркестане, тогда как ряд других моделей находится в стадии формирования или концептуальной проработки.

Выделенные на основе анализа зарубежных и казахстанских кейсов архитектурные модели центров народных промыслов различаются по характеру пространственной организации, степени интеграции ремесленных процессов и типу взаимодействия с контекстом. Для обобщения и сопоставления этих различий представлена таблица, в которой ключевые параметры рассмотрены в единой системе критериев.

Наиболее устойчивыми являются модели, в которых ремесленные процессы непосредственно формируют пространственную структуру и повседневную среду (кластерная, кампусная и дворово-кластерная модели). В этих случаях архитектура обеспечивает условия для производства, обучения и взаимодействия, а не только их демонстрацию. В то же время квартальная и ландшафтно-сценарная модели в большей степени ориентированы на репрезентацию и туристические сценарии, что снижает степень их связи с реальными ремесленными практиками и требует дополнительной проработки при проектировании.

Принципы архитектурного проектирования центров народных промыслов в контексте духа местности

Обобщение теоретических положений и анализа зарубежных и казахстанских кейсов позволяет сформулировать ряд принципов архитектурного проектирования центров

народных промыслов, ориентированных на выявление и пространственный учет характеристик *genius loci* в проектировании. Данные принципы носят методологический характер и могут использоваться как ориентиры при разработке контекстно-ориентированных архитектурных решений.

Контекстная обусловленность предполагает рассмотрение архитектуры как продолжения природного, культурного и исторического ландшафта. Это требует анализа климата, топографии, традиционных материалов и сценариев использования пространства, а не ограничивается визуальной адаптацией формы. На практике данный принцип реализуется через выбор масштаба застройки, планировочной структуры и материальных решений, соответствующих с локальной средой.

Интерпретация вместо стилизации является ключевым условием работы с традицией. Исследования в области архитектуры культурного наследия показывают, что буквальное воспроизведение традиционных форм приводит к утрате смысловой глубины [10]. В архитектуре центров народных промыслов обращение к *genius loci* должно выражаться через пространственную организацию, функциональную структуру и сценарии использования, а не через декоративные заимствования.

Пространственная открытость ремесленного процесса предполагает включение производства и обучения в общественную структуру здания. Открытые мастерские, визуальные связи и включенность ремесленного труда в маршруты посетителей способствуют передаче знаний и формированию устойчивых ремесленных практик [11]. В этом случае архитектура выступает медиатором между мастером и обществом.

Интеграция функций реализуется через объединение образовательных, производственных и экономических процессов в рамках единой пространственной системы. Как показывают исследования учебно-производственных центров, именно такая интеграция создает условия для устойчивого развития ремесленных сообществ и креативных индустрий [14].

Использование локальных ресурсов и принцип устойчивости связаны с применением местных материалов, традиционных технологий и адаптацией к климатическим условиям. Международные исследования подчеркивают, что устойчивость архитектуры, основанной на нематериальном наследии, достигается через обращение к локальным знаниям и практикам [11].

Адаптивность архитектурной среды предполагает возможность трансформации пространства без утраты связи с контекстом. Наиболее жизнеспособными оказываются те объекты, которые допускают изменение функций, форматов обучения и способов использования, сохраняя при этом базовые пространственные принципы [13].

Сформулированные принципы ориентированы на учет характеристик *genius loci* в архитектурном проектировании и их пространственную интерпретацию через планировочные, материальные и функциональные решения. Их применение позволяет формировать устойчивые и культурно укорененные пространства, интегрирующие ремесленные практики в современную архитектурную и социально-экономическую среду.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что архитектура центров народных промыслов формирует особый тип общественных пространств, в которых характеристики *genius loci* реализуются через осмысленную пространственную интерпретацию локальной культуры, а не через стилизацию традиционных мотивов. Народные промыслы в данном контексте выступают не только объектом сохранения нематериального наследия, но и фактором, определяющим архитектурную идентичность, влияющим на планировочную структуру, материальные решения и сценарии использования пространства.

Анализ зарубежных и казахстанских кейсов позволил выявить устойчивую закономерность: наиболее жизнеспособными являются те центры народных промыслов, в которых архитектура интегрирует культурные, образовательные и экономические функции в единую пространственную систему. Такая интеграция обеспечивает не только сохранение ремесленных традиций, но и их актуализацию в условиях современной экономики и развития креативных индустрий. В этом контексте архитектура выступает как медиатор между традицией и современностью, локальным сообществом и внешними социально-экономическими процессами.

Казахстанский опыт демонстрирует разнообразие архитектурных моделей центров народных промыслов – от городских ремесленных кварталов и туристических кластеров до региональных домов ремесел и учебно-производственных комплексов. При этом «Город мастеров» в Туркестане является наиболее реализованным примером интеграции культуры, образования и экономики, тогда как ряд других моделей находится в стадии формирования или концептуальной проработки. Сопоставление кейсов показывает, что обращение к *genius loci* позволяет избежать универсализации архитектурных решений и формировать пространства, укорененные в конкретном культурном и пространственном контексте.

Таким образом, архитектура центров народных промыслов представляет собой перспективное направление развития общественных и культурных пространств, способное одновременно решать задачи сохранения локальной идентичности и социально-экономического развития территорий. Полученные результаты могут быть использованы в архитектурной практике, образовательных программах и при разработке проектных и градостроительных решений, ориентированных на устойчивое развитие регионов Казахстана.

Литература

- Yelken Kar, Z. E., Kutlay, E., Çalıskan, O. Revisiting critical regionalism from an urbanistic perspective: A generative typomorphology for contextual urban design // *Urban Design International*. – 2026. – Vol. 18. – Article 00302. – URL: <https://doi.org/10.1057/s41289-025-00302-6> (дата обращения: 18.03.2026).
- Федотова, Н. Г. «Гений места» в структуре городской идентичности // *Культурология и искусствоведение*. – 2024. – № 66. – С. 85–93.
- Wijaya, N., Tjundawan, A. G., Waiman, D., Gadjuhi, N. C. From culture to virality: The social media effect on tourist destination in the Greater Jakarta area // *Journal of Architecture & Environment*. – 2025. – Vol. 24 (2). – P. 127–144. – URL: <https://iptek.its.ac.id/index.php/joae/article/download/22273/9425> (дата обращения: 18.03.2026).
- Лидин, К. *Genius Loci и/или Zeitgeist?* // Проект Байкал. – 2023. – Т. 20, № 77. – С. 52–55. – DOI: 10.51461/issn.2309-3072/77.2187
- Cuckemane, V., Ramaraj, A., Umashankar, B. Exploring the nexus of genius loci, heritage and vernacular architecture: A systematic literature

review. *ITU AJZ: ITU // Journal of the Faculty of Architecture*. – 2025. – Vol. 22 (2). – P. 309–324. – URL: <https://doi.org/10.58278/0.2025.97> (дата обращения: 18.03.2026).

- Ding, C., Ismail, N. A., Hussein, M. K., Hussain, N. A systematic review of the traditional handicrafts preservation toward sustainable intangible cultural heritage // *SAGE Open*. – 2025. – Vol. 15 (3). – P. 1–15. – URL: <https://doi.org/10.1177/21582440251337837> (дата обращения: 18.03.2026).
- International Research Centre for Intangible Cultural Heritage in the Asia-Pacific Region. *Intangible cultural heritage and sustainable communities in the Asia-Pacific region: Report of the research on ICH contributing to SDGs project (FY 2022–2024)*. – URL: https://www.irci.jp/wp_files/wp-content/uploads/2025/05/IRCI_Intangible-Cultural-Heritage-and-Sustainable-Communities-in-the-Asia-Pacific-Region.pdf (дата обращения: 18.03.2026).
- UNESCO. *Intangible cultural heritage lists*. – URL: <https://ich.unesco.org/en/lists> (дата обращения: 18.03.2026).
- Лавров, Л. П., Молоткова, Е. Г., Суровенков, А. В. Градостроительные парадоксы «Genius loci» в историческом центре Санкт-Петербурга // *Academia. Архитектура и строительство*. – 2021. – № 1. – С. 85–91. – URL: <https://doi.org/10.22337/2077-9038-2021-1-85-91> (дата обращения: 13.03.2026).
- Hua, Y., Xu, Y., Lu, L., Kong, X. The evolution logic of glocalization in tourism destinations from a relational space perspective: A case study of Gulangyu Island, Xiamen // *Acta Geographica Sinica*. – 2026. – Vol. 81 (2). – P. 565–586. – URL: <https://doi.org/10.11821/dlxb202602015> (дата обращения: 15.03.2026).
- Franco, J. T. Alana Van Derwerker Materials Related to Haystack Mountain School of Crafts. *Archives of American Art Journal*. – 2023. – Vol. 62 (2). – P. 88–90. – URL: <https://doi.org/10.1086/727631> (дата обращения: 18.03.2026).
- Agarwal, A., Gujar, K. Permanence in Architecture: Indian Context and Time // *International Journal of Architecture and Urban Studies*. – 2018. – Vol. 3 (2). – P. 14–28 (Conference Paper, ARCHTHEO'17 DAKAM).
- Vavulin, K. E. Формирование архитектуры центров народных промыслов в контексте социально-культурной идентичности // *Architecture and Modern Information Technologies*. – 2025. – № 4 (73). – С. 177–191. – URL: <https://doi.org/10.24412/1998-4839-2025-4-177-191> (дата обращения: 18.03.2026).
- Arynov, K. K., Zhaksylykova, L., Chernysh, N., Chekayeva, R., Khvan, Y. A basis for creating educational and production centers and folk applied craft centers in the settlements of Kazakhstan // *ISVS e-Journal: Journal of the International Society for the Study of Vernacular Settlements*. – 2022. – Vol. 9 (5). – P. 291–302. – URL: https://isvshome.com/pdf/ISVS_9-5/ISVS_9.5.20_Arynov.pdf (дата обращения: 18.03.2026).

References

- Agarwal, A., & Gujar, K. (2018). Permanence in Architecture: Indian Context and Time. *International Journal of Architecture and Urban Studies*, 3(2), 14–28. (Conference Paper, ARCHTHEO'17 DAKAM).
- Arynov, K. K., Zhaksylykova, L., Chernysh, N., Chekayeva, R., & Khvan, Y. (2022). A basis for creating educational and production centers and folk applied craft centers in the settlements of Kazakhstan. *ISVS e-Journal: Journal of the International Society for the Study of Vernacular Settlements*, 9(5), 291–302. Retrieved March 18, 2026, from https://isvshome.com/pdf/ISVS_9-5/ISVS_9.5.20_Arynov.pdf
- Cuckemane, V., Ramaraj, A., & Umashankar, B. (2025). Exploring the nexus of genius loci, heritage and vernacular architecture: A systematic literature review. *ITU AJZ. ITU Journal of the Faculty of Architecture*, 22(2), 309–324. <https://doi.org/10.58278/0.2025.97>
- Ding, C., Ismail, N. A., Hussein, M. K., & Hussain, N. (2025). A systematic review of the traditional handicrafts preservation toward sustainable intangible cultural heritage. *SAGE Open*, 15(3), 1–15. <https://doi.org/10.1177/21582440251337837>
- Fedotova, N. G. (2024). The genius of a place in urban identity structure. *Kulturologiya i iskusstvovedenie*, (66), 85–93.
- Franco, J. T. (2023). Alana Van Derwerker Materials Related to Haystack Mountain School of Crafts. *Archives of American Art Journal*, 62(2), 88–90. <https://doi.org/10.1086/727631>
- Hua, Y., Xu, Y., Lu, L., & Kong, X. (2026). The evolution logic of glocalization in tourism destinations from a relational space perspective: A case study of Gulangyu Island, Xiamen. *Acta Geographica Sinica*, 81(2), 565–586. <https://doi.org/10.11821/dlxb202602015>
- International Research Centre for Intangible Cultural Heritage in the Asia-Pacific Region. (2025). *Intangible cultural heritage and sustainable communities in the Asia-Pacific region: Report of the research on ICH contributing to SDGs project (FY 2022–2024)*. Retrieved March 18, 2026, from https://www.irci.jp/wp_files/wp-content/uploads/2025/05/IRCI_Intangible-Cultural-Heritage-and-Sustainable-Communities-in-the-Asia-Pacific-Region.pdf
- Lavrov, L. P., Molotkova, E. G., & Surovenkov, A. V. (2021). Urban Planning Paradoxes of “Genius Loci” in the Historical Center of Saint Petersburg. *Academia. Architecture and Construction*, (1), 85–91. <https://doi.org/10.22337/2077-9038-2021-1-85-91>
- Lidin, K. (2023). Genius Loci and/or Zeitgeist? *Project Baikal*, 20(77), 52–55. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/77.2187>
- UNESCO. (2026). *Intangible cultural heritage lists*. Retrieved March 18, 2026, from <https://ich.unesco.org/en/lists>
- Vavulin, K. E. (2025). Formation of architecture of folk crafts centers in the context of socio-cultural identity. *Architecture and Modern Information Technologies*, 4(73), 177–191. <https://doi.org/10.24412/1998-4839-2025-4-177-191>
- Wijaya, N., Tjundawan, A. G., Waiman, D., & Gadjuhi, N. C. (2025). From culture to virality: The social media effect on tourist destination in the Greater Jakarta area. *Journal of Architecture & Environment*, 24(2), 127–144. Retrieved March 18, 2026, from <https://iptek.its.ac.id/index.php/joae/article/download/22273/9425>
- Yelken Kar, Z. E., Kutlay, E., & Çalıskan, O. (2026). Revisiting critical regionalism from an urbanistic perspective: A generative typomorphology for contextual urban design. *Urban Design International*, 18, Article 00302. <https://doi.org/10.1057/s41289-025-00302-6>

В статье исследуется история постройки, особенности архитектуры и технические характеристики трех знаковых современных зрелищных зданий Казахстана. Метод исследования основан на анализе открытых источников, проектных материалов, фотофиксации, профессиональных публикаций и визуальных наблюдений за функционированием объектов в городской среде. Результаты исследования показали, что сочетание глобальных проектных практик, цифровых технологий и локальных культурных мотивов способствует формированию уникального архитектурного образа зрелищных зданий и усиливает их роль как градостроительных доминант и носителей региональной идентичности.

Ключевые слова: многофункциональные комплексы; идентичность; контекст; цифровые технологии; архитектурная доминанта. /

The purpose of this study is to analyze the architectural image and technological solutions of three contemporary spectacular buildings in Kazakhstan. The research methodology is based on the analysis of open-source materials, design documentation, photographic records, professional publications, and visual observations of the buildings' operation within the urban environment. The results demonstrate that the integration of global design practices, digital technologies, and local cultural motifs contributes to the formation of a distinctive architectural image of spectacular buildings and enhances their role as urban landmarks and carriers of regional identity.

Keywords: multifunctional complexes; identity; context; digital technologies; architectural landmark.

Архитектурный облик современных зрелищных зданий Казахстана / Architectural image of contemporary spectacular buildings in Kazakhstan

текст

Алия Толеген

Казахская национальная академия искусств имени Т. Жургенова (Алматы, Казахстан)

Анара Амиржанова

Кокшетауский университет имени Ш. Уалиханова (Кокшетау, Казахстан)

Айнаш Наурызбаева

Казахская национальная академия искусств имени Т. Жургенова (Алматы, Казахстан)

text

Aliya Tolegen

T. Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts (Almaty, Kazakhstan)

Anara Amirzhanova

Sh. Ualikhanov Kokshetau University (Kokshetau, Kazakhstan)

Ainash Naurzybayeva

T. Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts (Almaty, Kazakhstan)

Введение

Современные зрелищные здания занимают особое место в структуре крупных городов, не только аккумулируя в себе функции культуры, спорта и досуга, но и становясь важными символами городской идентичности. Урбанизация и глобализация обусловили изменение образа жизни людей, рост потребности в общественных пространствах нового формата и формирование новых требований к архитектурному облику зданий [1, 2]. В данном аспекте является актуальным проанализировать опыт формирования уникального архитектурного образа зрелищных зданий, способствующих повышению престижа города и удовлетворению растущего спроса населения на культурные развлечения и разнообразные формы досуга [3]. Особое значение имеет влияние архитектурных объектов на развитие туристической отрасли [4].

Размещение крупных зрелищных комплексов на ранее слабо освоенных или пустующих городских территориях стало фактором активизации градостроительного развития, стимулирующим формирование новых общественных пространств, а также обновление транспортной и сервисной инфраструктуры. В связи с этим архитектурный облик подобных объектов целесообразно рассматривать не только как результат художественно-композиционных решений, но и как инструмент пространственного и социального переосмысления городской среды [5]. Значительный пласт исследований посвящен типологии и архитектурно-планировочным особенностям зрелищных зданий [6]. Отмечается, что формирование зрелищных комплексов нового поколения сопровождается усложнением функциональных программ, повышенными требованиями к трансформируемости залов и активной интеграцией современных инженерных, мультимедийных и информационных систем [7]. Подчеркивается, что в условиях реконструкции особую актуальность приобретают задачи типологического развития зрелищных зданий, их адаптации к обновленным нормативным, технологическим и эксплуатационным требованиям [8, 9].

В данном исследовании рассматривается архитектура трех зрелищных зданий Казахстана – «Алматы Арена», «Алматы Театр», «Астана Опера», которые имеют особое

значение среди зрелищных зданий, построенных в Казахстане в начале XXI века.

Цель исследования – изучить историю постройки, особенности архитектуры и технические характеристики трех современных зрелищных зданий Казахстана с выявлением специфики их функциональной организации, технологических решений и проявлений региональной идентичности.

Методы исследования

В процессе исследования были задействованы открытые информационные ресурсы, включая научные и профессиональные публикации, материалы профильных архитектурных изданий, а также данные, представленные на официальных сайтах объектов. Существенную роль сыграл анализ визуальных материалов – фотографий, размещенных в открытых интернет-источниках, что позволило уточнить архитектурный облик зданий, характер фасадных решений и особенности их взаимодействия с окружающей городской средой. Для пространственного анализа и уточнения градостроительного контекста использовались спутниковые снимки и картографические данные сервиса Google Maps. Это позволило проанализировать расположение объектов, их взаимосвязь с улично-дорожной сетью, характер прилегающих территорий, а также выявить особенности формирования общественных пространств. Дополнительно в работе были привлечены материалы архивных фондов, включающие проектную документацию, чертежи планов и разрезов, что обеспечило более глубокое понимание архитектурно-планировочной структуры объектов и этапов их формирования. Использование архивных источников позволило сопоставить первоначальные проектные решения с их реализованными версиями. Наряду с этим применялся метод визуального наблюдения, направленный на изучение функционирования зданий в реальных условиях городской среды.

Результаты

«Алматы Арена» – новая достопримечательность Казахстана (рис. 1). Комплекс построен по международным стандартам специально к Универсиаде 2017 года. Он расположен в Алатауском районе, общая площадь

< Рис. 1. Общий вид здания «Алматы Арена» (<https://ticketon.kz/en/place/almaty-arena-ft>)

v Рис. 2. Фрагмент участка территории нового микрорайона Нуркент (Google Maps)

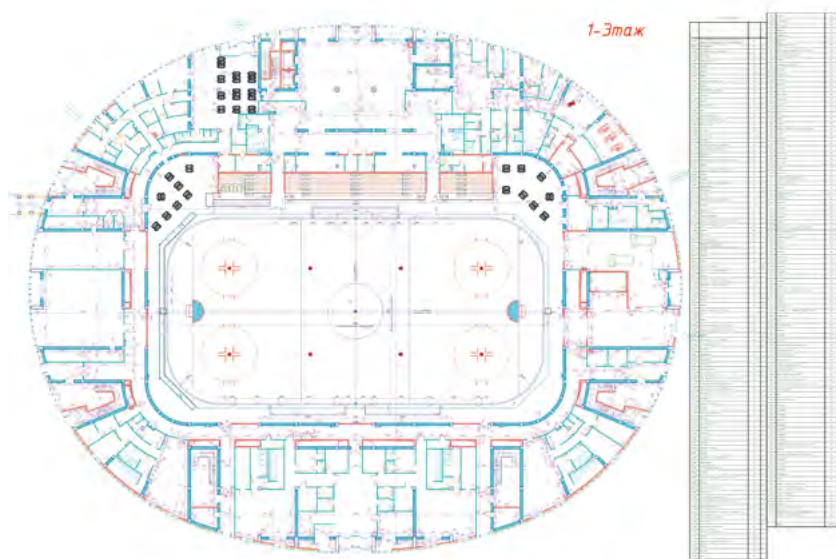

v Рис. 3. План 1-го этажа здания «Алматы Арена» – блок Б

комплекса составляет 10 гектаров. Это крупнейшее спортивное сооружение Казахстана, второе по величине в СНГ, и крупнейшая крытая ледовая арена в Центральной Азии [10]. Комплекс, построенный на ранее неосвоенных и пустующих городских территориях, дал мощный импульс развитию нового микрорайона Нуркент и сформировал центр притяжения между создаваемой и уже существующей городской застройкой. Автором проекта является архитектор Айдын Акбай, застройщик ТОО «Компания "СТРОЙТЕКС"» (Казахстан) (рис. 2).

После окончания Универсиады здание «Алматы Арена» продолжает активно функционировать, афиша мероприятий разнообразна – от хоккейных матчей до концертов, масштабных шоу и боксерских поединков. Для популяризации спорта и здорового образа жизни среди молодежи в стенах спортивного комплекса открыты секции вольной, греко-римской и женской борьбы, хоккея с шайбой, фигурного катания, бокса, волейбола, баскетбола. Объемно-планировочное решение архитектурного объекта состоит из трех корпусов с двумя ледовыми площадками, фитнес-центром и бассейном. Вместимость ледовой арены – 12 тыс. зрителей, концертного зала – 5 тыс. (рис. 3). Здание оснащено инженерным и мультимедийным оборудованием, соответствующим международным стандартам проведения спортивных и зрелищных мероприятий. В состав технического оснащения входят трансформируемые ледовые площадки, профессиональные системы освещения и звукоусиления, цифровые экраны, автоматизированные системы климат-контроля и вентиляции, а также современные средства безопасности и управления потоками зрителей. Такое технологическое оснащение обеспечивает multifunctionality комплекса и возможность проведения мероприятий различного масштаба – от международных спортивных соревнований до концертных и шоу-программ.

Архитектурный облик здания «Алматы Арена» основан на сочетании горизонтально вытянутых, обтекаемых объемов и крупномасштабной пластики кровли, объединяющей отдельные функциональные блоки в единую композиционную структуру. Два доминирующих овальных корпуса за счет легкого смещения относительно общей оси формируют динамичную объемно-пространственную композицию и создают эффект движения и развертыва-

^ Рис. 4. Ночной вид здания «Алматы Арена» (<https://ticketon.kz/en/place/almaty-arena-ft>)

в Рис. 6. Месторасположение здания «Алматы Театр» на участке городской территории (Google Maps)

^ Рис. 5. Фасад здания «Алматы Театр» (<https://www.the-village-kz.com/village/city/news-city/22479-almaty-theatre-new>)

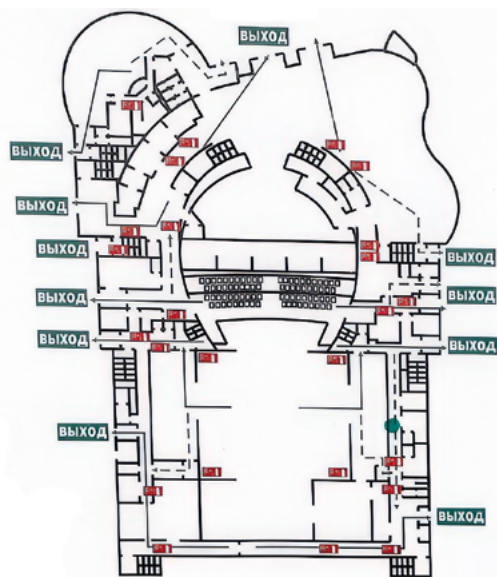
ния здания вдоль фронта застройки. Ключевым акцентом фасадной композиции выступает протяженная парадная лестница, выдвинутая в сторону открытого общественного пространства. Она формирует основной пешеходный подход к комплексу, подчеркивает главный вход и связывает уровень городской территории с приподнятым стилобатом. Широкие марши лестницы усиливают ощущение масштабы сооружения, организуют потоки зрителей и включают этап подъема по ступеням в сценарий восприятия объекта перед началом мероприятий. Контрастная, но при этом созвучная природному окружению футуристическая форма формирует образ диалога между искусственно созданной архитектурой и естественным ландшафтом, благодаря чему «Алматы Арена» воспринимается как современный архитектурный символ, сочетающий технологичность, динамику и ярко выраженную ландшафтную образность. В вечернее и ночное время архитектурная композиция комплекса раскрывается как выразительный светопрозрачный ансамбль. Ритм остекленных плоскостей и глухих участков фасада задает чередование прозрачности и массивности, что усиливает зрелищность ночной подсветки и подчеркивает ее роль как активной градостроительной доминанты и светового ориентира района (рис. 4).

«Алматы Театр» – это первый частный театр в Казахстане, построенный в 2022 году в Алматы [11] (рис. 5). Архитектурная концепция здания была разработана бюро Bashire Design под руководством архитектора А. Ивженко, функции девелопера и застройщика выполняла компания BAZIS-A. Здание было возведено на ранее пустующем участке у подножия гор, в окружении крупных деловых и общественных центров, что изначально задавало высокий градостроительный статус объекта. В непосредственном окружении театра расположены крупные объекты деловой застройки, в том числе высотные офисные здания делового назначения «Алматы Тауэрс» (Almaty Towers), современный бизнес-центр «Парк Вью» (Park View Office Tower), а также бизнес-центр «Кок-Тобе» (Koktobe Business Center), формирующие единый деловой пояс престижного района у подножия гор, бизнес-центр ILE. Архитектурный проект здания выполнен архитектурным бюро Bashire Design (Казахстан). Общая площадь театра составляет почти 14 тыс. м² (рис. 6).

«Новое multifunctionальное пространство со зрительным залом на 700 посадочных мест и сценическим комплексом рассчитано на любой формат культурных мероприятий – от культовых балетных спектаклей и театральных постановок до грандиозных фееричных шоу, выставок и fashion-ивентов. Именно сюда будут приезжать звезды мировой сцены, здесь будут проводиться светские рауты и модные бранчи» [12]. При театре действует школа хореографии, здесь могут учиться не только будущие артисты балета, но и все желающие (рис. 7). Еще одна точка притяжения – рестораны и кофейни со стильным интерьером и оригинальным освещением, расположенные в театре, которые станут модным местом для жителей и гостей города. Технические возможности, освещения, акустики и театра в целом соответствуют требованиям мирового балета, что позволяет театру принимать звезд. «Сцена театра особенная, она имеет специальное профессиональное покрытие «Арлекин», которое не скользит и способствует хорошему вращению, а главное – повышенная амортизация минимизирует нагрузку на суставы артистов», – пишут специалисты. Функциональная гибкость сценического пространства позволяет использовать театр как универсальную площадку для международных гастролей, светских мероприятий и культурных форумов (рис. 8).

Архитектурный облик «Алматы Театр» формируется как выразительная многоярусная композиция, основанная на сочетании цилиндрических и ступенчато наложенных объемов. Композиция развивается от широкого прозрачного основания к более массивным верхним объемам, что создает эффект атектоничной постройки Фрэнка Гери. Нижний уровень решен в виде развитого остекленного пояса, формирующего открытую общественную зону фойе и обеспечивающего активную визуальную связь интерьеров с городским пространством. Прозрачность стеклянного фасада контрастирует с расположенными выше глухими каменными цилиндрами, облицованными светлыми натуральным камнем, что усиливает его представительный характер.

Центральный объем театра трактован как современная интерпретация классической ротонды, но выполненная в сдержанной, минималистичной пластике без избыточного декора. Четкие горизонтальные членения создают

^ Рис. 7. План 1-го этажа здания «Алматы Театр»

^ Рис. 8. Интерьер фойе здания «Алматы Театр»
(<https://orda.kz/pervyj-chastnyj-teatr-v-kazahstane-chto-izvestno-o-novom-almaty-theatre/>)

ритм, визуально «собирающий» сложную форму в цельный архитектурный образ. Такой прием формирует ассоциации с традиционной театральной архитектурой, переосмысленной видением XXI века. Особую выразительность зданию придает его взаимодействие с природным ландшафтом: на фоне панорамы Заилийского Алатау белоснежные объемы театра читаются как архитектурная доминанта, обладающая четким силуэтом и высокой визуальной узнаваемостью. Размещение в зоне активного делового и культурного развития способствовало формированию нового общественного ядра, усилило репрезентативную функцию территории и подчеркнуло интеграцию современной архитектуры в природно-ландшафтный контекст Алматы.

Государственный театр оперы и балета «Астана Опера», открытый в 2013 году, является крупнейшим театром в Центральной Азии, над архитектурным решением которого трудилась команда архитекторов, строителей из 33 стран (Италия, Франция, Германия, Албания, Швейцария, Марокко, Россия и др.) [14] (рис. 9). Учреждение имеет статус государственного театра национального значения. Автор проекта – Беджет Паколли, архитектор – Ренато Аркетти, скульпторы – М. Мансуров, Т. Ермеков, К. Нурбатуров. Проектирование и строительство реализовали итальянское архитектурное бюро Arlotti – Beccu – Desideri – Raimondo (ABDR) и швейцарская инженерно-строительная компания Mabetex Group. Акустика театра, считающаяся одной из лучших в мире, была спроектирована итальянскими инженерами Энрико Моретти и Марией Кайроли. Площадь здания – 64 тыс. м², из них около 3 тыс. занимает сценическая площадка, включающая четыре сцены.

В оперном театре два зала: главный – на 1250 мест и камерный – на 250. Оркестровая яма вмещает до 120 музыкантов. Архитектурно-планировочное решение здания изначально ориентировано на многофункциональное использование и включает в свой состав не только зрительные и сценические пространства, но и музей театра, выставочные галереи, хореографические и репетиционные залы, образовательные студии, а также развитую систему общественных и представительских помещений. Благодаря такой структуре, театр функционирует как многофункциональный культурный комплекс,

сочетающий сценическое искусство, музейно-выставочную деятельность, образовательные программы и общественную коммуникацию. Театр самостоятельно создает декорации и шьет костюмы. Здесь целый ряд цехов, где трудятся плотники, кузнецы, скульпторы, художники, штукатуры, обойщики, швеи [15] (рис. 10).

В структуре объекта цифровые технологии интегрированы не как вспомогательные элементы, а как системообразующий компонент пространственной организации. Ключевым элементом является цифровое сценическое оборудование, включающее автоматизированные системы подъема и трансформации подиумов, оркестровых ям, декорационных конструкций, а также программируемые механизмы вращающихся сценических платформ. Это позволяет в краткие сроки адаптировать сцену под различные форматы мероприятий – от классических балетных и оперных постановок до мультимедийных шоу, концертов и фешен-ивентов (мероприятий в сфере моды). Интеллектуальные системы светового и звукового управления, синхронизируются с музыкальным сопровождением, видеоконтентом и сценическим движением. Применяются светодиодные экраны высокого разрешения, проекционные системы, технологии видеомэппинга, позволяющие создавать динамичные цифровые декорации и усиливать художественный эффект сценического действия. На сайте театра был внедрен виртуальный тур, а благодаря веб-ресурсу «City360», перед тем как приобрести билет, у публики теперь есть возможность выбрать место в зрительном зале и посмотреть, какой обзор сцены будет именно в этой точке зала. Разработано мобильное приложение и версия сайта для слабовидящих людей. Управление инженерной инфраструктурой осуществляется через интегрированные системы «умного здания» (BMS), контролирующие микроклимат, освещение, энергопотребление, безопасность и эвакуационные сценарии в режиме реального времени. Главный занавес изготовлен из огнестойкого велюрового полотна. Он бесшумно раскрывается тремя различными способами. Функцию отражения или поглощения звуковой вибрации имеют не только зеркала, но и кресла (учтен их угол наклона и поворот) и декоративная лепнина. На акустику театра работает даже паркетный пол, где использованы древесина бука и березы, медленно растущая канадская

v Рис. 10. Месторасположение здания «Астана Опера» на участке городской территории (Google Maps)

^ Рис. 9. Общий вид здания «Астана Опера» (<https://iskatel.com/places/teatr-astana-opera>)

сосна, вишневые и черешневые панели в сочетании с латунью.

«Астана Опера» является одним из главных символов современной культурной инфраструктуры столицы Казахстана. Театр расположен на ранее не освоенном участке с выраженным возвышенным рельефом в левобережной части Астаны. Архитектурный облик здания сформирован в русле современной интерпретации неоклассицизма, что придает ему торжественный, репрезентативный и государственно-символический характер. Композиция решена строго симметрично, с четко выраженной главной осью, подчеркнутой развитым портиком с колоннадой и треугольным фронтоном. Фронтон главного входа декорирован рельефной орнаментацией, а его завершение акцентировано скульптурной композицией в образе сакской царицы Томирис, управляющей колесницей. Эта скульптурная доминанта усиливает парадный характер здания и формирует его узнаваемый силуэт в городской панораме. Перед главным входом посетителей встречают скульптурные композиции «Кобызист» и «Девушка с жетигеном» (рис. 11). Сам абрис фигур идеально вписывается в ниши фасада театра и точно соответствует высоте стены до портика. Фасады отделаны натуральным камнем разной обработки. Окна сделаны из алюминия, стили-

зованного под латунь. Крыша покрыта предварительно окисленными и стабилизированными медными пластинами. Пластика фасадов строится на ритмическом чередовании вертикалей колонн и оконных проемов, благодаря чему формируется четкий, уравновешенный архитектурный ритм. Здание органично включено в открытую городскую среду и воспринимается как градостроительная доминанта, читаемая с дальних точек обзора. Широкие стилобатные террасы, парадная лестница и озелененное пространство перед театром формируют торжественный подход и усиливают сценарий восприятия объекта как представительного общественного сооружения.

Значимую роль в формировании архитектурного облика здания сыграла работа профессиональных художников, скульпторов и мастеров декоративно-прикладного искусства, благодаря которым архитектурный образ театра приобрел завершенное символично-художественное звучание. Этот прием последовательно реализуется в интерьере здания и играет важную роль в формировании целостного архитектурно-художественного образа. В интерьерах театра работа художников проявляется в монументально-декоративных панно, росписях, световых инсталляциях, орнаментальных решениях потолков и стен, а также в авторском дизайне люстр, лестничных ограждений и текстильного убранства. Эти элементы формируют сложную многослойную художественную среду, где архитектура, живопись, скульптура и декоративное искусство образуют единый синтетический образ.

Объемно-пространственная структура театра развернута в глубину участка: за главным парадным фасадом последовательно раскрываются боковые и тыльные объемы, включающие сценическую коробку и служебные пространства. Кровельные формы решены в виде плавного изогнутых, куполообразных и цилиндрических объемов, что смягчает строгую геометрию фасадов и создает пластическое разнообразие силуэта. В целом архитектурный облик можно охарактеризовать как синтез классической монументальности и современных конструктивно-технологических решений, где язык неоклассики используется не как стилизация, а как средство формирования устойчивого образа национального культурного института, ориентированного на международные стандарты оперно-балетного искусства.

> Рис. 11. Скульптурная композиция «Кобызист» (<https://iskatel.com/places/teatr-astana-opera>)

По мнению специалистов, архитектурно-художественная выразительность здания не уступает знаменитым оперным театрам мира, таким как Ла Скала в Милане, Королевский театр в Мадриде, Большой театр в Москве, Метрополитен-опера в Нью-Йорке и др.

Заключение

Анализ истории формирования, архитектурных особенностей и технических характеристик трех современных зрелищных зданий Казахстана позволил выявить их типологическое разнообразие и различия в подходах к организации пространственной, функциональной и технологической структуры. Установлено, что каждое из рассмотренных сооружений отражает определенную модель развития зрелищной архитектуры, обусловленную как градостроительным контекстом, так и социально-культурными запросами общества на момент их проектирования и реализации. Сегодня такие объекты уже не воспринимаются лишь как места для проведения мероприятий – они становятся активными участниками городской жизни, формируют общественные пространства, задают визуальные ориентиры и влияют на образ города в целом.

В условиях урбанизации и глобализации зрелищные здания все отчетливее проявляют тенденцию к многофункциональности, технологической насыщенности и открытости по отношению к городу. Цифровые технологии, интеллектуальные инженерные системы, мультимедийная среда и гибкие сценарии использования пространства перестают быть дополнительным элементом и становятся неотъемлемой частью архитектурной концепции. Одновременно с этим усиливается значение природного и культурного контекста, который все чаще включается в образную структуру зданий через пластику форм, материалы, силуэты и символические акценты.

Архитектурный облик современных зрелищных зданий Казахстана формируется на пересечении глобальных проектных практик и локальной идентичности, инновационных технологий и художественной выразительности, утилитарной функции и образной репрезентации. Именно это сочетание позволяет таким объектам выступать не только как многофункциональные центры культуры, спорта и досуга, но и как значимые градостроительные доминанты, формирующие новое качество городской среды и современные представления о культурном пространстве города.

Литература

1. Кроненбург, Р. Живая архитектура: площадки, сцены и арены для популярной музыки. – Лондон ; Нью-Йорк : Routledge, 2012. – 304 с.
2. Эльхагла, К. Вклад знаковых зданий в развитие урбанизма // Александрийский инженерный журнал. – 2020. – Т. 59, № 6. – С. 4503–4514.
3. Мохаб, Т., Кустаубаева, М., Наурызбаева, А., Турсуновна, А., Амандыкова, Д. Сравнительный анализ модернистских и постмодернистских подходов к городскому пространству // Гражданское строительство и архитектура. – 2025. – Т. 13, № 5. – С. 3975–3992. – DOI: 10.13189/cea.2025.130537
4. Зампарини, А., Лурати, Ф. Знаковые здания в формировании городской идентичности: роль артефактов устремленной идентичности // Городские исследования. – 2023. – Т. 60, № 12. – С. 2474–2495. – DOI: 10.1177/00420980221144157
5. Гаврилова, М. М. Проблемы формирования архитектуры театрально-зрелищных зданий и комплексов нового поколения // Academia. Архитектура и строительство. – 2025. – № 1. – С. 44–51.
6. Толеген, Ж., Иссабаев, Г., Юсупова, А., Мурзалина, Г., Амандыкова, Д. Архитектурно-композиционные решения в гражданском строительстве // Гражданское строительство и архитектура. – 2022. – Т. 10, № 3. – С. 1036–1046. – DOI: 10.13189/2022.100320
7. Смирнова, Н. Р., Бенай, К. А., Радионов, Т. В. Архитектурное совершенствование и типологическое развитие зрелищных зданий

в условиях реконструкции // Градостроительство и архитектура. – 2025. – Т. 15, № 4. – С. 35–45.

8. Солодилов, М. В. Советская архитектура спортивно-зрелищных зданий как опыт популяризации позднего модернизма в г. Тольятти // Technical Aesthetics and Design Research. – 2021. – Т. 3, № 2. – С. 33–43.

9. Brozovsky, J., Labonnote, N., Vigren, O. Цифровые технологии в архитектуре, инженерии и строительстве // Automation in Construction. – 2024. – № 158. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.autcon.2023.105212> (дата обращения: 01.12.2025).

10. Алматы Арена // Almaty Arena. – URL: <https://www.dss-almatyarena.kz/> (дата обращения: 01.12.2025).

11. Алматы Театр // Tengrinews. – URL: https://tengrinews.kz/guide-map_object/34/ (дата обращения: 01.12.2025).

12. В Алматы появился новый театр ALMATY THEATRE // The Village Kazakhstan. – URL: <https://www.the-village-kz.com> (дата обращения: 16.10.2025).

13. Государственный театр оперы и балета «Астана Опера» // Ассоциация музыкальных театров. – URL: <https://amuzteatr.ru/theatres> (дата обращения: 01.11.2025).

14. «Астана Опера» проводит ребрендинг // Официальный сайт театра Astana Opera. – URL: <https://astanaopera.kz/news/1045> (дата обращения: 05.09.2025).

References

Almaty Arena. (n.d.). Official website of the multifunctional ice complex “Almaty Arena”. Retrieved December 1, 2025, from <https://www.dss-almatyarena.kz/>

Almaty Theatre. (n.d.). Tengrinews. Retrieved December 1, 2025, from https://tengrinews.kz/guide-map_object/34/

A new theatre ALMATY THEATRE opens in Almaty. (n.d.). The Village Kazakhstan. Retrieved October 16, 2025, from <https://www.the-village-kz.com/village/city/news-city/22479-almaty-theatre-new>

“Astana Opera” undergoes rebranding. (n.d.). Official website of Astana Opera Theatre. Retrieved September 5, 2025, from <https://astanaopera.kz/news/1045>

Brozovsky, J., Labonnote, N., & Vigren, O. (2024). Digital technologies in architecture, engineering, and construction. *Automation in Construction*, 158. <https://doi.org/10.1016/j.autcon.2023.105212>

Elhagla, K. (2020). The contribution of iconic buildings to urbanism. *Alexandria Engineering Journal*, 59(6), 4503–4514.

Gavrilova, M. M., (2025). Problems of shaping the architecture of new-generation theatrical and entertainment buildings and complexes. *Academia. Architecture and Construction*, 1, 44–51.

Kronenburg, R. (2012). *Live Architecture: Venues, Stages and Arenas for Popular Music*. London; New York: Routledge.

Mohab, T., Kustaubayeva, M., Nauryzbayeva, A., Tursynovna, A., & Amandykova, D. (2025). Comparative analysis of modernist and postmodernist approaches to urban space. *Civil Engineering and Architecture*, 13(5), 3975–3992. DOI: 10.13189/cea.2025.130537.

Smirnova, N. R., Benay, K. A., & Radionov, T. V., (2025). Architectural improvement and typological development of entertainment buildings under reconstruction conditions. *Urban Construction and Architecture*, 15(4), 35–45.

Solodilov, M. V. (2021). Soviet architecture of sports and entertainment buildings as an experience of popularizing late modernism in the city of Togliatti. *Technical Aesthetics and Design Research*, 3(2), 33–43.

State Opera and Ballet Theatre “Astana Opera”. (n.d.). Association of Musical Theatres. Retrieved November 1, 2025, from <https://amuzteatr.ru/theatres/gosudarstvennyj-teatr-opery-i-baleta-astana-opera/>

Tolegen, Z., Issabayev, G., Yussupova, A., Murzalina, G., & Amandykova, D. (2022). Architectural and compositional solutions in civil engineering. *Civil Engineering and Architecture*, 10(3), 1036–1046. DOI: 10.13189/2022.100320.

Zamparini, A., & Lurati, F. (2023). Iconic buildings in the making of city identity: The role of aspirational identity artefacts. *Urban Studies*, 60(12), 2474–2495. DOI: 10.1177/00420980221144157.

В статье рассматривается вопрос реставрации исторических зданий, в частности в сирийских городах, на фоне глобальных изменений (урбанизация, информационная революция). Анализируются проблемы, препятствующие развитию городов в этих регионах. В ответ на эти вызовы предлагаются современные творческие решения: комплексное планирование, передовые технологии, вовлечение местного населения и международное сотрудничество в целях сохранения и возрождения исторического наследия.

Ключевые слова: историческое наследие; реставрация; пост-конфликтное восстановление; Сирия; устойчивое развитие; городское планирование; участие общественности. /

The article focuses on the restoration of historic buildings, especially in Syrian cities, against the backdrop of global changes (urbanization, information revolution). It analyzes the problems that hinder urban development in these areas. In response to these challenges, it proposes modern creative solutions: integrated planning, advanced technologies, community involvement, and international cooperation to preserve and revive historical heritage.

Keywords: historical heritage; restoration; post-conflict reconstruction; Syria; sustainable development; urban planning; community participation.

Реставрация исторических зданий в Сирии: креативные решения / Restoration of historical buildings in Syria: Creative solutions

текст

Марах Казур

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Москва)

Иван Халиль

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Москва)

text

Marah Kazour

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (Moscow)

Ivan Khalil

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (Moscow)

Введение

Сохранение исторически ценных районов является одним из приоритетов современной политики городского развития. Оно способствует не только охране культурного наследия и укреплению исторической самобытности районов, но и достижению социально-экономических целей, включая развитие туризма и повышение инвестиционной привлекательности городов. Данный вопрос приобретает особую актуальность в контексте преобразовательных процессов, затрагивающих правовые, административные и стратегические механизмы управления историческими зданиями.

Исторические центры городов представляют собой сложные пространственные системы, включающие объекты культурного наследия, морфологию застройки, традиционные структуры планировки и исторически сложившиеся системы землепользования. Их ценность определяется не только отдельными архитектурными памятниками, но и целостностью городской среды.

До 1970 годов в мировой практике преобладала модернистская модель городского развития, при которой исторические кварталы часто сносились и заменялись новыми зданиями. Однако во второй половине XX века сформировалась устойчивая тенденция к комплексному сохранению исторической среды. В настоящее время охрана архитектурного наследия рассматривается как часть комплексной системы управления городским развитием и устойчивого планирования урбанизированных территорий [1].

Выбор и определение исторических районов

Любая территория, от фрагмента городской застройки до целого населенного пункта, может считаться исторически ценной при наличии устойчивых признаков исторической, культурной и архитектурной значимости. Такие территории выделяются государственными органами на основе анализа их градостроительных, архитектурных и социокультурных характеристик. Определение границ исторического района предполагает выделение территории, обладающей целостной архитектурно-пространственной структурой и характерными историческими особенностями.

В отличие от функционального зонирования, выделение исторических районов не основано на количественных показателях. Ключевыми критериями являются уникальность архитектурного облика, сохранность исторической планировочной структуры, морфологическая однородность зданий и их связь с конкретным историческим периодом или значимыми событиями. Важное значение имеют также ландшафтные особенности, пространственная композиция, традиционные формы землепользования и восприятие территории местным сообществом.

Присвоение территории статуса охраняемой зоны предполагает создание особого режима регулирования процессов реконструкции, реставрации и нового строительства. В связи с этим перед специалистами в области градостроительства и охраны культурного наследия стоит ряд методологических и управленческих задач, направленных на согласование процессов развития с требованиями сохранения исторической среды [2, с. 13].

Все великое разнообразие современной архитектуры (включая историко-культурные памятники прошлых эпох) располагается в нескольких контекстных «плоскостях», в которых привычно рассматривается каждый архитектурный объект. В каждой из таких плоскостей можно выделить основной структурообразующий принцип, приоритет, подчиняющий (хотя и не исключаяющий) остальные принципы построения архитектурного проекта [3, с. 1].

Проблемы градостроительства в исторических районах

Градостроительство в исторических районах сопряжено со сложным комплексом междисциплинарных проблем, охватывающих технические, экономические, социальные и институциональные аспекты. На начальном этапе трудности возникают уже при обследовании и документировании объектов. По историческим зданиям зачастую отсутствуют достоверные архивные материалы и проектная документация, а состояние конструкций зданий, включая скрытые элементы, требует тщательного изучения. В отношении объектов культурного наследия эти процедуры осложняются необходимостью соблюдения специальных норм и повышенных требований к точности обследований.

^ Рис. 2. Церковь Маалула. Дамаск, Сирия. Фото автора (12.03.2021)

Одной из ключевых проблем является пространственное расположение исторических районов. Как правило, они находятся в центральных частях городов, где наблюдается высокая транспортная и функциональная нагрузка. Историческая планировочная структура зачастую несовместима с современными требованиями к мобильности, инженерной инфраструктуре и предоставлению услуг.

Экономические факторы также оказывают значительное влияние на трансформацию исторической среды. Высокая стоимость земельных участков и недвижимости в центральных районах способствует коммерциализации и изменению функционального назначения зданий, что может привести к утрате аутентичности среды.

Серьезной проблемой остается физический износ зданий и их ограниченная приспособляемость к современным стандартам комфорта. Недостаточное инженерное оснащение, вентиляция и санитарная инфраструктура затрудняют их эксплуатацию. Дополнительные сложности возникают в связи с ростом населения и невозможностью расширения исторических зданий, а также фрагментацией прав собственности между несколькими владельцами, что затрудняет принятие решений об инвестициях и реставрации.

Еще одним важным фактором является отсутствие комплексного стратегического планирования. Исторические районы часто рассматриваются в рамках общегородских программ без учета их специфики, или, наоборот, развитие в них полностью приостанавливается до разработки специальных нормативных актов. Это приводит к стагнации и деградации городской среды.

Отдельной проблемой является недостаточная осведомленность общественности и институтов о важности исторического наследия. В некоторых случаях его сохранение воспринимается скорее как финансовое бремя, а не как ресурс для устойчивого развития.

В то же время в международной практике историческое наследие все чаще признается частью всеобщих человеческих ценностей и основой культурной преемственности, что формирует новую парадигму ответственности за его сохранение и интеграцию в современные процессы городского развития [4, с. 2].

Опыт реконструкции собора Парижской Богоматери (Нотр-Дам)

Реконструкция собора Парижской Богоматери после пожара 2019 года является одним из наиболее наглядных примеров современных методов реставрации объектов всемирного культурного наследия. Хотя разрушения не были связаны с военными действиями, этот случай демонстрирует комплексный и технологически интегрированный подход к реставрации архитектурных памятников.

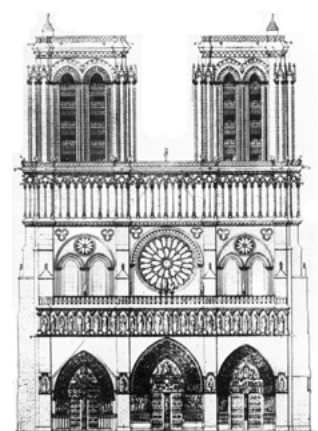
В процессе реставрации широко использовались лазерное 3D-сканирование, технология исторического информационного моделирования зданий (HBIM), а также архивные чертежи и фотодокументация. Особое внимание уделялось сохранению аутентичности и точности воспроизведения утраченных элементов в соответствии с принципами международных нормативных документов, включая положения Венецианской хартии и рекомендации ЮНЕСКО [5].

Цифровая документация и научное сопровождение проекта

На следующий день после пожара Министерство культуры Франции в сотрудничестве с Национальным центром научных исследований Франции инициировало масштабную исследовательскую программу, которая должна была осуществляться параллельно с реставрационными работами. Проект объединил исследовательские лаборатории и экспертов из различных областей, включая архитектуру, материаловедение, акустику, цифровые технологии и историю искусства.

Была создана специализированная цифровая рабочая группа, задачей которой стало формирование комплексной цифровой экосистемы собора. В рамках этого была разработана централизованная платформа для хранения и обмена данными, интегрирующая результаты 3D-сканирования, архивные материалы, фотодокументацию и аналитические исследования. Платформа обеспечивает долгосрочное архивирование, семантическую структуризацию информации и возможность повторного использования данных в соответствии с принципами FAIR.

Особое внимание было уделено изучению акустических характеристик собора. Специалисты по акустике

Собор Нотр-Дам в Париже. Западный фасад. Современный вариант. Реконструкция собора после пожара 2019 года.

^ Рис. 1. Собор Парижской Богоматери. Западный фасад

совместно с экспертами по цифровому моделированию воссоздали геометрическую акустическую модель внутреннего пространства, что позволило учесть нематериальные характеристики объекта в ходе его реставрации.

Таким образом, реконструкция стала проектом не только строительным, но и научно-цифровым, сформировавшим своего рода «цифровую память» собора [5].

Значение этого опыта для сирийского контекста

Данный пример представляет особый интерес для постконфликтной реставрации исторических городов Сирии в следующих областях:

- цифровая фиксация текущего состояния объектов;
- создание единой базы данных для научного сопровождения реставрационных работ;
- координация действий между государственными органами, научными учреждениями и частными организациями;
- прозрачные механизмы финансирования;
- привлечение международного экспертного сообщества.

Опыт реконструкции собора Нотр-Дам демонстрирует, что современные цифровые технологии могут использоваться не только для реставрации, но и для стратегического управления процессами сохранения культурного наследия.

Направления развития территорий, имеющих историческую ценность

Анализ международного опыта в области развития территорий, имеющих историческую ценность, позволяет выделить несколько концептуальных и практических направлений, которые реализуются в виде стратегий планирования и проектов городского развития. Эти подходы, как правило, формируются после того, как исторические территории официально выделены и им присвоен охранный статус. Сам факт такого признания является важным институциональным шагом, поскольку подразумевает установление особого режима регулирования и повышенное внимание к вопросам сохранения и преобразования исторической среды, особенно в Сирии, стране, богатой историческими и культурными достопримечательностями.

Систематизация существующей практики позволяет выделить пять основных моделей развития:

1. Модель сохранения («замораживание» застройки). Этот подход предполагает сохранение исторических зданий в их нынешнем состоянии при одновременном формировании новых городских центров за пределами охраняемой зоны. Основная цель предотвратить преобразования, которые могут нарушить историческую целостность района. Несмотря на очевидные преимущества, такая политика может привести к стагнации, снижению экономической активности, миграции населения и постепенной маргинализации исторической среды. В некоторых случаях приостановка застройки используется в качестве временной меры до разработки детальных планов, однако затянутость таких решений зачастую усугубляет процессы деградации [6].

2. Сохранение характера и адаптивная модернизация. Этот подход направлен на сохранение исторического облика территории при одновременном улучшении качества городской среды. Сохранение характера подразумевает тщательное внимание к морфологии зданий, масштабу пространств, фактуре материалов, композиционной структуре и визуальным связям [7, с. 226]. В то же время адаптация исторических районов к современным требованиям предполагает решение ряда задач:

- Оптимизация плотности застройки и пространственной структуры. Исторические районы часто характеризуются высокой плотностью застройки и недостатком открытых пространств. Адаптивная модернизация

позволяет демонтировать элементы, не имеющие исторической ценности, создавать общественные пространства и зеленые зоны, а также улучшать освещенность и вентиляцию. Такие меры способствуют снижению воздействия на окружающую среду, уменьшению шумового загрязнения и улучшению микроклимата.

- Регулирование транспортной доступности. Историческая уличная сеть, как правило, не рассчитана на интенсивный транспортный поток. В международной практике используются различные модели управления мобильностью: создание пешеходных зон, организация парковок «паркуйся и езжай» по периметру, строительство подземных парковок и внедрение систем контролируемого доступа для транспорта. Несмотря на первоначальное сопротивление со стороны некоторых жителей и предприятий, опыт показывает, что такие меры способствуют оживлению общественных пространств и повышению туристической привлекательности [8, с. 63].

- Создание инженерной инфраструктуры. Важным условием устойчивого развития является модернизация инженерных сетей водоснабжения, канализации, электроснабжения и систем связи при сохранении исторического облика и минимизации визуальных помех.

3. Регулируемое новое строительство в исторической среде. Современные подходы к развитию исторических районов не предполагают полного запрета на новое строительство, а скорее его регулирование с учетом контекста. Проектирование новых зданий или пристроек может осуществляться в рамках трех основных стратегий:

- Модель репликации (строительство на основе исторических образцов) предполагает воспроизведение исторических композиционных принципов, масштабов и декоративных элементов. Новые объекты формируются в соответствии с существующей морфологией окружающей среды.

- Контрастная модель основана на намеренном сопоставлении современного архитектурного языка с историческим окружением с целью подчеркнуть временной слой и продемонстрировать архитектурную самобытность эпохи. При этом сохраняется уважение к масштабу и пространственным параметрам территории.

- Контекстуальная интеграция предполагает использование современных материалов и технологий при одновременной гармонизации нового объекта с историческим окружением с точки зрения масштаба, пропорций, ритма фасада и пространственной организации.

4. Реконструкция исторических районов. Эта модель направлена на комплексное улучшение условий жизни в исторической среде. Она включает в себя реставрацию зданий, благоустройство общественных пространств, модернизацию инфраструктуры и повторное использование объектов культурного наследия. Основная цель – сохранить исторический облик района, одновременно повысив его функциональную эффективность.

5. Комплексная ревитализация. Наиболее комплексный подход предполагает не только физическую реставрацию зданий, но и социально-экономическую ревитализацию района. Он включает развитие туристической инфраструктуры, поддержку традиционных ремесел, создание рабочих мест, внедрение культурных программ и укрепление местной идентичности. В результате исторический район становится активным элементом городской структуры, а не изолированным музейным пространством.

Административные и правовые аспекты сохранения исторических районов

Эффективность процессов сохранения и развития исторически ценных районов во многом определяется качеством нормативно-правовой базы и институциональных механизмов управления. Законодательство, регулирующее охрану культурного наследия, формирует

основу для определения статуса исторических районов, установления режимов пользования и допустимых форм вмешательства.

Законодательные механизмы. Исторически первые законы об охране памятников были направлены на защиту отдельных объектов – археологических и архитектурных памятников. В Великобритании такие нормы начали формироваться в конце XIX века, в США – в начале XX века, а в ряде арабских стран – в первой половине XX века. Однако интерес к комплексной охране целых исторических районов сформировался лишь во второй половине XX столетия [9, с. 406].

В западноевропейской практике законодательство зачастую содержит четкие механизмы определения охраняемых территорий и регулирования степени допустимого вмешательства. Например, в Соединенном Королевстве существует обязательная процедура определения и выделения охраняемых территорий, причем полномочия органов власти закреплены законом. В отличие от этого, американская система характеризуется большей гибкостью регулирования, включая использование экономических стимулов (налоговые льготы, субсидии) для поддержки инициатив по восстановлению. В ряде арабских стран законодательство о сохранении исторических районов остается менее детализированным и зачастую ограничивается общими декларациями без четких механизмов реализации.

Сохранение исторических районов посредством градостроительства. Инструменты градостроительства обладают значительным потенциалом для защиты исторической среды. Генеральные планы и планы застройки могут служить эффективным механизмом для защиты исторических районов и их интеграции в структуру современного города. Процедура обычно включает следующие этапы:

- определение исторически ценных районов на основе установленных критериев;
- официальное закрепление охраняемых территорий в градостроительной документации;
- разработка детальных правил землепользования и застройки (ограничения по высоте, масштабу, материалам, цветовой гамме и дизайну фасадов);
- утверждение планов в соответствии с установленными правовыми процедурами;
- реализация программ реконструкции и развития с привлечением государственных и частных инвестиций.

В то же время инструменты планирования могут использоваться как в интересах сохранения, так и в ущерб исторической среде: при отсутствии четкой стратегии возможна реализация инфраструктурных решений, нарушающих морфологическую и композиционную целостность территории.

Роль государственных институтов и профессионального сообщества. Современная концепция управления культурным наследием основана на принципе коллективной ответственности. Сохранение исторической среды рассматривается как задача не только государственных органов, но и общества в целом.

В международной практике общественные и профессиональные организации играют значительную роль: они занимаются организацией волонтерских программ; привлечением инвестиций частного сектора; созданием специальных фондов и механизмов грантового финансирования; способствуют взаимодействию между научно-исследовательскими и государственными учреждениями.

Российский опыт институциональной поддержки реставрации

Ярким примером системной поддержки реставрационной деятельности является практика Санкт-Петербурга – одного из крупнейших центров сохранения архитектурного

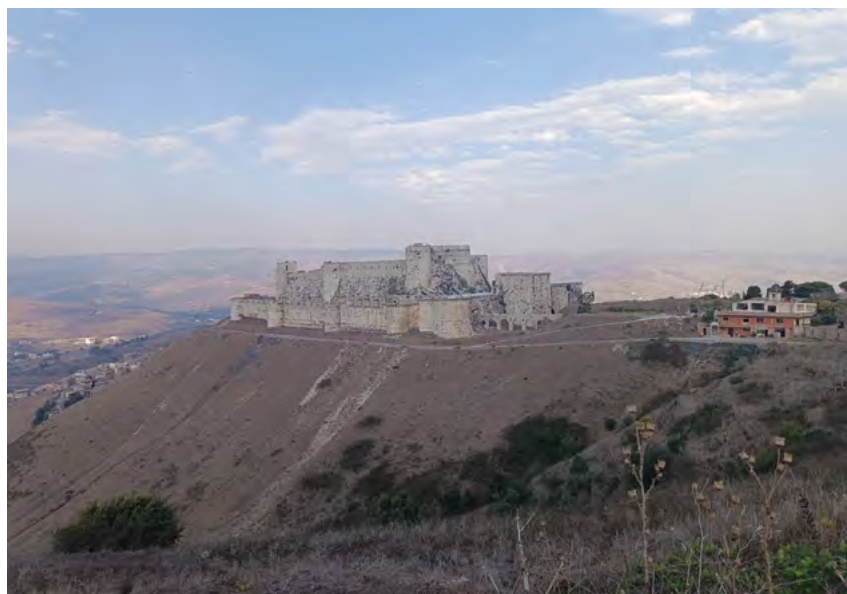
наследия в России. С 2008 года в Санкт-Петербурге официально отмечается День реставратора (1 июля), что подчеркивает институциональное признание этой профессии. В городе реализуется программа по сохранению жилых зданий – памятников архитектуры со сложным архитектурным убранством, включая сотни исторических фасадов. С 2022 года осуществляется поэтапная программа реставрации исторических многоквартирных домов.

Особое значение имеет международное сотрудничество российских и сирийских специалистов по реставрации объектов в Пальмире [10]. Российско-сирийский проект по реставрации Триумфальной арки в Пальмире был реализован совместной российско-сирийской научной группой под руководством специалистов Института истории материальной культуры Российской академии наук. Арка была разрушена в 2015 году, после чего были проведены детальные изыскания, выполнено лазерное сканирование и создана высокоточная 3D-модель памятника. Проект реставрации согласован с ЮНЕСКО, а цифровая документация передана сирийской стороне.

Этот пример демонстрирует важность цифровых технологий, межправительственного сотрудничества и научной поддержки для реставрации культурного наследия.

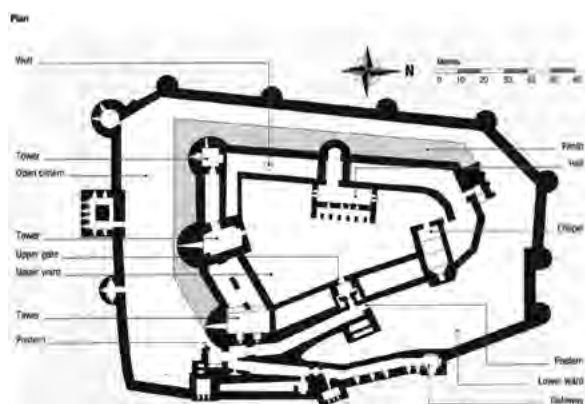
Опыт реставрации замка Крак-де-Шевалье (Сирия)
Замок Крак-де-Шевалье (араб. Qal'at al-Husn) является одним из наиболее значимых памятников средневековой

^ Рис. 3. Триумфальная арка в Пальмире, Сирия

v Рис. 4. Замок Крак-де-Шевалье. Общий вид. Фото автора (06.10.2024)

> Рис. 5. План замка Крак-де-Шевалье

военной архитектуры на Ближнем Востоке. Построенный в XI веке и укрепленный рыцарями-госпитальерами во время крестовых походов, замок расположен в западной части провинции Хомс на стратегическом пути между Дамаском и побережьем Средиземного моря. Этот объект включен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. В ходе вооруженного конфликта 2012–2014 годов крепость понесла серьезные повреждения, в том числе церковь крестоносцев и некоторые оборонительные сооружения [11].

Документирование повреждений и цифровое моделирование. После завершения активной фазы боевых действий Главное управление Сирии по делам древностей и музеев приступило к реализации комплексной программы обследования этого объекта. Работа включала наземную и аэрофотосъемку; использование беспилотных летательных аппаратов; лазерное сканирование; создание цифровой 3D-модели повреждений.

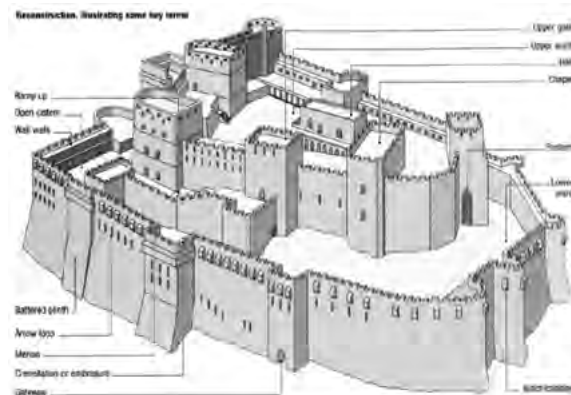
Фотографии высокого разрешения позволили создать точную трехмерную модель состояния замка после разрушения. Также были использованы довоенные архивные фотографии, в том числе изображения, автоматически собранные из открытых источников для формирования базы данных. На основе алгоритмов фотограмметрической реконструкции была частично восстановлена цифровая модель первоначального облика крепости. Сравнение довоенных и послевоенных цифровых моделей позволило провести детальный анализ масштабов разрушений вплоть до отдельных конструктивных элементов [11].

Организация реставрационных работ. Реставрационные работы проводились под руководством Главного управления по делам древностей и музеев Сирии при участии международных экспертов. Перед началом работ был сделан всесторонний анализ масштабов повреждений и определены приоритетные участки для укрепления конструкций.

Миссия ЮНЕСКО совместно с представителями Центра всемирного наследия и ИКОМОС провела инспекцию объекта в рамках оценки состояния сохранности памятников, включенных в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой.

> Рис. 6. 3D-модель замка Крак-де-Шевалье

Важной особенностью проекта стало партнерство между государственными органами и гражданскими организациями, в том числе Патриаршим комитетом по развитию Мар-Афрама. Это сотрудничество было отмечено международными экспертами как пример эффективного взаимодействия в постконфликтных условиях [11].

Финансирование и международная поддержка.

Реставрационные работы финансировались как за счет средств сирийского правительства, так и при поддержке международных партнеров, в том числе гуманитарных организаций и международных фондов по охране культурного наследия в зонах конфликтов.

Проект направлен не только на физическое укрепление сооружений, но и на восстановление туристической и культурной функции объекта, что имеет важное значение для социально-экономического возрождения региона [10]. Опыт реставрации Крак-де-Шевалье демонстрирует следующие ключевые принципы:

- приоритетное внимание к цифровой фиксации повреждений до начала реставрационных работ;
- интеграция довоенной документации и современных технологий 3d-моделирования;
- международный мониторинг и экспертная поддержка;
- партнерство между государственными и гражданскими институтами;
- увязка реставрации с целями социально-экономического возрождения территории.

Этот пример показывает, что в контексте постконфликтной трансформации реставрация исторических объектов становится не только технической задачей, но и инструментом культурной и институциональной реабилитации общества.

Комплексная программа восстановления и развития исторических районов

Для обоснования предлагаемых решений в рамках исследования проводится сравнительный анализ международного, регионального и местного опыта восстановления исторических объектов, пострадавших в результате вооруженных конфликтов и стихийных бедствий. Такой сравнительный подход позволяет выявить универсальные принципы сохранения культурного наследия и адаптировать их к современным социально-экономическим условиям в Сирии.

Предлагаемая схема восстановления и развития исторических районов ориентирована на комплексное решение задач сохранения, модернизации и функциональной интеграции исторической среды.

Ключевые направления включают:

- сохранение ценных элементов архитектурного наследия, сохранившихся в историческом ядре;
- устранение последствий нерегулируемой и неконтролируемой застройки;
- благоустройство общественных пространств;

- повышение визуальной и туристической привлекательности исторической среды;
- регулирование транспортной системы посредством классификации уличной сети, ограничения интенсивности движения и создания пешеходных зон;
- модернизацию инженерной инфраструктуры с сохранением исторического облика.

Предлагаемые изменения в организационной структуре можно разделить на два взаимосвязанных блока:

- корректировка систем функционального зонирования и землепользования, включая пересмотр расположения жилых и общественных функций;
- разработка детального плана регулирования использования территории исторического города, установление параметров застройки, высоты, материалов и режимов реконструкции.

Таким образом, политика реставрации рассматривается не как изолированный строительный процесс, а как элемент комплексного городского управления исторической средой.

Необходимо признать, что культурное наследие составляет лишь небольшую часть общего потока культуры. Его информационный объем имеет поистине космические масштабы, так что сохранить всё – задача невыполнимая. Каждому поколению приходится решать, какие элементы текущей современной культуры подлежат сохранению и должны быть добавлены к наследию предыдущих поколений, а какие будут забыты. Однако есть и такие культурные феномены, которые устойчиво передаются на протяжении десятков и сотен поколений и, даже будучи утраченными, восстанавливаются по косвенным остаточным фрагментам. Такие «культурные инварианты» могут показаться забытыми, но спустя много веков внезапно всплывают из глубины общего потока и снова становятся актуальными. К таким инвариантам относятся, например, многие элементы культурного потока, связанные с водой [14, с. 1].

Заключение

Исследование показало, что реставрация исторических зданий в Сирии в контексте постконфликтной трансформации требует комплексного подхода, сочетающего нормативные и правовые механизмы, инструменты городского планирования, цифровые технологии и участие общественности.

Анализ международного опыта, включая реконструкцию собора Нотр-Дам и реставрацию замка Крак-де-Шевалье, выявил ряд универсальных принципов, таких как приоритет документирования перед вмешательством, использование технологий 3D-моделирования, институциональная координация, поддержка международных экспертов и прозрачные механизмы финансирования.

Установлено, что сохранение исторических районов не может ограничиваться консервацией отдельных объектов. Необходим переход к модели комплексной ревитализации, включающей модернизацию инфраструктуры, регулирование транспортной нагрузки, поддержку местной экономики и вовлечение гражданских институтов.

Разработанная схема реставрации и развития исторических районов демонстрирует возможность адаптации международного опыта к сирийским реалиям. Ее реализация способствует не только сохранению культурного наследия как национального и гуманитарного достояния, но и формированию устойчивых городских структур, способных интегрировать исторический центр в современную социально-экономическую систему.

Таким образом, реставрацию исторических зданий в Сирии следует рассматривать как стратегический инструмент культурной реабилитации, пространственной устойчивости и долгосрочного городского развития.

Литература

1. Карасельникова, И. В., Стадников, В. Э. От объекта к среде: поиск новых подходов к устойчивому развитию исторических территорий // *Городские исследования и практики*. – 2018. – Т. 3, № 4. – С. 108–132. – DOI: 10.17323/usp342018108-132
2. Historic England. Conservation Area Designation, Appraisal and Management. – London : Historic England, 2016. – 68 p.
3. Hussein Alhmoud, S., Hussein Alhmoud, H., Mohammad Bataineh, A. Metaphors and creativity in architectural design // *Project Baikal*. – 2025. – Vol. 22 (86). – DOI: 10.51461/issn.2309-3072/86.2676
4. Goras, S., Katunsky, D., Kridlova Burdova, E. Restoration of historic buildings from a daylight perspective // *E3S Web of Conferences*. – 2024. – Vol. 550. – Article 1–10. – DOI: 10.1051/e3sconf/202455001011
5. Hong, L. Digital documentation of the reconstruction of Notre Dame de Paris // *International Journal of Computer Science and Information Technology*. – 2024. – Vol. 2, N 1. – P. 492–503. – DOI: 10.62051/ijcsit.v2n1.52
6. Listing plans rouse fears of too many conservation areas // *Architect's Journal*. – 1996. – Vol. 203, N 21 (May 30). – P. 12.
7. Pickard, R. D. Conservation in the Built Environment. – London : Addison Wesley Longman Limited, 1996. – 304 p.
8. Fitch, J. M. Historic Preservation: Curatorial Management of the Built World. – Charlottesville : University Press of Virginia, 1995. – 432 p.
9. Larkham, P., Jones, A. The character of conservation areas in Great Britain // *Town Planning Review*. – 1993. – Vol. 64, N 4 (Oct.). – P. 395–413.
10. Морозова, Н. Новый лик старого Петербурга: как реставраторы Северной столицы возрождают исторические здания родного города. – URL: <https://spb.mk.ru/social/2025/07/02/novyy-lik-starogo-peterburga-kak-restavratory-severnoy-stolitsy-vozhrozhdayut-istoricheskie-zdaniya-rodnogo-goroda.html> (дата обращения: 04.10.2025).
11. Krak des Chevaliers and Qal'at Salah El-Din (Syrian Arab Republic) // UNESCO World Heritage Centre. – URL: <https://whc.unesco.org/en/list/1229/> (дата обращения: 07.03.2026).
12. Замок Крак-де-Шевалье // *Kannelura.ru*. – URL: <https://kannelura.ru/?p=6486> (дата обращения: 09.03.2026).
13. Iconem. Model of the Krak des Chevaliers [3D-модель] // *Sketchfab*. – URL: <https://sketchfab.com/3d-models/model-of-the-krak-des-chevaliers-625cb9bd89f64b73befdb3bac734a2e1> (дата обращения: 09.03.2026).
14. Nabil Naouri, I., Merry, A., Ghazi Naouri, D. Cultural heritage representation in public perception // *Project Baikal*. – 2025. – Vol. 22 (85). – P. 96–102. – DOI: 10.51461/issn.2309-3072/85.2625

References

- Fitch, J. M. (1995). *Historic preservation: Curatorial management of the built world* (3rd printing). Charlottesville: University Press of Virginia.
- Goras, S., Katunsky, D., & Kridlova Burdova, E. (2024). Restoration of historic buildings from a daylight perspective. *E3S Web of Conferences*, 550, 1-10. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202455001011>
- Historic England. (2016). *Conservation area designation, appraisal and management*. London: Historic England.
- Hong, L. (2024). Digital documentation of the reconstruction of Notre Dame de Paris. *International Journal of Computer Science and Information Technology*, 2(1), 492–503. <https://doi.org/10.62051/ijcsit.v2n1.52>
- Hussein Alhmoud, S., Hussein Alhmoud, H., & Mohammad Bataineh, A. (2025). Metaphors and creativity in architectural design. *Project Baikal*, 22(86). <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/86.2676>
- Iconem. (2016). *Model of the Krak des Chevaliers [3D model]*. Sketchfab. <https://sketchfab.com/3d-models/model-of-the-krak-des-chevaliers-625cb9bd89f64b73befdb3bac734a2e1>.
- Karaselnikova, I. V., & Stadnikov, V. E. (2018). Towards the sustainable development of historical centers. *Urban Studies and Practices*, 3(4), 108–132. <https://doi.org/10.17323/usp342018108-132>
- Krak des Chevaliers. (n.d.). Kannelura.ru. Retrieved March 9, 2026, from <https://kannelura.ru/?p=6486>
- Larkham, P., & Jones, A. (1993). The character of conservation areas in Great Britain. *Town Planning Review*, 64(4), 395–413.
- Listing plans rouse fears of too many conservation areas. (1996, May 30). *Architect's Journal*, 203(21), 12.
- Morozova, N. (2025, July 2). *Novyy lik starogo Peterburga: Kak restavratory Severnoy stolitsy vozrozhdayut istoricheskie zdaniya rodnogo goroda [The new face of old Petersburg: How the restorers of the Northern Capital are reviving the historical buildings of their hometown]*. MK.RU. Retrieved October 4, from <https://spb.mk.ru/social/2025/07/02/novyy-lik-starogo-peterburga-kak-restavratory-severnoy-stolitsy-vozhrozhdayut-istoricheskie-zdaniya-rodnogo-goroda.html>
- Nabil Naouri, I., Merry, A., & Ghazi Naouri, D. (2025). Cultural heritage representation in public perception. *Project Baikal*, 22(85), 96–102. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/85.2625>
- Pickard, R. D. (1996). *Conservation in the built environment*. London: Addison Wesley Longman Limited.
- UNESCO World Heritage Centre. (2023). *Crac des Chevaliers and Qal'at Salah El-Din (Syrian Arab Republic)*. Retrieved March 7, 2026, from <https://whc.unesco.org/en/list/1229/>

Современная архитектура Йемена находится на стыке традиционных строительных практик и инноваций, связанных с изменением климата и урбанизацией. В данной статье анализируются основные проблемы, с которыми сталкивается архитектура страны, включая экологические и социокультурные факторы, и предлагаются пути совершенствования проектирования и организации городской среды с учетом природного потенциала и климатических особенностей региона. Особое внимание уделяется экологичным материалам и ландшафтной интеграции для улучшения микроклимата, способности к восстановлению и экологической устойчивости при сохранении национальных традиций.

Ключевые слова: современная архитектура; экологические факторы; климатические условия; местные материалы; энергоэффективность; архитектурные решения; экологическая устойчивость. /

Modern architecture in Yemen is at the intersection of traditional building practices and new challenges associated with climate change and urbanization. This article analyzes the main problems faced by the country's architecture, including environmental and sociocultural factors, and proposes ways to improve the design and organization of the urban environment, taking into account the natural potential and climatic features of the region. Special attention is paid to eco-friendly materials and landscape integration to enhance microclimate, resilience, and environmental sustainability while preserving national traditions.

Keywords: modern architecture; environmental factors; climatic conditions; local materials; energy efficiency; architectural solutions; environmental sustainability.

Современная архитектура Йемена: проблемы и решения / Modern architecture in Yemen: problems and solutions

текст

**Наджиб Абдулхалик
Мохсен Мохаммед Аль-
Бадви**

Российский университет
дружбы народов имени
Патриса Лумумбы (Москва)
Иван Халиль
Российский университет
дружбы народов имени
Патриса Лумумбы (Москва)

text

**Najib Abdulkhaleq Mohsen
Mohammed Al-Badwi**
Patrice Lumumba Peoples'
Friendship University of
Russia (Moscow)

Ivan Khalil

Patrice Lumumba Peoples'
Friendship University of
Russia (Moscow)

Вступление

Архитектура Йемена отражает его богатую культурную историю и разнообразные природные и климатические условия, которые сформировали архитектурную самобытность страны. Традиционная йеменская архитектура развивалась в тесной связи с окружающей средой, что нашло отражение в использовании местных строительных материалов – камня, глины и дерева, формировании характерных городских сооружений и применении адаптированных к климату дизайнерских решений. Многоэтажные дома-башни, гибкая пространственная организация, машрабия, витражные окна «камария» и продуманная ориентация зданий обеспечивали тепловой комфорт и энергоэффективность, способствуя устойчивости среды обитания [1].

После революции 1962 года и последующего открытия страны внешнему миру йеменская архитектура претерпела значительные изменения. Внедрение новых строительных технологий, современных материалов и заимствованных архитектурных форм привело к преобразованию традиционного облика городов. Расширение административного и жилого строительства сопровождалось постепенной утратой ряда устойчивых принципов традиционной архитектуры и возникновением комплекса экологических, социальных, экономических и культурных проблем.

В современных условиях йеменская архитектура оказывается в сложном положении: необходимо одновременно сохранять культурное наследие и адаптироваться к вызовам изменения климата и стремительной урбанизации. Это требует всестороннего переосмысления архитектурной практики и разработки устойчивых решений, учитывающих природный потенциал региона и его социокультурные особенности.

Факторы трансформации архитектуры Йемена

Трансформация современной архитектуры в Йемене обусловлена сочетанием социокультурных, экономических, технологических и политических факторов, которые возникли во второй половине XX и начале XXI века. Эти процессы существенно изменили традиционные принципы проектирования, строительства и организации городской среды.

Одним из ключевых факторов стала культурная глобализация и распространение средств массовой информации, которые способствовали внедрению нового образа жизни и ценностей. Это привело к постепенному отходу от традиционных форм коллективного проживания и увеличению спроса на индивидуальное жилье, что оказало заметное влияние на архитектуру и городское планирование. Расширение внешних контактов, трудовая миграция и поездки граждан за границу способствовали распространению новых архитектурных идей и заимствованию зарубежных строительных моделей [2].

Участие международных строительных компаний и растущая открытость Йемена мировым рынкам также повлияли на развитие архитектуры. По оценкам Всемирного банка, институциональные реформы и урбанизация значительно изменили пространственную и функциональную структуру йеменских городов [3]. Эти преобразования привели к появлению новых типологий зданий, строительных стандартов и стратегий планирования, которые отличаются от традиционных моделей городского развития.

Важной вехой стала технологическая революция 1990 годов, особенно развитие коммуникационных технологий, которые обеспечили более тесную интеграцию Йемена в мировое информационное пространство. Это ускорило обмен профессиональными знаниями и способствовало внедрению современных инженерных решений и строительных технологий.

В то же время наблюдалось снижение роли традиционных мастеров-строителей, обладавших практическими знаниями и опытом в адаптации зданий к природным и климатическим условиям. На смену им постепенно пришли инженеры и архитекторы с академической подготовкой, ориентированные на современные международные тенденции дизайна [2]. Этот процесс способствовал модернизации строительной отрасли, но в некоторых случаях привел к ослаблению связи между архитектурой и местной средой и традициями.

Дополнительным фактором стало широкое использование современных строительных материалов – железобетона, стали, блоков промышленного производства и систем отделки. Эти технологии позволили преодолеть ограничения традиционных материалов, расширили воз-

Introduction

Yemen's architecture reflects its rich cultural history and diverse natural and climatic conditions, which have shaped the country's unique architectural identity. Traditional Yemeni architecture developed in close connection with the environment, which was reflected in the use of local building materials stone, clay, and wood, the formation of characteristic urban structures, and the application of climate-adapted design solutions. Multi-story tower houses, flexible spatial organization, mashrabiya, stained glass "kamariya" windows, and thoughtful building orientation ensured thermal comfort and energy efficiency, contributing to the sustainability of the living environment (Al-Ghazali, 2005).

After the 1962 revolution and the subsequent opening of the country to the outside world, Yemeni architecture underwent significant changes. The introduction of new construction technologies, modern materials, and borrowed architectural forms led to the transformation of the traditional appearance of cities. The expansion of administrative and residential construction was accompanied by a gradual loss of a number of sustainable principles of traditional architecture and the emergence of a complex of environmental, social, economic, and cultural problems.

возможности проектирования и ускорили процесс строительства, но в то же время изменили характер архитектурных решений и градостроительную структуру городов.

Таким образом, трансформация йеменской архитектуры стала результатом совместного воздействия процессов глобализации, технологических изменений, институциональных реформ и социокультурных сдвигов. Эти факторы заложили основу для возникновения современных архитектурных проблем, требующих системного анализа и поиска путей устойчивого развития.

Вопросы проектирования и строительства. Проектирование и строительство являются основополагающими этапами в формировании архитектурной среды, определяющими функциональность, долговечность, экономическую эффективность и комфорт зданий. Однако современная архитектурная практика в Йемене характеризуется рядом системных недостатков, обусловленных несоблюдением принципов климатически адаптированного проектирования и рационального использования строительных технологий.

Одной из ключевых проблем является отсутствие гибкости в пространственно-планировочных решениях и отказ от традиционных архитектурных приемов, которые доказали свою эффективность в местных условиях. Во многих современных жилых зданиях недостаточно учитываются ориентация, форма и компактность объема, пропорции остекления и затенения, а также особенности оформления проемов. Игнорирование этих факторов приводит к увеличению тепловой нагрузки на оболочку зданий и снижению их энергоэффективности.

Нарушения климатически ориентированных принципов проектирования проявляются и в широком применении незащищенного остекления и стеклянных фасадных систем без соответствующих солнцезащитных решений. Необработанное стекло значительно увеличивает проникновение солнечной радиации во внутренние помещения, способствуя перегреву и повышению теплопроводности конструкций [4]. Кроме того, чрезмерная инсоляция вызывает визуальный дискомфорт и ухудшает условия эксплуатации помещений. Дополнительной проблемой является недостаточная герметичность оконных систем из алюминия и дерева, вследствие чего возникает утечка воздуха и увеличиваются теплопотери через проемы.

In modern conditions, Yemeni architecture finds itself in a difficult situation: it is necessary to simultaneously preserve cultural heritage, and adapt to the challenges of climate change and rapid urbanization. This requires a comprehensive rethinking of architectural practice and the development of sustainable solutions that take into account the natural potential of the region and its socio-cultural characteristics.

Factors transforming Yemeni architecture

The transformation of modern architecture in Yemen is due to a combination of socio-cultural, economic, technological, and political factors that emerged in the second half of the 20th century and early 21st century. These processes have significantly changed the traditional principles of design, construction, and organization of the urban environment.

One of the key factors was cultural globalization and the spread of mass media, which contributed to the introduction of new lifestyles and values. This led to a gradual departure from traditional forms of collective living and an increase in demand for individual housing, which had a noticeable impact on architecture and urban planning. The expansion of external contacts, labor migration, and citizens' trips

< Рис. 1. Использование остекления большой площади. Фото автора / Fig. 1. Use of large-area glazing (source: author's photos)

Во многих зданиях отсутствуют механизмы регулирования интенсивности освещения и вентиляции, что ограничивает возможность адаптации внутренней среды к изменяющимся климатическим условиям.

Использование строительных материалов с высокой теплопроводностью – железобетона, цементных блоков и тонкостенных конструкций без теплоизоляционных слоев – способствует формированию неблагоприятного микроклимата. Применение этих материалов без дополнительных защитных мер приводит к быстрому нагреву помещений в дневное время и значительным потерям тепла ночью, особенно в жарких и сухих регионах страны. Горизонтальные бетонные крыши без теплоизоляции получают максимальное количество солнечного излучения, что еще больше повышает внутреннюю температуру зданий.

Аналогичная проблема наблюдается при широком использовании больших площадей остекления без надлежа-

abroad contributed to the spread of new architectural ideas and the adoption of foreign construction models (Lewcock, 1986).

The participation of international construction companies and Yemen's growing openness to global markets have also influenced architectural development. According to World Bank estimates, institutional reforms and urbanization have significantly changed the spatial and functional structure of Yemeni cities (World Bank, 2021). These transformations have led to the emergence of new building typologies, construction standards, and planning strategies that differ from traditional urban development models.

An important milestone was the technological revolution of the 1990s, especially the development of communication technologies, which ensured Yemen's closer integration into the global information space. This accelerated the exchange of professional knowledge and contributed to the introduction of modern engineering solutions and construction technologies.

At the same time, there was a decline in the role of traditional master builders, who possessed practical knowledge and experience in adapting buildings to natural and climatic conditions. They were gradually replaced by engineers and architects with academic training, focused on modern international design trends (Lewcock, 1986). This process contributed to the modernization of the construction

industry, but in some cases led to a weakening of the connection between architecture and the local environment and traditions.

An additional factor was the widespread use of modern building materials—reinforced concrete, steel, industrially produced blocks, and finishing systems. These technologies made it possible to overcome the limitations of traditional materials, expanded design possibilities, and accelerated the construction process, but at the same time changed the nature of architectural solutions and the urban fabric of cities.

Thus, the transformation of Yemeni architecture was the result of the combined impact of globalization processes, technological changes, institutional reforms, and sociocultural shifts. These factors laid the foundation for the emergence of contemporary architectural problems that require systematic analysis and the search for sustainable development paths.

Problems of contemporary Yemeni architecture

Studying the reality of Yemeni architecture and knowing about the changes taking place, during which many interpretations and solutions of traditional Yemeni architecture were ignored, as well as citing Western architecture and superficially imitating some of its aspects, all of this has had a negative impact on contemporary

щего затенения в современной жилой архитектуре (рис. 2).

Существуют также конструктивные проблемы: увеличение веса зданий из-за применения тяжелых материалов, недостаточная устойчивость к сейсмическим воздействиям и отсутствие современных инженерных расчетов, направленных на обеспечение безопасности эксплуатации.

В совокупности эти недостатки не позволяют современным зданиям обеспечить тепловой, световой и вентиляционный комфорт. Это, в свою очередь, повышает зависимость от систем искусственного охлаждения и кондиционирования воздуха, что приводит к увеличению потребления невозобновляемых источников энергии и росту экономической нагрузки на население.

Представленные проблемы указывают на необходимость пересмотра подходов к проектированию и строительству с учетом климатических особенностей региона, внедрения энергоэффективных технологий и возвращения к принципам адаптивного архитектурного проектирования.

Экологические проблемы. Современная архитектура Йемена характеризуется рядом экологических противоречий, связанных с растущим потреблением энергии, нерациональным использованием природных ресурсов и недостаточной реализацией принципов устойчивого развития. В глобальном контексте архитектурная деятельность считается одним из существенных факторов, влияющих на окружающую среду, включая рост выбросов парниковых газов и повышенную нагрузку на природные экосистемы.

Одной из наиболее серьезных проблем является увеличение выбросов углекислого газа (CO_2), метана (CH_4) и других газов из-за высокого энергопотребления зданий, особенно в жарком климате. Значительные площади незащищенного остекления, отсутствие теплоизоляции и зависимость от систем кондиционирования воздуха увеличивают нагрузку на энергетический сектор и способствуют косвенному загрязнению окружающей среды [5].

Дополнительным фактором является интенсивное использование природных ресурсов — дерева, камня, мрамора и других материалов — без учета принципов рационального потребления. В результате урбанизации происходят трансформация природных территорий, включая освоение сельскохозяйственных угодий, и изменения в ландшафте, что нарушает экологический баланс.

Современные здания часто не соответствуют принципам устойчивого развития и справедливости по отношению к будущим поколениям, поскольку ресурсы эксплуатируются без долгосрочной стратегии сохранения природного потенциала.

Экономические проблемы. Архитектурная деятельность оказывает значительное влияние на экономику как на уровне отдельных домохозяйств, так и на уровне государства. Одной из ключевых экономических проблем является высокое потребление невозобновляемых источников энергии из-за неэффективного проектирования и эксплуатации зданий.

> Рис. 2. Широкое использование остекления без надлежащего затенения в современных жилых зданиях в Йемене приводит к увеличению поступления солнечного тепла и снижению энергоэффективности. Фото автора / Fig. 2. Extensive use of glazing without adequate shading in contemporary residential buildings in Yemen, leading to increased solar heat gain and reduced energy efficiency (source: author's photos, Ibb)

Yemeni architecture, resulting in the loss of some aspects of palace architecture. There are also various architectural, environmental, cultural, and social problems, which we will discuss below:

1. Design and construction issues

Design and construction are fundamental stages in the formation of the architectural environment, determining the functionality, durability, cost-effectiveness, and comfort of buildings. However, modern architectural practice in Yemen is characterized by a number of systemic shortcomings due to non-compliance with the principles of climate-adapted design and the rational use of construction technologies.

One of the key problems is the lack of flexibility in spatial planning solutions and the rejection of traditional architectural techniques that have proven their effectiveness in the local climate. Many modern residential buildings do not take sufficient account of orientation, form and compactness of volume, proportions of glazing and shading, as well as the specifics of opening treatment. Ignoring these factors leads to increased thermal load on the building envelope and reduced energy efficiency of buildings.

Violations of climate-oriented design principles are also evident in the widespread use of unprotected glazing and glass facade systems without appropriate sun protection solutions. Untreated

glass significantly increases the penetration of solar radiation into interior spaces, contributing to overheating and increased thermal conductivity of structures (Al-Dimini & Halbouni, 2009). In addition, excessive insolation causes visual discomfort and deteriorates the operating conditions of premises.

An additional problem is the insufficient tightness of window systems made of aluminum and wood, which leads to air leakage and increased heat loss through openings.

Many buildings lack mechanisms for regulating lighting and ventilation intensity, which limits the ability to adapt the indoor environment to changing climatic conditions.

The use of building materials with high thermal conductivity reinforced concrete, cement blocks, and thin-walled structures without thermal insulation layers has a significant impact on the formation of an unfavorable microclimate. The use of these materials without additional protective measures leads to rapid heating of rooms during the day and significant heat loss at night, especially in hot and dry regions of the country. Horizontal concrete roofs without thermal insulation receive the maximum amount of solar radiation, which further increases the internal temperature of buildings.

Значительная часть энергии теряется из-за оболочек зданий, в первую очередь из-за плохо изолированных окон и фасадов, изготовленных из материалов с высокой теплопроводностью. Это приводит к увеличению эксплуатационных расходов, особенно на системы охлаждения в жарком климате. По оценкам Всемирного банка, значительная доля расходов, связанных со строительным сектором в Йемене, обусловлена неэффективной инфраструктурой, необходимостью технического обслуживания и высокими эксплуатационными расходами, которые ложатся дополнительным бременем на ограниченные экономические ресурсы страны [3].

Другой важной проблемой является зависимость от импортных строительных материалов и технологий, что ложится дополнительным финансовым бременем на национальную экономику. Кроме того, нерациональное использование материалов ведет к образованию строительных отходов и дополнительным экономическим потерям.

Таким образом, экономическая неэффективность современных архитектурных решений повышает уязвимость страны в условиях ограниченных ресурсов.

Культурные проблемы. Архитектура традиционно была средством формирования культурной идентичности в обществе. Однако в современном Йемене наблюдается постепенная утрата местного архитектурного колорита. В отсутствие строгих регулирующих механизмов проектные решения часто принимаются без учета исторического и культурного контекста, что способствует размыванию городской идентичности.

Универсальные архитектурные формы часто заимствуются без адекватной адаптации к местному контексту, что приводит к поверхностному копированию зарубежных дизайнерских моделей и ослаблению архитектурной самобытности [6].

В этом контексте аналогичные процессы наблюдались в архитектуре Арабского Востока, где широко обсуждались вопросы культурной репрезентации и трансформации идентичности в современных условиях [7–9].

Социальные проблемы. Современная архитектура оказывает непосредственное влияние на социальную структуру общества. Одной из существенных проблем является ограничение приватности в жилых зданиях,

что вынуждает жителей использовать дополнительные защитные решения, искажающие внешний вид фасадов.

Игнорирование демографических и социокультурных особенностей территорий приводит к формированию пространств, не соответствующих традиционным моделям социального взаимодействия. Дополнительные проблемы связаны с безопасностью эксплуатации зданий, включая риски электротравм и недостаточную защиту от несанкционированного доступа.

Взаимосвязь между архитектурной средой и психологическим и социальным благополучием жителей также подчеркивалась в недавних исследованиях, в которых говорилось о важности архитектурных решений, учитывающих культурные особенности [9].

Эстетические проблемы. Архитектура как форма художественного самовыражения иногда теряет свою целостность и гармонию. Одно из наиболее заметных проявлений этого – визуальное искажение фасадов из-за установки внешних систем кондиционирования воздуха, что сопровождается шумом, выделением конденсата и дополнительным потреблением энергии.

< Рис. 3. Пренебрежение местным архитектурным стилем. Фото автора / Fig. 3 Disregard for the local architectural style (source: author's photos)

A similar problem is observed in the widespread use of large glazing areas without adequate shading in contemporary residential architecture (Fig. 2).

There are also structural problems: an increase in the weight of buildings due to heavy materials, insufficient resistance to seismic effects, and a lack of modern engineering calculations aimed at ensuring operational safety.

Taken together, these shortcomings result in the inability of modern buildings to provide thermal, lighting, and ventilation comfort. This, in turn, increases dependence on artificial cooling and air conditioning systems, which leads to an increase in the consumption of non-renewable energy sources and increases the economic burden on the population.

The problems presented indicate the need to review design and construction approaches, taking into account the climatic characteristics of the region, the introduction of energy-efficient technologies, and a return to the principles of adaptive architectural design.

2. Environmental issues

Contemporary architecture in Yemen is characterized by a number of environmental contradictions related to growing energy consumption, irrational use of natural resources, and insufficient implementation of sustainable development principles. In a global context,

architectural activity is considered one of the significant factors affecting the environment, including the growth of greenhouse gas emissions and increased pressure on natural ecosystems.

One of the most serious problems is the increase in emissions of carbon dioxide (CO₂), methane (CH₄), and other gases due to the high energy consumption of buildings, especially in hot climates. Significant areas of unprotected glazing, lack of thermal insulation, and dependence on air conditioning systems increase the burden on the energy sector and contribute to indirect environmental pollution (Al-Awag, 2018).

An additional factor is the intensive use of natural resources wood, stone, marble, and other materials without regard for the principles of rational consumption. There is also a transformation of natural areas as a result of urbanization, including the development of agricultural land and changes in the landscape, which disrupts the ecological balance.

Modern buildings often fail to comply with the principles of intergenerational equity and sustainable development, as resources are exploited without a long-term strategy for preserving natural potential for future generations.

3. Economic issues

Попытки компенсировать недостаток приватности установкой высоких штор и другими временными решениями негативно сказываются на внешнем виде городской среды. В результате получается фрагментарная и противоречивая архитектурная картина.

Таким образом, эстетические проблемы современной архитектуры тесно связаны с функциональными, социальными и климатическими аспектами проектирования.

Пути совершенствования современной архитектуры в Йемене

Совершенствование современной архитектуры в Йемене требует комплексного подхода, основанного на интеграции принципов устойчивого развития, адаптации к климатическим условиям и сохранении культурной самобытности. Архитектурная практика должна обеспечивать функциональность, безопасность, энергоэффективность и комфортность внутренней среды при одновременном снижении негативного воздействия на окружающую среду.

Недавние исследования в области теории архитектуры подчеркивают роль креативности, культурного восприятия и взаимодействия между городской средой и психологией человека в формировании устойчивых архитектурных решений [7–9].

В контексте климатических и социально-экономических задач модернизация архитектуры должна основываться на следующих принципах.

1. Принцип адаптивного использования традиций. Одним из ключевых направлений развития является переосмысление традиционного архитектурного опыта и адаптация его к современным условиям. Это включает в себя сохранение и развитие глинобитного строительства с применением натуральных изоляционных материалов и систем естественной вентиляции; адаптацию традиционных башенных домов к современным функциям (жилым, административным, гостиничным); использование местных строительных материалов для снижения выбросов углекислого газа и транспортных расходов [10]. Традиционная архитектура Йемена демонстрирует высокий уровень адаптации к климату, что может служить основой для устойчивого развития.

2. Принцип энергоэффективности. Учитывая высокую солнечную активность Йемена, рациональное применение возобновляемых источников энергии является стратегическим приоритетом развития. Ключевые меры включают в себя установку солнечных панелей и разработку автономных систем энергоснабжения; внедрение пассивных архитектурных решений (оптимальная ориентация зданий, управление остеклением, естественное затенение); совершенствование технологий теплоизоляции и энергоэффективных систем охлаждения. Энергоэффективность снижает эксплуатационные расходы и нагрузку на энергетическую инфраструктуру страны.

3. Принцип рационального использования воды. Учитывая ограниченный характер водных ресурсов, внедрение систем рационального водопотребления, особое значение имеют сбор и повторное использование дождевой воды; внедрение систем фильтрации и рециркуляции; территориальное планирование с учетом дефицита воды и особенностей гидрологического режима [11].

4. Принцип ландшафтной интеграции. Архитектурные решения должны учитывать природный рельеф, микроклимат и экологические особенности региона. Первоочередные мероприятия включают озеленение крыш и фасадов для снижения перегрева; создание внутренних дворов и микрооазисов; сохранение местной флоры и ее интеграцию в городскую структуру [12]. Ландшафт-

> Рис. 4. Использование наружных защитных штор в жилых зданиях [5, с. 143] / Fig. 4. Use of external privacy curtains in residential buildings [5, p. 143].

Architectural activity has a significant impact on the economy, both at the level of individual households and at the level of the state. One of the key economic issues is the high consumption of non-renewable energy sources due to inefficient building design and operation.

A significant portion of energy is lost through building envelopes, primarily through poorly insulated windows and facades made of materials with high thermal conductivity. This leads to increased operating costs, especially for cooling systems in hot climates. According to World Bank estimates, a significant proportion of the costs associated with the construction sector in Yemen are due to inefficient infrastructure, the need for maintenance, and high operating costs, which place an additional burden on the country's limited economic resources (World Bank, 2021).

Another important problem is the dependence on imported construction materials and technologies, which places an additional financial burden on the national economy. In addition, the irrational use of materials leads to the generation of construction waste and additional economic losses.

Thus, the economic inefficiency of modern architectural solutions increases the country's vulnerability in conditions of limited resources.

ная интеграция способствует созданию комфортной и устойчивой городской среды.

5. Принцип сохранения культурной самобытности. Современные здания должны оставаться частью культурного ландшафта страны. Это подразумевает сохранение национальных архитектурных мотивов в отделке и планировке; гармоничное сочетание исламских архитектурных традиций с современными технологиями; разработку образовательных программ в области экологически ориентированной архитектуры в Йемене.

6. Принцип социально ориентированного проектирования. Архитектура должна учитывать интересы местных сообществ и способствовать улучшению качества городской среды. К важным направлениям относятся создание общественных пространств; обеспечение безопасности и неприкосновенности частной жизни; использование архитектуры как инструмента постконфликтного восстановления и социального единства [3].

Реализация этих принципов позволит сформировать архитектурную модель, сочетающую традиционные ценности, современные технологии и требования устойчивого развития. Комплексный подход к модернизации архитектурной практики является необходимым условием для формирования энергоэффективной, экологически устойчивой городской среды в Йемене и ее культурной идентичности.

Выводы

Современная архитектура Йемена претерпевает глубокие преобразования в связи с климатическими, социально-экономическими и культурными изменениями. Анализ показал, что утрата традиционных принципов адаптации к изменению климата и отсутствие критического подхода при заимствовании зарубежных моделей привели к экологическим, экономическим и социальным проблемам.

Архитектурную практику можно улучшить, объединив традиционные строительные решения с современными энергоэффективными технологиями. Рациональное использование местных материалов, внедрение методов пассивного проектирования и сохранение культурной самобытности являются ключевыми направлениями устойчивого развития.

4. Cultural issues

Architecture has traditionally been a vehicle for cultural identity in society. However, in modern Yemen, there has been a gradual loss of local architectural character. The absence of strict regulatory mechanisms has led to design decisions often being made without consideration of the historical and cultural context, which contributes to the erosion of urban identity.

Global architectural forms are often borrowed without adequate adaptation to the local context, resulting in the superficial replication of foreign design models and the weakening of architectural identity (Al-Zubaidi, 2019).

In this context, similar processes have been observed in the architecture of the Arab East, where issues of cultural representation and identity transformation under contemporary conditions have been widely discussed (Alhmodud et al., 2025; Naouri et al., 2025; Al-Hmodud et al., 2025).

Social problems

Contemporary architecture has a direct impact on the social structure of society. One of the significant problems is the reduction of privacy in residential buildings, which forces residents to use additional protective solutions that distort the external appearance of facades.

Комплексный подход позволит улучшить качество городской среды, снизить энергопотребление и обеспечит формирование устойчивой архитектурной модели, соответствующей природно-климатическим условиям Йемена и социокультурным особенностям.

Литература

1. Al-Ghazali, A. S. The impact of new construction technologies and materials on local architecture in Sanaa, Yemen : Master's thesis. – Cairo : Al-Azhar University, 2005. – 187 p.
2. Lewcock, R. W. The Architecture of Yemen. – London : Thames & Hudson, 1986. – 256 p.
3. World Bank. Yemen Urban Development Challenges. – Washington : World Bank, 2021. – URL: <https://documents.worldbank.org> (дата обращения: 28.02.2026).
4. Al-Dimini, A. M. G., Halbouni, G. Thermal comfort standards for residential buildings in several Yemeni cities // Damascus University Journal of Engineering Sciences. – 2009. – Vol. 25, N 2. – P. 400–428. – URL: <https://www.damascusuniversity.edu.sy/mag/eng/images/stories/ealdimini.pdf> (дата обращения: 18.02.2026).
5. Аль-Авадж, И. А. Н. Умные здания и возможность их применения в йеменской архитектуре : магистерская диссертация. – Сана : Изд-во Университета Саны, 2018. – 194 с. (на араб. яз.)
6. Al-Zubaidi, S. Traditional Architecture of Yemen: Lessons for Modern Design // International Journal of Sustainable Built Environment. – 2019. – Vol. 8, N 3. – P. 201–210.
7. Альхмуд, С. Х., Альхмуд, Х. Х., Батайнех, А. М. Метафоры и креативность в архитектурном дизайне // Проект Байкал. – 2025. – Т. 22, № 86. – С. 70–75. – DOI: 10.51461/issn.2309-3072/86.2676
8. Наури, И. Н., Мерри А., Наури Д. Г. Культурное наследие в общественном восприятии // Проект Байкал. – 2025. – Т. 22, № 85. – С. 96–102. – DOI: 10.51461/issn.2309-3072/85.2625
9. Аль-Хмуд, М. А., Мерри, А., Наури, Д. Г., Абабнех, А. Городская среда и психика горожан – взаимное влияние // Проект Байкал. – 2025. – Т. 22, № 84. – С. 106–110. – DOI: 10.51461/issn.2309-3072/84.2556
10. UNESCO. World Heritage List: Old City of Sana'a. – Paris : UNESCO, 2020. – URL: <https://whc.unesco.org/en/list/385/> (дата обращения: 28.02.2026).
11. Al-Hadhrami, M. Traditional Yemeni Architecture and Its Environmental Adaptation // Journal of Middle Eastern Studies. – 2018. – Vol. 54, N 3. – P. 245–262.
12. UNESCO. Damage Assessment of Cultural Heritage Sites in Yemen. – Paris : UNESCO, 2019. – URL: <https://unesdoc.unesco.org/> (дата обращения: 28.02.2026).

Ignoring the demographic and sociocultural characteristics of areas leads to the formation of spaces that do not correspond to traditional models of social interaction. Additional problems are related to the safety of building operation, including the risks of electrical injury and insufficient protection against unauthorized access.

The relationship between the built environment and the psychological and social well-being of residents has also been emphasized in recent studies, highlighting the importance of culturally responsive architectural solutions (Al-Hmoud et al., 2025).

5. Aesthetic problems

Architecture as a form of artistic expression sometimes loses its integrity and harmony. One of the most noticeable manifestations of this is the visual distortion of facades due to the installation of external air conditioning units, which is accompanied by noise, condensate discharge, and additional energy consumption.

Attempts to compensate for the lack of privacy by installing high curtains and other temporary solutions also have a negative impact on the visual appearance of the urban environment. The result is a fragmented and inconsistent architectural picture.

Consequently, the aesthetic problems of modern architecture are closely linked to the functional, social, and climatic aspects of design.

Ways to improve modern architecture in Yemen

Improving modern architecture in Yemen requires a comprehensive approach based on the integration of sustainable development principles, adaptation to climatic conditions, and preservation of cultural identity. Architectural practice must ensure functionality, safety, energy efficiency, and comfort of the indoor environment while reducing negative impacts on the environment.

Recent research in architectural theory emphasizes the role of creativity, cultural perception, and the interaction between the urban environment and human psychology in shaping sustainable architectural solutions (Alhmoud et al., 2025; Naouri et al., 2025; Al-Hmoud et al., 2025).

In the context of climatic and socio-economic challenges, the modernization of architecture should be based on the following principles.

1. The principle of adaptive use of traditions

One of the key areas of development is rethinking traditional architectural experience and adapting it to modern conditions. This includes:

- preserving and developing adobe construction, using natural insulation materials and natural ventilation systems;
- adapting traditional tower houses to modern functions (residential, administrative, hotel);
- using local building materials to reduce carbon footprint and transport costs (UNESCO, 2020).

Yemen's traditional architecture demonstrates a high level of climate adaptation, which can serve as a basis for sustainable development.

2. Energy efficiency principle

Given Yemen's high solar activity, the rational use of renewable energy sources is a strategic development priority. Key measures include:

- installing solar panels and developing autonomous energy supply systems;
- implementing passive architectural solutions (optimal building orientation, glazing control, natural shading);
- improving thermal insulation technologies and energy-efficient cooling systems.

Energy efficiency reduces operating costs and the load on the country's energy infrastructure.

3. Principle of rational water use

Given the limited nature of water resources, the introduction of sustainable water consumption systems is of particular importance:

- collection and reuse of rainwater;
- introduction of filtration and recirculation systems;
- planning of territories taking into account water scarcity and hydrological regime characteristics (Al-Hadhami, 2018).

4. Principle of landscape integration

Architectural solutions should take into account the natural relief, microclimate, and ecological characteristics of the region. Priority measures include:

- introduction of green roofs and facades to reduce overheating;
- creation of inner courtyards and micro-oases;
- preservation of local flora and its integration into the urban structure (UNESCO, 2019).

Landscape integration contributes to the creation of a comfortable and sustainable urban environment.

5. Principle of preserving cultural identity

Modern buildings should remain part of the country's cultural landscape. This implies:

- preserving national architectural motifs in decoration and layout;
- harmoniously combining Islamic architectural traditions with modern technologies;
- developing educational programs in the field of environmentally-oriented architecture in Yemen.

6. The principle of socially-oriented design

Architecture should take into account the interests of local communities and contribute to improving the quality of the urban environment. Important areas include:

- creation of public spaces;
- ensuring safety and privacy;
- use of architecture as a tool for post-conflict reconstruction and social unity (World Bank, 2021).

The implementation of these principles will make it possible to form an architectural model that combines traditional values, modern technologies, and sustainable development requirements.

A comprehensive approach to modernizing architectural practice is a necessary condition for the formation of an energy-efficient, environmentally sustainable, and culturally identical urban environment in Yemen.

Conclusion

Contemporary architecture in Yemen is undergoing profound transformations due to climatic, socio-economic, and cultural changes. Analysis has shown that the loss of traditional climate adaptation principles and the uncritical adoption of foreign models have led to environmental, economic, and social problems.

Architectural practice can be improved by integrating traditional construction solutions with modern energy-efficient technologies. The rational use of local materials, the introduction of passive design methods, and the preservation of cultural identity are key areas for sustainable development.

A comprehensive approach will improve the quality of the urban environment, reduce energy consumption, and ensure the formation of a sustainable architectural model that is appropriate for Yemen's natural and climatic conditions and sociocultural characteristics.

References

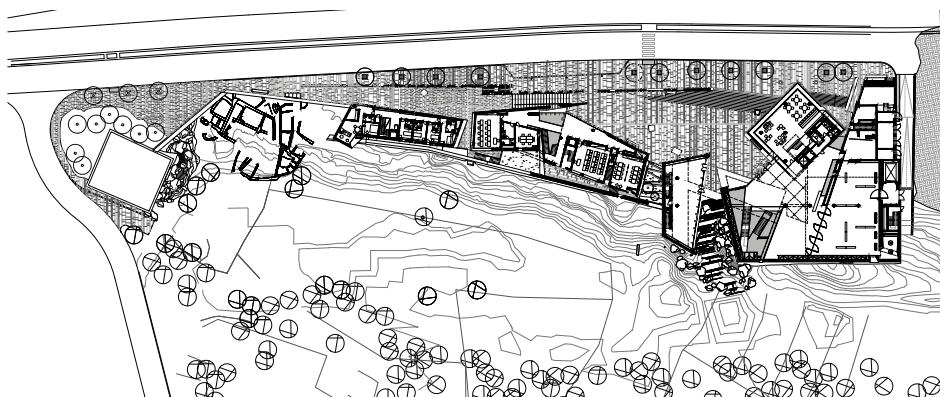
- Al-Awag, E. A. N. (2018). *Khasais al-mabani al-dhakiyya wa imkaniyat tatbiqih ala al-imara al-yamaniyya [Characteristics of intelligent buildings and their applicability to Yemeni architecture]* (Master's thesis, Faculty of Engineering). Sana'a University, Yemen.
- Al-Dimini, A. M. G., & Halbouni, G. (2009). Thermal comfort standards for residential buildings in several Yemeni cities. *Damascus University Journal of Engineering Sciences*, 25 (2), 400–428. Retrieved February 28, 2026, from <https://www.damascusuniversity.edu.sy/mag/eng/images/stories/ealdimini.pdf>
- Al-Ghazali, A. S. (2005). *The impact of new construction technologies and materials on local architecture in Sanaa – Yemen* (Master's thesis). Faculty of Engineering, Al-Azhar University, Cairo, Egypt.
- Al-Hadhami, M. (2018). Traditional Yemeni architecture and its environmental adaptation. *Journal of Middle Eastern Studies*, 54 (3), 245–262.
- Al-Hmoud, M. A., Merry, A., & Naouri, D. G., & Ababneh, A. (2025). Urban environment and the psyche of citizens – mutual reflection. *Project Baikal*, 22 (84), 106–110. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/84.2556>
- Alhmoud, S. H., Alhmoud, H. H., & Bataineh, A. M. (2025). Metaphors and creativity in architectural design. *Project Baikal*, 22 (86), 70–75. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/86.2676>
- Al-Zubaidi, S. (2019). Traditional architecture of Yemen: Lessons for modern design. *International Journal of Sustainable Built Environment*, 8 (3), 201–210.
- Lewcock, R. W. (1986). *The architecture of Yemen*. London: Thames & Hudson.
- Naouri, I. N., Merry, A., & Naouri, D. G. (2025). Cultural heritage representation in public perception. *Project Baikal*, 22 (85), 96–102. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/85.2625>
- UNESCO. (2019). *Damage assessment of cultural heritage sites in Yemen*. Paris: UNESCO. Retrieved February 28, 2026, from <https://unesdoc.unesco.org/>
- UNESCO. (2020). *World heritage list: Old City of Sana'a*. Paris: UNESCO. Retrieved February 28, 2026, from <https://whc.unesco.org/en/list/385/>
- World Bank. (2021). *Yemen urban development challenges*. Washington, DC: World Bank. Retrieved February 28, 2026, from <https://documents.worldbank.org>

<https://www.schiattarella.com/project/addiriyah-art-center/>
<https://daf.moc.gov.sa>
<https://dgda.gov.sa>
photo Hassan A. Alshatti

объект номера / object of the issue

Будущее искусства Дирии / Diriyah Art Futures

В статье представлен первый центр современного искусства в Персидском заливе, посвященный новому медиа- и цифровому искусству. Глобальная лаборатория, музей и визионерское пространство созданы по проекту итальянской фирмы Schiattarella Associati.

Ключевые слова: Schiattarella Associati; «Будущее искусства Дирии»; центр современного искусства; «Видение 2030»; традиционная архитектура Неджд. /

The Gulf's first contemporary art hub is dedicated to new media and digital art. A global laboratory, museum, and visionary space is designed by the Italian firm Schiattarella Associati.

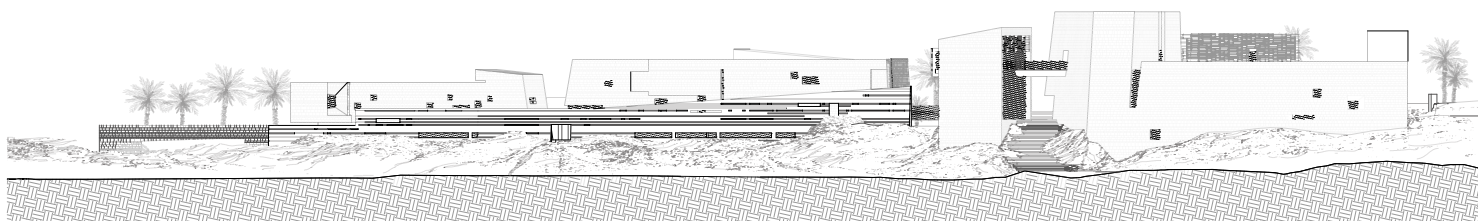
Keywords: Schiattarella Associati; Diriyah Art Futures; contemporary art hub; Vision 2030; traditional Najd architecture.

v <https://www.schiattarella.com/project/addiriyah-art-center/>
<https://daf.moc.gov.sa>
<https://dgda.gov.sa>
 photo Antoine Horenbeek

Собственность: Министерство культуры Саудовской Аравии
Заказчик: Королевское управление по развитию Дирии
Проект: Schiattarella Associati
Местоположение: Дирия (Эр-Рияд), КСА
Год завершения строительства: 2024
Площадь: 12 000 м²
Застройщик: Diriyah Company
Строительная компания: MARCO
Управляющая компания: Arcadis, Ellisdon
Управление строительством: Schiattarella Associati + Saud Consult
Художественное руководство: Schiattarella Associati
Пожарная безопасность: SAGR
Комиссия по городу Эр-Рияд
Структурный проект: Proge77
Системный дизайн: Euroengineering, Drisaldi Associati, Tekser
Специалист по акустике: P2ADESIGN
Образовательный контент: Le Fresnoy – Национальная студия современного искусства
Консультант по культуре: Cultural Innovation
Графика и навигация: Sabir

Property: Ministry of Culture
Client: Diriyah Gate Development Authority, Royal
Project: SCHIATTARELLA ASSOCIATI
Location: Diriyah (Riyadh), KSA
Completion Year: 2024
Area: 12,000 sqm
Developer: Diriyah Company
Construction: MARCO
PMC: Arcadis, Ellisdon
Construction Management: Schiattarella Associati + Saud Consult
Art Direction: Schiattarella Associati
Fire Safety: SAGR
Commission for Riyadh City
Structural Project: Proge77
Systems Design: Euroengineering, Drisaldi Associati, Tekser
Acoustic Specialist: P2ADESIGN
Educational Content: Le Fresnoy – National Studio of Contemporary Arts
Cultural Consultant: Cultural Innovation
Graphics and Wayfinding: Sabir

Паола Скиаттарелла, Андреа Скиаттарелла, Амедео Скиаттарелла / Paola Schiattarella, Andrea Schiattarella, Amedeo Schiattarella

Проект «Будущее искусства Дирии», созданный итальянскими архитекторами фирмы Schiattarella Associati, является первым публичным проектом, запущенным в рамках программы «Видение 2030» – амбициозного плана экономических, культурных и социальных преобразований в Саудовской Аравии на ближайшие годы.

Это современное здание расположено на краю пустыни к северу от Эр-Рияда, недалеко от объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО Ат-Тураифа – древней столицы пустынного региона Неджд и одного из важнейших исторических и археологических памятников Аравийского полуострова.

Центр «Будущее искусства Дирии», созданный фирмой Schiattarella Associati по заказу Министерства культуры Саудовской Аравии, вмещает в себя студии, выставочные пространства, исследовательские лаборатории, жилье для художников, аудиторию и центр изучения новых медиа- и цифровых языков на площади 12000 м².

текст
Амедео Скиаттарелла
 Schiattarella Associati
 (Италия)
Андреа Скиаттарелла
 Schiattarella Associati
 (Италия)
Паола Скиаттарелла
 Schiattarella Associati
 (Италия)
 text
Amedeo Schiattarella
 Schiattarella Associati
 (Italy)
Andrea Schiattarella
 Schiattarella Associati
 (Italy)
Paola Schiattarella
 Schiattarella Associati
 (Italy)

<https://www.schiattarella.com/project/addiriyah-art-center/>
<https://daf.moc.gov.sa>
<https://dgda.gov.sa>
 photo Guido Petruccioli

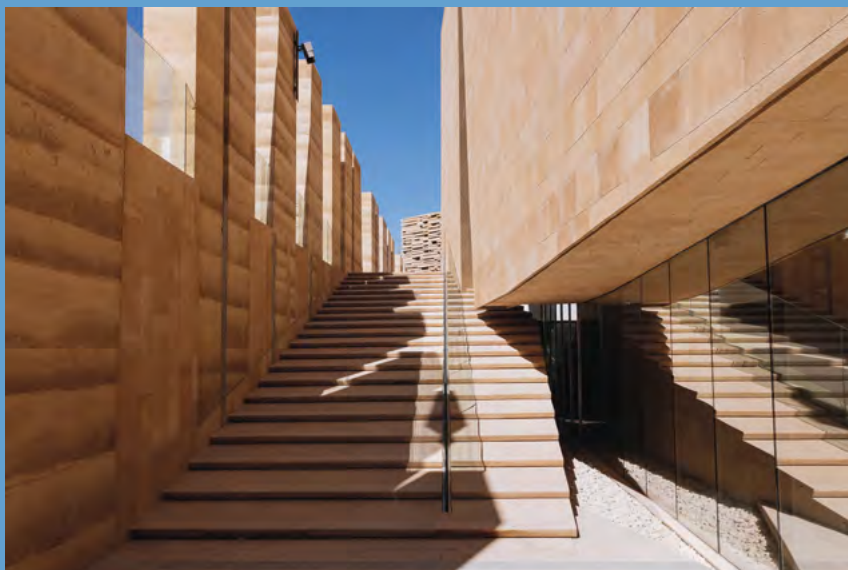

<https://www.schiattarella.com/project/addiriyah-art-center/>
<https://daf.moc.gov.sa>
<https://dgda.gov.sa>
 photo Hassan A. Alshatti

<https://www.schiattarella.com/project/addiriyah-art-center/>
<https://daf.moc.gov.sa>
<https://dgda.gov.sa>
photo Drone

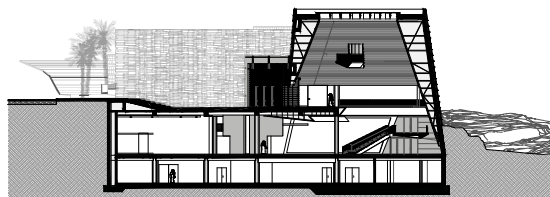
The Diriyah Art Futures is created by Italian architects Schiattarella Associati, is the first public project launched as part of Vision 2030, the ambitious plan guiding Saudi Arabia's economic, cultural, and social transformations in the coming years.

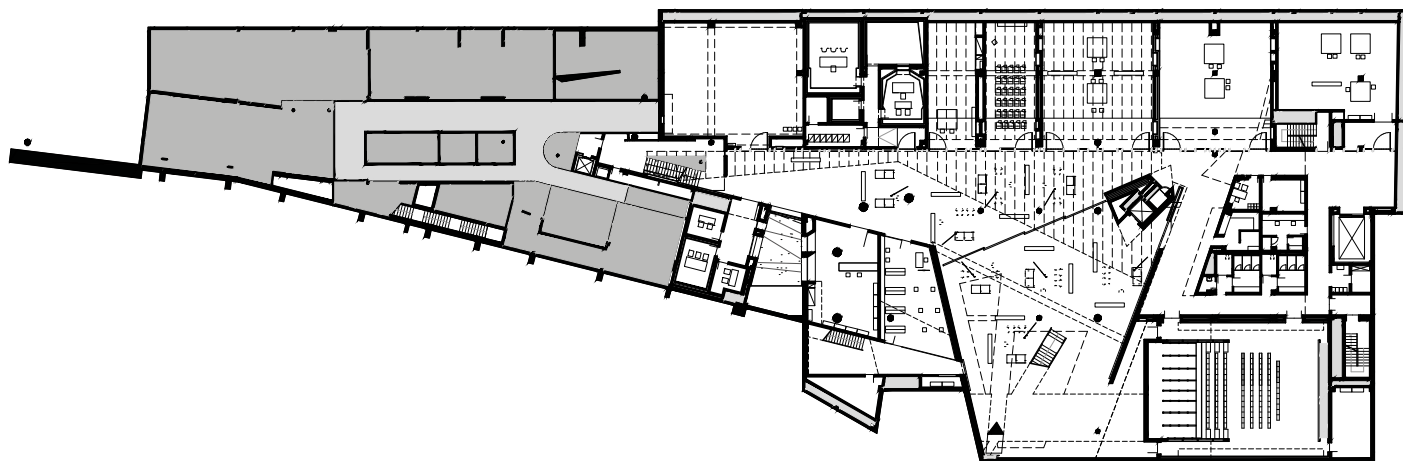
This contemporary structure is set along the desert's edge, north of Riyadh, near the UNESCO site of At-Turaif, the ancient capital of the Najd desert region and one of the Arabian Peninsula's most important historic and archaeological sites.

Commissioned and curated by the Saudi Ministry of Culture and designed by Schiattarella Associati, "DIRIYAH ART FUTURES" will house studios, exhibition spaces, research labs, artist residences, an auditorium, and a training center for new media and digital languages, in an area of 12,000 sqm.

The museum exemplifies the philosophy of Schiattarella Associati (Amedeo, Andrea, and Paola Schiattarella), an

^ v <https://www.schiattarella.com/project/addiriyah-art-center/>
<https://daf.moc.gov.sa>
<https://dgda.gov.sa>
 photo Hassan A. Alshatti

v <https://www.schiattarella.com/project/addiriyah-art-center/>
<https://daf.moc.gov.sa>
<https://dgda.gov.sa>
 photo Antoine Horenbeek

Музей олицетворяет философию итальянской архитектурной фирмы Schiattarella Associati (Амедео, Андреа и Паолы Скиаттарелла), также работающей в Европе и играющей ведущую роль в Саудовской Аравии. Эта международная фирма, базирующаяся в Риме, уже несколько лет специализируется на культурных общественных пространствах, фокусируясь на архитектурно-строительном проектировании, реставрации и исследованиях в интересах общества и культуры.

Современная архитектура как задача, ориентированная на будущее, которая делает возможным диалог с наследием и традициями региона Неджд

«Мы хотели, чтобы в архитектуре создавалось впечатление, что она возникла из земли, – говорят архитекторы. – Таков наш подход к проектированию: использование природных ценностей для создания современного языка, который тесно связан с местоположением».

v <https://www.schiattarella.com/project/addiriyah-art-center/>
<https://daf.moc.gov.sa>
<https://dgda.gov.sa>
 photo Antoine Horenbeek

<https://www.schiattarella.com/project/addiriyah-art-center/>
<https://daf.moc.gov.sa>
<https://dgda.gov.sa>
photo Hassan A. Alshatti

v <https://www.schiattarella.com/project/addiriyah-art-center/>
<https://daf.moc.gov.sa>
<https://dgda.gov.sa>
photo Hassan A. Alshatti

Italian architectural firm also active in Europe and with a leadership role in Saudi Arabia. Based in Rome, the international firm has been specializing in cultural public spaces for over ten years, focusing on urban design, restoration, and research to serve community and cultural interests.

A future-oriented challenge, contemporary architecture that dialogues with Najd heritage and tradition

“We wanted the architecture to feel as though it emerged from the earth,” say the architects. “This is our approach to design: harnessing natural values to create a contemporary language that resonates deeply with the location.”

The “DIRIYAH ART FUTURES” is not a compact building but rather a series of lean, distinct volumes that extend horizontally along the Wadi Hanifa ridge, an agricultural depression amid the desert plateau. Designed to reconnect the urban and agricultural parts of the wadi, restoring the balance between construction and nature, they alternate with narrow, deep passages that create shaded and cool

«Будущее искусства Дири» – это не компактное здание, а, скорее, серия стройных, четко очерченных объемов, которые простираются горизонтально вдоль долины Вади-Ханифа – сельскохозяйственной впадины посреди пустынного плато. Они спроектированы таким образом, чтобы соединить городскую и сельскохозяйственную части Вади-Ханифа, восстановив баланс между объектами строительства и природой. Они чередуются с узкими глубокими проходами, которые создают затененные и прохладные зоны в соответствии с традиционной архитектурой Неджд. Так осуществляется «индивидуальный подход» и работа с конкретными целями.

Амедео Скиаттарелла отмечает: «Это пограничное сооружение: с одной стороны находится старый исторический центр с его узкими улочками и небольшими зданиями, а с другой – сельскохозяйственная зона с садами, полями и колодцами. Когда-то городские стены служили как разделителем, так и связующим звеном между ними. Через эти ворота в город поступали вода, урожай и строительные материалы. Мы воссоздали концепцию этого прохода, где все соединяется, при этом четко обозначая границы».

«Глобальная интернационализация привела к сглаживанию культурного разнообразия, прогрессирующей стандартизации городских ландшафтов и утрате архитектурного “биоразнообразия”», – добавляют Амедео, Андреа и Паола Скиаттарелла. – Главная задача сегодня – исходить из ценности разнообразия, работая над отличительными характеристиками и специфическими чертами каждого места».

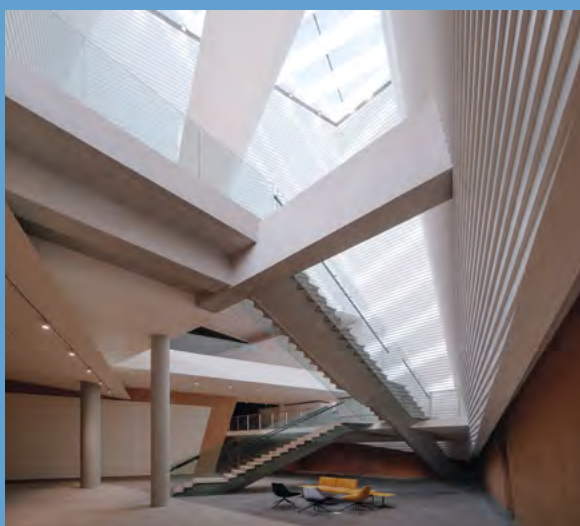
Исследования, инновации и решения, в основе которых лежит природа

Архитектура «Будущее искусства Дири» безотходна и, согласно традициям пустыни, создана для удовлетворения как можно большего числа потребностей с помощью формы и пространственного распределения, с использованием особенностей участка, материалов и знаний. «Это современный проект, который решает задачу создания нового человеческого измерения на исторически

zones, following traditional Najd architecture typical of the area – a “tailoring” work with specific objectives.

“This is a boundary structure,” notes Amedeo Schiattarella, “On one side lies the old historic center with its narrow streets and small buildings, and on the other the agricultural zone with gardens, fields, and wells. Between the two, city walls once served as both division and connection. Through these gates, water, crops, and building materials would enter the city. We’ve recreated this passageway concept, where everything connects while clearly marking boundaries.”

“Global internationalization has led to a flattening of cultural diversity, with progressive standardization of urban landscapes and a loss of architectural ‘biodiversity’,” add Amedeo, Andrea, and Paola Schiattarella. “The true challenge today is to start from the value of diversities, working on distinctive characteristics and the specific traits of each place.”

< <https://www.schiattarella.com/project/addiriyah-art-center/>
<https://daf.moc.gov.sa>
<https://dgda.gov.sa>
photo Hassan A. Alshatti

многослойной территории. Традиция Неджд – архитектура в пустыне – основана на использовании строительных материалов непосредственно с места строительства: камня, необработанной земли и глиняной штукатурки. В результате получается прочная материальная связь между почвой и конструкцией.

Пространства между объемами здания перекликаются с узкими улочками и небольшими площадями древних поселений. Целью проекта было создание компактных затененных зон, где потоки ветра снижают температуру и защищают пешеходов от солнца и жары. С этой целью были созданы вентиляционные каналы, ориентированные на Вади-Ханифа – зону с более высокой влажностью. Спроектированный с учетом новейших принципов устойчивого развития, комплекс был построен с целью оптимизации солнечного воздействия и обеспечения энергоэффективности за счет геотермального охлаждения, сбора и повторного использования дождевой воды.

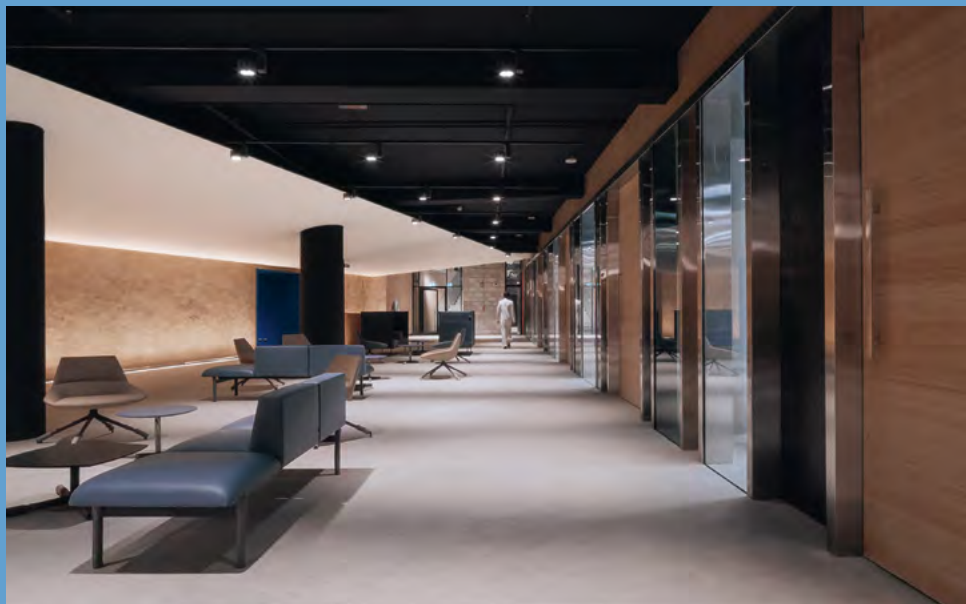
Дизайн интерьеров

В интерьерах, разработанных Паолой Скиаттарелла, использованы местные материалы, такие как глиняная штукатурка и камень из Эр-Рияда – затвердевший песок, который хранит в себе звучание залитой солнцем пустыни. Кафе оформлено в современном стиле машрабия, напоминающем каменные стены, вылепленные ветром. «Это вторая кожа, которая пропускает свет, создает внутреннюю игру теней и позволяет видеть, оставаясь незамеченным».

В подземной части здания, защищенной от солнечного света и высокой температуры, находятся лаборатории и студии цифрового искусства. Здесь используются современные материалы: сталь, стекло и цемент. Они дополняются деревом – материалом, редко встречающимся в интерьерах Саудовской Аравии.

В центре этого подземного пространства расположено большое открытое пространство, где художники собираются вместе и где естественное освещение проникает глубоко внутрь через массивный «колокол».

> <https://www.schiattarella.com/project/addiriyah-art-center/>
<https://daf.moc.gov.sa>
<https://dgda.gov.sa>
photo Hassan A. Alshatti

<https://www.schiattarella.com/project/addiriyah-art-center/>
<https://daf.moc.gov.sa>
<https://dgda.gov.sa>
photo Hassan A. Alshatti

Research, innovation, and natural-based solutions

The architecture of “Diriyah Art Futures” is waste-free, born, as is desert tradition, to answer as many needs as possible through form and spatial distribution, using site-specific conditions, materials, and knowledge. “It’s a contemporary project that meets the challenge of creating a new human dimension in a historically layered land. Najd’s tradition, desert architecture, is based on using construction materials directly from the site: stone, raw earth, and mud plaster. The result is a strong material continuity between soil and structure.

The spaces between the building’s volumes echo the narrow streets and small squares of ancient settlements. The aim was to create compact, shaded areas where wind flows, reducing temperature and shielding pedestrians from sun and heat. To this end, ventilation channels oriented toward the wadi – the more humid area – were created. Designed with the latest sustainability principles in mind, the complex was built to optimize solar exposure and ensure

energy efficiency with geo-thermal cooling and rainwater collection and reuse.

The interior design

The interiors, curated by Paola Schiattarella, incorporate local materials such as mud plaster and Riyadh stone – solidified sand that retains the resonance of the desert under sunlight. The Cafe features a contemporary musharabiya, reminiscent of stone walls sculpted by the wind. “A second skin that lets in light, creating inner shadow play, allowing one to see without being seen.”

The building’s underground core, protected from sunlight and heat, houses labs and studios for digital art. Here, materials turn contemporary: steel, glass, and cement complemented by wood – a rare material in Saudi interiors.

At the center of this underground area, a large open space serves as an artists’ gathering spot, with natural light channeled in through a massive “bell” that allows light to penetrate deeply.

v <https://www.schiattarella.com/project/addiriyah-art-center/>
<https://daf.moc.gov.sa>
<https://dgda.gov.sa>
photo Mohamed Somji

Статья посвящена изучению опыта использования объектов культурного наследия железных дорог и их музеефикации на территории Китая. Объект исследования – застройка в городе Чжалантуне, станции вдоль Китайско-Восточной железной дороги, в районе которой в начале XX века находился известный в Северной Маньчжурии курорт. Рассматриваются современное состояние признанных памятников архитектуры – здания железнодорожного клуба и бывшей воинской казармы, в наши дни превращенные в музеи. Исследование построено на базе проведенного в 2024 году натурного обследования с использованием литературных и архивных материалов.

Ключевые слова: архитектурное наследие; железнодорожная архитектура; станция; КВЖД./

The article is devoted to the study of the experience of using railway cultural heritage sites and their museification in China. The object of study is the development in the city of Zhalantun, the stations along the China Eastern Railway, where at the beginning of the 20th century there was a well-known resort in Northern Manchuria. The article considers the current state of recognized architectural monuments – the railway club building and the former military barracks, which have nowadays been turned into the museums. The research is based on a field survey conducted in 2024 using literary and archival materials.

Keywords: architectural heritage; railway architecture; station; CER.

Музеефикация исторических зданий в Чжалантуне / Museumification of the historical buildings in Zhalantun

текст

Екатерина Глатоленкова
Тихоокеанский
государственный
университет (Хабаровск)
Михаил Базилевич

Тихоокеанский
государственный
университет (Хабаровск)

text

Ekaterina Glatolenkova
Pacific National University
(Khabarovsk)
Michail Bazilevich
Pacific National University
(Khabarovsk)

Введение

Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) стала одним из ключевых инфраструктурных и культурных проектов рубежа XIX–XX веков, оказавших существенное влияние на формирование пространственной структуры Маньчжурии и сопредельных территорий Дальнего Востока. Построенная как стратегическая ветвь Транссибирской магистрали, дорога не только обеспечила кратчайший транзит между европейской частью России и Тихим океаном, но и сформировала вдоль своей линии сеть новых поселений, станций и городов. Вокруг железнодорожных узлов складывались административные центры, жилые кварталы, культовые и общественные здания, образовавшие уникальную по своему характеру архитектурную среду.

Значительное количество объектов исторической застройки сохранилось на промежуточных станциях КВЖД, где типовые проекты вокзалов, депо, водонапорных башен и жилых домов железнодорожников формировали целостный ансамбль. Архитектура этих зданий отражает синтез инженерной рациональности и стилистических тенденций своего времени – от эклектики и «кирпичного стиля» до модерна.

В настоящее время значительная часть построек, связанных с историей КВЖД, находится в уязвимом положении. Урбанистические трансформации, модернизация транспортной инфраструктуры и коммерческое освоение территорий нередко приводят к утрате подлинной среды либо к ее деформации. Многие здания используются без учета их историко-культурной ценности, что ведет к постепенной утрате аутентичности. В отдельных случаях объекты полностью исчезают, уступая место новой застройке.

В этих условиях особую актуальность приобретает проблема музеефикации исторических зданий вдоль бывшей линии КВЖД. Музеефикация построек, связанных с железной дорогой, рассматривается и как способ физического сохранения объекта, и как форма осмысленной интерпретации исторического наследия, в том числе с включением новых объектов, не имеющих связи с первоначальной застройкой. Большинство сохранившихся памятников включены в современную культурную

и туристическую среду поселений и участвуют в формировании образа, способного раскрыть сложную трансграничную историю региона.

Дополнительную значимость теме придает ее международный характер. Наследие КВЖД связано с историей России и Китая, отражает процессы взаимодействия, конкуренции и культурного обмена. Следовательно, сохранение и интерпретация этих объектов требуют деликатного подхода, учитывающего различные исторические нарративы.

Методология исследования

Исследование основано на междисциплинарном подходе, объединяющем методы изучения истории, архитектуры и градостроительного анализа. Историко-архивный метод позволил реконструировать этапы формирования станции, уточнить датировку объектов и проследить трансформацию их функций на основе научных публикаций, архивных источников и нормативных документов. Проведенное в октябре 2024 г. натурное обследование сохранившихся зданий включало визуальный осмотр, фотофиксацию, анализ состояния конструкций и декоративных элементов, а также оценку степени сохранности аутентичной планировки. Полевые исследования позволили сопоставить архивные сведения с современным состоянием объектов и выявить характер их адаптации. Историко-типологический анализ применен для систематизации зданий по функциональным группам. Архитектурно-композиционный анализ использован для выявления стилиевых особенностей и объемно-пространственных решений. Градостроительный подход позволил оценить планировочную структуру станционных поселков и их потенциал для комплексной музеефикации. Сравнительный метод использован при анализе различных моделей музеефикации.

Типология исторических зданий вдоль КВЖД

Формирование станционных комплексов вдоль бывшей линии Китайско-Восточной железной дороги происходило по единой инженерно-планировочной логике: станция представляла собой ядро будущего поселения. Типология объектов наследия здесь отличается многоуровневостью – от инфраструктурных сооружений

Исследование
выполнено за счет гранта
Российского научного
фонда № 24-78-10119,
[https://rscf.ru/
project/24-78-10119/](https://rscf.ru/project/24-78-10119/)

Acknowledgements: The
study was supported by
a grant from the Russian
Science Foundation
No. 24-78-10119,
[https://rscf.ru/
project/24-78-10119/](https://rscf.ru/project/24-78-10119/)

до общественных и жилых зданий, формировавших целостную среду.

Вокзал являлся композиционным центром станции и главным архитектурным акцентом. В крупных узлах, таких как Харбин, станции Пограничная и Маньчжурия, Бухэду, формировались представительные здания со сложной композицией, выразительным декором в стиле модерн. В малых пунктах преобладали типовые проекты, выполненные в «кирпичном стиле», иногда – с элементами традиционной восточной архитектуры (Гунджулинь). Несмотря на стандартизацию, варьировались детали фасадов, кровель, оконных проемов, что придавало вокзальным зданиям индивидуальность. Пассажирские здания включали залы ожидания, билетные кассы, буфеты, служебные помещения.

Строительство станций КВЖД сопровождалось возведением домов для служащих и рабочих. Жилые кварталы располагались в непосредственной близости от путевого хозяйства и нередко имели регулярную планировку. В зависимости от должности железнодорожника различались типы домов – от одноэтажных деревянных построек до капитальных кирпичных особняков. Такая застройка представляет интерес как пример формирования корпоративной среды.

Крупный блок составляют объекты технической инфраструктуры: депо, мастерские, пакгаузы, водонапорные башни, склады. Эти сооружения отличались функциональной строгостью и лаконизмом форм. Кирпичные депо с арочными воротами и протяженными фасадами создавали выразительный индустриальный силуэт. Водонапорные башни, помимо утилитарной роли, становились вертикальными доминантами станционного пейзажа. Инженерные постройки важны не только как элементы транспортной системы, но и как памятники индустриальной архитектуры начала XX века. Их конструктивные решения – металлические фермы, кирпичные своды, деревянные перекрытия – отражают уровень технической мысли своего времени.

При крупных станциях размещались здания общественного назначения: железнодорожные клубы, управления, церкви, больницы. Они отличались более представительным обликом по сравнению с производственными объектами. Архитектурный язык сочетал рациональность и элементы декоративности, подчеркивая статус учреждения. В ряде случаев административные здания формировали отдельные ансамбли, связанные с вокзальной площадью. Общественные сооружения свидетельствуют о стремлении создать полноценную городскую среду, а не только транспортный пункт.

Музейные комплексы главной линии КВЖД

Музеефикация исторических зданий представляет собой междисциплинарный процесс, находящийся на пересечении архитектурной реставрации, музейного дела, культурологии, истории. По определению М. Каулен, суть музеефикации заключается «в превращении в музейные объекты недвижимых памятников (архитектурных сооружений и ансамблей, природных комплексов, промышленных предприятий и т. п.), объектов нематериального наследия (традиционных производств, фольклора, образа жизни и т. д.) и культурно-исторической среды со всеми ее элементами и существующими между ними взаимосвязями» [1, с. 11]. В отличие от консервации или реставрации, направленных преимущественно на физическое сохранение объекта, музеефикация предполагает включение памятника в систему общественного восприятия через создание интерпретационной среды. Объект не только сохраняется, но и приобретает новую функцию – становится носителем структурированного знания о прошлом.

В научной традиции музеефикация рассматривается как форма актуализации культурного наследия. Она связана с трансформацией исторического здания в музейный или музейно-экспозиционный объект, при котором материальная ткань сооружения выступает одновременно экспонатом и пространством экспозиции. Особенно это важно для архитектуры инфраструктурного типа – вокзалов, депо, административных корпусов, где сама конструкция и планировочная логика отражают исторические процессы индустриального развития.

В условиях КВЖД можно выделить несколько моделей музеефикации, информация о которых представлена в таблице. Первая – полная музеефикация, при которой здание целиком утрачивает первоначальную функцию и становится специализированным музеем. В этом случае приоритетом является сохранение аутентичности планировочной структуры, декоративных элементов и исторических деталей. По такой модели был сформирован музейный комплекс в здании паровозного депо и музей в церкви-школе в Ханьдаохэцзы, дома-музеи на станции Цицикар (современный Аньянси). Вторая модель – частичная музеефикация, предполагающая совмещение современной функции с музеем. Так, ряд помещений исторического здания Харбинского политехнического университета отведен под размещение экспозиции музея. Данная модель позволяет сохранить жизнеспособность объекта и избежать его изоляции от городской среды. Третья модель – музеефикация в составе более крупного комплекса или маршрута. Таких примеров на северо-востоке Китая с каждым годом становится все больше. В качестве примера приведем реконструированный район на станции Аньянси, жилой район в Харбине, расположенный недалеко от исторического здания Политехнического университета, район бывшей станции Куаценцзы в Чанчуне [2]. В этом случае отдельные здания образуют систему, связанную общей темой. Для линейных инфраструктур, подобных железной дороге, данный подход особенно продуктивен, поскольку позволяет представить наследие как пространственно-протяженный культурный ландшафт. Можно говорить о том, что вся территория бывшей КВЖД, а особенно вдоль главной ее ветви по маршруту от Маньчжурии до Суйфэнхэ, представляет собой площадку для создания единого музейного комплекса, формирующегося в настоящее время.

Принципы музеефикации базируются на международных нормах охраны наследия и практике реставрации. Ключевым является принцип сохранения аутентичности – подлинности материала, формы и исторического контекста. Вмешательство должно быть минимальным и реверсивным, т. е. допускающим возможность возвращения к исходному состоянию без утраты исторической основы. Недопустима имитация «стилизации», создающая ложное представление о прошлом. Не менее важен принцип

в Рис. 1. Здание бывшей столовой железнодорожных служащих (здесь и далее фотографии Е. Глатоленковой, 2024)

^ Рис. 2. Здание бывшей гостиницы при курорте в Чжалантуне

^ Рис. 3. Здание бывшего железнодорожного клуба в Чжалантуне. Главный фасад

контекстуальности. Историческое здание не может рассматриваться изолированно от окружающей среды. Его музеефикация должна учитывать градостроительную структуру, визуальные связи и исторический ландшафт. В случае объектов вдоль бывшей КВЖД это означает необходимость анализа не только отдельных построек, но и их положения в системе станционных ансамблей, путевого хозяйства и жилой застройки.

Таблица

Модели музеефикации исторических зданий КВЖД [3, 4]

Наименование станции	Класс (при строительстве)	Современное наименование	Модели музеефикации		
			частичная	полная	комплексная
Маньчжурия	II	Городской уезд (ГУ) Маньчжурия городского округа (ГО) Хулун-Буир автономного района Внутренняя Монголия (АР ВМ)	+	+	+
Хайлар	II	Район Хайлар ГО Хулун-Буир АР ВМ	–	–	–
Бухэду	II	Город Бухэду ГУ Якэши, АР ВМ	+	+	–
Чжалантунь	II	ГУ Чжалантунь ГО Хулун-Буир АР ВМ	+	+	+
Цицикар	II	Район Аньянси ГО Цицикар провинции Хэйлунцзян	+	+	+
Аньда	III	ГУ ГО Суйхуа провинции Хэйлунцзян	–	–	–
Харбин	I	Город субпровинциального значения (ГСЗ)	+	+	+
Имяньпо	III	Поселок ГУ Шанчжи провинции Хэйлунцзян	+	+	+
Ханьдао-хэцзы	II	Поселок Хэндао ГУ Хайлинь ГО Муданьцзян провинции Хэйлунцзян	+	+	+
Пограничная	II	ГУ Суйфэньхэ ГО Муданьцзян провинции Хэйлунцзян	+	+	–
Яомынь	III	ГУ Дэхуэй ГСЗ Чанчунь	+	+	–

Куаценцзы	IV	ГСЗ Чанчунь	+	+	–
Гунджулинь	II	ГУ Гунчжулин ГСЗ Чанчунь	+	–	–
Тьелинь	III	ГО Телин провинции Ляонин	+	–	–
Мукден	IV	ГСЗ Шеньян	+	–	–
Ляоян	II	ГО Ляоян провинции Ляонин	+	–	–
Дашичао	III	ГУ Дашицяо ГО Инкоу провинции Ляонин	+	–	–
Вафандян	II	ГУ Вафандянь ГСЗ Дялянь	+	–	–
Порт-Артур	III	Район Лэйшунькоу/Люйшунь ГСЗ Дялянь	+	–	+
Дальний	I	ГСЗ Дялянь	+	+	+

Музейный комплекс в Чжалантуне

Станция Чжалантунь III класса, построенная в начале XX века на западной линии КВЖД, расположена между Цицикаром и Бухэду. Это одна из восьми станций III класса на линии, первоначально называвшаяся Бутаци, но переименованная в честь офицера, чей гарнизон находился в районе будущего железнодорожного поселка [5]. Благодаря живописной природе и относительной близости к Харбину, в 1920-х годах в районе станции сформировался курорт. Г. В. Мелихов в монографии «Белый Харбин» приводит выдержку из газеты «Русский голос», где была опубликована программа торжественных мероприятий, приуроченных к его открытию, а сам поселок называется «чудным очаровательным уголком земного шара» [6, с. 240].

Чжалантунь – одна из самых крупных станций западной линии КВЖД – обладает богатым архитектурным наследием. Планировка станционного поселка в значительной степени сохранена. До настоящего времени сохранилось около 55 исторических зданий различной типологии – жилые дома, общественные постройки, здания технологического назначения. Большинство из них внесены в реестр объектов культурного наследия [7]. Значительные размеры поселка и разнохарактерность застройки не позволяют пока рассматривать его в качестве единого целого, как, например, на бывшей станции Цицикар в поселке Аньянси, где реконструирована и превращена в музей под открытым небом практически вся территория станции. Современная застройка череду-

< Рис. 5. Фрагмент площади напротив здания музея КВЖД

ется с историческими зданиями, сами здания находятся в разной степени сохранности.

С 2017 года в городе реализуется план охраны историко-культурного наследия КВЖД, рассчитанный до 2035-го. Отдельные исторические здания, связанные как с железнодорожной станцией, так и с курортом, используются для размещения музейных экспозиций и проведения культурных мероприятий; в каждом из них подчеркнута историческая принадлежность и представлена информация об истории здания. К таким объектам относятся бывшая столовая железнодорожников (ныне ресторан европейской кухни) (рис. 1), здание клуба железнодорожников – музей истории города Чжалантуня, а также здание бывшей полиции.

Для здания клуба железнодорожников был использован типовый проект, примененный также при строительстве гостиницы курорта. До настоящего времени сохранились оба здания, однако гостиница отличается использованием бутового камня в кладке торцевой стены (рис. 2–4). В период японской оккупации в здании клуба размещался офис Коммунистической партии Китая [7]. В настоящее время здесь расположен музей Чжалантуня. Экспозиция размещена на двух этажах и включает шесть залов, посвященных истории города и его современному состоянию. Здание двухэтажное, прямоугольное в плане, с вытянутым главным фасадом. Композиция симметричная, торцевые фасады и центральная часть входной группы заднего фасада украшены балконами с деревянной резьбой, кровля четырехскатная. Основной объем решен строго и лаконично, тогда как пристройки отличаются более декоративным характером. Оконные проемы прямоугольные, вытянутые по вертикали, с простыми наличниками; расположены регулярно и симметрично. Фасад отреставрирован и находится в хорошем состоянии; сохранена и восстановлена деревянная резьба на балконах в торцах здания, окрашенная в желто-зеленую гамму, характерную для построек вдоль бывшей КВЖД.

Одним из центральных достопримечательных мест является Площадь истории и культуры Восточной железной дороги, расположенная в южной части исторического станционного поселка (рис. 5). С западной стороны

^ Рис. 4. Здание бывшего железнодорожного клуба в Чжалантуне. Фрагмент бокового фасада

на площадь выходит торцевой фасад здания бывшей воинской казармы (рис. 6), в настоящее время – музея истории Китайско-Восточной железной дороги района Внутренняя Монголия. В юго-восточной части площади размещена современная среднеэтажная жилая застройка, а с северо-востока к ней примыкает квартал бывших жилых домов железнодорожников, находящийся на реконструкции (октябрь 2024 года).

Казарма была построена в 1909 году. Впоследствии, согласно китайским источникам, в ней размещались подразделения лесной полиции. В 1936-м здесь находилась начальная школа, с 1953-го здание использовалось как общежитие для железнодорожных работников, с 1964-го – для учащихся мужского училища. Музей открыт в 2008 году.

Здание построено из бутового камня и декорировано кирпичом. Благодаря особенностям материала и лаконичному оформлению, оно внешне напоминает сооружение промышленного назначения. Постройка одноэтажная, прямоугольная в плане, вытянутая по фронту. Главный фасад решен в протяженной горизонтальной композиции. Крыша двускатная, с небольшим уклоном.

^ Рис. 6. Здание бывшей воинской казармы. Южный фасад

^ Рис. 7. Интерьеры музея КВЖД

Композиция фасада симметрична относительно центральной оси, центр акцентирован входным порталом и треугольным фронтоном. Основным выразительным средством служит строгий метрический ряд широких оконных проемов, обрамленных контрастной кирпичной кладкой, четкая линия цоколя и минимальная пластическая расчлененность. Торцевые фасады подчеркнуты высокими щипцами без сложной пластики. Верхняя часть выполнена из кирпича и формирует зубчатый карнизный пояс, выступающий над основной плоскостью стен.

Лю Дапин указывает, что площадь здания составляет 1020 м²; помещения отличаются высокими потолками [7, с. 24]. Наличие внутренних перегородок и значительная высота помещений позволили выполнить перепланировку и приспособить здание под музейное пространство. Вход осуществляется со стороны южного фасада и отделен от основного зала перегородкой. Внутреннее пространство организовано как большой зал, в центре которого под стеклом размещен фрагмент рельсового пути с оригинальными деревянными шпалами и рельсами – характерный экспонат музеев вдоль бывшей линии КВЖД. По периметру установлены стенды с историческими фотографиями, картами и чертежами, размещены витрины с предметами быта и ценными артефактами (рис. 7).

Заключение

Китайско-Восточная железная дорога сформировала пространственно-протяженную систему поселений с развитой архитектурной и социальной инфраструктурой. Станционные комплексы включали вокзалы, жилую застройку, инженерные сооружения и общественные здания, образующие целостную среду. Несмотря на уязвимость значительной части этого наследия, современная практика показывает возможность его сохранения через различные модели музеефикации – от преобразования отдельных зданий до формирования музейных комплексов и тематических маршрутов.

Пример станции Чжалантунь демонстрирует, что даже при фрагментарной сохранности застройки возможно постепенное включение исторических объектов в культурно-туристическую среду. При этом важнейшим условием

остается соблюдение принципов аутентичности и контекстуальности, а также учет международного характера наследия КВЖД.

Литература

1. Каулен, М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. – Москва : Этерна, 2012. – 432 с.
2. Целуйко, Д. С., Базилович, М. Н. Архитектурно-планировочные особенности ст. Куанченцы // Проект Байкал. – 2025. – Т. 22, № 84. – С. 132–137. – DOI: 10.51461/issn.2309-3072/84.2562
3. Альбом сооружений и типовых чертежей Китайской Восточной железной дороги. 1897–1903. – Москва : Фото-лит. К. А. Фишер, 1903. – 354 с.
4. Baidu Maps [Электронный ресурс]. – URL: <https://map.baidu.com/> (дата обращения: 03.03.2026).
5. Wu, Guoqing. Architecture Gallery: Tracing the Old Buildings of the Chinese Eastern Railway. – Harbin : Heilongjiang People's Publishing House, 2008. – 235 p. (на кит. яз.).
6. Мелихов, Г. В. Белый Харбин: Середина 20-х гг. – Москва : Русский путь, 2003. – 440 с.
7. Liu, Daping. A Research on Modern Urban Planning and Architecture along the Chinese Eastern Railway. – Harbin : Harbin Institute of Technology Press, 2018. – 312 p. (на кит. яз.).

References

- Al'bom sooruzhenii i tipovykh chertezhei Kitaiskoi Vostochnoi zheleznoi dorogi. 1897–1903 [Album of structures and standard drawings of the Chinese Eastern Railway. 1897–1903]. (1903). Moscow: Foto-lit. K. A. Fisher.
- Baidu Maps. (n.d.). Retrieved March 3, 2026, from <https://map.baidu.com/>
- Da, P. (2018). A research on modern urban planning and architecture along the Chinese Eastern Railway [中东铁路沿线近代城镇规划与建筑形态研究]. Harbin: Harbin Institute of Technology Press.
- Kaulen, M. E. (2012). Muzeifikatsiya istoriko-kul'turnogo naslediya Rossii [Museification of the historical and cultural heritage of Russia]. Moscow: Eterna.
- Melikhov, G. V. (2003). Belyi Kharbin: Seredina 20-kh gg. [White Harbin: Mid-1920s]. Moscow: Russkii put'.
- Tceluiko, D., & Bazilevich, M. (2025). Architectural and planning features of Kuanchengzi station. *Project Baikal*, 22(84), 132–137. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/84.2562>
- Wu, G. (2008). Architecture gallery: Tracing the old buildings of the Chinese Eastern Railway [建筑艺术长廊: 中东铁路老建筑寻踪]. Harbin: Heilongjiang People's Publishing House.

Наибольшая концентрация примеров исторического архитектурного наследия в стиле Тацуно приходится на привокзальную площадь и улицу Чжуньшань. Автор рассматривает особенности стилизации современной застройки вблизи привокзальной площади в городе Шэньяне, историческом центре японской концессии, и проблему поддержания современными зданиями ее облика. В статье выявляются основные стилистические особенности исторической японской архитектуры 1910–1930 годов в центре японского присутствия в городе Шэньяне, что в дальнейшем соотносится с образом новой высотной застройки.

Ключевые слова: архитектура; исторический центр; объект культурного наследия; Тацуно; Шэньян. /

The greatest concentration of the examples of historical architectural heritage in the Tatsuno style occurs in the station square and in Zhongshan street. The author examines the stylistic features of contemporary buildings near the station square in the historic center of the Japanese concession in Shenyang and considers maintaining its appearance by modern buildings. The paper identifies key stylistic features of Japanese historical architecture from the 1910s to the 1930s in the center of the Japanese concession in Shenyang and compares these features with new high-rise buildings.

Keywords: architecture; historic center; cultural heritage site; Tatsuno; Shenyang.

Архитектурные контрасты привокзальной площади в Шэньяне / Architectural contrasts in Shenyang's railway station square

Введение

Железнодорожный вокзал в Шэньяне является архитектурным памятником и ключевой достопримечательностью города, представляет собой сооружение, которое определило облик исторического ядра в районе Хэпин. Это здание – яркий пример синтеза европейских классических элементов и вестернизированной стилизации государственной архитектуры. Помимо самого здания вокзала, в схожем с ним стиле Тацуно была застроена и вся привокзальная площадь, а также диагональный луч – улица Чжуньшань. Она переходила в одноименную площадь, где сохранилась практически вся красная линия застройки японского периода, представленная в основном административными и коммерческими зданиями.

Впоследствии в условиях высокого темпа урбанизации этот исторический центр стал все чаще застраиваться высотными зданиями. Новые постройки хотя и располагаются внутри кварталов, не изменяя облик уличного фасада, тем не менее меняют силуэт горизонта города. Здания, возвышающиеся за силуэтом старого вокзала, встраиваются в архитектурный цветовой контекст, что проявляется в применении оттенков красного кирпича в качестве основной плоскости строений и строгих белых декоративных элементов. Однако ярким контрастом служит переход от горизонтальной структуры уличных фасадов, где высота соподчинена человеческому росту, к вертикальной, что становится неотъемлемым трендом для мегаполисов.

Наследие Тацуно Кинго и его отголоски в Шэньяне

Центральным элементом композиции исторического центра японского поселения в городе Шэньяне в начале XX века является здание вокзала, возведенного в 1910 году. Изначально строительные чертежи станции были разработаны в 1908 году Такеши Отой (Takeshi Ota), который занимался в том числе разработкой многочисленных проектов от строительного управления Южно-Маньчжурской железной дороги [1]. После его смерти проектирование перешло к Сотаро Ёсиде (Sotaro Yoshida), который завершил разработку проекта главного здания и других вспомогательных построек перед станцией в 1910 году. Оба архитектора были учениками Тацуно Кинго, автора проекта Токийского вокзала [2]; это

объясняет, почему вокзал в Шэньяне имеет ряд схожих архитектурных черт с его токийским аналогом [3].

Тацуно Кинго (1854–1919) учился у британского архитектора Джосайи Кондера (1852–1920) в Японии, а затем отправился в путешествие по Европе, впитывая принципы неоренессанса и неоклассицизма [4, 5]. Там на него большое впечатление оказал стиль королевы Анны [6] и в то же время датский классицизм. После этого для зданий в стиле Тацуно станет характерно применение краснокирпичной кладки, декорированной белокаменными карнизами, а также включение фланкирующих башен [2]. По возвращении домой К. Тацуно разработал ряд проектов, в которых читалось смешение западноевропейской стилистики и традиционных японских элементов архитектуры. Это привело к формированию нового стиля – гнёфу (擬洋風 – псевдоевропейский) [4, 7], к примерам которого можно отнести штаб-квартиру Банка Японии в Токио (1896), филиал Банка Японии в Осаке (1903), филиал Банка Японии в Киото (1906), здание Токийского вокзала (1914).

К. Тацуно называют отцом современной японской архитектуры. Возникший стиль Тацуно, как его обычно называют в контексте колониальной архитектуры Северо-Восточного Китая, характеризуется строгим соблюдением классической симметрии, многоосевой композицией, монументальным масштабом и изысканным использованием декоративных элементов и материалов. Шэньянский вокзал имеет все необходимые элементы этого стиля. Выделяется он и своей величественной зеленой медной крышей, которая отличается сложными мансардными окнами и витиеватым декорированием конька, привлекающим взгляд вверх, но при этом здание сохраняет горизонтальный и устойчивый профиль. Фасад представлен краснокирпичной кладкой, перемежающейся белыми каменными акцентами, которые подчеркивают арки, оконные проемы, колонны и карнизы.

В архитектурном плане вокзал построен по принципу горизонтальной монументальности. Крылья здания широко раскинуты, охватывая площадь перед ним. Со временем большие объемы боковых частей были добавлены с обеих сторон, плавно перетекая в окружающую застройку. Все прилегающие к площади здания подчеркивают единство стилистики и формы исторического

текст

Екатерина Пугачева

Тихоокеанский
государственный
университет (Хабаровск)

text

Ekaterina Pugacheva

Pacific National University
(Khabarovsk)

Исследование

выполнено при
финансовой поддержке
Российского научного
фонда № 24-78-10119,
[https://rscf.ru/
project/24-78-10119/](https://rscf.ru/project/24-78-10119/)

Acknowledgements: The
study was supported by
a grant from the Russian
Science Foundation
No. 24-78-10119,
[https://rscf.ru/
project/24-78-10119/](https://rscf.ru/project/24-78-10119/)

> Рис. 1. Привокзальная площадь. Вид на боковое крыло вокзала.
Фото Д. Целуйко, 2025

центра, образуют единый уличный ансамбль. Несколько объемов на пересечении уличных лучей создают динамическую перспективу посредством надстраивания дополнительных этажей в угловых частях зданий, формируя башенные объемы, которые служили высотными доминантами на фоне двух- и трехэтажных зданий. Основная масса объектов, которые формируют уличный ансамбль улицы Чжуньшань от главной административной площади Чжуньшань, повторяет архитектурные решения вокзала, однако не доминирует в визуальном восприятии: в нем используются аналогичные, но менее выразительные элементы декора.

Вертикальные доминанты нового города

По мере индустриализации окружающая городская инфраструктура претерпела значительные изменения. Шэньян в качестве ключевого транспортного узла повлек за собой активный рост города по площади и в высоту. В новых сооружениях стали применяться абсолютно другие архитектурные приемы – вертикальность композиции, минимализация декоративных элементов, абсолютное

соблюдение ритма и метра, вписывание максимально полезной площади в минимальный земельный участок. В отличие от классицистических фасадов, декорированных лепным орнаментом, новая застройка отходит от этого стиля в пользу функционализма, где форма непосредственно определяет структурные характеристики фасада (рис. 1).

Переход от горизонтальной ориентации строительного объема к вертикальной является главным контрастом, который можно встретить во всех современных городах. Однако архитекторы Шэньяна предприняли попытку максимально сгладить это различие, заимствовав колористическое решение исторического ансамбля привокзальной площади (рис. 2).

Хроматический и текстурный диссонанс

В качестве основных материалов для современных высотных зданий архитекторы могут применять композитные панели, глазурованный кирпич и окрашенный бетон. Это делает текстуру фасада однородной и насыщенной, что было нехарактерно для кирпичной кладки в начале XX века. Белые элементы, расположенные на фасадах, выполняют функцию визуального членения массивных объемов. Они могут быть представлены в виде вертикальных вставок, горизонтальных межэтажных поясков или обрамления оконных проемов. Такое сочетание красного и белого цветов формирует ритмичный узор наподобие зданий в стиле Тацуно. Однако стоит отметить, что до реставрации для здания вокзала была характерна более холодная гамма зеленой крыши, нейтральных земляных тонов желто-коричневого кирпича и кремового декора, образуя сдержанную натуралистичную палитру, которая гармонично вписывалась в природный ландшафт. После реставрации для архитектурных памятников, как и новостроек, стала характерна более контрастная цветовая схема, представленная глубоким красным и ярким белым цветами. Это сочетание выглядит ярче, более акцентным на фоне серого фона высотной застройки в глубине кварталов.

Диссонанс между старым и новым проявляется и в текстурных характеристиках материалов. Историческая застройка имеет плановую объемно-пространственную

v Рис. 2. Привокзальная площадь. Вид на периметральную застройку.
Фото Д. Целуйко, 2025

композицию: кирпичная кладка создает ощущение тактильности материала, изломы формы и многочисленные пилястры и пояски отбрасывают тени на фасад, делая здание объемным. Помимо этого, «читаются» все материалы: можно различить отдельные кирпичи и швы между ними, так как здания выстроены «вблизи» зрителя. В отличие от этого высотные здания часто характеризуются гладкой, однородной поверхностью: современные облицовочные материалы разрабатываются с целью минимизации стыков. Эта застройка предусмотрена для восприятия издали, как часть городского ландшафта, в связи с чем игнорируется тактильность и глубина фасада.

Масштаб и пропорции

Архитектурные различия между историческими сооружениями и современными зданиями наиболее ярко проявляются в подходах к масштабированию и пропорциям. Вокзал и прилегающая историческая застройка в основном выполнены в горизонтальной композиции объема, для которой характерна монументальность и тектоничность. Высота этажей и размеры архитектурных элементов соотносятся с антропометрическими параметрами, что делает восприятие здания органичным.

Современные высотные здания, напротив, выстраиваются вдоль вертикальной оси, что придает динамичность облику города. Это приводит к изменению пространственного восприятия городского ансамбля, где ранее горизонт взгляда приходился на открытое небо, а теперь ограничен высотными строениями, перетекающими одно в другое. Масштаб этих зданий не соответствует человеческим пропорциям, он весьма гиперболизирован. Однако для того, чтобы минимизировать этот эффект, здания строят глубоко внутри кварталов, после чего они воспринимаются скорее как архитектурный фон, чем как часть уличного фасада, формируя многослойность городского ландшафта.

Заключение

Архитектурный ландшафт вокруг исторического ядра японского поселения в городе Шэньяне является ярким примером сложных процессов урбанизации в контексте сохранения исторического облика города. Застройка начала XX века представляет собой вестернизированные классицистические фасады с отголосками архитектуры Англии и Дании, транслируя идеи стиля Тацуно в Маньчжурии. Для этих зданий характерны тактильно осязаемые материалы, глубина многоплоскостного фасада за счет игры теней, сомасштабность человеческому росту и нейтральная природная цветовая палитра материалов. Диссонанс между архитектурным наследием в стиле Тацуно и современными высотными зданиями разрешается посредством заимствования колористической палитры, однако цвета краснокирпичной кладки и белого каменного декора выглядят уже более яркими и контрастными. Фасады лишены плоскостного объема за счет применения бесшовных современных материалов, а вертикальные и горизонтальные членения переосмыслены и подчинены принципам минимализма и функционализма.

Несмотря на большое количество контрастов, комплекс современных зданий образует новый архитектурный фон для исторического ансамбля, гармонично вписывая архитектурное наследие в современный городской ландшафт. Этот облик создает ассоциативный визуальный образ для гостей и жителей города, формируя восприятие Шэньяна как символа классического стиля Тацуно и его современного переосмысления в рамках меняющихся потребностей урбанизации.

Литература

1. Базилевич, М. Архитектурный ансамбль площади Чжуншань // Проект Байкал. – 2025. – № 85. – С. 124–130. – DOI: 10.51461/issn.2309-3072/85.2632
 2. Dai, Y., Liu, S., Sun, H. A Study on the Differentiation of “Tatsuno Style” Architecture between China and Japan – Taking Tokyo Railway Station and Shenyang Railway Station as Examples // Highlights in Science, Engineering and Technology. – 2023. – № 79. – P. 73–81.
 3. Пугачева, Е. А., Ким, А. А., Пакулова, Е. П., Чернышова, А. В. Архитектура железнодорожных станций города Шэньяна первой половины XX века // Урбанистика. – 2024. – № 2. – С. 75–87.
 4. Целуйко, Д., Смольянинова, Т. Архитектурный стиль Тацуно в Маньчжурии // Проект Байкал. – 2023. – № 77. – С. 70–77. – DOI: 10.51461/issn.2309-3072/77.2192
 5. Базилевич, М., Целуйко, Д. Японские традиции в застройке Чанчуня начала XX века // Проект Байкал. – 2025. – № 83. – С. 130–134. – DOI: 10/51461/issn.2309-3072/83.2498
 6. Tahara, Y., Shimizu, M., Shimizu, S. Design Process for the Preservation and Restoration of Tokyo Station Marunouchi Station Building-Philosophy and Methods for the Preservation and Utilization of Important Cultural Properties // Journal of Japan Architectural Institute Technical Report. – 2013. – № 19 (43). – P. 1209–1214.
 7. Коновалова, Н. А. Формирование новой национальной идентичности в Японии эпохи Мэйдзи: первое поколение японских архитекторов // Вопросы всеобщей истории архитектуры. – 2024. – № 22. – С. 177–191.
- References**
- Bazilevich, M. (2025). Architectural ensemble of Zhongshan Square in Dalian. *Project Baikal*, 22(85), 124–130. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/85.2632>
- Bazilevich, M., & Tceluyko, D. (2025). Japanese Traditions in the development of Changchun in the early 20th century. *Project Baikal*, 22(83), 130–134. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/83.2498>
- Dai, Y., Liu, S., & Sun, H. (2023). A Study on the Differentiation of “Tatsuno Style” Architecture between China and Japan – Taking Tokyo Railway Station and Shenyang Railway Station as Examples. *Highlights in Science, Engineering and Technology*, (79), 73–81.
- Kononova, N. A. (2024). Shaping the new national identity in the Meiji period Japan: The first generation of Japanese architects. *Questions of the History of World Architecture*, (1(22)), 177–191.
- Pugacheva, E. A., Kim, A. A., Pakulova, E. P., & Chernyshova, A. V. (2024). The architecture of railway stations in Shenyang in the first half of the 20th century. *Urban Studies*, (2), 75–87.
- Tahara, Y., Shimizu, M., & Shimizu, S. (2013). Design Process for the Preservation and Restoration of Tokyo Station Marunouchi Station Building – Philosophy and Methods for the Preservation and Utilization of Important Cultural Properties. *Journal of Japan Architectural Institute Technical Report*, 19(43), 1209–1214.
- Tceluiko, D., & Smolianinova, T. (2023). Tatsuno Architectural Style in Manchuria. *Project Baikal*, 20(77), 70–77. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/77.2192>

В статье представлены материалы и результаты исследования, проводимого авторами при поддержке гранта Российского научного фонда «Методы интеграции зон исторической застройки и сохранения объектов культурного наследия в условиях развития современных городов северо-востока Китая». Рассматривается многосторонний процесс взаимодействия западноевропейской, русской и китайской архитектурных традиций, одним из проявлений которого стало формирование самобытного течения, получившего в современной научной литературе название «китайское барокко» и нашедшего яркое выражение в застройке города-спутника Харбина – Фуцзядяна.

Ключевые слова: Китай; Россия; Европа; архитектура; наследие; барокко. /

The article presents the materials and results of the study conducted by the authors with the support of the grant of the Russian Science Foundation “Methods for integrating historical building zones and preserving cultural heritage sites in the context of the development of modern cities in northeast China”. The article examines the multifaceted process of interaction between Western European, Russian and Chinese architectural traditions, one of the manifestations of which was the formation of an original movement, which has received the name “Chinese Baroque” in modern scientific literature and found vivid expression in the development of Harbin’s satellite city, Fujiadian.

Keywords: China; Russia; Europe; architecture; heritage; baroque.

Диалог культур: китайское барокко / Dialogue of cultures: Chinese Baroque

текст

Михаил Базилевич
Тихоокеанский
государственный
университет (Хабаровск)
Дмитрий Целуйко
Тихоокеанский
государственный
университет (Хабаровск)

text

Mikhail Bazilevich
Pacific National University
(Khabarovsk)
Dmitry Tseluiko
Pacific National University
(Khabarovsk)

Введение

В современном глобализованном мире изучение процессов взаимодействия Востока и Запада приобретает особую значимость на фоне необходимости осмысления культурного разнообразия историко-архитектурных ландшафтов отдельных регионов и городских центров. Архитектура в данном случае выступает в роли уникального документа эпохи, фиксирующего не только технологические достижения своего времени, но и глубинные исторические и социокультурные процессы, оказавшие влияние на формирование новых архитектурных течений. Не является исключением и г. Харбин, застройка которого стала отражением продолжительного взаимодействия русской, китайской, японской, западноевропейской, а затем и советской архитектурно-строительных школ и традиций, определивших неповторимый колорит его центральных районов.

История города неразрывно связана со строительством Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Основанный в месте пересечения трех железнодорожных линий и судоходной реки Сунгари, Харбин быстро превратился в стратегически важный транспортный узел и один из крупнейших торгово-экономических центров региона. Градостроительное развитие его территории отличалось делением на обособленные районы, каждый из которых имел свою специфику. Старый Харбин (ныне часть района Сянфан), Пристань (Даоли) и Новый город (Наньган) в первой четверти XX века формировались преимущественно под контролем администрации КВЖД, в условиях строгой регламентации дорожных, земельных и строительных работ и соблюдения санитарных и технических норм. Застройка осуществлялась по проектам профессиональных архитекторов и инженеров, что нашло отражение в характере формирования архитектурно-пространственной среды Харбина, вобравшей черты нескольких крупных эстетических систем: модерна, русского стиля и ретроспективизма, претерпевших в новом культурном поле определенные смысловые и художественные трансформации. В то же время за пределами полосы отчуждения КВЖД практически одновременно с Харбином возник его город-спутник Фуцзядянь (ныне район Даовай), развивавшийся стихийно и отличавшийся высо-

кой плотностью и хаотичностью застройки. Его население составляли китайские купцы, ремесленники, а также рабочие, привлекаемые на строительство железной дороги из провинций Хэбэй, Шаньдун и Хэнань. К 1916 году в центре поселка сложилась улица Чжэньян-тао (Главная улица, ныне ул. Цзиньян), а в 1920 году на фоне обмельчания русла р. Сунгари в районе Пристаней и последовавшего за этим переноса таможни в Фуцзядянь он стал новым центром коммерческой жизни Харбина, что способствовало увеличению масштабов и повышению качества китайской застройки. В этот период широкое распространение получили здания, сочетающие в себе приемы традиционной китайской планировки и декоративные элементы, характерные как для китайской, так и для западной архитектуры, трактуемые в свободной и часто гипертрофированной интерпретации. Данный архитектурный феномен в современной научной литературе получил название «китайское барокко» [1–6].

Целью настоящей статьи является изучение пласта архитектурного наследия района Даовай, представленного в формах «китайского барокко», а также анализ успешного опыта его интеграции в современную городскую среду.

Истоки возникновения стиля

Исторические истоки «китайского барокко» относятся по времени к переходному периоду между правлением династий Мин и Цин и связаны с распространением в Китае деятельности европейских миссионеров. Ключевую роль в этом процессе сыграло иезуитское Общество Иисуса. В отличие от других миссионерских орденов, иезуиты выбрали стратегию культурной адаптации, связанную с изучением китайского языка, конфуцианских классических текстов и движением в сторону интеграции с высшими сословиями китайского общества посредством передачи знаний в области астрономии, математики, картографии и искусства. На уровне архитектуры взаимодействие восточной и западной эстетических систем началось в церковном строительстве [7]. В 1605 году в Пекине была построена резиденция итальянского иезуита М. Риччи, в комплекс которой входило здание церкви (Капелла у ворот Сюань), выстроенное в традиционных китайских формах с установленным сверху крестом.

Исследование
выполнено за счет гранта
Российского научного
фонда № 24-78-10119,
[https://rscf.ru/
project/24-78-10119/](https://rscf.ru/project/24-78-10119/)

Acknowledgements: The
study was supported by
a grant from the Russian
Science Foundation
No. 24-78-10119,
[https://rscf.ru/
project/24-78-10119/](https://rscf.ru/project/24-78-10119/)

^ Рис. 1. Начало взаимодействия европейской и китайской архитектуры:
а) католическая церковь Сюаньвумэнь в Пекине, 1904 (<https://xinwen.bjd.com.cn/content/s63185f4fe4b01fc573cda2a3.html>);
б) руины сада Юаньминъюань, 1747–1760 (<https://clck.ru/3SMNLM>)

В 1652 году на ее месте воздвигли новую церковь в формах европейской архитектуры, которая в 1690 году, после учреждения пекинской архиепархии, стала именоваться собором. До начала XX века сооружение несколько раз перестраивалось из-за увеличения числа прихожан, пожаров и землетрясения. В 1900 году во время восстания ихэтуаней, как и многие другие католические церкви Китая, здание было разрушено. Спустя четыре года на его месте возвели современный комплекс зданий, включающий католическую церковь Сюаньвумэнь (Наньтан), главный фасад которой выполнен в духе необарокко, и дополнительные постройки, выдержанные в традиционных китайских формах (рис. 1а).

В годы правления императора Цяньлуна (1735–1796) в окрестностях Пекина был заложен сад Юаньминъюань (Сад Совершенной Яркости), в восточной части которого при участии иезуитских миссионеров был создан ансамбль «Западные павильоны» (西洋楼). Сооружения ансамбля, в настоящее время находящиеся в руинированном состоянии, представляли синтез западноевропейской и китайской архитектуры (рис. 1б). С одной стороны, планировка и декоративное убранство фасадов соответствуют канонам европейского барокко и рококо с характерным использованием сложных криволинейных форм, обилием лепнины, скульптурным декором, фонтанами и водяными механизмами. С другой – конструктивная основа зданий оставалась традиционной китайской. Кровли часто сохраняли форму пагод или традиционных китайских крыш, покрытых глазурованной черепицей, хотя и с европейскими парапетами [8]. Доступный лишь для императорской семьи и ограниченного круга вельмож сад Юаньминъюань стал своего рода предтечей формирования нового направления интеграции западных форм в китайский культурный контекст. После разрушения сада англо-французскими войсками в 1860 году многие постройки и декоративные элементы комплекса были утрачены, однако идеи, проявившиеся в нем, в дальнейшем получили распространение в других регионах Китая.

Следующий этап формирования «китайского барокко» связан с открытием страны для внешней торговли после Опиумных войн. Согласно Нанкинскому договору 1842 года, ряд городов (Гуанчжоу, Сямынь, Фучжоу,

Нинбо, Шанхай) были открыты как договорные порты, что привело к созданию на их территории иностранных селтментов и активному строительству зданий в европейских стилях. В то же время китайские предприниматели и крупные домовладельцы, проживавшие рядом с иностранцами, начали перенимать западные архитектурные формы, адаптируя их под свои нужды. Так, в южных провинциях Гуандун и Фуцзянь сложился новый тип зданий, известный как «цилоу» (骑楼 – дом на колоннах), представляющий сооружение с крытой галереей на первом этаже, образованной отступающей от красной линии улицы колоннадой [9] и представляющий пример успешной адаптации традиций привнесенной новой архитектуры к местным условиям (рис. 2а). Европейская аркада защищала от тропических ливней и солнца, а форма арок, лепнина фриз и декоративные обрамления оконных проемов часто выполнялись в стиле барокко, ар-деко или неоклассицизма и дополнялись иероглифами с названиями торговых лавок и скульптурными композициями с изображениями драконов и фениксов. В то же время за европейским фасадом нередко скрывалась традиционная китайская планировка с внутренним двором-колодцем. В тот же период в Шанхае сформировался другой тип гибридной архитектуры «шикумэнь» (каменные ворота) (рис. 2б). Подобные двух- и трехэтажные жилые дома с внутренними дворами строились из дерева (каркас) и серого кирпича (обкладка стен).

Схожие процессы взаимодействия западной архитектуры и традиционной китайской строительной практики отмечались и на северо-востоке страны. Так, в 1920–1940 годы в Дайрене (Далыне) вдоль ул. Дунгуань сложилось несколько коммерческих кварталов, представленных двух- и трехэтажными зданиями с верхними жилыми уровнями, образующими сплошной фронт застройки, скрывающей внутренние дворы (рис. 3). В пластике фасадов прослеживаются элементы западноевропейской архитектуры, вероятно, заимствованные китайскими строителями у русских и японских построек, расположенных в соседних районах [10]. Выраженное типологическое сходство имеет и архитектура района Даовай (Фуцзянь). Преобладание коммерческой функции и брандмауэрный характер застройки, образующей сплошной фронт узких улиц этого района, значительно

^ Рис. 2. Европейские влияния в архитектуре Китая. Фото М. Базилевича, 2018: а) застройка типа «цилоу» в Гуаньчжоу; б) застройка типа «шикумэн» в Шанхае

выделяет его на фоне других исторических зон, формировавшихся при участии русских и японских архитекторов. В то же время пластика стен зданий Даовая характеризуется большей проработкой и разнообразием декоративных решений, сочетающих ордерные элементы, растительные орнаменты и отдельные мотивы европейской и русской архитектуры. Это отличает его застройку от аналогичных районов, формировавшихся параллельно с иностранными селтльментами в других провинциях Китая.

Специфика застройки

Основной слой заказчиков в Фуцзяне составляли представители нового класса буржуазии – предприниматели – выходцы из центральных и южных провинций Китая, занимавшиеся торговлей соей, зерном, лесом и другими товарами по КВЖД. В условиях интернациональной среды Харбина европейская архитектура воспринималась как символ прогресса, вследствие чего ее внешние формы перенимались при застройке китайских домов и кварталов, в то время как внутренне устройство жизни их обитателей осталось традиционным. Подобный дуализм нашел отражение в принципе «снаружи западное, внутри китайское» (外西内中), когда европейский фасад, обращенный к городу и выполнявший репрезентативную функцию, скрывал привычное и психологически комфортное внутреннее пространство.

Важную роль в развитии архитектуры «китайского барокко» сыграли местные мастера-строители. В Фуцзяне редко работали профессиональные архитекторы;

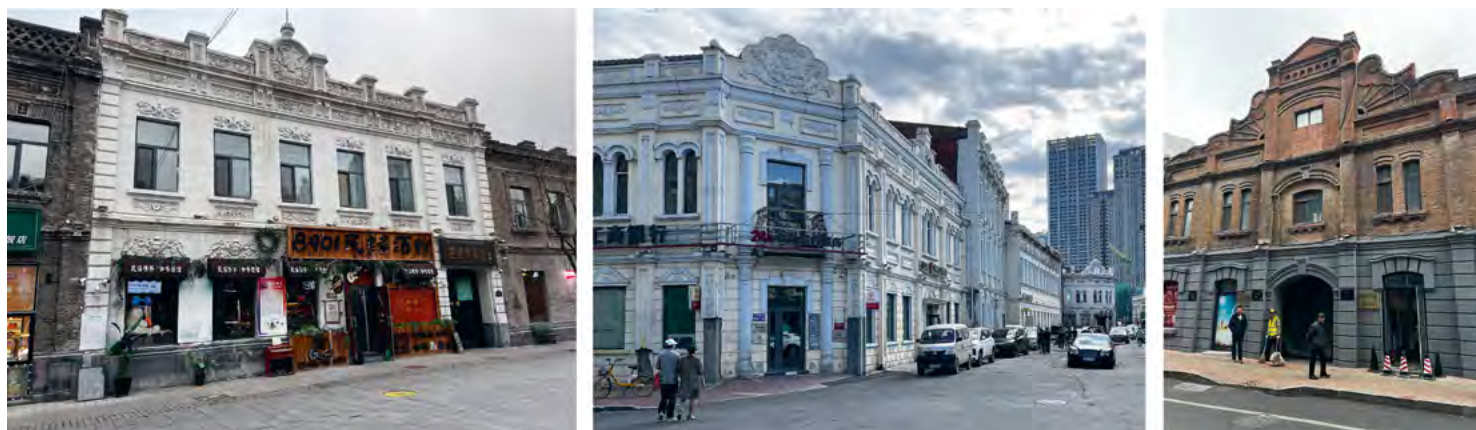
сооружения создавались опытными плотниками и каменщиками, которые визуально изучали европейские здания Пристани и Нового города. Не имея академических знаний в области ордерной архитектуры, они интуитивно воспроизводили увиденные формы, часто нарушая пропорции и тектонику и добавляя элементы, понятные их заказчикам.

Фасады большинства сохранившихся зданий выполнены из кирпича, нередко облицованного штукатуркой и керамической плиткой. Плоскостные композиции построены по принципам, заимствованным из европейской архитектуры, но с существенными искажениями (рис. 4). Характерно использование вертикальных членений в виде пилястр, полуколонн и ризалитов. По горизонтали фасадные плоскости визуально разделяются на цокольный и основной этажи и венчающий карниз или аттик. Пропорции элементов часто нарушены. В частности, встречаются излишне вытянутые или чересчур приземистые колонны. Капители нередко лишены канонических элементов (волот и акантовых листьев). Разорванные и криволинейные фронтоны, подражающие барочным формам, не имеют выраженного объема, а размер и положение оконных проемов подчинены внутренней планировке, а не симметрии фасадных композиций. В декоре встречаются свойства для европейской архитектуры картуши, гирлянды, раковины, маскароны, вазы и другие элементы, но в отличном от нее исполнении. Лепнина нередко носит нарочито плоскостной и контурный характер, а цветовая гамма более контрастна и насыщена. Европейские мотивы нередко переплетаются с традиционной китайской зооморфной и растительной символикой. Отдельно следует отметить интерпретацию деревянных кронштейнов типа «доугун». В традиционной архитектуре они выполняли конструктивную функцию передачи нагрузки от крыши на колонну, в то время как в застройке Фуцзяня данный элемент стал чисто декоративным, размещаемым на капителях колонн или под карнизами, что является примером трансформации тектонического элемента в орнамент.

Здания в большинстве имеют смешанную конструктивную систему. Внешние стены выполнены из кирпича (традиционного серого и красного, производство которого началось в Харбине одновременно со строительством

> Рис. 3. Реконструкция коммерческого квартала вдоль ул. Дунгуань в Далиане, 2024. Фото М. Базилевича

^ Рис. 4. Застройка района Даовай, 2023–2024. Фото М. Базилевича

русских районов), а внутренние перегородки – из дерева. Элементы внутренних дворов в виде лестниц и галерей также выполнены из дерева, в некоторых случаях с использованием металлических деталей. Перекрытия над первыми этажами (где располагались магазины) часто делали деревянными балочными, иногда с металлическими балками, привезенными или произведенными на местных заводах.

Планировочная структура кварталов вариативна и представлена компоновкой разновеликих, как правило, двухэтажных объемов вокруг дворового пространства (рис. 5): здание выходит фасадом на улицу и имеет открытый задний двор; с двухсторонним двором по бокам здания; с многоярусным двором (последовательно расположенные дворы, уходящие вглубь квартала). Входы во дворы осуществляются через сквозные порталы со стороны улицы либо внутри самого здания (часто через магазин на первом этаже).

Реконструкция района

Изменение модели политического устройства Китая, произошедшее с образованием КНР, определило новый вектор градостроительного развития региональных центров, связанный с индустриализацией и урбанизацией территорий. Подобный подход способствовал увеличению этажности и расширению масштабов застройки, формировавшейся с этого момента по микрорайонному принципу. В 1950 годы Харбин стал одной из значимых площадок советско-китайского сотрудничества в области развития промышленности и архитектурно-строительного комплекса. В дальнейшем на фоне усиления влияния частных капиталов и появления крупных девелоперов

в разных районах города отмечалось точечное строительство многоэтажных жилых и общественных зданий, что привело к утрате ряда построек первой половины XX века. В частности, это привело к сокращению площади исторически ценной застройки Фуцзядяна на фоне высвобождения земельных участков под коммерческие проекты и самоликвидации многих построек из-за ветхого состояния и частых пожаров. Тем не менее благодаря целенаправленной политике в области изучения, паспортизации и реставрации объектов историко-культурного наследия в Харбине историко-архитектурная среда города отличается достаточно высокой степенью сохранности. Многочисленные памятники архитектуры успешно интегрированы в современную городскую структуру и активно используются для развития туристического потенциала города. Изучение застройки Даовая, проводимое авторами в 2023–2025 году, показало, что власти города проводят последовательные работы по реконструкции и реставрации кварталов района, воссоздавая не только внешний облик и постройку, но и его аутентичную культурную среду. В частности, полностью восстановлен квартал в границах улиц Цзинъян, Наньсюнь, Наньтоудао и Цзинъюй, обозначенный на картах как «Живописный район истории и культуры барокко Китая», представляющий открытое торгово-пешеходное пространство с магазинами, предприятиями общественного питания и гостиницами (рис. 6). За пределами квартала восстановлено большинство объектов, расположенных по обе стороны магистральной улицы Цзинъян, связывающей Даовай с районом Наньган (Новый город). По-прежнему

< Рис. 5. Примеры организации дворовых пространств, 2023. Фото М. Базилевича

^ Рис. 6. Реконструкция
коммерческой застройки
Даовая, 2024.
Фото М. Базилевича

Литература

1. Ван, Ц. Сохранение и устойчивое развитие ландшафта историко-культурного района «Китайское барокко» в Харбине: проект консервации и устойчивого развития // Исследования по изданию и распространению. – 2023. – Т. 3, № 10. – С. 117.
2. Иванова, А. П., Крадин, Н. П. К вопросу изучения архитектурного наследия г. Харбина: китайское барокко // Вестник ТОГУ. – 2014. – № 4 (35). – С. 31–40.
3. Козыренко, И. С., Иванова, А. П. Формирование архитектуры в стиле «китайского барокко» // Новые идеи нового века. – Хабаровск : изд-во Тихоокеанского государственного университета, 2017. – Т. 1. – С. 128–134.
4. Лешовко, С. С., Киричков, И. В. Европейская архитектура и «Китайское барокко»: туристические кварталы района Даовай в Харбине // Русский Харбин, запечатленный в слове / Под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. – Благовещенск : Амурский государственный университет. – 2017. – Вып. 7. – С. 24–31.
5. Пугачева, Е. А., Ким, А. А., Варанцовян, С. Г. «Китайское барокко» как результат слияния классических западноевропейских канонов и традиций китайской архитектуры // Components of Scientific and Technological Progress. – 2025. – № 7 (109). – С. 31–43.
6. Чжан, Ц., Чэнь, Ч. Краткий анализ формальной красоты архитектурных декоративных символов «китайского барокко» Харбина // Архитектура Центрального Китая. – 2011. – № 3. – С. 136–139.
7. Law, J. The Jesuits and the Transmission of Baroque Architecture to China // Journal of Jesuit Studies. – 2020. – Vol. 7. – № 3. – P. 412–435.
8. Kleutghen, K. Imperial Illusions: Crossing Pictorial Boundaries in the Qing Palaces. – Seattle : University of Washington Press, 2015.
9. Ким, А. А., Лучкова, В. И. Предпосылки и основные этапы формирования эклектичных стилей архитектуры в провинции Гуандун (середина XIX – первая половина XX в.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия «Искусствоведение». – 2019. – Т. 9. – № 2. – С. 397–420.
10. Базилевич, М. Е. Районы особняков в Даляне. История и современность // Проект Байкал. – 2026. – № 1 (87). – С. 126–133. – DOI 10.51461/issn.2309-3072/87.2751

в аварийном состоянии находится ряд объектов, расположенных с северной и восточной части Даовая.

Заключение

«Китайское барокко» в Харбине представляет яркий пример культурного взаимодействия двух эстетических систем, синтез которых способствовал формированию нового самостоятельного архитектурного стиля, имеющего свои характерные и хорошо узнаваемые черты, отличающие застройку района Даовай не только от иностранной застройки города, но и от других схожих по типологии районов, формировавшихся в центральных и южных провинциях Китая в первой половине XX в. по соседству с европейскими селениями. Данный архитектурный феномен демонстрирует не пассивное заимствование, а активную культурную переработку европейских форм сквозь призму китайской символики, строительных традиций и представлений о формировании пространства для жизни.

References

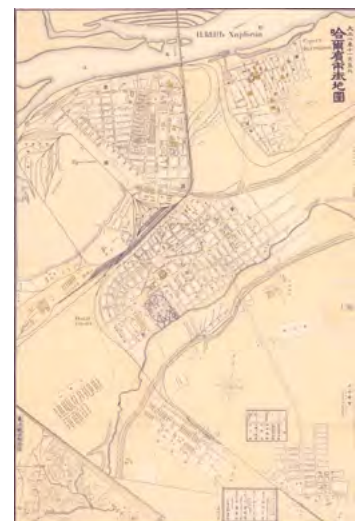
- Bazilevich, M. (2026). Dalian mansions districts: History and modernity. *Project Baikai*, 23(87), 126–133. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/87.2751>
- Ivanova, A. P. & Kradin, N. P. (2014). On the issue of studying the architectural heritage of Harbin: Chinese Baroque. *Bulletin of Tomsk State University*, 4 (35), 31–40.
- Kim, A. A., & Luchkova, V. I. (2019). Prerequisites and main stages of the formation of eclectic architectural styles in Guangdong Province (mid-19th – first half of the 20th century). *Bulletin of St. Petersburg University. Art Criticism*, 9(2), 397–420.
- Kleutghen, K. (2025) *Imperial Illusions: Crossing Pictorial Boundaries in the Qing Palaces*. Seattle: University of Washington Press.
- Kozyrenko, I. S., & Ivanova, A. P. (2017). Formation of architecture in the style of “Chinese Baroque”. In *New Ideas of the New Century: Materials of the International Scientific Conference of the Pacific National University* (Vol. 1, pp. 128–134).
- Law, J. (2020). The Jesuits and the Transmission of Baroque Architecture to China. *Journal of Jesuit Studies*, 7(3), 412–435.
- Levoshko, S. S., & Kirichkov, I. V. (2017). European architecture and “Chinese Baroque”: Tourist quarters of Daowai District in Harbin. In A. A. Zabiako & G. V. Efendieva (Eds.), *Russian Harbin, captured in words* (Issue 7, pp. 24–31).
- Pugacheva, E. A., Kim, A. A., & Varantsovyan, S. G. (2025). “Chinese Baroque” as a result of the fusion of classical Western European canons and traditions of Chinese architecture. *Components of Scientific and Technological Progress*, 7(109), 31–43.
- Wang, C. (2023). Preservation and sustainable development of the landscape of the historical and cultural area “Chinese Baroque” in Harbin: Conservation and sustainable development project. *Research on Publication and Dissemination*, 3(10), 117.
- Zhang, C., & Chen, C. (2011). A brief analysis of the formal beauty of architectural decorative symbols of “Chinese Baroque” in Harbin. *Architecture of Central China*, (3), 136–139.

Статья посвящена исследованию влияния архитектуры модерна на застройку района Даовай в Харбине. Традиционно его облик связывают с «китайским барокко», возникшим на стыке китайских и европейских традиций начала XX века. Однако ряд зданий выполнено или содержит элементы модерна, отражающие влияние русской архитектуры. Цель работы – выявить и проанализировать объекты в стиле модерн и их роль в формировании среды. Выявлено, что модерн проявляется фрагментарно, главным образом в декоре и композиции фасадов, но играет значимую роль в архитектурном облике района.

Ключевые слова: Китай; Харбин; Даовай; архитектура модерна; китайское барокко; архитектурное наследие. /

The article is devoted to the study of the influence of Art Nouveau (Modern) architecture on the historical development of the Daowai district in Harbin. The architectural appearance of the district is traditionally associated with the “Chinese Baroque” style, which was formed as a result of the interaction between Chinese and European architectural traditions in the early 20th century. However, some of the buildings in the district are designed in the Art Nouveau style or contain its characteristic elements, which indicate the influence of the Russian architectural school. The purpose of the study is to identify and analyze Art Nouveau objects and their role in the formation of urban environment. The research results show that the use of Art Nouveau forms in Daowai was fragmented and manifested itself mainly in individual decorative motifs and compositional solutions for the facades, but plays a significant role in the architectural appearance of the district.

Keywords: China; Harbin; Daowai; Art Nouveau architecture; Chinese Baroque; architectural heritage.

Архитектура модерна в исторической застройке района Даовай / Art Nouveau architecture in the historical buildings of the Daowai district

Введение

Архитектура района Даовай представляет собой уникальный архитектурный феномен в современном Харбине. Ее особенность заключается в том, что она не является исконной архитектурной традицией Харбина или северо-восточного Китая, а представляет собой новую культурную форму, возникшую в результате интенсивного взаимодействия китайской и западной архитектурных традиций. Это делает ее уникальной как в рамках Китая, так и в мировом архитектурном контексте. Архитектурный стиль «китайское барокко» является не только культурным феноменом, но и своеобразным брендом, который городские власти активно используют для развития локальных точек притяжения и сохранения архитектурного наследия.

Дискуссии о происхождении данного стиля остаются актуальными и в наши дни. Исследования, посвященные району Даовай, в котором сосредоточены здания в стиле китайского барокко, принадлежат таким авторам, как Н. Е. Козыренко, И. С. Козыренко, А. П. Иванова, Н. П. Крадин, Е. А. Пугачёва и А. А. Ким [1–5]. В своих работах они рассматривают стилистические особенности застройки, декоративные элементы и отдельные знаковые объекты. Однако застройка Даовая представлена не только зданиями в стиле китайского барокко: часть построек выполнена в стиле модерн или содержит его отдельные элементы. Ранее этим зданиям практически не уделялось внимания в научных исследованиях, однако их существование напрямую свидетельствует о влиянии русской архитектуры на формирование облика китайского района. Целью данной работы является выявление и исследование наиболее ярких примеров архитектуры в стиле модерн в районе Даовай.

Даовай / Фуцзянь

Даовай – уникальный и старейший район города Харбин. Ранее местность называлась Фуцзянь; первоначально это была небольшая рыбацкая деревня за пределами зоны Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). В 1905 году правительство династии Цин создало в населенном пункте Фуцзянь таможенную администрацию Биньцзян Гуандао (или Харбин Гуандао), предназначенную для регулирования отношений между китайским

правительством и управлением КВЖД. Именно в этот период Фуцзянь получил свое первое официальное название и стал административным районом правительства империи Цин. Населенный пункт располагался на берегу реки Сунгари, к востоку от русского района Пристань, по другую сторону железной дороги.

В народе Фуцзянь и территорию к востоку от железнодорожных путей называли Даовай (道外), что в переводе означает «за железной дорогой». В то же время существовал термин Даоли, обозначавший территорию внутри железнодорожной линии – район Пристань и прилегающие к нему кварталы. На протяжении большей части первой половины XX века название Даовай носило скорее географический характер, чем являлось официальным административным обозначением. На карте 1913 года Фуцзянь обозначен как отдельный город (рис. 1). Сложившаяся градостроительная ситуация, при которой сосуществовали два населенных пункта – русский и китайский – с различными административными системами и культурными традициями, была довольно распространенным явлением в зоне КВЖД. Несмотря на активное развитие города и постепенное слияние районов в единую градостроительную структуру, только в 1956 году Даовай получил статус официального района города Харбин. Однако само название района сохранилось как важное культурно-историческое понятие. До 1932 года Даовай находился под управлением китайского правительства и являлся самым густонаселенным районом, где китайские переселенцы из южных провинций находили новое место для жизни.

Здания в стиле модерн

По результатам исследования в Даовае было выявлено три здания, в архитектуре которых стиль модерн является преобладающим. Наиболее выразительным по своему архитектурному решению является ресторан, расположенный по ул. Нанэрдао, 30 (南二道街30号). Блокированное здание было построено в период 1920–1923 годов и представляет собой пример городской исторической застройки с элементами эклектики, тяготеющей к стилю модерн (рис. 2).

Двухэтажное сооружение имеет несимметричную композицию фасада, однако фронтон четко центриро-

текст

Дмитрий Целуйко
Тихоокеанский
государственный
университет (Хабаровск)
Михаил Базилевич
Тихоокеанский
государственный
университет (Хабаровск)

text

Dmitry Tceluiko
Pacific National University
(Khabarovsk)
Mikhail Bazilevich
Pacific National University
(Khabarovsk)

Исследование

выполнено за счет гранта
Российского научного
фонда № 24-78-10119,
[https://rscf.ru/
project/24-78-10119/](https://rscf.ru/project/24-78-10119/)
Acknowledgements: The
study was supported by
a grant from the Russian
Science Foundation
No. 24-78-10119,
[https://rscf.ru/
project/24-78-10119/](https://rscf.ru/project/24-78-10119/)

^ Рис. 2. Ресторан на улице Нанэрдао, 30, 2025. Фото Д. Целуйко

^ Рис. 3. Музей истории Фуцзядяня.
(https://k.sina.com.cn/article_3109664565_pb959b735027007mqh.html)

ван относительно его оси. Основным композиционным элементом является вертикальная группа из двух круглых оконных проемов, которые также выделяются своими размерами в метрической структуре фасада. Фасад завершается развитым карнизом и декоративным аттиком с фигурным фронтонным элементом. Важную роль в композиции играют выступающие балконы с ажурными коваными ограждениями, характерными для архитектуры модерна. Плавные линии металлических перил и округлая форма входного проема создают выразительный декоративный акцент, отражающий стремление модерна к пластичности форм и художественной выразительности деталей. Из-за использования декоративных элементов других архитектурных направлений здание ресторана корректнее относить к эклектике, однако основная часть декора и ключевые композиционные элементы фасада относятся к стилистике модерна.

Еще одной постройкой в центральной части Даовая является здание музея истории Фуцзядяня, расположенное по ул. Наньсандао, 91 (南三道街91号) (рис. 3). Объект представляет собой трехэтажное кирпичное блокированное сооружение с оштукатуренным фасадом, выполненное в стиле модерн. Это единственное здание в центральной части Даовая, выполненное практически в «чистом» стиле модерн. Композиция главного фасада несимметрична и организована по вертикальным осям оконных проемов. Первый этаж выделен более массивной облицовкой, имитирующей каменную кладку, что создает визуально прочное основание здания. Верхние этажи оформлены гладкой штукатуркой и ритмично расположенными прямоугольными окнами, между которыми размещены декоративные филенки и вертикальные членения, подчеркивающие стройность фасада. Для архитектуры характерны элементы декоративного модерна: пластичный карниз, развитый аттик с центральным фигурным завершением, а также лепные вставки с растительным орнаментом. Центральная часть фасада акцентирована арочным оконным проемом и двумя небольшими балконами с металлическими ограждениями, расположенными по вертикальной оси. В окружающей двухэтажной кирпичной застройке здание выглядит сравнительно легким и привлекает внимание лаконичностью архитектурного решения и отсутствием избыточного де-

коративного оформления. После реконструкции в здании размещается музей истории Фуцзядяня.

Харбинское управление по сбору соляных налогов провинции Цзилинь и Хэйлунцзян (哈尔滨吉黑榷运总局), известное также как Цзихэйское транспортное бюро, – официальное учреждение, созданное в 1924 году и расположенное по ул. Синьма, 78 (街道新马路78号) (рис. 4). Это одно из первых административных зданий, построенных в первые годы существования Китайской Республики и отвечавших за контроль государственной монополии на перевозку и распределение соли. Здание расположено в западной части Даовая, в промышленной зоне, и является одним из немногих сохранившихся исторических объектов в данном районе. К западу от основной застройки Фуцзядяня располагались промышленные предприятия; особенно активно эта территория застраивалась после Русско-японской войны и заключения договоров о «торговых портах» [6]. В 1904 году российская армия создала в Харбине грузовой склад, вследствие чего данный район получил название «Зерновая платформа». После окончания войны он быстро превратился в важный коммерческий центр северо-восточного региона. В дальнейшем здание использовалось различными муниципальными службами, некоторое время служило особняком маршала Ву, а после культурной революции было приспособлено под склад и окружено промышленными корпусами. При обследовании в 2025 году здание находилось в хорошем состоянии и было обнесено новым ограждением; однако в непосредственной близости от него был возведен высотный жилой дом. Следует отметить, что в радиусе нескольких сотен метров это единственный архитектурный памятник, тогда как современная застройка полностью игнорирует его градостроительную ориентацию, стилистические и культурные особенности (рис. 4).

Здание представляет собой двухэтажный объем с эксплуатируемой мансардой и слуховыми окнами необычной формы. Оно состоит из двух прямоугольных частей: основной массив постройки – симметричный в плане прямоугольный объем с эркерами по центру главного фасада – и прямоугольная пристройка со стороны двора, в которой размещалась лестница. Доминантой главного фасада является эркер с двумя окнами круглой формы и декоративным деревянным обрамлением (рис. 5).

^ Рис. 4. Цзихэйское транспортное бюро, 2025. Фото Д. Целуйко

^ Рис. 5. Главный фасад Цзихэйского транспортного бюро, 2025. Фото Д. Целуйко

^ Рис. 7. «Медальоны» на фасаде здания, 2024. Фото Д. Целуйко

v Рис. 6. Лестница в интерьере Цзихэйского транспортного бюро (http://www.360doc.com/content/20/0517/12/19248296_912860512.shtml)

Ажурная форма слуховых окон и деревянное оформление оконных проемов относятся к характерным элементам архитектуры модерна. В интерьере стилистика модерна проявляется более отчетливо: главным элементом является лестница с изящными перилами, а также характерное оформление дверных проемов (рис. 6). По своим стилистическим особенностям здание можно отнести к позднему модерну, о чем свидетельствуют сдержанная пластика фасадов, отсутствие обильного декоративного оформления и общая утилитарность архитектурного решения. На фоне ранее рассмотренных построек объект выделяется своим положением: это отдельно стоящее здание с проработкой всех фасадов и ярко выраженной административной функцией. Среди особенностей, характерных для Даоэя, можно отметить и цветовое решение: серый цвет практически не использовался в исторической застройке района, а также устройство эксплуатируемой мансарды, являющейся важной частью архитектурного облика здания, и симметричную композицию фасада.

Цзихэйское транспортное бюро – одно из немногих зданий в Даоэе, для которого известно имя архитектора: на каменной табличке на главном фасаде указано имя W. O. Freyberg. Вольдемар Оскар Фрейберг родился 27 июля 1879 года в городе Гродно, который в то время входил в состав Российской империи. Он получил инженерное образование, окончив в 1904 году Императорский институт инженеров путей сообщения. После завершения обучения Фрейберг начал профессиональную деятельность на российских железных дорогах, где работал инженером в период с 1904 по 1919 год, приобретая практический опыт в области инженерного строительства. 5 марта 1920 года Фрейберг прибыл в Харбин, один из крупнейших центров русской эмиграции в Северо-Восточном Китае. Здесь он открыл собственное бюро под названием «Freyberg W. O. Architect and Engineer, Contractor», которое функционировало приблизительно с 1920 по 1930 год и занималось архитектурным проектированием, строительством и устройством инженерных коммуникаций. Однако единственной архитектурной работой, авторство которой достоверно связывается с Фрейбергом, является здание Цзихэйского транспортного бюро. В этот же период архитектор активно участвовал в профессиональной и образовательной деятельно-

сти города. В 1923–1925 годах он одновременно работал проектировщиком и архитектором в Управлении по сбору соляных налогов провинций Цилинь и Хэйлунцзян правительства Китайской Республики, расположенном в Харбине. Позднее, в 1926–1929 годах, Фрейберг преподавал строительную механику в Харбинском технологическом институте, занимая должность профессора. В 1930 году он продолжил научную деятельность за рубежом, получив назначение научным ассистентом в инженерно-исследовательском отделе Мичиганского университета в США. Сведения о дальнейшей судьбе и дате смерти архитектора остаются неизвестными [7].

Элементы модерна в застройке Даоэя

Архитектура исторического района Даоэя отличается значительным разнообразием, она вобрала эстетические традиции Востока и Запада. В культурном контексте преобладающим стилем для исторической застройки района является «китайское барокко», которое основано на сочетании европейских и азиатских архитектурных традиций в различных вариациях и пропорциях. Элементы модерна также нередко встречаются в архитектуре местных зданий. Следует отметить, что Фуцзянь является уникальным местом, где можно наблюдать подобное сочетание архитектурных влияний.

Наиболее распространенным декоративным элементом является так называемый «медальон», точнее, одна из его локальных разновидностей. В классическом исполнении данный элемент представляет собой округлую форму с живописной или скульптурной композицией. Медальон обычно обрамлен плавными линиями лепнины, а под ним располагаются вертикальные декоративные элементы,

> Рис. 8. Фронтон и «медальоны» здания в стиле китайское барокко, 2025. Фото Д. Целуйко

> Рис. 10. Круглое окно на угловом фасаде здания, 2023. Фото Д. Целуйко

> Рис. 9. Бывший магазин иностранных товаров «Тунъин», 2024. Фото Д. Целуйко

характерные для модерна и тяготеющие к природным, текучим формам. Вся композиция демонстрирует типичное для модерна стремление к органичности и асимметричной гармонии (рис. 7). В Харбине форма этого элемента была значительно упрощена и представляет собой сочетание двух колец в верхней части композиции и трех вытянутых вертикальных линий. Наиболее широко такие элементы представлены на зданиях по ул. Северный Цзюдао, 13 (北九道街13号), ул. Бейтоу-роуд, 41–51 (北头道街41–51号) и ул. Бейтоу-роуд, 8 (北头道街8号). Обычно они размещаются по краям фасада на пиллястрах или заполняют межоконные пространства, как, например, на здании ресторана по улице Нанэрдао, 30 (рис. 2).

В пределах Даовая можно встретить несколько вариаций данного декоративного элемента, а также его более упрощенные интерпретации, при этом сохраняющие композиционное положение и иерархию фасада. Один из подобных примеров можно наблюдать на здании магазина Чен И Гун (成义公) 1917 г. постройки, расположенного по адресу по ул. Наньсюнь 333–337 (南勋街 333–337号), где данный декор лаконично используется в рамках стилистики китайского барокко (рис. 8). Продолжая тему преемственности элементов модерна в архитектуре китайского барокко, следует упомянуть декоративное оформление одного из знаковых зданий района Даовай – бывшего магазина иностранных товаров «Тунъин», построенного в 1920 году. По краям фасада на уровне третьего этажа размещены вертикальные лепные декоративные элементы

(рис. 9). Верхняя часть композиции образована орнаментальным картушем, состоящим из переплетающихся лентообразных форм с плавными изгибами, образующих симметричный декоративный узел. Ниже расположен растительный мотив в виде стилизованной виноградной лозы с характерными листьями и гроздьями. Нижняя часть элемента завершается тремя вертикальными стержнями с кистевидными подвесками, напоминающими декоративные гирлянды. В структуре этого элемента прослеживается композиционная схема ранее упомянутых «медальонов»: сохраняется сходный архитектурный синтаксис, вертикальная организация композиции и четкое расположение декоративного элемента в пределах фасадной плоскости. Вместе с тем стилистическое решение полностью соответствует художественной системе китайского барокко, демонстрируя адаптацию и переработку мотивов модерна в рамках местной архитектурной традиции. Эти элементы формируют ритмическое завершение композиции и усиливают ее вертикальную направленность. В целом декор представляет собой лепное орнаментальное панно с растительным мотивом, сочетающее плавную линию, стилизацию природных форм и декоративную симметрию – характерные черты архитектурного декора эпохи модерна.

Практически все исторические здания в Даовае имеют завершение в виде фронтона, во многих случаях их стилистика близка к архитектуре модерна. Одной из наиболее характерных и часто повторяющихся деталей фронтона являются выступающие вертикальные элементы с закругленным или овальным завершением. На одном здании может располагаться несколько подобных элементов, которые венчают вертикальные оси фасада. На центральной композиционной оси иногда формируется более сложная композиция из нескольких вертикальных элементов, соединенных арочными перемиками, декоративной скульптурной композицией или прямоугольной плитой с гравировкой (рис. 8).

Два упомянутых декоративных элемента достаточно часто встречаются в исторической застройке Фуцзяня, тогда как круглое окно сохранилось лишь на одном здании. Дом расположен на западной стороне пересечения улиц Норт-Форт-стрит и Шэнпин-стрит (рис. 10). В отличие от рассмотренных выше построек, это единственное двухэтажное кирпичное здание с неоштукатуренным

фасадом. Его художественная особенность заключается в том, что композиционный центр объема расположен на углу здания, срезанному под углом 45° и обращенному к перекрестку. Угловой фасад здания симметричен, однако в контексте китайского барокко выглядит достаточно простым, так как на нем отсутствует большое количество декоративных элементов. На первом этаже размещена входная дверь, обрамленная двумя кирпичными колоннами, а на втором этаже расположен круглый оконный проем с балконной дверью по центру. Завершает композицию кирпичного фасада криволинейный фронтон с круглым отверстием в центральной части.

В ряде источников можно встретить предположение, что круглые оконные и дверные проемы в архитектуре Даовая происходят из китайской традиции, а именно из так называемых «лунных ворот», характерных для садово-паркового искусства. Однако в китайской жилой или коммерческой архитектуре круглые проемы практически не применяются и встречаются главным образом в традиционных садах. Поэтому более вероятным представляется влияние архитектуры модерна, для которой характерно активное использование округлых и плавных форм.

Заключение

Архитектурный стиль модерн привнес значительные новшества в формирование художественного образа здания и в целом изменил представления о принципах архитектурного оформления. Для него характерно стремление к созданию новой пластики фасадов, свободной композиции и активному использованию декоративных элементов, основанных на плавных, органичных формах. Кроме того, модерн сопровождался развитием инженерных и конструктивных решений, позволивших применять более крупные пролетные конструкции, а также широко использовать витражное остекление в архитектуре конца XIX – начала XX века.

Здания в стиле модерн, расположенные в районе Даовай, существенно отличаются от построек аналогичного стиля в русской части Харбина. В районе Пристань модерн чаще всего применялся при строительстве доходных домов и гостиниц, формировавших плотную блокированную застройку с ярко выраженными архитектурными доминантами. Благодаря выразительным архитектурным решениям такие здания нередко становились композиционными доминантами городской среды. К наиболее известным объектам этой группы относятся отель «Модерн», харбинское отделение японской компании «Тайтачи Лимитед» и ресторан «Миниатюр».

Рассмотренные здания музея и ресторана в Даовае, напротив, по своим архитектурно-объемным и планировочным характеристикам близки к окружающей застройке в стиле китайского барокко, тогда как элементы модерна в них проявляются главным образом на уровне декоративного оформления фасадов. Причины подобного стилистического решения остаются неясными, как и имена архитекторов и точные даты строительства данных объектов. Особого внимания заслуживает здание Харбинского управления по сбору соляных налогов, которое является одним из немногих отдельно стоящих объектов в Даовае. В этом случае можно провести определенную аналогию с постройками модерна в районе Новый город. В отличие от района Пристань здесь преобладали отдельно стоящие здания – как ведомственные, так и жилые постройки Китайско-Восточной железной дороги, тогда как блокированная застройка практически отсутствовала (за исключением комплекса «Московские ряды»). При этом следует отметить относительную сдержанность объемно-планировочного и художественно-декоративного решения рассматриваемого здания, что в целом характерно для позднего модерна, распространенного в западных регионах Российской империи.

Анализ использования элементов модерна в архитектуре района Даовай показывает, что в местной застройке

не были применены конструктивные, инженерные или объемно-планировочные принципы, характерные для русской архитектуры начала XX века, многочисленные примеры которой представлены в других районах Харбина. Использование модерна носило фрагментарный характер и проявлялось преимущественно в отдельных декоративных элементах, таких как настенные медальоны, фронтоны и округлые оконные проемы. При этом вариации медальонов и фронтонов в большинстве случаев имеют сходные композиционные решения и со временем стали частью архитектурного языка китайского барокко. Элементы архитектуры модерна также присутствуют на зданиях по ул. Бейтоудай (北头道街), в зданиях под номерами 27, 29–33, 35–39, на ул. Цзинъюй 378 (靖宇街378号), Третья северная улица 24–28 (北三道街24–28号) и других постройках.

Рассмотренные здания и выявленные элементы модерна в архитектуре китайского барокко свидетельствуют о значительном влиянии русской архитектурной традиции на формирование застройки исторического района Даовай. Следует также отметить, что большинство зданий, выполненных в стиле модерн или содержащих его элементы, сосредоточено в центральной части района, что может свидетельствовать о высокой культурной и архитектурной ценности данного стиля для местных застройщиков.

Литература

1. Козыренко, Н. Е., Ян Хунвэй, Иванова, А. П. Градостроительное наследие Харбина. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеанского государственного университета, 2015. – 210 с.
2. Козыренко, Н. Е., Ян Хунвэй, Иванова, А. П. Архитектурное наследие Харбина. – Хабаровск : Тихоокеанский государственный университет, 2015. – 565 с.
3. Козыренко, И. С., Иванова, А. П. Формирование архитектуры в стиле «китайское барокко» // Новые идеи нового века: материалы международной научной конференции ФАД ТОГУ. – 2017. – Т. 1. – С. 128–134.
4. Крадин, Н. П. Харбин – русская Атлантида. – Хабаровск : Хабаровская краевая типография, 2010. – 368 с.
5. Пугачева, Е. А., Ким, А. А., Варанцовян, С. Г. «Китайское барокко» как результат слияния классических западноевропейских канонов и традиций китайской архитектуры // Components of Scientific and Technological Progress. – 2025. – № 7 (109). – С. 33–43.
6. Целуйко, Д. С. Русская архитектура в торговом порту г. Чанчунь // Проект Байкал. – 2025. – № 22 (84). – С. 157–163. – DOI: 10.51461/issn.2309-3072/84.2566
7. 郑红彬. 近代洋匠录: 近代在华外国建筑师、建筑事务所、建筑工程组织机构名录. – 北京: 中国建筑工业出版社, 2024. – 834 p.

References

- Kozyrenko, I. S., & Ivanova, A. P. (2017). Formation of architecture in style of “Chinese Baroque”. *Novye idei novogo veka: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii FAD TOGU [New Ideas of the New Century: Proceedings of the International Scientific Conference FAD PNU]* (Vol. 1, pp. 128–134).
- Kozyrenko, N. E., Yang Hongwei, Ivanova, A. P. (2015a). *Arkhitekturnoe nasledie Kharbina [Architectural Heritage of Harbin]*. Khabarovsk: Pacific National University.
- Kozyrenko, N. E., Yang Hongwei, & Ivanova, A. P. (2015b). *Gradostroitelnoe nasledie Kharbina [Urban Planning Heritage of Harbin]*. Khabarovsk: Pacific National University Publishing House.
- Kradin, N. P. (2010). *Kharbin – russkaya Atlantida [Harbin – Russian Atlantis]*. Khabarovsk: Khabarovsk Regional Printing House.
- Pugacheva, E. A., Kim, A. A., & Varantsovyan, S. G. (2025). “Chinese Baroque” as a Result of Fusion of Classical Western European Canons and Traditions of Chinese Architecture. *Components of Scientific and Technological Progress*, (7(109)), 33–43.
- Tseluiko, D. (2025). Russian architecture in the commercial port of Changchun. *Project Baikal*, 22(84), 157–163.
- 郑红彬. 近代洋匠录: 近代在华外国建筑师、建筑事务所、建筑工程组织机构名录. – 北京: 中国建筑工业出版社. (2024).

авторы

Аль-Бадви Наджиб Абдулхалик Мохсен Мохаммед – аспирант РУДН (Йемен)

Альнатшех Фердоус – преподаватель кафедры дизайна интерьера факультета искусства и дизайна Частного университета прикладных наук (Иордания)

Амиржанова Анара Орымбаевна – ассистент профессора кафедры творчества и спорта Кокшетауского университета им. Ш. Уалиханова (Кокшетау, Казахстан)

Багина Елена Юрьевна – кандидат архитектуры, доцент Строительного института Уральского федерального университета им. первого президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ; Екатеринбург)

Базилевич Михаил Евгеньевич – кандидат архитектуры, профессор высшей школы архитектуры и градостроительства Тихоокеанского государственного университета (ТОГУ; Хабаровск)

Бодэ Андрей Борисович – архитектор-реставратор, кандидат архитектуры, советник РААСН, директор АНО «Традиция», доцент кафедры архитектуры Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (НИУ МГСУ), ведущий научный сотрудник НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства – филиала ЦНИИП Минстроя России (НИИТИАГ)

Бокачёва Айбике Туранкызы – магистр технических наук, преподаватель Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

Бондаренко Игорь Андреевич – доктор архитектуры, профессор, академик РААСН, главный научный сотрудник отдела истории архитектуры и градостроительства Древнего мира и Средних веков НИИТИАГ, консультант кафедры основ архитектуры и художественных коммуникаций НИУ МГСУ

Бражникова Инесса Борисовна – ведущий редактор Института географии СО РАН им. В. Б. Сочавы (Иркутск)

Буйнов Алексей Николаевич – доцент кафедры основ архитектуры и художественных коммуникаций Института архитектуры и градостроительства НИУ МГСУ

Буш Дмитрий Вильямович – академик РААСН, народный архитектор России, главный архитектор Проектного института уникальных сооружений «АРЕНА» (Москва)

Гаевская Злата Анатольевна – кандидат архитектуры, доцент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

Гареева Ирина Анатольевна – доктор социологических наук, доцент, профессор высшей школы социальных и политических наук ТОГУ

Гарнага Анастасия Филипповна – кандидат социологических наук, доцент высшей школы архитектуры и градостроительства ТОГУ

Глатоленкова Екатерина Викторовна – старший преподаватель высшей школы архитектуры и градостроительства ТОГУ

Грибер Юлия Александровна – доктор культурологии, профессор кафедры социологии и философии, директор Лаборатории цвета Смоленского государственного университета

Григорьева Анна Сергеевна – заместитель директора по международной деятельности АНО «Востоксибакадемцентр» (Иркутск)

Григорьева Елена Ивановна – академик РААСН, вице-президент СА России, заслуженный архитектор России (Иркутск)

Демков Сергей Борисович – руководитель архитектурного бюро ИП Демков, преподаватель Иркутского национального исследовательского технического университета (ИРНИТУ), лауреат премии губернатора Иркутской области

Древаль Мелания Романовна – студентка кафедры градостроительства и проектирования зданий Школа архитектуры, дизайна и искусств Донского государственного технического университета (ШАДИ ДГТУ, Ростов-на-Дону)

Дьячкова Людмила Германовна – доктор педагогических наук, профессор высшей школы архитектуры и градостроительства Института архитектуры, строительства и дизайна ТОГУ

Железняк Ольга Евгеньевна – кандидат искусствоведения, советник РААСН, профессор кафедры дизайна Института архитектуры, строительства и дизайна ИРНИТУ

Зинина Ольга Александровна – архитектор-реставратор, заместитель директора АНО «Традиция», старший преподаватель кафедры архитектуры НИУ МГСУ, старший научный сотрудник НИИТИАГ

Иванов Андрей Владимирович – урбанист, исследователь, профессор МААМ, преподаватель архитектурной школы МАРШ (Москва)

Исмагулов Улан Нурланович – докторант Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

Казур Марах – аспирантка Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН; Сирия)

Коренев Владимир Иннокентьевич – кандидат архитектуры, доцент, декан архитектурного факультета, заведующий кафедрой дизайна архитектурной среды Томского государственного университета (ТГАСУ)

Крадин Николай Петрович – доктор архитектуры, член-корреспондент РААСН, заслуженный архитектор России, профессор кафедры архитектуры и урбанистики ТОГУ

Курочкина Валентина Александровна – кандидат технических наук, доцент НИУ МГСУ, доцент кафедры архитектуры и реставрации РУДН

Лидин Константин Львович – кандидат технических наук, докторант психологии, доцент кафедры управления и экономики высшей школы Республиканского института высшей школы (Минск, Беларусь)

Лисицин Василий Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры архитектурного проектирования ИРНИТУ

Лисицина Яна Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент Иркутского государственного университета, член Союза художников России

Малинович Роман Дмитриевич – руководитель АНО «Клуб молодых архитекторов» (Иркутск)

Наурызбаева Айнаш Сагатовна – профессор кафедры дизайна Казахской национальной академии искусств им. Т. Жургенова (Алматы, Казахстан)

Пугачева Екатерина Алексеевна – аспирантка, преподаватель высшей школы архитектуры и градостроительства ТОГУ

Раппапорт Александр Гербертович – кандидат архитектуры, доктор искусствоведения (Латвия)

Савченко Ирина Александровна – доктор социологических наук, профессор Института государства и права РАН (Москва)

Садыкова Сара Шангереевна – кандидат архитектуры, профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

Ситникова Елена Владимировна – кандидат архитектуры, доцент кафедры реставрации и реконструкции архитектурного наследия ТГАСУ

Скиаттарелла Амедео – руководитель архитектурного бюро Schiattarella Associati (Рим, Италия)

Скиаттарелла Андреа – исполнительный директор архитектурной фирмы Schiattarella Associati (Рим, Италия)

Скиаттарелла Паола – управляющий партнер архитектурной фирмы Schiattarella Associati (Рим, Италия)

Ткачева Марина Львовна – кандидат философских наук, доцент ВАК, культуролог, редактор Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачёва

Толеген Алия Толегенкызы – ассистент профессора кафедры дизайна Казахской национальной академии искусств им. Т. Жургенова (Алматы, Казахстан)

Топорова Валерия Александровна – аспирантка УрФУ

Федорова Мария Сергеевна – кандидат архитектуры, доцент кафедры архитектуры УрФУ

Халиль Иван – кандидат архитектуры, старший преподаватель РУДН (Москва)

Хван Елена Николаевна – кандидат архитектуры, старший преподаватель Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

Хоцанович Анастасия Владимировна – студентка ИРНИТУ

Целуйко Дмитрий Сергеевич – кандидат архитектуры, советник РААСН, доцент ТОГУ

Шамайлех Анас Атеф – доцент кафедры дизайна интерьера факультета искусства и дизайна Частного университета прикладных наук (Иордания)

Шеин Валерия Вячеславовна – доцент кафедры градостроительства и проектирования зданий Школы архитектуры, дизайна и искусств Донского государственного технического университета (Ростов-на-Дону)

Юстус Анастасия Михайловна – доцент Тюменского индустриального университета

authors

Ferdous Alnatsheh – lecturer, Interior Design Department, Faculty of Art and Design, Applied Science Private University (Jordan)

Anara Amirzhanova – Assistant Professor, Department of Creativity and Sports, Sh. Ualikhanov Kokshetau University (Kokshetau, Kazakhstan)

Elena Bagina – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor at Institute of Construction of Ural Federal University named after B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Mikhail Bazilevich – Ph.D. in Architecture, Professor at the Higher School of Architecture and Urban Planning, Pacific National University (PNU, Khabarovsk)

Andrey Bode – conservation architect, Ph.D. in Architecture, adviser of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (RAACS), director of ANO Traditsiya, Ass. Professor of the Department of Architecture, National Research Moscow State University of Civil Engineering (NR MGSU), leading researcher of the Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning (Department of Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation) (NIITIAG)

Aibike Bokachyova – Master of Technical Sciences, Lecturer, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Igor Bondarenko – Doctor of Architecture, professor, academician of the RAACS, chief researcher of the Department of History of Ancient and Medieval Architecture, NIITIAG, advisor of the Department of Basics of Architecture and Artistic Communication, NR MGSU

Inessa Brazhnikova – senior editor, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS (Irkutsk)

Alexei Buinov – Ass. Professor of the Department of Basics of Architecture and Artistic Communication, NR MGSU

Dmitry Bush – academician of the RAACS, people's architect of Russia, chief architect of the Arena Design Institute of Unique Structures (Moscow)

Zlata Gaevskaya – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Irina Gareeva – Doctor of Sociology, Ass. Professor, professor of the Higher School of Social and Political Sciences, PNU

Anastasia Garnaga – Ph.D. in Sociology, Ass. Professor at the Higher School of Architecture and Urban Planning, PNU

Ekaterina Glatolenkova – senior lecturer of the Higher School of Architecture and Urban Planning, PNU

Yulia Griber – Doctor of Cultural Studies, professor of Sociology and Philosophy Department, Director of «Color Lab», Smolensk State University

Anna Grigorieva – deputy director for international activity, ANO Vostoksibacademcenter (Irkutsk)

Elena Grigoryeva – academician of the RAACS, vice president of the Union of Architects of Russia (UAR), honored architect of the RF (Irkutsk)

Sergey Demkov – head of the architectural bureau IP Demkov, lecturer at Irkutsk National Research Technical University (INRTU), laureate of the Irkutsk Region Governor's Prize

Melania Dreval – student of the Department of Town Planning and Design of the School of Architecture, Design and Art, Don State Technical University (Rostov-on-Don)

Lyudmila Dyachkova – Doctor of Pedagogical Sciences, professor at the Higher School of Architecture and Urban Planning, Institute of Architecture, Construction and Design, PNU

Olga Zheleznyak – Ph.D. in Art History, adviser of the RAACS, professor of the Department of Design, Institute of Architecture, Construction and Design, INRTU

Olga Zinina – conservation architect, deputy director of ANO Traditsiya, senior lecturer of the Department of Architecture, NR MGSU, leading researcher of the NIITIAG

Andrei Ivanov – urbanist, researcher, professor of IAAM, lecturer at MARCH Architectural School (Moscow)

Ulan Ismagulov – Ph.D. doctoral student, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Marah Kazour – postgraduate student, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN, Syria)

Vladimir Korenev – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor, Dean of the Architectural Faculty, head of the Department of Architectural Environment Design, Tomsk State University of Architecture and Building (TSUAB)

Nikolai Kradin – Doctor of Architecture, corresponding member of the RAACS, honoured architect of Russia, professor at the Department of Architecture and Urban Planning, PNU (Khabarovsk)

Valentina Kurochkina – Ph.D. in Technical Sciences, Ass. Professor of the NR MGSU, Ass. Professor of the Department of Architecture and Restoration, RUDN

Konstantin Lidin – Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology, Ass. Professor of the Department of Management and Economics, National Institute for Higher Education (Minsk, Belarus)

Vasily Lisitsin – Ph.D. in Historical Sciences, Ass. Professor of the Department of Architectural Design, INRTU

Yana Lisitsina – Ph.D. in Historical Sciences, Ass. Professor at Irkutsk State University, member of the Union of Artists of Russia

Roman Malinovich – head of ANO Club of Young Architects (Irkutsk)

Najib Abdulkhaleq Mohsen Mohammed Al-Badwi – postgraduate student, RUDN (Yemen)

Ainash Naurzybayeva – professor of the Department of Design, T. Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts (Almaty, Kazakhstan)

Ekaterina Pugacheva – postgraduate student, lecturer at the Higher School of Architecture and Urban Planning, PNU

Alexander Rappaport – Ph.D. in Architecture, Doctor of Art History (Latvia)

Irina Savchenko – Doctor of Sociology, professor, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Sarah Sadykova – PH. D. in Architecture, professor, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Elena Sitnikova – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor of the Department of Reconstruction and Restoration of Architectural Heritage, TSUAB

Amedeo Schiattarella – Chairman, Schiattarella Associati (Rome, Italy)

Andrea Schiattarella – CEO, Schiattarella Associati (Rome, Italy)

Paola Schiattarella – Executive Partner, Schiattarella Associati (Rome, Italy)

Marina Tkacheva – Ph.D. in Philosophy, Ass. Professor, culturologist, editor of V. P. Sukachev Irkutsk Regional Museum of Fine Arts

Aliya Tolegen – Assistant Professor, Department of Design, T. Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts (Almaty, Kazakhstan)

Valeria Toporova – postgraduate student, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

Maria Fedorova – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor of the Department of Architecture, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

Ivan Khalil – Ph.D. in Architecture, senior lecturer, RUDN (Moscow)

Yelena Khvan – Ph.D. in Architecture, senior lecturer, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Anastasia Khotsanovich – student, Irkutsk National Research Technical University

Dmitry Tceluiko – Ph.D. in Architecture, adviser of the RAACS, Ass. Professor at the Higher School of Architecture and Urban Planning, PNU (Khabarovsk)

Anas Atef Shamaileh – Ass. Professor, Interior Design Department, Faculty of Art and Design, Applied Science Private University (Jordan)

Valeria Shein – Ass. Professor, Department of Town Planning and Design of the School of Architecture, Design and Art, Don State Technical University (Rostov-on-Don)

Anastasia Yustus – Ass. Professor, Industrial University of Tyumen

projectbaikal.com

project baikal | journal of architecture, design and urbanism

